

"Идут белые снега,
как по нитке скользят...
Жить и жить бы на свете,
но, наверно, нельзя"

Головцов Александр Леонтьевич,
родился 28 октября 1946 года в
городе Умань.

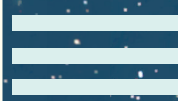
Окончил Ленинградский электро-
технический институт. Кандидат
технических наук. До 1991 года –
специалист по компьютерной обра-
ботке аэрокосмических изображе-
ний, после 1991 года – специалист
по выживанию в условиях всепо-
глощающего олигархического ка-
питализма.

Киевлянин, автор книг «Праздник
жизни – молодости годы», «Дом
пад парком», «Феномен Анцифе-
рова», «PRIMUS INTER PARES»,
«Чародей Рахманинов».

ISBN 978-966-288-231-5

9 789662 882315 >

PRIMUS INTER PARES

А. А. ГОЛОВЦОВ

А. А. ГОЛОВЦОВ

PRIMUS INTER PARES

*(О первых меж равных)
Книга Третья*

*Пассионарные
Мереценко*

*Памяти Александра Николаевича
Побегая – друга,
великого интеллектуала, духовно и
нравственно близкого мне человека,
соучаствовавшего в написании этой книги,
п о с в я щ а ю*

*О милых спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: их нет;
Но с благодарностью: были.
(Василий Андреевич Жуковский)*

А. Л. ГОЛОВЦОВ

PRIMUS INTER PARES

(О ПЕРВЫХ МЕЖ РАВНЫХ)

Книга третья

ПАССИОНАРНЫЕ ТЕРЕЩЕНКО

Киев, 2022

Предуведомление

Обращая своё заинтересованное внимание на ярких, неординарных представителей рода человеческого, некогда просиявших -прозвучавших в разнообразных сферах его бытия, последующие повествования о них, моих новоявленных литературных героях, непременно насыщаю историческими материалами о лицах, событиях, с которыми – прямо или косвенно, в большей или в меньшей степени – был увязан их жизненный путь. Полагаю, что таким расширенным толкованием темы, исполненным - в меру сил моих - достойным, мыслёмким русским словом, привлекаю к написанному мной тех любителей исторической книги, которые отдают предпочтение строгому олитературенному факту из прошлого, а не его писательскому обыгрыванию либо вымыслу по указанному поводу.

Отраженье исчезнувших лет,
Облегченье житейского ига.
Вечных истин немеркнувший свет —
Это книга. Да здравствует книга! ¹

На предварительное изучение и осмысление жизненного пути представителей замечательного рода Терещенко – сахарозаводчиков, видных меценатов, отметившихся на ниве образования, культуры, общественно-политической деятельности – положил немало трудов и разделил их со мной, в последние месяцы своей жизни, мой верный и надёжный друг, мне единосущный Александр Николаевич (для меня всегда – Саша) Побегай.

Был он человеком обаятельной душевной мягкости и особого чувства такта, человеком, смотревшим на мир, на жизнь мудрыми приветливыми глазами (и выше приложенное фото – одно из свидетельств тому). Интеллигентность, недюжинность свою подчёркивал, дополнял дальним умом, огромной широтой и глубиной воззрений, энциклопедической начитанностью.

Прекрасна жизнь его, и все стихии
В нём так соединились,
Что Природа могла б сказать:
«Он Человеком был!»
(Шекспир)

Дружба наша, дружба двух ровесников, имела сроку без малого полвека и начало её припало на годы нашей молодости; молодости, очаровательной в воспоминаниях, полных живым, радостным и трогательным; на время, когда высоко стояли понятия о справедливости, взаимопомощи и взаимоуважении, о чести и дружбе, когда жизнь держалась на крепком стержне социально справедливой системы, дававшей возможность доступно образовываться и профессионально самореализовываться всем, к тому стремившимся.

Судьба свела нас в совместной работе по внедрению в производство автоматизированной системы управления, в которой Саше – математику по университетскому образованию, - довелось создавать и отлаживать компьютерные программы, мне же, в полном соответствии со своей, в электротехническом институте

полученной специальностью, - дорабатывать компьютерную электронику. Работа эта, к слову, выполненная нами на ять и занявшая год длительных командировок, сблизила нас не только как равноуровневых специалистов, но и как духовно близких, интеллектуально интересных друг другу людей.

Всякую свободную минуту, на работе и после неё, мы заполняли разговорным общением, и в этом общении были всеядны – обсуждали, оценивали вопросы высоких материй, события из жизни страны, просто бытовые происшествия. В дни субботнего, воскресного досуга обходили-оббегали книжные магазины, самодеятельные книжные толкучки в поисках интересовавших нас книг, коими заполняли свои личные библиотеки, со временем ставшими весьма и весьма объёмными и содержательными.

Дружеские отношения наши, получившие столь мощный стартовый импульс, с годами усилились и стабилизировались. Они оставались прочными и осмысленными даже тогда, когда разошлись наши с Сашей деловые дороги. Более того, время постепенно кристаллизовало их из хорошего приятельствования в полновесную мужскую дружбу – сильную и значимую. Мои первые писательские опыты Саша одобрил и поощрил; все мои книги, по мере их выхода из печати, неизменно попадали в его библиотеку.

Так сложилось, что для меня, начавшего писать о меценатах Терещенко и регулярно обращавшегося к Саше за информацией по указанной теме, мой друг постепенно, шаг за шагом, превратился в доброго советчика и консультанта. Бесценны были его подсказки по истории Киева начала двадцатого века, об интересных событиях из жизни Первой мужской гимназии, в которой меж соучеников Михаила Терещенко были Константин Паустовский, Михаил Булгаков, Игорь Сикорский, Александр Вертинский, Николай Анциферов. Много - из малоизвестного и очень интересного – рассказал мне мой друг о поэтах поры Серебряного века, о дружбе Михаила Терещенко с Александром Блоком, о балерине Матильде Кшесинской, проходившей по ведомству Императорских театров, в котором Михаил Терещенко «отвечал за балет».

Чрезвычайно увлекательными были и наши с Сашей раскопки в исторических залежах переломных, предреволюционных и революционных событий начала прошлого века. Искательство это дало нам ворох интересных сведений, по сути своей - и во многом - существенно отличающихся от тех, к которым мы ранее были приучены. Среди них, в том числе, – и об отнюдь не рядовом участии в них последнего, из мной описываемых в книге Терещенко – Михаила Ивановича, о его участии в работе Временного правительства сначала министром финансов, затем – министром иностранных дел.

Много дал мне для написания этой книги мой чудный, незабвенный друг. Как ножом полоснуло меня известие о его уходе из жизни в марте 2021 года. Грустное, печальное осознание этой безвозвратной потери подтолкнуло меня описать свои добрые чувствования к замечательному человеку, жизнь мою обогатившему Александру Николаевичу Побегаяю, в предуведомлении к предлагаемой книге.

Природа-мать! когда б таких людей
Ты иногда не посылала миру,
Заглохла б нива жизни...
(Николай Алексеевич Некрасов)

Пролог

В ряд первых меж равных – конечно, в моём индивидуальном восприятии и оценке - род Терещенко попал благодаря сильным волевым и деловым качествам его первого яркого представителя, Артемия Яковлевича, составившего начальный капитал непростым, но привычным для украинского селянина чумакованием, в том числе, исключительно доходными поставками волами фуража в действующую армию в пору приснопамятной Крымской войны, в 1853 году вспыхнувшей.

Уже солидно округлившись капитал Артемий Яковлевич, вместе с приставленным к зародившемуся семейному делу старшим сыном Николой вложил в начавшее бурно развиваться производство сахара и весьма в этом деле преуспел, передав в наследство своему первенцу крепко и надёжно организованное дело, первенствующее положение в среде сахарозаводчиков России. Тот развил новое дело отца, приумножил темп и объём роста получаемой прибыли настолько, что её излишек и в немалом размере стал расходовать на благотворительность, став – не только по размеру жертвуемого капитала, но и сердечному зову - выдающимся меценатом.

Его сын, Иван Николович, продолжил сахарный бизнес и ему сопутствующее меценатство, но тяжёлая болезнь и последовавшая ранняя – в один год с отцом – смерть прервала все его добрые начинания.

Следующий в этой семейной линии отпрыск, сын отца Ивана и внук деда Николы, Михаил Иванович Терещенко получил прекрасное домашнее воспитание и по смерти родных благодетелей стал владельцем умопомрачительного, из многих миллионов рублей сложенного капитала. Жизнь свою он строил по своему усмотрению, ни в чём себе не отказывая. Некоторое время, без оплаты из казны своего труда, в дирекции Императорских театров отвечал (и не только административно) за его балетную часть. В эту же пору Серебряного века русской поэзии он сблизился со многими видными деятелями русской культуры, учредил (недолго, правда, пожившее) издательство «Сирия», сдружился с Александром Блоком.

Постепенно втягиваясь в политику, Михаил Терещенко стал играть в ней внешне не очень приметную, но всё же видную роль - настолько видную что после свержения династии Романовых во вновь образованном Временном правительстве он поначалу был министром финансов, а затем, вплоть до низложения «временных», министром иностранных дел.

Не только представители стволной ветви рода Терещенко проявили себя в истории, отметились на её скрижалях и другие яркие личности этого замечательного семейства. Так, Фёдор Фёдорович Терещенко, наряду со знаменитым Сикорским, одним из пионеров отечественного самолётостроения; Варвара Терещенко, в замужестве – Ханенко, вместе с супругом основали в Киеве картинную галерею, много сделали для накопления в ней лучших образцов мирового изобразительного искусства...

Высокая общественная суть и значимость рода Терещенко в ряду благотворителей и меценатов земли украинской отражена в девизе герба ими заслуженного дворянства, в коем было выписано - «Стремление к общественным делам». Эти высокие слова с делами не расходились – львиная доля доходов от хозяйственной, финансовой деятельности представителей этого замечательного семейства поступали в созданный

ими, их имя носивший филантропический Фонд, и использовались далее на общественные нужды.

Только в Киеве на средства помянутого Фонда – в неполном перечислении – во второй половине девятнадцатого века были построены две мужские (Четвёртая и Пятая) гимназии по улице Большой Васильковской, приют-училище для глухонемых на Малодорогожицкой улице, колония для малолетних преступников, женская гимназия на Покровской улице, школа при Борисоглебской церкви, Троицкий народный дом (ныне в нём - театр оперетты), дом трудолюбия по Гоголевской улице, Покровская церковь на Соломенке²

Значительные деньги выделили Терещенки на возведение Владимирского собора, были они (суммой в сто пятьдесят тысяч рублей) в числе инвесторов строительства в Киеве корпусов Политехнического института. В целом, только Николай Терещенко пожертвовал на нужды Киева два с половиной миллиона тогдашних рублей, что в переводе этих средств на сегодняшние деньги соответствует двум с половиной миллиардам гривен.

Необычайно широк и значителен был круг житейских интересов представителей этого замечательного семейства – торговля и сахарное производство, государственная служба и общественная деятельность, народное образование и здравоохранение, собирание древностей и художественных полотен, меценатство и благотворительность, а, кроме того, развитие музыки, литературы и даже авиации...

Раздел Первый. Становление пассионариев

Артемий Терещенко

Возвышение рода Терещенко как династии предпринимателей и филантропов началось с её первого пассионарного представителя Артемия Яковлевича, 1794 года рождения, выходца из козацко-крестьянского семейства, представители которого сумели в бурный переходной для Малороссии восемнадцатый век избежать закрепощения со стороны прибравшего к рукам земли и власть “значного” козачества, сохранить независимость членов своего рода, предприимчивый представитель которого – при им унаследованном малоденежье – силой характера, дарованных ему природой предпринимательских качеств смог заложить

крупную финансовую и производственную основу жизнедеятельности для себя, для своих потомков.

Начало своему предпринимательству сделал он, заурядный молодой человек, где-то в середине двадцатых годов девятнадцатого века, когда вместе с женой Ефросиньей Григорьевной (дочерью купца Григория Евстратовича Стесляевского) перебрался из родного села Локоть в уездный город Глухов, славный своим козацким прошлым. Известно, что в 1664 году укравшиеся в городе козаки вместе с горожанами выдержали мощный натиск польского войска; в нём в 1669 году были подписаны так называемые Глуховские статьи, определившие правовое положение Левобережной Украины в составе России. Здесь в период с 1708 года (после перехода Мазепы на сторону шведского короля Карла XII) и по 1764 год находилась гетманская резиденция, а после упразднения, в 1765 году, гетманства (и до 1782 года) город был центром вновь созданной Малороссийской губернии².

Ко времени проявления деловой активности Артемия Терещенко территория Украины – после окончательного раздела Польши в 1795 году – состояла из воссоединённых Левобережной и Правобережной частей, с преобладанием в первой новосоставившегося (из козацкой старшины) местного панства, а во второй панства ясновельможного, к которому центральная российская власть ещё долго проявляла полную лояльность (несколько умалившуюся после первого Польского восстания 1830 года и совсем угасшую после второго выступления польских инсургентов в 1860 году).

При всех этнических оттенках господствующих верхушек общества влияние её крепостнической сути на экономику государства было одинаково негативным. Не говоря о прожигающих жизнь, проедающих состояние представителях помещичьего дворянства, даже хозяйственно активные его представители не могли сделать прибыльными свои поместья латифундии – основанное на феодально-крепостнической системе сельское хозяйство было малопродуктивным, в земледелии господствовала отсталая экстенсивная по своему характеру трехпольная система севооборота.

И свой надел, и землю помещика крестьяне обрабатывали собственными примитивными орудиями труда, урожайность была низкая. В условиях роста товарно-денежных отношений требовалась максимальная товаризация хозяйства, что и пытались делать отдельные помещики, расширяя посевные площади, увеличивая в своих экономиках количество инвентаря, внедряя достижения агрономии и агротехники. Но базировалось всё это на подневольном труде и не могло дать результата, тем более, что эти панские эксперименты выливались для селян ещё большей интенсификацией их труда. У помещиков же не хватало капиталов на приобретение дорогостоящих технических новинок, а вольнонаёмных рабочих рук тогда вообще не было. Прежде всего, по этой причине дворянство пыталось сбыть неприбыльные излишки земель, что отразилось в данном правительством, в 1801 году, разрешении купечеству, мещанству и государственным крестьянам покупать землю, (но без крепостных поселян).

Кроме того, помещики, чьи долги нередко превышали их доходы, стремились отдавать под залог свои имения, иногда делая это – при выгодных государственных кредитах – по несколько раз. Известно, что в 1856 году почти четверть всего количества помещичьих имений и тридцать пять процентов крепостных в Малороссии были заложены и перезаложены (2) и общая сумма помещичьих долгов перевалила за восемь десятков миллионов рублей. Невыкупленные имения, вместе с крепостными, стали

продаваться на публичных торгах, переходя нередко в собственность предприимчивых купцов.

Капиталистические по своей сути отношения развивались и в крестьянских хозяйствах, энергичные и предприимчивые представители которых всё больше и больше превращались в предпринимателей в тех отраслях промышленности и торговли, которые были связаны с сельским хозяйством. С сороковых годов девятнадцатого столетия такие новоявленные промышленники сосредоточили в своих руках производство табака, сукна, канатов. В пятидесятых годах многие из них уже были собственниками предприятий с наёмными рабочими – винокурен, пивоварен, сахароварен, кирпичных заводов et cetera.

Именно такой путь судилось пройти Артемию Яковлевичу Терещенко. Поначалу устроился он приказчиком у одного из городских купцов, преуспел, поднакопил немного денег, позволивших ему вскоре открыть, вместе с женой, собственное дело. Супруги занялись торговлей “с воза” на рынках Глухова, других окрестных городов, давшей им уже существенный начальный капитал, достаточный для покупки магазина на Глуховском базаре. Дальше – больше. Накопленные оборотные средства позволили оформившемуся предпринимателю активно участвовать в ярмарочной торговле, в том числе на именных ежегодных ярмарках, заняться оптовой торговлей хлебом и лесом. Уже к середине сороковых годов Артемий Яковлевич Терещенко превратился в видного промышленника, одного из богатейших купцов Черниговщины, получившего за свою предпринимательскую хватку и деловую удачу прозвище “карбованец”.

Первые денежные накопления Артемий Яковлевич вложил в чумацкий соляной промысел, безусловно выгодный в то время уже по той причине, что после окончательного и бесповоротного присоединения Крыма к России, в 1783 году совершившегося, - после замирения внекрымских татарских орд и ногайцев, - ушли в прошлое налёты их неуправляемых ватаг на чумацкие караваны. Осталась одна беда, выкашивавшая время от времени ряды, энергичных негоциантов, - чума. От этого слова, как полагают некоторые исследователи, и произошло название представителей указанной торгово-транспортной корпорации; прежде, вступив в полные опасности причерноморские степи, передевались чумаки в рубахи, пропитанные дёгтем, защищавшие их (как они полагали) от этой беспощадной заразы.

Впрочем, есть мнение, что слово “чумак” происходит от слова “чум”, коим обозначался ковш, из которого перевозчики соли пили в пути воду. И ещё мнение – “чумак” по-татарски означает “перевозчик “. И, к слову, возивших соль из Галицкого края именовали коломи́йцями.

Перевозным средством чумакам служили «мажи», или «паровицы» — большие возы, крытые сверху от непогоды, запряженные неприхотливыми, выносливыми волами, по паре (или по две) в каждый воз. Глубокий полусферический, из липового кряжа изготовленный кузов таких возов выдерживал до шестидесяти пудов груза. Особенно тщательно для дальних переездов подбирали – толковостью бывалых чумаков – волов, от которых требовалась не скорость передвижения, а сила и выносливость. Была своя градация в оценке представителей этого рода транспорта – “бешкетником” называли вола с норовом, “кістяком” – худого, плохо откормленного вола, “гузком” – слабенького вола с маленькими рогами, “караманом” – вола чёрной масти, “кислицею” – упрямого вола, которого тяжело сдвинуть с места.

В начале весны (и так – до конца сентября) ездоки за солью группировали свои возы в длинные «валки» и взяв для дороги «харчи» — пшено, хлеб, сало, гречневую крупу и

необходимые кашеварные принадлежности, отправлялись в далекий путь. (Чтобы пристать к валке должно было иметь как минимум пять пар волов. Преуспевший чумаки имел одну и больше валок, общей численностью более двадцати возов.

Перед дорогой дальней (а также по возвращении) в семье чумака готовили торжественный обед, на который приглашались не только односельчане, но и жители близлежащих сёл. Старый чумаки – отец или дед - выносил из хаты “свячену” воду, кропил нею воз и волов, затем брал “сокиру” и бросал её перед волами; по тому, как она ляжет указующе на землю, определяли меру удачи предстоящего путешествия; вручали отъезжающему в дорогу живого петуха – вместо будильника. Провожали чумака из дому за село всем семейством – с обязательными плачем и причитаниями.

Выбравшись в степь, чумаки выбирали из своей среды «батька-отамана», человека опытного, бывалого, знавшего дорогу, умевшего предотвратить опасности. Он указывал путь, поднимал чумаков в дорогу, останавливал караван для отдыха, определял ночных и дневных сторожей, разбирали ссоры между «ватажками» и заботился о предотвращении внезапных нападений со стороны бродячих воров (харцызов) или степняков. Если последнее случалось, то чумаки выстраивали из своих возов - в форме каре - табор и, руководимые отаманом, отбивались от нападавших хищников «рушницами» и длинными «списами». Впрочем, за особую плату (“ралець”) для защиты чумацкого каравана можно было нанять запорожских козаков, коих бродячие грабители боялись безмерно.

Преодолев все препятствия, дойдя до ворот Перекопской башты, чумаки платили за каждую мажу «баштового» сбора по семьдесят копеек без различия величины возов, после чего въезжали в город, далее проезжали к одному из промысловых озёр (Перекопскому, Козловскому или Керченскому), где загружались солью, выплачивая в ханскую казну по пять рублей за воз пищевой поклажи. К слову, ещё – небольшим, правда, – источником приобретения соли для чумаков были гнилые озёра песчаной Кинбурской косы Днепровского лимана, находившиеся под контролем запорожских козаков.

Уже ближе к началу девятнадцатого века, отправляясь за солью в южные края, чумаки только ею не ограничивались: загружали для южан возы зерном, лесом, столь требуемыми в неплодородных причерноморских и приазовских землях, обратным ходом вывозили платёжеспособным землякам рыбу, меха, ткани, вино (конечно, не магометанского приготовления), пряности и прочие пищевые и вещевые раритеты.

Конечно же, Артемий Яковлевич Терещенко, как человек «заможный» и уважаемый обществом, самолично в чумацкие путешествия не хаживал, товар отвозили-привозили ему наёмные чумаки на его личных валках. Правда, первенец его, Никола, 19 октября 1819 года родившийся, по молодости лет в чумацких предприятиях активно участвовал – не только ради больших заработков, но и для набора делового опыта и острых впечатлений.

Существенный прирост капиталу семье Терещенко дала Крымская война, осенью 1853 года начавшаяся. С её началом слаженный деловой ансамбль отца и трио сыновей (с возможным участием в нём второго сына Фёдора, в 1832 году родившегося, и последыша Семёна, 1839 года рождения) энергично и весьма успешно потрудился по программе продовольственных и материально-технических поставок проторенным чумацким маршрутом на полуостров Крым. Выполняя – в качестве обязательной части программы – наложенную правительством на мирных сограждан южных губерний тягловую повинность, Терещенки одновременно и активно приступили к её «произвольной» части –

поставкам в действующую армию хлеба, фуража, амуниции, леса и (вполне вероятно) пороха и ядер с Шосткинского и Луганского заводов.

«Кому война, а кому и мать красна». Крымская война, ставшая национальным позором России, унижением для её армии, лицами интендантского «сословия» была использована для устройства грандиознейшей коррупционной схемы; она стала для них средством беззастенчивого обогащения «на крови», о чём, в частности, точно и ярко писал Евгений Викторович Тарле:

“Пороха не хватало, снаряды “опаздывали”, в бастионах царил полуголодный режим; воровство военного интендантства, при подозрительнейшем попустительстве Петербурга и кое-кого из генералов в самом Крыму дошло до гомерических размеров, которые даже русская интендантская служба не знала со времён кампании 1806 – 1807 гг. в Восточной Пруссии...”

*Деньги, отпускавшиеся миллионами, разворовывались по дороге и то, что доходило до роты, получалось с громадным опозданием. Между интендантом и полковым начальником установился невысказанный, но всем понятный договор: не требовать от интендантства фуража в натуре, и за это пользоваться выгодами от ненормально возвышаемых цен, кто как умеет и у кого насколько хватит совести”.*³

Можно предположить гипотетически, что отец и сын Терещенко, понимая подсознательно и сознательно неправость – по своей сути – завышения прибавочной стоимости в армейских поставках в условиях военного времени, как глубоко православные люди, не ради позагробного воздания, а из принципов высокой совестливости, решили по-своему гармонизировать свой житейский уклад – отдавать, присно и во веки веков, существенную часть своих доходов обществу, согражданам всех сословий через благотворительность и меценатство, бывших, к слову, неотъемлемой частью жизни наших православных пращуров ещё со времён Киевской Руси.

Речь о мечтах и нуждах часа
В устах людей – всегда прикраса,
И силен у души – любой, –
Стах наготы перед собой,
Страх истины нелицеприятной⁴

Известно, что святая равноапостольная княгиня Ольга одевала нагих, помогала вдовам, сиротам, нищим, прочим нуждающимся. Из летописи следует, что великий князь Владимир *“повелел всякому нищему и убогому приходить на двор князь и взимати всяку потребу, питьё и яденье, и от скотниц кунами”*¹⁵⁶. Владимир Мономах в им составленном “Поучении” научал сыновей: *“Всего же паче убогих не забывайте, но велико могущее по силе кормите и придавайте сироте, и вдовице оправдите сами, а не давайте сильным погубите человека”.* Позже, юродивые – как феномен старорусского православия – своей сознательно оскуднённой, убогой жизнью, демонстрируя подчёркнуто относительность земных благ, принимали милостыню лишь от истинно сострадательных людей, но не брали её у богачей, *“нажившихся неправдою.”*¹⁵⁶

Так называемые церковные Братства, начавшиеся образовываться в пятнадцатом веке на территории Западной Руси (тогда Литве подвластной), ещё называвшиеся Братствами любви или Братствами милосердия, защищая православие от агрессивного католичества (и им порождённого униатства), устраивали больницы, богадельни, ночлежные дома для сирых и немощных, для паломников. Такое Братство усердием и бескорыстием Елизаветы Васильевны Гулевич (Галшки Гулевичевой) было устроено в 1615 году в Киеве, на земле и строениях переданных ему благотворительницей. Просуществовало это Братство не далее восемнадцатого века, в документах которого нет о нём упоминаний.

Закругляя вышеприведённый пассаж, могу добавить к нему и сугубо личное суждение о том, что пращурьы наши, славяно-русы, возможно, на генетическом (или чисто этническом?) уровне заложили в лучшие образцы своего потомства, не культ материального благополучия, а, прежде всего, этическую норму земного бытия, предполагающую оправдание морального добра в мире и обличение морального зла, сочувствие к слабым и угнетённым, мирскую простоту и непритязательность *et cetera*.. (И ещё одно личное чувство – идейная вражда к Европейскому Западу, отвращение от его бытового уклада и социально-политического строя.)

С увеличением капитала за счёт ярмарочной торговли, чумакования, за счёт поставок в армию вкладывали их Терещенки в производство, с сельским хозяйством связанное, преимущественно с набиравшим вес и силу производством сахара, сделавших одними из богатейших людей Украины, прославивших их как благотворителей и меценатов.

Кратко об истории сахарного производства

Датой начала сахарной индустрии в России считается 14 марта 1718 года, когда царь Пётр I издал указ о начале строительства первого сахарного завода: «...*московскому купцу Павлу Вестову в Москве сахарный завод заводитъ своим коштом и в ту кампанию призывать ему, кого захочет, на что и дать ему из Мануфактурной Коллегии привилегию на десять лет и для оной фабрики вывозить ему из-за моря сахар-сырец, и в Москве из того готовить сахар и продавать свободно*»¹⁵⁷. Завод тот возводили по факту, не в Москве, как писано в указе, а в Санкт-Петербурге, и под руководством не московского купца, а лица голландского происхождения по имени Павел Вестов и по одной из версий совместно с немцем Еремеем Кизелем, а по второй в компании с Ачкиным. Сохранилась дата открытия фабрики, 14 июня 1720 года

Месторасположение завода было на Выборгской стороне, на берегу Большой Невки (между Выборгской набережной и Большим Сампсониевским проспектом), вблизи казенных пеньковых амбаров, оборудованных пристанью для причала кораблей, что позволяло производить эффективную доставку к мануфактуре сырья для производства сахара в виде заморского тростникового сахара-сырца. В 1739 году, место, где находился первый сахарный завод Вестова, был назван Сахарным переулком. Набережная застраивалась, но практически до конца XIX века на этом месте свои сахарные заводы строили и другие российские предприниматели. Что касается самой фабрики Вестова, то она к середине XIX века была реконструирована и работала до 1918 года (последним её владельцем был Кениг).

Эти заводы в марте 1746 года посещал гостивший в Петербурге Николай Данилович Ханенко, отметивший этот факт в своих знаменитых дневниках: «*18 марта. Графа Кирилла Григоріевича Розумовского поздравляли с тезоименитствомъ его. Отехали изъ*

*С.-Петербурха Марко Марковичъ, Петр Горленко и значковый Полтавскій. Были зъ Гудовичемъ на сахарных заводах...».*⁵

Стоимость привозного сырья была велика, потребительская ценность сахара неуклонно увеличивалась (в том числе, по причине стремительного распространения всенародной тяги к чаепитию), поэтому представители химической науки занялись поиском альтернативы сахарному тростнику и в деле этом преуспели.

Весной 1799 года профессор химии Московского университета Иоганн Яков Биндгейм обратился к императору Павлу I с запиской, в которой сообщил, что им найдена химическая схема получения кристаллического сахара из белой свеклы, позволяющая организовать промышленный выпуск «сладкой» продукции. В этом же году аналогичных результатов добились и академик Иоганн Тобиас Ловиц (к слову, первооткрыватель абсорбирующих свойств древесного угля), и Медицинская коллегия, выпустившая по этому случаю книгу «Способ заменить сахар домашними произведениями» и разославшая её по всем губерниям России.

Реакция сверху на эти инновации последовала с некоторой задержкой («притормозило» её убийство в марте 1800 года царствующего Павла I) и в сентябре этого же года по велению Александра I Правительствующий Сенат принял Закон «Об отводе в южных краях России желающим разводить свекельные плантации для делания сахара».

Производственные опыты по отработке технологии выпуска кристаллического сахара первым провёл – в своём подмосковном имении Никольском – Яков Степанович Есипов, далее заключивший договор с генералом Егором Ивановичем Бланкеннагелем договор о строительстве на паях крупного свеклосахарного завода в селе Алябьево Тульской губернии, что и было исполнено в 1802 году. Год спустя новатор Есипов построил (уже в своём имении свеклосахарный и свеклорафинадный заводы, организовал обучение специалистов сахарному производству, разработал для него первый экономический расчёт. После смерти Есипова, в 1805 году, его детище прекратило своё существование, но дело свеклосахарного производства получило свой производственный ход, поначалу неспешный, но равноускоряющийся. Первые положительные-технологические и производственные – опыты, льготные условия от правительства по возделыванию сахарной свеклы и строительству сахарных заводов, высокий уровень подготовки специалистов-сахарников привели к тому, что к году отмены крепостного права в России было четыре сотни сахарных заводов.

В последней ремарке приведённой выше «исторической справки» есть одно маленькое «но» - из впечатляющего числа сахарных заводов страны, действующих в начале 1861 года, большинство представляли собой небольшие поместные предприятия, что требует особого пояснения.

Первые сахарные заводы или, как их тогда называли в Малороссии, «цукроварни», появились как в великороссийских, так и в малороссийских губерниях в начале девятнадцатого века. Более того, в конце двадцатых годов в кругу крупных помещиков стало модным иметь свой сахарный заводик с примитивной организацией производства, ибо выращивание пшеницы, бывшее в то время основой помещичьего хозяйства, постепенно становилось убыточным, а выращивание сахарной свёклы с переработкой её в дефицитный сахар было делом прибыльным. Тема эта стала самой популярной в великосветских салонах и дворянских собраниях, о чём, в частности, писал Александр Сергеевич Пушкин:

«... Стих вяло тянется, холодный и туманный.
Усталый, с лирою я прекращаю спор,
Иду в гостиную; там слышу разговор
О близких выборах, о сахарном заводе;
Хозяйка хмурится в подобие погоде,
Стальными спицами проворно шевеля,
Иль про червонного гадает короля...»⁶

Сельскохозяйственные сахарные заводы служили подсобным производством помещичьего поместья наряду с другими отраслями сельского хозяйства (скотоводством, винокурением et cetera). Иногда такие заводы составляли основное предприятие, которому было подчинено всё помещичье хозяйство. Сельскохозяйственный тип завода возникал или на почве стремления повысить доходность хозяйства, или для использования продуктов и свободной рабочей силы. Такого рода заводы могли организовывать только помещики, располагавшие значительными свободными капиталами, их существование (до отмены крепостного права) поддерживалось бесплатным трудом крепостных, потреблением собственного сырья и топлива, местным рынком сбыта.

Так развивалось сахарное дело в Центральной России, по такой схеме шло его становление и в Малой России, куда постепенно – в благодатный климат и богатые земли – перемещался центр выращивания «цукрового буряка» и выработки на его основе сладкой продукции.

“ Широкі, широкі панські лани! Здається немає їм ні кінця, ні краю! Гень-гень, скільки око гляне, зеленіють панські буряки, хвилюють жита та ярини. Лани, лани! Хто вас сіє та засіває щороку? Де той велетень, який зожне оце море жита, який виконає та доведе до ума оцю силу буряків?..

Дівчата повагою вставали, чухмарились і розкуйовджені з остовпілими очима брались за сапи. Го, го, го! – реготав грім.

*– „ Ой дай, Боже, дощ
Тихий та хороший
На панові буряки,
Щоб поїли червяки,
Та на панів ліс,
Щоб взяв пана біс ” –*

заспівала весела дівчина на все горло. Тихо і нехотя підспівував з початку хор. Все дужче ставав холодний вітрець з заходу. Вище й вище підіймалась туча і почала закривати сонце. Обвіяв вітрець загорілі обличчя, піддав енергії полільницям, – і залунала пісня на весь лан безкрайї. Накликали дівчата дощ: –

*– „На панів овес,
Щоб погнив увесь;
На панів баитан,
Щоб сказився пан ”.*

– „Оце як заспівали, бодай ви на кутні заспівали! То вже не жди від вас роботи. От, Боже, Твоя воля свята, лихо з такими іродами” – бубонів панич, не

звертаючись ні до кого з дівчат, та все позирав на тучу. – Го, го, го! – гуркотів грім. Дзинь, дзинь...– дзвонять сапи об суху землю”⁷

Однако вскоре сахарный бум местного масштаба стал стихать, а энтузиазм первопроходцев сахароварения из среды помещиков – гаснуть. Маленькие примитивные заводи при имениях вместо ожидаемой прибыли стали приносить убытки. Да и саму свёклу тех времен с большой натяжкой можно было назвать сахарной - слишком мало сладкого вещества содержала она в себе. Закрытие данного типа сахарных заводов произошло в связи с освобождением крестьян по реформе 1861 года и строительством железных дорог.

В коммерческом типе сахарного завода на первый план выдвигалось промышленное предприятие. Оно приносило прибыль, значительно превышающую доход от всего поместья. Такой тип заводов преобладал в малороссийских губерниях. Возрастанию производительности труда в промышленном производстве дал технический переворот, начавшийся широким внедрением в сороковых годах нового машинного оборудования на сахарных заводах, в связи с чем резко увеличилось производство сахара, достигнув к концу пятидесятых годов более трёх миллионов пудов в один сезон. Часть машинного оборудования ввозилась из-за границы. В пятидесятых годах его импорт только через Одесский порт утроился, перевалил в стоимостном выражении за миллион рублей, число действующих сахарных заводов к этому времени зашло за две сотни.

Пионером масштабного сахароварения на малороссийской земле можно с уверенностью назвать графа Алексея Алексеевича Бобринского, 1800 года рождения, внука матушки Екатерины и её фаворита Григория Григорьевича Орлова. Получивший прекрасное домашнее и университетское образование, слыл граф интеллектуалом, был обворожителен в общении, энергичен и энтузиастичен, без раздумий брался за новые, его вдруг увлекавшие дела. Таковым, помимо прочих, стало для него производственный выпуск сахара, коим он занимался до истечения – в возрасте шестидесяти восьми лет -своего земного срока.

В начале тридцатых годов он обустроил в своём родовом имении, сельце Михайловское Тульской губернии большой (по тем временам) свеклосахарный завод, получая свекловицу у своих оброчных крестьян по выгодной для них цене в счёт оброка. Далее, перенеся – в конце тридцатых годов - свою деятельность в местечко Смелу, числившееся в собственности его супруги, граф Бобринский построил, в 1838 году, на новом месте свекло-рафинадный завод.

Развивая увлечшее его дело, Алексей Алексеевич Бобринский далее построил Балаклейский, Грушевский и Капитановский сахарные заводы, нарастил их производственный потенциал. Был он неутомимым пропагандистом свеклосахарного производства, а его заводы и плантации - своеобразными «школами передового опыта», в которых он охотно принимал всех желающих. На его сахарных производствах, до создания в России специализированного технологического института, обучались первые русские сахаротехники.⁹

Для покрытия потребности в кадрах организовал граф Бобринский собственные технические училища, выделял средства на образование рабочих его заводов. Так, при Смелянском имении было организовано трёхлетнее училище, ежегодно выпускавшее около тридцати учеников. При затратах на содержание одного ученика в восемнадцать рублей в год, ученик платил за год обучения только один рубль в год, ученики из бедных семей учились бесплатно

Соединив в одном лице ученого свекловода с прогрессивным промышленником-сахарозаводчиком, теоретиком и практиком, Бобринский всесторонне способствовал становлению свеклосахарного производства, обеспечил бесперебойные поставки его сладкой продукции, прежде всего, в Москву, на популярные малороссийские ярмарки.

Семья Терещенко в сахарном деле

Становление «сахарного дела», начавшееся на украинской земле усилиями первопроходца Бобринского, и подхваченное и продолженное семейным «кланом Терещенко» набрало силы в «поререформенную пору», в годы, после отмены в Российской империи – манифестом 19 февраля 1861 царя Александра II – крепостного права. Вдруг лишившиеся дармовой рабочей силы, прежде всего, малопоместные помещики, поэкспериментировав чуток со своим движимым и недвижимым имуществом в стремлении сделать его «оборотистым» и прибыльным, скоро оскудевали и продавали остатки своего «былого величия» энергичным, сметливым согражданам. Такую схему упадка старых владельцев помещичьих усадеб и становление их новых собственников ярко и точно описал замечательный русский писатель Сергей Николаевич Терпигорев:

*“В это же время и “рациональные хозяева” тоже закончили свои эксперименты и, подобно легкомысленным, почувствовали непреодолимую, даже извинительную потребность в отдыхе. Измученные вконец, они кому попало и почём попало продавали и отдавали в аренду свои Ивановки и Осинówki и бежали куда глаза глядят. Уныние, скука и мерзость запустения царствовали на нашей дворянской ниве...”*⁹

Совершившееся обезземеливание крестьян позволило сосредоточить огромные массивы земли в руках нескольких десятков родов, использовавших – в отличие от старых помещиков – наёмную рабочую силу, внедрявших в поначалу малоприбыльные производства новые технологии. Почти все свежие капиталисты, действовавшие в наших широтах «новые украинцы» той эпохи делали ставку на аграрную промышленность, хотя со временем стало расти количество миллионщиков, создавших капитал на машиностроении и добыче полезных ископаемых. (Еще более стремительное экономическое развитие южных губерний началось после активизации индустриализации, толчок к развитию которой дала железнодорожная реформа, а также внедрение паровых технологий в производстве, горнодобывающей промышленности.)

Возрастанию производительности труда в промышленном производстве Украины дал технический переворот, начавшийся широким внедрением в сороковых годах девятнадцатого столетия нового машинного оборудования на сахарных заводах, что резко увеличило выпуск сахара, достигнувшего к концу пятидесятих годов более трёх миллионов пудов в один сезон.

Строить свою сахарную империю Артемий Яковлевич Терещенко с сыновьями начал со скупки имущества обанкротившихся дворян Черниговской и Курской губерний, нарастив, в итоге, свой земельный банк до ста сорока тысяч десятин, используя его

земледельческую часть в первую очередь для выращивания сахарной свёклы. По мере наращивания объёмов капиталов и ухода лет передавал постепенно Артемий Яковлевич дела в руки своего первенца, своего alter ego Николы, уверенно и достойно продолжавшего семейное дело, наращивавшего капиталы и сахарное производство.

Первый небольшой сахарный завод у финансово состоятельных Терещенко появился в 1854 году, когда они в местечке Воронеж Глуховского уезда смонтировали привезённое из Варшавы оборудование для только созданного предприятия. В пореформенное время семейство начало арендовать и скупать помещичьи имения с сахароварнями в Черниговской и Курской губерниях. Наиболее удачными приобретениями стали владения (или часть владений) всемогущих Кочубеев в Хуторе Михайловском, где был ими сооружён мощный сахаро-рафинадный завод.²

Накапливали и развивали сахарное производство Терещенки и за пределами Малороссии, в Курской губернии. У графа Александра Ивановича Рибопьера, готовившегося к возвращению на историческую родину – Швейцарию, они откупили его землевладение (более восьми тысяч десятин), с находившимся на них – в селе Тёткино Рыльского уезда – небольшим сахарным заводиком. У Владимира Ивановича Барятинского (брата знаменитого покорителя Кавказа, Александра Ивановича Барятинского) взяли в аренду, с последовавшим выкупом, сахароварни в сёлах Крупец и Шалыгино.

Занятия многосложными производственными и коммерческими делами Артемий Яковлевич сочетал с основательной общественной деятельностью. На средства семьи Терещенко в городе Глухове были построены ремесленное училище, женская и мужская гимназии, учительский институт, банк, приют для сирот, Трёх-Анастасьевская церковь, бесплатная больница Св. Евфросинии в память о покойной супруге благотворителя. С 1842 года, в продолжении трёх лет Артемий Яковлевич возглавлял Глуховский магистрат в должности его бургомистра.

В 1846 году, как свидетельствовали современники, "одним из важнейших благотворительных дел было восстановление службы Трёх-Анастасьевской церкви. На содержание этой церкви он пожертвовал 4 тысячи рублей и был избран ее старостой". В 1862 году он, купец Первой гильдии, был избран почётным гражданином города Глухова. Его результативная деловая активность была отмечена золотой медалью «За усердие», а щедрая благотворительность – золотой медалью Священного Синода «За добрые деяния»⁸.

На Всероссийской выставке в 1870 году Артемий Яковлевич получил награду "за высокое качество муки и озимой пшеницы" и, по её завершении, указом Александра II был возведён в дворянство со всем потомством по мужской линии: "в ознаменование его особых заслуг, оказанных делу внедрения на Юго-Западном крае русского землевладения и в поощрение благотворительной деятельности его, возведено со всем нисходящим потомством по мужскому колену, в потомственное дворянство Российской империи". В этом же году глава семейства Терещенко отошёл от дел, передав их ведение старшему сыну и далее проживал на покое в родном Глухове, где и завеял дни свои в 1873 году.

Говоря о получении потомственного дворянства учредителя выдающегося семейного союза, граф Григорий Александрович Милорадович, в изданной им в 1901 году «Родословной книге Черниговского дворянства», сообщил, что дворянское звание Артемию Яковлевичу Терещенко было высочайше пожаловано за дела его старшего

сына, чем отметил факт делового лидерства Николая Артемиевича в семейном клане Терещенко, обозначившегося в пореформенные годы.

Став во главе семейного дела, Николай Артемиевич, сконцентрировал перешедшие к нему и братьям от отца капитал и производство, для чего в рубежном 1870 году создал с братьями «Товарищество свеклосахарных и рафинадных заводов братьев Терещенко» с учредительным капиталом в три миллиона золотых рублей (по миллиону от каждого из соучастников). На то время в распоряжении Товарищества было пять заводов, из которых два рафинадных, Михайловский и Тульский, были собственностью учредителей, а три были взяты в аренду – рафинадный Черкасский и сахарные - Воронежский (Глуховского уезда) и Крупецкий (Путивльского уезда). В Киеве правления и конторы сахарных заводов Товарищества находились на улице Гимназической, 5 (ныне – улица Леонтовича).

Нельзя утверждать, что братья главы Товарищества, помимо вложенных ими денежных средств, в делах новосозданного учреждения играли вторые роли, как нельзя отрицать и того, что первую партию в нём всё же вёл энергичный и неутомимый Никола Артемиевич Терещенко, повышая своей деятельностью прибыльность Товарищества и для себя, и для братьев. Впрочем, вложив в общее дело по миллиону рублей, каждый из соучредителей не только получал причитающиеся ему проценты от прибыли, но и оставался владельцем назначенного ему отцом земельного и производственного имущества, личного капитала.

Так, один из участников братского консорциума, младший сын Артемия, Семён, в памятном для семейства 1870 году перебрался на постоянное жительство в Курскую

губернию, где находились основные производственные мощности Товарищества – сахарные заводы в Тёткино, Крупце и Шалыгино, коими он напрямую не управлял, ибо известно, что находились они в прямом ведении Николы Артемиевича.

О самом Семёне Артемиевиче Терещенко известно, что, как и братья, он окончил Глуховское уездное училище; что женат он был на Олимпиаде Викторовне Велентей, родившей ему трёх сыновей - Константина, Николая, Сергея; что с 1866 года он возглавлял Глуховский городской банк, вплоть до отъезда в Курскую губернию, в родословную книгу которой он был занесён в 1871 году; что на новом месте жительства ему принадлежала безраздельно Глушковская суконная фабрика, им прекрасно управлявшаяся, под его началом модернизовавшаяся (при самом гуманном социальном обеспечении фабричного люда, при заметной благотворительности владельца фабрики по отношению к материально недостаточным трудящимся и согражданам).

Его первенец, Константин Семёнович Терещенко (1866 года рождения) унаследовал от отца Кульбакинское имение в Рьльском уезде Курской губернии. Взятое наследником во владение и в управление хозяйство специализировалось на полеводстве, огородничестве, свиноводстве, на разведении рабочих и чистопородных рысаков. Семья Константина Семёновича имела свой штат конюхов, богатые конюшни, отличные экипажи; её конный выезд считался одним из лучших в Российской империи.

Выстроенный Константином Сергеевичем винокуренный завод перерабатывал в высокоградусный питьевой продукт отходы Тёткинского сахарного завода. В усадебном комплексе доминировал двухэтажный господский дом с мощной красивой угловой башней, с требуемыми для комфортной жизни его собственников благами цивилизации:

водопроводом, электрической сетью, канализацией. Константин Семёнович помогал Кульбакинскому волостному управлению содержать больницу, школу, вносил пожертвования в Введенский храм села Кульбаки. Нуждающимся крестьянам он бесплатно отдавал в пользование скот, погорельцам заново выстраивал дома, не забывал о нуждах жителей окрестных деревень.

Кульбакинское имение юридически и практически было автономным и в то же время входило в монополию имений семьи Терещенко. Отчет о работе имения Константин Семенович сдавал в главную контору в Киеве.

Помянутый же выше Тёткинский сахарный завод, под рачительным правлением Николы Артемиевича Терещенко со временем разросся до комплекса предприятий на территории Теткинського имения, использовавших все новейшие достижения в области

свеклосахарной технологии. Беспристрастная статистика свидетельствует, что вырабатывали они в 1911 году более миллиона пудов сахара. Максимально механизированное производство – работали двадцать две паровые машины мощностью триста шестьдесят лошадиных сил - давало значительный выход сахарной продукции. Только в сутки здесь перерабатывалось почти шесть тысяч двенадцатипудовых берковцев свеклы, что – по статистике 1911 года – обеспечивало более миллиона тонн годового выхода сахара себестоимостью чуть больше полутора рублей. Рядом с сахарным производством был выстроен винокурный завод, сырьем для которого служили черная сахарная патока и зернопродукты. На территории имения находилась также крупчатая паровая мельница, чья продукция неоднократно удостоивалась золотых медалей на сельскохозяйственных и промышленных выставках в Париже, Москве, Нижнем Новгороде и Харькове⁸.

Здесь в 1893 году Николаем Терещенко был создан фонд помощи неимущим жителям в виде процентов с неприкосновенного банковского вклада в пятьдесят тысяч рублей.

Пособия предназначались наиболее нуждавшимся и достойным. Помощь оказывалась вдовам, сиротам, калекам, людям, понесшим убытки от падежа коров, угона лошадей; по особой статье расходов она выделялась на рождественские и пасхальные праздники

В селе Глушково Курской губернии, в 1882 году, Никола Артемьевич построил больницу, где бесплатную медицинскую помощь

получали около трёх тысяч человек; в городе Рыльске он открыл на свои средства начальное сельское и городское училища. (Третьим, оставшимся в личном владении Николы Терещенко предприятием, был Староостинский сахарный завод в Чигиринском уезде.)

Средний брат из семейного трио Терещенко, Фёдор Артемиевич, как производственник, в делах Товарищества участвовал продукцией Мартиновского сахарного завода Каневского уезда, а также заводов в Коровинце и Червонном, находившихся в Житомирском уезде Волынской губернии

Андрушевское имение того же Житомирского уезда было крупнейшим из числа имений Николая Артемиевича, в нём велось не только сельскохозяйственное и сахарное производства, но и действовала (для нужд последнего) опытно-селекционная база. Имение состояло из тринадцати экономий, в которых – в лучшие годы – работало до шести тысяч человек, использовались лучшие отечественные и зарубежные сельскохозяйственные машины. «Имение занимало 18860 десятин земли, из них пахотной было почти 60 %. Более одной трети - леса, сенокосы и сама усадьба. В имении применяли севообороты - от пятипольного до десятипольного. Использовались как органические, так и химические удобрения. Проблемами селекции сахарной свеклы занималась специальная лаборатория, строго следившая за посевным материалом. Корнеплоды с наличием сахара менее 15 % отбраковывались. Ежегодно в имении выращивали 250 тыс. пудов озимой пшеницы стоимостью 187 тыс. рублей. Пуд пшеницы обходился, таким образом, в 78 коп. Сахарной свеклы получали 24 млн пудов».

Большое внимание уделялось лесу, где в основном росли дубы. Возраст их в среднем был до 80 лет, что учитывалось при обороте рубки. Широко практиковались лесные питомники. Прибыль от лесов была не менее тридцати тысяч рублей в год.

. Тягловую силу составляли 1253 вола и 554 лошади общей стоимостью около 132 590 рублей. При имении действовала больница на двадцать две койки. Обслуживали ее два фельдшера. Лекарства отпускались бесплатно. Для обучения детей рабочих содержалась двухклассная школа. Всем сельским школам, входящим в состав имения, ежегодно выделялась дотация в сумме трех тысяч рублей каждой. Воспитание детей служащих осуществлялось за счет процентов с капитала, пожертвованного специально для этих целей Терещенко и составлявшего пятьдесят тысяч рублей.

Оценивая, в 1868 году, деловую активность Николая Терещенко в Черниговской губернии, видный русский экономист, выпускник киевского университета святого Владимира Юлий Эдуардович Янсон писал:

«Прежде Николай Артемиевич размещал свои капиталы в хлебных оборотах и занял почётное место в торговле. Теперь все его капиталы вложены преимущественно в сахарные заводы. Кроме пяти собственных заводов, что перерабатывают более полумиллиона берковцев свёклы, Н. Терещенко поддерживает своими капиталами деятельность большей части заводов этой губернии. Начиная с марта и апреля помещики-заводчики получают от него деньги, на которые работают с обязательством продавать сахар через фирму Терещенков с уступкой вместо процентов за взятый в кредит капитал 20 коп. против цен, что действуют в Москве, и выплатой 2% за комиссию, если сахар не будет куплен самой торговой фирмой. На капитал Терещенко много заводов не только работают, но и построены»¹⁵⁸.

В год создания семейного Товарищества Николай и Фёдор Терещенки перебрались из провинциального Глухова в Москву, намереваясь в первопрестольной устроить координационный центр своей сахарной империи. К переезду этому готовились заранее – обзавелись московской недвижимостью; известно также, что сыновья Николая Артемиевича, Иван и Александр, ещё в 1865 году поступили в московскую частную гимназию Франца Креймана, учившиего своих учеников по программе подготовки к поступлению в университеты; здесь же, дочь Николая Артемиевича, Варвара, старшая из его детей, нашла своего суженого, Богдана Ивановича Ханенко. Известно также, что на

новом месте жительства брата Терещенко, занимаясь производственными делами (годовая прибыль Товарищества по итогам 1872 года составила около четырёхсот тысяч рублей), не оставляли дел милосердных.

В 1875 году, после окончания сыновьями гимназии, Николай Терещенко (а вместе с ним и брат Фёдор) поменяли Москву на Киев, видя в матери городов русских более перспектив в части управления семейным бизнесом и его развития. Следует отметить, что учреждённое братьями Терещенко Товарищество было чисто семейным акционерным обществом, посторонние лица в него не входили, паи Товарищества на рынке ценных бумаг не появлялись, а были распределены между членами семейства. Братья-учредители стали и его первыми директорами, позже на директорство были поставлены сын и зять Николая Артемиевича – Александр Николаевич и Богдан Иванович Ханенко и к ним примкнувший сын курского отшельника – Константин Семёнович Терещенко.

Главное управление, руководившее делами Товарищества, после московского эпизода, разместилось окончательно в Киеве. Под его началом, в крупнейших городах Российской империи находились четырнадцать контор, ведавшие сбытом сахарной продукции, в том числе её поставками за рубеж. Для уменьшения стоимости экспортных операций в Одессе, в карантинной гавани был выстроен капитальный пакгауз и открыты два магазина.

С первых лет деятельности Товарищества его учредители получали колоссальные прибыли. Так, в 1872 – 1873 годах от шести сахарных заводов (в том числе трёх заводов Николая Терещенко) было получено 326 230 рублей чистой прибыли, а в 1880 – 1881 годах уже только от Михайловского и Тульского заводов – 346 940 рублей. В 1884 году в ведомости «Учёта прибыли и убытков Товарищества значилось: «Получено прибыли с 1 мая 1883 года по 1 сентября 1884 года – 738 849 руб. 74 коп.» Таким образом, в середине восьмидесятых годов братья Терещенко только от деятельности общего Товарищества получали около трёх четвертей миллионов рублей прибыли, но ведь ещё успешно работали и давали немалые прибыли сахарные заводы каждого из братьев⁸.

Впрочем, в середине восьмидесятых годов девятнадцатого столетия сахарная отрасль России пережила экономический кризис, вызванный уменьшением покупательной способности населения при высоких ценах на сахар, с переизбытком произведённого. Чтобы выстоять в конкурентной борьбе в возникшей ситуации Товарищество, как и прочие коллеги по капиталистическому классу, вынуждено было увеличить продолжительность рабочего дня, уменьшить зарплату трудящимся, заменяя требовательных к условиям труда жителей окрестных сёл нетребовательным к ним заходящим людом. В такой ситуации представитель Товарищества Рогозин, в частности, писал своим работодателям: «... Для найма работников отправил двух своих вербовщиков. Мне пишут из Воронежской губернии, что из-за неурожая на хлеб можно нанять работников за невысокую плату более чем 100 душ...»⁸

О производстве и положении производителей, трудившихся на Товарищество в некризисную пору можно судить по производственно-социальным параметрам рафинадного завода в Хуторе Михайловском, ежедневно перерабатывавшем десять тысяч пудов сахарного песка. На производстве были заняты шестьсот шестьдесят переработчиков сахара, работавших в три смены при скользящем графике труда, восьмичасовой рабочей смене и одним (воскресном) выходном дне. Месячная заработная плата составляла – от шести рублей для низкоквалифицированных рабочих и женщин до пятнадцати рублей у старост и бригадиров.

Кроме того, выплачивали ежемесячно пять рублей на пищевое довольствие, а сезонные (пришлые) работники ежедневно получали из общей кухни килограмм хлеба, четыреста грамм мяса, пятьдесят грамм сала и прочую снедь; при сахарном заводе имелось бесплатное трехлетнее народное училище на пятьдесят учеников, бесплатная больница на тридцать пять кроватей, чайная для рабочих, где ставили спектакли и организовывали разнообразные зрелищные представления.

По состоянию на 1900 год уставный капитал Товарищества достиг восьми миллионов рублей при товарообороте этого года в двенадцать миллионов рублей и выпуске сахарной продукции в количестве двух миллионов пудов сахара-песка и рафинада. К этому времени семейство Терещенко имело в своём распоряжении одиннадцать сахарных заводов – девять собственных и два арендованных, на которых производилось до десятой части общероссийского сахара.

Никола Терещенко и его семья

Удивительно доброжелателен, прост и обаятелен в межчеловеческих отношениях был Никола Артемиевич Терещенко, не раз и не два выручавший деньгами ближних, не решавшихся обратиться к нему за материальной помощью, но, тем не менее получавших её: *«Милостивый государь, не откажите мне в любезности выполнить мою просьбу – принять от меня эту сумму денег, которая, возможно, поможет Вам выйти из этого затруднительного положения, в которое Вы сегодня, волею судьбы, попали»*².

Можно только догадываться, из каких генетических глубин пришли к нему, бывшему чумаку и простому торговцу, получившему скромное начальное образование в провинциальном училище, замечательные качества истинно интеллигентного, нравственного, совестливого человека, могущего изысканным слогом русского языка излагать свои добрые намерения.

В 1846 году, как свидетельствовали современники, *"одним из важнейших благотворительных дел было восстановление службы Трёх-Анастасьевской церкви. На содержание этой церкви он пожертвовал 4 тысячи рублей и был избран ее старостой"*.⁸

В 1851 году он начал службу в Глуховском магистрате старшим бургомистром и избирался на эту должность три трехлетних срока подряд, директорствовал в Глуховском обществе попечительства о тюрьмах, несколько раз избирался городским головой не только родного Глухова, но и далёкого Рыльска, был мировым судьей. Одновременно он выполнял обязанности главного губернатора земского собрания, члена земской управы Глухова и более двух десятков лет стоял во главе глуховского самоуправления.

Общественную деятельность на малой родине Никола Артемиевич подкреплял благотворительными делами – помощью детским приютам, городской больнице. В Глухове на его средства и пожертвования были построены мужская и женская гимназии, ремесленное училище, пансион для гимназистов, детский приют, городское училище, городская больница, учительский институт со службами, уездный банк, Трёх-Анастасиевский собор, ряд частных жилых домов. 21 сентября 1874 года состоялось

официальное открытие учительского института, старейшего педагогического вуза на украинской земле и поныне действующего.

В Глухове составил семейный союз Николая Арсениевича Терещенко и Пелагеи Георгиевны Беловской, здесь у прекрасной супружеской пары появились на белый свет шестеро детей: дочь Варвара (в 1852 году), сыновья Иван (в 1854 году) и Александр (в 1856 году), дочери Мария (в 1859 году), Ольга (в 1862 году) и Ефросиния (в

1869 году).

Переехав в Киев, в 1875 году, Никола Артемиевич с домочадцами поселился в особняке по Бибиковскому бульвару, 12, приобретённом главой семейства у Павла Павловича Демидова (он же, с 1872 года, – князь Сан-Донато), отказавшегося повторно баллотироваться в городские головы и переехавшего в Петербург. По заказу нового владельца двухэтажное с улицы и трехэтажное со двора здание было перестроено по проекту архитектора Ромуальда Григорьевича Густановского, превратившего здание в роскошное палаццо ренессансного стиля, с гербом семьи Терещенко над парадным входом.

Вместо проезда во двор появился парадный вестибюль с роскошными трехмаршевыми лестницами из белого гранита и четырьмя колоннами из темно-зеленого гранита, поддерживающими потолок между первым и вторым маршами, с зеркалами, бронзовыми торшерами и люстрой. Плафон над лестничной частью расписал живописными панно по мотивам древнерусских былин художник (символист и мистик)

Вильгельм Александрович Котарбинский, соавтор фресковой росписи Владимирского собора.

Второй этаж обратился в анфиладу парадных залов, стены которых были расписаны альфрейными орнаментами или обиты такой же тканью, что и находившаяся там мебель. Печи и камин украшали росписи, а потолки – богатая лепнина, фрески. Искусно выложенный паркетный пол из ценных пород дерева подчёркивал изысканность дворца.

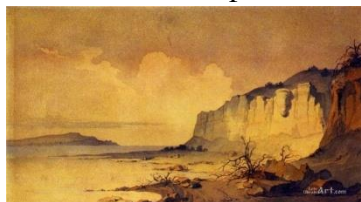
В парадных залах особняка Никола Артемьевич разместил свою художественную коллекцию, собирать которую он начал ещё в Глухове. Старые фотографии интерьеров дома свидетельствуют, что в зарождающейся семейной галерее Терещенко были полотна Ивана Константиновича Айвазовского, Ивана Ивановича Шишкина, Ильи Ефимовича Репина, Василия Васильевича Верещагина, а также шевченковские офорты «Выдубицкий монастырь» (1843 год), «Костел в Киеве», (1846 год), «Крутой берег Аральского моря», «Казахский мальчик дремлет у печки», «Казах на коне» (все 1848-1849 года).

Долгой и непростой истории коллекции шевченковских рисовальных раритетов из коллекции Николая Терещенко время и судьба дали счастливое, на сегодняшний день, завершение. После войны, вернувшись из эвакуации, они разместились в им близком здании, ставшим - с июня 1948 года – Государственным музеем Тараса Григорьевича Шевченко.

Из офортов нашего разностороннего классика автору этих строк особенно близок и понятен пейзаж берега Аральского моря, который наблюдал, временем видоизменённый, в 1970 – 1972 годах, когда в звании лейтенанта-инженера служил

в воинской части ракетных войск стратегического назначения, имевшей открытое наименование «Аральск-б». На шевченковском обрыве и на берегу моря (точнее – его лагуны) был устроен испытательный радиолокационный полигон по отработке навыков выявления летящих ракет условного противника и определения их типов. Морское побережье и верх обрыва соединяла в нём прорытая пологая дорога.

В своей идентификации шевченковского офорта вполне уверен, поскольку за

два года воинской службы достаточно хорошо изучил примыкающее к Аральску взморье и могу засвидетельствовать, что изображённый художником обрыв в тех местах – единственный.

Тем более, что параметры испытательного полигона предполагали при обширной морской глади узкую прибрежную полосу с нависающим над ней крутым обрывом, и такое сочетание военные строители нашли только вблизи города Аральска. Впрочем, заинтересованный читатель более подробно с обстоятельствами моего бытия в условиях песчано-глинистой пустыни Приаралья может познакомиться в одном из разделов моей книги «Праздник жизни – молодости годы».

По издавна установившемуся обычаю Никола Артемиевич в четыре часа утра был уже на ногах, пил кофей, начинал принимать подчинённых (благо, конторы ему принадлежащих заводов размещались под крышей его особняка), после девяти часов решал накопившиеся вопросы, делал деловые выезды; послеобеденное время проводил в кругу семьи, в девять часов вечера отправлялся на покой.

Повторяя слова одного из героев прекрасного фильма, в расписании дня Николы Артемьевича был запланирован подвиг – чуть не ежедневно упражнял он себя в делах для сирых и убогих, содействовал народному просвещению, городскому благоустройству (к примеру, вложил он значительную сумму и в устройство киевской канализации).

Число такого рода нравственных движений души этого изумительного человека, кажется, невозможно сосчитать. Он самолично финансировал крупные филантропические проекты, соучаствовал в них – вместе с другими киевскими благодетелями - крупным финансовым спонсором, реализовывал их вместе с членами своего щедрого, бескорыстного семейства.

После русско-турецкой войны 1878 года Главное управление Красного Креста России предложило создать в крупных городах империи общества сестёр милосердия и обеспечить их деятельность. В Киеве такое общество было организовано и начало свою деятельность в 1880 году в Александровской больнице, а с 1 июля 1881 года перешло в специально нанятое помещение на углу Большой Васильковской и Жилянской улиц. В это же время был поставлен вопрос о строительстве для Общества собственных помещений, решить который взялся Никола Артемиевич Терещенко, выделивший денежные средства как на приобретение земельного участка по улице Жандармской, так и на само строительство.

В 1883 году, по проекту академика архитектуры Виктора Ивановича Сычугова и военного инженера Вадима Петровича Катеринича были выстроены два здания, в которых разместилось само Общество, амбулатория, аптека и лечебница на двенадцать коек. В феврале 1885 года Киевское общество сестёр милосердия было взято под покровительство императрицы с присвоением ему наименования «Мариинской». (Позже, в 1888 году улица

Жандармская, на которой располагалось Общество, была переименовано в Мариинско-Благовещенскую, позже переназначенную в улицу Саксаганского.)

В январе 1884 года, на Подоле, было открыто амбулаторное отделение, в котором на средства Николая Терещенко (шесть тысяч рублей) содержались три койки. Средства на её содержание в течение первых пяти лет, выделял Фёдор Артемиевич Терещенко, а затем, в течение десяти лет, – его старший брат (в размере шестисот рублей в год). Поначалу Подольская амбулатория размещалась на улице Покровской, в флигеле усадьбы Михаила Парфентьевича Дегтярёва, позже она переехала в собственное здание по Хоревой улице, выстроенное на средства неистощимого на благотворительность Николая Терещенко.

Дальше – больше. В 1886 году Никола Артемиевич выделил тридцать тысяч рублей на строительство больницы для преимущественно хирургических больных, введённой в строй три года спустя. Больница имела восемнадцать бесплатных коек и три с оплатой лечения от десяти до двадцати рублей в месяц. До 1890 года врачебную помощь, без какого-либо вознаграждения за труды свои, оказывали врачи-основатели, в числе которых был известный клиницист профессор Евгений Иванович Афанасьев. От было установленной в 1890 году платы в пять копеек за рецепт уже через год отказались – Никола Артемиевич передал больнице двадцать тысяч рублей на финансирование этой услуги и ежегодно рефинансировал её суммой в восемьсот рублей.

Ночлежный дом.

В 1885 году он выделил шестьдесят тысяч рублей на строительство ночлежного дома по улице Бассейной, 16, рассчитанного приютить до полутысячи человек, нуждающихся в крове. В зимние морозные дни в этом доме, выстроенном по проекту архитектора Николаева, размещали и до шестисот человек, на первом этаже – женщин, на втором и третьем – мужчин. Содержание этого заведения обходилось Терещенко в более чем шестьдесят тысяч рублей ежегодно. В советские времена на протяжении нескольких десятилетий в этом доме находился родильный дом, в котором на свет появились тысячи киевлян. Этот перешагнувший столетний рубеж дом был еще достаточно крепким сооружением и длительное время мог бы еще служить примером для подражания, памятником благотворительности и милосердия, но был снесен в течение двух дней в июне 1996 года при реконструкции улицы Бассейной (чтобы проложить рельсы трамвайного маршрута, который вскоре отменили).

В декабре 1890 года Никола Артемиевич и Пелагея Георгиевна Терещенки, поддержанные городскими купцами и благотворителями Михаилом Парфентьевичем Дегтярёвым и Николаем Фаддеевичем Поповым, объявили о намерении построить на свои средства лечебное заведение для малоимущих сограждан. По просьбе Никола Артемиевич-а решение организационных вопросов новостройки взял на себя профессор университета святого Владимира Евгений Иванович Афанасьев. Возглавленная им комиссия из нескольких вариантов участка под застройку отдала-а предпочтение участку площадью в три гектара, расположенному у Кадетского шоссе,

рядом с казармами Бендерского полка. В мае 1891 года Городская Дума бесплатно отвела эту землю под затеянное строительство, проект которого разработал архитектор Владимир Николаевич Николаев.

Подряд на строительные работы выиграл Лазарь Павлович Чернояр, предъявивший комиссии Городской Думы точно к намеченному сроку – 15 июня 1893 года – здание лечебницы, с входившими в её состав двухэтажным главным корпусом, чьи палаты были выложены паркетом, с домом для врачей и персонала, с котельной, часовней, хозяйственными помещениями.

В конце января 1894 года новое лечебное заведение, получившее по высочайшему указу от 17 декабря 1893 года официальное наименование «Бесплатная больница цесаревича Николая для чернорабочих», было торжественно освящено. На строительство и оснащение больницы Никола Артемиевич Терещенко израсходовал сто тридцать семь тысяч рублей и еще дал от себя и Пелагеи Георгиевны пятьдесят тысяч. на содержание. В неприкосновенный капитал также внесли по двадцать пять тысяч. Михаил Парфентьевич Дегтерёв и Николай Фаддеевич Попов, по пять тысяч – Евгений Иванович Афанасьев и Михаил Львович. Решниц.

В последующие годы Терещенко пожертвовал на расширение больницы еще около ста тысяч рублей. Благодаря этим средствам дополнительно были построены отдельные корпуса для тифозных больных, пациентов с инфекционными и хроническими заболеваниями, а также аптека. В 1901 году в передней части усадьбы по Кадетскому шоссе было возведено по проекту Михаила Григорьевича Артынова трехэтажное здание амбулатории.

Кроме затрат на строительство Никола Артемиевич Терещенко добавил около двухсот тысяч рублей на содержание больницы и учредил особый фонд имени Пелагеи Георгиевны Терещенко в сумме двадцати тысяч рублей. Проценты с него шли на пособие выздоравливающим, которое они получали при выписке. За огромный вклад в народное здравоохранение Киевская городская дума ходатайствовала о присвоении Николе Артемиевичу Терещенко звания почетного гражданина города Киева, которое – указом от 29 октября 1892 года - император Александр III утвердил.

Делами больницы управлял общественный комитет – поначалу под председательством Николы Артемиевича, далее возглавляла его невестка, Елизавета Владимировна Терещенко – вдова Александра Николовича, членами комитета были Ефросинья Николовна и ее муж, доктор Владимир Никитич Сахновский, муж старшей дочери Варвары Николовны – Богдан Иванович Ханенко.

В годы первой мировой войны они за свой счет содержали в корпусах больницы лазарет на сто двадцать пять коек. В 1921 году пациентами бывшей больницы для чернорабочих стали дети, а через восемь лет на ее базе начал работать Институт педиатрии, акушерства и гинекологии. В 1978 году он получил другое помещение, а его место заняла детская специализированная клиническая больница, ныне именуемая Национальной детской специализированной больницей «ОХМАТДЕТ».

Так описывалась эта лечебница в Памятных книжках Киевской губернии за 1901 год:

Бесплатная больница ЦЕСАРЕВИЧА НИКОЛАЯ для чернорабочихъ, на Шулявкѣ по Кадетскому шоссе, № 24. Телефонъ № 292, приёмъ больныхъ отъ 8 до 12 час. дня. Главный врачъ прив.-доц. док. мед. Ал-андръ Ипполит. **Костневичъ**, при больницѣ, приёмный покой по Большой-Подвальной улицѣ въ домѣ № 25; приёмъ больныхъ по пон. сред. и нит. отъ 4 до 5 ч. Палатные врачи: Серг. Яковл. **Мостовъ**, Ник. Пик. **Лампенко**, Бор. Мих. **Воробьевъ**, Каз. Мих. **Домбровский**, здан. больн. Сверхшт. ор. ин. Валент. Конст. **Шемельфеникъ**, Пушкинская № 9. Консультантъ по хирургій прив.-доц. докт. медиц. Кирилль Мих. **Салѣжко**, Пушкинская № 8. По женскимъ больн. прив.-доц. докт. медиц. Мих. Ал-андр. **Воскресенскій**, Пестеровская № 25, приёмный покой Тимофеевская № 14, отъ 10 до 12 бесплатно. Врачи экстерны: Влад. Мих. **Воробьевъ**, Ивановская № 20, Дим. Иги. **Волковъ**, Библиковскій бульваръ № 11, Григ. Ал-андр. **Севъ**, Б.-Васильковская № 33, Ал-андръ Леонид. **Радковскій**, Дмитриевская № 22, Ант. Викт. **Сергій**, Златоустовская № 25. Смотритель Алексѣй Иванов. **Ивановъ**. Счетоводъ и писмоводитель Лавр. Иван. **Случановскій**.

В июне 1896 года в Киеве было образовано «Общество распространения коммерческого образования», учредителями которого выступили, помимо Николая Артемиевича Терещенко, видные киевские купцы и предприниматели Яков Николаевич Бернер, Михаил Парфентьевич Дегтерёв, Семён Семёнович Могилевцев, Николай Иванович Чоколов. Избранный председателем этого образовательного сообщества Терещенко, по причине преклонных лет своих, от возложенных на него руководящих функций вскоре отказался, перепоручив их своему зятю Богдану Ивановичу Ханенко, пожертвовав Обществу в качестве неприкосновенного капитала сто тысяч рублей при условии, что проценты с них будут расходоваться на содержание торговых классов.

Для создания задуманной Обществом торговой школы городская дума выделила (на углу Константиновской и Хоревой улиц, дом 9/6) двухэтажное здание постройки 1820 года, потребовавшее основательного ремонта, на который Николай Артемиевич выделил ещё десять тысяч рублей. Торговая школа, долженствовавшая готовить учащихся к службе в торгово-промышленных учреждениях и ведению коммерческих дел в небольших торговых заведениях, открылась в ноябре 1897 года.

На обучение в школу принимались дети всех сословий и вероисповеданий (с ограничениями для детей «еврейского закона», количество которых не должно было превышать десяти процентов общей численности, при условии, что их родителям было дозволено жительство в Киеве).

В подготовительный класс брали детей не моложе одиннадцати лет, в первый – в пределах возраста от двенадцати (но не более пятнадцати) лет дети, имевшие двухклассное сельское училище или выдержавшие вступительный экзамен.

В школе преподавались Закон Божий, русский язык, бухгалтерия, основы торгового и промышленного законодательства, коммерческая арифметика с необходимыми сведениями по алгебре, основы геометрии, отечественная история, коммерческая география России, бухгалтерская и коммерческая корреспонденция, сведения о товарах

местного торгового района, каллиграфия. Сверх того как необязательные предметы за особую плату могли преподаваться иностранные языки, пение и гимнастика. Учебный год продолжался с середины августа по начало следующего лета, выходными были воскресные и праздничные дни, вся Страстная неделя и неделя после Святой Пасхи плюс рождественские каникулы.

Касательно воинской повинности, выпускники школы пользовались льготами, предоставленными выпускникам учебных заведений третьего разряда. Кроме того, они - после десяти лет службы в торговых или промышленных учреждениях конторщиками, приказчиками, бухгалтерами *et cetera* – могли получить звание почётного гражданина.

В Обществу распространения коммерческого образования Николая Артемиевича Терещенко киевская общественность «вернула» 14 октября 1899 года, в день восьмидесятилетнего юбилея этой изумительной личности, когда, отмечая заслуги юбиляра, его избрали почетным председателем Общества, а его имя присвоили мужской трехклассной торговой школе и торговым классам, где обучались лица всех возрастов, уже имевшие начальные коммерческие познания. Тогда же и улицу Алексеевскую, где жили члены семьи Терещенко, переименовали в Терещенковскую (в 1919—1955 годах она носила имя Чудновского, в 1955—1992 годах значилась как улица Репина).

В начале января 1899 года, на Подоле, в том же здании, что и мужская коммерческая школа, с повторением её устава и программы обучения, открылась первая в Российской империи женская трехклассная торговая школа. И так же, как и на мужскую коммерческую школу, на содержание её «женского варианта» Никола Артемиевич пожертвовал сто тысяч рублей, назвав их неприкосновенным капиталом имени Пелагеи Георгиевны Терещенко, выделив одновременно пятьдесят тысяч рублей на строительство отдельного женского корпуса на Бульваро-Кудрявской улице.

В сентябре 1902 года женская торговая школа переехала в новое, только ей принадлежащее здание. В нём, выстроенном подрядчиком Львом Борисовичем Гинзбургом по проекту Павла Ивановича

Голландского, первый этаж занимали канцелярия, рабочие комнаты для учителей, квартира инспектора школы; на втором этаже находились четыре классные комнаты, библиотека, актовый зал. (На строительство этого педагогического чуда Никола Артемиевич израсходовал более семидесяти тысяч рублей при общих его затратах на нужды Общества в триста тридцать тысяч рублей и каждое новое пожертвование

сопровождалось лишь одним условием: «Предоставление возможности получить образование детям беднейшего населения Киева».)

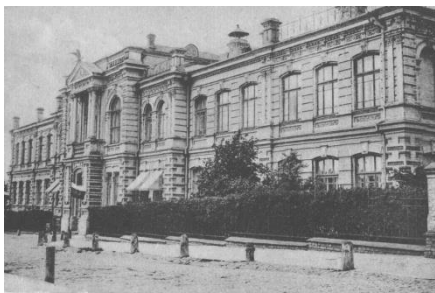
С неприкосновенного капитала имени Пелагеи Георгиевны Терещенко для учениц школы установили семь поощрительных стипендий, Киевское русское купеческое собрание (в память столетнего пушкинского юбилея, отмечавшегося в 1899 году назначило три таких стипендии, жена киевского купца Мария Илияш выделила средства на две стипендии.

Делами школы управлял дамский комитет. В 1908 году в его состав входили дочери Пелагеи Георгиевны и Николая Артемьевича — Мария Иващенко, Ефросиния Сахновская, Варвара Ханенко и Ольга Терещенко, их невестки — Елизавета и Надежда Владимировны Терещенко (Хлоповы) и Елизавета Михайловна Терещенко (Саранчева); председательствовал в попечительском совете Богдан Иванович Ханенко.

Обе терещенковские торговые школы принимали участие, в составе отдела министерства торговли и промышленности, в проходившей в Киеве Всероссийской сельскохозяйственной и промышленной выставке 1913 года. В итоговом «Альбоме», ставшем официальным изданием Выставочного комитета, о стенде женской школы говорилось:

«Школа выставила свои отчеты и диаграммы, из которых видно, что главный % учащихся составляют дети крестьян (42), затем — мещан (41); по вероисповеданию — православных 75%, иудеев 8%, католичек 13%. Из работ учениц выставлены были работы по алгебре, бухгалтерии, коммерческой арифметике, каллиграфии, русскому и немецкому языкам, арифметике и геометрии. Особого внимания заслуживали работы учениц по рукоделию. Здесь же были снимки и образцы гимнастического костюма и туфель, употребляемых ученицами во время гимнастики, которая преподается по особой программе. Школа состоит из трех основных и одного подготовительного классов и помещается в собственном доме. В школе ведется преподавание домоводства. Педагогический персонал состоит из 15 лиц (6 мужчин и 9 женщин)».

В 1914 году предполагалась надстройка третьего этажа здания женской школы, но начавшаяся Первая мировая война строительные планы поломала - в школе разместился рассчитанный на сто двадцать коек 3-й Георгиевский этапный госпиталь им. Муравьевых-Апостолов-Коробьиных — наследников Федора Артемьевича Терещенко по его дочери Надежде. С 1923 года здесь последовательно располагались Первые социально-экономические курсы, торговая профшкола, кооперативный техникум с прибавлением к

нему с улицы Энгельса (прежде и ныне - Лютеранской) немецкой средней школы, органично и беспрепятственно перестроившуюся в годы фашистской оккупации в школу для детей фольксдойче. Ныне здесь – Киевский педагогический университет имени Бориса Гринченко.

Участвовал финансово Никола Артемиевич на компаньонских началах в постройке двух киевских гимназий. Четвёртая гимназия, основанная в 1883 году, некоторое время нанимала дом на углу Бибиковского бульвара и Пироговской улицы (ныне – здание Педагогического университета имени Михаила Драгоманова).

Собственное здание для неё было выстроено в 1897 году по проекту архитектора Николая Чекмарёва в городском районе, тогда именовавшимся Новое Строеие, где прежде проводились традиционные конские ярмарки (ныне – улица Большая Васильковская, 96). Здесь учился (но не доучился) знаменитый Александр Вертинский, прежде выставленный из Первой гимназии. На противоположной стороне улицы располагался костёл, что привлекало в Четвёртую гимназию учеников-поляков, в числе которых был будущий писатель Ярослав Ивашкевич. В

1920 году гимназическое здание сожгли как раз интервенты-поляки; позже его восстановили под школу; ныне оно занято ведомственным учебным заведением⁸.

Пятая гимназия называлась также «Печерской» по месту своего расположения (на улице Суворова,1). Её основали в том же 1885 году и год спустя было уже готово её здание, выстроенное - с элементами «русского стиля» - по проекту всё того же архитектора Николая Чекмарёва. Здесь учились будущие кинорежиссёр Григорий Козинцев и писатель Марк Алданов (Ландау). В послевоенные года в здании гимназии разместился автодорожный институт, для которого исходный корпус капитально реконструировали и надстроили, изменив его до неузнаваемости. Единственной приметой старины остался небольшой бюстик Пушкина, установленный перед гимназией в 1899 году на средства преподавателей и учеников в честь столетия со дня рождения поэта.

Дом трудолюбия по Кадетскому переулку (с 1902 года – улица Гоголевская) строился с 1894 по 1896 год на средства Николая Артемиевича Терещенко и другого киевского благотворителя, Захария Мировича. Спроектировали здание киевские архитекторы Николая Николаевича Казанский и Геннадий Михайлович Антоновский. В такого рода благотворительных учреждениях, устраивавшихся во многих крупных городах России, малообеспеченные (а то – и просто нищенствующие) горожане получали несложную, скромно оплачивавшуюся работу (швейную, переплётную, изготовление чулков, кульков) и дешёвый кров. В советское время здесь, на улице Гоголевской располагались художественно-индустриальная профшкола, техникум, далее здание переоборудовали под квартиры.

Благотворительная деятельность в части призрения малоимущих, неимущих, хворых и убогих, преклонного возраста сограждан, воспитания и обучения их малолетней поросли в Российской империи, связанная с именем императрицы Марии Фёдоровны (супруги Павла I), набравшее силы и веса в первые десятилетия девятнадцатого века, по кончине её державной зачинательницы, сыном её – императором Николаем I – была официально оформлена как «Ведомство учреждений Императрицы Марии Фёдоровны», а вошедшие (и вновь входящие) в него состав региональные подразделения стали именоваться «мариинскими».

Одно из них – Мариинский детский приют был создан в 1845 году, в Киеве, усердием графини Анны и давал кров и заботу двадцати малолетним киевлянам из

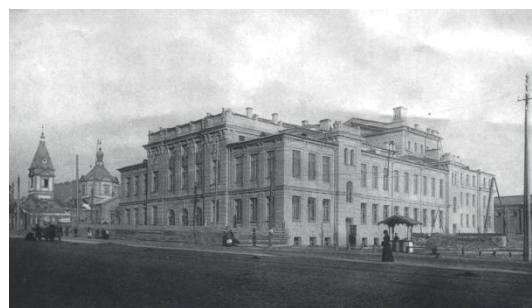
малодостаточных семейств. Известно, что приехавший через два года в Киев на гастроли виртуоз-пианист Ференц Лист, один из своих концертов сделал благотворительным в пользу этого приюта – за билеты на него зрители платили по усмотрению своего сердца; сам музыкант передал на нужды киевской детской «мариинки» сто рублей, сумму, весьма значительную для тех времён.

Долгое время приют для нужд своих нанимал помещения у частных домовладельцев и только в 1876 году Городская Дума безвозмездно выделила для приюта под новое строительство (по проекту архитектора Владимира Николаевича Николаева) участок земли на углу Паньковской и Никольско-Ботанической улиц, Никола Артемиевич Терещенко обеспечил строительство двадцатью пятью тысячами рублей, и к лету 1881 года приют получил двухэтажное здание.

Теперь в нём могли жить, получать воспитание и образование до пятидесяти девочек возрастом до шестнадцати лет (ещё сто воспитанниц были приходящими). Здесь они питались, учились грамоте, арифметике, чистописанию, осваивали несложным ремёсла; уровень полученных начальных знаний позволял многим воспитанницам продолжать образование в женских гимназиях. В 1899 году вновь архитектор. Николаев, вновь на деньги Терещенко достроил к основному зданию приюта третий этаж, выстроил для него домовую церковь Марии Магдалины. Ныне в бывшем здании приюта расположен Институт Психологии.

В 1899 году Городская дума, отреагировав благожелательно на обращение Киевского общества грамотности о постройке в городе народного дома (в целях распространения грамотности и «религиозно-морального просвещения в народе»), выделило под богоугодное дело бесплатно земельный участок на углу Большой Васильковской и Жилианской улиц, рядом с Троицкой церковью².

Генерал-губернатор Михаил Иванович Драгомиров, избранный почётным опекуном новостройки, своим покровительством покрыл часть её сметных расходов средствами из бюджета. Крупные пожертвования сделали Лазарь Израилевич Бродский, Никола Артемиевич Терещенко, Киевское общество попечительства о народной трезвости; некоторые владельцы кирпичных заводов выделили на стройку по сто тысяч кирпичей. Проект народного дома безвозмездно разработал городской архитектор Геннадий Михайлович Антоновский, его коллега, архитектор Павел Иванович Голландский, также на общественных началах, осуществлял надзор за строительством. Подрядчиком выступила известная строительная фирма Льва Борисовича Гинзбурга, выполнившая часть работ бесплатно, часть – в кредит.

Торжественное открытие Троицкого народного дома состоялось 12 октября 1902 года, после чего, в течение шести лет, его помещения делили между собой Киевское общество грамотности и редакция журнала «Киевская старина». В 1908 году, по причине выявления в доме очагов подрыва монархических устоев, он был закрыт и передан в муниципальную собственность, в ведение специальной комиссии Киевской городской управы. Позже на

его площадях располагались товарищество «Просвіта», организационный комитет Первой Всероссийской олимпиады 1913 года, а в первый послереволюционный год – «Украинский военный клуб имени гетмана Павла Полуботка».

Уже с первых дней существования народного дома его зрительный зал и вспомогательные помещения арендовали театральные коллективы. До 1907 года их нанимал державший оперную труппу антрепренёр Михаил Матвеевич Бородай, с октября 1905 года по июль 1907 года – актёр и режиссёр Исаак Эзрович Дуван-Торцов. После них здесь творил со своим театром Николай Карпович Садовский (от рождения – Тобилович и, к слову, брат драматурга Ивана Карповича Карпенко-Карого и актёра Панаса Карповича Саксаганского). В мае 1917 года, в полном соответствии с духом перемен, народный дом был отдан труппе новорождённого «Украинского национального театра».

После всех постреволюционных пертурбаций, с переменой функций, наименований, руководящих лиц, в здании бывшего Троицкого народного дома, в 1934 году, открылся Государственный театр музыкальной комедии, переименованный, в 1966 году, в Киевский государственный театр оперетты. Он и ныне, уже в статусе национального, здравствует, к удовольствию многочисленных любителей жизнерадостного многофункционального театрального жанра.

Покровский монастырь в Киеве основала, в 1889 году, великая княгиня Александра Петровна, жена брата царя Александра II, тайно принявшая пожизненно монашество под именем Анастасия. По её почину в нескольких зданиях монастыря была открыта бесплатная больница, где монахини вместе с квалифицированными врачами оказывали помощь тысячам больных.

Поначалу духовным потребностям обитательниц монастыря и его прихожан служила небольшая деревянная Покровская церковь, которую, по прошествии десятилетия было решено заменить вновь выстроенным собором – каменным, просторным и благолепным – по эскизам сына высокородной инокини, великого князя Петра Николаевича.

В конце августа 1896 года, на безвозмездно добавленном городом монастырю участке земли, в присутствии императорской четы (Николая II и Александры Фёдоровны) состоялась торжественная закладка будущего храма, названного – в честь Святого Николая Мирликийского – Николаевским. Перед кладкой стен, по требованию губернского строительного руководства был проведен тщательный расчет прочности кирпичных конструкций. К этому делу руководитель работ, архитектор Владимир Николаевич Николаев приобщил молодого коллегу, инженера Александра Матвеевича Вербицкого (будущего строителя Киевского железнодорожного вокзала). После долговременного согласования всех промеров и расчётов, только в 1900 году получилось закончить кладку храмовых стен и сводов.

Человек предполагает, а Господь располагает. В том же 1900 году инокиня Анастасия завершила свой земной путь, осложнив своим уходом в Горний мир завершение ею при жизни затеянного богоугодного дела, её усилиями и источниками финансировавшегося. Выручили киевские благодотворители, в первую очередь - Никола Артемиевич Терещенко, пожертвовавший на достройку храма пятьдесят тысяч рублей, но не увидевший, увы, результатов своего добродаяния – завершения в 1911 году, семь лет спустя его кончины, строительства одного из самых величественных киевских храмов.

После революции, потеряв (в 1922 году) свои купола, этот храм долгое время служил чисто мирским нуждам, вплоть до июля 1943 года, когда, после известной встречи Сталина с верховными православными иерархами, прекратились гонения на верующих, были восстановлены для прихожан церкви и храмы, в том числе киевский Николаевский храм Покровского монастыря, по сей день действующий.

Поддержал финансово Никола Артемьевич и выстроенную на исходе девятнадцатого века (по проекту неистощимого Владимира Николаевича Николаева) парафиальную школу при церкви Святых Бориса и Глеба на Подоле (на углу улиц Борисоглебской и Братской). Сама церковь была уничтожена в середине тридцатых годов ушедшего века, но здание её школы – по улице Андреевской, 15 – уцелело.⁸

Идею создания в Киеве ему приличествующего высшего технического учебного заведения подал министр финансов Российской империи Сергей Юльевич Витте. В её

Жилая зона для профессоров и ассистентов.

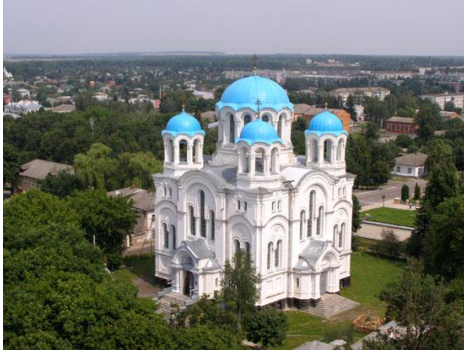
развитие в конце ноября 1896 года, под председательством городского головы Стефана Михайловича Сольского состоялось заседание представителей городского Правления Биржевого комитета, представителей технического и финансового мира Киева, решившего, что «...наиболее приемлемым определить тип Политехнического института, состоящего из нескольких отделов разных специальностей, по примеру политехникумов в Цюрихе, Карлсруе, Мюнхене, Видне, Ганновере, Аахене, Дрездене, Риге и других».

В кратчайшие сроки, уже к середине 1897 года на строительство задуманного учебного заведения было собрано более миллиона рублей: триста тысяч выделила городская дума, сто пятьдесят тысяч пожертвовал Никола Терещенко, сто тысяч – Лазарь Бродский. Под строительную площадку был выделен земельный участок в тогдашнем пригороде Шулявка, на территории военного полигона.

Торжественная закладка первого корпуса Киевского политехнического института имени императора Александра II состоялась 30 августа 1898 года, но, опережая ввод первого институтского здания в строй, студенческие занятия начались день спустя после закладки в здании Первого коммерческого училища.

Возведение первой очереди институтских корпусов на первых порах шло под архитектурным началом Иеронима Севастьяновича Китнера, завершил (в 1901 году) работы его коллега, также петербургский зодчий Александр Васильевич Кобелев с командой киевских специалистов.

В 1884 году братья Никола и Фёдор Терещенки затеяли в родном Глухове перестройку Трёх-Анастасьевской церкви, поставив себе целью изменить её внешний и внутренний облик до уровня настоящего собора. Средств не жалели - "использовалось все самое лучшее: материалы и мрамор свозились отовсюду, в том числе из Италии; известнейшие художники, такие как Верещагин, Журавлёв, Мурашко, Пимоненко и братья Сведомские, были приглашены расписывать церковь". Храм, ставший семейной усыпальницей рода Терещенко, освятили осенью 1893 года, в его подземные склепы позднее были перенесены останки Артемия Яковлевича и Евфросинии Григорьевны Терещенко. В нём была погребена и супруга Никола Артемьевича, Пелагея Георгиевна Терещенко, завершившая свой земной срок в 1897 году, и памятным знаком этому печальному событию стал «Венок от духовного отца на гроб незабвенной Пелагеи Георгиевны»

*Терещенко – Речь, сказанная при погребении в Глухове боярину П. Г. Терещенко священником Константином Рознатовским».*¹⁵⁹

Родился Константин Рознатовский 6 июня 1858 года в семье сельского священника в Глуховском уезде Черниговской губернии. Учился в Черниговской семинарии и Киевской духовной академии. После окончания академии, со степенью магистра богословия, был рукоположен в священники и получил назначение на должность преподавателя Новосеверского Духовного училища. Потом семнадцать лет проработал законоучителем мужской и женской гимназий в Глухове, помимо этого являясь председателем Глуховского отделения Черниговского епархиального училищного совета

19 января 1903 года на 84 году жизни Никола Артемиевич Терещенко тихо отошел в мир иной. Два дня Киев прощался с человеком, который так много для города сделал. Гроб в окружении более 100 венков, среди которых было много серебряных, пронесли на руках от Владимирского собора к его дому на Бибикивском бульваре, 34, а потом повезли на вокзал. 21 января 1903 года Никола Артемиевич Терещенко был похоронен в родном Глухове в воздвигнутой им Трёх-Анастасьевской церкви рядом с родителями, братом Федором и женой Пелагией Георгиевной. Благодарные глуховчане в 1909 году воздвигли своему знаменитому земляку бронзовый памятник, который был создан скульптором Николаем Андреевичем Андреевым. Никола Артемиевич Терещенко был представлен сидящим на кресле с высокой спинкой в спокойной позе мудрого человека. В годы революции памятник сняли с пьедестала и разбили. Попутно громилы вытащили из могилы гроб, но прах Николы Артемиевича не тронули, убедившись, что золота и драгоценностей в захоронении нет.

Иван Николович Терещенко

Иван Николович Терещенко на свет Божий появился 29 августа 1854 года в городе Глухов, в котором и провёл детство своё изначальное. В пору отрочества жил в Москве, в доме деда и образовывался в известной частной гимназии Франца Креймана, по завершении которой, возвратившись с родителями в Киев, продолжил образование на юридическом факультете университета Святого Владимира. После него, получив степень кандидата, по собственному почину он некоторое время побыл военным в начальных офицерских чинах, но армейский порыв скоро иссяк и весной 1880 года, только в звании корнета, Иван Николович Терещенко вышел в отставку.

с собой.

Холостяком он поселился в Киеве, в особняке на углу Бибикивского бульвара и Тимофеевской (ныне Михаила Коцюбинского) улицы, приобретённом им у госпожи Фелиции Адамовны Модзалевской и являвшем (и поныне, пока ещё не снесённый, являющий) собой архитектурный образец так называемой „венцианской готики”. Входящий в состав особняка дворовый флигель прежняя хозяйка всего строения оставила за

Некоторое представление об этих зданиях даёт выписка из отчета за 1884 год, составленного статистическим отделом городской управы: „Под застройкой 210 кв. саж., под двором 80,15 кв. саж. Вода, газ проведены. Дом крыт железом, каменный, двухэтажный с мезонином. Квартира одна, количество комнат 23. Дохода не приносит, живёт владелец, прислуга. Флигель...каменный, двухэтажный, часть нижнего этажа (большее половины) занята под каретный сарай и конюшню”⁸.

Внешним видом жилище Ивана Николовича было подходящей оправой для его ценной, со временем составившейся художественной коллекции хозяина из картин и графики Василия Верещагина, числом под две сотни рисунков Павла Федотова, офортов и живописи Льва Жемчужникова, работ Михаила Врубеля и многих других признанных мастеров кисти.

В Курской губернии Иван Николович Терещенко владел Волфинским имением, с усадьбой, посёлком, пахотной и луговой землёй, с лесами и садами, с узкоколейкой, соединявшей экономический посёлок Тёткино со станцией Волфино, с собственной селекционной станцией сахарной свёклы. Волфинская и Тёткинская лесные дачи представляли собой дендропарки, в которых росли как привычные, так и экзотические породы деревьев.

Рис. 1. Усадебный дом Волфинского имения в Александровском лесу. Нач. XX в. Фонды ГKM

В Александровском лесу, близ Волфино находилась усадьба Ивана Николовича, ставшая со временем хранилищем коллекции картин, число которых хозяин со временем довёл до пяти тысяч. Коллекционирование владелец имения совмещал с делами милосердными – содержал на свои средства двухклассное училище в деревне Архангельское Старооскольского уезда Курской губернии. Здесь же, в 1890 году, на площади двадцать шесть гектаров Иван Николович заложил пейзажный кустарниковый парк, в котором доминировавшую сирень дополняли шиповник, боярышник, тёрн, жимолость, бересклет, лещина, жёлтая акация. В Александровской усадьбе Ивана Николовича хранилось около пяти тысяч картин и рисунков (позже перешедшие в фонды Государственного русского музея в Санкт-Петербурге).

Освободившись от воинской службы, будучи избранным - в возрасте тридцати двух лет - гласным Городской думы, Иван Терещенко женился на дочери окружного интенданта Киевского военного округа, генерал-лейтенанта Михаила Андреевича

Саранчева, Елизавете. Далее, пребывая в положении свободной, финансово могущественной личности, посвятил последующие дни свои Иван Николович Терещенко собиранию произведений искусства и меценатству в истинном значении этого слова, предполагающем покровительство сильным мира сего им современным, но материально недостаточным представителям мира искусства – художникам, ваятелям et cetera. В части собирания произведений русского искусства Иван Николович составил

конкуренцию самому Павлу Михайловичу Третьякову, посетовавшему однажды в преддверии аукционных торгов: *"Если Терещенко увидит что-нибудь, то будет торговаться до слёз и всё же купит"*⁸.

Ещё в студенческую пору свела судьба Ивана Терещенко с земляком, десятью годами его старше Николаем Ивановичем Мурашко, учителем рисования действовавшей при Первой городской гимназии воскресной рисовальной школы для ремесленников. Основанная в начале семидесятых годов на скромные пожертвования председателя Киевского славянского благотворительного общества Николая Аркадьевича Ригельмана, школа эта за несколько лет своего бытия в средствах поистощилась и была её организаторами закрыта. Отставленный учитель Мурашко, личность энергичная и энтузиастичная, не ступившись, отказался от его питавшей дополнительной приработки и открыл на собственный скудный кошт небольшую рисовальную школу.

Начинал Николай Иванович Мурашко, сын резчика иконостасов, свой творческий путь учеником киевского художника-реставратора, неизменно пьяное наставничество которого терпел где-то около пяти лет, после которых, по совету учителя рисования Второй гимназии Ивана Максимовича Сошенко, отправился искать профессионального успеха в Петербург.

Здесь, став осенью 1863 года вольнослушателем Академии Художеств отзанимался в её первых трёх классах, но по причине болезни свои художественные штудии прервал и только со званием учителя рисования вернулся в Киев - преподавать свой предмет последовательно в прогимназии, в Первой гимназии, в реальном училище. Открыв собственную школу в наёмной квартире по улице Михайловской, и очень скоро почувствовав нехватку средств на реализацию своего отважного почина, он обратился за помощью к земляку, Ивану Николовичу Терещенко, и, получив от него первое вспомоществование в размере двух сотен рублей, нанял для своих рисовальных классов большой зал в собственном доме Софии Васильевны Тарновской, по улице Трёхсвятительской. (Итоговая сумма затрат Ивана Николовича Терещенко на эту школу за четверть века её существования составили почти сто пятьдесят тысяч рублей.)

Со временем, дав своей школе звучный художественный авторитет, с видными педагогами и одарёнными учениками в ней, получив от Академии художеств за качество работ своих звание „художника”, Николай Иванович Мурашко постепенно расширял и площади школьных классов переездами в более просторные помещения домов на Владимирской улице, закончив перемещение в 1890 году, в доме купца Первой гильдии Фридриха Густавовича Михельсона, в котором арендовал для школьных нужд восемнадцать комнат третьего этажа.

Благодаря энтузиазму самого Мурашко, при содействии профессора Прахова школа собрала свою собственную коллекцию картин, среди которых полотна Ивана Шишкина, Василия Поленова, Александра Брюллова, Константина Маковского, Владимира Орловского, Ильи Репина («однокашника» Мурашко по Академии художеств), Григория Мясоедова, Константина Савицкого, Валентина Серова и других.

Кривая успеха школы Мурашко, вверх шедшая, оборвалась стремительно в 1901 году, когда на базе Классов живописи, рисования и черчения Владимира Николаевича Николаева, под эгидой петербургской Академии Художеств да под благотворительный взнос от Ивана Николовича Терещенко в размере двухсот тысяч рублей открылось Киевское художественное училище и многие ученики рисовальной школы перешли в него.

Отставленному Николаю Ивановичу Мурашко его меценат выделил солидное выходное пособие и назначил пожизненную пенсию, давшую возможность „старому учителю” безбедно, с возвратными творческими порывами, с написанием мемуарной книги, семьёй Терещенко профинансированной, провести остаток своей жизни, завершившейся в 1909 году, на его даче – в киевском предместье Буча. (К слову, известный художник Александр Александрович Мурашко – его племянник, написавший со своего дяди старого козака, возглавляющего траурную процессию в картине „Похороны кошевого”).

Ученику школы Мурашко, Евгению Ксаверьевичу Вжещу, будущему живописцу пейзажного жанра, Иван Николович помогал выставить картину «Осень» на Двенадцатой выставке художников-передвижников, обратившись по этому поводу к Ивану Ивановичу Шишкину письмом от 24 января 1885 года:

«Добрейший Иван Иванович!

Обращаюсь к Вам с моей покорнейшей просьбой, взять под своё покровительство молодого художника, которому я очень сочувствую, подателю сего г-на Вржеща. Он очень талантливый молодой человек, который в будущем, быть может, внесёт свою долю вклада в русское искусство. Теперь же он желал бы, чтобы его картина, которую он привёз с собой, была бы принята на передвижную выставку. Посодействуйте ему, если это возможно, это одна просьба, но не последняя. Я, пользуясь всегдашней Вашей любезностью, хочу атаковать ещё двумя, за что прошу извинить меня, а вместе с тем надеюсь, что Вы не откажете мне в исполнении их. Ещё прошлой зимой я просил Вас, добрейший Иван Иванович, сделать для меня три рисунка – один пером, второй углём, третий сепией. Теперь же, когда я увидел у Фёдора Артемьевича второй Ваш рисунок пером «Пасеку», мне просто стало завидно, и я, не дожидаясь нашего свидания, повторяю мою убедительную просьбу. Имея одни из лучших Ваших произведений – «Первый снег», «Полесье» и «Ручей в лесу», очень желал бы, чтобы Иван Иванович был представлен у меня во всём блеске своего величия, а для этого мне нужны не только произведения масляными красками, но и пером, и углём, и сепией. Пожалуйста, не откажите.

*Буду ждать Вашего ответа с нетерпением».*¹⁰

Ценность этого письма, как документа, характеризующего уровень интеллекта Ивана Николовича Терещенко, его образованность, воспитанность, деликатность его стиль общения с близкими людьми, его прекрасный русский язык, круг его знакомств в художественной среде, его огненную увлечённость коллекционированием картин лучших русских художников, выставлявших свои творения на популярных в ту пору передвижных выставках. Что касается просьбы автора письма о содействии молодому художнику, то она была художником Шишкиным исполнена, о чём тот, с добавлением некоторых деталей и обещаний, доложил Ивану Николовичу письмом от 12 февраля 1885 года:

Многоуважаемый Иван Николович.

Письмо Ваше получил, премного благодарен Вам за память обо мне и расположение. Начну с Ваших поручений — картина г. Вржещ принята на выставку и очень недурна. Художник подаёт надежды, что со временем он выразится более оригинально. Светославский очень талантливый, но, к

сожалению, большая его картина «Днепровские пороги» не могла попасть на выставку за неимением места, нынче некоторые из наших членов выставляли массы; особенно Поленов и Маковский В. Картина же Светославского отличается большими достоинствами и светлостью, но также и грешит, особенно воздух и горизонт, а также и первый план левой стороны. Он был очень огорчен этим, но мы все товарищи его успокоили. Рисунки для Вас берусь охотно сделать, хотя желал бы, если Вы в общих чертах наметите сюжеты, а также величину их и формат.

Признаюсь, рисовать пером мне не очень-то желательно, но для Вас готов сделать.

Хотя и не особенно скромно говорить теперь о презренном металле, но за рисунки пером хотелось бы взять ту же цену, которую дал Федор Артемьевич, а остальные 2 сепией и углем по возможности большой величины по 500 руб. каждый. Может, найдете этот договор преждевременным, но я считаю долгом высказать свои условия. Рамы к ним поручите мне заказать или сами? Федору Артемьевичу раму делал Беггров.

Остаюсь с истинным к Вам почтением и преданностью.

И.Шишкин».¹⁰

Бликие взаимопользные отношения установились у Ивана Николовича Терещенко с художником Михаилом Александровичем Врубелем, приехавшим в 1884 году, по приглашению профессора Адриана Викторовича Прахова, капитально восстанавливать фрески Кирилловской церкви, открытые после её реставрации. Жил поначалу художник на улице Нестеровской (прежде именовавшейся, по названию засыпанного яра, Афанасьевской, ныне – улица Ивана Франко), позже переехал в более просторную квартиру в доме на Андреевском спуске. Киев его восхитил, о чём он сообщал в одном из посланий сестре Анне: «Как хорош, однако ж, Киев! Жаль, что я здесь не живу!»

Расписывая Кирилловскую церковь, Врубель использовал в том числе персонажей с натуры – на фреске «Сошествие Святого духа» узнаваемы были для современников лица священника храма Орловского, археолога Гошкевича; себя Михаил Александрович представил в образе одного из ангелов, служили натурщиками и пациенты Кирилловской психиатрической больницы.

Врубелю Иван Николович заказал, с предварительной оплатой, картину «Восточная сказка», которую тот, почти завершив, уничтожил, пребывая, видимо, в состоянии критического самобичевания – предвестнике будущего психического недуга, поразившего художника. С заказчиком рассчитался другой работой, побудительный толчок к которой дали визиты художника к известному киевскому ростовщику Георгию Дохновичу, чья ссудная контора располагалась на углу Крещатика и Фундуклеевской улиц. Здесь ему, в очередной раз безденежному, пришла в голову мысль написать портрет старшей дочери ростовщика, Марии на фоне наполнявших ссудную контору недешёвых вещей, и выручкой от картины рассчитаться с Терещенко. Идеей этой Михаил Александров Врубель, в августе 1886 года, поделился с сестрой Анной:

«Аня, дорогая, спасибо тебе: я действительно находился в довольно критическом положении. Дело в том, что я наконец нашёл причину моей неуспешности за последнее время — это совершенное оставление втуне работы с

натуры, а между тем это единственная дисциплина и средство прокормления; на творчество рассчитывать нельзя. Я теперь пишу очень красивый этюд с девочки на фоне бархатного ковра — вот твои двадцать рублей и помогут мне его окончить спокойно; вероятно, удастся его продать руб. за 200—300 и тогда опять за Терещенскую картину и за Демона. Был на днях в Киеве Третьяков, собственник знаменитой галереи в Москве. Он очень хвалил образа, особенно Богоматерь. А отчего ты мне ни словечка? Твой Миша».¹¹

Так родился очередной врубелевский шедевр «Девочка на фоне персидского ковра». Но отец маленькой Марии приобретать картину отказался, возможно, из-за своей еврейской ортодоксальности, предполагавшей, помимо прочего, соблюдение заповедного иудейского канона «Не сотвори себе кумира». Можно также предположить, что по инициативе родителя, не пожелавшего видеть зрительный образ своей дочери на полотне художника, название картины было изменено (и надолго) на «Девочка-татарка». Ну, а проблему с погашением долга Врубеля решил Иван Николович Терещенко, принявшем-**ший** этот шедевр – взамен уничтоженного – в свою коллекцию. Ныне он – одна из изюминок в картинной экспозиции Киевского музея русского искусства.

Начало дружбе Ивана Николовича с Николаем Васильевичем Верещагиным положило приобретение им у художника пяти картин из так называемой „Балканской серии“. Продолжилась она в переписке новосоставившихся друзей, длившейся с мая 1883 года по апрель 1893 года, когда оборвалась по инициативе категоричного в суждениях Николая Васильевича.

Сохранившееся эпистолярное общение свидетельствует о содействии Верещагина другу Терещенко в приобретении у Льва Михайловича Жемчужникова не только прекрасной коллекции рисунков известных русских и украинских художников, но и предметов прикладного искусства, собирательством которых увлекался художник, и это увлечение передал киевскому коллекционеру. Точнее, не только ему, но и его супруге, Елизавете Михайловне, которой Верещагин писал по помянутому поводу:

«Многоуважаемая Елизавета Михайловна, что Вам сказать на Ваше милое объяснение: нет, я не думаю, что Вы хотите удержать все самоварчики из денежных расчётов – я так и думал, как вы говорите, те, что Вам не хочется с ними расставаться, что, к слову сказать, мне ужасно нравится...

Я ужасно рад, что не только Иван Николович, но и Вы так полюбили русскую, менее элегантную, чем западная, но уж очень родную-то нам старину. Зная, что у Вас теперь две слабости – самовары и замочки, я непременно достану на Вашу долю вещей в этом роде на северо-востоке России, куда приходится иногда заглядывать для моих занятий – вещей оригинальных и интересных...

Будьте добры отложить с дозволения и указания Ивана Николовича несколько лишних серёжек (у Вас есть во многих экземплярах излишние, устюжской работы) для нашего приятеля И. А. Шлякова или вернее, его музея».¹²

(Упоминаемый в письме Иван Александрович Шляков на время переписки был директором Ростовского музея церковных древностей и активно привлекал Верещагина и Терещенко к коллекционированию старорусского антиквариата, к взаимной помощи в пополнении коллекций каждого. К сожалению, увлечение собирательством предметов

старины, как и отношения с Василием Васильевичем Верещагиным, у Ивана Николовича

к середине девяностых годов сошли на нет, возможно, в том числе по причине открывшейся у него чахотки, сведшей его в могилу в 1903 году, в Каннах.

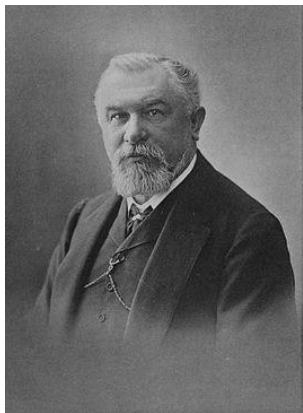
Семейной коллекцией, которую Верещагин именовал «музеем древностей» после смерти супруга распорядилась Елизавета Михайловна. В день открытия такого, в камне возведённого Киевского музея древностей, 30 декабря 1904 года, она, вместе с Александром Николовичем Терещенко и Варварой Николовной Ханенко передала в музейную экспозицию коллекцию славянских древностей из девятисот предметов, в числе которых были и раритеты, собранные Елизаветой Михайловной с супругом.

Известно также, что в составе терещенковского дара музею были оплаченные членами фамилии тридцать четыре портрета украинских гетманов, а также артефакты из археологических раскопок, приобретённые ими у первооткрывателя Трипольской культуры, Викентия Вячеславовича Хвойки. Прежде этих затрат, глава рода, Никола Артемьевич, оплатил ведавшему новостройкой Товариществу древностей и искусств более половины сметной стоимости музейного здания, которое – уже действующим – ему, увы, не довелось увидеть.

К превеликому сожалению, многие ценные исторические экспонаты и художественные полотна из коллекции Ивана Николовича Терещенко не дожили до наших дней. В послереволюционном обывательском угаре она была варварски разграблена (с вырезанием полотен из рам) или изрублена саблями, многие скульптуры были варварски разбиты. Все, что осталось от собранного в протяжении десятилетий Иваном Николовичем Терещенко великолепия, позже присоединили к экспозиции музея русского искусства Федора Артемиевича Терещенко.

Александр Николович Терещенко.

Александр, второй сын Николы Артемьевича и Пелагеи Георгиевны Терещенко родился в Глухове, в 1856 году. Как и старший брат Иван, он учился в частной гимназии Креймана в Москве, по окончании которой поступил в Московский университет. Недолго в нём проучившись, перешел на юридический факультет университета св. Владимира, который окончил в январе 1879 года со степенью кандидата.

В апреле того же года он поступил в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк вольноопределяющимся Первого разряда, далее был произведен в унтер-офицеры, а в конце года, по выдержании офицерского экзамена при Втором военном Константиновском училище — в корнеты. Служил недолго - весной 1880 года был уволен в отпуск, а в конце 1882 года был зачислен в запас гвардейской кавалерии.

Вернувшись в родительские пенаты, занявшись продуктивно семейным сахарным делом, много времени и средств уделил Александр Терещенко делам благотворительным.

Активно соучаствовал (с отцом) в делах Общества по распространению коммерческого образования. Будучи секретарём Общества вспомоществования студентам университета, за свой кошт организовал и содержал для них дешёвую столовую по улице Гимназической (ныне – Леонтовича); малодостаточные студенты, по специальным талонам, питались в ней бесплатно.

Для учащихся Первой гимназии Александр Николович, вновь на свои средства, учредил три поощрительные стипендии – имени Александра Сергеевича Пушкина, Николая Васильевича Гоголя и Николы Артемиевича Терещенко.

Основательно на Киевской земле Александр Николович устроился только после весны 1893 года, когда приобрёл под застройку участок земли на углу Караваевской (ныне – Льва Толстого) и Кузнечной (донедавна – улица Горького) улиц. На нём, по проекту архитектора Петра Самойловича Бойцова, специализировавшегося на усадебном строительстве с использованием мотивов неоготики, был выстроен роскошный двухэтажный особняк о тридцати трёх комнатах, с водопроводом, канализацией и даже «подъёмной машиной» (лифтом). Со временем хозяин нововыстроенного здания докупил ещё две усадьбы по улице Кузнечной и одну – по Караваевской улице, в которых разместил конторы по управлению его именьями и двумя, ему принадлежавшими сахарными заводами.

Всего на у стыка двух помянутых улиц в собственности Александра Николовича находилось около одного гектара земли с главным и приобретёнными особняками, с флигелями для прислуги, конюшней, каретным сараем, садом и другими службами. (Ныне в главном особняке усадьбы Александра Терещенко размещается Научно-медицинская библиотека Украины.)

После кончины (в 1891 году, в день праздника Покровы Пресвятой Богородицы, митрополита Платона) Городская дума приняла решение увековечить память верховного духовного пастыря сооружением в киевском предместье Соломенка церкви, с помянутым праздником одноимённой. Сбором средств и строительством руководил комитет во главе с купцом и гласным городской думы Яковом Николаевичем Бернером, который лично пожертвовал две тысячи рублей и двадцать пять тысяч штук кирпичей со своих киевских заводов – на Большой Васильковской и Кирилловской улицах, в Корчеватом.

Всего же членами комитета, с также состоявшими в нём Михаил Парфентьевичем Дегтярёвым, Александром Николовичем Терещенко и другими почтенными киевлянами, на затеянную новостройку было собрано тридцать пять тысяч рублей и необходимые строительные материалы. В ходе строительства Киевская городская дума бесплатно выделила пятьдесят пудов кровельного железа, оставшегося от сгоревшего в 1896 году Городского театра⁸.

Проект церкви был разработан городским архитектором Ипполитом Владимировичем Николаевым, сыном прославленного киевского зодчего, Владимира Николаевича Николаева. Молодой человек, только в 1889 году завершивший курс архитектурных наук в столичной Академии Художеств, предложил в своей разработке пятикупольный храм по типу ярославско-владимирских церковных

строений шестнадцатого – семнадцатого веков.

С высокой долей уверенности можно утверждать, что в проектировании новой церкви сын испытывал (прямое или косвенное) влияние или даже помощь отца, киевского епархиального архитектора, специалиста по строительству церковных зданий. Прежде выстроенные Владимиром Николаевичем церкви в киевском предместьи Галаганы, в Рубежовской колонии для малолетних – будто предтечи для первого (и оказавшегося последним) архитектурного опыта его сына.

Закладка церкви Покровы Пресвятой Богородицы состоялась 14 сентября 1895 года, ей сопутствовало освящение уже существовавшей постройки приходской школы (увы, до наших дней не дожившей). Строительные работы длились чуть более двух лет и 9 ноября

1897 года внешне великолепный, с прекрасными акустикой, естественным внутренним освещением, и ныне действующий храм был освящён.

Из убранства храма на время его открытия полностью был готов только иконостас работы Ипполита Николаева; иконы для храма и росписи его внутренности выполнили Иван Дмитриевич Селезнёв (художник и педагог, преподаватель Киевских школы рисования и художественного училища) и Владимир Дмитриевич Сонин (художник, известный реставратор).

Люблю высокие соборы,
Душой смиряясь посещать,
Входить на сумрачные хоры,
В толпе поющих исчезать...

(Александр Блок)

Занимаясь делами Общества распространения коммерческого образования,

председателем которого он был с 30 июня 1896 года, Никола Артемиевич Терещенко задумал учредить образцовое городское училище и выделил для этого сто пятьдесят тысяч рублей, достаточных, как выяснилось, только на строительные работы. Александр Николаевич добавил к отцовскому взносу еще двести двадцать тысяч рублей – на покупку земельного участка под строительство и на содержание возведённого сооружения. В течение двух лет, начиная

с 1905 года, на улице Ярославов Вал, близ Львовской площади, по проекту архитекторов Павла Ивановича Голландского и Павла Федотовича Алёшина было возведено добротное двухэтажное здание образцового училища. Факт присвоения ему имени Николы Терещенко был закреплён монограммой «НТ» над парадным входом в здание; выше, в капителях декоративных колонн, по сей день чередуются инициалы отца и сына – «НТ» и «АТ». Ныне в этом помещении расположен тетральный институт имени Ивана Карповича Карпенко-Карого⁸.

Участвовал денежно Александр Николович в строительстве в Протасовом Яру Киевского бактериологического института. В добавок к его главному корпусу, введённому в строй в октябре 1896 года, он выстроил и оборудовал специальный приют

для иногородних пациентов. (Ныне это почтенное научно-лечебное учреждение, существенно расширившее свои функции, известно как Институт эпидемиологии и инфекционных заболеваний имени Льва Васильевича Громашевского.)

История первой киевской гимназии началась со школьной реформы 1804 года, согласно которой Главное народное пятиклассное училище на Подоле было (в 1809 году) преобразовано в мужскую гимназию, два года спустя повышенную «особым статусом» до уровня высших учебных заведений. Её успешные выпускники пользовались правом действительных – с чином XII класса - студентов университета, коего в Киеве в то время ещё не было; как известно первый набор студентов университет Святого Владимира провёл только в 1834 году.

В 1811 году гимназия переехала в Кловский дворец, выстроенный в середине восемнадцатого века на средства Печерской Лавры для размещения в нём венценосных посетителей монастыря. Авторы проекта дворца – Готфрид Иоганн Шедель и Пётр Иванович Неёлов – дали начало строительству дворца, заканчивал его, с привнесением в проект элементов украинской народной архитектуры, зодчий-самоучка, приписанный к Лавре крепостной Стефан Ковнер, получивший вольную за своё творение.

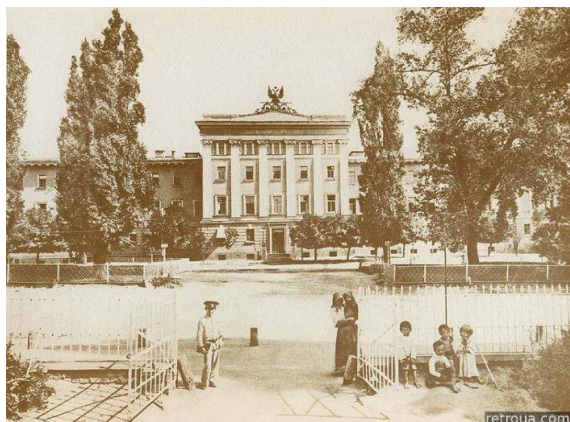

По окончании строительных работ обширную дворцовую усадьбу засадили хорошо спланированным липовым парком, давшим название этому киевскому району – Липки. Сам дворец с истока своего бытия по предназначавшемуся ему назначению не использовался – долгое время в нём размещалась лаврская типография, затем – военный госпиталь, после Первой гимназии – женское духовное училище.

До основания разрушенный в годы Гражданской войны, дворец в 1930 году был восстановлен и долгое время размещал в себе экспонаты музея истории Киева. Ныне он, сверх меры и вкуса реконструированный внешне, с исковерканным перепланировками интерьером размещает в себе службы Верховного Суда Украины⁸.

Первая киевская гимназия занимала площади Кловского дворца более трёх десятков лет и только в 1847 году для нее начали возводить собственное здание по проекту молодого архитектора Александра Викентьевича Беретти на углу Университетского (позже — Бибиковского, ныне - Тараса Шевченко) бульвара и Большой Владимирской улицы. Правда в нём, сразу по завершении в 1850 году строительства, волей Николая I временно разместился только созданный Владимирский кадетский корпус.

И только в 1857 году, когда кадетов переместили в собственное помещение (ныне занимаемое украинским министерством обороны), гимназия, наконец, заняла ей предназначенное здание и приняла в нём на новоселье императора Александра II. На ее обширнейших площадях разместились канцелярия и казенная квартира попечителя Киевского учебного округа, которую, а пропус, находясь в этой должности, занимал пару лет (до 1850 года) великий хирург и педагог Николай Иванович Пирогов⁸.

В 1874 году гимназия стала «классической», что предполагало по уставу таких учебных заведений (в отличие от «реальных», на математические науки нацеленных гимназий) преобладание в них гуманитарного уклона – с изучением русского, польского, французского, немецкого, древнегреческого языков, латыни, права, философии, истории, архитектуры, политэкономии, естествознания, географии, науки о сельском хозяйстве, начал точных наук (математики, физики и химии), а также фортификации, рисования, музыки, фехтования и танцев.

Курс обучения был рассчитан на восемь лет. Как и для прочих гимназий и училищ России, обязательным был курс Закона Божьего, читавшийся в рассматриваемое время Законоучителем Михаилом Даниловичем Златоверхниковым, выпускником Киевской Духовной академии 1869 года.

Первоначально Первая гимназия создавалась для дворянских детей, но с течением времени она стала доступной для любого отрока, чьи родители были в состоянии оплачивать его обучение (до ста рублей в год доходившее), в том числе - после 1861 года - и для детей бывших крепостных.

Форма воспитанников Первой гимназии состояла из гимнастёрки, брюк сине-серого цвета, фуражки с кокардой из дубовых листьев и указывавшей на номер гимназии цифрой «1», за что её носителей

прозвали «карандашами». Ныне в бывшем гимназическом здании размещаются филологические факультеты Киевского университета, по цвету фасада оно именуется студентами «жёлтым» (нет, не домом – именно «корпусом»).

Преподаватели гимназии как государственные служащие носили форму Киевского учебного округа - черный сюртук с двумя рядами металлических пуговиц с гербом, с петлицами, указывавшими на принадлежность их носителя к ведомству народного образования и на его чин по табели о рангах.

Интересные, содержательные сведения о круговороте киевского бытия (в том числе городской Первой гимназии) на рубеже девятнадцатого – двадцатого веков, содержат в себе мемуары коренного киевлянина, 1874 года рождения, Владимира Фёдоровича Романова. Его талантливый литературный труд, без пафоса, без напрягающей читателей полемичности написанный и на одном дыхании читаемый, являет собой «счастливый пример воспоминаний «деятели второго эшелона» государственной элиты Российской империи» поры потери ею социально-политической устойчивости и заката.¹³

И хотя автор воспоминаний был на двенадцать лет старше Михаила Терещенко и общаться накоротко им привелось, кажется, только первый год Мировой войны, их жизненные пути много раз соприкасались косвенным образом – через соучастие в звучных исторических событиях, через общий круг личностей, в них замеченных.

Тем ещё замечателен мемуарист Владимир Романов, что был он сыном украинской писательницы, поэтессы и фольклориста (ныне, увы, полузабытой) Дарьи Владимировны Романовой, 1853 гола рождения, уроженки села Сальное Нежинского уезда Черниговской губернии, бывшей, к слову, двоюродной сестрой Марии Константиновны Хлыстовой (от

рождения Адамовской, взявшей театральный псевдоним Заньковецкой). Участвовала Дарья Владимировна с даровитой родственницей в любительских спектаклях, демонстрируя в них высокую артистичность и истинный слог родного языка: «Моя мать, помимо сценических и вокальных способностей в украинских кругах приобрела имя как поэтесса («Одарка Романова»). Знатоки языка весьма ценили всегда её чистые, без галицийской полонизации и немецкого производства недостающих слов, язык Черниговщины и Полтавщины, а также её удивительный музыкальный стих.

К одному из её стихов („Літня ніч”) Николай Витальевич Лысенко написал музыку и образовавшаяся песня по сей день прекрасно звучит и с превеликим наслаждением слушается:

Нічка лукавая
 Нічка цікавая,
 Нащо людей чарувать?
 Квітами віяла,
 Зорями сіяла...
 Як тії зорі достать?
 Їх не піймаємо,
 Нічку спитаємо:
 Що вона людям дала.
 Мрією новою,
 Пісню чудовую
 Наче отруту влила...

Видимо, из соображений материального характера был отдан в детстве Владимир Романов в пансион Первой гимназии, в отличие от земляка Терещенко, проходившего начальный курс воспитания и образования дома, при участии специальной команды педагогов и воспитателей:

«В 1883 году я был определён в пансион классической Киевской 1-й гимназии, впоследствии по поводу столетия получившей название Императорской Александровской, в память императора Александра I. Гимназия эта занимала тогда всю роскошную усадьбу, выходившую на четыре улицы, с огромным садом, окаймлённым высокими тополями. Фасад гимназии так называемой Николаевской постройки, отличающейся всегда мощной красотой, выходил на одну из красивейших улиц Киева – Бибиковский бульвар. Напротив гимназии в восьмидесятых годах был пустырь, частью обработанный под огороды; впоследствии здесь был разбит красивый большой сквер – Николаевский, в центре его с памятником Императору Николаю I, обращённому лицом к великолепной красной громаде здания Университета.

Одним словом, и тогда, и теперь – это одно из живописнейших мест Киева...»¹³

В подростковые годы Мишеля Терещенко в Первой гимназии, где директорствовал его дядя, Александр Николович Терещенко, обучались Игорь Сикорский, Михаил Булгаков, Николай Анциферов, Фёдор Фёдорович Терещенко, будущий теоретик эволюционного учения Иван Шмальгаузен, здесь заканчивал гимназический курс (прервав обучение в Коллегии Павла Галагана) будущий

выдающийся патофизиолог Александр Богомолец. Чуть позже здесь образовывался житель киевского пригорода Вита-Литовская (ныне посёлок Чапаевка) Сергей Лифарь, будущий «бог танца», любимец (в самом полном значении этого слова) знаменитого импресарио Сергея Дягилева.

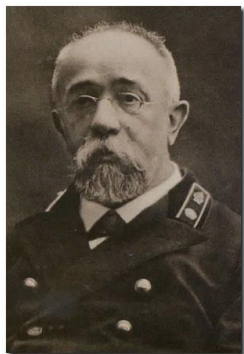
Об учёбе в Первой гимназии, о быте киевлян в начале двадцатого века пишет в своей автобиографической «Повести о жизни» Константин Паустовский. Он вспоминает городской каток, на котором в начале ушедшего века катались на коньках гимназисты и гимназистки под музыкальное сопровождение военного духового оркестра, коим дирижировал чех Коваржик. Он, именовавшийся киевлянами «капельдудкиным», вместе с мужской частью посетителей катка любовался гимназисткой Катей Весницкой (Десницкой) – «...на красном лице капельмейстера ... бродила сладкая улыбка»¹⁵.

Старшая соученица Ани Горенко-Ахматовой по женской Фундуклеевской гимназии, Катя Десницкая по её окончании в 1904 году, отучившись на курсах сестёр милосердия в Петербурге (где жил её брат), отправилась на русско-японскую войну и там получила за «неустранимую храбрость» Георгиевский крест. Прежде этих событий, она познакомилась с выпускником Петербургского Пажеского корпуса сиаемским принцем Чакрабомом и в 1906 году обвенчалась с ним по православному обряду в Константинопольской церкви, допускавшей и регистрировавшей межконфессиональные браки.

Женитьбу принца на неродовитой иностранке его родители не одобрили и до рождения у опальной пары сына, Екатерину в свой круг не принимали. Долгое время разноэтнические супруги жили в любви и согласии. Ради русской жены сиаемский принц, впервые в местной практике, отказался в многожёнстве, не отказывая себе в удовольствии время от времени «уходить налево». После одного из таких, в 1919 году случившегося неосторожного «ухода», он получил от супруги бесповоротную отставку.

Екатерина переехала в Шанхай, там жила в среде обширной русской диаспоры, позже связала свою жизнь с американцем Гарри Стоуном. С ним она переехала в Париж, где и окончила земные дни свои.

Помимо упомянутого выше дирижёра военного духового оркестра, в числе представителей весьма обширной на то время чешской диаспоры в Киеве был и Алексей (Алоиз) Осипович Поспишил, преподававший в Первой гимназии классические языки – древнегреческий и латынь. (По поводу его фамилии гимназисты шутили: «Наш учитель Поспишил опоздал».)

Алексей Осипович был автором учебников и хрестоматий по им преподаваемым предметам, за педагогические заслуги удостоился государственного чина статского советника (с правом принятия в дворянское сословие), был награждён орденами.

Родился он 3 января 1851 года в маленькой чешской деревушке, в семье столяра. Учился в гимназии Градец Кралова (его соучеником был будущий чешский писатель Алоиз Ирасек). Со второго класса увлёкся изучением славянских, в том числе русского языков под педагогическим началом профессора Христо Стефана, автора переводов русской классики.

Позже австрийские власти уволили профессора со службы за приверженность идеям славянского патриотизма, за посещение Московской этнографической выставки 1867 года. Его ученики, не получив аттестатов, уехали в Москву, где были приняты в университет. Алоизу Поспишину пришлось закончить обучение на родине, начать учёбу в Карловом университете, после чего он повторил манёвр своих бывших одноклассников.

Отучившись в Петербурге (в историко-филологическом институте – по курсу классической словесности, в университете – по русской словесности и истории), Алоиз Поспишил перебрался, в 1873 году, в Киев, где в Первой гимназии сменил на посту преподавателя классических языков Александра Александровича Руссова. Владимир Романов по его поводу сообщает: *«Во второй год пребывания моего в пансионе, моему самолюбию дана была особенно благоприятная почва...я на латинском языке сочинил басню под названием, кажется, «Лисица и волк. Басня эта привела в восторг нашего учителя»*¹³.

После почти четырёх десятков лет беспорочной службы на ниве киевского народного образования Иван Поспишил с супругой переехал в семейное имение в селе Глинск, что под Дубно Волынской губернии. Здесь продолжил активное преподавательство, но с наступлением войск Австро-Венгрии и Германии летом 1915 года эвакуировался со школой в город Волчанск Харьковской губернии.

В эти годы на Волыни шли военные действия, калейдоскопически менялась политическая обстановка с регулярной переменой власти. Дубно был освобождён российскими войсками в 1917 году, после Октябрьской революции город вошёл в состав Украинской Народной Республики, немедленно введшей в оборот украинский язык, на котором стало вестись преподавание и в вернувшейся в 1918 году из Волчанска гимназии.

В 1921 году, после Рижского договора, Ровно, Дубно, Луцк и другие города Западной Волыни вошли в состав Польской республики. С этого времени здешние гимназии стали польскими государственными, украинский язык в школах и учреждениях был запрещён. В 1923 году Алоиза Поспишила, педагога с полувековым стажем, уволили как не поляка и как славянофила.

Сыновья его уехали в Чехию, дочь осталась в России; в эту пору Алексей Осипович написал книгу о чехах и словаках, оставивших духовный след в России, успел полунелегально издать её. Окончил земные дни свои 27 декабря 1929 года в Глинске. Через два года за ним последовала супруга, Елизавета Михайловна.

Преинтересные воспоминания о Первой гимназии, о жизни Киева в первые годы двадцатого века оставил Михаил Павлович Полетика, 1896 годка рождения, историк и экономист, уроженец Конотопа, представитель обедневшего малороссийского рода. В 1905 году - в год, когда выпускник Михаил Терещенко отправился за высшим образованием в Лейпцигский университет, - Михаил Полетика вместе с братом-близнецом Юрием успешно выдержали вступительный экзамен в Первую Киевскую гимназию.

«Много споров и сомнений вызвал вопрос о том, куда держать экзамен. В Конотопе в 1904-1905 годах мужской гимназии не было. Только что открывшееся Конотопское коммерческое училище было признано тупиком, из которого в будущем нет выхода ни в университет, ни

в технические институты. Послать нас, девятилетних сорванцов, в Новгород-Северск или в Городню, где были гимназии, мама и бабушка не решались. Наконец, после больших колебаний и сомнений бабушка решила переехать на жительство в Киев, снять там квартиру и жить вместе с нами. В это же время мама решила вторично выйти замуж и дать нам твёрдую мужскую руку, чтобы продолжать нас воспитывать в достаточно твёрдом духе. На семейном совете было решено, что мы будем держать экзамен в лучшую казённую гимназию в Киеве – Киевскую первую гимназию, основанную императором Александром I в 1811 году. Конкурсные вступительные экзамены туда считались трудными.

В начале августа 1905 года мама и бабушка повезли нас в Киев. Остановились мы в старенькой гостинице на Бессарабке. Через два дня мама отвела нас в Киевскую первую гимназию, большое жёлтое трёхэтажное здание на Бибиковском бульваре, против Николаевского парка. Вместе с Фундуклеевской женской гимназией и огромным садом оно занимало целый квартал. Шум и гам голосов в гимназии были далеко слышны на улице, но они не испугали ни меня, ни брата. Мы и сами были горластыми...»¹⁴

Воспоминания Николая Павловича Полетики прекрасно дополняют описание быта Первой Киевской гимназии в начале двадцатого века её хорошо известных учеников, его тёзки Николая Павловича Анциферова и Константина Георгиевича Паустовского. Вот как последний описывает приём гимназистами посетившего гимназию сербского короля Петра I:

«Когда в Киев приезжало какое-нибудь сановное лицо, ему непременно показывали нашу гимназию. Она была одной из старейших в России. Начальство гордилось не только историей этой гимназии, но и ее зданием – величественным и уютным. Единственным украшением этого здания был беломраморный зал в два света. В этом зале всегда было холодно, даже летом.

Мы любили сановные посещения, потому что каждая высокая особа просила директора освободить в память своего посещения гимназистов от занятий на один или на два дня.

Директор благодарил за честь и соглашался. Мы торопливо связывали ремешками книги и вываливались буйными толпами на улицу.

Но не все посещения высоких особ сходили так гладко. Бывали и неприятности. Одна такая неприятность случилась с королем Сербии Петром Карагеоргием. Мы знали, что он вступил на престол после кровавого дворцового переворота и потворствовал порабощению балканских народов Австрией.

За неделю до его приезда Платон Федорович начал обучать нас сербскому гимну «Боже правды, ты, что спасе от напасти досад нас». Кроме того, нам было приказано, приветствуя короля, кричать не «ура», а «живио».

Директор Терещенко, «Маслобой», должен был сказать королю несколько приветственных слов по-французски. Приветствие написал мосье Говас. Он гордился этим. Впервые ему выпала на долю высокая честь писать приветствие его величеству королю. Директор выучил приветствие наизусть. В этом он сравнялся с нами. Но «Маслобой» отличался слабой памятью. Он боялся забыть приветствие перед лицом Петра Карагеоргия.

Директор нервничал. Он потребовал от нового нашего инспектора Варсонофия Николаевича [Иванова] (Бодянский был в то время назначен

директором Третьей гимназии), чтобы тот дал ему в помощь лучшего подсказчика-гимназиста. Мы не любили «Маслобая» и отказались назвать лучшего подсказчика. Пусть «Маслобой» справляется сам. Лучший подсказчик в гимназии – к тому же француз – Регамэ учился в нашем классе. Вместе с нами он невозмутимо выслушивал просьбы инспектора и вежливо улыбался.

Наконец мы сдались. Мы обещали дать подсказчика, но только в том случае, если будет исправлена несправедливая двойка по математике безответному гимназисту Боримовичу. Иванов обещал переделать двойку на тройку.

Соглашение было достигнуто. Регамэ получил листок с текстом приветствия и переписал его на шпатель. Приветствие начиналось словами: «Sire, permettez à nous» и так далее. По-русски это звучало примерно так: «Сир, позвольте нам приветствовать вас в седых стенах нашей славной гимназии».

Мы все выучили это приветствие наизусть. Когда директор проходил по коридору, мы хором, подражая его пискливому голосу, говорили из класса ему в спину: «Сир, позвольте нам приветствовать вас в седых стенах нашей славной гимназии!» Нас особенно веселили «седые стены». «Маслобой» делал вид, что ничего не слышит.

В день приезда короля гимназия светилась праздничной чистотой. Широкую лестницу устлали красными коврами. День был солнечный, но, несмотря на это, в актовом зале зажгли люстры. Мы пришли в парадных мундирах. Наш класс выстроили в две шеренги в вестибюле. Сбоку стоял Субоч с маленькой шпагой, засунутой в карман вицмундира. Над карманом блестел только тонкий золотой эфес. От Субоча пахло духами. Его пенсне так сверкало, будто стеклышки его были сделаны из пластинок алмаза.

У мраморной колонны стоял «Маслобой». По нашей гимназической терминологии, «Маслобой» «выпустил пар». Он был бледен. Ордена дребезжали на его тугом сюртуке. С улицы послышалось «ура». Это кричали войска, расставленные шпалерами. «Ура» приближалось к гимназии. Грянул оркестр. Двери распахнулись. «Маслобой» беспомощно оглянулся на Регамэ и двинулся рысцой навстречу королю.

Низенький горбоносый король с седыми усами, в голубой шинели с серебряным набором, припрыгивая, быстро вошел в вестибюль. За его спиной все голубело от шинелей и лоснилось от цилиндров. Швейцар Василий, бывший цирковой борец, должен был снять с короля шинель. Но Василий растерялся и, вместо того чтобы снимать шинель, начал натягивать ее на короля. Король сопротивлялся. Он даже покраснел. Наконец он вырвался из могучих лап Василия. К королю подскочил адъютант и, отстранив Василия рукой в белой лайковой перчатке, услужливо снял королевскую шинель. Глаза у Василия помутнели, как у пьяного. Василий стоял вытянувшись и отдувался – он не мог сообразить, что случилось.

– Сир! – сказал «Маслобой», склонившись перед королем, и отчаянно замахал засунутой за спину левой рукой. Это значило, что он забыл речь. Регамэ тотчас начал «подавать». Он делал это виртуозно. Король недовольно смотрел на красную директорскую лысину. Он еще тяжело дышал после борьбы с Василием. Потом король услышал подсказку и усмехнулся.

Директор кое-как окончил приветствие и показал королю на узкий проход между шеренгами гимназистов, приглашая «его величество» проследовать в актальный зал. Король двинулся. За ним, гремя саблями, небрежно волоча их по чугунным полам вестибюля, хлынула свита. Аксельбанты замелькали в наших глазах.

На шаг позади короля шел воинственный генерал Иванов, командующий Киевским военным округом. За свитой шли, сняв цилиндры и слащаво улыбаясь, сербские министры.

Мы заранее обо всем договорились. Как только король вошел в проход между синими гимназическими мундирами, мы дружно и во весь голос грянули: «Жулье!» Это было похоже на «живио».

Мы повторили этот крик несколько раз. Он гремел в «седых стенах» гимназии. Король, ничего не подозревая, медленно шел, позванивая шпорами, кивал нам и улыбался. Субоч побледнел. Командующий Киевским военным округом генерал Иванов незаметно показывал нам за спиной кулак. В нем была зажата перчатка. Перчатка тряслась от негодования. «Маслобой», приседая от испуга, семеня за королем.

Король прошел, и мы слышали, как гимназический хор торжественными и постными голосами запел наверху: «Боже правды, ты, что спасе...» Субоч пристально осмотрел всех нас. Но мы стояли стройно и безмолвно. На наших лицах не отражалось ничего, кроме умиления перед этой торжественной минутой.

Субоч пожал плечами и отвернулся. Но история с королем еще не была окончена. Когда он шел обратно, мы дружно и оглушительно прокричали: «Держи его!» Это опять было похоже на «живио». И король опять ничего не понял. Он милостиво улыбался, а министры все так же изящно несли перед собой цилиндры с атласной белой подкладкой. Но когда мимо нас проходил седобородый премьер-министр Пашич, считавшийся либералом, мы впервые прокричали понятно и правильно: «Живио, Пашич!»

Мы, конечно, перестарались. Матусевичу, обладавшему могучим басом (впоследствии Матусевич был певцом Киевской оперы), поручили прокричать «Держи его!» прямо в ухо королю. Король пошатнулся, но быстро овладел собой и любезно кивнул Матусевичу.

После этого случая с королем двенадцать гимназистов из нашего класса, в том числе и я, получили разнос от директора. После разноса нам запретили три дня посещать гимназию. Начальство явно старалось замазать всю эту историю с королем, боясь огласки.

До сих пор я не понимаю смысла нашего исключения. Это были три дня безмятежного отдыха, чтения, прогулок по Днепру и посещения театров.

Скрыть случай с сербским королем, конечно, не удалось. Нам неистово завидовала вся наша гимназия. И не только наша, но и Вторая, и Третья, и реальное училище, куда никогда не возили никаких королей».

О посещении Первой гимназии королём Сербии вспоминает и Полетика, видевший и упомянувший в своих мемуариях сцену «борьбы» гимназического швейцара

Василия с сербским монархом:

«Состав учеников представлял пеструю картину: дети местных дворян, помещиков и чиновников, занимавших довольно крупные, но не самые высокие

посты в киевской администрации и суде; дети разночинцев - большей частью адвокатов, врачей, учителей и др.

Первые отделения каждого класса гимназии были более аристократичными и сановными, во вторых отделениях было сравнительно больше разночинцев. Ежегодные бои между первыми и вторыми отделениями я наблюдал не раз, но по причине щуплости и хилости к ним не допускался

Я был свидетелем и участником почти всех событий в жизни гимназии этих лет и знал почти всех учителей. Вместе с другими "кишатами" (приготовишками) мы с братом были захвачены в плен старшеклассниками и выпущены как живые снаряды-торпеды на толстого физика для того, чтобы он застрял в узкой входной двери. Я видел отца Симеона Трегубова, выскочившего в растерзанном виде из старшего класса, где на него напустили крысу, и слышал об его из гимназии после того, как в том же классе гимназисты заставили его почтить вставанием память отлученного от церкви "еретика" Льва Николаевича Толстого. Я спасался с уроков математики и физики в класс ксендза Оленского. Я видел, как швейцар Василий тискал в вестибюле сербского короля Петра I, посетившего нашу гимназию: швейцар напяливал на короля полуспущенную шинель вместо того, чтобы снять ее»¹⁵

Начало учёбы в Первой гимназии совпало для юного Николая Полетики с бурными событиями октября 1905 года, которыми так возмущался Василий Васильевич Розанов и которые в мещанской среде защитников монархического строя породили защитников-погромщиков. Об этом мемуарист пишет с пронзительной точностью детской памяти:

«В конце августа мы вернулись в Киев. Бабушка сняла квартиру из трёх комнат, в самом конце Бульварно-Кудрявской улицы, там, где она спускаясь, входит в Галицкий, или, как тогда говорили Еврейский базар. Мы могли видеть всю площадь базара прямо из наших окон.

Занятия в гимназии начались 1 сентября, но в городе было неспокойно. Бабушка подписалась на газету, и мы, возвращаясь из гимназии к часу дня, прежде всего хватались за газетные страницы...

Из газет мы узнали, что война подходит к концу, идут переговоры о мире с Японией, что в России началось народное движение с требованием реформ и конституции... Всюду шли собрания студентов и рабочих с требованиями реформ. В

Киеве в начале сентября начались сходки студентов в Университете и в Политехническом институте. В конце сентября студенческие сходки переросли в столкновения с полицией и в беспорядки на улицах. В начале октября остановилось движение на железных дорогах и начались забастовки на заводах. 14 октября 1905 года в Киеве перестали выходить газеты и остановились трамваи. Постепенно прекратились работы на всех предприятиях и занятия в школах. Стали закрываться магазины...

В квартирах срочно запасали воду и продовольствие, какие только можно было достать. Но 17 октября магазины вдруг открылись и пошли трамваи, а на следующий день, 18 октября, в утренних листках телеграмм, выпускаемых Киевскими газетами, был напечатан царский манифест о даровании населению «основ гражданских свобод.

Бабушка, спустившаяся к Галицкому базару, принесла известие, что в городе идут манифестации, переходящие в драки между сторонниками Манифеста и

«защитниками царя». Вечером у киевской городской Думы на Крещатике войска стреляли в толпу, а на Подоле, на Галицком базаре и на Лукьяновке начался еврейский погром, который постепенно охватил весь город.

Погромы продолжались несколько дней – до 21 октября. По словам бабушки, войска и полиция легко могли прекратить их, но не делали ничего. Они равнодушно смотрели, как погромщики, босяки и оборванцы громили еврейские квартиры и лавки, выбрасывали на улицу мебель, имущество, товары, уничтожая и портя менее ценные и раскрадывая более дорогие вещи. Полиция, особенно на Подоле, не только спокойно смотрела на погром и убийство евреев, но даже призывала погромщиков «бить жидов». Войска и казаки сохраняли нейтралитет, отвечая на мольбы евреев о защите, что «им это не приказано». Войска защищали и охраняли не избиваемых, а громил, деливших между собой имущество евреев.

Из окон нашей квартиры мы хорошо видели, как начался и шёл погром на

Галицком базаре. Базар в просторечьи назывался Еврейским из-за множества лавчонок и магазинов, принадлежавших евреям. Это был район еврейской бедноты.

Магазины, выходившие на тротуары, которые окружали полукольцом Базарную площадь со стороны Бульварно-Кудрявской улицы, Бибиковского бульвара, Мариинско-Благовещенской и Жилянской улиц, были маленькими лавчонками, где редко можно

было найти больше одного приказчика. На самой базарной площади был «толчок»: здесь стояли палатки с навесами и открытые столы, где продавалась рвань и барахло и всякая всячина от гвоздей и замков и до пирожков с требухой. Это было небольшое богатство. Мы видели как погромщики тащили одежду, материю, обувь, галантерею, ругаясь и вырывая добычу друг у друга. Толстенная баба с медным лицом, в очипке (чепец), тащила, задыхаясь, детскую кровать и модную широкополую шляпу с букетом цветов или перьев. Ободранный босяк, в новом чёрном сюртуке, деловито тащил несколько коробок с ботинками. Другой оборванец с лохматой бородой нёс коробку с сорочками и настенные часы. Какие-то люди в поддёрках (мелкие люди, приказчики или дворники?) торопливо разбирали выкинутые из разбитых лавок на площадь и на тротуары товары. Полиция участвовала в грабеже, забирая наиболее «заманчивые» товары. Погромщики врывались в дома и вытаскивали оттуда не только имущество, но и избитых окровавленных людей, от которых требовали прочесть молитву или показать царский портрет. В квартирах оставались трупы убитых...

Погром, свидетелями которого мы оказались, произвёл на нас гнетущее впечатление, оставил чувство отвращения, ужаса и вместе с тем злобы на собственное бессилие. Всю жизнь я не могу забыть этих кровавых сцен, этой трагедии ни в чём не повинного народа. Почти все еврейские лавки в Киеве были разгромлены и разграблены, много домов разбито и опустошено... Сколько людей было убито и ранено, об этом газеты не писали...»¹⁴

Кровавые еврейские погромы, охватившие в октябре 1905 года не только Киев, но и многие провинциальные центры, города Российской империи, по сути своей были

для правительства простой и легко реализуемой методом разрядки напряжения в обществе – не только для его черносотенных представителей («лабазников»), конкурентов-торговцев, бездумных обывателей, но и для простодушной части населения, испытывавшей недовольство существующим положением и жаждавшей ответа на извечный русский вопрос: «Что делать и кто виноват?» Должно отметить, что подобного рода трагические – для еврейского населения России - ситуации, с некоторым различием в содержании и формах проявления возникали в приднепровских и заднепровских землях вот уже более столетия и тому была своя историческая подоплёка.

Проживание представителей еврейского (иудейского) этноса в Киеве летописно засвидетельствовано ещё в пору Владимира Красна Солнышка и можно смело предположить, что ареал расселения этого даровитого и энергичного народа под властью русских князей охватывал все тем подконтрольные – вплоть до Карпатских гор – территории. В литовско-польский период, начавшийся для киевской, западной и юго-западной частей русских земель после татаро-монгольского нашествия, еврейское население укоренилось в них основательно и на много столетий, нашло в среде автохтонных народов свою, очень непростую социально-экономическую нишу.

Положение изменилось в конце восемнадцатого века, когда – после раздела Речи Посполитой между Австрией, Пруссией и Россией – матушка Екатерина ввела ограничения по местам жительства подвластного ей еврейского народа не только во вновь присоединённых областях, но и на остальной территории Российской империи (позже выразившихся в понятии «черта оседлости»). Нельзя сказать, что указ императрицы на сей счёт очень буквально исполнялся, но в 1835 году император Николай I, строго подтвердил и максимально детализировал бабушкину директиву изданием «Положения о евреях».

В частности, четвёртый параграф этого документа разрешал евреям жить «в губернии Киевской, кроме губернского города Киева», а также еще в семи малороссийских губерниях. При этом седьмой параграф «Положения» указывал, что «вне черты постоянного жительства» евреям можно находиться не более шести недель - и только с разрешения полиции - для принятия наследства, для защиты собственности в суде, для ведения торговых дел. (Впрочем, в твёрдых царских нормах скоро появились вынужденные исключения, к примеру, для врачей.)

В 1859 году следующий император, Александр II разрешил проживать в Киеве еврейским купцам Первой гильдии, а спустя два года – и Второй, а также евреям, имеющим ученую степень магистра; позже город открыли для евреев-ремесленников, занимающихся «обработкой вещей, требующей известной степени знания или искусства», а также для демобилизованных евреев-солдат.

Селиться евреям разрешалось только в двух (окраинных, бедных и необустроенных) частях города – Плоской (Подол и Куреневка с окрестностями) и Лыбедской. Для проживания в других районах города требовалось специальное разрешение, а для поселения в центральных, Дворцовом или Старокиевском, участках лица иудейского вероисповедания должны были обладать высоким социальным и материальным статусом.

На учёбу в государственных гимназиях и высших учебных заведениях для евреев действовала «процентная норма»; в Киеве она составляла три процента, в черте оседлости – больше. Обычно число желающих учиться из обильной среды способных представителей еврейского этноса эту норму превышало, что вело к драматическим

сценам в дни конкурсного отбора, ломке психики юных претендентов (особенно в ситуациях, когда родители их не могли «дать в лапу» кому следует за обход процентного барьера).

О ситуации с «еврейским вопросом» в стенах Первой киевской гимназии пишет Николай Павлович Полетика:

«По своему национальному составу учащиеся нашей гимназии были, в основном, русские. Преподавание велось на русском языке. Попытки некоторых учеников говорить в гимназии на украинском языке быстро пресекались гимназическим начальством. Украинский язык был объявлен языком простонародья, а не интеллигенции.

Общее число учащихся в гимназии составляло, в среднем, около 700 человек. Число гимназистов-евреев не превышало 20 человек (трёхпроцентная норма). В нашем классе из тридцати пяти гимназистов было пять поляков-католиков и три еврея.

И здесь я не могу не отметить одну парадоксальную особенность. Гимназия была консервативной, руководили ею завзятые монархисты-националисты во главе с директором Терещенко. Но травли евреев-гимназистов со стороны основной массы учащихся не было. И не потому, что все дворянские и сановные сынки хорошо относились к евреям – своим товарищам по классу, а потому, что Терещенко не допускал и пресекал самыми решительными мерами попытки такой травли. Монархист до мозга костей, он добился в 1911 году запрещения принимать евреев в Первую гимназию. Но тех евреев, которых он принял в гимназию до 1911 года, он в обиду не давал. Они пользовались правами наравне с остальными. Я хорошо помню, что все три еврея из нашего класса в течение девяти лет учения в нашей гимназии не подвергались травле, по крайней мере открытой, ни со стороны преподавателей-монархистов, ни со стороны гимназистов. И Саша Амханицкий, и Саша Рабинерсон (он защитил почти одновременно со мной, в декабре 1940 года в Ленинграде, докторскую диссертацию по химии, а в 1941 году умер от голода во время блокады Ленинграда), и Коля Жолквер могли жить и учиться более или менее спокойно под державным крылом директора гимназии Терещенко...»¹⁴

1911 год начался в напряжённой обстановке. В конце 1910 года в газетах появились сообщения, что на ближайшей сессии Третьей Государственной Думы будет поставлен на обсуждение проект закона об отмене ограничений для евреев и, прежде всего, об отмене “черты оседлости”... Архиправые монархисты – Совет объединённого дворянства, самая влиятельная политическая организация в царской России, тесно связанная с “Союзом русского народа” и с черносотенными газетами “Русское знамя” и “Земщина”, решила во что бы то ни стало сорвать принятие “еврейского закона” и защитить “истинно русских людей от евреев”.

9 апреля 1911 года в государственной Думе началось обсуждение закона об отмене ограничений для евреев и в тот же день в Петербурге открылся очередной седьмой съезд объединённого дворянства.

... К открытию дворянского съезда была переведена на русский язык старая антисемитская брошюра ксёндза Пранайтиса, впервые изданная на латинском

языке в 1891 году и доказывавшая наличие у евреев “ритуальных убийств”...

Брошюра Пранайтиса была роздана всем членам съезда, который в особом постановлении выразил благодарность отцу Пранайтису за “полезные и опытные указания”.

В результате мощного противодействия ультрамонархических сил закон о снятии ограничений на еврейскую жизнь был завален, более того 11 февраля 1911 года Совет министров постановил ввести процентную норму для евреев, сдающих экстернами экзамены в профессиональных школах. Экстернов-неевреев в профессиональных школах на то время не существовало, посему это постановление (скоро одобренное Николаем II) фактически лишало еврейских мальчиков учиться в таких учебных заведениях. Дальше – больше. В марте 1911 года Премьер Столыпин, минуя Государственную Думу, провёл в чрезвычайном порядке закон о введении земских учреждений в Западном крае (“на Киевщине”) и запрещающий работу в них евреям.

И, наконец, 21 и 22 марта в киевских газетах появились первые сообщения о том, что в одной из пещер Лукьяновских оврагов обнаружен труп мальчика двенадцати-тринадцати лет с несколькими десятками колотых ран на теле. Как выяснилось – это был труп ученика Софийской духовной школы Андрея Ющинского. В полном соответствии с инструкциями пастора Пранайтиса правые киевские газеты объявили, что евреи убили еврейского мальчика в ритуальных целях – чтобы источить из него кровь для мацы. Вслед за ними столичные монархические газеты опубликовали обращение вождей правых к правительству - что оно намерено предпринять “для полного прекращения секты иудеев, употребляющей для некоторых религиозных обрядов христианскую кровь, и для обнаружения тех членов секты, которыми и убит малолетний Ющинский?”¹⁶⁰

В первой гимназии, в среде её учеников, было иное мнение:

“Оглядываясь сейчас назад и вспоминая прошлое, я могу сказать, что в нашем классе и вообще по всей гимназии мало кто верил в правдивость этих статей... Как это может быть в XX веке, когда Блерио уже перелетел через Ла-Манш. А вскоре в самом Киеве на ипподроме будет показан полёт на настоящем аэроплане? Тогда, и в апреле и в мае 1911 года все эти газетные сообщения об убийстве Андрюши Ющинского были для нас лишь полемикой правых и левых газет, борьбой монархистов и националистов с оппозиционной либеральной и демократической интеллигенцией.

...Я помню, какую бурю в классе вызвала гнусная фальшивка - “экспертиза ксёндза Пранайтиса”, который доказывал существование ритуальных убийств у евреев. Вдохновлённый ею, один из учеников класса, Столица, оскорбил нашего товарища и друга, Сашу Амханицкого, бросив ему публично, что евреи пьют кровь христианских детей. Оскорбление было нанесено с наглым высокомерием. Столица всегда, при всяком удобном и неудобном случае подчёркивал, что он столбовой дворянин, что имя его занесено в “Бархатную книгу” дворянских родов, так что в классе его насмешливо прозвали “жантийом (дворянин) Столица”... До сих пор у нас в классе не оскорблялись национальные чувства евреев. Класс решил судить Столицу своим судом. Было решено, что каждый гимназист даст ему пощёчину. Столицу поставили у печки, гимназисты по очереди держали его за руки, чтобы он не вырвался, а остальные по очереди отпускали ему полновесную пощёчину. К

сожалению, мой черёд не настал. В разгар экзекуции в класс вбежал Саша и закрыл Столицу своим телом.

Но этим дело не кончилось. Через несколько дней мы узнали, что Столица-отец ходил к директору гимназии и жаловался, что его сына избили. Но реакция директора Терещенко была неожиданной. Он заявил, что несмотря на то, что он не любит евреев и добился запрещения принимать их впредь в Императорскую Александровскую гимназию, он не допустит травли евреев, которые уже учатся в гимназии, и предложил Столице-отцу перевести сына в другое учебное заведение”¹⁴

Киевская полиция по горячим следам, в начале лета, арестовала киевскую мещанку Веру Чеберяк, имея достаточно серьёзные на то основания - подозревали городские сыскари, что убийство произошло при её прямом участии у неё на квартире, где Андрей Ющинский стал невольным свидетелем (или был нежеланным соучастником) воровской сходки. Её скоро выпустили, затем вновь арестовали, после чего “...22 июня был арестован Мендель Бейлис, приказчик кирпичного завода Зайцева. 3 августа ему было предъявлено обвинение в убийстве Андриюши Ющинского. 7 августа Вера Чеберяк была вторично, и на этот раз окончательно выпущена из тюрьмы»¹⁶⁰.

Таким образом власти, идя на поводу реакционного дворянства, решили объявить убийство Ющинского ритуальным, совершённым Бейлисом и сделать судебный процесс против него трибуной обвинения всего еврейства (в итоге, ставший для его учредителей трибуной позора, с итоговым оправданием подсудимого).

Все эти события происходили в пору летних гимназических каникул. Руководство гимназии занималось подготовлением к возможному посещению вверенного им учебного заведения Николаем II, который обещал приехать по случаю полувекowego юбилея отмены крепостного права его дедом. Намёк на такой визит был сделан монархом в конце июня 1909 года, во время его проезда городом с полтавских торжеств по случаю двухсотлетия победы над шведами. Ходили слухи, что после посещения гимназии царём она, в честь столетия со дня её учреждения, будет преобразована в лицей, учиться в котором смогут только дети дворян, но никак не разночинцев и, тем более, евреев.

Визит Николая II в Киев состоялся и был трагически отмечен, во время спектакля в Оперном театре, убийством верного ему премьер-министра Петра Аркадьевича Столыпина выпускником юридического факультета Киевского университета выкрестом Дмитрием Григорьевичем (Мордехаем Гершковичем) Богровым (к слову, в один год с Михаилом Терещенко окончившим Первую гимназию и год проучившимся в Мюнхенском университете). Точные мотивы

убийства, как и его вдохновители, кажется, не известны и по сей день; известно только, что убийца - внук писателя Григория Исааковича Богрова и сын крупного киевского домовладельца, проживал на Бибиковском бульваре (дом четыре), что в качестве платного агента сотрудничал с киевским охранным отделением, начальник которого, Николай Николаевич Кулябко, и выдал ему пропуск на оперное представление, ставшее фатальным для Столыпина. Это преступление

аукнулось и для Первой гимназии:

«Выстрелы Богрова разбили вдребезги тщеславные надежды директора гимназии Александра Николовича Терещенко о преобразовании её в дворянский лицей. Что же это за гимназия, которая претендует на такую честь, а воспитывает таких террористов, как Богров!.. Но всё же царь посетил нашу гимназию через два дня после покушения. Я стоял в первой шеренге малорослых гимназистов на лестнице в вестибюле и смог ... хорошо разглядеть царя. Царь был сумрачен и неуверенно оглядывался по сторонам. Наш толстый запыхавшийся директор грузно опустился на колени и поцеловал руку своего государя. Однако столетний юбилей нашей гимназии был безнадежно испорчен. Гимназия получила название “Императорской Александровской”, гимназистам на поясные пряжки и на гербы на фуражках вместо цифры I поставили букву А с короной над ней, приём евреев в гимназию отныне был прекращён, но дворянским лицеем наша гимназия не стала”.¹⁴

23 сентября 1911 года, на пятый день после неуспешной операции на жёлчном пузыре, проведённой в Петербурге, Александр Николович скончался и был похоронен на Аскольдовой могиле.

Наследникам Александра Николовича остался капитал в четырнадцать миллионов рублей, два сахарных завода и несколько имений в Черкасском, Чигиринском и Сквирском уездах Киевской губернии, а также в Житомирском уезде Волынской губернии. Почетным попечителем Киевской 1-й гимназии был избран его племянник *Михаил Иванович Терещенко*, а благотворительную деятельность продолжила жена *Елизавета Владимировна*. Среди прочего, она передала в распоряжение *городской думы* 100 тысяч рублей в ценных бумагах для выдачи пособий больным и нуждающимся жителям Киева, выделила капитал на стипендии для *Киевского музыкального училища* и Александровской гимназии, приобрела для станции Общества скорой помощи автомобиль, стоивший в те времена 10 тысяч рублей. Во время *Первой мировой войны* Елизавета Владимировна содержала лазарет на 135 кроватей при больнице для чернорабочих, а Ольга Николовна — Ольгинский лазарет на 20 кроватей в доме покойного брата по улице Кузнечной, 6.⁸

Фёдор Николович Терещенко

Фёдор Артемьевич Терещенко, двенадцатью годами младше брата Николая, войдя в лета, повторил во многом этапы его жизненного пути, стал для него фактическим alter ego в промышленных и торговых делах семейного клана, в его подвигах благотворительности, но не потерял при этом своей индивидуальности, выдвинулся на первый план общественной жизни как выдающийся коллекционер произведений живописи и скульптуры, ставших основой будущего музея русского искусства в Киеве.

Поддерживая семейную традицию, он в начале 1855 года получил должность попечителя Глуховской городской больницы, а пять лет спустя был назначен старшим бургомистром магистрата. В 1869 году он полгода замещал старшего брата на посту городского головы Глухова, был мировым судьёй нескольких судебных округов.

Переселившись с братьями в Москву, Фёдор Артемьевич активно участвовал в делах городской благотворительности. Как свидетельствуют архивные материалы, осенью 1873 года он стал почётным членом Московского совета детских приютов, а год спустя – Московского благотворительного попечительского о бедных комитета. Как член Комитета по постройке четырёхэтажного здания Маросейской богадельни содействовал денежно её возведению, в 1875 – 1878 годах, по чертежам архитектора Генриха Пранга в Малом Златоустинском переулке; в здании поселились сироты воинов, погибших в ходе русско-турецкой войны 1877-1878 годов, а также были размещены квартиры служащих попечительского Комитета.

С марта 1876 года Фёдор Артемьевич как староста Татьянинской церкви при Московском университете, три года отвечал за её хозяйственные нужды. Этот домовый храм, тогда занимавший флигель в усадьбе Пашковых, в своё время был выкуплен Николаем I для Аудиторского корпуса университета. Не мог он в эту пору не встречаться, не общаться с тогдашним ректором университета знаменитым историком Сергеем Михайловичем Соловьёвым, с его учеником Василием Осиповичем Ключевским, другими светилами русской науки и педагогики. Равно, как и не мог он – 12 января 1877 года – не присутствовать на освящении в университетской церкви бюста Михаила Васильевича Ломоносова (работы Сергея Ивановича Иванова), описанном хроникёром «Московских ведомостей»: *«По окончании молебствия, совершеного в университетской церкви преосвященным Игнатием, духовенство, почётные посетители и профессеры вышли в сквер, разбитый перед новым зданием Университета. Здесь окруженный тысячной толпой стоял закрытый покрывалом памятник. При появлении этих лиц покрывало было снято, и пред глазами присутствующих предстал бронзовый бюст Ломоносова, покоящийся на высоком пирамидальном основании...»*¹⁶¹

В июле 1877 года Фёдор Артемьевич был утверждён попечителем богадельного дома братьев Набилковых. Нашлось у него время поучаствовать в работе Общества любителей естествознания, распространения полезных книг и прочая, и прочая. Его первая жена, Мария Павловна (в девичестве – Подланева) в 1875 году вела попечительство в общественном комитете при московских Первом и Втором родильных приютах. Даже разменяв Москву на Киев, Фёдор Артемьевич продолжал исполнять им принятые на себя попечительские хлопоты⁸.

Предположительно, одним из первых совместных благодеяний братьев Николы и Фёдора Терещенко в Киеве было выделение средств на обустройство в пригородном селе Михайловская Рубежовка земледельческо-ремесленной колонии для малолетних преступников. Как известно, в долгой и сложной истории формирования в России системы уголовной ответственности её малолетних граждан качественный сдвиг произошёл в 1866 году, когда суд получил возможность заменять тюремное заключение для несовершеннолетних преступников на их исправительное воспитание в земледельческих и ремесленных приютах. Право учреждать подобные заведения получили, в числе прочих, и частные лица, которым для этого предоставлялись казённые земли, давалась плата за каждого питомца (на одежду и пропитание), предоставлялись права на устройство лотей, благотворительных спектаклей et cetera.

В приютах обязательно изучались закон Божий, чтение, письмо, арифметика, по возможности преподавались и другие дисциплины. Побег из приюта не рассматривался как уголовное преступление, сам же бежавший возвращался обратно и содержался уже под строгим надзором. Руководить такими приютами могли только лица с педагогическим образованием. В случае с Рубежовским приютом, его директором был назначен Александр Дмитриевич Ушинский, старший брат (1817 года рождения) выдающегося учёного-педагога, Константина Дмитриевича Ушинского, бывших уроженцами города Новгород-Северского, относившегося к Черниговской губернии.

Назначенный директором ещё обустроивавшейся Рубежовской колонии, Александр Дмитриевич был отправлен её учредителями на трёхлетнюю стажировку в действующий с января 1868 года, Московский Рукавишниковский приют, а затем в земледельческую колонию близ Санкт-Петербурга, открытую в июне 1871 года под началом Александра Яковлевича Гердта и располагавшуюся на берегу впадающей в Охту речушки Лупа, в восьми верстах от Невы⁸.

О первых годах работы Рубежовской колонии пишет губернский земляк Ушинского, известный юрист, профессор по кафедре уголовного права и судопроизводства Киевского университета святого Владимира, Александр Фёдорович Кистяковский:

«В конце 1873 г. образовалось в Киеве общество земледельческих колоний и ремесленных приютов, устав которых утверждён был в июле 1874 г.

Это общество, при искреннем и в высшей степени полезном содействии бывшего Киевского генерал-губернатора А. М. Дондукова-Корсакова, своего почётного попечителя, и благодаря умелой деятельности своего инициатора Л. А. Милорадовича, успело в течение двух лет собрать значительный капитал – и 30 августа 1876 года уже открыло земледельческо-ремесленную колонию в Рубежовке, на расстоянии 26 вёрст от Киева. Непосредственное управление колонию вверено А. Д. Ушинскому, опытному педагогу, бывшему учителю гимназии и сведущему администратору, работавшему по крестьянским делам в одной из южно-русских губерний...

Открытая в августе месяце 1876 года и пущенная в действие в октябре того же года, когда приняты были первые питомцы, она слишком ещё молода, чтобы в короткое время сделать что-нибудь важное и окончательно определиться. Но сколько можно судить по начальным действиям, это заведение носит в себе задатки прочного, надёжного и полезного учреждения.

Экономическое положение. Нельзя сказать, чтобы Киевская колония была в материальном положении хорошо обставлена. Она до сих пор не имеет пока

неприкосновенного капитала. Из 35,473 руб., поступивших в общество в 1874, 1875 и 1876 году более 26,000. руб. получены путём частных пожертвований...

По уставу колония эта принимает: а) несовершеннолетних преступников и бродяг, приговорённых судебными учреждениями к тюремному заключению на срок; б) детей, находящихся при родителях в тюрьмах и в) несовершеннолетних нищих и детей, не имеющих приюта...»¹⁶

Вернувшись в Киев, с 10 марта 1876 года Александр Дмитриевич Ушинский приступил к прямому исполнению обязанностей директора Рубежовской колонии и в должности этой пребывал четыре года. К слову, действительным членом Общества была его супруга, Ольга Васильевна (урождённая Абирюхтина), которая на строительство больницы при этой колонии внесла свой посильный денежный вклад – более четверти миллиона рублей.

Значительная отдалённость Рубежовской колонии от Киева создавала проблему со стабильностью состава педагогического персонала, что указывал Кистяковский: «Рубежовская колония, подобно Петербургской, испытывает все неудобства и весь вред, проистекающий от непостоянства воспитательного персонала. Ещё не прошло и двух лет, как место одного воспитателя замещается уже четвёртым лицом».¹⁶

В итоге, руководство Общества приняло решение перевести колонию ближе к Киеву. У обустроенная усадьба в Михайловской Рубежовке была продана, а вырученные средства, дополненные членскими взносами членов Общества и пожертвованием Фёдора Артемьевича, были использованы на приобретение земельного участка на хуторе Галаганы, на котором 9 сентября 1884 года отметила новоселье земледельческая колония, коей было оставлено старое наименование – «Рубежовская».

Архивные факты свидетельствуют, что в новоустроенной колонии (кстати, как и все ей подобные учреждения подчинявшиеся Министерству внутренних дел) пять месяцев иприслужил воспитателем выпускник Киевской военной гимназии Павел Платонович Чубинский, автор слов песни «Ще не вмерла Україна».

В 1893 году вновь на средства Фёдора Терещенко, в Рубежовской колонии, по проекту Владимира Николаевича Николаева был выстроен небольшой храм в честь Святого Благоверного Великого князя Александра Невского. В росписи и внутреннем украшении храма участвовали такие замечательные художники как Виктор Михайлович Васнецов, Павел Александрович Сведомский и Вильгельм Александрович Котарбинский, Иван Фёдорович Селезнёв, прежде выполнявшие такие работы во Владимирском соборе.

Храм Александра Невского разделил послереволюционную судьбу многих культовых сооружений. Оказавшись в предвоенные годы на территории жилого городка „Станок“, принадлежавшего Киевскому станкостроительному заводу, храм, лишённый куполов и утвари, некоторое время использовался под заводской дом культуры, затем – по приказу директора завода – в начале 1936 года был снесён. Ныне о его былом местоположении указывает памятный крест и скромная церквушка святого Пантелеймона между станциями киевского метро «Нивки» и «Святошино».

В январе 1871 года Фёдор Артемьевич Терещенко подал заявление городскому голове Густаву Ивановичу Эйсмону (к слову, из семьи киевских аптекарей, богатейший

домовладелец) с просьбой выделить ему на Подоле земельный участок для строительства ночлежного дома: *«Избрав местом постоянного своего жительства г. Киев, я желал бы принять участие в деле помощи беднейшим обывателям города и со своей стороны способствовать удовлетворению их наиболее настоятельных нужд. Одной из таких нужд представляется мне устройство ночлежных домов или приютов, отсутствие которых особенно сказывается на недостаточном рабочем люде, скучившемся теперь в ночлежных неудобных домах. Я пришёл к убеждению, что всего целесообразнее было бы построить ночлежный дом на Подоле, в местности, прилегающей к канаве, где по улице Нижний Вал есть пустопорожнее место»⁸.*

Упомянутая в письме так называемая «канавка» в рассматриваемое время являла собой выпрямленное, после жуткого пожара 1811 года, русло речушки Глыбочицы, вытекающей из недалёкого Кмитова яра и служившая тогда стоком как для отходов физиологических, так и промышленных (в первую очередь открывшегося, в 1872 году, винокуренно-дрожжевого завода братьев Чоколовых). Берега этого водостока, обустроенные как бульвары, назывались Нижним Валом и Верхним Валом. О сооружении городской канализации хозяева города начинали рассуждать в дни очередной вспышки заразной болезни, и только в 1879 году перевели разговоры в дело, когда под началом доктора медицины Евгения Ивановича Афанасьева была учреждена специальная комиссия.

Результатом её работы стала постройка и ввод в эксплуатацию в Киеве, в 1894 году, так называемой шоновской системы канализации – одной из первых в России и в Европе, выполненной по полной раздельной системе с очисткой стоков. Первая очередь этого технически и технологически сложного комплекса, составленного из нетленных керамических труб, «обслуживала» дома Бибиковского бульвара, улиц Крещатикской и Александровской, в том числе её нижней, подольской части (ныне улицы Сагайдачного). В затраченные на её реализацию средства немало денег вложили братья Никола и Фёдор Терещенко.

Запрос на выделение Фёдору Артемьевичу земельного участка под богоугодное дело Городская дума скоро решила, тем более, что к тому подвигало законодательство, что «городское неугоды», среда пребывания преимущественно *plebs urbana* и *plebs rustica*, в средствах к существованию и в крыше над головой ущемлённого, облагораживалось благозачными, нравственно значимыми строениями за средства добросердечного сахарозаводчика.

Первым таким строением стало, возведенное к февралю 1882 года, по проекту Владимира Николаева, трёхэтажное здание ночлежного приюта, с устроенными в нём умывальниками и ватер-клозетами, способным ежедневно предоставить ночёвку пятистам бездомным киевлянам и заходящим людям (в местной лексике – «забродам»). В этом же здании (в нынешних координатах – улица Нижний Вал, дом 49) благотворитель оборудовал телефонную станцию и устроил больницу, а в дворовом флигеле содержал «бесплатную «столовую дешёвых обедов», в которой обед из двух блюд обходился посетителю в восемь копеек.

У нашего молодца нет забавам конца. В феврале 1887 года во дворе ночлежного дома его устроитель организовал бесплатные квартиры для бедных вдов с семьями, для

одиноких престарелых женщин. Претендентов на поселение Фёдор Артемьевич отбирал самолично, по результатам предварительного собеседования с ними в своей конторе по улице Алексеевской, дом 3.

Дальше – больше. В мае 1891 года заработал родильный приют для бедных, выстроенный на землевладении Фёдора Терещенко инженеро-полковником, штаб-офицером для особых поручений при окружном инженерном управлении Киевского военного округа Михаилом Платоновичем Фабициусом (к слову, владевшим в Киеве крупными, им самим выстроенными домами и бывшим Фёдору Артемьевичу, в некотором роде, соперником на ниве коллекционирования картин, коих – высокохудожественных - у него было более двух сотен). Несостоятельные роженицы в это заведение принимались бесплатно и за счёт учредителя содержались в нём девять послеродовых дней.

«К 1916 году в приюте Терещенко было уже 14 кроватей, и за 25 лет своего существования он оказал медицинскую помощь 11259 беременным и роженицам.

По всем трём благотворительным заведениям на Нижнем Валу Фёдор Артёмович израсходовал 120 тысяч рублей на строительство зданий и 225 тысяч положил в неприкосновенный капитал на содержание. Процентом с капитала получалось ежегодно 8773 рубля, и ещё Терещенко, а потом и его наследники дополнительно давали на покрытие текущих расходов по 3-4 тысячи рублей в год⁸».

Связав себя прочно в делах благотворительности с Подолом, Фёдор Артёмович заботился и о духовных нуждах его жителей,

содействовал материально капитальному обновлению Киево-Подольской Введенской церкви. Это деревянное культовое сооружение, выстроенное в так называемой Плоской части города в 1718 году, на месте церкви Святого Власия Севастийского, к середине девятнадцатого века основательно обветшало, после чего было принято решение о строительстве рядом с ним новой, уже каменной церкви. Три года, по проекту неизменного Владимира Николаева велось новое

строительство на церковной усадьбе, и в 1885 году освящённый новотворный храм приступил к духовному окормлению прихожан. Предшествующее строение было разобрано на дрова.

В тридцатых годах ушедшего века этот византийского стиля храм был уничтожен, но возродился, как феникс из пепла, в 2010 году, когда по предложению митрополита Владимира был, уже во второй раз, отстроен на его прежнем месте, по улице Почайнинской.

Во многом схожей, но без счастливого итога, была судьба другого подольского храма – Николо-Иорданского, располагавшегося на Кирилловской улице, у склона горы, на которой в пору киевской праистории располагалось древнерусское селение Хоревница. Выстроенный в позднем русско-византийском стиле, в 1884 году, в том числе на средства Фёдора Артемьевича Терещенко, храм этот дожил до 1935 года, когда был разобран, а на его фундаменте была выстроена школа. (Ныне в ней располагается нотная фабрика, а в сохранившемся прицерковном здании – психо-неврологический диспансер.) Сохранился, недоступный людскому насилию, родник, у коего, как засвидетельствовали авторитетные археологи, некогда молились первые киевские христиане и была выстроена церковь (то ли

святого Ильи пророка, то ли предтеча Николо-Иорданской). Со временем при ней обустроился женский Иорданский монастырь, действовавший до 1787 года; сама церковь исчезла в пламени пожара 1821 года и более шести десятков лет, до возрождения, её место занимало пепелище. Ныне, близ старого местоположения, у древнего источника предпринимаются, кажется, успешные попытки нового возрождения Николо-Иорданского храма.

Как попечитель Второй киевской гимназии Фёдор Артемьевич Терещенко, в дополнение ежегодных, размером в тысячу рублей взносов, выстроил в ней, вновь за свой кошт, домовую – во имя святого Александра Невского - церковь, введённую в действие в 1887 году. Как засвидетельствовали современники, особый художественный блеск ей придавали резной иконостас из морёного дуба и выполненные Александром Яковлевичем Шиле потолочные фрески. В 1889 году попечительские труды Фёдора Терещенко для этой гимназии были вознаграждены орденом Анны Первой степени.

Не обделял благотворительностью Фёдор Артемьевич и свою малую родину - Глухов. Здесь, в 1891 году, он основал и обеспечил неприкосновенным капиталом в?? частное приходское училище своего имени, дававшее бесплатное образование воспитанникам детского приюта, ещё его отцом учреждённого.

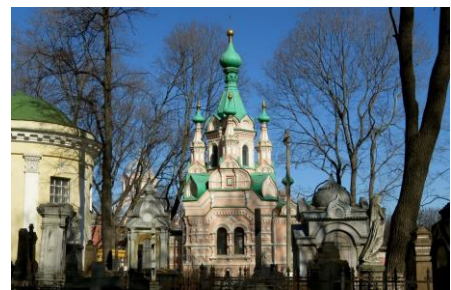
Нет точных сведений, когда состоялся первый брак Фёдора Артемьевича с Марией Павловной Подланевой, которая в его московский период жизни, как венчанная супруга, носила фамилию Терещенко. Известно, что в Киев, в конце семидесятых годов, он вернулся один, а Мария Павловна, кажется, отправилась за рубеж, о чём, в июне 1874 года, старики Терещенко - Артемий Яковлевич и Ефросинья Григорьевна Терещенко - обмолвились в письме их Глухова своей невестке Пелагее: «...Фединька писал нам, что он остаётся в Москве с сыном своим, а Машеньку отправляет за границу».

Известно, что Фёдор Артемьевич в Киеве женился на Надежде Владимировне Хлоповой, дочери чиновника особых поручений Киевского Губернского акцизного управления, родившей разменявшему пятый десяток супругу дочь Надежду (в 1887 году), сына Фёдора (в 1888 году) и дочь Наталью (в 1890 году).

Можно только предположить гипотетически, что с первой супругой Фёдор Артемьевич расстался навсегда по взаимной договорённости, с приличной финансовой компенсацией экс-супруге и, возможно, разрешение от духовного ведомства на развод и повторный брак было дано по статье более, чем трёхлетнего отсутствия богоданной супруги (хотя возможен и более печальный вариант – из-за её кончины).

Известен также архивный документ, датированный 16 января 1891 года, по которому Никола Артемьевич Терещенко удостоверял отсутствие у младшего брата детей от первого брака. Даже вообразить, что почтенный Никола Артемьевич слукавил – невозможно; следовательно, напрашивается очень осторожный вывод, что к дате подписания документа, сына Фёдора Артемьевича от первого брака на белом свете не было.

Некоторую сумятицу в поисках житейских отметин первого сына Фёдора Артемьевича привнесла информация о том, что в московском Донском

монастыре на средства полковника И. Ф. Терещенко была выстроена, в качестве семейной усыпальницы, часовня, позже перестроенная в церковь Иоанна Лествичника – миниатюрный пятиглавый храм, изощрённо декорированный в духе русских храмов семнадцатого столетия. "Разрешение на постройку генерал-майору Терещенко, жившему близ монастыря, дано было 29 апреля 1898 года".

Краеведческий розыск разъяснил, что финансировал сооружение этой церкви известный московский благотворитель Иван Филиппович Терещенко. Родился он 27 марта 1837 года, в Полтаве. Воспитывался в Петровско-Полтавском и Константиновских кадетских корпусах. Военную службу начал офицером особых поручений Киевского артиллерийского арсенала. Далее, перейдя в интендантское ведомство, служил в Петербурге помощником заведующего обозными мастерскими, затем таковыми заведовал в Москве. Став профессиональным специалистом, имея требуемый стартовый капитал, открыл в белокаменной собственный завод „Обозные мастерские”, располагавшийся по улице Калужской.

Известно также, что на пожертвование Ивана Филипповича был выстроен Успенский собор Пюхтицкого монастыря (в Эстляндии), с условием, что в храме ежедневно будет совершаться на проскомидии поминовение его и его родных.

В 1905 году Иван Филиппович при выходе в отставку был пожалован званием генерал-майора. Скончался он 20 февраля 1907 года и был погребён в родовой усыпальнице Донского монастыря.

В его завещании были такие строки: «Выдать в распоряжение Ревельского Епархиального начальства Эстляндской губернии капитал в семьдесят тысяч рублей, каковой исключительно должен быть употреблен на сооружение нового храма в Пюхтицком женском монастыре во имя Успения Пресвятой Богородицы».

15 июня 1908 года состоялась закладка каменного собора, о чём свидетельствует оставленная под престолом металлическая доска, на которой есть слова: «...основана сия церковь... при державе Государя Императора Николая Александровича, ...на средства генерал-майора Иоанна Филипповича Терещенко...»), и в 1910 году был построен величественный пятиглавый собор – главное сооружение Пюхтицкого Свято-Успенского монастыря. А завещанное отставным генералом поминовение его и его родных выполняется и по сей день.

В Киеве, в 1880 году, Фёдор Артемьевич выкупил у Марии Владиславовны Чаплинской, вдовы бывшего городского инженер-архитектора, особняк по улице Алексеевской и заказал архитектору Андрею Леонтьевичу Гуну его фундаментальную перестройку. Труды архитектора дали гомерических размеров строение, с фасадом под сорок метров длины; позже, в 1884 году, была согласована с городскими властями и возведена пристройка под зимний сад и картинную галерею, стремительно наполнившуюся произведениями живописи русских и украинских художников, приобретённых Фёдором Артемьевичем.

Экспозиция пополнялась, прежде всего, за счёт приобретений полотен у авторов, участников передвижных художественных выставок, объединившихся в Товарищество с 1871 года, и ежегодно вывозивших свои картины на выставки в губернские и крупные провинциальные города России.

Фёдор Артемьевич, вместе со старшим братом и его сыном Иваном, стал авторитетнейшим покупателем, соперничая в этом занятии с московским коллекционером Павлом Михайловичем Третьяковым, да и с самим императором Александром III.

Перечислить фамилии авторов произведений, им приобретённых - дать главу истории русского искусства третьей четверти девятнадцатого века. Все приобретенное Фёдор Артемьевич выставлял на показ горожанам, что, к примеру, видно из газетного объявления февраля 1887 года: *«Собрание картин Ф. А. Терещенко открыто для публики с 21 февраля по 1 апреля по субботам от 1 до 4 часов пополудни. Алексеевская, вход со двора»*².

Последним благотворительным делом Фёдора Артемьевича стало его пожертвование в двадцать пять тысяч рублей на сооружение в Киеве музея древностей и искусств, которое он сделал за два дня до своей кончины, наступившей 15 июня 1894 года. Похоронили его в семейной усыпальнице – в глуховской Трёх-Анастасиевской церкви.

*«Умер Терещенко действительным статским советником, почётным гражданином города Киева. Он получил это звание в июле 1892 года, на пять месяцев раньше, чем брат Никола, кавалером многих отечественных и иностранных орденов, в том числе французского – Почётного легиона и черногорского – князя Данила. Всего этого Терещенко удостоился за щедрую и бескорыстную благотворительную деятельность. Основанные им заведения были переданы в ведомство Императорского Человеколюбивого общества, их попечителями оставались члены семьи Терещенко»*⁸.

Eхegi monumentum. После революции, 12 ноября 1922 года в помещении частной картинной галереи Фёдора Артемьевича Терещенко открылась государственная «Киевская картинная галерея», в которой экспонаты прежнего владельца здания дополнились живописной коллекцией его брата Николы и племянника Ивана.

Шедеврами новообразованной галереи стали полотна Ивана Шишкина «Дубовая роща», «Первый снег», «Среди долины ровныя», «Ручей в лесу»; Ильи Репина «Поприщин», «Портрет В. Гаршина»; Ивана Крамского «Крестьянин с уздечкой»; Николая Ярошенко «Курсистка»; Виктора Васнецова «Три царевны подземного царства»; Аполлинария Васнецова «Сумерки»; Василия Поленова «Зима. Имоченцы»; Михаила Врубеля «Девочка на фоне персидского ковра»; Павла Федотова «Игроки».

Фёдор Фёдорович Терещенко.

Второй Фёдор Терещенко – единственный сын Фёдора Артемьевича Терещенко – оказался и сыном своего времени, вложившим немалый вклад в отечественное самолётостроение в пору его становления и тем внимания и благодарности потомков достойный.

Летун отпущен на свободу,
Качнув две лопасти свои,
Как чудище морское — в воду,
Скользнул в воздушные струи.
(Александр Блок.)

Родился Фёдор Фёдорович Терещенко (для родных – просто «Дорик») 11 ноября 1888

Ф.Ф. Терещенко. 1916 г.

года в Киеве. Образовывался и воспитывался больше дома, чем в Первой гимназии, в которой некоторое время числился. В ней, сдав экстерном - в течение мая 1907 года – весь гимназический курс, он получил желаемый аттестат зрелости и два месяца спустя поступил на механическое отделение Киевского политехнического института, но на лекциях долгое время не появлялся.

Как позже студент Терещенко объяснял институтскому руководству, перед первым семестром он выехал по домашним обстоятельствам в Германию, там захворал, но *«чтобы не отставать от своих товарищей по курсу, воспользовался пребыванием в Берлине и записался в число студентов политехнического института в Шарлоттенбурге»*⁸.

Институтское образование Фёдор Фёдорович обретал в манере гимназического – на лекциях бывал редко, но знания на испытаниях демонстрировал превосходные. На втором курсе он решил жениться на компаньонке своей сестры Натальи по Смольному институту, дочери графа Гербара-Вильгельма Кейзерлинга и баронессы Софии фон Оффенберг, именовавшейся просто Беатрис. Факт пятилетнего преимущества избранницы в возрасте темпераментного Дорика – в отличие от его матери, Надежды Владимировны, и незамужней тётки, Ольги Николовны, - не смущал.

Некоторое время девица Беатрис жила гостьей у институтской подруги, но, разойдясь с ней в характерах, вернулась к родителям в Петербург, Здесь она и обвенчалась с неукротимым Дориком, как свидетельствует авторитетнейший источник, в церкви святых апостолов Петра и Павла.

(В северной столице на то время действовало две православных церкви святых апостолов Петра и Павла – в пригородах Парголово и Шувалово; неподалёку от последней автор этих строк, студент-первокурсник образца 1964 года нанимал койко-место в скрипучем деревянном доме. Маловероятно, что блистательная пара молодых Терещенко решила стать под венец в далёкой окраинной церкви. Вероятнее всего, обряд бракосочетания совершил пастор одноимённой, и поныне действующей лютеранской церкви на Невском проспекте, что вполне согласуется с вероисповеданием невесты и её родителей, но никак не увязывается с православием жениха.)

«А царица молодая, дела вдаль не отлагая, с первой ночи понесла». В положенные календарные сроки, в дни путешествия молодых по Австрии, у них – 23 апреля 1910 года - родилась дочь Наталья. Вернувшись с младенцем в Киев, студент Терещенко решил отделиться от родительского гнезда – купил небольшой особняк в верхней части Александровской улицы, но, кажется, долго в нём не жил.

В брачных отношениях с Екатериной Гебгардтовной, явно уступавшей супругу в телесной и душевной энергетике, пассионарный Дорик продержался до 1916 года, после чего, якобы избалованный ею в неверности, был вынужден – по итогам бракоразводного процесса - выделить бывшей половине умопомрачительную денежную компенсацию и, до конца дней своих, вернуться в формально холостяцкое состояние.

Природа наделила младшего Фёдора Терещенко неукротимой энергией, цепкой памятью, незаурядными организаторскими и техническими способностями, которые он –

в тяге к проектированию и строительству аэропланов начал реализовывать, будучи студентом Киевского политехнического института.

Ещё в 1899 году, спустя только год после основания этого замечательного киевского учебного заведения института профессор электротехники Николай Андреевич Артемьев начал кампанию за введение в институте пятого, воздухоплавательного факультета, добившись, создания только одноимённой секции при институтском механическом кружке. Секция со временем разрослась тематически и, усилиями профессора Бориса Николаевича Делоне, была переименована в воздухоплавательный кружок – с секциями аэропланов, вертолетов, орнитоптеров и двигателей. Случилось это в ноябре 1908 года, после того, как Николай Егорович Жуковский в зале Купеческого собрания прочитал лекцию «Успехи воздухоплавания», которую, по просьбе студентов и с согласия её автора Николай Борисович Делоне повторил в большой аудитории политехнического института.

На основе институтского кружка, через год после его создания, было организовано Киевское общество воздухоплавания, более походившее по своему составу на любительский клуб. За недолгое своё существование (до 1915 года) общество отметилось организацией двух «Воздухоплавательных выставок» в январе 1911 года и в марте 1912 года, организацией полётов, выпуском литературы по авиационной тематике да выдачей двух прав на полёты – Игорю Сикорскому и Фёдору Терещенко. На средства последнего, к слову, нанималось помещение для правления общества в Назарьевском переулке (ныне – улица Ветрова), частично содержался аэродром на Куренёвке⁸.

Реальным же учебно-исследовательским центром авиационно-технического профиля на юге России de-facto стал воздухоплавательный кружок Киевского политехнического института. Его участники слушали лекции мэтра Делоне по основам воздухоплавания, сами выступали с сообщениями и докладами и, главное, активно занимались конструированием и изготовлением собственных летательных аппаратов, начиная с буксируемых планеров.

В декабре 1908 года были успешно испытаны модели студентов Александра Серебренникова и Георгия Адлера. Весной 1909 года свою модель планера испытал Борис Николаевич Делоне: «Весной 1909 года мы с инженером Гарфом и сыновьями построили из бамбука планер. Прыжки на нём удавались очень плохие. Преподаватель Ганицкий, прыгнув на нём в овраг, сломал себе ногу. Но авиация была в столь героическом периоде, что этот случай не возымел охлаждающего действия не только на нас, но и на самого Ганицкого. А мы с сыновьями, уехав на дачу в Звонковое, построили новый планер. На нём летали сыновья...» (Виктор Гончаренко. Как люди научились летать).

Осенью этого же года Делоне стал читать в институте факультативный (необязательный) курс лекций по воздухоплаванию, давших начало формированию киевской (точнее – политехнической) школы воздухоплавания с использованием двигательной силы.

Тот мудрён, у кого кошель ядрён. Должно отметить, что основы воздухоплавания и авиационной техники преподавались и усваивались в политехническом институте на факультативной, бескоштовной основе и успех дела строился на энтузиазме лекторов и увлечённых авиастроением студентов. Закупка необходимой оснастки, оборудования также велась на их средства или с привлечением капитала благотворителей. При таких исходных условиях, несмотря на большое количество моделей самолётов, «родившихся» в Киеве только небольшое число их создателей из среды политехнического института пробивались в большой авиационный мир.

При таких исходных данных первенствовал Фёдор Терещенко, чей авиационный талант подкреплялся колоссальными финансовыми и материальными средствами. Свои конструкторские задумки он реализовывал в семейном имении Червонное, тогда числившемся за Сквирским уездом Волынской губернии (с центром в Житомире) и прежде принадлежавшим вдовой-е Ванде-Радзивилл-Грохольской. «Имение это, вместе с несколькими другими деревнями, винокуренным и пивоваренным заводами его дед приобрёл в 1868 году. Уплатил за семь тысяч гектаров земли, со строениями, хлебом и скотом почти 257 тыс. руб. серебром. В купчей особо был оговорен господский дом – с мебелью, мраморами, картинами, оранжереей, теплицей, экипажами, лошадьми...»

Весной 1909 года здесь, неподалёку от дворца, Фёдор Фёдорович выстроил авиамастерскую, сформировал небольшое конструкторское бюро, с ему приличествующими проектным и вспомогательными корпусами, с жилыми строениями для сотрудников, обустроил на выгоне для скота (площадью более сорока гектаров) лётное поле; выписал из Франции аэроплан "Блерио-ХІ", намереваясь скопировать его и тем освоить азы конструирования и постройки самолётов⁸.

Первый из них, наименованный «Терещенко- 1», появился в мае 1909 года. Пришлось Фёдору Терещенко строить и дубль своего первенца (совершенство его в ходе процесса) в конце года, после того как он и ещё два студента-политехника Игорь Сикорский и Фёдор Былинкин получили от самого Николая Егоровича Жуковского приглашение принять участие в воздухоплавательной выставке, приуроченной к очередному съезду русских естествоиспытателей в Москве.

Работы над новым аппаратом Фёдор Терещенко, вместе с механиком Владимиром Григорьевым и помощниками начал 1 декабря 1909 года и ко дню зимнего солнцестояния их завершил и переправил на московскую выставку в специально для него выстроенный павильон. Демонстрацию своего аэроплана Фёдор Фёдорович сопровождал альбомом чертежей и фотографий, который он также представил слушателям его лекции, прочитанную им, по просьбе устроителей, в Политехническом музее. Своими московскими впечатлениями поделился с сестрой Натальей, проводившей рождественные праздники в Петербурге:

«... Для меня было много интересного. Постройка аэроплана, выставка, доклад. Наша выставка очень интересная, много моделей, частей. К сожалению, мой аэроплан единственный. Мы его должны были построить в 23 дня, так что в последнюю неделю работали иногда до шести утра, но всё-таки успели. Мне здесь было очень страшно, когда меня Жуковский просил сделать съезду доклад о моём аэроплане. Но когда я начал читать, страх вовсе прошёл и было очень весело. Присутствующих было, вероятно, около 1500 человек. После доклада, иллюстрированного волшебным фонарём со снимков моих чертежей, начались прения. Стали делать возражения, просили дополнительные сведения. В общем публика мало знакома с техникой воздухоплавания, даже профессор петербургский был посажен в калошу...»

Послезавтра едем в Киев. Надеюсь ещё успеть до конца экзаменов сдать математику. А потом – в Червонное – буду летать...»⁸

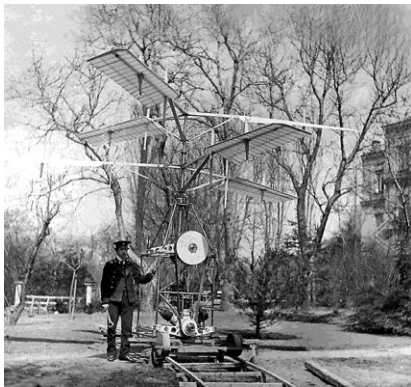
В феврале в Червонном случилась неприятность с новой моделью аэроплана: французский механик Карл Ротт, повредил его при посадке и тем вызвал внимание местного жандармского начальства, выявившего у хозяина авиамастерской нет разрешения на полёты. За ним Фёдор Терещенко отправился во Францию, на фирму Блерио. Отсюда он восторженно писал отдыхавшей на средиземноморском побережье маме: *«Я страшно рад, что мне удалось летать. Это так приятно, что трудно даже описать испытываемое чувство. Так, как я летаю, опасность устранена совершенно. Больше 12 метров не поднимаюсь...»*⁸

Звание пилота Фёдор Фёдорович получил по возвращении в Червонное, где его аттестовала, 2 августа 1910 года, компетентная комиссия от Киевского Воздухоплавательного общества, заодно проверившая профессиональные качества молодого пилота на им выстроенном аэроплане.

Его винты поют, как струны...
Смотри: недрогнувший пилот
К слепому солнцу над трибуной
Стремит свой винтовой полёт
(Александр Блок)

Дуэт сотоварищей Фёдора Терещенко по московской выставке, студентов-политехников Игоря Ивановича Сикорского (сына известного киевского психиатра) и Фёдора Ивановича Былинкина (сына небедного киевского купца) составил ранее на почве общей фанатической увлечённости аэронавтикой, подкреплённой твёрдым финансовым положением их родителей.

Игорь Иванович Сикорский, коренной киевлянин, внук и правнук православных священников, родился 25 мая 1889 года в семье знаменитого городского психиатра; начальное образование получил в Первой Киевской гимназии (был одноклассником одноклассника Николая Павловича Анциферова, о котором много пишу в своих предыдущих книгах). Далее, по примеру старшего брата Сергея, поступил в знаменитый Морской корпус в Петербурге, но в 1906 году, под влиянием пионерского полёта братьев Райт, учёбу оставил и отправился в Париж. Здесь поступил в техническую школу Дювинье де Ланно, но через полгода, неудовлетворённый качеством французского преподавания, вернулся в Киев и с 1907 года стал студентом политехнического института.

Свою тягу в небо Игорь Сикорский поначалу реализовывал в попытках создать аэроагрегат вертикального взлёта за счёт тяговой силы винт-пропеллера, которую реализовывал, начиная с 1908 года, в авиангарах института и во дворе родительской усадьбы по улице Ярославов Вал. В начале 1909 года он съездил в Париж, с рекомендательным письмом от Делоне к тамошнему авиатору Фердинанду Ферберу; тот помог киевскому студенту приобрести двадцатипятисильный двигатель для своего аэроизделия.

Его первое и неудачное испытание Сикорский провёл

в мае 1909 года, после доработок и усовершенствований повторил, вновь неудачно, попытку взлёта, о чём журнал «Всемирное техническое обозрение» сообщил:

«Студент Политехнического Киевского института И. И. Сикорский изобрёл аппарат, состоящий из клетки, в которой расположен мотор, его принадлежности, передачи и место для пилота. Из клетки выходят два вертикальных вала с концентрическими осями, на которых расположены 2 больших особой конструкции винты. Винты эти двигаются в 10 раз медленнее мотора, т. е. делают 160 оборотов в минуту. Этими винтами изобретатель надеется достигнуть подъёма аппарата. Подъём произойдёт тогда, когда тяга винтов сделается больше, чем вес всего аппарата...»¹⁶²

Отложив (как много позже выяснилось, на десятилетия) занятия геликоптерами,

Сикорский перешёл к конструированию аэропланов, начав, осенью 1909 года, помогать приятелю Былинкину строить уменьшённую копию биплана братьев Райт. Для успеха дела важно было подобрать оптимальный по своим тяговым характеристикам винт-пропеллер

Дабы решить эту задачу, Сикорский предложил коллеге Былинкину изготовить совместно по комплекту аэросаней и испытать на них им изготовленные винты, установленные на валах двигателей «Анзани», им вновь привезённых из Франции. Испытания аэросаней друзья-создатели провели, с невиданным ажиотажем, в начале зимы 1909 года, с участием большого числа киевлян всех социальных слоёв, пожелавших прокатиться на доселе невиданном экипаже по заснеженным киевским улицам, как о том сообщал, в начале следующего года, журнал «Воздухоплаватель»:

«С середины декабря прошлого года два студента КПИ Игорь Сикорский и Фёдор Былинкин занялись, временно оставив первый работу по геликоптерам, второй по аэропланам, устройством аэросаней и испытанием на них винтов, построенных Сикорским. Последним была сделана целая серия винтов и достигнутые результаты показали, что винты местного производства мало чем отличаются от винтов INTEGRAL Шовьера...»¹⁶²

Один из испытанных винт-пропеллеров Сикорский и Былинкин представили на московской выставке, в которой участвовали с коллегой-конструктором Фёдором Терещенко. Самолёт «Былинкин-Райт», в создании которого некоторое участие принимал и Сикорский, во время зимних испытаний сгорел, после взрыва в карбюраторе.

Содружество друзей к апрелю 1910 года дало общую модель двухстоечного биплана БиС-1 (Былинкин и Сикорский), Мощность двигателя оказалась недостаточной, а его установка за сидением пилота - контрпродуктивной, потому он – так от земли и не оторвавшийся - использовался лишь для наземной ружьжки. Ныне эта (и следующая) модель некоторыми исследователями поминается с большой буквой «И» посредине аббревиатурного сокращения, фиксирующей участие в её проектировании ещё одного

студента политехнического института – Иордана Василия Васильевича. (Для исторической ясности и справедливости следует помянуть добрым словом других студентов-политехников, киевлян, содействовавших становлению будущего титана авиастроения, Игоря Ивановича Сикорского, - Константина Карловича Эрганга, Георгия Петровича Адлера, Михаила Фёдоровича Климиксева, механика-моториста Владимира Сергеевича Панасюка.)

И коль речь зашла о значимых личностях киевского периода истории авиастроения, должно несколькими словами напомнить ещё об одном его видном участнике – Дмитрие Павловиче Григоровиче.

Коренной киевлянин (1888 года рождения), он, ещё до окончания родного политехнического института уехал в бельгийский город Льеж, где в сходном учебном заведении два семестра изучал аэродинамику и теорию двигателей. Его первая супруга, Надежда Сукневич, позже вспоминала: «С 1909 года, когда Дмитрий окончил Киевский политехнический институт, мы оба были увлечены авиацией. Наша комната была завалена механическими частями, элементами двигателя, разными деталями. Неподалеку от политехнического института на Куреневском летном поле он снимает сарай и приспособливает его под ангар. Рядом ангар другого политехника — Игоря Сикорского. Первый легкий спортивный биплан Г-1 с двигателем «Анзани» мощностью 25 лошадиных сил Дмитрий сделал из бамбука, который испытал 10 января 1910 года».

Первую модель Дмитрий Григорович выстроил при финансовом содействии киевского благотворителя Ильницкого, следующие (Г-2 и Г-3) - на средства и в мастерских Фёдора Терещенко. Правда, последняя модель не пролучила материального воплощения, кажется, по причине несогласия её разработчика с конструкторскими предложениями, директивно навязываемыми ему владельцем мастерских – творческий союз двух неординарных личностей, самостоятельных авиаконструкторов не состоялся.

В 1912 году Григорович переехал в Санкт-Петербург, где, в должности директора завода первого Российского общества воздухоплавания, стал отечественным первооткрывателем строительства гидросамолётов и достиг в нём впечатляющих результатов – одна из его новинок, гидросамолёт М-5 стал основной моделью самолётов этого класса, использовавшихся в боях Мировой войны. После революции, помимо гидросамолётов, конструировал истребители, сотрудничал с Николаем Николаевичем Поликарповым. Привелось ему, крупному авиастроителю, провести пару лет в Бутырке, потрудиться в тамошной «шарашке».

Скончался Дмитрий Павлович Григорович 26 июля 1838 года, в Москве. Итогом его жизни стали восемьдесят типов спроектированных самолетов (из которых почти четыре десятка строились серийно), мощная школа талантливых учеников, творцов авиационной и космической техники, блестящие конструкторские решения, и поныне являющиеся в авиастроении классическими.¹⁶³

В конструировании аэропланов в созидательной среде политехнического института действовал не только азарт молодости, но и рассудительность зрелости. В ряду институтских первопроходцев авионавтики числится профессор князь Александр Сергеевич Кудашев, 1872 года рождения. В феврале 1910 года, во время авиационной недели в Реймсе, в качестве пассажира самолёта марки «Фарсман», пилотируемого одесситом Михаилом Никифоровичем Ефимовым, он поднялся в воздух, и событие это столь сильно потрясло его, что, вернувшись в Киев, он максимально ускорил темп уже им ведшегося проектирования и строительства аэроплана.

Во временном сарайчике на территории института, он, начиная с марта 1910 года строил и испытывал его с винт-пропеллером, подаренным ему студентом Сикорским (и традиционным для первых самолётов двадцатипятицилиндровым двигателем «Анзани»). Об итоге трудов уважаемого профессора сообщил газете «Киевлянин» его студент-политехник Григорий Адлер *«Вчера, 23 мая, на Сырецком ипподроме состоялся первый полёт русского авиатора, на аэроплане, построенном в России. Честь первого полёта на русской летательной машине принадлежит инженеру князю А. С. Кудашеву»*. В этом испытании Кудашев дважды поднимался в воздух на аэромашине, весом в триста тридцать килограмм, пролетев каждый раз по несколько десятков метров на трёхметровой высоте. Позже Борис Николаевич Делоне, математик, сын профессора политехнического института, сообщал: *«...в Киеве летал князь Александр Сергеевич Кудашев и летал на своём собственном самолёте. Вначале он катался на нём по полю за Пушкинским парком, по утрам, а потом, в мае, наконец-то и полетел. Мы все это видели: это было потрясающее зрелище. Правда, я не знал, что Кудашев – профессор КПИ, думал – он великовозрастный студент»*.¹⁶⁴

После этого полёта Кудашев в течение года построил ещё три аэроплана, существенно улучшая их характеристики; его последняя модель «Кудашев-4» на авиационной выставке в Петербурге удостоилась серебряной медали. С 1911 года Кудашев работал на Рижско-Балтийском вагоностроительном заводе – сначала в Риге налаживал выпуск аэропланов «Соммер», затем вместе с заводом перебрался в Петербург; после революции эмигрировал во Францию, где занимался преподавательством.

Вторым, после князя Кудашева, поднялся в воздух на аппарате собственной конструкции преподаватель Петербургского электротехнического института Яков Модестович Гаккель. Выпускник этого учебного заведения 1897 года, он восемь лет преподавал в нём, но после революционных бурь 1905 года и им сопутствовавших студенческих волнений, был отправлен в Сибирь, где электрифицировал Ленские золотые прииски. По возвращении в Петербург, участвовал успешно во внедрении в городе трамвая, был премирован и полученные денежные средства использовал на строительство аэроплана собственной разработки. Его полёт, второй на отечественном изделии, состоявшийся 8 июня 1910 года, описала столичная газета «Новое время»: *«В воскресенье, 6 июня, в 4 часа утра, на Гатчинском военном поле авиатором В. Ф. Булгаковым совершён первый полёт на русском аэроплане инженера-электрика Я. М. Гаккеля. Аэроплан является новым оригинальным типом, построение – исключительно русскими рабочими из местных русских материалов на Коломяжском ипподроме. Аэроплан был доставлен в Гатчину только накануне, в 1 час дня, к вечеру собран и утром полетел...»*¹⁶⁵

Третьим, в этом состязании отечественных разработок 1910 года, стал Игорь

Сикорский, самолично поднявший аэроплан БИС-2 через два дня после полёта Гаккеля. Его аппарат совершил двухсотметровый полёт по прямой, длился двенадцать секунд и был зафиксирован комиссарами Киевского общества воздухоплавания (полёт Кудашева, к слову, такой регистрации не получил и считается неофициальным достижением).

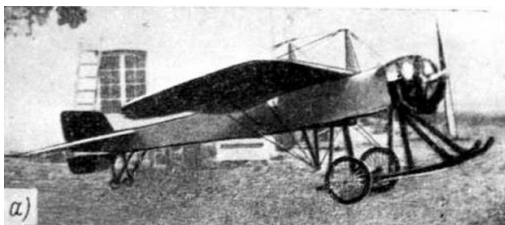
Впрочем, существующая классификация этих трёх полётов как совершённых на отечественных аппаратах не вполне корректна. Двигатели на всех этих аэропланах были иностранные. И следует серьёзно поработать исследователям отечественной аэронавтики, чтобы определить, какой из российских самолётов оказался первым, полностью собранным из отечественных комплектующих, в том числе двигателем собственного производства¹⁶⁶.

Как известно, первой в России производить авиационные двигатели начала фирма «ДЕКА», поначалу располагавшаяся в Петербурге, а с началом войны переехавшая в Александровск (будущее Запорожье). Известно также, что один из первых авиадвигателей этой фирмы марки «ДЕКА» М-100, запущенный в производство в 1916 году, был установлен на воздушном гиганте, четырёхмоторном самолёте «Илья Муромец» проекта фантастического Игоря Сикорского, в двадцать три года, в 1912 году, ставшего руководителем авиационного отдела Русско-Балтийского вагоностроительного завода (перемещённого из Риги в Петербург в связи с военными успехами немцев в Прибалтике).

Прежде на этом самолёте, построенном в марте 1913 года, устанавливались зарубежные двигатели и практика эта продолжалась и в военные годы, когда Военному ведомству передавались самолёты для использования в качестве тяжёлых бомбардировщиков и самолётов-разведчиков.

Поначалу этот самолёт, созданный Сикорским с командой киявлян-политехников, переехавшей с ним в столицу, получил название С-9 «Гранд», а после некоторых доработок – «Русский витязь». («Илья Муромец», ставший развитием «Русского витязя», поднялся в воздух в декабре 1913 года.) Молва о воздушном гиганте волной прошла по России; в Европе удивлялись и не верили. Для императора Николая, пожелавшего увидеть это авиационное чудо, самолёт специально перегнали в Красное Село. Сикорский стал национальным героем¹⁶⁶.

Оценивая творческие и организационные достижения Фёдора Терещенко в деле авиастроения, следует учесть, что развивалось и становилось оно на прочную основу за его личные средства, в отличие от его выдающихся коллег по политехническому институту, трудившихся под крылом авиапредприятий и не знавших других проблем, кроме творческих. В Фёдоре Терещенко сочетался несомненный талантливый инженер авиастроитель с организатором авиационной отрасли, только делавшей свои первые скромные шаги. Говорить о нём как о человеке, целиком занятом конструированием неверно, ибо за ним стояла команда единомышленников и такая же команда была у Игоря Сикорского, перевезшего в Петербург коллег, бывших студентов Киевского политехнического института.

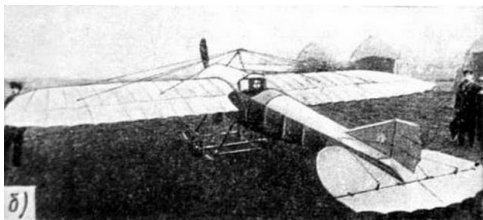
На то время Червонская авиамастерская Фёдора Терещенко являла собой крупное, насыщенное требуемым оборудованием, укомплектованное

грамотными специалистами предприятие. Для сравнения – основанный в 1909 году в Петербурге Сергеем Сергеевичем Щетининым завод Первого Российского Товарищества воздухоплавания «Гамаюн» представлял собой небольшую мастерскую, занятую опытными работами; и только после перехода в него бывшего коллеги Терещенко, Дмитрия Григоровича, помимо прочего, трудившегося в Петрограде и редактором журнала «Воздухоплаватель», завод набрал мощности и приобрёл известность выпуском летающих лодок¹⁶⁷.

В начале 1911 года в Червонном были созданы два аппарата «Терещенко-2» и «Терещенко-3», о которых сохранилось мало сведений; некоторые исследователи считают, что это были разработки Григоровича, известные как Г-2 и Г-3.

Оставившего авиапредприятие Григоровича сменил Сергей Сергеевич Зембинский. Зимой 1912 – 1913 годов был построен моноплан «Терещенко -4». Аппарат готовили к показу на Московской воздухоплавательной выставке, но в марте, во время лётных испытаний, был повреждён, что стоило места Зембинскому – его сменил французский конструктор и пилот Альфред Пишоф.

Под началом нового конструктора был спроектирован и построен моноплан «Терещенко – 5», созданный, по требованию военных, с возможностью сверхскорой его эксплуатационной сборки и разборки в фронтовых условиях (для наземной транспортировки к новому месту дислокации). В самолёте впервые было роликосное управление в системе тросов, а также приспособление запуска двигателя силами одного лётчика. С вариации модели этого самолёта, названной «Терещенко 5бис», начал её серийное производство в мастерских Терещенко.

Первый такой самолёт с шестидесяти сильным мотором «Гном» заинтересовал представителей Военного ведомства, решившего приобрести его у Терещенко – 7 октября 1913 года Пишоф передал эту машину Офицерской воздухоплавательной школе в Гатчине.

Известно также, что в этом же, 1913 году, Фёдор Терещенко, намереваясь организовать в своих авиамастерских аэродинамическую лабораторию, вёл по этому поводу переписку с Жуковским. В конце этого года творческий коллектив пополнился выпускником политехнического института Василием Васильевичем Иорданом, долго пытавшимся построить моноплан с фюзеляжем в форме кокона (так называемый «бимоноплан») в мастерских сотоварища по институту, но, кажется, сделать это не успел.

Практически в это же время в Червонном приступила к работе лётчиком-испытателем Любовь Александровна Галанчикова, ставшая авиатором ещё в 1911 году. Будучи довольно известной кафешантанной актрисой, укрывавшейся за псевдонимом «Мили Моле», она окончила гатчинскую лётную школу «Гамаюн» и вместо скромной сценической известности приобрела широкую популярность как испытатель аэропланов. После установления ею мирового рекорда высоты полёта для женщин, её пригласил в свою фирму шэф-пилотом Антонии Фоккер. Завершив работы у него, Галанчикова заключила контракт с Федором Терещенко о лётных испытаниях самолётов, изготовленных в мастерских Червонного. Контракт этот сохранился в архивах, часто публиковался и представляет собой интересный документ, отражающий все

стороны отношений между изготовителем авиатехники и её испытателями в начальную пору становления новой технической отрасли.

Будучи рачительным хозяином и понимая, что заинтересовать заказчиков аппаратами только отечественной разработки трудно, Фёдор Терещенко обратился к копированию французских образцов. В конце января 1914 года он подписал контракт на поставку к концу июля этого же года восьми аэропланов типа «Фарман XXII» с восьмидесятисильными по цене в девять тысяч рублей за каждый аэроплан. При этом был жёстко определён лимит на импортные комплектующие для каждого изделия – не более восьмисот рублей.

Контракт предусматривал передачу самолётов представителям Военного ведомства в Червонном с обязательными испытательными полётами «... перед комиссией или приёмщиками, решения которых безапелляционны, всецело за счёт и риск поставщика...» Испытания состояли из полёта на грузоподъёмность (требовалось с полной полётной массой набрать высоту в пятьсот метров за двенадцать минут) и полёта на продолжительность, во время которого следовало не касаться земли в течение полутора часов. После посадки «должно быть констатировано осмотром, что аппарат может повторить полёт без каких-либо исправлений». Контракт Червоновские мастерские выполнили, правда, с задержкой до января 1915 года.

В 1914 году авиамастерские Терещенко стали именоваться Червонским аэропланым заводом с директорством в нём Бишопа. Владелец завода в конкретные проблемы не вмешивался, занимаясь больше вопросами стратегии развития своего детища. И хотя ставка на копирование французских аэропланов продолжалась, делались попытки выпуска собственных, оригинальных изделий, каковым в начале 1914 года стал самолёт «Терещенко – б», ставший развитием предыдущей, пятой модели, в этом же году модифицированной в «Терещенко – 5бис». На ней Бишоп вначале июня 1914 года – с некоторыми приключениями – совершил успешный полёт по маршруту Червонное – Городище - Кагарлык - Киев – Червонное, преодолев почти полтысячи вёрст за четыре с половиной часа.

С началом войны обе модификации пятой модели были переданы военным. В это же время Терещенко заключил контракт с французской фирмой «Моран-парасоль» на производство её самолётов Червонским авиазаводом. Реализации контракта помешали трудности с доставкой комплектующих изделий через оккупированные Германией территории и капризы французских поставщиков.

Серийные заказы способствовали расширению предприятия Терещенко, численность его персонала к концу 1914 года перевалила за сто человек, существенно улучшилась технологическая оснащённость производства. Наряду с выпуском французских аппаратов фирмы «Фарман» велись и собственные разработки – конструкторскими усилиями Владимира Петровича Григорьева был разработан проект биплана (вместо прежде традиционных монопланов) с расположенными рядом, в одной кабине сиденьями, оснащённый стосильным мотором семейства «Гном». Характерной особенностью его была возможность изменять во время полёта угол атаки крыла – схема, по которой прежде экспериментировали знаменитый лётчик Пётр Николаевич Нестеров, студенты-политехники братья Григоренко. До строительства самолёта в Червонном дело не дошло, так как осенью 1915 года в связи с приближением к местечку линии фронта завод пришлось эвакуировать.

Фёдор Терещенко в это время находился во Франции в составе комиссии «по заготовке автомобильного и авиационного имущества» для армии. Альфред Пишоф переехал в Одессу, на завод аэропланов Артура Анатольевича Анатра (талантливого предпринимателя-миллионера), Василий Иордан отправился служить начальником авиабазы

Восьмой армии. При таких обстоятельствах все основные заботы, связанные с эвакуацией Червонского завода легли на плечи управляющего терещенковским именем Вашкевича и других служащих главной конторы¹⁶⁷.

Поначалу предпринимались попытки эвакуировать завод в Киев и значительно нарастить его мощность до заявленных армейскими представителями ста пятидесяти самолётов в год. План этот реализован не был, только в авиамастерских политехнического института успели довести до полной лётной готовности седьмую модель.

В итоге заводское имущество вывезли в Москву и разместили на Ходынском поле. Здесь же, осенью 1916 года, дислоцировался поезд-мастерская Червонного завода; помещение для неё нашли не сразу и ремонтные работы начали под открытым небом, невзирая на холод, дождь, а потом и снег. Личный состав освоил ремонт самолётов и моторов самых разных типов, возвратив в строй в течение года двести пятьдесят аэропланов и семьдесят авиадвигателей.

Эту работу высоко оценил начальник Управления военно-воздушного флота генерал-майор Николай Вячеславович Пневский, выразивший *«исключительную благодарность»* руководящему звену поезда, а также объявивший своё спасибо *«молодцам рабочим и нижним чинам»*. Как следует из его приказа от 19 декабря 1916 года: *«Согласно указания Августейшего Полевого Генерал-инспектора Военного Воздушного Флота, поезд мастерская Императорского Величества Великого Князя Александра Михайловича Червоннского авиационного завода Фёдора Фёдоровича Терещенко отправляется в состав действующей армии»*¹⁶⁷.

Действия передвижной мастерской, возглавляемой во фронтовых условиях непосредственно Терещенко, также оказались успешными, за что Фёдор Фёдорович, помимо других боевых заслуг, был удостоен ордена Святой Анны II степени.

Червоннский завод, после долгих предварительных переговоров, был продан акционерному обществу «Дукс» за восемьдесят шесть тысяч рублей. Все числившиеся при заводе аэропланы доверенным лицом Терещенко были реализованы Военному ведомству без выделения его высшим чинам требуемого, в современной терминологии, «отката». О неудовольствии «тыловых крыс» Григорьев отписал управляющему Вашкевичу письмом от 28 сентября 1916 года: *«По всему видно, что здешняя публика весьма восстановлена против имени Терещенко, и всего того, что от него исходит, видимо, за то, что труды их и возможное содействие по делу сдачи 15 «Фарманов» прошли для них без ожидаемых результатов»*¹⁶⁷.

Верный соратник Фёдора Терещенко, Владимир Петрович Григорьев родился 7 ноября 1883 года в Кронштадте. После смерти, в 1892 году, отца и повторного брака матери, он вместе с новой семьёй, с двумя единоутробными братьями, переехал в Киев, где, отучившись в городском реальном училище, в 1902 году поступил на механическое отделение политехнического института. Из-за семейной материальной недостаточности учёбу сочетал с подработкой на жизнь - чертёжником на заводе «Арсенал», продавал свои

высокохудожественные акварели. (Обязательный курс рисования в политехническом институте преподавал академик Императорской Академии художеств, член Товарищества передвижных художественных выставок Николай Корнильевич Пимоненко.)

Однако, несмотря на все усилия, денег Григорьеву не хватало и дважды – в 1903 и в 1904 годах – его временно исключали из института за несвоевременную оплату обучения в нём. В 1905 году Владимир Петрович женился на Евгении Иосифовне Вышатецкой; в 1907 и в 1909 годах у них родились дочери Нина и Мария.

Начало сотрудничества Владимира Григорьева с Фёдором Терещенко относится к декабрю 1909 года, когда они вместе, не покладая рук, недосыпая, готовили к московской выставке первый аэроплан в Червонном. Альянс коллег-единомышленников просуществовал до 1916 года. Владимир Григорьев последовательно занимал в авиамастерских Червонного должности чертёжника, заведующего мастерскими, помощника директора по технической части. Содействовал знаниями и опытом своим всем разработкам предприятия Терещенко, а в 1915 году «выдал на гора» свою разработку - аэроплан «Терещенко -7».

Из института он был окончательно отчислен, но появившаяся материальная стабильность позволила ему получить диплом лётчика в парижской авиационной школе. (По своей инициативе, в 1912 году, политехнический институт покинул, не доучившись в нём, и Фёдор Фёдорович Терещенко; показательно, что в выданной ему справке о прослушанных предметах почти все оценки были высшего балла.)

В пору описанных выше хлопот по продаже Червоннского завода Григорьев занимался доведением до строительства и лётных испытаний спроектированного им до войны самолёта. По этому поводу в письме управляющему Вашкевичу писал, что затеянное дело: *«будет стоить больших денег и не потому, что аппарат негодный..., а потому нужно победить нашу русскую ... инертность ко всему новому, возникшую уже, вероятно, у некоторых недоброжелателей на почве возможной конкуренции...»*¹⁶⁷

Строить самолёт решили в авиационных мастерских Киевского политехнического института, организованных осенью 1915 года. Изготовленный к августу 1916 года самолёт, названный «Терещенко – 7», отправили на московский завод «Дукс» для лётных испытаний, а после их успешного завершения, вернули в Киев для внесения незначительных изменений. Итоговые испытания прошли на киевском аэродроме «Пост-Вольнский» только 16 сентября 1917 года. Они вновь оказались успешными, но при посадке шасси аэроплана попало в песок полевой дороги, после чего аппарат «скапотировал через левое крыло и получил незначительные поломки». Дальнейшие работы над этой моделью, в том числе по запуску её в серийное производство, из-за вскоре последовавших социальных пертурбаций прекратились.

В послереволюционные года Владимир Григорьев продолжил работу в авиационной отрасли; в 1917 – 1919 годах работал на разных должностях в авиационных мастерских Киевского политехнического института, вплоть до взятия города Деникиным, в преддверии которого сопровождал в Москву эвакуируемое имущество мастерских. После окончательной политической стабилизации в Киеве был откомандирован в город Александровск (с 1921 года – Запорожье) для оценки состояния дел и налаживания ремонта авиатехники на заводе «Дека», вскоре ставшим именоваться «Государственным

авиационным заводом №9». (Ныне - это Запорожское авиационное объединение «Мотор Сич»; часть завода №9, после эвакуации, в 1941 году, в Омск, дала жизнь тамошнему авиационному объединению.)

В начале 1921 года Григорьева назначили главным инженером и, одновременно, заведующим самолётно-строительным отделом этого завода, но проработал здесь недолго – заболев туберкулёзом, скончался 4 мая 1922 года.

Фёдор Фёдорович Терещенко эмигрировал, выехал во Францию и до конца дней своих, наступивших 30 января 1950 года, жил в Париже. Возможно, в жизни эмигрантской не раз и не два читал в прессе сообщения о выдающихся авиаконструкторских достижениях своего «однокашника» по Киевскому институту, Игоря Сикорского. И хотя не достиг подобных творческих высот, для нас, его потомков, верно оценивает авиаконструкторскую нашего даровитого земляка крылатая крыловская сентенция:

Не отличать ищу свои работы,
Но утешаюсь тем, смотря на наши соты,
Что в них и моего хоть капля меду есть.

Раздел второй Михаил Иванович Терещенко.

Пролог

Появление на свет белый Михаила Ивановича Терещенко, случившееся 5 марта 1886 года в Киеве, можно прокомментировать крылатым выражением *«родился с серебряной ложкой во рту»*, поясняющим в данном житейском случае предназначенность новорождённого уже с колыбельных пелёнок быть прямым наследником не только гигантского состояния отца и деда, но и их психо-физических, умственных и духовных качеств, переданных ему матушкой природой от прямых родичей по ей известным генетическим каналам; позитивных качеств, развитых, усиленных им при перемещениях по своему жизненному пути.

«В добрую почву упало зерно...Пышным плодом отродится оно!» Неординарные природные достоинства юного Терещенко, помноженные на данные ему высоконравственное воспитание и исходное образование явили миру интеллигентную, высокообразованную, широких воззрений личность; личность непреклонной воли, яркую, пассионарную.

Он – безмерно обаятельный молодой человек, красивый, статный, с ясными, в высшей степени благородными чертами лица - вступил во взрослую самостоятельную жизнь твёрдо уверенным в себе, в своих деловых и интеллектуальных возможностях, с высоким чувством собственного достоинства и самоуважения, умея *«властвовать собой»* и (в принятии важных решений) – отделять кажущееся от действительного.

Как *«человек длинной воли, чья мощная душевная энергетика подкреплялась баснословным состоянием, стремился Михаил Иванович Терещенко реализовать свой внутренний потенциал в различных сферах человеческой жизни и в полную меру – «quantum satis»*». Такую установку на деятельную жизнь задавал норвежский драматург Генрик Ибсен, весьма популярный в пору Серебряного века русской поэзии; таков был девиз Бранда, героя одного из его произведений, чей максимализм, впрочем, усиливал Александр Александрович Блок:

...Ты всё благословишь тогда,
Поняв, что жизнь безмерно боле,
Чем quantum satis Бранда воли,
А мир – прекрасен, как всегда

Жаждой самореализации томим, был в её утолении Михаил Иванович неутомим, в полном соответствии с формулой Петра Андреевича Вяземского: *«И жить торопится и чувствовать спешит»*. Только опробовав себя университетским педагогом-историком, он

с головой погрузился в театральную деятельность не просто сибаритствующим чиновником, отвечающим за разнообразие, эстетический уровень и благонаравие балетных постановок на сценах императорских театров, но и как человек высокого интеллекта и вкуса, чувствующего новые тенденции в театральном искусстве, активно способствующего их реализации.

По его предложению уникальный Алексей Ремезов написал либретто для стилизованного под русскую старину балета, но, по ряду объективных обстоятельств, не довёл дело до сценической постановки. По задумке Терещенко Александр Блок занялся сочинением балетного либретто из жизни провансальских рыцарей, завершив в итоге свою работу стихотворной драмой «Роза и Крест», имевшей сложную театральную судьбу. И, наконец, общение с Ремизовым и Блоком подвигло молодого мецената на учреждение собственного книгоиздательства «Сирин» - первый подал мысль об его создании, второй отвечал за редакционную политику в деле издания книг.

Погружение Михаила Ивановича Терещенко в культурную жизнь Петербурга (и страны) шло синхронно с приобщением его к общественно-политической жизни самого высокого уровня. Только двадцатипятилетним приобщился он к масонству, стал, как пишут, для начала членом известной «масонской пятёрки» и – спустя год – главой масонской ложи «Верховный совет народов России». Далее, основательно включившись в большую политику, стал на сторону прогрессистов, представлявшую партию крупного капитала и стремившуюся объединить конституционных демократов (кадетов) и октябристов в единый либеральный фронт страны.

С началом Первой мировой войны Михаил Иванович Терещенко отправился на Юго-Западный фронт уполномоченным передового отряда Красного Креста, вскоре став помощником по заведованию санитарными организациями на этом фронте. Далее - вошёл в состав Главного комитета Земского союза, а с июля 1915 года возглавил Киевский военно-промышленный комитет, став одновременно товарищем (заместителем) председателя Центрального военно-промышленного комитета Александра Ивановича Гучкова.

Две эти мощные, будто бы благотворительные организации, на самом деле были бизнес-структурами крупного российского капитала, не только «гревшего руки» на державном субсидировании, но и превратившего как Земской союз, так и Военно-промышленные комитеты (с созданными при них, в 1916 году, рабочими группами), в откровенно политизированные, антиправительственные учреждения.

Уже как политически весомая личность Михаил Иванович Терещенко был в числе зачинщиков так называемой Февральской революции 1917 года, на которую, как говорили, пожертвовал миллион рублей личных средств. После совершившегося государственного переустройства России занимал он поначалу пост министра финансов Временного правительства, а затем (с начала мая 1917 года) – пост министра иностранных дел. И в последнем качестве, после того как власть взяли большевики, он с политическими товарищами по несчастью попал в казематы Петропавловской крепости, откуда весьма хитроумно и, кажется, с большими затратами, сумел не только выбраться на свободу, но и перебраться за границу, на новое с чистого листа начавшееся житьё.

Но последнее – уже сюжет для нового рассказа. В предлагаемом же повествовании жизнь и деятельность Михаила Ивановича Терещенко изложена от детских лет его и до октябрьских событий октября-ноября 1917 года. И повествование это сложено без строгого следования принятому строю, когда день за днём, год за годом, событие за

событием собирается опись жизни героя. Здесь оно – как последовательная мозаика бытовых и общественно значимых событий в его жизни, в жизни лиц, с ним связанных и неким образом в этих событиях участвовавших.

В реке, что жизнью называем,
И мы — зеркальная струя
И мимоходом отражаем
Все впечатленья бытия
(Пётр Андреевич Вяземский)

Киевское детство

Образовывался юный крез в домашней обстановке, числясь экстерном Первой киевской гимназии, в которой периодически, через пару-тройку учебных сезонов, экзаменовался – с неизменным блеском – на знание очередной порции усвоенных им гимназических наук. Дед Никола обожал своего даровитого внука, нередко, как староста гимназической церкви, присутствовал на его экзаменационных испытаниях, чему есть фотографическое подтверждение.

Трудно оценить, насколько активно участвовал в бурной киевской жизни начала двадцатого века гимназист Терещенко. Думается, что в подростковую пору, будучи под любящим менторским надзором деда, он вёл преимущественно замкнутый образ жизни в кругу семьи, проводя значительную часть времени то в Киеве, то в Москве или в каком-либо из родительских имений. В летние вакации он со взрослыми выезжал в Крым, в Швейцарию, во французские Канны, где последние годы своей жизни практически безвыездно жил его тяжело больной отец, Иван Николович.

Определённое представление о Первой гимназии дают воспоминания коренного киевлянина Валентина Фёдоровича Романова, ранее мной приведённые. Продолжу их: *«...Бесконечный главный коридор гимназии, полутемный коридор со сводами верхнего этажа, где помещался гардероб пансиона, общие дортуары на 50 человек, выстроенные рядом кровати с одинаковыми на каждой одеялами, комната для занятий с рядом мрачных парт, с двумя всего свечами на каждой для шести учеников, вообще казенный холодный вид всего здания — все это произвело на мои нервы потрясающее впечатление»*

Ход и стиль обучения Михаила Терещенко в Первой Киевской гимназии можно оценить, шутливо перефразировав оценку Первой Московской гимназии, сделанную писателем Власом Дорошевичем:

«Из всех московских гимназий хорошее воспоминание у меня сохранилось только о первой.

Быть может, потому, что из всех московских гимназий я не был только в одной – в первой...

И я любил гимназию, в которой не учился»¹⁶⁸.

Заочное гимназическое образование, обеспеченное сонмом многоумных педагогов, нанятых заботливым дедом Николой, да его несомненное позитивное воздействие на формирование интеллектуально-нравственных устоев у обожаемого внука, укоренили у малолетнего Терещенко к концу его отроческого срока стойкие, яркие задатки сильной духом и телом личности.

Перед выпускными аттестационными экзаменами, имевшими место в июне 1904 года, в обязательной для выпускника автобиографии, Михаил Терещенко сообщил:

«Я начинаю помнить себя с двухлетнего возраста, но в моем воспоминании остались, конечно, только отдельные факты из моей тогдашней жизни, хорошо же я себя начинаю помнить с пяти лет. В это время мы были в Киеве и жили в своем доме на Бульварной улице; таким образом, первые мои сознательные впечатления связаны с Киевом. Особенно памятна мне картина Днепра в зимнее время, помню я также хорошо ботанический сад на нашей улице, арестантов, которые каждый день проходили мимо наших окон, извозчиков, которые спешили на вокзал, — словом, вся обычная картина киевской улицы осталась прочно в моей памяти с того времени».²

Выпускные экзамены вундеркинд Терещенко сдал с присущим ему блеском – по всем (кроме одного) предметам ему были выставлены отличные оценки. В это время он уже больше года жил без отца и деда, вступал в права наследования доставшегося ему движимого и недвижимого имущества, финансов, коих только ему персонально дед завещал в размере шестисот тысяч рублей с припиской: «... для поддержания Тёткинського имени».

Получение высшего образования в Московском университете и недолгое преподавание в нём

Высшее образование Михаил Терещенко получал, последовательно обучаясь в нескольких университетах. Начав с Лейпцигского, где слушал лекции представителя новой исторической школы в политической экономии Карла Бюхера, продолжил посещением лекций в Петербургском, а завершил в Московском, получив в нём диплом в декабре 1911 года, уже будучи – с 1909 года – сотрудником его кафедры римского и гражданского права. (Для получения диплома «...сдал перед юридической испытательной комиссией экзамены по римскому, гражданскому, уголовному, торговому и международному праву, по гражданскому и уголовному процессам...и ещё представил письменное сочинение».)

Некоторые нюансы своего обучения в Лейпцигском и Петербургском университетах Михаил Терещенко позже поведал Александру Александровичу Блоку, о чём свидетельствует дневниковая запись поэта от 7 ноября 1912 года:

«... Терещенко говорил о своём детстве, о сёстрах, о том, что он закрывает некоторые дверцы с тем, чтобы никогда не отпираться; если отпереть – только одно остаётся – «спиваться». Средство не отпираться (закрывать глаза) – много дела, не оставлять свободных минут в жизни, занять её всю своими и чужими делами.

Об эгоизме - своём и моём («всё о себе» – то угрызение, с которым я вчера проснулся утром!). О том, что таких много («эгоистов» всё возвращающихся к себе, несмотря...); да, да, так, так.

О России: проведя за границей 11 лет (если не вру, - 11) и не сумев войти всем сердцем ни в один из интересов “Европы” (кроме специальной области – искусства), он попал здесь в студенческую среду в Петербургский университет.

В Лейпциге – студенты, как школьники, их муштруют, делают выговоры за громкий разговор; но на экзамене – обратно, равный с равным.

У нас – наоборот: в коридоре студент профессора «хлопает по животу, а на экзамене – как школьник, трусит, заискивает... В результате 4 немецких студента с первого экзамена пошли первыми, так что их выделили и спрашивали отдельно (Терещенко кончил первым), а 400 их русских однокурсников – все были плохи...»¹⁷

После получения высшего образования Михаил Терещенко недолго поработал на кафедре римского и гражданского права Московского университета. Его уход из университета, прекращение было начавшейся научной и преподавательской деятельности связано с именами двух его современников, оставившими на его жизненном пути свои той или иной значимости отметины, – министром народного просвещения, доктором права, библиофилом Львом Аристидовичем Кассо (давшим более века тому своей фамилией название звучному тогда «делу Кассо») и ректором университета – Александром Аполлоновичем Мануйловым. Первый – из богатых бессарабских помещиков, юрист по образованию, второй – из дворян Киевской губернии, экономист.

Сейчас уже основательно подзабыли интересующиеся недалёким прошлым сограждане, что так называемое «дело Кассо» было напрямую связано с так называемыми «Толстовскими днями», последовавшими за смертью великого вольнодумца, еретика 7 ноября 1910 года. Тогда по университетским городам России (в том числе и по Киеву) прокатилась волна многочисленных, с властями не согласованных траурных шествий, принявших характер манифестаций (со стычками с полицией). Поминальные сходки, в том числе с участием примкнувших к студентам переместились в стены университетов, на что полиция ответила налётами с последующими срывами занятий студентами.

Нашла коса на камень. Роль «косы» в возникшей общественно-политической ситуации сыграл только назначенный министром народного просвещения Лев Аристидович Кассо, крупный землевладелец из Бессарабской губернии, освоивший курс юриспруденции в Гейдельбергском и Берлинском университетах.

Роль «камня» сопротивления сыграл ректор Московского университета Александр Аполлонович Мануйлов, коренной одессит, окончивший тамошние Ришельевскую гимназию и Новороссийский университет. Переехав в белокаменную, он выдержал магистерский экзамен в Московском университете и был оставлен при нём для «приготовления» к профессорскому званию, им прекрасно завершённом. Стремительный карьерный внутриуниверситетский рост Мануйлов начал с должности помощника первого выборного ректора, философа и публициста князя Сергея Николаевича Трубецкого, после кончины которого (ставшей – 29 ноября 1905 года - трагическим

итогом его бурного объяснения с министром народного просвещения Иваном Ивановичем Толстым), его помощник был избран ректором.

Должно отметить, что выборность ректора как и восстановление позабытой в пору контрреформ Александра III университетской автономии была узаконена новым (пятым по счёту) университетским уставом. Утверждённый указом Николая II 27 августа 1905 года, устав этот, тем не менее, не остановил революционное бурление студенчества уже под защитой университетской автономии. С их проявлениями пытался безуспешно бороться ректор Трубецкой, даже закрывший по этой причине, в конце сентября 1905 года, на некоторое время университет. Усилия князя мало что дали и вольнолюбивое студенчество использовало подходящие, в том числе траурные, поводы для проявления своих прогрессивных настроений – похороны одного из основоположников конституционного права в России Сергея Андреевича Муромцева, кончину Льва Толстого...

Ректору Мануйлову и его коллегам также пришлось искать золотую середину – и университетскую автономность не порушить и, в то же время не допустить разгула студентов-смутьянов (по известному бытовому желанию «и невинность соблюсти и капитал приобрести»). Князь Трубецкой мрачно писал по этому поводу: *«Вообще положение безвыходное: если победят студенты, университет превратится в революционный клуб. Если, что вероятнее, победит правительство, университет превратится в нечто среднее между участком или чайною русского народа».*

В итоге возобладало первое – желание сохранить невинность автономии, активизировавшее охранительные действия министра. 11 января 1911 года был разослан циркуляр Кассо, указывавший на недопустимость *«публичных и частных студенческих собраний. За исключением собраний научного характера».* Если же, усилиям администрации вопреки, сходка всё-таки собиралась, ректорам вменялось немедленно вызывать полицию.

В ответ на министерские циркуляры 28 января на экстренном заседании Совета университета ректор Мануйлов представил коллегам доклад о создавшемся в университете положении и заявил, что при таких обстоятельствах он не видит возможности нести на себе обязанности ректора и подаёт прошение об отставке. Аналогичные заявления были сделаны помощником ректора Михаилом Мензибром и проректором Петром Минаковым. Министр Кассо (к некоторому удивлению протестующих) отставки принял и уволил их от должностей всех а вслед за ними ещё других университетских профессоров, приват-доцентов, сотрудников университета, повторивших «подвиг» руководящих коллег.

Реакция на университетские бурления премьера Столыпина была чёткой, однозначной: *«... жалкое нытьё о произволе правительства ... не заставит отдать массу русской молодёжи в распоряжение политиканствующих профессоров... Эти мечты нужно оставить, оставить и политику, и вернуться к науке. И нужно знать и помнить, что на пути господ, мечтающих о политическом влиянии через загипнотизированное ими студенчество, стоит не один министр народного просвещения, а правительство в целом»*¹⁶⁹.

Жизненный путь министр Кассо, как и его премьер, закончил трагически. В августе 1914 года, посреди разгоравшейся европейской войны, в русской прессе появилось

сообщение: «Избиение Кассо и супругов Шрейбер. 25 июня в министерстве иностранных дел, между прочим, получены из Стокгольма две телеграммы: одна от престарелого члена Гос. Совета – Н. Н. Шрейбера, а другая от министра народного просв. Л. А. Кассо. Н. Н. Шрейбер сообщает, что немецкая чернь жестоко избила не только его, но и его больную жену. Л. А. Кассо избили на вокзале до потери сознания»¹⁷⁰.

(А propos! С началом боевых действий Первой мировой войны вдовствующая императрица Мария Фёдоровна, гостившая у родных, в Дании, попыталась вернуться в Россию через Берлин, но – после грубых оскорблений и унижений на тамошнем вокзале – вернулась назад; в Россию приехала через Швецию и Финляндию.)

Прожив ещё некоторое время после полученных травм, Лев Аристович Кассо скончался в Петербурге 26 ноября 1914 года, не дожив до пятидесяти лет. Можно сказать, что погиб он на посту и тем самым повторил *mutatis mutandis* (с оговорками) судьбу своих далёких предшественников Ульпиана и Папиниана, служивших другой империи и также потерявших жизнь, противодействуя нарастающему разложению и варварству. Согласно своему предсмертному распоряжению был он погребён в родовом имении Чутулешть, в парке у церковной стены. На его могиле была положена небольшая плита с простой надписью «Доктор Кассо» - свою учёность он ценил гораздо выше доставшегося ему случайно бедоносного министерского поста.

Александр Аполлонович Мануйлов после февральской революции 1917 года, с марта по июль, был коллегой Михаила Ивановича Терещенко во Временном Правительстве - министром народного просвещения и, находясь в этой должности, вернул к университетской работе уволенных его недавним предшественником профессоров и приват-доцентов. После Октябрьской революции, очистившись от былых кадетских взглядов, полностью «осоветился», участвовал в реформах правописания и финансов, вернувшись в *alma mater* был там профессором политэкономии, вплоть до своей кончины, наступившей в июле 1929 года.

Тот мудрён, у кого кошель ядрён. Министр Кассо сотрудника Московского университета Михаила Терещенко, не являвшегося государственным служащим (к каковым, помимо профессоров, не относились и приват-доценты) не увольнял, его уход был актом личной воли, подправленный сладкой иллюзией солидарности с научно-педагогическими гуру старейшего в России высшего учебного заведения. Полная денежная независимость и его сильный, утончённый интеллект требовали поиска дальнейшего, им соответствовавшего места в жизни.

Служба в конторе Императорских театров

Таковым на некоторое время стала театральная среда, в которую он вступил, покинув среду университетскую. Вступил своекоштным «чиновником особых поручений» при директоре конторы Императорских Театров Владимире Аркадьевиче Теляковском и сделал это не для активного исполнения административных обязанностей, а для того чтобы войти в слой служащих Мельпомены и, вращаясь в их среде, утолить собственную духовную жажду, поднять естественным образом свой эстетический уровень.

К числу Императорских относились театры двух столиц России, существовавшие за казённый счёт и находившиеся в ведении Императорского двора. В Петербурге в их число входили Мариинский (театр русской оперы и балета), Александринский (театр русской

драмы), Большой Каменный (театр итальянской оперы, ныне – консерватория), Михайловский (театр французской музыкально-драматической труппы), Малый (театр французской и русской оперетты, ныне – Большой Драматический театр). В Москве таковыми являлись Большой и Малый театры, до своего разделения в 1824 году, представлявшие собой единую балетно-оперную труппу.¹⁸

Административно помянутые театры подчинялись Дирекции Императорских театров, располагавшейся в Петербурге и имевшей в каждой из столиц свои территориальные конторы с огромным штатом чиновников. Капризом судьбы Владимир Аркадьевич Теляковский, полковник конной гвардии, в мае 1898 года был назначен управляющим Московской конторы, а в 1901 году заместил на должности управляющего Дирекцией Императорских театров князя Сергея Михайловича Волконского – жертву всемогущей прима-балерины Матильды Кшесинской (интимно обслуживавшей поначалу цесаревича Николая (Ники), а затем его ближайших родственников).

Полтора десятка лет управления Теляковским Императорскими театрами оцениваются специалистами театрального дела как благодатное время сценического прогресса и обновления. Ещё в московскую пору Владимир Аркадьевич активно знакомился с творческими изысками Станиславского в его художественном театре, годы спустя (в 1915 году) пригласил театрального мэтра преподавателем для группы артистической молодёжи Большого театра, ставшей основой его будущей оперной студии. Как директор московской конторы Владимир Аркадьевич создал в белокаменной (правда, на недолгое время) ещё один казённый театр – «Новый» - под началом талантливого Александра Павловича Ленского (урождённого Вервициотти).

Главной же заслугой Теляковского на первых порах его службы в Москве стало приглашение им в Большой театр молодого певца Фёдора Ивановича Шаляпина, бывшего солистом в частной опере предпринимателя и мецената Ивана Савича Мамонтова и ещё раньше имевшего дебют в Императорском Мариинском театре. Ещё один урон мамонтовскому театру Теляковский (при содействии супруги, художницы-любительницы Гурли Логиновны) нанёс, переманив к себе его замечательных исполнителей декораций, высокого таланта художников Константина Алексеевича Коровина и Александра Яковлевича Головина¹⁷¹.

При Теляковском петербургский Александринский театр взялся за «реабилитацию» ранее проваленных им чеховских пьес (прежде всего – «Чайки»). Смелой самоличной акцией нового директора конторы Императорских театров стало приглашение им в Мариинский театр Шаляпина, Головина, Мейерхольда, давшее главной оперно-балетной сцене России новый творческий подъём в её постановках.

Вступив в центр театрального круга России, Михаил Терещенко стал обязательным соучастником его значимых событий, обогатил и расширил свой духовный мир, расширил среду общения с видными представителями, корифеями театрального, музыкального мира, в той или иной мере связанными с его новой профессиональной деятельностью. Особо дружеские отношения установились у него с Шаляпиным, чей портрет кисти Константина Алексеевича Коровина молодой меценат приобрёл у художника сразу после завершения тем работы над картиной (во французском городе Виши).

Портрет был продан без разрешения Шаляпина, к слову, не затаившего по этому поводу обиду на Коровина и заявившего представителям прессы об отсутствии каких-либо претензий к автору произведения: «*«К Коровину мои дружеские отношения такие же, как и прежде. Мне, действительно, было жаль, что мой портрет, который так удался, попал не ко мне. Помните, я так долго позировал и старался делать «приятное» лицо. Я, действительно, был огорчен, но ни о каком третейском суде я не помышлял».*¹⁹

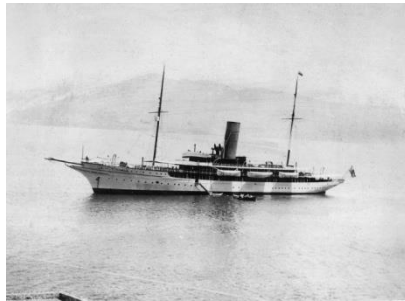
В другую гастрольную поездку во Францию Шаляпин, в компании с Михаилом Терещенко и членами его семейства, на им принадлежащей яхте «Иоланта» (крупнейшей в Европе, длиной в 127 метров) нанёс визит вежливости Максиму Горькому, о чём письменно отчитался перед дочерью Ириной:

«М. Carlo 12 (25) февраля 1912 г.

Сейчас сижу дома один-одинешенек и пью шоколад, на кровати лежит Булька — он очень устал, сегодня много бегал и возился...

Я не помню, писал ли я тебе о том, как неделю тому назад я ездил на Капри к Максиму Горькому?.. Это тоже было прекрасно и весело, тем более что поездка эта была сделана на яхте моего знакомого, некоего господина Терещенко, и на целом

*две
мы
но
а*

большом пароходе мы были только несколько человек, а именно: двое братьев Терещенко, сестры, ихняя мама и один старичок с пятнадцатилетним мальчиком-сыном. Когда отъехали от Cannes, то море было спокойно, через два часа мы стали чувствовать качку, через четыре часа уже многие хворали морской болезнью, а море как будто назло бушевало все сильнее и сильнее. Из всех

бывших пассажиров не страдали только я, мама Терещенко и он сам. Было очень смешно, когда слуги нам подавали чай или кушанье, они ходили по пароходу точно пьяные (шатаясь), а мы еле-еле усиживали на креслах, и так это продолжалось (ох, я теперь вспомнил, что я тебе писал об этой поездке) — ... пока мы не доплыли до самого острова Капри...

Он [Горький], разумеется, был очень рад нашему приезду, и мы, весело разговаривая и смеясь, провели день и даже ночь. На другое утро море было спокойно, пароход подошел снова к Капри (он ночевать уходил в Неаполитанский порт), и мы, севши снова, поехали назад в Cannes, — на этот раз море было гораздо лучше, спокойнее, и мы чудесно и весело провели всё почти время на палубе, любуясь прозрачностью воды и горизонтом, на котором то появлялись тучки, то снова исчезали, и солнышко через каждые четверть часа окрашивало воду и небо в разные замечательные цвета.

На пароходе у меня была очень милая и уютная комнатка, в которой я спал, но, к сожалению, не видал никаких снов и в особенности, что мне жалко, что я не видал во сне тебя, моя милая стрекоза!

На другой день мы снова приплыли к Cannes, и я на автомобиле отправился к себе домой, в Monte-Carlo.

*Вот тебе и поездка моя на Капри описана».*¹⁹

Как официальное, не последнего ранга лицо дирекции Императорских театров не мог не общаться Михаил Иванович Терещенко с завсегдаем этого организующего учреждения, великим представителем музыкального мира той эпохи, прекрасным пианистом, дирижёром, концертмейстером Александром Ильичём Зилоти.

Уроженец Левобережной Украины, талантливый выходец из небогатой дворянской, греческих корней семьи отставного офицера, он высшее музыкальное образование получил в Московской консерватории, в младшем отделении фортепианного класса Николая Сергеевича Зверева – педагога, воспитавшего целую плеяду замечательных пианистов.

Завершив начальный этап становления (с золотой выпускной медалью, со стажировкой у Ференца Листа, с аккомпаниаторством под дирижированием Николая Григорьевича Рубинштейна) занял место профессора в Alma Mater - в классе маэстро шлифовал исполнительское мастерство его двоюродный брат по матери Сергей Рахманинов.

Родственные связи соединяли Александра Зилоти и с Петром Ильичём Чайковским, с кем он был очень дружен и долгое время творчески сотрудничал. На исходе века, уже женатый (на дочери основателя Третьяковской галереи – Вере Павловне Третьяковой), Зилоти перебрался в Петербург, где продолжил – ещё в Москве начатую - концертную деятельность.

Он много гастролировал, был признан европейскими музыкальными критиками лучшим пропагандистом русской музыки на континенте: «...это был пианист блестящего концертного стиля, по-листовски декоративного, яркого и красочного.

*Концертный блеск совмещался у него с известной эмоциональной сдержанностью, порождаемой, однако, не недостаточностью темперамента, а скорее изысканностью вкуса, определенным эстетическим чувством и ярко выраженным интеллектом. Игра Зилоти не поражала драматизмом и экспрессивностью, а вызывала эстетическое наслаждение. Зилоти были присущи гармоничность, ясность и подкупающая простота стиля, классически строгого и одновременно поэтически возвышенного».*²¹

В течение почти двух десятилетий «Концерты Александра Зилоти» находились в центре музыкальной жизни Петербурга, были одним из самых грандиозных музыкально-просветительских начинаний в России начала двадцатого века, с ними был связан расцвет пианистической и дирижерской деятельности замечательного музыканта, к тому же, много делавшего для устройства жизни собратьев по музыкальному цеху.

Под его председательством 25 сентября 1916 года, на квартире Максима Горького состоялось организационное собрание «Русского музыкального общества», чей – ранее принятый - устав, в том числе определял, что «Русское музыкальное общество» имеет целью оказывать помощь музыкантам русского подданства, которые не могут содержать себя собственным трудом, а также осиротевшим семействам музыкантов».¹⁷² Членами совета Общества, помимо Зилоти и хозяина квартиры, стали также Фёдор Шаляпин, Михаил Терещенко, Сергей Рахманинов. Судя по скудным

сведениям, Михаил Иванович своими финансами деятельности Общества особо не содействовал, на что указывает в своих мемуарах Александр Вячеславович Оссовский:

*«Однако приток средств был недостаточен для разворота деятельности Общества в полном объёме. Помог Рахманинов, широко и благородно, как всё, что он делал: 22 февраля 1917 года он внёс в кассу общества 1145 руб. 61 коп. – половину сбора с концерта, который он дал накануне в Петрограде. При этом Сергей Васильевич выразил пожелание, чтобы из внесённой им суммы было выдано по двести рублей пианисту Г. И. Романовскому, композитору М. Ф. Гнесину и виолончелисту Н. Н. Рогановскому».*²²

Следует обратить внимание на дату оказанного Рахманиновым благодеяния, чтобы понять, почему в эту пору фактически отошёл от благотворительности Терещенко - все его помыслы (и финансы) были направлены на грядущие перемены в государственном устройстве. Его взаимоотношения с Рахманиновым, человеком педантичным, очень системным, всегда пунктуальным были, думается не столь открытыми и доверительными, как его амигошонство с Шаляпиными. Об этом, в частности, свидетельствует, кажется, единственное доступное заинтересованному читателю письмо, в котором Сергей Васильевич делает Михаилу Ивановичу серьёзный реприманд за упущения в деловых взаимоотношениях, нарушающих ритм и стиль его – представителя Дирекции Императорских театров - исполнительской деятельности:

«17 сентября 1911 г.

Москва

Многоуважаемый Михаил Иванович.

Ещё в апреле месяце этого года я в ответ на Ваше «официальное» приглашение, написал письмо Директору Театров, в котором сказано: «Не могу согласиться на такой обширный срок, как он указан у Михаила Ивановича Терещенко, т. е. между 20 января и 1 марта. Согласно нашему уговору (словесному) эти шесть спектаклей должны быть даны на 2-ой и 3-ей неделе великого поста». Поныне никакого ответа от Директора Театров на это письмо получить не удостоился. Между тем в Вашем официальном приглашении обещано, что «вполне точное определение времени представлений может быть сделано в конце Святой». Принимая всё вышесказанное во внимание, а также тот факт, что и в прошлом сезоне у нас с Директором Театров были также «словесные уговоры», окончившиеся для меня печально (потерял целый месяц, оставив его свободным!), я не нахожу возможным повторить тот же риск и в нынешнем сезоне, а посему от участия в Театре в этом году отказываюсь и обещание своё беру обратно.

*С искренним уважением к Вам С. Рахманинов».*²³

Михаил Терещенко и Алексей Ремизов

Общение Михаила Ивановича Терещенко с Алексеем Михайловичем Ремизовым – стилистически самобытным, отличавшимся особой манерой письма, на старинный русский слог ориентированным, искавшим себя в сказочном далеке, в прошлом Древней Руси – было, что называется, в полном ходу уже в 1911 году. На такую временную мету указывает Ремизов в своей, – уже в поздние годы эмиграции написанной, – крохотной новелле «Продовольственный портфель»: *«В нашу первую поездку в Париж в 1911 г. этот маленький портфель подарил мне самый богатый человек в России Михаил Иванович Терещенко. В те годы соединял нас театр, потом книга, основанное им издательство «Сирин». На портфеле золотая монограмма: А. М. Р. – тонкая*

*вязь...»*¹⁷³

Смущает, однако, указание Ремизова, что в 1911 году Михаила Терещенко активно занимался театральным делом, так как по совершенно точным (из государственного архива полученных) сведениям биограф Терещенко, Виталий Ковалинский, указывает, что 1 декабря 1911 года Михаил Терещенко получил выпускной диплом за №433382 в Московском университете.

Что ж, *«одному Господь даёт полати, а другому – мосты да гати»*: был Михаил Иванович чрезвычайно подвижной личностью. Хотя таковым (правда, не по своей воле, был и Ремизов. После московских беспорядков 1896 года, вспыхнувших по случаю трагедии «Ходынки», он был сослан на два года в Пензу. Здесь Ремизов познакомился с выпускником московского Филармонического училища, актёром Народного театра Всеволодом Мейерхольдом, подружился с ним, вовлёл его в орбиту своего влияния, *«пронял его марксизмом»*, будучи тем взаимно вовлечён страстно в театральную сферу.

Как активиста пензенского марксистского кружка Ремизова повторно, в 1903 году, арестовали и выслали в Вологодскую губернию под гласный надзор полиции. Жил он первоначально в Усть-Сысольске, затем – в Вологде, где сотрудничал с газетой «Северный край» (вместе с другими ссыльными – Анатолием Луначарским, Николаем Бердяевым, Борисом Савинковым, Павлом Щёголевым).

В Вологде Алексей Михайлович избавился от идей революционного переустройства общества в пользу открывшегося у него (при интеллектуальном поощрении знатока вопроса, ссыльного студента-филолога Щёголева) исключительно оригинального писательского дара, на мир древнерусских апокрифов ориентированного («Плач девушки перед замужеством»); здесь он женился на эсерке Серафиме Павловне Довгелло, ставшей ему верной женой, надёжной спутницей жизни. В Вологде Ремизов создал первую редакцию романа «Пруд».

По истечении, в мае 1903 года, срока ссылки Ремизову было запрещено проживание в столицах, потому он без колебаний принял предложение Мейерхольда заведовать репертуарной частью в им созданном «Товариществе новой драмы», но в этой должности пробыл недолго. После гастрольных выездов в Одессу и Херсон отказался ехать с труппой в Тифлис, остался с женой (и новорождённой дочерью Наташей) в Киеве, где год фактически бедствовал, перебиваясь случайными заработками.

« Доченьку свою Ремизов любил безумно и ей посвятил изданный в 1907 году цикл сказок «Посолонь» (ударение на первом слоге), свидетельствующий о своеобразной прелести, исторической глубине литературного стиля писателя. В них «посолонь» (по ходу движения солнца) сменяются времена года, и каждому

из них соответствуют древние, подчас забытые обряды, отголоски которых сохранились в сказках, загадках, считалках, детских играх. В сказках этих писатель собрал (бессюжетно, без назидательности) образы славянской языческой нечисти: кикимор, калечин-малечин, билибошек, персонажей из свиты Кащея и поместил их в необычайно красочное и звуковое пространство. «Слово, звук и цвет – одно. Что звучит, то и цветёт», - говорил он, и в подтверждение этой мысли литературного творца – небольшой чудный пассаж из этого цикла, из сказки «Чёрный петух»:

«Зацвели белые и алые маки. Голубые цветочки шёлкового льна морем разлились по полю. Белая греча запорошила прямым снегом без конца все пути. Встали по тыну, как козыри, золотые подсолнухи. Золотым золотом-стрелками затеплилась липа, а серебряные овсы и алтырное жито раскинулись и вдаль и вишьрь; неоглядные, обошли они леса, да овраги заняли округи небесную синь и потонули в жужжанье и сыти дожатвенной жажды».²⁴

В феврале 1905 года Ремизов добился разрешения на проживание в столицах, переехал поначалу в Москву, где вновь связал свою творческую судьбу с Мейерхольдом, проводившим свои режиссёрские опыты у Константина Сергеевича Станиславского, в его недолго пожившей Студии на Поварской улице. С начала 1906 года дуэт творческих однодумцев переместился в Петербург, в театр Комиссаржевской на Офицерской улице. Здесь Мейерхольд осуществил тринадцать постановок, работал (незадолго до ухода из театра – в 1907 году) над «Бесовским действием» Ремизова. Этой пьесой автор открыл трилогию, позже им названную «Русальными действиями», коими наши предки славяне-русичи именовали языческий весенний праздник, длившийся неделю; после крещения Руси он совпадал с неделей перед Троицей.

Спектакль, долго получавший позволение на реализацию от цензуры, оказался сложным – и для исполнения и для восприятия. Далеко не каждый актёр мог осилить стилизованный под древнерусские сказания текст с многоплановой символикой, с равнениями и аллегориями. Критики называли его безобразием и издевательством над зрителями, не могшими понять и оценить сценические действия, не принявшими ремизовского замысла воскресить, восстановив (в форме балагана) забытые, сломанные традиции древней Руси, показав их связь с христианством. «Бесовское действие» долго в репертуаре не продержалось и вскоре было снято.

Пьеса эта стала для писателя единственной театральной постановкой, осуществлённой на сцене профессионального театра. Следующая его пьеса «Трагедия о Иуде, принце Искаротском», где центральная женская роль создавалась специально для Комиссаржевской, была запрещена цензурой, вскоре умерла и Вера Фёдоровна.

Последнее творческое соприкосновение Ремизова и Мейерхольда относится к 1912 году, когда они решились поставить балет-русалию «Алалей и Лейла» на сцене Мариинского театра, где Всеволод Эмильевич уже числился главным режиссёром, и Михаил Иванович Терещенко стал вдохновителем и движущей силой этого замечательного предприятия – не просто как официальный представитель Императорских театров, а как эстет, как человек большого вкуса и больших финансовых возможностей.

Попытка поставить на сцене «Мариинки» новаторский балет была откликом дирекции Императорских театров на эволюцию балетного искусства в России, совершавшуюся в начале двадцатого века – с отвержением эстетики академического балета, с его реформированием. Традиционно балет в России был, быть может, самым аристократическим, официально-парадным видом искусства и разрушение его классических форм свидетельствовало не просто о смене вкусов, но и об изменении мировоззрения в обществе.

О такой глубинной метаморфозе этого, прежде консервативного театрального жанра говорил, в частности, один из царедворцев в общении с французским дипломатом Морисом Палеологом: *«Прежний балет, которым я восхищался в молодости, – к сожалению, это было около 1875 года в царствование незабвенного императора Александра II, – тот балет давал картину того, чем было и чем должно было быть русское общество. Порядок, выдержка, симметрия, законченность. И в результате тонкое удовольствие и возвышенное наслаждение. Теперешние же ужасающие балеты, этот «русский балет», как вы его зовёте в Париже, распущенный и отравленный, ведь это революция, это анархия».*²⁵

«Революцию» в балете, столь ужаснувшую царского сановника, осуществляли не только выдающиеся композиторы, хореографы, танцовщики, но также, известные художники и литераторы, прежде всего, сопричастные к «Миру искусства» - ведущей художественной группе России того времени. Их интеллектуальными усилиями расширилось тематическое разнообразие спектаклей, обогатился набор выразительных средств и технических приёмов хореографии. Благотворным стало для балетного искусства общее увлечение стилизацией, творческой переработкой танцев русско-славянского фольклора, других народов, в том числе элементов пантомимы, опытов «свободного танца» Айседоры Дункан. Она, кстати, была на гастролях в Петербурге в 1904 году, и на первых порах Ремизов саркастично отнёсся к её творчеству, но затем переменялся в оценке, решив, в качестве своего опыта, поставить «Алалея и Лейлу».

Всплеск интереса к русскому балету за рубежом, к его новым формам возбудил талантливый антрепренёр Сергей Павлович Дягилев, устроивший более двадцати лет длившийся цикл «Русских сезонов» в Париже, Лондоне, Берлине, Риме, Монте-Карло и даже в Южной Америке. Их предтечей стала выставка русских художников в парижском Осеннем салоне, привезённая Дягилевым в 1906 году. Далее, в 1907 году, заручившись поддержкой императорского двора России и влиятельных лиц Франции, Дягилев организовал в парижском Гранд-Опера пять симфонических концертов русской музыки – так называемые «Исторические русские концерты», на которых играли свои произведения Римский-Корсаков, Рахманинов, Глазунов, пел Шаляпин.

В 1908 году парижской публике впервые и с успехом была представлена опера «Борис Годунов», но далее Дягилев отдавал предпочтение балету, как более «рентабельному» жанру и дебют пяти русских балетов в 1909 году стал воистину триумфальным. И, наконец, чувствуя спрос французской публики на истинно русский балет, Дягилев задумал разработку и постановку «Жар-птицы» и обратился за написанием партитуры к ней к Анатолию Константиновичу Лядову. Тот, по натуре неспешный и, основательный, работу затянул, и Дягилев передал заказ молодому Игорю Фёдоровичу Стравинскому,

скоро сотворил музыку к заказанному балету – по либретто, написанному группой выдающихся деятелей русской культуры под началом выдающегося хореографа Михаила Михайловича Фокина, известного экспериментами в области романтического балета, поисками новых форм и выразительности в танцах.

К работе над либретто были привлечены художники Александр Бенуа, Александр Головин и Дмитрий Стеллецкий, композитор и дирижёр Николай Черепнин, литератор Пётр Потёмкин и Алексей Ремизов. Лишь для Алексея Михайловича русская народная мифология была областью давнего интереса, а её введение в обиход «высокой культуры» - существенным компонентом авторской программы на много лет.

Ремизов познакомился с Дягилевым задолго до Русских сезонов в Париже. Дягилев, с его поразительным умением находить нужных людей, привлёк к себе Ремизова, как только возникла идея балетных спектаклей на фольклорной основе. В качестве консультанта по народной мифологии писатель присутствовал на совещании группы Дягилева не только при обсуждении «Жар-птицы», но и позже поставленной «Весны священной», высказывая своё отношение к этим работам и к стихии народного мифа вообще. Ремизову удалось увлечь Дягилева своим видением народного мифа и существенным образом повлиять на общий тон «русских» балетов его антрепризы.

Александр Николаевич Бенуа подчёркивал особую роль, сыгранную Ремизовым в разработке либретто:

*«Разработкой фабулы занялась целая, очень своеобразная комиссия, в которой приняли участие и Черепнин, и Фокин, и я, и Стеллецкий и Головин и несколько литераторов, среди которых неоценимые указания и материалы сообщил А. М. Ремизов, величайший знаток русской сказки, чудесный художник, прямо живущий в ней и говорящий о самых невероятных чудящах, как о своих хороших знакомых. Тон Ремизова много способствовал оживлению создания нашего балета, он дал нам какую-то внутреннюю веру в него и несколько смягчил то, что было в нашей работе искусственного».*²⁶

В позднейших воспоминаниях Ремизов отмечал: *«Я рассказывал о полевых, лесовиках, кикиморах и воздушной нежити. Всю эту «нежить» я знаю из сказок и слов ... «Весна священная» - весенний обряд – поцелуй неба и земли» в кругу культа мёртвых, как Масленица и Радуница. На этих весенних русалиях непременно маски – рядились зверями, птицами, чудищами и чучелами. Человек в облики человека в том мире чужак... Дягилев слушал..., но это не его Россия».*²⁷

Несмотря на активное участие в дягилевских постановках по мотивам древнерусской мифологии Ремизов был не вполне творчески удовлетворён использованием его глубоких познаний в стилизованных под старину представлениях. Он ищет другие возможности для реализации своих замыслов и встречает поддержку Мейерхольда. Результатом стало создание новой творческой группы, в которой Мейерхольд стал деловым и организационным центром. Он также привлёк к созданию нового балета Лядова, Головина и Фокина. С небольшими перерывами, до 1918 года, Фокин, как и Мейерхольд, служили в Императорских театрах. У них уже имелся опыт сотрудничества – в 1910 году они вместе создавали «Орфея и Эвридику» - теперь по замыслу Теляковского и Терещенко, балет «Алалей и Лейла» должен был снова соединить режиссёрские эксперименты Мейерхольда и новаторскую хореографию Фокина.

Всю эту группу, за исключением, может быть, Головина объединяло и общее желание возразить Дягилеву – обиженный отказом Лядов; Фокин, так много сделавший для успеха «русских сезонов» в Париже и для всемирной известности Дягилева, резко расходился с последним по целому ряду ключевых вопросов и вскоре оставил должность хореографа антрепризы.

Есть ещё немаловажное обстоятельство, которое значительно повышало в глазах авторов ценность задуманной работы. Как это ни странно, но триумф отечественного балета в Париже, перевернувший многие старые представления об этом искусстве, меньше всего сказался на его родине, в России. Историки балета говорят о консерватизме, рутине, царившей в то время на сцене императорского балета. Публика, наслышанная об успехах русского балета за границей, повалила в Мариинский театр, но ей показывали здесь совсем не то, что там вызвало успех. При таком положении дел замысел Ремизова и его группы создать современный по форме балет на русском материале и для русской публики приобрёл особое значение.

Осенью 1910 года начинается регулярная работа над балетом. Встречи происходили либо у Терещенко, либо у Головина. *«Я так счастлив, что могу работать для такого исключительного дела»,* - писал Головин Лядову 6 октября 1910 года¹⁷⁴. Лядов, в свою очередь, тоже с большим удовольствием и желанием взялся за музыку к «Лейле» и как пишет биограф композитора: *«... в данном случае Лядов был поставлен в исключительно соблазнительные условия». Балет был бы немедленно поставлен и сочинять его он должен был в содружестве с симпатичными ему людьми».*¹⁷⁵

О большом желании Терещенко дать жизнь необычному творческому проекту свидетельствует косвенным образом фантастически большой размер гонорара,, предложенный Дирекцией Императорских театров автору либретто - Ремизову. Можно смело предположить, что увеличение размера платежа композитору произошло из кармана Михаила Ивановича:

«Алазион (Терещенко) мне передал от Куробы (В. А. Теляковский, дир. Имп. Театров) за моё либретто тысячу рублей. И когда в Аничковом дворце я подписывал контракт – 3% с представления – усатые хвостики Буробы шевелились под мой до небес исструченный росчерк.

То был первый и единственный случай в истории Императорских Театров: тысяча рублей за либретто.

Лядов рассказывал, вспоминая своего отца, что в старину либреттист за свой труд довольствовался полдюжиной пива, а начнёт хорохориться, в шею без разговоров.

«Тысяча за либретто, да этак можно с ума спятить!» – повторял Лядов, прицениваясь, сколько же будет стоить его музыка.

«Да не меньше двести тысяч!» - поджигал Гад [Мейерхольд] с Дадом [Головин], им, известно, наговорить, что огоньки пускать, болотная нечисть.

*И эти болотные двести тысяч – гонорар за музыку – заколдовали воображение Лядова».*²⁷

В основу либретто писатель положил два своих произведения – «Посолонь» (древнеславянское культовое, с ударением на первом слоге слово, означающее «по солнцу» или «по часовой стрелке») и «К Морю-Океану». Из них Ремизов взял главных героев, тему путешествия, а также таких персонажей, как Баба-Яга, Чучела-чумичела,

Корочун, Лесавка, Коловертыш. Сюжет повествует, как встречаются предназначенные друг другу судьбой Алалей и Лейла, но, прежде чем обрести счастливую долю, предстоит им – с приключениями - проделать долгий путь к Морю-Океану, где Наречница «свяжет их нить с нитью счастливой доли».

Сам Ремизов, в много позже написанной книге воспоминаний «Петербургские буераки» описывает «Русалию», как «плясовое музыкальное действо», даёт характеристику действующим лицам и их прообразам:

«Коновод-Алазион, князь бесовский, демон радости и удовольствия, церкви соблазн, душе пагуба. С незапамятных времён беспощадно гнали Алазиона и со всеми его подручными, потаковниками и прихлебателями – этих всякого рода бесов, исполнителей русалий...»

...Никакие угрозы не действовали и русалия – «песня-пляска-музыка» - на русской земле не заглохла и живёт в веках под Алазионом, по-киевски, или под Басаврюком, по-полтавски, зови как кому любо.

...Наше время. Петербург, 1912 год, Алазиона никто не знает, про Басаврюка читают детям, «русалия» называется «балет».

*И вот на первые заморозки Он появляется на Неве во всей своей славе и свитой – по городу говорили, что **Терещенко** прямо из Киева пригнал на собственных автомобилях ораву, но не поминалось, что это были настоящие бесы – кто ж теперь верует в бесов!*

«Алалей и Лейла», волшебный балет – «петербургская русалия» - А. К. Лядова. Танцы и хор. «Пляска-песня-музыка» древних русалий, где песня цветение взлёта или пламенный выдох кручи.

М. И. Терещенко – чарующий Алазион. Я под именем Куринаса пишу либретто русалии – образы моей весенней сказки, они зазвучат в музыке Лядова-Кикиморы». ²⁷

Помимо знатока фольклорной «нечисти», Ремизова, весомый вклад в разработку либретто «Алалей и Лейлы» внёс Всеволод Эмильевич Мейерхольд, определивший его общую схему, сделавший черновую разработку четырёх картин и эпилога. Сверх написания музыки занимался отделкой либретто и Анатолий Константинович Лядов, давший интересные идеи по художественному оформлению спектакля и по его хореографическому решению. Он не впервые обращался к музыкальной интерпретации образов народной мифологии, здесь у него был и значительный опыт, и большие достижения, давшие ему славу «самого русского из всех русских композиторов». Кроме многочисленных гармонизаций народных песен, Лядов в начале века создал ряд программных симфонических произведений, навеянных русским мифом и сказкой, - «Баба- Яга», «Кикимора» и другие.

Создание Алалей и Лейлы шло параллельно с разработкой темы древнерусских обрядов в дягилевском замысле Весны священной, создававшейся творческими усилиями Игоря Стравинского, Николая Рериха и, некоторое время, Михаила Фокина, согласившегося одновременно стать и хореографом русалии при появлении к ней требуемого музыкального сопровождения. Впрочем, разрывался на два фронта и Ремизов, консультировавший

Стравинского сотоварищи по вопросам древнерусской мифологии. Хотя обе команды - Дягилева и Мейерхольда - старались держать свои замыслы в тайне, «утечка информации» была неизбежна.

«Русалия» и наши тайные собрания на Дворцовой набережной у Терещенко и на Подъяческой у Головина не скрывались от любопытных глаз, знал весь Петербург: не было человека, кто бы поверил, что Лядов напишет балет и русалия осуществится на Мариинском театре.

На собраниях Лядов только смотрел, подпирая свой виноватый взгляд задорно кикиморным носом, единственный надёжный природный упор, почему-то обращаясь не к Терещенке, не к Мейерхольду, а к Блоку – Блок был привлечён в свиту Алазиона под именем Марун – Блок, краснея, отвечал Лядову также молчанием и болезненным сочувствием.

А сколько раз я со своим либретто волшебной сказки ходил к Лядову на Николаевскую и заставлял его: сидит – «удивляясь сам себе»...

«Баба-Яга» и «Кикимора», Лядову и выдумывать нечего, давно прозвучало и напечатано, но ведь среди метели Ягиной нечисти и проказ Кикиморы мои Алалей и Лейла?

«На чёрном бархате, – сказал Лядов, – под скрипку, вспыхнув, спускаются две серебряные звезды, Алалей и Лейла».

И это единственное, - это начало русалии, что осталось в памяти за два года «тайных» совещаний, неизменно за любимым янтарным токайским – из запасов Терещенки...

Буроба (Теляковский) очень беспокоился: первое представление волшебного балета «Алалей и Лейла» предполагалось в царский день в присутствии царской семьи, не напугать бы «чертями»...

На тайных совещаниях каждый раз я читал новую редакцию русалий, сокращая. Мейерхольд затевал ввести цирковые трюки в явлении Чучелы-чумичклы...

М. М. Фокин на тайных совещаниях не показывался – музыки и в помине не было, а танец не колбаса»²⁷

После нескольких месяцев работы, с изменениями и существенными дополнениями, к осени 1912 года работа Ремизова над либретто была закончена. Его окончательный вариант был вычитан на собрании у Терещенко и представлен на ознакомление Теляковскому, одобтившему его.

Зелёный поплыл хоровод – к нам!

Торопитесь весенние ветры!

Грачи прилетели,

Пробила лёд щука,

Вскрылись реки – текут говорливые,

И распушилась верба.

Эй, ты – весна!

Ой, лелю, ой, лелю, весна!..¹⁷⁶

В написании музыки к русалии Лядов от автора либретто основательно отставал, музыкальные идеи у него вызревали медленно и потому неспешно, шаг за шагом

создавалась музыка к русалии. Тем не менее, значительная часть музыки была сочинена и в отрывках исполнена композитором для ближайшего окружения. Затрудняла творческий процесс начавшаяся война, ещё более осложняла его тяжёлая болезнь сердца, мучившая композитора в последние годы жизни, в итоге, оборвавшая её 15 августа 1914 года.

Александр Константинович Глазунов, душеприказчик Лядова, разбирая бумаги покойного, не нашёл музыки для балета. Позже выяснилось, что тот, не желая оставлять после себя незаконченное произведение, перед смертью уничтожил все его фрагменты. Случайно сохранилась лишь тетрадь подготовительных материалов, озаглавленная композитором «*Всякая чертовщина к балету «Лейла»*». Не судилось осуществиться прекрасному творческому замыслу высокоумных представителей русской культуры и искусства!

«В сентябре 1914 года – в самую горячку войны – Лядов помер, унеся с собой на тот свет две мои серебряные звезды, звучащие скрипкой – Алалея и Лейлу. Глазунов среди оставшихся бумаг не нашёл ни строчки, посвящённой русалии.

Все мы с Алазионом [Терещенко] стояли на обедне в Ново-Девичьем монастыре – за гробом Лядова...

Осенний солнечный день грел по-летнему и только нелетний ветер всё настигал и пересвистывал жёлтыми листьями по дорожкам кладбища. И в раскрытую могилу залетали золотые листья – могила Лядова обок с Некрасовым, Салтыковым и Тургеневым»²⁷.

О равновеликом участии Сергея Рахманинова, Михаила Терещенко и его мамы – Елизаветы Михайловны в преобразовании Киевского музыкального училища в консерваторию пишу в книге «*Primus inter pares*» (Чародей Рахманинов)». К её страницам рекомендую обратиться любопытствующих читателей, желающих (с точностью до деталей) ознакомиться с этой непростой, в чём-то даже полудетективной историей со счастливым исходом.

Михаил Терещенко и Александр Блок

Стихотворная драма «Роза и Крест»

В марте 1912 года в дирекции Императорских театров возникла идея этнически расширить круг новаторских, с глубокой стариной связанных постановок – дополнить готовившуюся к постановке русалию «Алалей и Лейла» балетом из жизни провансальских трубадуров. Музыка к нему поручили написать Анатолию Константиновичу Глазунову, считавшемуся, как автор «Раймонды», специалистом по романтическому средневековью.

Обращение к седой старине, не только отечественной (как в случае с попыткой постановки «Алалея и Лейлы» Алексеем Ремизовым), но и иноземной было в большой моде в начале века и проявилось, в том числе, в учреждении так называемого «Старого театра». Это историко-реконструктивное сценическое предприятие, возникшее в Санкт-Петербурге в 1907 году по инициативе энтузиастичного Николая Николаевича Евреинова

и барона Николая Васильевича Остен-Дизена, просуществовало с перерывом только два сезона.

В сезоне 1907 – 1908 годов были литургическая драма, миракль (средневековые мистерии о житие святого или чуде Богородицы), моралите (особый вид драматического произведения в Средние века и в эпоху Возрождения, в которых действующими лицами являются не люди, а отвлечённые понятия), пастурель (повествовательная песня о встрече и заигрывании лирического героя с пастушкой), фарс (театральная пьеса лёгкого игривого содержания с внешними комическими эффектами), оберраммергау (представления о Страстях Господних).

В сезоне 1911 – 1912 годов в репертуаре испанский театр эпохи Возрождения, интермедия (комическая пьеса, исполняемая между актами драматического произведения), мистерия (средневековая религиозная драма на библейские или евангельские сюжеты), мохиганга (в испанском театре короткое представление гротескно-шутовского характера) комедии и драма шестнадцатого – семнадцатого веков.

Сценография постановок осуществлялась художниками «Мира искусства». Труппу театра составляли актёры-любители, студенты и актёры Суворинского театра на Фонтанке (ныне – Большой Драматический театр имени Георгия Товстоногова).

Предложение окунуться в подобную театральную тематику написать сценарий к балету по подсказке Алексея Ремизова сделал Михаил Терещенко, как официальное лицо, отвечавшее в дирекции Императорских театров за балет и *«самый факт согласия Блока на это предложение и дальнейшая творческая судьба этого замысла, превратившегося из балетного сценария сперва в либретто для оперы, а потом в большое драматическое произведение, занимающее одно из главных мест в поэтическом наследии Блока, свидетельствует о том, что заказчик правильно угадал творческие возможности и устремления поэта»*.¹⁷⁷

Ходили, впрочем, слухи, что действовал Михаил Иванович не в интересах дирекции Императорских театров, в которой он заведовал балетной частью, а для первоначального репертуара собственного театра оперы и балета, им замысленного. Мария Андреевна Бекетова, тётка по матери и первый биограф Александра Блока, подтверждает такой ход мыслей молодого мецената, сообщая, что он *«... хотел поставить в своём будущем театре какую-нибудь новую значительную вещь. Он знал и исключительно любил стихи Блока и пожелал познакомиться с поэтом. Знакомство состоялось через посредство Ремизова. По желанию Терещенко Блок взялся написать сценарий для балета. Балет – из провансальской жизни. Музыка будет сочинять А. К. Глазунов»*.²⁸

У Александра Константиновича Глазунова времени (и, кажется, особого желания) на сочинение музыки к балету не обнаружилось. Итогом же первого общения Блока и Терещенко стал творческий, два года действовавший их деятельный союз, значение которого для своего творчества поэт изложил в дневниковой записи от 7 ноября 1912 года: *«М. И. Терещенко, для которого “мир внутри него, - взрывает во мне ключи, которые подтверждают мне, что есть мировые связи, большие, чем я”*¹⁷⁸.

Этот симбиоз двух выдающихся людей дал любителям романтической поэзии драму “Роза и Крест”, сочинённую Александром Блоком по исходному замыслу Михаила Терещенко и при его самом активном творческом соучастии. Именно о таком распределении ролей в этом творческом альянсе, уже после прекращения его действия, поэт поведал искусствоведам Михаилу Васильевичу Буланчикову, тем воспроизведённым в своих воспоминаниях:

«С благодарностью отмечал Блок ту помощь, какую оказал ему при написании этой драмы М. И. Терещенко:

– Он помог мне не только обдумать её сюжет и основные положения, но и фактически способствовал её написанию...»

О значительном психологическом и творческом содействии, оказанном Михаилом Терещенко в написании поэмы “Роза и Крест”, Александр Блок рассказал литературоведу Владимиру Николаевичу Княжнину (Ивойлову), позже опубликовавшему это откровение поэта в своей книге о нём:

« – Я очень многим обязан Терещенко. Он заставил меня кончить “Розу и Крест”.

– Заставил?

Улыбка (кивок головы).

– Заставил. Я ходил к нему читать каждый акт снова и снова, пока всё стало хорошо.

Помолчав наивно и скромно:

– А то бы не закончить...»¹⁷⁸

Странным на первый взгляд может показаться согласие поэта на написание балетного сюжета, не требующего звучащей поэзии. Видимо в уговорах Ремизова было желание привлечь Блока как знатока средневековой французской поэзии, тем более, что летом 1911 года он, с супругой Любовью Дмитриевной, отдыхал на океаническом побережье Франции

Сам он так объяснял свой творческий порыв на исполнение заказа Терещенко : *“Почему же я остановился именно на XIII веке(кроме внешних причин)? Потому что современная жизнь очень пестрит у меня в глазах и смутно звучит в ушах. Значит я ещё не созрел для изображения современной жизни, а может быть и никогда не созрею, потому что не владею ещё этим (современным) языком. Мне нужен сжатый язык, почти поговорочный в прозе или – стихотворный”²⁹*

Он соглашается первоначально на низведение своего поэтического языка до уровня поговорочного, желая проявить, реализовать свои глубокие знания эпохи трубадуров попутно поправив заказчика либретто, указав истинное время расцвета этого, средневекового жанра поэзии – двенадцатый век, но никак не четырнадцатый-пятнадцатый века, как указал Глазунов.

«1912 год. 24 марта, Страстная суббота.

Алексей Михайлович убеждает писать балет (для Глазунова, который любит провансальских трубадуров XIV – XV века ?!) – либретто. На третий день Пасхи будем говорить у Ремизова с Терещенкой (киевский миллионер, чиновник особых поручений при директоре императорских театров, простой, по словам Ремизова, и хороший молодой человек».

«1912 год. 29 марта.

После спектакля [“Живой труп”] я у Ремизова – разговор с Терещенкой о балете для Глазунова»²⁹

Как автор «Раймонды» Александр Константинович Глазунов считался специалистом по романтическому средневековью, но его указание на трубадуров четырнадцатого века

является явным анахронизмом, так как эпоха трубадуров в Провансе охватывает двенадцатый и начало тринадцатого веков.

Трубадуры (от провансальского *trobadar* – “находить”, “изобретать”, отсюда – «создавать поэтические и музыкальные произведения», “слагать песни”) – средневековые провансальские поэты-лирики, составители песен на старопровансальском языке. Исполняли их либо сами, либо их пели так называемые жонглёры – странствующие актёры, певцы, музыканты, акробаты. Часто у трубадуров служил менестрель, сопровождавший им на музыкальном инструменте.

Взявшись за сочинение поэмы, Блок зачастил в букинистические магазины столицы, на Литейном проспекте и в Гостином дворе располагавшиеся, много консультировался со специалистами по поэзии трубадуров, более всего – со своим университетским преподавателем Евгением Васильевичем Аничковым. Поэт определил время действия замысленного им балетного действия 1208 годом, когда порохом вспыхнули так называемые Альбигойские войны во Франции, печально ознаменовавшиеся кровавой экспедицией Симона де Монфора и феодалов Северной Франции против еретиков Прованса - *«тулузских ткачей»*. Блок было попытался показать свои первые наработки Глазунову, но, кажется, у того пропал интерес к им поданной идее балетного представления.

«1912 год. 30 марта .

Сочиняю балет. Почти ничего не нахожу у букинистов»

6 апреля.

В 5 ч. Дня приехали Терещенко с Ремизовым в автомобиле, ездили на Стрелку...

10 апреля.

... В 5 ч. Приехал Терещенко, катал нас с Ремизовым по островам. Потом обедал у нас.

1912 год. 11 апреля.

Сегодня весь день телефонные недоразумения с Терещенко. Глазунов не смог принять и назначил завтра».

«1912 год. 17 апреля.

Эти дни – много книг, писем и разговоров. Терещенко, который с каждым днём мне больше нравится...

18 апреля.

...письмо от Терещенки, который тоже простужен и не может сегодня кататься с нами».²⁹

Преодолевая стеснительные рамки балетного либретто Александр Александрович, как бы это ни было трудно, пытался дать ему серьёзный содержательный смысл. Как известно, балетное либретто – это изложение сюжета в процессе спектакля, помогающее заурядному зрителю (не просвещённому балетоману) понять происходящие на сцене действие; оно - прежде всего каркас, который держит драматургию балетного сочинения и помогает зрителю понять сюжет произведения, ориентироваться в том, что он видит на сцене.

Прежде (до Чайковского) назначение балетной музыки состояло в сопровождении танца. Написанным в 1877 году «Лебединым озером» Пётр Ильич породнил балетную музыку с симфонической.

Великий композитор первым создал в хореографическом спектакле музыку, насыщенную глубиной мысли, богатой эмоциональной окраской. *«Опираясь на ритмические каноны жанра, Чайковский нарушил привычную регулярность ритма, что в итоге способствовало созданию активного движения как в музыке, так и в пластике танцев. Балетные персонажи перестали быть кукольными или игрушечными, они стали носителями духовной культуры, приобрели способность в ходе действия выражать свои чувства».* (30)

К началу мая 1912 года Блок набросал - только в самых зыбких очертаниях - словесную канву балетного либретто и, без особого энтузиазма и надежды на успех, познакомил с подготовленным материалом Терещенко и Ремизова (первопричина творческого замысла во образе Глазунова, как и прежде, на сходке оценщиков «блистала своим отсутствием»).

«1912 год. 3 мая.

Сегодня утром пришёл Пяст, читал свою стокгольмскую статью... К 4-м часам должен быть у Терещенки с Глазуновым, но Глазунов в последнюю минуту всё отменил.

*В 5-м часу приехали Терещенко и Ремизов. Отвезли меня к Терещенке, там сидели мы, вяло и нудно, как почти всё, что теперь делаю и чувствую, изложил канву своего балета. Терещенко дал несколько хороших советов: вместо “злодея” должен быть умный и смешной человек, который “не отсюда”, он, родившийся на юге, ненавидит его вечного праздника и молодости и красоты».*²⁹

После майской встречи на квартире у Терещенко Блок ещё некоторое время работал в рамках балетного сценария, но скоро пришёл к убеждению, что следует писать либретто не для балета, а для оперы, чем и занялся.. Следует отметить, что в отличие от балетного либретто, разработка которого ведётся в соответствии с замыслом композитора и хореографа, либретто для оперы создаётся для композитора, насыщающего музыкой текст и далее передающего таким образом скомпонованный материал постановщикам, сценографам, режиссёрам.

В начале июля 1912 года Блок прочитал первый, весьма скромный вариант оперного либретто – у себя дома, в присутствии матери и тётушки Бекетовой - Терещенко и получил от него, уже внутренне отдавшего предпочтение оперному жанру перед балетным, позитивную оценку. Свои чувства по этому поводу, письмом от 14 июля 1912 года, Михаил Иванович изложил Ремизову: *«У Блока было наладилось хорошо, три действия совсем готовы. Есть ещё кое-какие шероховатости и неясности, но мне кажется очень хорошо. Боюсь только, поймёт ли музыкант. Свидание с Блоком за эти дни было единственным светлым пятном»*¹⁸⁰.

Михаил Иванович Терещенко, находясь под началом Теляковского, не сибаритствовал, а активно соучаствуя в обширном кругу двух столиц, впитывал в себя всё новое, передовое, с искусством связанное и увлечение им оперой было его естественной внутренней потребностью отозваться на тенденции в развитии этого вида театрального искусства, отчётливо проявившиеся в начале двадцатого века.

В декабре 1912 года в Петербурге представлением оперы Чайковского «Евгений Онегин», открылся Театр музыкальной драмы, сразу же привлёкший внимание столичной публики. Труппа театра была составлена в основном из молодых певцов, недавно

получивших консерваторское образование. Вдохновлённые руководителем театра Иосифом Михайловичем Лапицким (псевдоним – Михайлов), уже давно выступавшим в печати со статьями о необходимости реформирования оперной сцены, молодые актёры задались целью создать совершенно особый, новаторский стиль оперных спектаклей, привнести в них приёмы руководителя Московского Художественного театра (МХТ) Станиславского.

Стремилась молодые певцы синтезировать в оперных спектаклях музыку, текст и действие, внести в них принципы драматической игры, делающих оперное пение, по природе своей условное, естественным, а сценическое действие – правдивым и убедительным. (Отсюда и термин «Музыкальная драма», позаимствованный у Рихарда Вагнера, рассматривавшего своё искусство как синтез и как способ выражения определённой философской концепции.)

Терещенко, духовно породнившийся с Блоком, проникся его трансформацией исходного балетного замысла в оперу, стал адептом гармоничного соединения в ней искусства пения с искусством сценического воплощения её содержательного ядра. Более того, поучиться постановочным деталям такого мастерства он ездил в Москву, к Станиславскому.

«11 сентября 1912 года.

Днём – М. И. Терещенко с А. М. Ремизовым у меня...

11 октября 1912 года

« После обеда пришёл М. И. Терещенко, сидел со мной два часа...

Он в отчаянии и сомневается в своих силах, думает, что всё, что он делал до сих пор, - дилетантство. Прямо из университета попал в театр, а теперь, когда (в апреле) всё это кончилось, чувствует, что начинается жизнь и надо делать наконец – что не знает. Приблизительно – так.

Были они с Ремизовым в Москве; о студии Станиславского; актёрам (молодым по преимуществу) даётся канва, схема, которая всё “уплотняется”. Задавший схему (писатель, например,) знает её подробное развитие, но слова даются актёрами. Пока – схема дана Немировичем-Данченко: из актёрской жизни в меблированных комнатах (что им, предполагается, всего понятнее!). Также репетируют Мольера (!), предполагая незнание слов: подробно обрисовав характеры и положения, актёрам предоставляют заполнить безмолвие словами; Станиславский говорит, что они уже почти приближаются к мольеровскому тексту (узнаю его, восторженный человек!). – Студия существует на средства Станиславского, и он там – главный. Терещенко предлагает мне поехать вместе в начале ноября – посмотреть.

Со студии перешли на общий разговор. Об искусстве и религии Терещенко говорит, что никогда не был религиозным и всё, что может, думает он, давать религия, даёт ему искусство (два-три момента в жизни, преимущественно музыкальных)...

Терещенко говорил о том, что искусство уравнивает людей (одно оно во всём мире), что даёт радость или нечто, чего даже нельзя назвать радостью, что он не понимает людей, которые могут интересоваться, например, политикой, если они хоть когда-нибудь знали (почувствовали), что такое искусство...

Он не верит драматическому театру, не выносит актёрского духа, первое слово со сцены в драме коробит его. Пришло, думается, время соединять, а как – не знает. Едет в студию – учиться.

... Уходя, Михаил Иванович дал мне срок три недели для окончания оперы...»

16 октября 1912 года

Вечером я в кинематографе. Разговоры по телефону с Ремизовым и Терещенко.

31 октября 1912 года.

Утром. Как надо, в срок, данный М. И. Терещенко, окончил “оперу”, только песен отдельных ещё нет. Сказал об этом по телефону А. М. Ремизову и М. И. Терещенко». ²⁹

В процессе работы опера переросла в стихотворную драму, сюжет которой уже обозначился. Существенную роль при этом сыграла углублённая обработка образа Бертрана, в характере которого «*нечто, переросшее оперу*». Блок, учитывая не совсем признанное отношение Терещенко к драме, именуется по старой памяти своё стихотворное детище «оперой», пока Михаил Иванович не согласился признать «Розу и Крест» пьесой.

«Сюжет ее чрезвычайно прост: несчастный рыцарь Бертран любит владелицу замка Изору, за которой ухаживает юный паж — самоуверенный повеса Алискан. Но все мысли Изоры обращены к одному певцу, хотя она ничего не знает о нем, кроме единственной песни. Ее сердце принадлежит ему, и она мечтает его найти. Великодушный Бертран отправляется на поиски: объездив всю Бретань, он находит Гаэтана, сложившего любимую песню Изоры. Но это полуслепой старик. Бертран привозит его в Лангедок.

В замке устраивают рыцарский турнир. Изора знает, что ее трувер, поющий «Радость-Страданье одно», где-то рядом. Турнир начинается воинственной песней менестреля; а после любовной баллады Гаэтан исполняет свою песню. Изора видит его и понимает, что все ее ожидания были напрасны. Рыцарь-Несчастье знает, что его дама никогда его не полюбит; под покровом ночи он помогает юному пажу проникнуть в спальню госпожи и кончает с собой под ее окнами». ¹⁸⁰

Декабрь 1912 года и начало января 1913 года Блок работал над драмой по новому плану и в начале января 1913 года зафиксировал в дневнике факт её завершения.

Во время одной из встреч Терещенко сравнил произведение Блока с текстом либретто к опере Рихарда Вагнера «Тристан и Изольда», по сюжету которого верный слуга рыцаря Тристана по имени Курвенал делает всё возможное и невозможное для своего господина. Первая постановка в России, на сцене Мариинского театра была произведена в 1899 году, возобновлена, в более высоком качестве, в 1909 году Мейерхольдом и продержалась до 1914 года, до начала войны. Далее – всё немецкое запрещалось.

«2 ноября 1912 года.

... В начале 8-го ко мне приехал М. И. Терещенко, сидели мы до 11-го часа. Я читал ему «оперу», потом – стихи. Он хвалил, но очищающего чувства у меня нет. Говорит – дописать песни, диалоги, которыми и я недоволен, предоставить «Студии» Станиславского, прочесть пьесу Станиславскому, потом – думать о музыке к ней. Конец похож на конец «Курвенала», чего я не знал (не читал и не

слышал Вагнера). Не нравится ему (Тереценке) то, что Бертран плачет, увидев, что Гаэтан – старик.

Буду делать.

5 ноября 1912 года.

А. М. Ремизов передал по телефону, что Тереценке нравится моя пьеса
21 ноября 1912 года.

Утром Люба подала мне мысль: Бертран кончает тем, что строит капеллу Святой Розы. Обдумав мучительно это положение, я пришёл к заключению, что не имею права говорить о мистической Розе, что явствует из того простого факта, что я не имею достаточной духовной силы для того, чтобы разобраться в спутанных “для красоты” только, только художественно, символах Розы и Креста. Конца судьбы Бертрана я продолжаю не знать, и пишу об этом Тереценке...

1 декабря 1912 года. Я для своей работы, выгораживаюсь от мелких дел. Сегодня не мог добиться М. И. Тереценко, занятого своими делами, надеюсь на завтра.

3 декабря 1912 года.

...С Тереценко – о балете для газеты. С А. М. Ремизовым о том, что Тереценко огорчился, узнав, что я отложил пьесу.

4 декабря 1912 года.

Свидание и разговор с М. И. Тереценко, которыми я волновался, были приятны и принесли много хорошего...

9 декабря 1912 года.

...Вчера и сегодня – новый план Креста и Розы.

10 декабря 1912 года

Пишу 1-е действие (третья редакция)

(Роза и Крест)

«1 января 1913 года.

Директор театров выпытывал у меня о «Розе и Кресте». Об этом ему разболтал Мережковский и Мейерхольд, а мне – неловко перед Тереценко. От него поздравительная телеграмма из Лондона, - вот рыщет по свету...»

9 января 1913 года.

Утром написал последнюю сцену – Изора, её монолог. Остаётся только отделка. Послал телеграмму М. И. Тереценко.

10 января 1913 года.

...Утром ответная телеграмма от М. И. Тереценко.

11 января 1913 года.

Письмо М. И. Тереценке...

17 января 1913 года.

...Дописываю (переписываю) четвёртое действие.

23 января 1913 года.

Приехал М. И. Тереценко, был у А. Белого в Берлине. Мы условились, что я завтра приду в Сириин...

25 января 1913 года.

...Вечером должен был читать Тереценкам «Розу и Крест», но они разболелись.

29 января 1913 года.

... Вечером читал «Розу и Крест» у Терещенко (им троим). Бог знает чего мне наговорили. Понравилось очень, видно по-настоящему. Все вместе вышли и поехали...»

После первого прочтения пьесы «Роза и Крест» у Терещенко её повторная авторская читка произошла через два дня для установившегося состава слушателей с добавлением к нему новой персоны – Аркадия Павловича Зонова, представлявшего, как режиссёр, интересы Общедоступного театра. Это театральное заведение было создано в 1903 году усилиями Павла Павловича Гайдебурова и его супруги Надежды Фёдоровны Скарской (сестры Веры Комиссаржевской). Театру, как культурному учреждению, настроенному на рабочую публику, была предоставлена сцена в Народном доме графини Паниной на Лиговском проспекте. И, к слову, в театральной труппе участвовала жена Блока, Любовь Дмитриевна.

«3 февраля 1913 года.

*Мейерхольд, невзначай будто бы, выпрашивает, правда ли, что “антреприза Зонова субсидируется Терещенкой, а мы с А. М. Ремизовым – пайщики”, и т. п. – невероятный вздор, мещанские сплетни. Также – о Станиславском».*²⁹

Аркадий Павлович Зонов, «из вятских», выпускник драматического отделения Московского филармонического училища (класс Владимира Ивановича Немировича-Данченко) участвовал в проектах Московского художественного театра, был режиссёром в труппе Мейерхольда в Херсоне, Тифлисе, Москве. Далее был режиссёром труппы Веры Комиссаржевской, умершей у него на руках во время гастролей в Ташкенте.

Зонов предложил Блоку поставить «Розу и Крест» в Общедоступном театре, но поэт отказался, рассчитывая всё же уговорить Станиславского принять свою пьесу к постановке в Московском художественном театре.

«31 января 1913 года

... Вечером у А. М. Ремизова, читал Розу и Крест (Терещенки, Серафима Павловна, Зонов). По тому, как относятся, что выражается на лицах, вижу, что написал наконец настоящее...

Замечание М. И. Терещенко: короткий монолог Бертрана (4-ая сцена 4-го действия) “дописать” - обновить...

Елизавете Ивановне нравится, молчит, видно по лицу.

Пелагея Ивановна – за Гаэтана, Илискан – «лицеист».

15 февраля 1913 года.

*Пока я гулял на стрелке, звонил мне приехавший Михаил Иванович Терещенко. Воротясь, я позвонил, мы болтали. Новые замечания о Розе и Кресте – читали в вагоне Франческу да Римини, есть сходные положения... Не хотят издавать всего Белого – до 30 томов!..»*²⁹

В это время (в апреле 1913 года) труппа Станиславского гастролеровала в Петербурге и Блок после долгих телефонных переговоров сумел у себя дома прочитать пьесу Константину Сергеевичу, но тому работа поэта не глянулась.

«1913 год. Апрель.

19-го – днём в «Сирине», М. И. Терещенко, потом приехали Пелагея Ивановна и Елизавета Ивановна, вместе отвезли меня домой.

После обеда, на холодном закате я снёс письмо К. С. Станиславскому с просьбой выслушать «Розу и Крест» в присутствии А. М. Ремизова только.

20-го... Всё утро прождал я К. С. Станиславского. В 1-ом часу позвонил он: жар, боится. Послал за градусником, будет сидеть дома, может быть – завтра. В 1 час пришёл А. М. Ремизов, дал я ему цветной капусты и ветчины.

Поразил меня голос Станиславского (давно не слышанный) даже в телефоне. Что-то огромное, спокойное, густое, «нездешнее», трубный звук.

М. И. Терещенко волновался, говорит Алексей Михайлович, пожалуй, подозревает, что Станиславский не хочет...

26 апреля 1913 года.

... свидания с Терещенко....

... звонок от Станиславского, который обещает прийти 27-го, между двумя и тремя часами. – Днём я в Сирине, все в сборе, прощался с сёстрами Терещенко, уезжающими завтра за границу... Михаил Иванович. Говорил, что начал читать Стихи о Прекрасной Даме, и они ему нравятся.

27 апреля 1913 года.

М. И. Терещенко провожал сестёр, волновался весь день, трубка у меня была снята, ночью, после ухода Станиславского, я звонил ему и кое-как рассказал, усталый. Он злился.

29 апреля.

Вчера... приехал М. И. Терещенко, мы поехали с ним к Ремизовым, пили там чай... Я всё им рассказывал, Михаил Иванович сочувствовал, сердился. Обижался, говорил, что рад, что не поехал к Станиславскому. Потом мы катались вместе по островам»,²⁹

27 апреля 1913 года был долгий разговор Блока (на его квартире) со Станиславским с читкой и оценкой постановочной перспективы пьесы «Роза и Крест». «Впрочем Станиславский говорил, что он воспринимает всё туго и медленно. Моё впечатление, что он очень состарился и устал. По-видимому, и с Художественным театром ничего не выйдет, и “Розу и Крест” придётся только печатать, а ставить на сцене ещё не пришла пора»²⁹.

После этого Блок читал «Розу и Крест» на первом публичном собрании Общества поэтов, проходившем в зале Шестой гимназии. На следующий после этого события день он писал супруге: «Вчера я читал «Розу и Крест» среди врагов. Светских людей, холодных «нововременцев». Внутренно очень боролся и, кажется, победил. Мне помогало присутствие близких – мамы и тётки, Терещенок, Ремизовых, Пяста и некоторых людей, сочувствующих мне. Всего было человек до ста...»³¹

На постановку драмы Блока претендовал московский Свободный театр, передавший такое предложение Терещенко через поэта Юргиса Балтрушайтиса. Этот театр открылся в 1913 году в арендуемом помещении сада Эрмитаж на средства супругов Суходольских, коих темпераментный Константин Александрович Марджанов (с Котэ Марджанишвили) совместно с братом уговорили выделить немалые средства на создание синтетического театра, сочетавшего все театральные жанры, обещая взамен скорую и немалую прибыль. В итоге, новое дело дало учредителям одни убытки и они театр закрыли, учредив вместо него так называемый театр Суходольских. Блок будто предчувствовал исходную безалаберность в стратегии творческого кредо театра. И действительно, Марджанов отправился в Тбилиси, второй режиссёр, Аркадий Акимович Санин (он же – Дуван-Торцов) и Александр Яковлевич Таиров разошлись. Братья Санины остались при Суходольских, а Таиров создал собственный камерный театр.

«4 мая.

Балтрушайтис говорил на днях Михаилу Ивановичу, что Свободный театр хочет Розу и Крест. Может быть туда пойдёт Скрябин. Свободный театр получил от кого-то 3 000 000 рублей. Пока это Санины и Марджановы.

Милый и прекрасный К. С. Станиславский наговорил мне всё-таки много ужасных глупостей. Говорят, он слушает одного Эфроса... Михаил Иванович довёз меня до дому, мы говорили о том, что нам обоим вместе (как бывает нередко) надоели театры, книги, искусство. Жить хочется мне, если бы было чем, если бы уметь...»²⁹

Вопреки первой сдержанной оценке «Розы и Крест» Станиславским его дуумвир Владимир Иванович Немирович-Данченко в ноябре 1915 года предложил Блоку поставить оперный вариант «Розы и Креста» в Художественном театре. Александр Александрович с радостью согласился, прервав переговоры о её постановке с Александром Яковлевичем Таировым, только учредившим в Москве свой Камерный театр.

Развивая своё предложение, Немирович-Данченко устроил в Москве встречу Блока с Мстиславом Валериановичем Добужинским, о чём последний вспоминал годы спустя: *«Первая моя встреча с Рахманиновым случилась в фойе Московского Художественного театра. Тогда ставилась в театре «Роза и Крест» Блока. Блок и я приехали в Москву для переговоров о постановке, и Рахманинову было предложено написать музыку для этой пьесы. По этому поводу он тогда и появился в театре и Немирович-Данченко нас и познакомил.*

*Я не знаю, по каким причинам, но, по-видимому, музыка написана им не была, да и сама пьеса, хотя и готовилась два года, так и не была поставлена. Я привожу лишь этот факт обращения Художественного театра к Рахманинову, о чём, кажется, ни в одной его биографии не упоминается».*³²

».

Бегло – о розенкрейцерах, масонах

Для знатоков творчества и особенностей жизненного пути Александра Александровича Блока является секретом полишинеля тот факт, что идею его стихотворной поэмы «Роза и Крест» подал Михаил Иванович Терещенко. Но, возможно, не всем им ведомо, что упомянутое название этого прекрасного произведения является переводом с немецкого слова «розенкрейцер», коим в прадавние времена, как полагают знатоки вопроса, именовали членов одноимённого тайного общества.

Того самого общества, которое – по одной из многочисленных версий – стало краеугольным камнем союза франк-масонов или «вольных каменщиков»; и привязка к камнекладке обозначается масонством в символическом использовании инструментов строительных товариществ и легенды о строительстве Храма Соломона, дабы метафорически выразить *«систему морали, скрытую в аллегориях и проиллюстрированных символами»*.¹⁸¹

По другой легенде, теологический и мистический «Орден розы и креста» был создан в период позднего средневековья (четырнадцатый - пятнадцатый века) неким Христианом Розенкрейцером с задачей совершенствования христианства и достижения прочного благоденствия государств и отдельных лиц. При этом пути развития масонства и

розенкрейстерства долгое время не пересекались, пока - где-то в начале второй половины восемнадцатого века – не произошла их интеграция. (Близость масонства и розенкрейцерства не отрицалась ни масонами, ни розенкрейцерами. Последние утверждали, что масонство есть ветвью их братства с уклоном в сторону политики и материализма. Масоны же считали розенкрейцерство своим ответвлением с уклоном в сторону мистицизма.)

«История мидян темна и непонятна». Известно также, что красным, особой формы крестом метили свои латы рыцари ордена тамплиеров, ходившие тысячелетие назад освобождать Гроб Господень и, по достижении этой боговдохновенной цели, охранявшие паломников, ходивших на поклонение главной христианской святыне. По мнению некоторых исследователей, после того, как этот орден был объявлен в стране его пребывания (во Франции) вне закона, бывшие тамплиеры стали именовать себя розенкрейцерами и, возможно, такой версии происхождения розенкрейцерства придерживался Александр Блок, определяя наименование и фабулу своей поэмы.

Всюду беда и утраты.

Что тебя ждёт впереди?

Ставь же свой парус лохматый,

Меть свои крепкие латы

Знаком креста на груди.

Ещё одно легендарная – не историческая – версия возникновения розенкрейцерства восходит к началу двенадцатого века, когда послушник германского монастыря Христиан Розенкрейцер, после паломничества в Святую Землю, Марокко и Египет, после общения с мудрецами Феса и Дамаска, открыл у себя на родине братство Розы и Креста, главным предназначением которого было постижение Божественной мудрости, раскрытие Тайн природы, помощь людям при мистической концепции его действий и установлений – с оккультизмом, алхимией, розыском эликсира жизни и философского камня.

Впрочем, большинство учёных считают, что как такового Христиана Розенкрейцера не было, а все ему приписанные труды были сочинены в начале семнадцатого века (это уже исторический факт) одним из последователей розенкрейцеров, изложившим, в том числе, их нравственное кредо: *«Будь бескорыстен», «Будь сдержан, скромн, деятелен и молчалив», «Берегись тех, кто учит тому, чего не знает сам», «Живи, постоянно восхищаясь высшим добром», «Изучи теорию, прежде чем попробовать что-то на практике», «Будь щедрым и помогай всем существам», « Читай книги древней мудрости».*³³

В сравнительной увязке с розенкрейцерством можно упомянуть ещё одно религиозно-мистическое образование времён позднего средневековья - братство так называемых иллюминатов («просвещённых»), объединявшее высокоумных мужей той поры то ли с целью борьбы с преследовавшей их инквизицией, то ли с целью обережения тайных знаний от простых смертных, соединявшее в своём мировоззрении оккультизм со служением силам тьмы (Люциферу).

Возникшее, во второй половине восемнадцатого века в Баварии, оно через пару лет своего существования было разгромлено местным властителем, но продолжало потаённо существовать, проникая, время от времени во вновь образовывавшиеся масонские ложи со своими отнюдь не гуманными идеями и целями. (В качестве «страшилки» на ночь для слабонервных: по утверждению знатоков конспирологии, нынешние последователи тех

иллюминатов - это строго ограниченное число сверхбогатых людей планеты, видящих новый миропорядок как полное упразднение национальных, государственных, экономических, культурологических, нравственных границ с ограниченным до миллиарда населением земного шара, строго унифицированным и контролируемым ими через встроенные в каждую особь чипы et cetera.)

Возвращаясь к теме «Розы и Креста», должно отметить, что в России розенкрейцерство впервые объявилось где-то в конце восемнадцатого века и просуществовало только несколько лет. Далее, кажется, под его именованием в стране устраивалось только организовавшееся, из Франции пришедшее масонство, но и этот процесс был прерван запретом императора Александра I, последовавшим в 1822 году.

. Всплывшее в общественной жизни России повторно (в конце девятнадцатого века) местное розенкрейцерство не имело никакой связи с его тайным масонским сообществом и было скорее кратковременной забавой нашей интеллигенции. В таком ключе определили это явление его знатоки – Александр Моисеевич Пятигорский (автор книги о Михаиле Терещенко) и его ученица, Паола Дмитриевна Волкова:

«Фамилии Розенкрейцер не существует, это проекция розы в центр креста собора. Идеология розенкрейцеров – это та база или те внутренние крепления, на которых вырастает романтизм, служение прекрасной даме, рыцарская культура в Европе и на Востоке. Не будем называть это затасканным словом «тайное общество». Оно, по-видимому, даже не было тайным. Но к нему принадлежали люди, во главе которых в России принадлежали два очень знаменитых человека: Михаил Иванович Терещенко и отец писателя Набокова. В доме Набокова в Англии был культ рыцарства, и вырос он среди этого культа. Блок в своих дневниках пишет о Терещенко. Он написал «Розу и Крест» для Терещенко, а тот поправляет его, потому что Блок недостаточно глубоко вошёл в культ розенкрейцеров. Но Блок был поэтом, а поэты свободны от культов. Эта идеология очень отличается от идеологии любого общества, в том числе масонского. Розенкрейцеры оторвались от каменщиков и от строителей. Они занимали очень большие посты, их фамилии произносили вслух, эти люди были очень богатыми... Это была мужская гуманитарно-культурная ложа...

*Это последняя попытка людей вернуть культуру к традиции упорядоченных высоких отношений».*³⁴

Трудно ныне определить, насколько твёрдо был “прописан” в розенкрейстерстве Михаил Иванович Терещенко, но несомненно его внутреннее и внешнее воздействие на Александра Блока, сотворившего, в итоге, высокой духовности, чудного языка и элегантного стиля стихотворное сценическое произведение.

Всё же должно отметить, что у самого Александра Александровича прямая связь с розенкрейцерами могла быть, что отмечает современный историк масонства Виктор Степанович Брачев: *«Особый интерес вызывает дьявологическая ложа «Люцифер» (1910 – 1916) розенкрейцеровского толка, куда входили увлекающиеся декадансом представители творческой интеллигенции, среди которых были поэты-символисты: Вяч. Соловьёв, В. Брюсов, А. Белый, А. Петровский, а в период работы над мистической пьесой «Роза и Крест», возможно, и Александр Блок».*³⁵

В ходе “перестройки” начала двадцатого века, вынужденно устроенной Николаем II в октябре 1905 года, организовалось немало партий либерально-буржуазного толка, нацелившихся на ломку устоев и объединяющим их потаённым органом, руководящей и

направляющей антигосударственной силой стало отечественное масонство. Так уж сложилось, что о нём, породившем гидру Февральской революции 1917 года, авторы ему посвящённых публикаций пишут с некоторыми робостью и стеснением, почти в маргинальном контексте, как о некоторой – на забаву читателям - публицистической “клубничке”.

Причиной тому – неосведомлённость большинства авторов поверхностных публикаций о сути проблемы масонства, в том числе, по причине ограниченности сведений о деятельности глубоко конспирировавшихся ячеек; по этой же причине серьёзные исследования русского масонства, нередко противореча друг другу в оценках и выводах, носят фрагментарный, локальный характер. Между тем, многочисленные факты и на них выстроенные (пока немногочисленные) серьёзные исторические исследования подтверждают решающую роль российских “вольных каменщиков” в совершившемся столетие тому государственном переломе. *“Всё это было, было, было...”*

Масонство, впитавшее в себя многие стороны мистических действий, символов и целей стародавних предшественников (розенкрейцеров, иллюминатов), объявилось на европейской общественной сцене где-то в начале восемнадцатого века и строилось на идеальных нравственных основах *“свободы, равенства и братства”*.

С такими же принципами межчеловеческих отношений оно, на исходе девятнадцатого века, повторно инфильтровалось в российскую жизнь усилиями, прежде всего, специалиста по конституционному праву, профессора Максима Максимовича Ковалевского (о нём, к слову, пишу в книге «Дом над парком»). Обиженный правительством, запретившим ему читать лекции в высших учебных заведениях Москвы и Петербурга, он на исходе девятнадцатого века перебрался в Париж, где был введён в потаённое общество Великий Восток Франции - одну из масонских лож, коих было не счесть в столице Франции после её последней революции.

В 1906 году, во исполнение поручения братьев по ордену, Ковалевский, с парой французских подручников, вернулся в Россию и занялся активно «масонским строительством». Став депутатом Государственной Думы первого созыва, он уже через два года смог отчитаться перед парижским центром об учреждении почти двух десятков лож – в Петербурге, Москве, Киеве, Харькове, Варшаве, Иркутске...

В Киеве две масонские ложи были открыты в середине 1909 года организующими усилиями депутатов Государственной Думы историка Ивана Васильевича Лучицкого и землевладельца Фёдора Рудольфовича Штейнгеля при самом активном соучастии столичного масона Виктора Петровича Обнинского (будущего идеолога Великого Востока народов России), отработавшего с Сергеем Александровичем Ефремовым (одним из основателей Украинской радикально-демократической партии) основные направления деятельности местных вольных каменщиков по устройству автономии Украины в будущей федерализованной России.

Темп роста лож был столь велик, что к 1917 году в стране не было профессии, учреждения, казённого или частного общества, организации или группы, где бы не было масонов, в том числе эзотерического толка, коим являлся мартинизм, числившийся будто бы ветвлением розенкрейцерства.

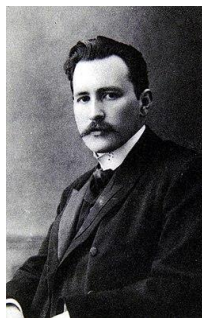
Мартинизм (как одна из наиболее распространённых форм эзотерического масонства, ставившего задачей исследование тайных знаний прошлого и применение их – через посвящённых в них братьев - для развития и совершенствования человеческого духа) был основан в 1890 году французским врачом, специалистом в области гипноза Жераром

Энкоссом, переименовавшем себя в новом качестве в «Папюса». Его полномочный представитель, «святой» старец Филипп Ансельм-Вашо в 1894 году появился в Петербурге, сумел очаровать царскую семью и некоторое время числился в ней мистифицирующим оракулом, своеобразной предтечей Григория Распутина.

В отличие от Николая II, скоро переключившегося на преподобного Серафима Саровского, его дяди, великие князья Николай и Пётр Николаевичи, а также великий князь Георгий Михайлович оставались правоверными мартинистами высоких степеней, устраивая регулярно масонские бдения в специальном выстроенном в Царском Селе храме (вплоть до запрета мартинизма в 1916 году).

Post scriptum. Ещё чуть-чуть о масонстве в России в начале двадцатого века.

Помимо отклонения в сторону мистики, антропософии, медиумных затмений и столоверчения привнесённое в Россию масонство в начальную пору крепко держалось за морально-нравственные основы учения вольных каменщиков. Но поражение России в войне с Японией и последовавшие за этим революционные события 1905 года выдвинули в масонской среде младореформаторов, потребовавших политизации деятельности масонства и в деле этом добившихся решающего успеха. Верховодил таким переустройством Николай Виссарионович Некрасов.

Коренной петербуржец (1879 года рождения), сын священника, он по окончании (с золотой медалью) института инженеров путей сообщения преподавал, с 1902 года, математику и механику в Томском технологическом институте, два года стажировался в Германии. Вернувшись в институт, исполнял должность экстраординарного профессора по кафедре строительной механики. Далее недолго пожил в Ялте, где вступил в партию кадетов (Конституционно-демократическая партия или партия Народной свободы). Как представитель этой партии был избран в Первую Государственную Думу от Томской губернии, где активно занимался проблемами путей сообщения. С 1909 года – член Центрального Комитета партии кадетов, лидер её левого крыла и сторонник сотрудничества с социалистами (за что, в 1915 году, из центрального партийного органа его правосторонними представителями был исключён).

По инициативе Некрасова из рядов русского масонства были выведены все старые (преимущественно профессорские) кадры, тяготевшие к философскому, а не к политическому масонству, а мастерские (филиалы) Великого Востока Франции в России (здесь слово «Восток» синоним слова «ложе») были мягко по форме (но твёрдо по существу) закрыты («усыплены»). Под председательством Николая Виссарионовича летом 1912 года в Москве состоялся первый, учредительный и объединительный, конвент русских масонов, на котором он был избран генеральным секретарём их новой головной структуры.

*«Первым в порядке дня конвента стоял вопрос о конструировании русской масонской организации. Были сделаны сообщения – докладчиком от Верховного совета был Некрасов, - что в России имеется всего около 14 – 15 лож, из них в Петербурге – 5, 3 – 4 в Киеве, 1 – 2 в Москве и по одной в Нижнем, Одессе и Минске, и что этого числа достаточно для выделения русских масонов в самостоятельную организацию наряду с другими Великими Востоками».*³⁵

Большие споры, прежде всего между русскими и украинскими ложами, вызвал вопрос названия учреждаемой организации. Подавляющее большинство конвента стояло за

название «Великого Востока России», тогда как Михаил Сергеевич Грушевский и солидарный с ним Николай Прокофьевич Василенко требовали, чтобы в названии ни в коем случае не было слова «Россия», отрицая за ней как государственной единицей право на целостное существование. Спорили учредители два дня, приняв, в итоге, компромиссное название «Великий Восток народов России».

На втором конвенте «Великого Востока народов России», прошедшем в октябре 1913 года в Петербурге, был учреждён его устав, поставивший во главу угла своей деятельности *«стремление к моральному усовершенствованию членов на почве объединения их усилий в борьбе за политическое освобождение России»*³⁵, избравший новым генеральным секретарём левого эсера Александра Михайловича Кулюбакина. После его гибели на фронте в 1915 году обязанности генсека исполнял Некрасов, вплоть до лета 1916 года, когда на третьем (и последнем) конвенте во главе Великого Востока народов России был поставлен Александр Фёдорович Керенский, в том же году передавший свои полномочия Александру Яковлевичу Гальперну (юридическому консультанту Британского посольства). Много позже Александр Фёдорович вспоминал:

«Предложение о вступлении в масоны я получил в 1912 году, сразу же после избрания в IV Думу. После серьёзных размышлений я пришёл к выводу, что мои собственные цели совпадают с целями общества, и принял это предложение. Следует подчеркнуть, что общество, в которое я вступил, было не совсем обычной масонской организацией. Необычным прежде всего было то, что общество разорвало все связи с зарубежными организациями и допускало в свои ряды женщин. Далее, были ликвидированы сложный ритуал и масонская система степеней; была сохранена лишь непрменная внутренняя дисциплина, гарантировавшая высокие моральные качества членов и их способность хранить тайну. Не велось никакие письменные отчёты, не составлялись списки членов ложи. Такое поддержание секретности не приводило к утечке информации о целях и структуре общества...

*Основу нашего общества составляла местная ложа. Высший совет ордена имел право создавать специальные ложи помимо территориальных. Так, была ложа в Думе, другая – для писателей, и так далее. При создании каждая ложа получала полную автономию. Ни один орган ордена не имел права вмешиваться в работу ложи или в вопрос о приёме в неё новых членов. На ежегодных съездах делегаты от лож обсуждали проделанную работу и проводили выборы в Высший совет. На этих же съездах генеральный секретарь от имени Высшего совета представлял на рассмотрение делегатов доклад о достигнутых успехах с оценкой политического положения и программой действий на предстоящий год. Порой на съездах между членами одной и той же партии происходили острые столкновения мнений по таким жизненно важным вопросам как национальный вопрос, формирование правительства, аграрная реформа. Но мы никогда не допускали, чтобы эти разногласия наносили ущерб нашей солидарности».*³⁶

Примерно в это время (зима 1913 – 1914 годов) было положено начало и Военной ложе Великого Востока народов России под началом полковника Генерального штаба эсера Сергея Дмитриевича Мстиславского (Масловского). Кроме него сюда входили генералы Александр Андреевич Свечин, Алексей Анатольевич Орлов-Давыдов, полковник Владимир Владимирович Теплов, генералы Василий Иосифович Гурко, Пётр Александрович Половцев, Михаил Васильевич Алексеев, Николай Владимирович Рузский

и полковник Алексей Михайлович Крымов, привлечённый в 1916 году масонами к подготовке дворцового переворота.

Ещё о масонах... с уходом в сферу интимного

Говоря о начальной поре вторичного проникновения масонства в Россию, следует учитывать особенности его установления и проявления в новой среде адептов, его переплетения с другими формами тайных мистических, прежде всего, теософских обществ последователей соответствующего учения Елены Блаватской (О ней и её доктринах пишу в книге “Феномен Анциферова”).

Одним из примеров подобного смещения жанров стало учение о Святой Софии, как о женском начале в Боге, порождённое гениальной, с признаками психопатологической дегенерации личностью – Владимиром Соловьёвым.

Последователи учреждённого им учения “Софинианства” в процессе неустанный поиска этого самого начала, скоро размежевались на две группы: одни интересовались преимущественно религиозно-философской стороной проблемы, другие усматривали в возведённом духовном идоле предтечу грядущего революционного взрыва – поначалу “духовного”, а затем и “материального”. После смерти, в 1900 году, отца-учредителя этого движения (прежде того принявшего католичество), последователи его воссоединились – под началом Андрея Белого – в “Братстве Аргонавтов”.

Сия, не имевшая ни уставов, ни чётко очерченных контуров деятельности, а потому недолго пожившая ассоциация включала в себя вольных представителей искусства,

литературы и науки, входивших в круг общения Михаила Терещенко, думается, бывшего только любопытствующим наблюдателем и сдержанным соучастником забав богемы поры “серебряного века”. Её верховод, Андрей Белый, позже облагодетельствованный киевским меценатом изданием своих трудов, активно дружил с парой символистов – Дмитрием Мережковским и Зинаидой Гиппиус, вместе с ними искал некоторое время начала новой, духу эпохи соответствующей новой религии; квартира в среде их соратников именовалась “логовищем мысли”. Здесь же ставились и решались вопросы новой “теории брака”, в том числе освежавшего закоснелые матримониальные обычаи, - “брака втроём” (*ménage en trois*).

По указанной схеме интимного союза некоторое время пыталась жить “тройка” - Александр Блок, его жена Любовь Дмитриевна Блок (Менделеева) и Андрей Белый (он же Борис Бугаев), позже сокрушавшийся по поводу сложности устройства такого рода любовных отношений:

*“Л. Д. мне объясняет, что Александр Александрович ей не муж; они живут как муж и жена; она его любит братски, а меня подлинно; всеми этими объяснениями она внушает мне мысль, что я должен её развести с Александром Александровичем и на ней жениться; я предлагаю ей это; она – колеблется, предлагая мне в свою очередь нечто вроде *ménage en trios*, что мне не симпатично. Мы имеем разговор с Александром Александровичем, где ставим вопрос, как нам быть. Александр Александрович молчит, отклоняясь от решительного ответа, но как бы давая нам с Любовью Дмитриевной свободу...”³⁷*

Жизнь «по-братски» с боговенчанной – с 1903 года - супругой Александра Александровича обязывал

возвышенный, им выработанный ритуал поклонения Прекрасной Даме, о чём позже та, то есть Любовь Дмитриевна, не без горечи сообщала: *“Короткая вспышка чувственного увлечения мной в зиму и лето перед свадьбой скоро, в первые же два месяца, погасла, не успев вырвать меня из моего девического неведения, так как инстинктивная самозащита понималась Сашей всерьёз... Я до идиотизма ничего не понимала в любовных делах. Тем более не могла я разобраться в сложной и не вполне*

простой любовной психологии такого не обиденного мужа, как Саша.

Он сейчас же принялся теоретизировать о том, что нам и не надо физической близости, что это «астартизм», «темное» и бог знает еще что... Когда я ему говорила о том, что я-то люблю весь этот еще неведомый мне мир, что я хочу его — опять теории: такие отношения не могут быть длительны, все равно он неизбежно уйдет от меня к другим. А я? «И ты также». Это приводило меня в отчаяние! Отвергнута, не будучи еще женой, на корню убита основная вера всякой полюбившей впервые девушки в незыблемость, единственность. Я рыдала в эти вечера с таким бурным отчаянием, как уже не могла рыдать, когда все в самом деле произошло «как по писаному».

Много позже Анна Ахматова в беседе с Лидией Корнеевной Чуковской дала свою оценку отношений помянутой пары боговенчанных супругов: *«Какая страшная у них была жизнь! Это стало видно из Дневника, да и раньше видно было. Настоящий балаган, другого слова не подберёшь. У него — роман за романом. Она то и дело складывает чемоданы и отправляется куда-нибудь с очередным молодым человеком. Он сидит один в квартире, злится, тоскует. Пишет в Дневнике: “Люба! Люба!” Она возвращается — он счастлив, — но у него в это время роман с Дельмас. И так всё время... Я полагаю, Блок вообще дурно, неуважительно относился к женщинам».*³⁸

Прелюбопытные зарисовки нравственного облика тогдашней богемы выписал Максимилиан Волошин, при котором поэт Эллис (он же – Павел Львович Кобылинский, один из теоретиков символизма) поинтересовался у Брюсова причиной неуёмного восторга Вячеслава Иванова коллегой Сергеем Городецким, на что получил краткое, но очень информативное разъяснение: *«Знаете, Павел Львович, нельзя быть таким наивным. Кто знает, в каких отношениях Вячеслав Иванов и Городецкий?»*. Было засомневавшемуся в таком скромном факте Эллиса окончательно «добил» присоединившийся к разговору «мирискусник» Вальтер Фёдорович Нувель: *«Вы совсем наивное дитя, несмотря на Ваш голый череп. Наша жизнь, - моя, Кузмина, Дягилева. Вячеслава Иванова, Городецкого – достаточно известна всем в Петербурге»*¹⁹⁸.

Сам Максимилиан Волошин, развивая усилия членов кружка по внедрению в общественное сознание идеи «свободной любви», прочитал им однажды содержательный доклад «Новые пути Эроса», а выступивший в прениях сторонник сексуального раскрепощения, выше помянутый Вячеслав Иванов энергично убеждал сотоварищей, что, в сущности, вся человеческая и мировая деятельность сводится к Эросу, что нет ни этики, ни эстетики – обе сводятся к эротике.

Любовь Дмитриевна же, в эротике мужем обойдённая, по её словам, *«оказалась брошена на произвол всякого, кто стал бы ухаживать»*. Первым стал Андрей Белый. Он, переживший мучительные любовные отношения с Ниной Петровской (Соколовой), в

середине июня 1905 года передал Любви митриевне письмо со своим объяснением в любви. Позднее в разговорах наедине он умолял ее оставить Блока и связать свою судьбу с ним. Развязка в их отношениях наступила 26 февраля 1906 года. Чтобы встречаться с возлюбленной, Белый нанял отдельную квартиру на Шпалерной улице. *"Никакой преграды не стояло между нами, и мы беспомощно и жадно не могли оторваться от долгих и не утоляющих поцелуев"*, — вспоминала Любовь Дмитриевна.

Следующим поклонником стал приятель мужа, писатель Георгий Иванович Чулков; её роман с ним – при осведомлённости о том Блока - вспыхнул быстро и страстно, но столь же быстро и бесстрастно погас.

«Мой партнер этой зимы, первая моя фантастическая «измена» в общепринятом смысле слова, наверно вспоминает с неменьшим удовольствием, чем я, нашу нетягостную любовную игру, — писала Любовь Дмитриевна. — О, все было — и слезы, и театральный мой приход к его жене, и сцена a la Dostoievsky. Но из этого ничего не получилось, так как трезвая NN в нашу игру не входила и с удивлением переживала, когда мы проснемся, когда ее верный, по существу, муж бросит маскарадную маску. Но мы безудержно летели в общем хороводе: «бег саней», «медвежья полость», «догоревшие хрустали», какой-то излюбленный всеми нами ресторанчик на островах с его немислимыми, вульгарными «отдельными кабинетами» (это-то и было заманчиво) и легкость, легкость, легкость...»¹⁸²

Далее, поступив в начале 1907 года в труппу Мейерхольда и находясь в её составе на гастролях в Могилёве, Любовь Дмитриевна сошлась с начинающим актёром Дагобертом (Константином Давидовским), на год моложе её, и о своём новом увлечении без промедления сообщила Блоку, позабыв, правда, «обрадовать» его вестью о своей беременности. С Дагобертом отношения её, по возвращении из гастролей, сошли на нет, а родившегося в феврале сына она, в память её, недавно умершего отца, назвала Дмитрием. Ребёнок, в котором Блок души не чаял, пожил только восемь месяцев.

Весной 1912 года, уже как соучредитель и активный участник «Товарищества актёров, художников, писателей и музыкантов» Любовь Дмитриевна не на шутку увлеклась юным, на девять лет её моложе, студентом-юристом Константином Кузьминым-Караваевым и далее курсировала между Петербургом и Житомиром, где жил её новый возлюбленный. О чередке этих поездок – в Дневниках Александра Блока:

«2 ноября 1912 года

Сегодня моя милая уехала в Житомир.

9 ноября 1912 года.

Если бы Люба когда-нибудь в жизни могла мне сопутствовать, делить со мной эту сложную и богатую жизнь, входить в ее интересы. Что она теперь, где, — за тридевять земель. Мучит, разрывает, зря все это. Тот мальчишка ничего еще не понимает, если даже способен что-нибудь понимать...

Милая, когда ты приедешь, какая будешь, как жизнь пойдет? Господь с тобой.

12 ноября 1912 года

Ночь и день необычайны. Всю ночь кошмары, в которых она — главное. Утро, полное сложных идей, вдруг — ее письмо. Мой ответ. Я посылаю его заказным в почтамте, потом ставлю свечу Корсунской божией матери в Исаакиевском соборе, где все такая же тьма, как тогда. «Стриндберговские» препятствия на пути — ясные, очевидные. Все преодолены. После собора стало легче...

Господи, сохрани меня и тебя во имя несказанное.

18 ноября 1912 года

Вечером — телеграмма из Вильны: «Дома завтра девять утра Люба». Едет милая теперь. Волнуюсь. В ее комнатах сегодня топили, теперь — слабый запах лилий.

2 декабря 1912 года.

Она опять получила письмо, была расстроена. Господин Кузьмин пьет без неё. После длинного разговора — ясно ей: ей нужно ехать в Житомир без срока, “последняя влюблённость”, чтобы я отпустил по-хорошему. После общего разговора я выспросил частности. В конце этой недели она, вероятно, поедет, милая.

21 декабря 1912 года

Неделя, как милая уехала.

31 декабря 1912 года

Пока гулял, приехала милая, растерянная с дороги. Умывается.

7 февраля 1913 года

... В 7 ч. 25 м. вечера (поезд) моя милая поехала в Житомир.

10 февраля 1913 года

Четвёртая годовщина смерти Мити. Был бы теперь 5-й год...

... Милая, где ты теперь? Господь с тобой.

29 мая 1913 года

... Вчера вечером милая приехала домой. Маленькая²⁹

По завершении бурного (или буйного) романа с Кузьминым Любовь Дмитриевна, в июле 1913 года вместе с мужем съездила во Францию, просила у Блока (но не получила) согласия на развод.

Сам Александр Блок первый опыт возвышенной (и чувственной) любви получил в возрасте шестнадцати лет, летом 1897 года, когда он вместе с матерью и тёткой отдыхал в немецком курортном городке Бад-Наугейм. Его prima amogoso, Ксении Михайловне Садовской, было тридцать семь лет. Она — опытная светская дама, жена министерского чиновника и мать троих детей, богатая и изнеженная — пленила юного Александра своей красотой и изысканностью манер, своими умными синими-пресиними глазами, свет которых и годы спустя вспыхивал в его благодарной памяти.

И вдруг - туман сырого сада,
Железный мост через ручей,
Вся в розах серая ограда,
И синий, синий плен очей...

О чем-то шепчущие струи,

Кружащаяся голова...

Твои, хохлушка, поцелуи,

Твои гортанные слова...

Вспоминает тётушка Александра Блока, Мария Андреевна Бекетова: «1897 год памятен нашей семье и знаменателен для поэта. Ему было шестнадцать с половиною лет, когда он с матерью и со мною отправился в Бад-Наугейм. Сестре был предписан курс лечения ваннами от обострившейся болезни сердца. Путешествие по Германии интересовало Блока. Наугейм ему понравился. Он был весел, смешил нас с сестрой шалостями и остроумиями, но скоро его равновесие было нарушено многозначительной встречей с красивой и обаятельной женщиной. Все стихи, означенные буквами К. М. С.,

посвящаются этой первой любви. Это была высокая, статная, темноволосая дама с тонким профилем и великолепными синими глазами. Была она малороссиянка, и ее красота, щегольские туалеты и смелое, завлекательное кокетство сильно действовали на юношеское воображение. Она первая заговорила со скромным мальчиком, который не смел поднять на нее глаз, но сразу был охвачен любовью. В ту пору он был очень хорош собой уже не детской, а юношеской красотой. Об его наружности того времени дают приблизительное понятие его портреты в костюме Гамлета, снятые в Боблове, у Менделеевых, год спустя.

Красавица всячески старалась завлечь неопытного мальчика, но он любил ее восторженной, идеальной любовью, испытывая все волнения первой страсти. Они виделись ежедневно. Встав рано, Блок бежал покупать ей розы, брать для нее билет на ванну. Они гуляли, катались на лодке. Все это длилось не больше месяца. Она уехала в Петербург, где они встретились снова после большого перерыва...»²⁸

Разъехавшись, они встретились вновь через восемь месяцев в столице и их любовные отношения, с постепенным умалением силы страсти у юного Блока длились до 1900 года. Они расстались, но яркая, неповторимая красота первого любовного чувства навсегда засела в душе поэта, вырвавшись двенадцать лет спустя наружу в прекрасном стихотворном цикле, посвященном Ксении Михайловне Садовской:

*Всё, что память сберечь мне старается,
Пропадает в безумных годах,
Но горячим зигзагом взвивается
Эта повесть в ночных небесах.
Жизнь давно сожжена и рассказана,
Только первая снится любовь,
Как бесценный ларец перевязана
Накрест лентою алой, как кровь.*

После революции Ксения Михайловна, похоронив мужа, перебралась к сыну в Одессу, где прожила концовку своей жизни, где и скончалась как пациент психиатрической клиники в возрасте шестидесяти пяти лет, оставив после себя зашитыми в подол юбки стопку из двенадцати, перевязанных алой лентой писем от Блока.

*И когда в тишине моей горницы
Под лампадой томлюсь от обид,
Синий призрак умершей любовницы
Над кадилом мечтаний сквозит.*

С Натальей Николаевной Волоховой (урождённой Анциферовой), актрисой труппы Веры Комиссаржевской Блок познакомился в конце 1906 года – в дни, когда готовилась к постановке его пьеса «Балаганчик», к слову, образно описывающая конфликт автора произведения с Андреем Белым, претендовавшим на руку Любви Дмитриевны.

Была двадцативосьмилетняя Наталья Николаевна невероятно эффектна. Современники отмечали её поразительную улыбку, бледное лицо, высокий тонкий стан, строгие, глухие тёмные

платья. И всё это – при её живом уме, удивительном обаянии, некоторой таинственности облика.

Блок страстно увлекся Волоховой: *«Вот явилась. Заслонила всех нарядных, всех подруг...»* Вихрь страсти, стихов, музыки захлестнул его, чтобы вылиться затем в туманные, чарующие строки. За две недели января 1907 года он написал тридцать стихотворений и вскоре преподнёс Волоховой маленькую изящную книжицу. «Снежная маска» открывалась словами: *«Посвящаю эти стихи ТЕБЕ, высокая женщина в черном, с глазами крылатыми и влюбленными в огни и мглу моего снежного города»*³⁹

И вновь, сверкнув из чаши винной,

Ты поселила в сердце страх

Своей улыбкою невинной

В тяжелозмейных волосах...

Волохова с удовольствием принимала пылкое ухаживание Блока, но – без ответной страсти. По свидетельству подруги, она была равнодушна к совсем другому мужчине, с которым не так давно рассталась и которого пыталась забыть. Пыталась, но так и не смогла...

Главный разговор поэта с возлюбленной состоялся в марте 1908 года в гостиничном номере в Москве, куда Александр Блок специально выехал вслед за театральной труппой. Поэт твердил о своей любви, а она – о невозможности отвечать на его чувство. И на этот раз ему ничего не было разрешено, и страсть поэта резко пошла под уклон:

И стало всё равно, какие

Лобзать уста, ласкать плеча,

В какие улицы глухие

Гнать удалого лихача.

Черниговчанка Любовь Александровна Андреева-Дельмас по окончании Петербургской консерватории некоторое время пела в Киевской опере, затем вернулась в столицу; далее гастролировала за границей вместе с Шаляпиным, исполняла партию Марины Мнишек в «Борисе Годунове». Но настоящую популярность принесла ей роль Кармен, в образе которой певица выходила на сцену более четырёх сотен раз. Эта роль стала для нее судьбоносной – именно она принесла ей любовь тысяч зрителей и... Александра Блока, благодаря которому ее имя вошло в историю.

Впервые он увидел Любовь Александровну в начале 1914 года - на сцене Большого зала консерватории, где опера «Кармен» давалась в постановке Театра музыкальной драмы. Ей было уже за тридцать, она была замужем за оперным певцом Андреевым, певшим в Мариинке (Дельмас – фамилия её матери).

Блок увидел её на сцене яркой, раскрепощённой, безмерно обаятельной женщиной и влюбился в неё с юношеской горячностью, пылкостью, страстью. Он долго, вдруг оробев, не мог встретиться с предметом своего обожания, доверив поначалу свои чувствования письмам, некраसेющей бумаге: *«Я смотрю на Вас в «Кармен» третий раз, и волнение мое растет с каждым разом. Прекрасно знаю, что я неизбежно влюбляюсь в Вас, едва Вы появитесь на сцене. Не влюбиться в Вас, смотря на Вашу голову, на Ваше лицо, на Ваш стан, –*

невозможно. Я думаю, что мог бы с Вами познакомиться, думаю, что Вы позволили бы мне смотреть на Вас, что Вы знаете, может быть, мое имя. Я – не мальчик, я знаю эту адскую музыку влюбленности, от которой стон стоит во всем существе и которой нет никакого исхода...»⁴⁰

Встретившись, наконец, и познакомившись, они подолгу гуляли по Петербургу, заходили в рестораны, участвовали в дружеских собраниях и пирушках, писали друг другу письма, полные страсти и восхищения. Блок продолжал в своем воображении рисовать образ Кармен: *«Вы – та жемчужная раковина, полная жемчугов, которая находится за что-то, как награда, или как упрек, или как предостережение, или как весть о гибели, может быть. Не знаю, знаю только, что – не даром»; «Меня наполняет горячая нежность и благодарность Вам за то, что Вы есть – в мире, за то, что Вы такая – и красивая, и прекрасная, и окрыленная, и тихая, веселая и печальная»; «Я не мальчик, я много любил и много влюблялся. Не знаю, какой заколдованный цветок Вы бросили мне, но Вы бросили, а я поймал»⁴⁰.*

Те, кому довелось видеть их в ту пору вместе, с удивлением и с восхищением отмечали, как они поразительно подходят, гармонически дополняют друг друга. Особенно явно это двуединство проявлялось, когда Блок и Дельмас выступали вдвоем со сцены, как было, например, на литературном вечере, состоявшемся в годовщину их знакомства, – он читал свои стихи, она пением воспроизводила их в романсах. Или – в зале Тенишевского училища, где они присутствовали на первом представлении "Балаганчика" и "Незнакомки". Она тогда была особенно ослепительна в своем лиловом открытом вечернем платье. *"Как сияли ее мраморные плечи! - вспоминала современница. - Какой мягкой рыже-красной бронзой отливали и рдели ее волосы! Как задумчиво смотрел он в ее близкое-близкое лицо! Как доверчиво покоился ее белый локоть на черном рукаве его сюртука"*⁴⁰

Казалось, вот оно, его счастье, которое нашел однажды в Таврическом саду, где они вместе выискивали на ветках сирени "счастливые" пятиконечные звездочки цветков.

История их недолгой, порохом вспыхнувшей и сгоревшей любви запечатлена не только в его письмах, но и во многих стихах: ей посвящены циклы и книги "Арфа и скрипка", "Седое утро", многочисленные записи в дневниках и записных книжках. Поэт подарил ей поэму "Соловьиный сад", которую завершил осенью 1915 года, с надписью: "Той, что поет в Соловьином саду". Но еще раньше, на излете тревожного четырнадцатого года, он опубликовал стихотворный цикл "Кармен" – эпизод биографии поэта стал фактом искусства.

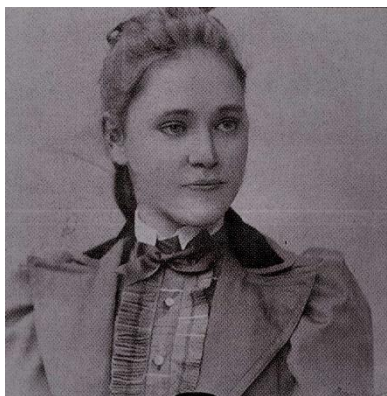
*Ты – как отзвук забытого гимна
В моей чёрной и дикой судьбе.
О, Кармен, мне печально и дивно,
Что приснился мне сон о тебе*

*Вешний трепет, и лепет, и шелест,
Непробудные, дикие сны,
И твоя одичалая прелесть –
Как гитара, как бубен весны!..*

И хотя страсть у Блока (но не у Любови Александровны) прошла быстро, его дружеские отношения с им покинутой пассией продолжались чуть не до последних дней его жизни.

Начавшаяся война и последовавший за ней революционный разброд нашли свое отражение в творчестве Блока, но мало повлияли на его семейную жизнь. Любовь Дмитриевна стала сестрой милосердия, потом вернулась в Петроград, где изо всех сил налаживала разваленный войной и революцией быт – доставала продукты, дрова, организовывала вечера Блока, сама выступала в кабаре «Бродячая собака» с чтением его поэмы «Двенадцать». В 1920 году она поступает на работу в театр Народной комедии, где у нее вскоре завязывается роман с актером Жоржем Дельвари (он же – клоун Анюта).

Любовь Дмитриевну никак нельзя назвать женщиной заурядной. В ней чувствовался человек нелегкого, крайне замкнутого характера, но, бесспорно, очень сильной воли и очень высокого представления о себе, с широким кругом духовных и интеллектуальных запросов. Именно по этой «фундаментальной» причине, Блок, при всей сложности их отношений, неизменно обращался к ней в самые трудные минуты своей жизни, не переставая любить её, что бы с ним ни происходило. Он окончательно понял, что в его жизни были и будут *«только две женщины – Люба и все остальные»*.

Пелагея Ивановна Терещенко, старшая из двух сестёр Михаила Терещенко была в числе тех женщин, прелестью которых Александр Блок мог только восхищаться письменно, что он однажды (дневниковой записью от 11 марта 1913 года) и сделал: *«Пелагея Ивановна Терещенко. Красота унижения есть в ней. Приезжая в Швейцарию, опускает шторы от видов. В Бальзака вчитывается, сначала ненавдя, как ... с А. Белым. Солнце и жар – холодная кровь. «Вся жизнь ненужно изжитая». «Стальной сталью... далью гор...» – такие бы строки – о ней. Опутывает боа плечи и руки. Серая сталь глаз, высокая причёска, чёрные волосы. Обаятельные руки. Хмурый взгляд и гримаса. Чёткость слов. Это – Сириин...»*²⁹

Пелагея Ивановна, вместе с сестрой Елизаветой, были соучредителями издательства «Сириин», активно участвовали в его работе, влияя на принятие важных издательских решений. Когда Михаил Иванович полностью посвятил себя делам общественным и государственным, Пелагея фактически руководила издательством, вплоть до его закрытия в конце 1915 года. Замуж она вышла, кажется, по собственному выбору – за Михаила Петровича Дембно-Чайковского (1891 года рождения), бывшего на восемь лет моложе своей избранницы. О супруге известно только то, что был он из рода Чайковских, носившего герб Дембно, что предок его – Григорий Чайковский – был из казацкой старшины. Его отец Пётр Степанович Дембно-Чайковский вписал фамилию свою в дворянский род Бессарабской губернии в 1912 году, а в годы Первой мировой войны был пехотным воинским начальником в городе Собеж Псковской губернии.

(Известно также, что Пелагея Ивановна владела землицей на моей малой родине – в селе Христиновка, по состоянию на 1914

год, в её собственности находились юлоколо тысячи десятин земельных угодий.)

Михаил Иванович Терещенко свою личную жизнь в первый раз устроил с восхитившей и обаявшей его – не только внешними данными, но и природным умом, душевными качествами, тактом – французской из города Дижона Жанне-Марии-Маргарите Ноэ (для родных и близких – просто «Маги»).

Об этом пишет наш современник, глубокий исследователь истории рода Терещенко, киевлянин Виталий Васильевич Ковалинский: *«Когда и где они познакомились, можно предполагать по-разному, но недавно их внуком Мишелем обнаружены письма и телеграммы дедушки к бабушке, и самое раннее из найденных посланий датировано 1912 годом. В этих письмах – сложная, полная драматизма жизнь двух людей, в которой было всё – любовь, нежность, радости встреч и горечь разрыва»²*

«Возлюбленная нами, как никакая другая, возлюблена будет». Своей возлюбленной, дабы отблагодарить её за рождение первенца, Михаил Терещенко подарил редчайший (по размерам, чистоте, качеству огранки) индийский алмаз. Для неё он приобрёл за баснословные деньги гигантскую яхту «Иоланда».

Пара эта длительное время не регистрировала брачных отношений, кажется, по причине негативного отношения матери Михаила Ивановича к его французской подруге. Лишь незадолго до развода, дабы обеспечить общих детей требуемыми гражданскими правами, Терещенко оформил брак с Маргарит Ноэ, чтобы вскоре после этого события разойтись с ней.

Александр Блок в годы Первой мировой войны

Первую, ещё мирную половину лета 1914 года Александр Блок, вместе с мамой Александрой Андреевной Кублицкой-Пиоттух, провёл в семейном имении Шахматово, неподалёку от Москвы располагавшемся, и о своём времяпрепровождении в эти благостные, трудом - физическим и творческим – наполненные, дни сообщал супруге письмом от 18 июня: *«Любушка, я очень обрадовался твоему письму. Живу шахматовской жизнью – перевожу, читаю, иногда чищу сад, гуляю. Последнее особенно приятно, потому что думаешь обо многом и вспоминаешь многое. Отдыхаю постепенно... Здесь всё время засуха и жара, были небольшие грозы. Завидую тебе, что ты всё-таки купаешься...»³¹*

Поминаемое Александром Александровичем купание было доступно Любви Дмитриевне по той причине, что на время написания указанного письма она, в составе труппы Зонова, находилась на весьма успешных гастролях в курортном посёлке Куоккала (ныне – Репино) и имела возможность освежиться в «хладных водах» Финского залива.

Между тем, с середины лета 1914 года, по прошествии чуть более двух недель после роковых выстрелов в сербском Сараево, записные книжки Блока запестрели стенографически беглыми сообщениями о вспышках боевых действий в Европе, вскоре возбудивших страшное всепожирающее пламя Первой мировой войны:

«15 июля 1914 года.

Пахнет войной (Австрия – Сербия – Россия).

18 июля 1914 года.

Белград бомбардируется австрийцами...»¹⁷

Записи Александра Блока о событиях того взрывного лета информативно дополняются строками из письма к нему, написанного его супругой 18 августа

четырнадцатого года. Поминает в нём Любовь Дмитриевна об опечалившей её отправке на грядущий театр боевых действий возлюбленного, Константина Константиновича Кузьмина-Караваева; она даёт собственный скоропалительно-наивный прогноз возможному развитию боевого противостояния враждующих сторон: *«Вчера провожали Кузьмина-Караваева в Житомир – не успел он отслужить, как опять в полк, из-за мобилизации, на этот раз к отцу; в 200 верстах от границы; не успеют объявить войны, как они уже будут в Австрии, на разведках. Война уже очень чувствуется здесь, по Финляндской дороге усиленно передвигаются войска... Хотя всё-таки есть возможность, что войны не будет... все державы хотят довести свою боевую готовность до последней степени, чтобы начать делить Австрию, на что идёт Германия, уступая Эльзас и Лотарингию Франции, получая всю немецкую Австрию, ну а дальнейшее деление само понятно...»*³¹

«Всякий мнит себя стратегом, видя бой со стороны» или *«всё было гладко на бумаге, да забыли про овраги»*. 19 июля 1914 года Германия объявила войну России, на что через день последовало ответное аналогичное решение в царском Манифесте; 24 июля войну России объявила Австрия, получив симметричный ответ 27 июля; 4 августа Первая армия России перешла границу в Восточной Пруссии; 7 августа перешла в наступление Вторая армия и – погибла в Мазурских болотах...

В Петербург Александр Блок с мамой вернулись 20 июля 1914 года, спустя день – приехала Любовь Дмитриевна. Далее – слово Марии Андреевне Бекетовой, тётушке поэта: *«Александр Александрович встретил весть о войне с волнением и какой-то надеждой. На войну он не рвался, это было ему не свойственно, но он пожелал участвовать в работе, имевшей касательство к войне. Он поступил в ближайшее районное попечительство, оказывавшее помощь семьям запасных, и работал в комитете, председателнице-й которого была некая Депп. Он делал обследования, собирал пожертвования и т. д. Любовь Дмитриевна готовилась в сестры милосердия. Она прошла подготовительный курс сестер, причем ходила за ранеными в Александровской больнице. В конце августа она уехала на войну в одном из первых отрядов Кауфмановской общины, в госпитале, оборудованном на средства семьи Терещенко. Все мы, разумеется, ее провожали. Она работала главным образом в Львовском госпитале, провела на театре войны девять месяцев. Из нее вышла образцовая сестра милосердия - не сентиментально-слезливая, пишущая письма "солдатикам" часто в ущерб более важным обязанностям, но строго исполнительная, энергичная, неутомимая и авторитетная.»*²⁸

В столицу, ставшей (высочайшим указом от 18 августа) именоваться Петроградом Любовь Дмитриевна возвратилась в марте 1915 года и всё последовавшее лето вновь выступала в труппе Зонова, в Куоккале (затем - в труппе Измайловского полка, составленной из призванных служить, но негодных к строевой артистов). Александр Александрович к этому времени завершил свою часть работы по подготовке к изданию собрания сочинений Аполлона Григорьева - написал предисловие, комментарии.

Но это была проза. В поэзии слава Блока в годы войны росла не по дням, а по часам – он уверенно и по заслугам занял место первого поэта России. Стихами чисто военной тематики не увлекался и, кажется, только единожды, под впечатлением увиденной (в конце августа 1914 года, в Петергофе) отправки на фронт новобранцев, написал: *«Петроградское небо мутилось дождём, на войну уходил эшелон. Без конца – взвод за взводом и штык за штыком наполнял за вагоном вагон...»* Думал и писал Блок в

военное лихолетье, прежде всего, об отчизне, о своём глубоко личном отношении к ней, привлекая читательское внимание к гражданской - с её горьким привкусом - тематике:

*Грешить бесстыдно, непробудно,
Счет потерять ночам и дням,
И, с головой от хмеля трудной,
Пройти сторонкой в божий храм.*

*Три раза поклониться долу,
Семь — осенить себя крестом,
Тайком к заплеванному полу
Горячим прикоснуться лбом.*

*Кладя в тарелку грошик медный,
Три, да еще семь раз подряд
Поцеловать столетний, бедный
И зацелованный оклад.*

*А воротясь домой, обмерить
На тот же грош кого-нибудь,
И пса голодного от двери,
Икнув, ногою отпихнуть.*

*И под лампадой у иконы
Пить чай, отщёлкивая счет,
Потом переслюнить купоны,
Пузатый отворив комод,*

*И на перины пуховые
В тяжелом завалиться сне...
Да, и такой, моя Россия,
Ты всех краёв дороже мне*

Далёкий от батальных восторгов, он считал, что война «оказалась достойным венцом той лжи, грязи и мерзости, в которых купалась наша родина», и мысли о соотечественниках, страдавших и погибавших на полях сражений, не покидала Блока.

*Рождённые в года глухие.
Пути не помнят своего.
Мы – дети страшных лет России –
Забывать не в силах ничего...*

В конце мая 1915 года в издании журнала "Отечество" Александр Блок выпустил книжку "Стихи о России", посылая которую матери, заметил: "Всё - не заказное". В эту внешне скромную книжечку поэт включил двадцать три стихотворения, открыв её стихами "На поле Куликовом".

*"Мы и не подозревали, - писал в рецензии Георгий Иванов, - читая в каталогах об этой маленькой книжечке военных стихов, что на серой бумаге, в грошовом издании нас ожидает книга из числа тех, которые сами собой заучиваются наизусть, чьими страницами можно дышать, как воздухом..."*⁴¹

Книгу «Стихи о России» Блок подарил отчиму Феликсу Францевичу Кублицкому-Пиоттух, послав её с оказией на фронт с надписью: *«Милому Францику, обречённому быть на этой пошлой войне»*. (Генерал Кублицкий-Пиоттух командовал сначала бригадой, потом дивизией и участвовал в Галицийском походе в составе армии Брусилова.)

Отчим ответил на подарок пасынка встречной любезностью, предложив тому, в случае возникновения форсмажорной ситуации с призывом в армию, отправиться исполнять воинский долг в подчинённую ему дивизию. О таком предложении мама Блока сообщила своей подруге Марии Павловне Ивановой в письме от 19 июля 1915 года: *«Франц получил дивизию очень хорошую 2-ю стрелковую Финляндскую. Франц говорит, что если станут вызывать ратников 2-го разряда и дело дойдёт до Саши и Жени, милости просим в телефонную команду его дивизии. А вдруг в самом деле?»*³¹

Беспокойство Александры Андреевны о фронтовом будущем сына можно понять, если взять во внимание, что громадные потери русской армии в первые месяцы войны, восполненные к началу 1915 года второй волной мобилизации, повторились и в боях второго полугодия боевых действий. Поэтому, в ожидании неизбежной третьей мобилизационной волны жена боевого генерала Кублицкого-Пиоттух ухватила за возможность целенаправленного призыва в его дивизию пасынка Александра. Впрочем, вскоре после этих хлопот энергичная мама нашла Александру Блоку другой вариант фронтового «обустройства» - через его сводную сестру Ангелину Александровну Блок. Об этом, о чём она вновь поведала подруге Марии Павловне письмом от 16 ноября 1915 года

«Вся эту неделю занималась я военными делами, касающимися моего сына. Кажется, будет он вольноопределяющимся в артиллерии. Протекция оказалась со стороны его сестры Ангелины Блок, у которой все дяди артиллеристы.

*Как оказывается трудно попасть на курсы прапорщиков... В пехоту пускают лишь до 30 лет, в артиллерию столько желающих, что нужна протекция. Красный Крест не освобождает от призыва, на штабные должности в тылу попадают только, дав взятку»*³¹

Блок в мобилизационных списках военного ведомства числился ратником (ополченцем), к коим относились лица в возрасте от двадцати до сорока трёх лет, негодные к военной службе в военное время, но могущие быть поставленными под ружьё в случае войны.

Ещё весной пятнадцатого года о своей военной перспективе, кажется, особо не задумывался – занимался текущими писательскими делами, проводил время с всё ещё тревожившей его сердце Любовью Александровной Андреевой-Дельмас, что следует из текущих дневниковых записей поэта:

«20 апреля.

Труды над первым томом. — К ночи — телефон с Любовью Александровной, и я опять готов влюбиться, и она завтра опять поет Кармен

27 апреля.

*Занятия стихами. — Днем у меня Ю. П. Базилевский. — Вечером мы с Любовью Александровной на поэзоконцерте И. Северянина».*²⁹

К марту 1916 года у него сформировался чёткий, принципиальный, логически стройный взгляд на творящееся военное безумство: «*Сегодня я понял наконец ясно, что отличительное свойство этой войны — невеликость (невысокое). Она — просто огромная фабрика в ходу, и в этом ее роковой смысл. Несомненно, она всех «прозаичнее» (ищу определений, путаясь в обывательском языке). Это оттого, что миром окончательно завладел так называемый антихрист. Отсюда — невозможность раздуть патриотизм; отсюда — особенный обман малых сих (солдаты, твердящие о «тевтонах», или: «Мы серые герои, уже шестой месяц проливаем свою последнюю каплю крови за отечество»).* Толкнул меня на эти мысли, очевидно, Пяст, читавший мне вчера свою хронику, посвященную описанию «патриотического подъема» начала войны. Его заслуга — в том, что он, восхитившись тем, чем «все» восхищались мелко и поддельно, — глубоко и неподдельно, обнаружил, что восхищаться было решительно нечем...»²⁹

В апреле 1916 года поползли по стране слухи о третьей всероссийской волне мобилизации, о новом призыве ратников (ополченцев), родившихся в 1880 году. Тридцатишестилетнему Блоку как ратнику второго призыва предстояла отправка на фронт рядовым.

Ныне, с оглядкой на прошлое, не укладывается в голове, как - даже в ситуации затянувшейся на неопределённое время мировой бойни, большого числа потерь, понесённых русской армией – могли власть имущие отправить в зону боевых действий жемчужину русской поэзии во образе Александра Александровича Блока. Анна Ахматова вспоминала слова Гумилева, сказанные в самом начале войны о Блоке: «*Неужели и его пошлют на фронт? Ведь это то же самое, что жарить соловьев».*

В самый день призыва, 7 июля 1916 года, при содействии друга Вильгельма Александровича Зоргенфрея (поэта и инженера) Блока зачислили табельщиком в 13-ю инженерно-строительную дружину Союза земств и городов, созданного в начале войны либеральными помещиками и промышленниками в помощь фронту. Служба в учреждениях Союза обеспечивала офицерское положение, жалованье пятьдесят рублей в месяц и бесплатный проезд во втором классе, о чём он сообщил по городской почте матери:

«7 июля 1916. Петроград

Мама, пишу кратко, пока, потому что сегодня очень устал от массы сделанных дел. Сегодня я, как ты знаешь, призван. Вместе с тем я уже сегодня зачислен в организацию Земских и Городских союзов: звание мое — «табельщик 13-й инженерно-строительной дружины», которая устраивает укрепления; обязанности — приблизительно — учет работ чернорабочих; форма — почти офицерская — с кортиком, на днях надену ее. От призыва я тем самым освобожден; буду на офицерском положении и вблизи фронта, то и другое мне пока приятно. Устроил Зоргенфрей. Начальник дружины меня знает. Сам он —

архитектор. Более подробно напишу после. Паспорт уже отдал, и он заменен удостоверением, завтра получу подъемные (недостаточные, придется тратить свои деньги). Получу бесплатный проезд во II классе. Жалованье — около 50 р. в месяц. Уеду недели через две, а может быть, и раньшее». ³¹

В оставшиеся до явки в дружину дни Блок, вместе с матерью, успел съездить в Шахматово, и это посещение родового имения, как показало будущее, стало для него последним. Он уже ходил в военной форме - *"почти офицерской, с кортиком, в гимнастерке с узкими серебряными погонами, в бриджах и сапогах тонкого товара. Форма ему шла"*. Стихов в это время он почти не писал.

26 июля 1916 года Блок уехал на Западный фронт - через Гомель, до узловой станции Лунинец Полесских железных дорог, а оттуда узкоколейкой добрался до полустанка Парохонск. Дружина располагалась в прифронтовой полосе, в районе Пинских болот и занималась сооружением запасных оборонительных позиций. Рыли новые ходы сообщения, поправляли старые, рубили колья в лесу, натягивали на них проволочные заграждения.

Удивительные воспоминания о тех днях оставил Владимир Францович Пржедпельский, поэт, журналист, сослуживец Александра Блока по 13-й инженерно-строительной дружине Всероссийского Союза земств и городов: *«...Когда по убийственной дороге через предательские болота я добрался ночью в деревню Колбы, в низкой полесской хате при скудном свете керосиновой лампы была произнесена фамилия Блок... Был в военной форме дружины. Внутренняя жизнь горит только в глазах. ... Мы строим окопы, блиндажи – всю сложную систему большой оборонительной позиции. На работу выезжаем по несколько человек верхом. Блок ездит великолепно. ... Один раз Блок сдается на уговоры прочесть стихи. В полесской хате звучат вдохновенные слова, произнесенные неровным, глухим голосом. Иногда где-то пропадает. Пишет ли? Вероятно, в одиночестве ищет душевного равновесия. ... Общество наше довольно странное: рядом с поэтом Блоком молодой, симпатичный еврей-астроном И.И. Идельсон, талантливый архитектор Л.И. Катонин, потомок композитора Глинки К.А. Глинка...»⁴²*

Штаб дружины располагался в имении князя Друцкого-Любецкого, на берегу реки Бобриск, в большом усадебном доме, окружённом старинным, с вековыми липами парком, за которым тянулись пустоши и болота. Палац (так, по-старопольски именовали усадебный, с портиком при белых колоннах дом) был сильно разорён - сломана мебель, выбиты стекла, продырявлены старинные картины в золоченых рамах. Старый князь, неизменно светский даже в условиях военной поруки, доброжелательно, гостеприимно отнёсся к обосновавшимся у него незваным гостям, подтвердив им свою шляхетскую значимость грамотами и рескриптами, подписанными польскими королями, Петром Первым и Екатериной Великой.

Тонкость манер, однако, совсем не мешала князю время от времени поколачивать свою, довольно молодую супругу-княгиню. Та, бывшая циркачка (укротительница удава-боа), уже имея за спиной одного застрелившегося мужа, умеренному семейному насилию особо не противилась. В вечерние часы времяпрепровождения в гостиной княгиня играла на рояле, умоляла Блока (с полунамёком на свою персону) написать что-нибудь. Александр Александрович отшучивался, говоря, что скорее любимая собака хозяйки по кличке Фрика напишет стихи, чем он.

О начальной поре исполнения воинской повинности Блок отчитался в письме к Любове Дмитриевне от 7 августа 1916 года:

«Люба, один из моих товарищей едет в Петербург, и потому я могу написать тебе всякие нецензурные подробности. Мы живем в имении князя Друцкого-Любецкого «Порохонск», верст двенадцать от позиций. Я живу в главном доме, сплю, ем, скучаю и ничего не делаю. В трех верстах — станция Порохонск на реке Бобрике (как и мы). Это — последняя станция, куда доходят этапные поезда (из Лунинца), дальше идут уже только воинские, часто слышна канонада (глухая), в ясную погоду утром и вечером посещает нас аэроплан, бросающий бомбы главным образом на мост у Порохонска и в станцию Лунинец, где 90 путей. В мост ни разу не попал. В доме и флигелях стекла выбиты, одна бомба упала в палисадник месяца три назад. При мне бомб у нас еще не бросали.

На горизонте видна иногда дозорная колбаса (привязной шар), ночью — ракеты и прожектор. Болот много, но мы сравнительно высоко. Тишина глубокая, несмотря на наших рабочих, которых еще мало. Единственный передовой отряд (их должно быть четыре) работает в Чернове (верст тридцать от нас наискосок — все это есть на штабной трехверстке, если не продадут, достань у кого-нибудь по протекции) — близко от позиций (верст пять-шесть). До сих пор неизвестно, попаду ли я в передовой отряд. Табельное дело очень просто, но не комфортабельно (как жизнь здесь).

Рабочие неизвестно когда будут. Пока хозяйство анекдотическое. Строят телефоны и ватерклозеты. Ем много и, кроме казенного, еще пью молоко, иногда грызу шоколат, угощают конфетами и т. д. В деревне «Камень», куда я приехал на мешках с мукой по узкоколейке из Ловги (169 верст), я прожил всего два дня, здесь отсыпаясь. Приехала вчера начальникова жена. Начальник милый, совершенно безвольный, помощник его — инженер, поляк, светский, не милый, но тоже безвольный.

Пока что — я «помощник коменданта». Такой должности нет, потому я, прогуляв и изредка расквартировав вновь прибывших, пью чай и болтаю в той или другой конторе. Именье большое и запущенное; обед в 1 час, ужин в 7 (или все опаздывает), встаю в 7, в 8-м (вначале в 6). Живу в одной комнате с Егоровым, Влад. Ник. (сын профессора-техник), паном Протасовичем (тоже техник) и студентом Книлгаузенем (теперь заведует обозом). Рядом живет Идельсон (присяжный поверенный, товарищ Фероля по гимназии и Пяста впоследствии) и многие другие — кто — с текущих счетов, кто — студент, всякие. Все это интересно маме, а мне — не очень. Говорят, мы здесь надолго.

Три последних дня я провел веселее. 4-го мы с таким же свободным от занятий табельщиком Зайцевым решили ехать на позиции, выпросили лошадей, сделали круг верст двадцать. До позиций не доехали, было жарко, но видели настоящие окопы и проволоку, ездили по болоту и по полотну железной дороги и т. д. 5-го я был командирован с начальником обоза (студентом) покупать бензин. Поехали на грузовом автомобиле, вернулись только вчера (без бензина, но с разными мелкими покупками), сделали верст восемьдесят. Шина лопнула, застревали в болотах и песках, ломали мосты, чтобы проехать, ночевали в Лунинце в офицерской гостинице (бесплатно).

Я загорел отчаянно, на солнце было градусов 35. Шатались безуспешно по интендантским складам.... лавкам и путям железной дороги. Вечером и на следующее утро обстреливали там аэропланы — очень красивые разрывы шрапнели вокруг аэроплана. Оба раза его прогнали, и бомб он не сбросил».³¹

Вскоре Блока отправили в один из отрядов дружины, дислоцировавшийся в маленьких,

нищих, затерянных среди необозримых болот и лесов деревнях – Колбы и Лопатино. Поначалу поэт вел учет рабочих, затем его назначили заведовать партией рабочих, общей численностью под две тысячи человек.

О своём прифронтовом быте он давал частые письменные отчёты матери: *«Стоим в деревне Колбы, на днях переедем в Лопатино... Мы строим очень длинную позицию в несколько верст длины,*

несколько линий, одновременно роём новые окопы, чиним старые, заколачиваем колья, натягиваем проволоку, расчищаем обстрел, ведем ходы сообщения...».³¹

Он томился однообразной, ему чуждой работой: *«Приходится полдня сидеть в седле, объезжая точки, а полдня сидеть с табелями и отчётами. Вечером единственный отдых - игра в шахматы».* Укрепления, отмечал он, руководитель работ, строились тщательно и основательно: *«Детям после войны будет интересно играть в пулеметных гнездах».*

Под началом и контролем Александра Блока работали оборванные, плохо накормленные люди, мобилизованные со всей России: *«... Полдеревни заселено нашими*

300-ми рабочими — туркестанцы, уфимцы, рязанцы, сахалинцы с каторги, москвичи (всех хуже и всех нахальнее), петербургские, русины...» Быт трудовиков был ужасен: *«...стыдно до тошноты, а чего - сам плохо знаешь: кажется, того, что все равно «ничего не поделаешь» (не вылечишь, не обуешь)».³¹*

В конце сентября 1916 года Блока отпустили на месячную побывку в Петроград, отгуляв которую он вернулся к месту воинской службы, кажется, без особого желания её продолжать. Возможно, в этом отпускном переезде он задержался на три часа в Могилёве (там, кстати, находилась Ставка Верховного главнокомандования), о чём позже

записал в своём дневнике: *"Тема для фантастического рассказа: "Три часа в Могилеве на Днепре". Высокий берег, белые церкви над месяцем и быстрые сумерки"²⁹*

(Полагают некоторые исследователи, что, рассказ о своём пребывании в Могилеве Блок действительно написал, но опубликовать не успел; его рукопись вместе с другими бумагами поэта уничтожил пожар 1921 года, дотла испепеливший его родовое имение Шахматово.)

В начале 1917 года из столицы с проверкой нагрянул важный генерал, свита которого состояла, в том числе, из приятелей Блока по поэтическому цеху, о чём он отписал матери письмом от 19 января 1917 года: «... Вчера приезжал генерал, остался доволен, благодарил нас (при нем состояли мои приятели Д. Кузьмин-Караваяев и А. Толстой)».

А вот как рассказал об этом событии Алексей Николаевич Толстой: «... В январе 1917 года морозным утром я, прикомандированный к генералу М., объезжающему с ревизией места работ Западного фронта, вылез из вагона на маленькой станции, в лесах и снегах. Мне было поручено взять в управлении дружины сведения о работающих в ней башикирах. Меня провели в жарко натопленный домик. Через несколько минут, запыхавшись, вошел заведующий, худой, красивый человек, с румяным от мороза лицом, с заиндевелившими ресницами. Все, что угодно, но никак не мог ожидать, что этот заведующий Александр Блок. Когда сведения были отосланы генералу, мы пошли гулять. Блок рассказал мне о том, как здесь славно жить, как он из десятников дослужился до заведующего, сколько времени в сутки он проводит верхом на лошади; говорили о войне, о прекрасной зиме...»³¹

Получив разрешение на запрошенный отпуск, Блок 17 марта 1917 года выехал в Петербург, пребывая в несколько растерянных чувствах, кои описала в своём дневнике встретившаяся с поэтом Зинаида Гиппиус:

«22 марта 1917 г.

Сегодня был Блок. С фронта приехал (он там в Земсоюзе что ли. Говорит тускло. Радости революционной не ощущает. Будни войны невыносимы. (В начале-то на войну как на «праздник» смотрел, прямо ужасал меня: «Весело!» Абсолютно ни в чём он никогда не отдаёт себе отчёта, не может. Хочет ли?). Сейчас растерян. Спрашивает беспомощно: «Что же теперь мне делать, чтобы послужить демократии?»¹⁸³

В эти же дни Блок навестил Ремизова, который вспоминал: «Блок для меня необычно, в защитном френче, отяжелелый рассказывал о войне – «Какая это бестолочь идиотская – война!»

Из Петрограда Блок написал письмо маме, поправлявшей своё здоровье в санатории подмосковного Крюкова:

«...Билеты на ж. д. разобраны надолго, так что выехать к тебе трудно. Пока я жду Любу, которая, вероятно, сейчас у тебя, и все вопросы оставляю открытыми, потому что решительно не знаю, что делать с собой. Отпуск у меня до субботы Фоминой (на законном основании), но я бы охотно не возвращался в дружину, если бы нашел здесь подходящее дело. Со вчерашнего дня мои поросшие мохом мозги зашевелились, но придумать я еще ничего не могу, только чувствую, что все можно.

Вчера я получил из дружины твое письмо о Лилиной, и тетя получила. Как это я поеду на Фоминой в Москву — не знаю.

Сейчас мне позвонил Идельсон. Оказывается, он через день после меня совсем уехал из дружины, получив вызов от Муравьева, и назначен секретарем Верховной

следственной комиссии. Будут заседать в Зимнем дворце. Приглашает меня, не хочу ли я быть одним из редакторов (это значит, сидеть в Зимнем дворце и быть в курсе всех дел). Подумаю.

Сейчас (говорит Идельсон) — вся Литейная и весь Невский запружены народом, матросы играют марш Шопена. Гробы красные, в ту минуту, когда их опускают в могилу на Марсовом поле, производится салют с крепости (путем нажатия электрической кнопки) ...»³¹

Ближе к середине апреля семнадцатого года Блок из столицы перебрался к маме — в Крюково. Здесь, а затем в Москве он, встретившись со Станиславским, обсудил в очередной раз возможность и форму сценической реализации своей поэмы «Роза и Крест». В первопрестольной же, как следует из пометы в записной книжке Блока, он получил от Михаила Ивановича Терещенко, уже ставшего министром финансов Временного правительства, предложение встретиться.

Вернувшись 18 апреля в столицу с твёрдым намерением не возвращаться на фронт, Блок - 28 апреля 1917 года - отправился на встречу с высокопоставленным товарищем, надеясь на его помощь, но, увы, свидание не состоялось: «В 1 час ночи к М. И. Терещенке. Не застал. Окна Государственного совета освещены — белая ночь»

Не получив желанного тет-а-тет с Терещенко, Блок изложил (30 апреля 1917 года) свою проблему на бумаге и отнёс составленное письмо в министерскую приёмную:

«Михаил Иванович.

Моя служба в 13-ой инженерно-строительной дружине противна мне своей неопределённостью и бесполезностью. Срок отпуска истёк, меня вызывают и грозят откомандированием. Быть рядовым я не сумею, идти в военное училище, кажется, поздно, да вряд ли из меня выйдет полезный офицер. Помогите мне найти выход из этого положения. Если я вообще нужен, то, вероятно, можно найти какое-нибудь применение и моим силам сейчас. Пока не кончена война: силам не моим, а силам ратника II разряда 1902 года Блока.

*Выполнять своё назначение в таком положении я не могу, так как я военнообязанный и не хочу укрываться. Если найдёте возможным, прошу вас помочь мне делом или советом найти выход из моего положения».*⁴²

Свои суждения по поводу содержания помянутого письменного обращения Блок доверил своим Записным книжкам: «Я написал и отнес письмо Терещенке. Внимательное чтение моих книг и поэмы вчера и сегодня убеждает меня в том, что я стоящий сочинитель...»²⁹

Ещё неделю находился Блок в состоянии неопределённости и неуверенности, понимая, что у Терещенко, назначенного 4 мая 1917 года министром иностранных дел Временного правительства, нет времени (а возможно, и желания) для общения с ним:

«5 мая 1917 года.

*...Терещенко не отвечает. Тут есть и то, что он не хочет. Я обратился к нему не потому, что он высокая инстанция, а потому, что я его люблю и он по отношению ко мне всегда был жестоко-честен. Но если он не хочет, я не отступлюсь от своего “дезертирства”: я семь месяцев валял дурака. Если меня спросят, “что я делал во время великой войны”, я смогу, ответить что я делал дело: редактировал Ап. Григорьева, ставил «Розу и Крест» и писал «Возмездие».*²⁹

О своём душевном состоянии после срыва встречи с Терещенко Блок поведал матери письмом от 2 мая:

«Мама, ты, я думаю, ждешь от меня письма, но я не пишу, потому что ничего нового пока нет. Терещенку я тогда не дождался, в Государственном совете ночью были освещены окна.

Третьего дня я написал ему краткое письмо с просьбой помочь выйти из положения, но кризис длится, я думаю, что у него нет свободной минуты. Подожду еще....

...Питаюсь я теперь воздухом и обещаниями.

Страшнее всего — скука. Если бы мир прекратил свои надоевшие всем и бездарные занятия (я говорю, конечно, о войне), с которыми он лезет и пристаёт (всякий волен быть бездарным в своей комнате, но навязывать свою бездарность на улице — неприлично), я бы мог, вероятно, сейчас заняться делом; но, пока я вишу в воздухе, поневоле приходится довольствоваться эпистолярными излияниями ...

...Если даже меня возьмут в солдаты, и это, может быть, не потрясающе. Во всяком случае, всем нужно помнить, что каждый день приносит новое, и все может повернуться совершенно неожиданно»³¹.

Проблема Блока разрешилась 6 мая 1917 года - после звонка от бывшего сослуживца: *«Днем телефон от Идельсона. Вторично предлагает быть редактором матерьялов Чрезвычайной следственной комиссии. 10 Завтра, проводив тетю, я приду к нему».*⁽²⁹⁾

Приняв предложение фронтового товарища, Блок явился в Зимний дворец для оформления своего нового служебного положения: *«...Идельсон осветил мне положение комиссии, после чего мы поехали в Зимний дворец, где я познакомился с Муравьевым (Николаем Константиновичем). Потом мы обошли много зал. Большая часть — под лазаретом. Самое сильное впечатление производит тронный зал, хотя вся материя со ступеней содрана, а самый трон убран, потому что солдаты хотели его сломать. Пообедали с Идельсоном в «Малом Ярославце». Завтра я должен получить первую работу»²⁹.*

Приступив к работе в Чрезвычайной следственной комиссии, Блок числился в 13-й инженерно-строительной дружине в отпуску; об его откомандировании в распоряжение Комиссии шла ведомственная переписка. Поначалу Муравьев послал телеграмму Лодыженскому (главному начальнику Блока в Минске). И только спустя месяц, как следует из письма Блока матери от 15 июня 1917 года, вопрос о его новой работе был окончательно согласован между двумя ведомствами: *"Исполнительная Комиссия" Дружины, наконец, откомандировала меня, прислав мне выписку из протокола заседания, где сказано, что "они выражают глубокое сожаление по поводу утраты редкого по своим качествам товарища" и считают, что "если состав Верховной Следственной Комиссии будет пополняться такими людьми, то Революционная Демократия должна быть спокойна и уверена в том, что изменники и деспоты отечества не избегнут справедливого приговора народного Правосудия».*²⁹

Пожалуй, на этом завершу своё увлекательное продвижение по жизненному и творческому пути Александра Александровича Блока, его осмысление. Далее у моего любимого поэта было – служба в Следственной комиссии Временного правительства, сотрудничество с властью большевиков; был минимальный созидательный запал, давший,

в том числе, поэму «Двенадцать», автором этих строк не воспринятой – с первого прочтения и поныне. Была тяжёлая болезнь, до сей поры не классифицированная, которую многие исследователи относят к разряду более душевных, чем физических. Были тяжкие дни угасания поэта, был самоотверженный уход за ним, борьба за его спасение от его Прекрасной Дамы – Любви Дмитриевны Блок-Менделеевой.

В ситуации агрессивно прогрессирующей болезни единственным выходом для поэта было лечение за границей. Блок, очевидно, смирившись с неизбежным, долгое время отказывался от зарубежного целительства, да и новая власть не давала разрешения на выезд. Именно Любовь Дмитриевна выхлопотывала во всех инстанциях требуемые документы, вела по этому вопросу переписку с Максимом Горьким. Но – 7 августа 1921 года, как раз в тот день, когда прибыл заграничный паспорт, великий поэт умер.

Теперь – немного о Любви Дмитриевне. Неоднократно она спасала и духовно поддерживала Блока, свои деньги, доставшиеся в наследство от великого отца, истратила на развитие театра, ее милосердие помогло сохранить жизнь многим и многим раненым Первой мировой войны - руки Прекрасной Дамы (как и многих других достойных женщин), пропахли селедкой и гнилой картошкой, которые она чистила для всей семьи в кратких перерывах между выступлениями в тяжелые послереволюционные годы: *«Я щедра. Я щедра не только на деньги, но и на свою душу, даже дух. Я всегда щедро разбрасывала себя, отказываясь от того, что считала ценнейшим и, к сожалению, не только для Блока, но для других – часто первых встречных. И не потому, что не ценила в те минуты себя; нет, из вечно присущей мне безразличности к мелочности. Дарить себя по мелочам? Нет, дарить щедро, дарить то, что мне представляется драгоценным»*.⁴³

До смерти свекрови они вместе проживали в той самой квартире, где умер Блок. Болезнь сердца заставила Любовь Дмитриевну уйти со сцены. Она делала французские переводы и в 1929 году написала воспоминания «И были и небылицы об Александре Блоке и о себе». Она свято берегла память о своем муже и потому очень неохотно принимала у себя критиков, историков, искусствоведов и прочих, пытавшихся писать о дорогом ей человеке.

Возможно, по этой причине главным мемуаристом семьи Блока стала (и по сей день таковой считается) его тетка Мария Андреевна Бекетова, никому не отказывавшая в общении, любившая рассказать о гениальном племяннике.

После смерти Марии Андреевны в руки Любви Дмитриевны попали ее дневники и письма матери Блока, содержание которых потрясло ее до глубины души: *«Нет слов, которыми они не поносили бы меня. И некрасива-то, и неразвита, и зла, и пошла, и нечестна, «как мать, да и отец» (это у Александры Андреевны)! Вот до чего доводили одну – явно сквозящая зависть, другую – дикая ревность ко мне. Нормально это? Назвать Менделеева нечестным – это можно только с пеной у рта, в припадке сумасшествия. Всей этой подкладки я не знала, конечно, и от Саши она тщательно скрывалась («Люба удивительная, Люба мудрая, Люба единственная» – вот что для его ушей)»*.⁴³

Правда в межличностном общении – не надуманная, а истинная - была одним из важнейших принципов жизни Любви Дмитриевны. Честность, смелость характера, душевная прямота во многом мешали ей и в обыденной жизни - друзей у неё было немного.

Увлёкшись в эту пору балетом, Любовь Дмитриевна, при содействии своей подруги Агриппины Яковлевны Вагановой устроилась преподавать историю этого вида искусства

в Хореографическое училище при Театре оперы и балета имени (бывшем и ныне – Мариинском) и в своём новом – для души и сердца – увлечении, пережив вторую творческую молодость, скоро вступила в пору творческой зрелости. Она написала вступительную статью к книге о Вагановой и далее, работая в одиночку, за пять лет (так утверждают искусствоведы!), сделала больше, чем многие теоретики и историки, писавшие об искусстве танца, за всю жизнь.

Подосновой её глубоких аналитических исследований стали её общий интеллект и образованность, на Бестужевских курсах обретенная, плюс образность мысли покойного супруга и, конечно же, унаследованный от многомудрого отца системный подход к осмыслению изучаемых явлений. Используя в своих трудах очень редкий иконографический метод, который до нее практически никто не применял для описания танца, она, по сути (таково мнение специалистов) создала свою «Периодическую систему» – систему балета.

Театроведческие работы Любови Дмитриевны, статьи по исследованию классического танца, портреты отдельных деятелей балетного искусства (Мария Гальони и другие) вместе с рукописью «Возникновение и развитие техники классического танца. Опыт систематизации», также с сохранившимися страницами для книги о Шарле Дидло, основателе российского балета, были собраны в книгу «Классический балет. История и современность». Этот, только в 1987 году изданный был высоко оценен современными искусствоведами, в том числе видным балетоведом Вадимом Моисеевичем Галевским: *«Скажем так: у нее была сверхзадача. Именно сверхзадача позволила Л. Блок найти в себе поистине сверхчеловеческие силы, в короткий срок овладеть безграничным неосвоенным материалом, в такой же короткий срок осмыслить этот увлекательный, но чужой материал, и преобразовать его в текст, ставший в уровень лучших образцов русской художественно-критической прозы»*¹⁸⁴.

И хотя в еще не старой женщине невозможно было узнать блоковскую Прекрасную

Даму, на внешности, которую она когда-то так любила и которой гордилась, отпечатались и минувшие страсти, и трагедии, она сохранила бодрость духа и острый менделеевский ум. Пусть читатель не думает, что Любовь Дмитриевна вела затворнический образ жизни. Она всегда была окружена молодыми артистами балета, которые часто приходили к ней домой. Квартира, в которой она проживала с теткой Блока, Марией Андреевной Бекетовой, была разделена пополам. Из половины, принадлежащей Любови Дмитриевне, была вынесена почти вся мебель, установлены большие зеркала и балетный станок, нетронутым оставался маленький островок – диван Александра Александровича, портрет Блока

работы Татьяны Николаевны Гиппиус (сестры поэтессы Зинаиды Гиппиус) над ним и шкура на полу...

В мемуарах Любовь Дмитриевна упоминает о своей любимой ученице, которую специалисты «вычислили» как Галину Николаевну Кириллову, в будущем (с 1972 года) основавшую свою школу балетного искусства в Киеве, внесшую большой вклад в развитие украинского балета.

Наряду с Кирилловой дома Любовь Дмитриевна занималась с артистами Кировского и Малого оперного театров – Натальей Михайловной Дудинской, Вахтангом Михайловичем Чабукиани и другими, ставшими впоследствии известными деятелями

советского балета, ревниво опекая их, передавая свои знания по принципу древних: «Docendo discimus» («Уча, мы сами учимся»).

Ее душа всегда была открыта всему новому и прогрессивному и, в частности, из всех известных ей балетных школ, Любовь Дмитриевна всегда выделяла ленинградскую (петербургскую), считая, что именно за ней будущее балета. Поэтому, как полагают специалисты, изучив написанное ею и о ней, становится очевидным, что роль Любви Дмитриевны Блок в жизни ленинградского балета тридцатых годов, не очень заметная со стороны, была очень существенна.

К сожалению, многим её творческим планам не суждено было сбыться. Живёт то ли красивая история, то ли миф, будто бы Любовь Дмитриевна ждала в гости подругу, но почему-то ей, каждый день вспоминая мужа, показалось, что за ней придет ее Саша.

Раздался звонок в дверь, она пошла открывать, и сердце, так долго болевшее, остановилось. Это случилось 27 сентября 1939 года.

Post scriptum. Общих детей у супругов Блок не было. Рождённый Любовью Дмитриевной (от сотоварища по сцене Кузьмина-Караваева) мальчик Дима прожил только восемь дней.

О возможном отцовстве Блока говорится в мемуарах Надежды Александровны Павлович, подружившейся с поэтом за несколько лет до его кончины, ставшей для него в пору увядания единосущным, духовно близким человеком⁴⁴

Родилась она в 1895 году на территории нынешней Латвии. В 1912 году окончила Псковскую гимназию и уже тогда стала публиковать в газете «Псковская жизнь» свои первые стихи. Во время учебы в Москве на историко-филологическом факультете Высших женских курсов имени Варвары Александровны Полторацкой она познакомилась со всем «цветом» Серебряного века: Валерием Брюсовым, Андреем Белым, Вячеславом Ивановым, Сергеем Есениным, Борисом Пастернаком и другими. Стихи Надежды Александровны постоянно появлялись в известных газетах, журналах и альманахах.

Как член президиума Союза поэтов в июне 1920 года Павлович – с заданием организовать Петроградское отделение Союза – прибыла в бывшую столицу России, где, познакомившись с Блоком, предложила тому возглавить новую организацию.

Дружба со знаменитым поэтом, возникшая между новосоставившейся парой духовная близость во многом определили судьбу Павлович. Гарри Гайлит, литературный критик, лично знакомый с Надеждой Александровной, вспоминал о её приездах на отдых в санаторно-курортную Юрмалу: «С собой в Дом творчества она обязательно привозила две книги: Евангелие и еще одну, в старинном переплете, которую часто читала. На вопрос, что это, она тогда сказала: “Это самое дорогое, что у меня осталось от Александра Александровича. Всегда возжу с собой. Здесь его заметки на полях. Вот посмотрите, написано его рукой...» «Книга эта — первый том «Добротолубия». Они часто беседовали о Боге, о вере, о жизни...»¹⁸⁵

Смерть Александра Александровича Блока в 1921 году стала большой личной трагедией для Надежды Александровны: «Умер близкий мне человек... Мне нужен был учитель, который спас бы меня от прелести. ? Я молилась...».⁴⁴ В том же году Надежда Александровна Павлович в состоянии, близком к самоубийству, приехала в Оптину пустынь - за два года до окончательного закрытия монастыря.

И, возвращаясь к теме отцовства Блока, можно прикоснуться к этому деликатному вопросу интереснейшим фрагментом из книги Надежды Александровны Павлович «Воспоминания об Александре Блоке»:

«...Он рассказывал мне о своем детстве в Шахматове, о юности, когда в бешеной скачке он «загонял коня» («А ведь любил его — тоже демонизм»), о поездке в Варшаву, о сестре Ангелине, о реальной "встрече с той девушкой, которой посвящены проникновенные предсмертные его строки в незаконченных набросках «Возмездия». Мне он имени ее не назвал. Он говорил о конце рода, о справедливом возмездии, о том, что у него никогда не будет ребенка.

Я спросила:

— А был?

— Был. в Польше. Она была простой девушкой, осталась беременной, но я ее потерял. И уже никогда не смогу найти. Может быть, там растет мой сын, но он меня не знает, и я его никогда не узнаю.

Я предполагаю, что встреча с «Марией» относится не к пребыванию в Варшаве после смерти отца, а ко времени работы в инженерно-строительной дружине, к годам первой империалистической войны. Тогдашнее пребывание в Варшаве было слишком кратковременным.

Разговор о простой девушке и ребенке (почему-то Блок представлял его именно сыном) был у нас в октябре 1920 года.

Во всяком случае, образ «Марии», девушки с Карпат, должен войти в пантеон женщин, связанных с поэзией Блока...»⁴⁴

В 1980 году в деревне Лопатин Пинской области был открыт «Народный литературный музей Блока», отражающий, прежде всего, события военной службы поэта в этом крае в годы Первой мировой войны. На событии открытия, приуроченном к столетию со дня рождения поэта, побывали, помимо прочих, и гости из Москвы – профессор культурологии Георгий Блюмин и экскурсовод Анна Булаева.

Результаты их поездки оказались сенсационными. От старожилов деревни Колбы они узнали, что местная девушка Мария родила от Блока в 1917 году сына, названного Федором. Вот что писал об этом Георгий Блюмин: *«Год 1980-й. Деревня Колбы в Белоруссии. Вместе с заместителем председателя Пинского райисполкома Эдуардом Ивановичем Еленским я разговариваю со старожилами деревни. Среди них уже знакомые нам Н.М.Колб и С.Я.Лемешевский. Разговор, конечно, о Блоке. Показываем старикам фотографии поэта. Известные снимки Блока с курчавой шевелюрой, галстуком-бантом 1906 — 1907 годов особой реакции не вызывают. Но вот в руках старожилов фронтовые снимки поэта в шинели, кителе, фуражке. И сразу несколько возгласов: «Так гэта ж наш Федя!» Мы задаем вопросы и с огромным вниманием слушаем рассказ о девушке из деревни Колбы Марии Лемешевской. Она родилась в Восточных Карпатах под Дрогобычем, рано осталась сиротой и приехала в Колбы к родственникам. В 1916 году встречалась она здесь с каким-то военным, рассказывают старики, а в 1917 году родился у Марии сын Федор. К сожалению, Мария страдала наследственным туберкулезом легких. Она умерла, не дожив и до сорока, а в начале 1936 года умер восемнадцатилетний Федор...»¹⁸⁶*

Post Post scriptum. «Se non e vero e ben trovato» (итал.) –Если это и неверно, то хорошо сказано

Матильда Кшесинская

У Матильды Кшесинской не было многих качеств, присущих ее современницам и соперницам по сцене: ни красоты Тамары Карсавиной и Веры Трефиловой, ни утонченности и легкости гениальной Анны Павловой. Кшесинская была небольшого роста (153 сантиметра), крепкая, темноволосая, с узкой, затянутой в корсет талией и мускулистыми, почти атлетическими ногами. Но она обладала неисчерпаемой энергией, пикантностью, затмевающим всех блеском, шиком, несомненной женственностью и непреодолимым обаянием. У нее были превосходные, очень красивые зубы, которые

Матильда постоянно демонстрировала в сияющей улыбке. Несомненными козырями были и врожденный практицизм, сила воли, удачливость и фантастическая работоспособность.

Мария-Матильда Адамовна-Феликсовна-Валериевна Кшесинская появилась на свет 19 (31) августа 1872 года, и детство её - благополучное и счастливое - прошло в благоустроенных и просторных квартирах Петербурга и в загородном имении в Лигове. Её отца - музыканта, певца и танцора - Николай Первый, бывший большим любителем мазурки, вывез в своё время из Польши как лучшего исполнителя этого танца. Феликс Кшесинский имел большой вес в Мариинском театре и при Императорском театральном училище; старшая сестра Матильды, Юлия – «Кшесинская 1-я» блистала на сцене Императорских театров; брат Иосиф – танцор и преподаватель балета.

По примеру старшей сестры-балерины Матильда отучилась положенный срок в Императорском училище, выпускной вечер (то есть балетная партия) в котором стал для неё судьбоносным.

«По традиции представляли сначала воспитанниц, а потом проходящих. Но Государь, войдя в зал, где мы собрались, спросил зычным голосом: «А где же Кшесинская?»

Я стояла в стороне, не ожидая такого нарушения правил. Начальница и классные дамы засуетились. Они собирались подвести двух первых учениц, Рыхлякову и Скорсюк, но тотчас подвели меня, и я сделала Государю глубокий поклон, как полагалось. Государь протянул мне руку со словами:

– Будьте украшением и славою нашего балета.

Я снова сделала глубокий реверанс и в своем сердце дала обещание постараться оправдать милостивые слова Государя. Потом я поцеловала руку Государыни, как требовалось.

Когда все по очереди были представлены Государю и Государыне и были обласканы ими, все перешли в столовую воспитанниц, где был сервирован ужин на трех столах – двух длинных и одном поперечном.

Войдя в столовую, Государь спросил меня:

– А где ваше место за столом?

– Ваше Величество, у меня нет своего места за столом, я проходящая ученица, – ответила я.

Государь сел во главе одного из длинных столов, направо от него сидела воспитанница, которая должна была читать молитву перед ужином, а слева должна была сидеть другая, но он ее отодвинул и обратился ко мне:

– А вы садитесь рядом со мною.

Наследнику он указал место рядом и, улыбаясь, сказал нам:

– Смотрите только не флиртуйте слишком.

Перед каждым прибором стояла простая белая кружка. Наследник посмотрел на нее и, повернувшись ко мне, спросил:

– Вы, наверное, из таких кружек дома не пьете?

Этот простой вопрос, такой пустячный, остался у меня в памяти. Так завязался мой разговор с Наследником. Я не помню, о чем мы говорили, но я сразу влюбилась в Наследника. Как сейчас, вижу его голубые глаза с таким добрым выражением. Я перестала смотреть на него только как на Наследника, я забывала об этом, все было как сон»⁴⁵.

По завершении обучения в Императорском училище Матильда Кшесинская летом 1890 года выступала, уже как постоянный член балетной труппы Мариинского театра, в Красном Селе, где для театрального досуга господ офицеров, участвовавших в традиционных летних манёврах, был сооружён временный театр. Здесь она иногда, чуть ли не мельком, общаясь с наследником, и, укрепившись в своих страстных чувствах к нему, вспоминала позже: *«Я влюбилась в Наследника с первой нашей встречи. После летнего сезона, когда я могла встретиться и говорить с ним, мое чувство заполнило всю мою душу, и я только о нем могла думать. Мне казалось, что хоть он и не влюблен, но все же чувствует ко мне влечение, и я невольно отдавалась мечтам. Нам ни разу не удавалось поговорить наедине, и я не знала, какое чувство он питает ко мне. Узнала я это уже потом, когда мы стали близки»⁴⁵.*

Как известно, далее и не совсем удачно наследник пропутешествовал водным путём на Дальний Восток и в Японию, и по возвращении (с пораненной головой) в начале марта 1891 года отправился в Театральное училище: *«За ужином сидел с воспитанницами как прежде, только очень недостает маленькой Кшесинской».* А уже на следующий день случилось стартовое сближение двух симпатичных молодых людей.

В тот зимний день начала 1892 года к ней, не совсем здоровой после небольшой операции на глазу под именем сослуживца по полку (гусара Волкова) явился сам наследник престола: *«Я не верила своим глазам, вернее, одному своему глазу, так как другой был повязан. Эта нежданная встреча была такая чудесная, такая счастливая. Оставался он в тот первый раз недолго, но мы были одни и могли свободно поговорить. Я так мечтала с ним встретиться, и это случилось так внезапно. Я никогда не забывала этого вечернего часа нашего первого свидания. На другой день я получила от него записку на карточке: «Надеюсь, что глазок и ножка поправляются... до сих пор хожу как в чадю. Постараюсь возможно скорее приехать. Ники.*

Это была первая записка от него. Она произвела на меня очень сильное впечатление.

Я тоже была как в чадю. Потом он часто писал мне. В одном из писем он привел слова из арии Германа в «Пиковой даме»: «Прости, небесное созданье, что я нарушил твой покой»⁴⁵.

Сам Николай Александрович, сюрпризом отметивший прелесть первой встречи с Матильдой Феликсовной (и, кстати, с её сестрой), записал в дневнике: *«Вечер провел чудесным образом: отправился в новое для меня место, к сестрам Кшесинским. Они*

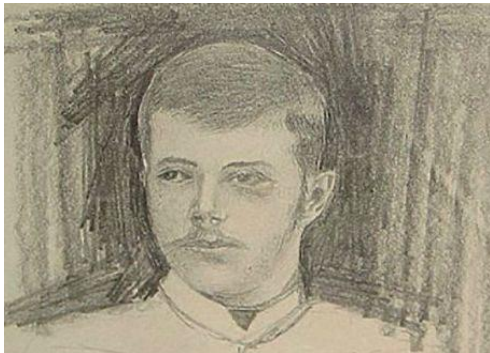
*страшно удивились увидеть меня у них. Просидел с ними более 2-х часов, болтали обо всем без умолку. К несчастью, у моей бедной Маленьки болел глаз, который был перевязан, и кроме того нога не совсем здорова. Но радость была обоюдная большая! Выпив чаю, простился с ними и приехал домой к часу ночи. Славно провел последний день моего пребывания в Питере втроем с такими лицами».*⁴⁶

Встречи составившейся пары влюблённых продолжились и, кажется, приобрели для цесаревича интимную значимость, настолько заметную, что он начал сопоставлять свои чувства к маленькой балерине с чувствами предназначавшейся ему в супруги принцессе Алисе Гессенской; по этому поводу он записал, 1 апреля 1892 года, в своём дневнике: *«Весьма странное явление, которое я в себе замечаю: я никогда не думал, что два одинаковых чувства, две любви одновременно совместимы в душе. Теперь уже пошел четвертый год, что я люблю Аликс Г. и постоянно лелею мысль, если Бог даст, когда-нибудь жениться на ней!.. А с лагеря 1890 г. по сие время я страстно полюбил (платонически) маленькую К. Удивительная вещь наше сердце! Вместе с тем я не перестаю думать об Аликс Г. Право, можно заключить после этого, что я очень влюбчив? До известной степени – да. Но я должен прибавить, что внутри я строгий судья и до крайности разборчив!».*⁴⁶

По формуле Байрона: *«Любовь – эпизод в жизни мужчины и событие в жизни женщины».* Правда, в своих воспоминаниях, написанных уже в эмиграции, Кшесинская даёт достаточно взвешенную оценку развитию своих отношений с «Ники», рассудительно оценивает как разумный поступок его брак с «Аликс». И оценку такого трезвомыслия, допускающего корректировку некогда «горячих» фактов, можно вновь отыскать у Байрона.

Мне хочется сказать, что наши леди
Умеют «замолчать» опасный факт.
Их ложь умна, изящна, интересна –
И даже им к лицу, коль молвить честно

Но в дневниках балерины (они хранятся в театральном музее имени Бахрушина), где записи делались «по горячему», по только свершившимся или намечавшимся событиям, Матильда Кшесинская, безусловна, правдива в искренности своих чувств, коим она даёт волю: *«Сначала, как он пришел, мне было очень неловко говорить с ним на Ты. Я все путалась: Ты, Вы, Вы, Ты и так все время! У него такие чудные глаза, что я просто с ума схожу! Цесаревич уехал, когда уже стало рассветать. На прощание мы несколько раз поцеловались Когда он уехал, у меня больно сжалось сердце! Ах, мое счастье так шатко! Я всегда должна думать, что, может, вижу его в последний раз!»*⁴⁵ И, к слову, в дневнике есть карандашный портрет юного Ники, рисованный влюбившейся в него балериной.

Как утверждает Адам Мицкевич: *«Нет в мире царицы краше польской девицы».* Красавица Матильда, страстью поглощённая, узнав об избраннице, будущей царице, ревновала своего возлюбленного так, словно она могла бы претендовать на супружество с ним, наследником царского трона: *«Только бы ты женился не на А. Ей я ни за что Тебя не отдам, а то или она, или я. Ты,*

верно, изводишься, что я постоянно пишу и говорю о Твоем браке, но представь себя на моем месте, и Ты поймешь, как он должен меня тревожить»⁴⁵.

И ещё – «Я все время вспоминаю последний вечер, проведенный с тобой, когда Ты, милый Ники, лежал у меня на диване. Я Тобою все время любовалась, Ты так мне был в ту минуту дорог, и так страшно я Тебя ревновала к той, которая скоро будет иметь право Тебя осыпать своими ласками. Но помни, Ники, что никто Тебя не полюбит так, как я. Скажи мне, Ники, когда Ты женишься, Ты совсем забудешь Твою Панни[зачеркнуто]: или хотя изредка вспоминать о моем существовании? Невозможного я никогда не буду требовать!] Я хочу знать это теперь, [когда] Ты не боялся сказать правду. Если да, то надо теперь же все кончить»⁴⁵.

Первоначально влюблённые встречались на квартире у Кшесинских, что было неудобно, в первую очередь, для будущего монарха, коему была ни к чему гласность в его личных делах. По этому поводу Матильда Феликсовна вспоминает: *«Нас все более влекло друг к другу, и я все чаще стала подумывать о том, чтобы обзавестись собственным уголком. Встречаться у родителей становилось просто невыносимым. Хотя Наследник, с присущей ему деликатностью, никогда об этом открыто не заговаривал, я чувствовала, что наши желания совпадают.*

Но как сказать об этом родителям? Я знала, что причину им огромное горе, когда скажу, что покидаю родительский дом, и это меня бесконечно мучило, ибо родителей своих, от которых я видала лишь заботу, ласку и любовь, я обожала. Мать, говорила я себе, еще поймет меня как женщина, я даже была в этом уверена, и не ошиблась, но как сказать отцу? Он был воспитан в строгих принципах, и я знала, что нанесу ему страшнейший удар, принимая во внимание те обстоятельства, при которых я покидала семью. Я сознавала, что совершаю что-то, чего я не имею права делать из-за родителей. Но... я обожала Ники, я думала лишь о нем, о моем счастье, хотя бы кратком...»⁴⁵

Конечно, понял дочь и отец, хотя и не обошедшийся без приличествующей главе семейства морализации по случаю её желания утвердить себя в положении царской любовницы. *«Отец дал свое согласие, но поставил условием, чтобы со мною поселилась моя сестра. Тяжело ему было пойти на этот шаг. Я мучилась при мысли, что причиняю ему незаслуженное горе, и было все же как-то грустно уходить из-под родительского крова. Но камень с плеч упал, тяжелые моменты были пережиты и остались позади. На душе стало легче. Я начала мечтать о моей предстоящей самостоятельной жизни.*

Я нашла маленький, прелестный особняк на Английском проспекте, № 18, принадлежавший Римскому-Корсакову. Построен он был Великим Князем Константином Николаевичем для балерины Кузнецовой, с которой он жил. Говорили, что Великий Князь боялся покушений и потому в его кабинете первого этажа были железные ставни, а в стену был вделан несгораемый шкаф для драгоценностей и бумаг...»⁴⁵

Можно предположить, что наём целого дома для своей пассии был сделан цесаревичем не без ведома родителей и по этому случаю можно довериться слухам той поры, согласно которым для общения старшего сына с Кшесинской царствующие супруги создали специальный денежный фонд, а само знакомство молодых людей было устроено ими для того, чтобы сделать предбрачный разогрев чувственности у казавшегося им несколько флегматичным сына.

Кажется скорый разогрев у зачистившего к балерине наследника престола не получился, что чуть было не привело к переходу любовной инициативы к его другу

Сандро – великому князю Александру Михайловичу. Тому свидетельство - запись в дневнике Кшесинской от 15 января 1893 года: *«Сандро остался у меня почти до 2 1/2 ч. ночи, и мы вели очень серьезный разговор... Если Ники будет медлить, а подобные разговоры наедине, как сегодня, будут часто происходить между Сандро и мной, то ничего нет удивительного, если наши отношения примут иной характер.*

Сандро замечательно красив, да и это бы еще ничего, но он слегка проговорился и дал понять, что я ему нравлюсь. Достаточно для женщины это услышать от мужчины и даже от такого, к которому совершенно она равнодушна, чтобы она сей час стала с ним кокетничать. Следовательно понятно, каким образом подействовали на меня слова Сандро, и как я к нему теперь буду относиться... Наш разговор тянулся долго, и были затронуты такие вопросы, что если был бы тут третий, то верно был бы сконфужен. Сандро уговаривал еще меня поехать в Чикаго, он тоже туда поедет в марте...»⁴⁵

Намерение сменить любовного партнёра оказалось только импульсивной вспышкой Матильды и развитие интимных отношений очаровательной балерины с цесаревичем продолжилось, судя по всему, под контролем царствующих родителей: *«Раз, когда Наследник был у меня, у парадной двери раздался звонок. Горничная доложила, что приехал градоначальник и что ему непременно нужно видеть Наследника. Наследник вышел в переднюю и, вернувшись потом, сказал, что Государь его спрашивал и ему доложили, что он из дворца выехал. Градоначальник счел долгом об этом ему сообщить, и Наследник тотчас поехал к отцу в Аничков дворец»⁴⁵.*

В устроенном любовном гнёздышке пара влюблённых «поворковала» не более года, их встречи прекратились после помолвки Николая Александровича с принцессой Алис, со второй попытки согласившейся перейти в обязательное для будущей царицы православие. В прощальном письме он, уже жених, напишет уже бывшей любовнице: *«Что бы со мною в жизни ни случилось, встреча с тобою останется навсегда самым светлым воспоминанием моей молодости»⁴⁶.* На добрую память о себе Николай Александрович выкупил особняк на Английской набережной и подарил его экс-пассии. В последний раз они свиделись летом 1894 года, на Волконском шоссе – наследник приехал верхом из Красного Села, где цесаревич находился на традиционных манёврах; Кшесинская подъехала к назначенному месту встречи на собственной карете.

Расставание навсегда было тяжёлым но быстрым. И далее, как пишет Матильда Феликсовна в своих мемуарах, она с «Ники» не встречалась.

Правда в высшем свете были свои злословия на этот счёт и уже после бракосочетания венценосной пары, в дневнике госпожи Богданович 2 ноября 1895 года появилась такая запись: *«Вчера Комаров говорил, что молодой царице после рождения*

дочери запрещено было быть женой царя и что поэтому дядюшки устроили ему снова сожительство с Кшесинской, что ширмой взят вел. кн. Сергей Михайлович, который любовник Кшесинской»⁴⁷.

Великий князь Сергей Михайлович (внук Николая Первого и двоюродный дядя Николая Второго) влюбился в Кшесинскую без памяти и бросил к её ногам всё своё состояние. Он занимал весьма выгодный пост генерала-инспектора артиллерии, и с ним балерина жила на широкую ногу. Чувства свои Сергей Михайлович пересыпал драгоценностями и в своей щедрости, говорят, превзошёл самого императора. На два десятка лет стал великий князь верным пажем и тенью Матильды Кшесинской, из-за неё он так и не обзавёлся семьёй; он отдал ей всё (в том числе имя её сыну), она же предпочла ему другого.

«В своей горе и отчаянии я не осталась одинокой. Великий Князь Сергей Михайлович, с которым я подружилась с того дня, когда Наследник его впервые привез ко мне, остался при мне и поддерживал меня. Никогда я не испытывала к нему чувства, которое можно было бы сравнить с моим чувством к Ники, но всем своим отношением он завоевал мое сердце, и я искренне его полюбила. Тем верным другом, каким он показал себя в эти дни, он остался на всю жизнь, и в счастливые годы, и в дни революции и испытаний. Много спустя я узнала, что Ники просил Сергея следить за мной, оберегать меня и всегда обращаться к нему, когда мне будет нужна его помощь и поддержка»⁴⁵.

Факт твёрдой поддержки от Сергея Михайловича Кшесинская получила вскоре после расставания со своим первым высокородным возлюбленным – великий князь купил Матильде Феликсовне дачу в Стрельне и по-семейному помог своей конкубине переоборудовать её в приличнейшую загородную виллу (с автономной электростанцией, чего не было даже в царском дворце). *«Этим летом я часто гуляла по тенистым аллеям парка, окружавшего великолепный дворец Великого Князя Константина Николаевича в Стрельне, который тянулся от дворца до самого моря. Широкие каналы отделяли дворец и парк от частных владений. Однажды во время прогулки я увидела прелестную дачу, расположенную посреди обширного сада, простиравшегося до самого моря. Дача была большая, но запущенная, но общее расположение участка мне понравилось. На углу висела вывеска «Дача продается», и я пошла внимательно все осматривать. Видя, что дача мне очень понравилась, Великий Князь Сергей Михайлович ее купил на мое имя, и в следующем году я уже в нее переехала на все лето...*

Лето 1895 года я провела уже на своей новой даче в Стрельне, которую я наскоро обставила, а свою спальню отделала совершенно заново: стены обтянула кретоном, а мебель заказала у Мельцера, лучшего фабриканта мебели в Петербурге. Я успела также заново устроить и обставить маленький круглый будуар прелестной мебелью от Бюхнера из светлого дерева.

Лето прошло более нежели спокойно и тихо. Красносельских спектаклей из-за траура не было, кроме того, я была нездорова и воспользовалась этим, чтобы оттянуть свое выступление до конца ноября.

В это время, чтобы меня хоть немного утешить и развлечь, Великий Князь Сергей Михайлович баловал меня как мог, ни в чем мне не отказывал и старался предупредить все мои желания. Но ни Великий Князь Сергей Михайлович, ни вся та обстановка, в которой я жила, не могли заменить мне то, что я потеряла в жизни, – Ники. При всех

я старалась казаться беззаботной и веселой, но, оставаясь одна с собой, я глубоко и тяжело переживала столь дорогое мне прошлое, свою первую любовь»⁴⁵.

Великий князь Сергей Михайлович, с обожанием, с превеликой нежностью чувств опекавший Матильду Феликсовну, по своему положению не мог находиться при ней постоянно, но этим праздной пустоты в её времяпрепровождении не образовывал. Было намечавшуюся пустоту заполнял то молодой дипломат Стас Поклевский («Подарил мне чучело убитого медведя, а кроме того - механическое пианино»), то гусар Николай Скалон («На память о нём у меня остались часы для ношения в петлице – миниатюрный циферблат, окружённый бриллиантами»), то великий князь Владимир Александрович («Великий Князь Владимир Александрович стал очень часто бывать у меня в доме и любил по вечерам играть в модную в то время игру, «тетку». Он мне дарил прелестные вещи: то красивую вещьцу для украшения комнат, то пару великолепных ваз из вещей князя Воронцова, а на Пасху всегда присылал огромное яйцо из ландышей с привязанным к нему драгоценным яичком от Фаберже. Раз он мне прислал браслет с привешенным к нему сапфиром»⁴⁵.

К слову, великий князь Владимир Александрович приходился братом императору Александру Третьему и некоторое время, как следующий по старшинству, числился (до совершеннолетия «Ники») наследником престола. (Известна реплика Александра Третьего после крушения царского поезда 17 октября 1888 года в Борках (под Харьковом), когда, принимая поздравления о чудесном спасении, он едко заметил: «Слава Богу, и я, и мальчики живы. Как Владимир будет разочарован».)¹⁸⁷

Кшесинскую великий князь Владимир Александрович заметил ещё в 1890 году в летние дни её выступлений в армейском театре Красного Села и тем разволновал своё совсем не молодое, но ещё склонное к любовному трепету сердце. «Великий Князь Владимир Александрович любил присутствовать на репетициях, которые начинались в три часа. Он заходил в мою уборную посидеть и поболтать. Я ему нравилась, и он шутя говорил, что жалеет о том, что недостаточно молод. Он подарил мне свою карточку с надписью «Здравствуй, душка». До конца своей жизни он оставался моим верным другом»⁴⁵.

И если дальше учащающегося сердцебиения в общении Кшесинской у великого князя дело не зашло, свой неизменный любовный пиетет к очаровательной Матильде Феликсовне он растянул на годы и проявлял его даже тогда, когда балерину очаровал и покорила его сын, великий князь Андрей Владимирович, отодвинув на второй план её покровителя, великого князя Сергея Михайловича: «В день своего рождения, 10 апреля, Великий Князь Владимир Александрович был у меня на ужине вместе с Великими Князьями Борисом и Андреем Владимировичами. Мне казалось, что он стал бывать у меня, чтобы предотвратить возможное недоразумение между Андреем и Сергеем Михайловичем. Но не это было причиной его приездов ко мне, как я сперва думала, а то, что он очень ко мне привязался и любил бывать у меня... Он мне раз сказал, что ценит мое отношение к нему и верит в мою искренность. Ему всегда казалось, что к нему относятся не просто как к человеку, а только как к Великому Князю»⁴⁵.

В балетном творчестве, в котором – силой таланта и неустанным трудом – Кшесинская первенствовала и была на вершине театральной славы, поддержка от лиц императорского

круга обеспечили ей независимое положение и приличный финансовый достаток. После шести лет работы в театре она была удостоена статуса «прима-балерина императорских театров, хотя для прочих служительниц Терпсихоры для этого требовалось полное десятилетие. Вольна была Матильда Феликсовна и в распорядке своих выступлений, а её «поднебесное положение» позволяло ей не обращать внимания на закулисные пересуды, быть доброжелательной к товаркам по сцене.

Балерина Тамара Платоновна Карсавина вспоминает: *«Матильда сама выбирала время для своих спектаклей и выступала только в разгар сезона, позволяя себе длительные перерывы, на время которых прекращала регулярные занятия, и безудержно предавалась развлечениям. Всегда веселая и смеющаяся, она обожала приемы и карты; бессонные ночи не отражались на ее внешности, не портили ее настроения. Она обладала удивительной жизнеспособностью и исключительной силой воли. В течение месяца, предшествующего ее появлению на сцене, Киесинская все свое время отдавала работе — усиленно тренировалась часами, никуда не выезжала и никого не принимала, ложилась спать в десять вечера, каждое утро взвешивалась, всегда готовая ограничить себя в еде, хотя ее диета и без того была достаточно строгой. Перед спектаклем она оставалась в постели двадцать четыре часа, лишь в полдень съедала легкий завтрак. В шесть часов она была уже в театре, чтобы иметь в своем распоряжении два часа для экзерсиса и грима. Как-то вечером я разминалась на сцене одновременно с Киесинской и обратила внимание на то, как лихорадочно блестят ее глаза.*

С самого начала она проявляла ко мне большую доброту. Однажды осенью, в первый сезон моей работы в театре, она прислала мне приглашение провести выходные дни в ее загородном доме в Стрельне. «Не трудись брать с собой нарядные платья, — писала она, — у нас здесь по-деревенски. Я приищу за тобой». Мысль о скромности моего гардероба сильно беспокоила меня. Матильда, по-видимому, догадалась об этом. Она подумала и о том, что я не знаю в лицо ее секретаря, поэтому приехала за мной на станцию сама. У нее гостила небольшая группа друзей. В роли хозяйки Матильда была на высоте. У нее был большой сад неподалеку от побережья. В загоне жило несколько коз, одна из них, любимица, выходившая на сцену в «Эсмеральде», ходила за Матильдой словно собачка. Весь день Матильда не отпускала меня от себя, оказывая бесчисленные знаки внимания... У меня создалось впечатление, что все окружающие подпадали под обаяние ее жизнерадостной и добродушной натуры. Но даже я при всей своей наивности понимала, что окружавшие ее лизоблюды источали немало лести. И это вполне объяснимо, принимая во внимание то положение, которое занимала знаменитая танцовщица, богатая и влиятельная. Зависть и сплетни постоянно следовали за ней. Весь тот день меня не покидало чувство недоумения — неужели эта очаровательная женщина и есть та самая ужасная Киесинская, которую называли бессовестной интриганкой, разрушающей карьеры соперниц»

- Если кто-нибудь тебя обидит, приходи прямо ко мне. Я за тебя заступлюсь, — позже сказала она и впоследствии сдержала слово: ей представилась возможность вмешаться и вступить за меня»⁴⁸.

В 1900 году Кшесинская танцевала бенефис в честь десятилетия своего пребывания на сцене – в обход правил, согласно которым балеринам давали бенефисы только по случаю двадцатилетия танцевальной деятельности, перед выходом на пенсию. *«В день бенефиса*

Директор Императорских театров князь Волконский пришел ко мне в уборную и передал мне Царский подарок: прелестную брошь в виде бриллиантовой змеи, свернутой кольцом, и посередине большой сапфир-кабошон. Потом Государь просил Великого Князя Сергея Михайловича мне передать, что эту брошь он выбирал вместе с Императрицей и что змея есть символ мудрости...»⁴⁵

На обеде после этого (только первого) бенефиса Кшесинская познакомилась с великим князем Андреем Владимировичем, сыном помянутого выше великого князя Владимира Александровича, двоюродным братом Николая Второго. *«Этот бенефис произвел переворот в моей жизни. Через несколько дней после юбилейного спектакля я устроила у себя в доме обед. Столовая была слишком мала, чтобы поместить всех гостей. Стол был накрыт в зале, где*

было больше места, и он весь был убран зеленью и цветами. На этот обед я пригласила Великих Князей Кирилла и Бориса Владимировичей, которые и ранее бывали у меня, и в первый раз Великого Князя Андрея Владимировича. Против себя, в центре стола, я посадила Великого Князя Кирилла Владимировича как старшего, направо от себя Великого Князя Бориса Владимировича, а налево от себя Великого Князя Андрея Владимировича, а Великий Князь Сергей Михайлович сел в конце стола, за хозяина. Остальные места были заняты нашими балетными артистками, с которыми я была наиболее дружна, и моими знакомыми.

Великий Князь Андрей Владимирович произвел на меня сразу в этот первый вечер, что я с ним познакомилась, громадное впечатление: он был удивительно красив и очень застенчив, что его вовсе не портило, напротив. Во время обеда нечаянно он задел своим рукавом стакан с красным вином, который опрокинулся в мою сторону и облил мое платье. Я не огорчилась тем, что чудное платье погибло, я сразу увидела в этом предзнаменование, что это принесет мне много счастья в жизни. Я побежала наверх к себе и быстро переделалась в новое платье. Весь вечер прошел удивительно удачно, и мы много танцевали. С этого дня в мое сердце закралось сразу чувство, которого я давно не испытывала; это был уже не пустой флирт...»⁴⁵

Независимость и неприкосновенность своего положения Матильда Кшесинская подтвердила весной 1901 года в конфликте с управляющим Императорскими театрами князем Сергеем Михайловичем Волконским. Предлогом стал отказ прима-балерины надеть фижмы, полагавшиеся к костюму для выхода в балете «Камарго». При попытке директора наложить на неё штраф, Кшесинская пожаловалась своим покровителям из царской семьи — в результате Волконский был вынужден отменить штраф и, несмотря на многочисленные уговоры из придворных кругов не уходить, подал в отставку 7 июня 1901 года.

К этому времени любовные отношения Матильды Феликсовны и Андрея Владимировича прочно установились и шестилетнее преимущество в возрасте Кшесинской тому не было помехой. Они часто встречались, Андрей приезжал к Матильде

на репетиции, в городской дом, на дачу в Стрельне, они дважды путешествовали вместе по Европе. После возвращения из второй зарубежной поездки, осенью 1902 года, Кшесинская вернулась забеременевшей, но ещё несколько месяцев продолжала выступать.

«По приезде в Париж я почувствовала себя нехорошо, пригласила врача, который, осмотрев меня, заявил, что я в самом первом периоде беременности, около месяца всего, по его определению. С одной стороны, это известие было для меня большой радостью, а с другой стороны, я была в недоумении, как мне следует поступить при моем возвращении в Петербург.»⁴⁵

О своей беременности прима сообщила управляющему Петербургской конторы Императорских театров Владимиру Павловичу Лаппа-Старженецкому (прежде служившему в Мариинке полицмейстером), а тот поделился этой вестью с Главным управляющим - Владимиром Аркадьевичем Теляковским. Главный вознегодовал: *"Неужели это театр, и неужели этим я руковожу? Все довольны, все рады и прославляют необыкновенную, технически сильную, нравственно нахальную, циничную, наглую балерину, живущую одновременно с двумя великими князьями и не только это не скрывающую, а, напротив, вплетающую и это искусство в свой вонючий циничный венок людской падали и разврата."*

Лаппа сообщил мне, что Кшесинская сама рассказывает, что она беременна; желая продолжать все же танцевать, она некоторые части балета переделала, чтобы избежать рискованных движений. Кому будет приписан ребенок, еще неизвестно. Кто говорит – Великому Князю Сергею Михайловичу, а кто Великому Князю Андрею Владимировичу, другие говорят о балетном Козлове."⁴⁹

Кшесинская дотанцевала до шестого месяца беременности, после чего передала исполнение своей балетной партии Анне Павловой, будущей звезде русского балета, за пределами родины засверкавшей: *«Я не могла уже больше танцевать, шел шестой месяц. Тогда я решила передать Анне Павловой мой балет «Баядерка». Я была с ней в самых лучших отношениях, она постоянно бывала у меня в доме, очень веселилась и увлекалась Великим Князем Борисом Владимировичем, который называл ее «ангелом». Со дня ее выхода из училища (1899) публика и балетные критики сразу обратили на нее внимание и оценили ее. Я видела в ней зачатки крупного таланта и предвидела ее блестящее будущее. Но Петипа не желал давать Павловой этот балет, который он при возобновлении поставил для меня, и мне пришлось долго его уговаривать передать ей «Баядерку», на что он в конце концов и согласился. Чтобы помочь Павловой изучить этот балет, я, несмотря на состояние моего здоровья, репетировала с ней его целиком, показывая все движения»⁴⁵.*

В июне 1902 года Матильда Феликсовна Кшесинская разрешилась от бремени сыном Владимиром и по совершившемуся факту провела разъяснительную беседу с великим князем Сергеем Михайловичем: *«Когда я несколько окрепла после родов и силы мои немного восстановились, у меня был тяжелый разговор с Великим Князем Сергеем Михайловичем. Он отлично знал, что не он отец моего ребенка, но он настолько меня любил и так был привязан ко мне, что простил меня и решился, несмотря на все, остаться при мне и ограждать меня как добрый друг. Он боялся за мое будущее, за то,*

что может меня ожидать. Я чувствовала себя виноватой перед ним, так как предыдущей зимой, когда он ухаживал за одной молоденькой и красивой Великой Княжной и пошли слухи о возможной свадьбе, я, узнав об этом, просила его прекратить ухаживание и тем положить конец неприятным для меня разговорам. Я так обожала Андрея, что не отдавала себе отчета, как я виновата была перед Великим Князем Сергеем Михайловичем...

В моей домашней жизни я была очень счастлива: у меня был сын, которого я обожала, я любила Андрея, и он меня любил, в них двух была вся моя жизнь. Сергей вел себя бесконечно трогательно, к ребенку относился как к своему и продолжал меня очень баловать. Он всегда был готов меня защитить, так как у него было больше возможностей, нежели у кого бы то ни было, и через него я всегда могла обратиться к Ники»⁴⁵.

Если внимательно вчитываться в текст воспоминаний Матильды Феликсовны, то можно заметить, что не указывает она на взрыв, по ситуации – требуемых, отцовских чувств у великого князя Андрея Владимировича к младенцу, рождённому его пассией. И хотя мемуаристка сообщает будущим читателям, что молодой князь – отец её сына Вовы, делает она это не особенно уверенно и убедительно. По этой причине можно обратить внимание на выше приведённое предположение Теляковского, включившего в число возможного родителя мальчика Вовы танцора Фёдора Михайловича Козлова, который в 1901 году, в возрасте девятнадцати лет, после окончания Московского хореографического училища поступил в труппу Мариинского театра. Исполнял он классические и характерные балетные партии и прославился как исполнитель зажигательных испанских танцев. Выступал он в паре и с Кшесинской и последовавшее мимолётное увлечение прима-балерины юным, очаровательным и талантливым партнёром, кажется, не ускользнуло от всевидящих взглядов соратников по балетной сцене⁴⁹.

В трудные послеродовые дни навестил и приласкал Матильду Феликсовну великий князь Владимир Александрович, возможный дедушка новорождённого, но о такой родственности балерина в своих мемуарах ничего не говорит: *«Летом, когда я уже встала, меня посетил Великий Князь Владимир Александрович. Я была еще очень слаба и приняла его лежа на кушетке и держа своего младенца на руках в пеленках. Великий Князь стал передо мною на колени, трогательно утешал меня, гладил по голове и ласкал меня... Он знал, он чувствовал и понимал, что у меня творится на душе и как мне нелегко. Для меня его посещение было громадной моральной поддержкой, оно дало мне много сил и душевное спокойствие.*

Силы мои стали быстро восстанавливаться, так что через два месяца я уже могла танцевать в Петергофе на парадном спектакле по случаю свадьбы Великой Княгини Елены Владимировны с Королевичем Николаем Греческим, которая состоялась 16 августа 1902 года в Царском Селе»⁴⁵.

В пору начального материнства Матильды Феликсовны участие в её бытовых хлопотах принимал великий князь Владимир Александрович, о чём она с благоадностью вспоминала позже: *«Летом 1903 года он иногда приходил ко мне пешком из Петергофа в сопровождении своего адъютанта барона В. Р. Кнорринга. Вове был тогда уже год, но он еще не ходил, и его приносили показывать Великому Князю. Ходить Вова начал очень*

поздно. У него было немного волос на голове, но я ухитрялась собирать пучок волос и завязывать их голубым бантиком. Великий Князь всегда клал руку на голову Вовы и говорил: «Совсем моя голова».

Великий Князь любил присылать мне какую-нибудь новую музыку для танцев и раз прислал «ла-шакон», которая по его желанию была поставлена на сцене, а потом, в упрощенном виде, стала модным танцем.

В этом году я просила Ники подарить мне свою фотографию, и какова была моя радость, когда я увидела на присланной им мне карточке подпись не «Николай», как он обычно всем подписывал, а «Ники» и год «1903»⁴⁵.

Оттанцевав два сезона, Кшесинская, благодаря весьма мощному житейскому тылу, в 1904 году позволила себе роскошь уйти из труппы Мариинского театра и, отказавшись от твёрдо установленной годовой ставки, начать выступления на контрактной основе, оценив каждое из них поначалу в пятьсот рублей, затем – в семьсот пятьдесят.

На ее прощальном бенефисе 21 января 1904 года Мариинский театр, как заметил один биограф, походил скорее на Зимний дворец. «В этот вечер у меня была сверхъестественная сила!» – вспоминала Кшесинская, и израсходовала она её в двух первых актах «Тщетной предосторожности», куда вставила па-де-де, в котором дебютировала на сцене в 1890 году. Она в очередной раз поразила зрителей своей победной виртуозностью, легко исполнив, с повторением на бис, знаменитые 32 фуэте. Затем балерина исполнила две картины из первого акта «Лебединого озера», медленно удалялась на пуантах спиной к залу и поднималась на возвышение, как бы прощаясь с публикой. Среди подарков, которыми засыпали бенефициантку, был золотой лавровый венок, сделанный по мерке ее головы, на каждом листике которого было выгравировано название балета, в котором она танцевала. Молодежь, поджидавшая приму у служебного входа, выпрягла коней, запряженных в ее карету, и потащила карету на себе до самого дома балерины. В этом же году ей присвоили звание «Заслуженной артистки Императорских театров»

Эффектный уход прима-балерины из театра сменился не менее эффектным возвращением – в начале нового театрального сезона директор Императорских театров Владимир Аркадьевич Теляковский попросил Кшесинскую вернуться на сцену, зная, как горячо принимает и боготворит ее публика. Она согласилась танцевать без контракта, что давало ей свободу и не отнимало властных позиций в театре.

«Но я отказалась вернуться на казенную службу, как того хотел Директор, и согласилась быть только гастролершей без всякого контракта. Я хотела остаться совершенно свободной и танцевать только тогда, когда хотела и сколько хотела. Я объяснила Директору, что никакой контракт не сможет меня связать и никакая неустойка меня не запугает. Если бы даже я подписала контракт, я его все равно могла бы нарушить. На условиях гастролерши без контракта я вернулась на сцену и служила до самого конца. Правда, я обещала Директору быть всегда готовой оказать услугу, если смогу, и моему слову верили»⁴⁵

Теляковский вспоминал: «М. Кшесинская прекрасно танцевала и была также бесспорно выдающаяся русская балерина. Для (Кшесинской)... успех на сцене был средством: стремления ее были более грандиозны и обширны, и роль только балерины, хотя и выдающейся, не удовлетворяла ее смолоду. М. Кшесинская уже на тринадцатом году службы вышла по собственному желанию из состава балетной труппы. Силы свои она берегла для другой цели. М. Кшесинская была женщиной бесспорно умная. Она

отлично учитывала как сильные, так в особенности и слабые стороны мужчин, этих вечно ищущих Ромео, которые о женщинах говорят все, что им нравится, и из которых женщины делают все, что им, женщинам, хочется...

...Казалось бы, балерина, служа в дирекции, должна принадлежать репертуару, а тут оказывалось, что репертуар принадлежит М. Кшесинской, и как из пятидесяти представлений сорок принадлежат балетоманам, так и в репертуаре — из всех балетов более половины лучших принадлежат балерине Кшесинской. Она считала их своей собственностью и могла дать или не дать их танцевать другим»⁴⁹.

В первые месяцы 1906 года началось и год продолжалось строительство особняка для Кшесинской, и возведение этого «палаццо», по слухам, финансировал Великий князь Сергей Михайлович: *«Покинуть свой старый дом, подаренный мне Ники, было очень тяжело. Приходилось расставаться с домиком, с которым были связаны самые дорогие для меня воспоминания и где я прожила много, много счастливых дней. Но в то же время оставаться там, где все мне напоминало Ники, было еще грустнее.*

Из многих предложенных мне мест для постройки мой окончательный выбор остановился на участке на углу Кронверкского проспекта и Большой Дворянской улицы, застроенном целым рядом маленьких деревянных домиков. Место мне понравилось.

Оно находилось в лучшей части города, далеко от всяких фабрик и по своему размеру позволяло построить большой светлый дом и иметь при нем хороший сад.

План я заказала очень известному в Петербурге архитектору Александру Ивановичу фон Гогену и ему же поручила постройку. Внутреннюю отделку комнат я наметила сама. Зал должен был быть выдержан в стиле русского ампира, маленький угловой салон — в стиле Людовика XVI, а остальные комнаты я предоставила вкусу архитектора и выбрала то, что мне более всего понравилось. Спальню и уборную я заказала в английском стиле, с белой мебелью и кретоном на стенах. Некоторые комнаты, как столовая и соседний с нею салон, были в стиле модерн.

Всю стильную мебель и ту, которая предназначалась для моих личных комнат и комнат моего сына, я заказала Мельцеру, самому крупному и известному в Петербурге фабриканту, а всю остальную обстановку, для комнат прислуги, хозяйственных и других, я поручила крупной фирме Платонова.

Все бронзовые предметы для зала ампира и салона Людовика XVI, как то: люстры, бра, канделябры, дверные и оконные ручки, запоры и шпингалеты, а также все ковры и материал для обивки мебели я заказала в Париже. Стены салона были обтянуты желтым шелком.

Я очень торопила архитектора фон Гогена с постройкой дома и горела желанием скорее переехать в него. Под Рождество 1907 года я наконец смогла перебраться в свой новый дом и была очень рада зажить наконец в удобных условиях и с настоящим комфортом. Старый дом я продала Князю Александру Георгиевичу Романовскому, Герцогу Лейхтенбергскому»⁴⁵.

«В несчастье надейся, в счастье беспокойся». Этому древнему мудрому совету Горация отнюдь не следовала Матильда Фёдоровна Кшесинская, сооружая в жаркую

пору революционных событий, в самом центре столицы роскошный дворец на средства сомнительного происхождения (говорили, что спонсорство великого князя Сергея Михайловича было связано с его ведущим положением в артиллерийском ведомстве,, его возможностями по своему разумению использовать его бюджет). Не могла предположить прима-балерина, что десятилетие спустя вызывающая роскошь её жилища приведёт к его захвату и разграблению революционно возбуждёнными большевиками, придавшими своему поступку форму возмездия и восстановления справедливости.

Но в 1907 году новосёл Кшесинская о будущих последствиях не задумывалась и никакая гадалка не могла бы предсказать ждущей её (и государство) катастрофы.

Из всех известных форм и формул зла
Всего досадней поздние советы,
Пророчества вчерашнего числа
И фразы: «Мы предчувствовали это.
(Байрон)

Впрочем, основательно укрепляя своё материальное благополучие – элитной недвижимостью, потоком драгоценностей от Фаберже и прочая, и прочая, - с удовольствием отдавалась Кшесинская зависимости от новых ярких личностей в балетном искусстве, стремилась не быть в стороне от свежих, содержательных в нём веяний, от новых в нём событий.

Во многом была Кшесинская единомышленником Михаила Михайловича Фокина - реформатора русского балета, основоположника его романтического направления, видевшего в балете гармоничное объединение музыки, декорации и пластического искусства, полагавшего, что танец должен поддаваться осмыслению, обязан отражать душу: *«М. М. Фокин очень любил и ценил меня, и в том же сезоне мы вместе выступили в Москве в бенефис Кати Гельцер 21 января 1907*

года в «Тщетной предосторожности». Наша дружба осталась незыблемой и крепкой всю нашу жизнь и в России, и в эмиграции до самой его смерти в 1942 году.

Я всегда поддерживала Фокина, хотя и считала, что в его балетах нет вариаций для танцовщицы, которые могли бы воодушевить публику и вызвать овации..

Выступления Айседоры Дункан в Петербурге произвели огромное впечатление на молодого танцовщика и будущего знаменитого балетмейстера М. М. Фокина, который стал искать новых путей для классического балета. Он восставал против застывших поз с руками, поднятыми венчиками над головой, искал в пределах классической техники свободного выражения чувств и хотел для своего балета из римской жизни найти новые формы. Он ходил в Эрмитаж изучать изображенные на вазах движения античного танца, исследовал греческие и римские источники...»⁴⁵

Выступала Кшесинская и в паре с новатором мужского балетного танца, выдающимся его представителем Вацлавом Нижинским: *«В этом сезоне я впервые танцевала с Вацлавом Нижинским, который весной того же, 1907 года кончил нашу балетную школу. Мы с ним танцевали в Мариинском театре «Ноктюрн» Шопена, а затем исполнили его в Москве на бенефисе кордебалета. Нижинский произвел на меня большое*

впечатление на выпускном спектакле в училище, и я уже тогда имела его в виду как своего партнера для ближайшего будущего.

Во время красносельских спектаклей я могла убедиться, что Нижинский не только отличный танцовщик, но и чудный кавалер, и я решила его приглашать, когда только будет случай. Я была первой артисткой, выступившей с ним на сцене как партнерша, и об этом часто упоминалось в газетах и в книгах по балету. Нижинский был, кроме того, чудным мальчиком, милым, симпатичным, очень скромным, что придавало ему много обаяния. Он очень ко мне привязался.

Мне доставляет огромное удовольствие и моральное удовлетворение отметить, что Вацлав Нижинский глубоко ценил все, что я сделала для него, с самого начала его карьеры, и остался благодарен мне до конца. В знак признательности он мне подарил чудный образ, сделанный из перламутра, с серебряным кругом сияния над ликом. В выборе этого подарка отразилась его благородная душа. Этот образ я поместила в киоте, в моей спальне, и устроила сзади освещение, что еще больше выделяло его замечательную работу...

До него классический танцор был поставлен много ниже балерины, его роль ограничивалась главным образом поддержкой и исполнением какого-нибудь ничтожного па, чтобы дать балерине передохнуть перед следующим номером. Благодаря же Нижинскому классический танцор был выдвинут на первое место наравне с балериной. Нижинский дал совершенно новое направление и новый стиль мужскому классическому танцу. Он танцевал не второстепенные па, а очень ответственные и мог иметь независимый от балерины успех. Это было настоящим переворотом в балете и началом новой эры мужского танца»⁴⁵.

С выдающимся Сергеем Павловичем Дягилевым Кшесинская познакомилась в пору, когда тот был чиновником особых поручений при управляющем Дирекции Императорских театров князе Сергее Михайловиче Волконском: «Почти одновременно с князем Волконским в Дирекцию Императорских театров поступил на должность чиновника особых поручений редко талантливый и даровитый человек – Сергей Павлович Дягилев, мой однолеток. Он мне сразу очень понравился своим умом и образованностью. Я любила с ним поговорить и пользовалась большим его вниманием. У него были пышные волосы с седой прядью на лбу, за что он был прозван «шиншилла».

С. П. Дягилев меня почти всегда провожал после спектакля домой, и наши беседы были очень интересны. Странно, но я всегда имела успех у тех мужчин, от которых я этого всего менее могла ожидать, а между тем я, кажется, на мальчика не была похожа»⁴⁵.

В последующем, когда Дягилев, уже прославленный антрепренёр, начал организовывать знаменитые европейские «Русские сезоны», его отношения с Кшесинской как-то не заладились. Казалось Матильде Феликсовне, что Сергей Павлович обделяет её в гастрольных выступлениях и потому притормозила выделение ему из казны запрошенной им субсидии, отказалась помочь тому «откосить» от военной службы его любимца (и любовника) Вацлава Нижинского.

«Во время дальнейших разговоров с Дягилевым относительно предстоящего сезона и разработки программы я заметила, что он стал сильно менять свое отношение ко мне, несмотря на нашу давнюю дружбу. При распределении балетов он предполагал

дать Павловой «Жизель», в котором она была несравненна и имела всегда заслуженный большой успех. Мне же Дягилев предлагал танцевать незначительную роль в балете «Павильон Армиды», где я не могла проявить свои дарования и обеспечить себе успех перед парижской публикой. Несмотря на наши горячие споры по этому поводу, Дягилев не хотел мне уступить. В таких невыгодных для меня условиях я не могла принять его предложения выступить у него в Париже и отказалась от всякого участия в его сезоне.

Вполне понятно, что после моего отказа я не хотела больше хлопотать о деле, в котором не участвую, и просила, чтобы моему ходатайству о субсидии ходу не давали. Субсидии Дягилев так и не получил, сколько он ни старался другими путями»⁴⁵.

Скоро, ко взаимному удовольствию враждующих сторон, произошло их примирение, пошедшее только на пользу русскому балетному искусству: «После двухлетней нашей ссоры С. П. Дягилев, по-видимому, убедился, что ему гораздо лучше и выгоднее помириться со мною, нежели ссориться, и потому решил восстановить со мною добрые отношения и нашу старую дружбу. Примирение произошло в 1911 году. Он меня пригласил выступить у него в Лондоне, в Ковент-Гарден, в осеннем сезоне, а в 1912 году – в Вене и Будапеште и кончить весной в Монте-Карло»⁴⁵.

Прежде этого замирения довелось Кшесинской, вместе со всеми ценителями балетного искусства, пережить уход из жизни – в весьма почтенном возрасте – выдающего балетмейстера Мариуса Петипа: « Летом этого года до нас дошла печальная весть, что в Гурзуфе 2 (15) июня 1910 года скончался Мариус Иванович Петипа на восемьдесят восьмом году жизни. Родился он в Марселе 11 марта 1822 года.

Вся моя театральная карьера до появления Фокина связана была с Петипа, который был всемогущим балетмейстером в течение более чем полувека. Балеты даже такого замечательного балетмейстера, как Лев Иванов, должны были получить одобрение Петипа, который по желанию Двора сохранил свое звание главного балетмейстера и тогда, когда уже в преклонных годах должен был оставить работу. Его балет «Дочь фараона», который стал моим любимым и в котором выступал мой отец, сразу дал Петипа успех и имя в России, куда он приехал по приглашению Дирекции Императорских театров 24 мая 1847 года после нескольких лет службы в Испании.

Мне приходилось встречаться с ним только на сцене. Отлично помню его клетчатый плед и посвистывание и то, как он давал нам заранее им заготовленные указания на репетициях, совершенно отличаясь этим от фокинской манеры многое придумывать в самом азарте репетиций»⁴⁵.

С должным размахом, с прекрасным балетным выступлением Кшесинской, с обязательными драгоценными подарками и банкетом прошёл, в феврале 1911 года, её бенефис по случаю двадцатилетия зачисления в труппу Мариинского театра: «...От Андрея – дивный бриллиантовый обруч на голову с шестью крупными сапфирами по рисунку головного убора, сделанного князем Шервашидзе для моего костюма в балете «Дочь фараона».

Великий Князь Сергей Михайлович подарил мне очень ценную вещь, а именно – коробку из красного дерева работы Фаберже в золотой оправе, в которой были уложены завернутые в бумажки – целая коллекция желтых бриллиантов, начиная от самых

маленьких до очень крупных. Это было сделано с целью, чтобы я могла заказать себе вещь по моему вкусу – я заказала у Фаберже «плакку», чтобы носить на голове, что вышло замечательно красиво»⁴⁵.

Банкет прошёл в знаменитом «Парижском ресторане», более известном публике по фамилии его владельца - Кюба. Ресторан располагался на Большой Морской улице, дом 16, славился прекрасной французской кухней, высокими ценами, являлся значным местом высшей аристократии и был любим балетоманами, регулярно собиравшимися здесь после балетных спектаклей за предварительно заказанными столиками.

Как отмечают участники того торжественного застолья, по желанию Кшесинской в центре ресторанный зал был установлен круглый стол, что упрощало возможность взаимодействия пирующим. Мужчинам позволили присоединиться к застолью только после подачи завершающих банкет напитков – шампанского и кофе. Один из балетоманов собрал в тарелку медные и серебряные монеты, а через некоторое время преподнёс Матильде Феликсовне тарелку работы неизменного Фаберже с припаянными к ней собранными тогда монетами. (Тем более что знаменитая ювелирная фирма потомка французских гугенотов Карла Густавовича Фаберже располагалась неподалёку от ресторана Кюба – на Большой Морской улице, дом 24.)

В ресторане Кюба столичные балетоманы устроили банкет в честь гастролировавшей в городе знаменитой Айседоры Дункан и Александр Николаевич Бенуа дал содержательное описание этому событию: «...После одного из ее выступлений в 1904 году поклонники решили чествовать артистку ужином, устроенным в верхнем зале ресторана Кюба. Я был среди приглашенных и удостоился чести сидеть рядом с этой несомненно гениальной, но и шальной в жизни женщиной...

Она, сильно запьянев, вдруг заявила, что желает плясать. Немедленно был отодвинут в сторону стол, все расселись широким кругом, а она, сбросив с себя верхнюю хламиду и оставшись в одной короткой рубашонке, сымпровизировала вакхический танец («Я вам спляшу танец вакханки»), а под конец грохнулась (не причинив себе ни малейшего увечья) на ковер... Кто-то из устроителей отвез ее затем в «Европейскую» гостиницу, где она остановилась, и рассказывал потом, что и там безумица еще долго не могла успокоиться, плясала, валялась по полу, обнимала и целовала своего спутника. Насилу вырвался»⁵⁰.

С гастролировавшей в Петербурге Айседорой Дункан общалась и профессионально дискутировала Кшесинская: «Она всегда носила греческую тунику, которая удерживалась спереди особым аграфом, античной «фибулой». Я ей подарила на память очень красивый аграф работы Фаберже. Она бывала очень забавна после ужина, когда немного выпьет. Мы с ней постоянно разговаривали и дружески спорили о достоинстве и преимуществе нашего искусства. Дункан была в то время в зените своей славы и стремилась доказать мне, что классический балет обречен скоро совершенно уступить место ее новой школе, основанной на изучении греческих поз и движений по античным вазам и фрескам.

Я ей возражала, что, несомненно, ее искания внесут в наш балет много нового и красивого, но что ни она, ни ее ученицы, а тем более подражательницы, никогда не смогут воспринять наше искусство, тогда как наши артисты, воспитанные на классической школе, могут исполнять какие угодно движения, так как владеют необходимой для этого техникой. Я возражала ей, что она потому так всех пленяет,

что отдала своему искусству всю свою душу и сердце, изучила его и прониклась им всем своим существом, умом, посвятила ему свой большой талант, а ее подражательницы, лишённые этих качеств, скоро сойдут на нет, так как они подготовлены только для узкой и крайне специальной области танца и не имеют твердых технических основ»⁴⁵

Была в кругу новых друзей Кшесинской ещё одна зарубежная сценическая дива – Сара Бернар: «Зимой этого года в Петербург приехала знаменитая Сара Бернар давать несколько представлений. Мне передали, что она повсюду ищет борзую собаку, но нигде не может найти, так как лучшие борзые принадлежали частным лицам, которые не соглашались их продавать. Мне удалось через знакомых раздобыть чудную породистую борзую, которую в последнюю минуту, перед ее отъездом, я успела ей доставить на вокзал. Я узнала после, что она была чрезвычайно довольна собакой и даже была вместе с ней снята, но я никогда так и не получила от нее ни слова благодарности»⁴⁵.

В эту пору Кшесинская, как участница Русских сезонов Дягилева, всё больше и больше времени проводит вне России – с одним из её покровителей, но неизменно со взрослеющим сыном: «Пробыв некоторое время в Петербурге, я снова должна была уезжать, чтобы поспеть в Монте-Карло к началу дягилевских спектаклей в театре «Казино... Я выехала из Петербурга 17 марта, но в это путешествие Вова впервые отправился со своим собственным паспортом и в сопровождении своего воспитателя Ричарда Александровича Высоцкого, который незадолго до этого поступил к нам. Я пригласила с собой Нину Нестеровскую, которую устроила танцевать к Дягилеву, но бесплатно, так как труппа была совершенно полна.

Покуда Вова был маленьким, он был прописан в моем паспорте, но ему становилось почти что десять лет, и я обратилась к Государю с просьбой о даровании моему сыну моей родовой фамилии Красинских. Государь сразу же исполнил мою просьбу и даровал также Вова и потомственное дворянство. Градоначальство выдало Вова его личный паспорт, и привез его мне мой старый верный друг, полицмейстер нашей части, полковник, впоследствии генерал, Галле.

С нами поехал Великий Князь Сергей Михайлович»⁴⁵.

Долгое пребывание на зарубежных гастролях с необходимостью постоянно менять нанимаемое жильё привело Кшесинскую к мысли о необходимости приобретения виллы на благодатном побережье французского Средиземноморья (в том числе и для летнего приморского отдыха, который прежде, иногда, Матильда Фёдоровна проводила на собственной крымской даче в Мисхоре).

Дело устроилось в начале июня 1913 года (в дни, когда царствующие Романовы праздновали трёхсотлетие своей династии): «В начале июня мы вернулись в Россию. Андрей настолько окреп после зимы, проведенной в Сен-Морице, что решил вернуться на службу, а пока принять участие в Романовских торжествах сначала в Костроме, а потом в Москве.

Примерно среди лета мы получили от нашего агента в Кап-д'Ай известие, что хозяин согласен уступить мне виллу за указанную мною сумму в 180 000 франков. Андрей немедленно купил эту виллу на мое имя, и агенту послали инструкции тотчас начать её ремонт»⁴⁵.

Не более года довелось Кшесинской и её щедрому меценату насладиться ещё более улучшившимися жилищными условиями – тому помешала война. С её началом великий князь Андрей Владимирович – здоровьем слабый – поступил на службу при Генеральном штабе и осенью 1914 года попал в действующую армию в распоряжение командующего Северо-Западным фронтом генерала Рузского. Далее он получил назначение участвовать в расследовании причин поражения Второй армии генерала Самсонова под Сольдау в августе этого же года.

Другой любящий Кшесинскую покровитель, великий князь Сергей Михайлович к этому времени был окован тяжёлой болезнью – суставным ревматизмом: *«Во время инспекторской поездки по Сибири Великий Князь Сергей Михайлович заболел суставным ревматизмом и по возвращении, дней за десять до войны, должен был слечь. Сначала он находился на своей даче в Михайловке, а с наступлением осени его перевезли в Петроград. Его болезнь, осложнившаяся плевритом, приняла очень тяжкие формы, и одно время доктора очень опасались за его жизнь. Проболел он почти что полгода, и я почти каждый день его навещала, поддерживая и подбадривая его как могла. В то время он был генерал-инспектором артиллерии, которую он знал как никто. Он посвятил ей свою жизнь, не покладая рук работал над ее усовершенствованием, и вынужденное бездействие во время войны бесконечно мучило его и угнетало. Во время болезни его дважды навещал Государь»*⁴⁵.

Некоторое время Матильда Феликсовна, опасавшаяся, как и другие жители Петрограда, высадки немецкого морского десанта, мыслями занята была обдумыванием возможной эвакуации и в поведении была инертна. Когда же слухи о возможной вражеской вылазке не подтвердились, она занялась делами благотворительными – в нанятой ею квартире в доме на Каменноостровском проспекте организовала на свои средства небольшой лазарет для нижних чинов, два года просуществовавший.

*«Весною 1916 года я решила поехать на фронт для раздачи солдатам подарков. Мой большой друг Александр Дмитриевич Викторов, состоявший в Красном Кресте и часто ездивший на фронт по делам, взялся организовать мою поездку на место расположения одного из корпусов в районе Минска, где у него был знакомый командир. Я пригласила П. Владимирову в качестве кавалера, и мы отправились в путь вдвоем»*⁴⁵.

Разменявшую (ещё в 1912 году) пятый десяток лет Кшесинскую с каждым новым театральным сезоном мучил вопрос о достойном уходе со сцены – *«не уходить тогда, когда силы уже начинают сдавать, и не оставлять по себе последнее невыгодное впечатление»*⁴⁵. Но подобные меланхолические мысли отошли на задний жизненный план, когда её танцевальным партнёром стал пришедший в труппу Мариинского театра в 1911 году выпускник Петербургского театрального училища восемнадцатилетний Пётр Николаевич Владимиров¹⁷¹.

«И – может быть – на мой закат печальный блеснёт любовь улыбкою прощальной». Разница в возрасте (двадцать один год!) не помешала Матильде Феликсовне увлечься (со взаимностью) юным партнёром и с неизменным блеском продолжить балетные выступления: *«В особенности хорошо я стала танцевать в последние годы, когда начала выступать с Владимировым. Он страшно увлекался на сцене и вдохновлял свою партнершу. Я с ним выступала в «Лебедином озере» и так с ним станцевалась, как ни с кем. Он меня замечательно поддерживал в адажио 2-й картины 1-го действия, подбрасывал и ловил как перышко, так что весь зал ахал от восторга, –*

это было в те времена совсем ново. «Талисман» всегда был моим удачным балетом и очень выигрышным. Но с тех пор что со мною стал в нем выступать П. Владимиров, балет этот еще больше выиграл – когда во втором действии Владимиров изображал Гения ветра и вылетал на сцену, неся меня на своем плече, это производило огромное впечатление. Известный критик Юрий Беляев писал, что Владимиров вылетает на сцену, будто с бокалом шампанского, и преподносит этот бокал публике»⁴⁵

Владимиров, как пишет Кшесинская в своих воспоминаниях, был в общении с нею, поддерживал её в трудные дни, предшествовавшие надвигающейся катастрофе конца февраля 1917 года. Он видел последнее выступление балерины на Императорской сцене в Мариинском театре в благотворительном спектакле для увечных воинов 2 февраля 1917 года. Он сопровождал её, уехавшую с сыном из столицы из-за начавшегося там бурления: *«Тогда я поняла, что тревожные слухи были основательны, и, конечно, недолго думая, последовала его совету и уехала в Финляндию с сыном, в санаторию Рауха, около Иматры, где мы прожили около недели – с 8 по 15 февраля. С нами поехал П. Н. Владимиров»⁴⁵.*

И в дни революционного погрома, когда большевики захватили особняк Кшесинской под свою штаб-квартиру, по ходу экспроприации разграбив его, Владимиров поддерживал Кшесинскую в её скитаниях по чужим квартирам, в попытках укрыться от надвигавшихся потрясений: *«На день рождения Вовы, 18 июня, мы все решили поехать в Финляндию, в имение Николая Александровича Облакова, воспитателя в Императорском Театральном училище при мальчиках, большого друга П. Н. Владимирова, который часто у него гостил. Со мною поехали Вова, П. Н. Владимиров и Великий Князь Сергей Михайлович»⁴⁵.*

В эти дни великих общественных пертурбаций Кшесинская, если верить её воспоминаниям, терзаемая раздвоением чувств – то ли любви, то ли признательной дружбы – между двумя великими князьями, приняла решение окончательно покинуть Петербург и, во исполнение оно, уехала, 17 июля 1917 года, в Кисловодск к находившемуся там (уже более полугодом) на бальнеологических процедурах Андрею Владимировичу: *«Прошло почти полгода, что я рассталась с Андреем, и меня стало все более и более тянуть к нему в Кисловодск. Из его писем я знала, что переворот почти не коснулся Кисловодска и что после первых тревожных дней жизнь вошла в свою колею и протекала сравнительно мирно и тихо. Многие семьи начали покидать Петербург и уезжать на Кавказ, главным образом именно на группу Минеральных Вод: Пятигорск, Ессентуки и Кисловодск, где кроме прекрасного климата и целебных вод можно было удобно устроиться.*

...Как женищина и мать Вовы, я всею душою и телом принадлежала Андрею, и в моей душе боролись чувство радости снова увидеть Андрея и чувство угрызения совести, что оставляю Сергея одного в столице, где он был в постоянной опасности. Кроме того, мне было тяжело увозить от него Вову, в котором он души не чаял. Он прямо обожал его, хотя и знал, что он не его сын. Со дня его рождения он все свое свободное время отдавал ему, занимаясь его воспитанием. Я была слишком занята во время сезона постоянными репетициями и спектаклями и совершенно не имела времени заниматься сыном, как я того хотела. Мало кто отдает себе отчет, какой огромный труд представляет собою жизнь первой артистки, какого напряжения она требует. Вова часто упрекал меня, что мало меня видит зимою.

Когда настал момент отъезда и разлуки на Николаевском вокзале и Великий Князь Сергей Михайлович стоял в своем длинном, уже штатском пальто, я видела, с какой тяжелой и безграничной грустью в глазах он смотрел нам вслед за медленно удалявшимся поездом – это была последняя с ним разлука...»⁴⁵

Великому князю Сергею Михайловичу, оставшемуся в революционном Петрограде, судьба уготовила скорый крестный путь и дикую большевистскую расправу над ним и другими членами дома Романовых в шахте Алапаевска, в июне 1918 года. Уйти от большевистской расправы ему пытался помочь Пётр Владимиров: *«Еще до переезда на дачу ко мне приехал из Сочи, где он лечился, П. Н. Владимиров и тоже поселился у меня на даче. Он вздумал кататься верхом, но это кончилось тем, что он упал с лошади, страшно расшибся и сломал себе нос. Он довольно долго пролежал, весь в перевязке, а нос так и остался приплюснутым.*

Когда жизнь у меня наладилась, кругом оказалось много петербургских знакомых и я часто ходила в гости. Меня угнетала мысль, что Великий Князь Сергей Михайлович остался в Петербурге, подвергая себя совершенно напрасно опасности. Я стала ему писать и уговаривать его приехать также в Кисловодск.

Но он все откладывал приезд, желая сперва освободить мой дом, о чем он усиленно хлопотал, а кроме того, он хотел переправить за границу оставшиеся от матери драгоценности и положить их там на мое имя. Но это ему не удалось, так как английский посол, к которому он обратился, отказался это сделать. Кроме того, Великий Князь хотел спасти мебель из моего дома и перевезти ее на склад к Мельцеру, что, кажется, ему удалось, хотя наверное не знаю. Во всяком случае, это оказалось бесполезным.

Когда П. Н. Владимиров, оправившись после своего падения, уезжал в октябре 1917 года обратно на службу в Петербург, он обещал мне помочь Великому Князю Сергею Михайловичу насколько сможет и свое обещание выполнил. Владимиров предполагал потом снова вернуться в Кисловодск, но написал мне, что он сейчас не может приехать, так как не хочет оставить Великого Князя Сергея Михайловича одного и хлопочет об его переезде в Финляндию. Из этого ничего не вышло, так как бумаги были выправлены только для Сергея Михайловича, а для его человека нет, а без него он, больной, не мог ехать. Но кроме того, Великий Князь боялся покинуть Россию, как и многие другие члены Императорской фамилии, чтобы этим не повредить положению Государя»⁴⁵

Кшесинская с сыном и великим князем Андреем Владимировичем в феврале 1920 года навсегда покинули родину, морским путём добрались до Константинополя и оттуда – во Францию, где обосновались втроем на вилле городка Кап д Ай.

Пётр Владимиров некоторое время безуспешно пытался покинуть Россию через Финляндию и только в 1921 году перебрался во Францию, а в 1934 году - в Американские Штаты, где стал одним из самых популярных балетных наставников¹⁷¹.

Русские эмигранты во Франции знали о расстреле царской семьи в доме Ипатьевых (в ночь с 16 на 17 июля 1918 года) и казни - на следующий день – у Алапаевской шахты членов дома Романовых, в числе которых был и великий князь Сергей Михайлович. Точную информацию на этот счёт Кшесинской и Андрею Владимировичу предоставил Соколов Николай Алексеевич – следователь по особо важным делам Омского окружного суда, который по поручению Верховного правителя адмирала Александра Васильевича Колчака от 19 февраля 1919 года расследовал дело о расстреле царской семьи и

алапаевских мучеников. Работу по опросу свидетелей и экспертизе материалов Соколов продолжил после эмиграции во Франции -- вплоть до загадочной смерти в ноябре 1924 года.

«Что же касается Алапаевска, то факт убийства членов Императорского Дома был доказан: тела были все найдены в шахте, осмотрены и опознаны и Соколов тут же показал нам их фотографии. При осмотре тел был составлен точный список всего на телах найденного. Беседа с Соколовым была для нас печальной, никаких надежд больше не было, все погибли.

Андрей попросил у Соколова прислать ему алапаевское следствие, что он и сделал. Мы почти целую ночь вдвоем переписывали наиболее важные документы, которые бережно храним.

Все мелкие вещи, найденные на телах, были адмиралом Колчаком пересланы Великой Княгине Ксении Александровне, которая и разослала их членам семьи по принадлежности. Так я получила то, что было найдено на Великом Князе Сергее Михайловиче, а именно:

1. Небольшой, круглый, из самородного золота медальон с изумрудом посреди. Внутри моя фотография, довольно хорошо сохранившаяся, и кругом выгравировано: «21 августа – Маля – 25 сентября», и внутри вделанная десятикопеечная серебряная монета 1869 года, года рождения Великого Князя. Этот медальон я ему подарила много лет назад.

2. Маленький золотой брелок, изображающий картофель, с цепочкой. Когда они все были молоды, они образовали с Воронцовыми и Шереметевыми так называемый «картофельный» кружок. Происхождение этого наименования туманно, но они все себя так называли, и это выражение часто встречается в Дневнике Государя при описании времени, когда он был еще Наследником.

*Больше уже никаких сомнений не было в том, что Великий Князь Сергей Михайлович убит».*⁵¹

После смерти матери Андрея Владимировича, решительно противившейся неравному браку сына, сожительствующая пара, получив позволение старших родственников князя, обвенчалась в Каннах 30 января 1921 года. Матильде Феликсовне был присвоен титул светлейшей княгини Романовской-Красинской, а ее сын Владимир был официально признан сыном Андрея Владимировича и тоже светлейшим князем.

Хотя денег у новосоставившегося семейства было мало – почти все драгоценности Матильды Феликсовны остались в России, у семьи Андрея средств тоже было немного, – Кшесинская отклоняла все предложения выступать на сцене. В 1929 году, в год смерти Дягилева, она открыла в Париже свою балетную студию. Одними из первых ее учениц были две дочери Федора Шаляпина – Марина и Дарья. Звезды английского и французского балета брали у нее уроки – Марго Фонтейн, Иветт Шовире, Памелла Мей... Дав первый урок в студии в апреле 1929 года, через несколько лет Кшесинская принимала уже сотню учеников. Весьма помогли развитию ее балетного класса другие мастера русской сцены, оказавшиеся за границей: Тамара Карсавина, Анна Павлова, Серж Лифарь, Михаил Фокин и многие другие. Впрочем, и самой Матильде Феликсовне энергии было не занимать – решив в 1936 году официально попрощаться со сценой, Кшесинская выбрала для этой цели лондонский Ковент-Гарден и так раззадорила холодную английскую публику, что та вызывала шестидесятичетырехлетнюю приму восемнадцать раз.

Кшесинская прожила почти сто лет и скончалась за несколько месяцев до юбилея. Она похоронена на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем. На ее памятнике выбита эпитафия: «Светлейшая княгиня Мария Феликсовна Романовская-Красинская, заслуженная артистка Императорских театров Кшесинская».

Сильны любовь и слава смертных дней.
И красота сильна. **Но смерть сильнее.**
Уильям Блейк

Михаил Терещенко – стезя большой политики

Об активном вхождении Михаила Ивановича Терещенко в политическую жизнь России, о подъёме его на вершину верховной государственной власти как министра Временного правительства свидетельствует управляющий этого новоявленного, недолго просуществовавшего державного органа Владимир Дмитриевич Набоков (к слову, отец русского писателя Владимира Владимировича Набокова):

«... я знал М. И. Терещенко, причём, однако, это знакомство было чисто светское.

Я сохранил о нём представление, как о блестящем молодом человеке, очень приятном в обращении, меломане и театрале, чиновнике особых поручений при Теляковском. Скачок к министру финансов Вр. Правительства бы, конечно, очень велик, и мне трудно было сочетать новую роль Терещенка со старым моим представлением о нём. Но вместе с тем, у меня не было никаких оснований ожидать от него какого-либо отношения, кроме полного дружелюбия»⁵¹

Да, не только другом муз был Михаил Иванович Терещенко, не только дела театральные, околослитературные, издательские занимали его, но и дела политические, самым что ни на есть естественным образом, втянули его в свой водоворот и, как истинно пассионарную, глубоко патриотичную личность, принудили к действию в полном соответствии со свойствами его умной, кипучей природы.

Как написано выше, первый шаг по стезе политики Терещенко сделал в начале 1911 года, когда, только приступив к преподаванию в Московском университете, он, вместе с коллегами-преподавателями и студентами, принял протестное участие в так называемом «деле Кассо» (мною выше описанном).

И можно осторожно предположить, что, далее, мощной политической пружиной, вытолкнувшей Терещенко на пик верховной власти России, стало масонство, в котором он, к моменту указанной пертурбации занимал видное положение, и катализатором такого подъёма, безусловно, стало гигантское состояние молодого политика, его мощный аналитический ум и уверенная деловая хватка.

**Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые**

Если дешифровать это поэтическое изящество Тютчева применительно к рассматриваемым в этом тексте событиям, то следует, безусловно, понимать образно за «минуту роковую» революционный, братоубийственный слом социального устройства России, начавшийся в трагическом для государства 1917 году. Слом,

причиной которому, помимо обстоятельств объективного свойства, стало обстоятельство субъективного свойства – бездарное, самоубийственное правление последнего из Романовых – Николая Второго.

Цесаревич Николай Александрович в Японии

К смене титула «цесаревич» на титул «царь», случившейся по кончине императора Всероссийского Александра Третьего (20 октября 1894 года) его старший, двадцатилетний сын и наследник престола Николай подошёл глубоко и всесторонне образованным человеком, уже получившим некоторые опыты державного управления – став совершеннолетним, принимал участие в заседаниях Государственного совета, Кабинета министров; по предложению министра путей

сообщения Сергея Юльевича Витте в 1892 году был назначен председателем комитета по постройке Транссибирской железной дороги. По достижении шестнадцатилетия Николай был приписан к Преображенскому полку, в котором за восемь лет беспорочной службы прошёл путь от младшего офицера до полковника.

Были в образовательной программе будущего монарха и ознакомительные объезды губерний России, которые он совершал вместе с отцом, а в 1901 году он на крейсере «Память Азова», в составе специально сформированной эскадры совершил морское путешествие на Дальний Восток, посетив по пути многие страны Европы и Азии, завершив свой вояж в Японии.

В Стране восходящего солнца, в небольшом городке Оцу, в мае 1891 года, цесаревича чуть было не зарубил самурайским мечом местный полицейский, стоявший в оцеплении вдоль улочки, по которой перемещалась кавалькада джинриков, перевозивших высокородного гостя и его свиту. Японец рубил со спины по голове, но Николай, будто почуяв опасность, в момент нападения повернулся в сторону нападавшего и, чуть сместив в сторону голову, ослабил силу безусловно смертельного удара; далее нападавшего нейтрализовал кто-то из свиты цесаревича.

Чуть было не лишилась Россия ей предназначавшегося наследника престола и таковым, в случае его потери, мог стать следующий по старшинству сын Александра Третьего, Георгий. Тот, кстати, изначально был в составе этой дальневосточной экспедиции, но по пути, почувствовав себя плохо (чахотка уже вцепилась в него), снялся с маршрута и вернулся в Петербург. (Скончался он 1899 году.)

Коронация, Ходынка

Первым публичным выступлением императора в Петербурге стала его речь, произнесённая 17 января 1895 года в Николаевском зале Зимнего дворца перед депутациями дворянства, земств и городов, прибывшими «для выражения их величествам верноподданнических чувств и принесения поздравления с бракосочетанием». Лист с текстом заранее написанной речи был вложен в круглую барашковую шапку, которую молодой царь держал в руке и в которую он, временами заглядывая, выхватывая для произношения очередной фрагмент.

Один из таких произнесённых фрагментов гласил: *«Мне известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекавшихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земства в делах внутреннего управления. Пусть все знают, что я, посвящая все свои силы благу народному, буду охранять начала самодержавия так же твёрдо и неуклонно, как охранял его мой незабвенный, покойный родитель»*⁵⁴.

Полагали промонархически настроенные современники, что согласно заранее заготовленной шпаргалке, «обожаемый монарх» хотел сказать: «беспочвенные мечтания» (в смысле – не соответствующие русским национальным традициям), но от переполнявшего его волнения ошибся.

В начале 1910-х годов представитель левого крыла кадетов Виктор Петрович Обнинский так оценил эту программную речь Николая Второго: *«Уверяли, что в тексте стояло слово „несбыточными“.* Но как бы там ни было, оно послужило началом не только всеобщего охлаждения к Николаю, но и заложило фундамент будущего освободительного движения, сплотив земских деятелей и внушив им более решительный образ действий. <...> Выступление 17 (29) января 1895 года можно считать первым шагом Николая по наклонной плоскости, по которой он продолжает катиться и доселе, всё ниже спускаясь во мнении и своих подданных, и всего цивилизованного мира»⁵³.

Историк Сергей Сергеевич Ольденбург по этому же поводу высказался так:
«Русское образованное общество, в своём большинстве, приняло эту речь как вызов себе... Речь 17 января рассеяла надежды интеллигенции на возможность преобразований сверху. В этом отношении она послужила исходной точкой для нового роста революционной агитации, на которую снова стали находить средства»⁵⁴

Яркий представитель консервативных кругов, Ober-прокурор Святейшего Синода Константин Петрович Победоносцев одобрил речь, но с тревогой отмечал, что «повсюду в молодёжи и интеллигенции идут толки с каким-то раздражением против молодого государя»⁵⁵

**В те годы дальние, глухие,
В сердцах царили сон и мгла:
Победоносцев над Россией
Простер совиные крыла,
И не было ни дня, ни ночи
А только — тень огромных крыл;
Он дивным кругом очертил
Россию, заглянув ей в очи
Стеклянным взором колдуна...
(Александр Блок)**

В первый день 1896 года был издан Высочайший манифест «О предстоящем Священном Короновании Их Императорских Величеств, согласно которому церемония коронации должна была состояться в мае. К этому времени Именным Высочайшим указом Правительствующему сенату в Москву были призваны сословные и другие представители Российской империи. Обязанности по приготовлению к Коронации Именным Высочайшим Указом были возложены на Министерство Императорского двора, на базе которого были организованы Коронационная комиссия и Коронационная канцелярия.

(Венчанием на царство или Священным коронованием именовалась церемония коронации русских царей, введённая ещё во времена последних Рюриковичей (конец пятнадцатого века); церемония включала в себя обряд помазаний на царство.)

Но, кажется, подготовка к коронации началась задолго до издания манифеста на этот счёт, о чём свидетельствует запись в дневнике госпожи Богданович:

«25 марта 1895 года

Всех поражает рескрипт царя московскому генерал-губернатору вел. кн. Сергею Александровичу: «Оказывать полное содействие в Москве министру двора в коронационных приготовлениях». Это приводит всех в недоумение. Евреинов сказал, что слышал (от вел. кн. Сергея Александровича, который его приятель по полку), что для убранства потребовали невероятное количество кумачу – больше миллиона аршин, кумач стоит обыкновенно 22 коп. самый лучший, а тут его купили по 75 коп.; сколько, значит, денег осталось в кармане»⁴⁷

Александра Викторовна Богданович (урождённая Бутковская), автор мемуарной книги (собственных дневников) «Три последних самодержца». Вместе с мужем была хозяйном одного из крупнейших салонов Санкт-Петербурга с серьёзным политическим правым уклоном (дом номер девять «Мятлевых» у Исаакиевской площади).

Запись в дневнике Александры Викторовны от 27 января 1881 года передаёт прелюбопытнейшие слухи об изначально своеобразно устроившейся – в Царском Селе - брачной жизни Елизаветы Фёдоровны, старшей сестры Александры Фёдоровны (тогда просто Алисы): «Говорили, что там известно, что, что Сергей Александрович живёт со своим адъютантом Мартыновым, что жене не раз предлагал выбрать себе мужа из окружающих её людей».⁴⁷

**А впрочем, прихоти не знают меры,
Любовь впадает в ереси, как вера
(Байрон)**

К сказанному можно добавить оценку великого князя Сергея Александровича, данную Феликсом Юсуповым, зятем великого князя Александра Михайловича (Сандро) и великой княгини Ксении Александровны: «Его манеры казались мне странными, и мне не нравилось то, как он на меня смотрел. Он носил корсеты, а когда на нём была его летняя одежда, за белой льняной рубашкой просматривались все его кости. Будучи маленьким, я забавлялся тем, что постоянно трогал их, что, конечно, сильно его раздражало»⁵⁶

Из дневниковой же записи госпожи Богданович от 1 ноября 1895 года можно узнать, что ещё до коронавания новая царица стала, мягко выражаясь, малосимпатичной петербуржцам: «Молодая царица так избалована, что ей ничто не по вкусу, самые дорогие бриллианты и проч. – всё ей мало, всё не нравится. Молодой Ванновский сказал про молодую царицу, что в Петербурге её называют горбом царя, что её терпеть не могут, что маленький сад, который по её желанию устроили вокруг Зимнего дворца, сделал её ещё более ненавистной народу, так как город ради этого сада обложил лишним рублём мещанское сословие»⁴⁷.

Коронация императора Николая Александровича и императрицы Александры Фёдоровны (последняя в истории Российской империи) состоялась во вторник 14

мая 1896 года. Священнодействие началось в 10 часов утра на специально возвышенном помосте, устроенном посредине собора. Перед началом коронавания император занял трон царя Михаила Фёдоровича (первого из династии Романовых), вдовствующая императрица Мария Фёдоровна – трон Алексея Михайловича Тишайшего, императрица Александра Фёдоровна – трон великого князя Иоанна Третьего.

После священнодействия, в тот же день в Грановитой палате Кремля состоялась Царская трапеза, на которой присутствовали приглашённые лица из российских подданных; иностранцев же, по традиции угощали в других местах дворца.

Народ решено было угостить «по-царски» 18 мая, на окраинном Ходынском поле, на котором спешно выстроили павильоны, балаганы, временные «театры», лавки и специальные бараки (для бесплатного разлива тридцати тысяч вёдер пива и десяти тысяч вёдер хмельного меда) да полторы сотни ларьков для раздачи бесплатных сувениров,

«Царский гостинец» включал в себя: памятную коронационную эмалированную кружку с вензелями Их Величеств; фунтовую сайку из крупитчатой муки, изготовленную «Поставщиком двора Его Императорского Величества» булочником Дмитрием Ивановичем Филипповым; три четверти фунта сладостей, упакованных в бумажный мешочек с тиснённым на нём изображением императорской пары. Весь сувенир (кроме сайки) завязывался в яркий ситцевый, выполненный на Прохоровской мануфактуре платок, на котором были напечатаны: с одной стороны вид Кремля и Москва-реки, с другой — вновь портреты героев события

Народное гуляние было назначено на десять часов утра 18 мая, но уже вечером предшествующего событию дня со всей Москвы и округи на Ходынское поле двинулись тысячи людей и многие - целыми семьями. В 5 часов утра на поле собралось около полумиллиона людей.

Свидетелем событий на Ходынском поле стал московский репортёр Владимир Алексеевич Гиляровский (знаменитый «Дядя Гиляй») сам едва не погибший на месте события. По его свидетельству, Ходынское поле, несмотря на большие размеры, было не лучшим местом для больших скоплений народа. Рядом с полем проходил овраг, а на самом поле было много промоин и ям после

добычи песка и глины. Кроме того, было на Ходынке немало и плохо заделанных колодцев, на которые в обычные дни не обращали внимания.

Дядя Гиляй писал: *«Вдруг загудело. Сначала вдали, потом кругом меня. Сразу как-то... Визг, вопли, стоны. И все, кто мирно лежал и сидел на земле, испуганно вскочили на ноги и рванулись к противоположному краю рва, где над обрывом белели будки, крыши которых я только и видел за мельтешащимися головами. Я не бросился за народом, упирался и шёл прочь от будок, к стороне скачек, навстречу безумной толпе, хлынувшей за сорвавшимися с мест в стремлении за кружками. Толкотня, давка, вой. Почти невозможно было держаться против толпы. А там впереди, около будок, по ту сторону рва, вой ужаса: к глиняной вертикальной стене обрыва, выше роста человека, прижали тех, кто первый устремился к будкам. Прижали, а толпа сзади всё плотнее и плотнее набивала ров, который образовал сплошную, спрессованную массу воющих людей»⁵⁷.*

По свидетельству очевидцев и данным полиции, катализатором событий стали слухи о том, что буфетчики раздают подарки среди «своих» и потому на всех подарков не хватит.

Раздражённые многочасовым ожиданием люди двинулись к ларькам. Начался штурм, давка захлестнула всех. Те, кто обслуживали палатки, понимая, что не смогут сдержать напор, начали бросать кульки с подарками в толпу и еще больше подлили масла в огонь.

Зажатые в толпе участники гуляний, не видя, куда идут, стали падать в рвы, на них валились следующие - нижних буквально затапывали. Крики ужаса лишь усиливали панику и хаос. Под давлением огромной людской массы не выдержали плохо заделанные колодцы, в которые также стали проваливаться люди. Из одного из таких колодцев, ставших ловушками, полицейские затем извлекли несколько десятков трупов и одного раненого, практически обезумевшего от пережитого.

«Рассвело. Синие, потные лица, глаза умирающие, открытые рты ловят воздух, вдали гул, а около нас ни звука. Стоящий возле меня, через одного, высокий благообразный старик уже давно не дышал: он задохся молча, умер без звука, и похолодевший труп его колыхался с нами. Рядом со мной кого-то рвало. Он не мог даже опустить головы», — писал Владимир Гиляровский.

Дядю Гиляя спасло вмешательство подоспевшего казачьего патруля, который прекратил доступ на Ходынку вновь прибывающим и принялся «разбирать снаружи эту народную стену». Тем, кто, как Гиляровский, оказался не в самом эпицентре людского моря, действия казаков помогли спастись от смерти.

Гиляровский, выбравшийся из давки, отправился домой, чтобы привести себя в порядок, но уже спустя буквально три часа вновь появился на Ходынском поле, дабы увидеть результаты происшедшего утром.

По Москве уже поползли слухи о сотнях погибших. Те, кто ещё не знал об этом, двигались в сторону Ходынки, чтобы принять участие в гуляниях, а навстречу им тянулись истерзанные и полуживые люди, нёсшие в руках так дорого доставшиеся им «царские гостиницы». Также с Ходынки ехали и телеги с трупами — власти отдали распоряжение как можно скорее избавиться от следов давки.

«Описывать выражение лиц, описывать подробности не буду. Трупов сотни. Лежат рядами, их берут пожарные и сваливают в фуры. Ров, этот ужасный ров, эти страшные волчьи ямы полны трупами. Здесь главное место гибели. Многие из людей задохлись, ещё стоя в толпе, и упали уже мёртвыми под ноги бежавших сзади, другие погибли ещё с признаками жизни под ногами сотен людей, погибли раздавленными; были такие,

которых душили в драке, около будочек, из-за узелков и кружек. Лежали передо мной женщины с вырванными косами, со скальпированной головой. Многие сотни! А сколько ещё было таких, кто не в силах был идти и умер по пути домой. Ведь после трупы находили на полях, в лесах, около дорог, за двадцать пять вёрст от Москвы, а сколько умерло в больницах и дома!» — свидетельствует Владимир Гиляровский.

В давке на Ходынском поле, по официальным данным, погибло около тысячи четыреста человек, сотни получили увечья. О случившемся доложили Николаю Второму и его дяде, московскому генерал-губернатору великому князю Сергею Александровичу. Несмотря на происшедшее, запланированные гуляния отменены не были. В два часа дня император с супругой посетили Ходынское поле и «были встречены громовым ура и пением гимна». В тот же день торжества продолжились в Кремлёвском дворце, а затем балом на приёме у французского посла.

Вот запись из дневника Николая Второго в этот день: «До сих пор всё шло, слава Богу, как по маслу, а сегодня случился великий грех. Толпа, ночевавшая на Ходынском поле, в

ожидании начала раздачи обеда и кружки, напёрла на постройки, и тут произошла страшная давка, причём, ужасно прибавить, потоптано около 1300 человек!! Я об этом узнал в 10 1/2 ч. перед докладом Ванновского; отвратительное впечатление осталось от этого известия. В 12 1/2 завтракали, и затем Аликс и я отправились на Ходынку на присутствие при этом печальном «народном празднике». Собственно, там ничего не было; смотрели из павильона на громадную толпу, окружавшую эстраду, на которой музыка всё время играла гимн и «Славься». Переехали к Петровскому, где у ворот приняли несколько депутаций и затем вошли во двор. Здесь был накрыт обед под четырьмя палатками для всех волостных старшин. Пришлось сказать им речь, а потом и собравшимся предводителям двор. Обойдя столы, уехали в Кремль. Обедали у Мама в 8 ч. Поехали на бал к

Montebello. Было очень красиво устроено, но жара стояла невыносимая. После ужина уехали в 2 ч.»⁵⁸

Большинство трупов погибших, которых не опознали на месте, отвезли на Ваганьковское кладбище, где состоялось их массовое захоронение. Императорская семья пожертвовала в пользу пострадавших девяносто тысяч рублей, разослала тысячу бутылок мадеры для пострадавших по больницам, посетила раненых, находившихся на лечении в стационарах.

Нежелание властей менять программу торжеств даже после массовой гибели людей было воспринято в обществе отрицательно. Генерал Алексей Куропаткин в своих дневниках писал о реакции представителей царской фамилии на случившееся: «Великий князь Владимир Александрович сам возобновил со мною разговор, передав сказанные ему в этот вечер слова герцога Эдинбургского, что при праздновании 50-летия царствования Виктории было 2500 человек убитых и несколько тысяч раненых, и никто этим не смущался». Были слова герцога Эдинбургского сказаны в самом деле, или они являются выдумкой, но «не смущаться» гибелью тысяча четыреста человек на Ходынке российское общество оказалось не готово»⁵⁹.

Строго говоря, *царская* пара, пребывавшая в крайне подавленном состоянии, намеревалась отказаться от поездки на бал, который давал в тот вечер французский посол. Но дядя царя, генерал-губернатор Москвы великий князь Сергей (и муж сестры царицы – Эллы) заявивший, что подобный демарш может оскорбить французов, настоял на присутствии царской четы на балу и его коронованный племянник, нерешительный и колеблющийся, в конце концов уступил. Его сестра, великая княгиня Ксения и её муж Сандро (великий князь Александр Михайлович, внук Николая I) пришли в глубокое смятение. *«Мои братья не могли сдержать своего негодования, и все мы единодушно требовали немедленной отставки Великого князя Сергея Александровича и прекращения коронационных торжеств, - писал Сандро в мемуарах. Произошла тяжёлая сцена. Старшее поколение Великих князей всецело поддержало московского генерал-губернатора... Вечером Император Николай II присутствовал на балу, данном французским посланником. Сияющая улыбка на лице Великого князя Сергея заставляла иностранцев высказывать предположения, что Романовы лишились рассудка. Мы, четверо, покинули большую залу в тот момент, когда начались танцы, и этим тяжело нарушили правила придворного этикета»*⁶⁰.

За генерал-губернатором Москвы закрепилось прозвище «князя Ходынского». Что касается самого императора, то, согласно одной из версий, именно после Ходынки его впервые называли Николаем Кровавым.

«Меня окружили наборщики с вопросами и заставили прочитать. Ужас был на всех лицах. У многих слёзы. Они уже знали кое-что из слухов, но всё было туманно. Пошли разговоры.

— На беду это! Не будет проку в этом царствовании! — самое яркое, что я слышал от старика наборщика. Никто не ответил на его слова, все испуганно замолчали... и перешли на другой разговор», — вспоминал Владимир Гиляровский.

К десятилетию коронации Константин Бальмонт написал стихотворение «Наш царь»:

Наш царь - Мукден, наш царь - Цусима,
Наш царь - кровавое пятно,
Зловонье пороха и дыма,
В котором разуму - темно...
Наш царь - убожество слепое,
Тюрьма и кнут, подсуд, расстрел,
Царь-висельник, тем низкий вдвое,
Что обещал, но дать не смел.
Он трус, он чувствует с запинкой,
Но будет, час расплаты ждёт.
Кто начал царствовать - Ходынкой,
Тот кончит - встав на эшафот.

Война с Японией

Предыстория, история и результаты Русско-японской войны 1904 – 1905 годов, казалось бы, достаточно полно и красочно выписанные в специальных исследованиях,

исторических очерках, художественной литературе, тем не менее, содержат в себе факты и события, весьма скудно известные широкому кругу читателей. Мало кто из любителей отечественного прошлого знает, что действия Англии (и Американских штатов) стали корневой причиной формального поражения России в этой войне. Да, именно формального, ибо победы японцев в морских сражениях, достаточно сильно их истощившие, отнюдь не были их итоговой викторией – и кто знает, как обернулось бы для них дальнейшее военное противостояние с мощным, богатым людскими, природными и материальными ресурсами на суше государством.

Россия могла продолжать войну и одержать в ней победу на сухопутном театре военных действий, но её монарх, её правительство, поддавшись давлению «миротворцев», прежде всего, - американцев, согласилось на мир с Японией (и тем заложили фугас свергающей силы под монархический строй страны, в своё общественно-политическое будущее.

В русско-японском противостоянии Англия была нейтральной де-юре, но никак не де-факто и подтверждением последнего стал подписанный в начале 1902 года англо-японский договор, откровенно – по духу и по букве - направленный против России. Договор этот давал Токио возможность начать войну с Российской империей, зная, что ни одна держава (к примеру, Франция, с которой Россия с 1891 года состояла в союзе) не окажет союзнику вооружённой поддержки, могущей перерасти в войну не только с Японией, но и с Британской империей. Дабы Япония могла сосредоточить все силы для ведения ею развязанной войны, Лондон обезопасил её тыл мощью своей, дислоцированной в китайском порту Вейхайвей, эскадры, состоявшей из пяти новейших броненосцев, крейсеров, эскадренных миноносцев и других судов. И небезынтересно отметить, что после поражения русского флота при Цусиме все, исполнившие роль «сдерживающей силы», британские броненосцы ушли с Дальнего Востока в метрополию .

Флот боевых кораблей Япония начала строить ещё в восьмидесятых годах девятнадцатого века, опираясь в первую на политическую поддержку бриттов, видевших в военной (и в первой очереди - морской) силе японцев противодействие возможному в будущем альянсу России и Китая. Поскольку судостроительная промышленность Японии на то время не могли-а реализовать задуманную правительством программы-у модернизации военного флота, заказы на изготовление судов размещались на стапеля-х других стран – преимущественно Англии, при её мощной материально-финансовой поддержке. Были в числе и боевые суда (крейсера) Чили и Аргентины, не выкупленные правительствами этих стран, но перекупленные по сложным организационно финансовым схемам японцами. Довелось и правительству России, в первых годах двадцатого века безрезультатно поучаствовать в приобретении отказных южноамериканских судов; об этом, как неудавшейся для морских чиновников России «панаме», пишет в своих воспоминаниях Витте.

Теперь, возвращаясь к началу военного противостояния России с Японией.

В продвижении России на Восток – в том числе, на Дальний – в присоединении и освоении ею громадных территорий, заселённых народами, стоящими на низкой ступени общественного развития, был естественный процесс разрастания мощного государственного тела. Но когда это расширение затронуло рубежи и интересы старинных державных образований – слабосильных Китая, Кореи и доминирующей

**в регионе Японии возникли серьёзные осложнения, закончившиеся войной со
Страной восходящего солнца.**

Уже после кремлёвской коронации, 22 мая 1896 года в Москве был подписан договор между Россией и Китаем о военном союзе против Японии, предусматривавший, в том числе, согласие китайской стороны на сооружение железной дороги через Маньчжурию до Владивостока. Осенью того же года правительство Китая и Русско-Китайский банк подписали концессионный договор о строительстве Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), а весной 1898 года правительства двух стран заключили конвенцию, по которой России на двадцать пять лет предоставлялись в арендное пользование порты Порт-Артура (Люйшуня) и Дальнего (Даляня) с прилегающими территориями и акваториями и давалось право ответить КВЖД к этим портам.

Россия с некоторым опозданием присоединилась к пулу цивилизованных держав (прежде всего – Англии, Франции), активно и с большой выгодой внедрявшихся в экономическую, внутреннюю жизнь фактически полукOLONиального Китая. Указанное обстоятельство, в итоге, привело к взрывному проявлению недовольства патриотически настроенной части населения древнейшего государства. Вспыхнувшее так называемое «восстание боксёров» было подавлено войсками России, ряда европейских держав, Американских Штатов и Японии. Следствием этого силового замирения стала экспансия Японии в Маньчжурию, Корею, Северный Китай и создание марионеточного государства Маньчжоу-го (к слову, ликвидированного только в конце Второй мировой войны).

Но самым страшным последствием стала Русско-японская война.

Россия, получив в 1898 году от Китая в пользование Порт-Артур, взяла под контроль часть Манджурии и Кореи и тем вызвала недовольство Японии, потребовавшей убрать оккупационные войска с левого берега реки Ялу, пограничной между Китаем и Кореей.. Кроме этого раздражала японцев лесная концессия на Ялу, которая была заключена на двадцатилетний срок между правительством Кореи и владивостокским купцом Юлием Бринером.

В своё время Сергей Юльевич Витте предупреждал царя о том, что подобные провокационные действия России могут привести к войне с Японией. Он не разделял мнения министра внутренних дел Плеве, что «маленькая победоносная война» решит все внутренние проблемы России и предотвратит угрозу революции. Японцы же ещё могли как-то смириться с присутствием России в Маньчжурии, но только не в Корее, насчёт которой и сами имели определённые территориальные амбиции.

Мнение Витте по указанному вопросу разделяли вдовствующая императрица Мария Фёдоровна, и военный министр генерал Куропаткин, и министр иностранных дел граф Ламздорф. Николай II, шарахавшийся из стороны в сторону, чёткой позиции по этому вопросу не имел.

Многократные обещания России отвести войска от реки Ялу остались только благими намерениями (коими, как известно, вымощена дорога в ад) и двусторонние переговоры по этому поводу ни к чему не привели. В итоге, 24 января 1904 года японский посол вручил русскому министру иностранных дел Владимиру Николаевичу Ламздорфу ноту о прекращении ведшихся переговоров между двумя странами (Япония считала их бесполезными) и о разрыве дипломатических отношений с Россией. Япония отзывала свою дипломатическую миссию из Петербурга и оставляла за собой право защитить свои интересы «независимыми

действиями», которые она сочтёт необходимыми. Витте нисколько не сомневался, по чьей вине, по чьему безразличию и самонадеянности переговоры зашли в тупик: «О том, что император не ожидал нападения, можно судить на основании хотя бы того факта, что в сентябре он уехал в Дармштадт и вернулся в Петербург лишь поздней осенью». ⁶¹

В ночь с 26 на 27 января (с 8 на 9 февраля) 1904 года, не дожидаясь объявления войны, японские миноносцы внезапно атаковали Тихоокеанский флот на рейде Порт-Артура и вывели из строя лучшие российские броненосцы «Ретвизан» и «Цесаревич», а также крейсер «Паллада». 27 января (9 февраля) эскадра контр-адмирала Уриу (шесть крейсеров и восемь миноносцев) напала на крейсер «Варяг» и канонерку «Кореец» в корейском порту Чемульпо - после недолгого, но яростного боя русские корабли были затоплены своими командами. Тяжёлым ударом для России стала гибель командующего Тихоокеанской эскадрой выдающегося флотоводца Степана Осиповича Макарова (вместе с адмиралом, при подрыве броненосца «Петропавловск» на mine на внешнем рейде Порт-Артура погиб художник-баталист Василий Васильевич Верещагин). В тот же день Россия объявила войну Японии.

Эта война стала настоящей катастрофой для России. Крайняя удалённость Дальнего Востока от основной, центральной части страны означала, что только дислоцированные в этом отдалении русские войска могли дать японцам бой – требовалось немалое время для переброски к театру военных действий, по однокорейской Сибирской железной дороге, протяжённостью более четырёх тысяч километров, остальных армий и необходимого материального фронтального обеспечения.

С началом боевых действий японцам удалось завоевать господство на море и, высадив крупные силы на континенте, развернуть наступление на русские войска в Маньчжурии и на Порт-Артур. Командовавший Маньчжурской армией генерал Алексей Николаевич Куропаткин действовал крайне нерешительно, в результате чего кровопролитное сражение под Ляояном, в ходе которого японцы понесли огромные потери, не было использовано им для перехода в наступление (чего крайне опасался противник) и завершилось отводом русских войск.

В июле 1904 года японцы осадили Порт-Артур, пятимесячная оборона которого стала одной из ярких страниц русской военной истории. Её героем стал генерал Роман Исидорович Кондратенко, погибший в конце осады. Овладение Порт-Артуром дорого стоило японцам, которые под его стенами потеряли более ста тысяч человек. Вместе с тем, взяв крепость, противник смог усилить свои войска, оперировавшие в Маньчжурии. Стоявшая в Порт-Артуре эскадра была фактически уничтожена еще летом 1904 года в ходе её неудачных попыток прорваться во Владивосток.

Сам же Николай Второй, согласно его дневниковой записи, всё «списал» на волю Божью: «21-го декабря. Вторник. Получил ночью потрясающее известие от Стесселя о сдаче Порт-Артура японцам ввиду громадных потерь и болезненности среди гарнизона и полного израсходования снарядов! Тяжело и больно, хотя оно и предвиделось, но хотелось верить, что армия выручит крепость. Защитники все герои и сделали более того, что можно было предполагать. На то значит воля Божья!»⁶²

После падения Порт-Артура «упала» в общественном мнении России прежде доминировавшая вера в благополучный исход военных действий на дальних державных рубежах, и только Император и Самодержец Всероссийский ещё некоторое время не считал дальневосточную кампанию проваленной

В феврале 1905 года произошло Мукденское сражение, разыгравшееся на более чем стокилометровом фронте и продолжавшееся три недели. С обеих сторон в нем участвовало свыше полумиллиона человек при двух с половиной тысячах орудиях. Здесь русская армия потерпела тяжелое поражение. После этого война на суше начала затихать. Численность русских войск в Маньчжурии постоянно увеличивалась, однако боевой дух армии был подорван, чему в большой мере способствовала начавшаяся в стране революция. Японцы, понесшие огромные потери, также не проявляли активности.

Тихо вокруг, сопки покрыты мглой,
Вот из-за туч блеснула луна,
Могилы хранят покой.
Белеют кресты - это герои спят.

Прошлого тени кружат давно,
О жертвах боев твердят.
Тихо вокруг, ветер туман унес,
На сопках Маньчжурии воины спят
И русских не слышно слез...

В апреле 1904 года начальнику Главного морского штаба Зиновию Петровичу Рожественскому (с сентября этого же года – вице-адмиралу) поручили подготовку и командование Второй Тихоокеанской эскадрой из восьми крейсеров, восьми миноносцев и ряда вспомогательных судов. В задачи эскадры входил переход из Балтики в Тихий океан, помощь осажденному Порт-Артуру и сражение с японским флотом.

Рожественский с самого начала не верил в успех похода. Великий князь Александр Михайлович (Сандро) так описывает беседу с Рожественским и морским министром Авеланом до начала похода: *«Рожественский ... заявил, что готов немедленно отправиться в Порт-Артур и встретиться с японцами лицом к лицу. Его почти нельсоновская речь звучала комично в устах человека, которому была вверена почти вся власть над нашим флотом. Я напомнил ему, что Россия вправе ожидать от своих морских начальников чего-нибудь более существенного, чем готовности пойти ко дну.*

— Что я могу сделать,— воскликнул он: — общественное мнение должно быть удовлетворено. Я знаю это. Я вполне отдаю себе отчет в том, что мы не имеем ни малейшего шанса победить в борьбе с японцами.

— Отчего вы не думали об этом раньше, когда высмеивали моряков микадо?

— Я не высмеивал,— упрямо возразил Рожественский: — Я готов на самую большую жертву. Это тот максимум, который можно ожидать от человека.

И этот человек с психологией самоубийцы собирался командовать нашим флотом!»⁶⁰

В октябре 1904 года Вторая Тихоокеанская эскадра вышла в поход – без надёжных баз снабжения, при плохой выучке экипажа. Рожественский, считавший поставленную задачу практически невыполнимой, во время перехода обращался в Петербург с рапортом об отставке и намёками на необходимость вернуть эскадру. Уже после войны он писал: *«Будь у меня хоть искра гражданского мужества, я должен был бы кричать на весь мир: берегите эти последние ресурсы флота! Не отсылайте их на истребление! Но у меня не оказалось нужной искры».*⁶³

Эскадре предстоял громадный переход в условиях исключительной трудности, так как на всем протяжении пути от Либавы до Тихого океана она не имела ни одной базы. Ей предоставлялось пользоваться якорными стоянками постольку, поскольку тому не будут препятствовать нейтральные страны. Снабжение эскадры углем находилось в полной зависимости от добросовестности поставщиков-иностранцев. Ни дока, ни серьезного ремонта в случае аварий, эскадра получить не могла. (К слову, кузен Вилли, он же кайзер Вильгельм Второй, в обеспечении эскадры топливом пришёл на помощь своему кузену Ники, самодержцу Всероссийскому Николаю Второму – торговые корабли немецкого торгового флота, конечно, по всем правилам гешефта снабжали углём Вторую эскадру в своих территориальных водах – родных балтийских и колониальных, у Юго-Западной Африки.)

По приходе к марокканскому Танжеру, эскадра разделилась. Часть судов, осадка которых позволяла пройти через Суэцкий канал, пошла под командой адмирала Фелькерзама этим путем. Рождественский с главными силами пошел кругом Африки. Оба отряда соединились на Мадагаскаре 25 декабря 1904 года и дальше, к дальневосточным берегам двинулись вместе, сопровождаемые японскими кораблями-шпионами.

Исход войны решило морское сражение при Цусиме. К тому времени как русские суда достигли японских территориальных вод, враг уже ожидал их во всеоружии. В два часа дня 14 мая 1905 года на выходе из Цусимского пролива, между Японией и Кореей, русская эскадра была встречена японскими броненосцами и броненосными крейсерами.

Восемь русских броненосцев вынуждены были перестроиться в одну кильватерную колонну. Когда расстояние между японскими кораблями и русской эскадрой сократилось до четырёх морских миль, командующий японским флотом адмирал Того приказал открыть огонь. В ходе завязавшегося сражения был выведен из строя и потоплен флагманский корабль «Князь Суворов», сам вице-адмирал Рождественский получил тяжёлое ранение в голову. Управление эскадрой было потеряно через двадцать минут после начала боя. К утру 15 мая Вторая тихоокеанская эскадра перестала существовать. Миноносец «Бедовый», на котором находился раненый Рождественский и другие раненые русские офицеры, был сдан японцам и позднее служил в японском императорском флоте.

23 августа 1905 года в Портсмуте представители России Сергей Юльевич Витте (Председатель совета министров) и Роман Романович Розен, посол России в Соединённых Штатах Америки, подписали с полномочными представителями Японии мирный договор, по условиям которого признала Корею сферой влияния Японии, одновременно уступая ей Южный Сахалин и права на Ляодунский полуостров с городами Порт-Артур и Дальний.

Интересны воспоминания и оценки событий Русско-японской войны от Александра Николаевича Бенуа, из его мемуарной книги «Мои воспоминания»:

«Новый 1904 год начался фортиссимо — с грохота внезапно начавшейся войны с японцами. Это произошло совершенно неожиданно для нас, для всего нашего круга. Но как будто не совсем подготовлены были к тому и другие круги — те, “кому ведать надлежит”. Это была первая настоящая война, в которую была втянута Россия после 1878 г., но за совершенно настоящую ее никто вначале не считал, а почти все отнесли к ней с удивительным легкомыслием — как к какой-то пустяшной авантуре, из которой Россия, не может не выйти победительницей. Подумайте. Эти нахалы япошки, макаки желтомордые, и вдруг полезли на такую махину, как необъятное государство Российское с его более чем стомиллионным населением.

У меня и у многих зародилось даже тогда подобие жалости к этим “неосторожным безумцам”. Ведь их разобьют в два счета, ведь от них ничего не останется, а если война перекинется к ним на острова, то прощай все их чудесное искусство, вся их прелестная культура, которая мне и друзьям особенно полюбилась за последние годы. Полюбилась она настолько, что многие из нас обзавелись коллекцией японских эстампов, а Хокусай, Хиросиге, Куниоси, Утамаро стали нашими любимцами. Как раз за год до войны Грабарь привел ко мне одного странствующего японского антиквара, у которого мы все купили тогда по довольно сходным ценам прекрасные листы и восхитительные нетцке. Потом разнеслась молва, что наш торговец был шпион; но никому во время его бытности в Петербурге подобное не приходило в голову...

Недолго, однако, пребывало русское общество в неведении настоящей силы нового, презренного врага. Пока получились первые известия о поражениях, общее настроение оставалось оптимистическим; общий интерес сосредоточился на осаде Порт-Артура, а в надежности этой твердыни все были уверены — благо там командовал такой архигерой, как Стессель. А вообще дело представлялось так: где-то “у черта на куличках” идет какая-то свара, в которой мы ничуть не повинны; туда отправлены одни только армейские полки, столичным людям мало знакомые, предводительствуемые неизвестными командирами; дело это, как всякое кровопролитное, быть может, и жестокое, дикое и нелепое, но нас, живущих за тридевять земель, оно мало касается.

И вот, постепенно положение стало меняться, а после гибели “Петропавловска” и битв при Ляояне и Мукдене, после ряда отходов “на заранее укрепленные позиции” — японцы “макаки” перестали быть смешными, русское общество вспомнило о воинском духе и воинских доблестях этой “страны самураев”, и поняло, что надо дать достойный отпор. Тут и дамы принялись за дело, одни из действительного чувства долга, другие из подражания и чего-то вроде моды. Война становилась в некотором смысле “популярной”, перестала быть каким-то “колониальным недоразумением”. Тут же стали с каждой неделей все громче и громче раздаваться голоса, твердившие, что мы-де не были приготовлены, что это преступление, что война эта следствие какой-то гнусной аферы, дело рук каких-то алчных высокопоставленных хищников. Параллельно шло разочарование в тех, кому выдалось трудное дело руководить военными действиями. Подвергалось критике “кунктаторство” (вынужденное кунктаторство) генерала Куропаткина, и совсем без доверия относилась интеллигенция к тому энтузиазму, который старались раздуть в войсках “представители официальной мистики” посредством молебнов, крестных ходов и раздачи икон и т. д. ... Где-то глухо раздавались увещевания и прорицания старца из Ясной Поляны, которые, распространяясь по всей России, будили совесть и напоминали о заветах Христа... С другой стороны, не было никакой возможности сразу со всем покончить — раз еще далеко не все ресурсы были исчерпаны и страна в целом не испытывала каких-либо тяжких последствий от этой далекой трагедии». ⁵⁰

Американский исследователь этой эпохи Тайлер Данетт в 1925 году утверждал: «Мало кто теперь считает, что Япония была лишена плодов предстоящих побед. Преобладает обратное мнение. Многие полагают, что Япония была истощена уже к концу мая и что

только заключение мира спасло её от крушения или полного поражения в столкновении с Россией»¹⁸⁸. И действительно – полученные (к середине 1905 года) на проведение войны пять гигантских военных займов тяжелейшим грузом легли на японский бюджет. Понимая, что продолжение войны, по причине отсутствия дальнейшего финансирования, становится невозможным, японское правительство под видом «личного мнения» своего военного министра через американского посла ещё в марте 1905 года обратилось к Теодору Рузвельту с просьбой помочь закончить войну, что и было сделано⁶⁴.

Кровавое воскресенье

Термин «Кровавое воскресенье» получил жизнь от английского журналиста Эмиля Джона Диллона, представлявшего в то время газету Daily Telegraph в Санкт-Петербурге.

Появление кровавой метки событий 9 января 1905 года, запущенное в печать в день их совершения, по мнению многих исследователей свидетельствует о её предварительной «домашней заготовке» гражданином с «туманного Альбиона», что на проведение её были брошены значительные финансовые средства, привлечены значительные силы.

Тому подтверждением – а гророс! – может служить и распространение по всем районам столицы, к концу этого трагического дня, красочно отпечатанных типографским способом листовок, безапелляционно утверждавших о «тысячах рабочих, расстрелянных на Дворцовой площади». Можно, подивившись оперативности такого подсчёта и скорой раздаче горожанам этих листовок, волей-неволей заключить, что были они заготовлены заранее, не позже 8 января, когда ни место расстрела, ни число жертв не были известны её авторам.

Долгое время в моём отечестве действовала - как каноническая! - оценка тех давних событий, которая утверждала «стихийность» народного возмущения, соотносить которую с нынешней их оценкой как событий «нестихийных» следует по мудрому старинному правилу: «In medio virtus» (Истина – посредине).

Об участии зарубежных сил в подготовке народного хода к царю сообщает профессор истории, исследователь царствования Николая Второго Сергей Сергеевич Ольденбург: «Английский журналист Диллон, – определённый враг царской власти, - написал в своей книге «Закат России»: «Японцы раздавали деньги русским революционерам известных оттенков, и на это были затрачены значительные суммы. Я должен сказать, что это бесспорный факт». Об этом же свидетельствует в своих мемуарах бывший русский посланник в Токио, барон Р. Р. Розен».⁵⁴

Массовое сознание образа японского шпиона, отразившееся в журналистике начала двадцатого века, в

годы русско-японской войны отразил Александр Иванович Куприн в рассказе «Штабс-капитан Рыбников». (В день, когда становится известно о разгроме японцами русского флота, штабс-капитан Василий Александрович Рыбников - раскосое, скуластое лицо, постоянные поклоны и манера потирать руки - получает таинственную телеграмму из Иркутска, после чего переселяется в грязноватую привокзальную гостиницу и сразу начинает мотаться по всем присутственным местам Петербурга. Везде он заявляет, что ранен в ногу при Мукденском отступлении, требует пособия и попутно узнаёт последние новости с русско-японской войны. Периодически Рыбников отсылает в Иркутск телеграммы с разных почтовых отделений. Заподозривший неладное сотрудник крупной столичной газеты пытается различными приёмами вывести капитана на чистую воду, но безуспешно. Разоблачили его девочки из «весёлого дома» - после ночного сеанса любви утомлённый Рыбников задремал и во сне разговорился по-японски; проснувшись, осознав провал, пытался бежать, выпрыгнув из окна, но был схвачен подоспевшими жандармами¹⁸⁹.

Но не только японцы шпионили и подстрекали. Вновь обращаюсь к Ольденбургу: *«Но в известной мере революция делалась на иностранные деньги: внутренние враги российской власти (вернее – часть их) не отказывались от помощи её внешних врагов.*

Об одном факте такого рода, относящемся к зиме 1904 – 1905 г., открыто пишет в своих воспоминаниях руководитель боевой организации с.-р., Б. В. Савинков: «Член финской партии активного сопротивления Кони Циллиакс, сообщил центральному комитету, что через него поступило на русскую революцию пожертвование от американских миллионеров в размере миллиона франков, причём американцы ставили условием, чтобы эти деньги пошли на вооружение народа, и распределены были между всеми революционными партиями»⁵⁴

Не сидели сложа руки и извечные враги России – англичане. Приложив максимум содействующих усилий к военному столкновению её с Японией, они финансовыми и дипломатическими рычагами подталкивали к революционным потрясениям на них настроенные партии России.

Кровавое воскресенье – лица и события

Случившееся 9 января 1905 года в Санкт-Петербурге событие, известное также как «Кровавое воскресенье» (или – «Красное воскресенье») было – если следовать годами отстаивавшейся официальной версии - огнестрельным разгоном регулярными воинскими подразделениями шестивя петербургских рабочих, подготовленного легальной организацией «Собрание русских фабрично-заводских рабочих города Санкт-Петербурга» к Зимнему дворцу, намеревавшихся вручить императору Николаю Второму коллективную петицию о рабочих нуждах.

По этому поводу - фрагмент из мемуарной книги Александра Николаевича Бенуа: *«1905 год. Вот мы и дошли до этого рокового года, получившего в дальнейшем значение какой-то “генеральной репетиции” перед окончательным спектаклем — революции 1917 года, погубившей весь старый строй, все то, что мы считали с самых первых лет существования чем-то неотъемлемо присущим нашей родине. Ни убийство Сипягина, ни убийство Плеве, ни всё более тревожные известия с театра войны не произвели того впечатления, которое произвело знаменательное 9-е января, ставшее такой же “исторической датой”, как 14 июля — взятие Бастилии, как 4 сентября — падение*

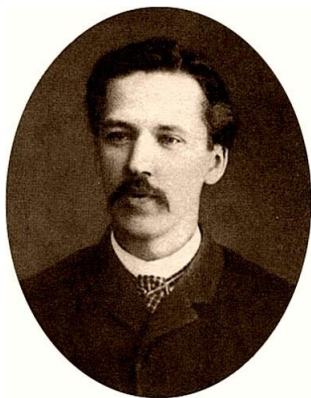
Второй империи и т. д. Чувствовалось уже задолго до этого, что нечто назревает, что накапливается гроза, готовая разразиться.

С осени 1904 г. все пресловутое “фрондирование” общества стало окончательно терять свой прежний характер. Неизбежность, необходимость радикальных реформ стала чем-то общепризнанным, толки на эту тему получили даже привкус “моды”. Где бы русские люди ни сходились, беседа по любому вопросу сразу сворачивала на обсуждение общественных дел и принимала горький, негодующий оттенок. Наконец, первый гром грянул, но после того атмосфера нисколько не прояснилась; напротив, с этого момента водворилось настоящее политическое ненастье, и оно установилось надолго».⁵⁰

Кровавая баня, устроенная царской властью своим согражданам не только основательно подломила скрепы монархического устройства государства Российского - она окончательно и бесповоротно перечеркнула первые опыты этой власти наладить мирные экономические отношения со своим трудовым людом – наладить и тем самым избавить от революционно-политических (прежде всего – социал-демократических) настроений, уже окутывавших пролетарские массы,

Идею такого «отвлечения» обосновал и сформировал в форме доктрины успешный деятель (и реформатор) российского политического сыска Сергей Васильевич Зубатов. Весной 1898 года он, находясь во главе Московского охранного отделения, выступил с собственной программой борьбы с российским революционным движением (в революционной среде была названа «полицейским социализмом»), поддержанной московским генерал-губернатором великим князем Сергеем Александровичем и московским обер-полицмейстером Дмитрием Фёдоровичем Треповым. Зубатов считал, что революционеры-интеллигенты и создаваемые ими организации опасны только в союзе с массовым рабочим движением; для разрушения этой связи, по мнению Зубатова, поли-

тическая полиция должна способствовать улучшению положения рабочих и законному урегулированию их конфликтов с предпринимателями.¹⁹⁰

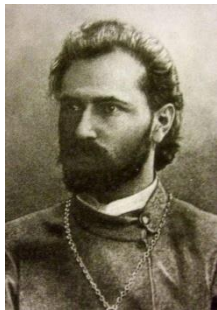

Полагал необходимым Зубатов создать отраслевые легальные корпорации рабочих, которые должны были представлять их интересы перед предпринимателями, а также наладить среди самих рабочих систему взаимопомощи и вести просветительскую работу, а введение в эти организации секретных агентов должно было упростить выявление революционеров. Занявшись созданием подконтрольных полиции рабочих союзов, Зубатов осенью 1902 года познакомился со священником Гапоном и предложил тому принять участие в

этой работе.

Георгий Аполлонович Гапон (фамилия Гапон происходит от украинского варианта христианского имени Агафон) - 1870 года рождения, сын зажиточного полтавского крестьянина – после окончания Полтавской семинарии (где увлёкся толстовством) несколько лет отслужил в небольшой кладбищенской церковке. После кончины – в 1898 году – молодой жены он с двумя малолетними детьми на руках перебрался в Петербург, где поступил в Духовную академию. Учёба в высшем православном церковном заведении скоро разочаровала Гапона – мёртвая схоластика в преподаваемых предметах не давала ему ответа на вопрос о смысле жизни. Забросив учёбу, он начал участвовать в

благотворительных миссиях, занимавшихся христианской проповедью среди рабочих. В эту пору в Санкт-Петербурге действовало Общество религиозно-нравственного просвещения, которое в то время возглавлял протоиерей Философ Николаевич Орнатский, предложивший Гапону попробовать себя проповедником.

Во исполнение этого благого пожелания Гапон в 1899 году стал проповедовать в Церкви Милующей Божьей Матери, располагавшейся в василеостровской Галерной гавани (среде обитания петербургских босяков).

Проповеди Гапона собирали множество людей (по свидетельству очевидцев, временами – до двух тысяч). В своих духовных наставлениях он стремился пробудить в простолюдинах чувство собственного достоинства, убеждал их, что труд есть основа и смысл

жизни человека.

«Вера без дел мертва есть». Не ограничиваясь только проповедями, Гапон, личность глубоко пассионарная, реализовывал накопившийся в нём потенциал организационной деятельности, составляя, один за другим, проекты систем благотворительных учреждений, оказавшиеся «гласом, вопиющего в пустыне». Впрочем, несмотря на безразличие высших чиновников к полезным инициативам священника, сам он стал высоким авторитетом в рабочей среде Петербурга.

В 1903 году Гапон успешно (правда, с некоторыми попутными «приключениями») закончил обучение в Академии и получил должность священника при тюремной церкви святого Михаила Черниговского Городской пересыльной тюрьмы.

По некоторым данным, Гапон пользовался покровительством петербургского градоначальника Николая Клейгельса, у которого был на хорошем счету и считался своим человеком. По инициативе градоначальника Гапону было поручено изучить взгляды Зубатова на рабочий вопрос и постановку дела в зубатовских организациях. Зимой 1902—1903 годов Гапон посещал собрания зубатовского общества, съездил в Москву, где ознакомился с деятельностью тамошней зубатовской организации, написал доклад, копии которого были поданы градоначальнику Клейгельсу, митрополиту Антонию и самому Зубатову.

В докладе Гапон подвергал критике существующие зубатовские организации и предлагал основать новое рабочее общество по образцу независимых английских профсоюзов. Главная идея Гапона состояла в том, что зубатовские общества слишком тесно связаны с полицией, что компрометирует их в глазах рабочих и парализует рабочую самодеятельность. По словам Гапона, тезисы его доклада были одобрены митрополитом и градоначальником, но не нашли сочувствия у Зубатова, считавшего взгляды Гапона на рабочий вопрос *«опасной ересью»*..

В августе 1903 года Зубатов из-за скандальной ссоры с министром внутренних дел Вячеславом Плеве был отправлен последним в отставку, выслан из Петербурга. Оставленное им столичное рабочее общество было крайне малочисленным и влачило жалкое существование. Прощаясь с Гапоном на вокзале, Зубатов просил его не бросать общество, что тот и пообещал.

Собрав группу инициативных рабочих, Гапон призвал *«освободиться от административных няnek и ... создать материальную независимость»* и встретил единодушную поддержку. Тогда же было подобрано новое помещение и разработан новый проект устава, который был подан на утверждение Министру внутренних дел

Владимиру Константиновичу Плеве. Тот документ утвердил и с 15 февраля 1904 года в Северной столице заработала новая пролетарская организация «Собрание русских фабрично-заводских рабочих города Санкт-Петербурга»¹⁹¹.

Согласно утверждённому уставу целями Собрания провозглашались: предоставлять своим членам возможность разумно и трезво проводить свободное от работ время; распространять среди рабочего населения просвещение на началах русского национального самосознания; способствовать улучшению условий жизни и труда рабочих.

Для достижения этих целей Собранию предоставлялось право: устраивать еженедельные собрания для разумного всестороннего обсуждения нужд участников собрания; образовывать в своей среде светский и духовный хоры, устраивать концерты и семейные вокальные и литературные вечера; учреждать разного рода просветительские мероприятия – библиотеки и читальни, народные чтения, беседы и лекции по общеобразовательным предметам; образовывать различные благотворительные и коммерческие предприятия – капитал взаимопомощи членов Собрания, похоронную кассу, чайную, потребительскую лавку и другие учреждения, способные улучшить материальное положение членов Собрания.

Действительными членами Собрания могли быть русские рабочие обоого пола, русского происхождения, христианского вероисповедания. Во главе Собрания стоял кружок ответственных лиц, состоящий из учредителей Собрания и пополняемый особо установленным порядком действительными членами Собрания. Непосредственное управление делами собрания принадлежало Правлению, избираемому общим собранием из числа членов, входящих в кружок ответственных лиц. Члены правления утверждались в своих званиях градоначальником. Руководителем кружка ответственных лиц состоял Представитель Собрания, избираемый на первое трёхлетие кружком, а затем – общим собранием из интеллигентных лиц духовного или светского звания. Представитель утверждался в своей должности градоначальником и являлся главным контролёром и руководителем Собрания. Представитель также считался уполномоченным Собрания по всем делам и вёл всю переписку Собрания. Представителем Собрания на первое трёхлетие был избран Георгий Гапон. 11 апреля 1904 года в чайной-клубе Выборгского района (улица Оренбургская, 9) в присутствии нового (с 1903 года) градоначальника Ивана Александровича Фулона состоялось первое заседание Собрания.

Осенью 1904 года, в пору всеобщего политического возбуждения «Собрание русских фабрично-заводских рабочих» превратилось в центр политической жизни в Петербурге, в котором открыто обсуждались нужды пролетариев, искали пути выхода их тяжёлого экономического положения. Пользуясь отсутствием упреждающего контроля со стороны властей, руководители «Собрания» вели в рабочей среде агитацию в пользу радикальных методов борьбы за свои интересы, а с началом кампании земских петиций выступили с идеей выступить со своей петицией, выражающей общие требования всего рабочего класса, присоединиться к общей кампании за народное представительство и политические свободы.

Организованные «Собранием» в Петербурге две стачки (на Кожевниковской и Сампсониевской мануфактурах) и закончившиеся с выгодой для рабочих забастовкой, побудили «Собрание» закрепить достигнутый успех забастовкой на Путиловском заводе,

где несправедливо было уволено четверо рабочих, но здесь пришлось столкнуться с упорным сопротивлением заводской администрации. В этом администраторам подсобляло только созданное в столице (неким гражданином Ушаковым) «Общество взаимопомощи рабочих механического производства», не ставившее задачу стачечной борьбы с администрациями производств и потому всецело ими поддерживаемое¹⁹¹.

Особым покровительством «Общество» пользовалось на Путиловском заводе, где низшие чины руководства завода, мастера агитировали рабочих вступать в ушаковское «Общество», а по отношению к членам «Собрания» применяли репрессии, при первой возможности налагая на них взыскания. (Завод, общей численностью более двенадцати тысяч человек выполнял важный оборонный заказ - специальный железнодорожный транспортёр для перевозки изготовленных в Петербурге подводных лодок на Дальний Восток.)

В начале декабря 1904 года с Путиловского завода несправедливо уволили четверых рабочих, членов «Собрания». Месяц длившиеся активные попытки Гапона и его ближайшего окружения восстановить справедливость результата не дали. В состав людей его идеологического круга вошёл и будущий палач Гапона, начальник инструментального цеха завода Пинхас (Пётр) Моисеевич Рутенберг (уроженец города Ромны Полтавской губернии, выпускник Петербургского технологического института). Уже революционно наэлектризованным Рутенберг к этому времени – через приснопамятного Бориса Савинкова – числился в Боевой организации партии эсеров.

Несмотря на отказ администрации и фабричной инспекции Путиловского завода справедливо разрешить инцидент с увольнением, Гапон до последнего момента надеялся,

что во имя мирного урегулирования конфликта правительство, извещённое о требованиях рабочих, окажет давление на администрацию завода. Но этого не произошло, и Гапон, осознав, что чисто экономическими требованиями успеха не добиться, решил перейти к методам политическим.

Верховные синодальные иерархи пытались вывести священника Гапона из политической деятельности, и 5 января митрополит Санкт-Петербургский Антоний дважды вызывал к себе

суперактивного священника, требуя объяснения относительно его деятельности, не совместимой с саном священника. Однако Гапон вызов проигнорировал и в ночь на 6 января скрылся из дома - перешел на нелегальное положение.

Важное событие произошло 6 января 1905 года, за три дня до манифестации, описанное позже в воспоминаниях очевидца, генерала Александра Александровича Мосолова, занимавшего должность начальника канцелярии министерства императорского двора: *«В день Крещения, 6 января, Государь с блестящей свитой, предшествуемый духовенством и митрополитом, вышел из Зимнего Дворца и*

отправился к беседке, устроенной на Неве, где происходило водосвятие. Началась торжественная служба, и был дан с Петропавловской крепости обычный салют орудийными выстрелами.

Во время салюта неожиданно для всех упали - как на павильон, так и на фасад Зимнего Дворца - крупные картечные пули. В беседке было насчитано около 5 пуль, из коих одна упала совсем рядом с Государем.

Ни Император и никто другой из свиты не дрогнули... Только пред самым уходом я и еще несколько лиц свиты подняли с пола павильона по одной пуле. Крестный ход возвратился в Зимний Дворец, и, проходя мимо Николаевского зала, мы увидели несколько разбитых оконных стекол. Кто-то из начальствующих лиц Петербургского округа подошел к Государю и объяснил, что в дуле одного из орудий оказался забытый картечный снаряд. Государь молча прошел дальше..."⁶⁵

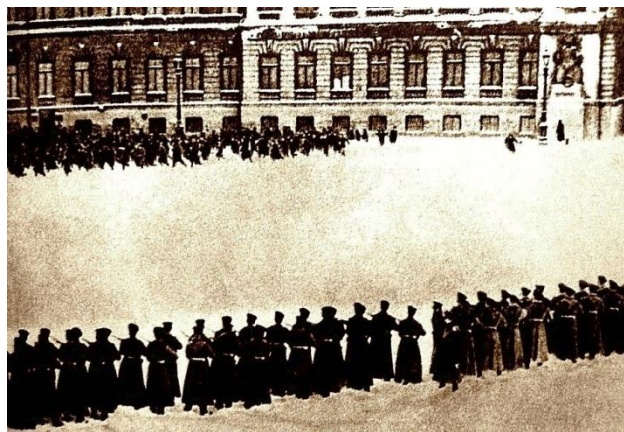
Восприняв происшедший инцидент со свойственной ему в острых ситуациях сдержанностью, Государь, после запланированного на этот день приема иностранных дипломатических представителей в Зимнем Дворце, в 16 часов того же дня уехал с семьей в Царское Село.

6 января Гапон, в Нарвском отделе «Собрания», произнёс зажигательную речь, в которой призвал рабочих с жёнами и детьми идти 9 января в два часа дня к Зимнему дворцу. В тот же день он, на основании предложенных ему набросков, составил текст петиции на имя царя с пространном предисловием, написанным в стиле церковного красноречия. Петиция включала в себя обращение к царю, описание бедственного положения и бесправия рабочих и требование немедленного созыва Учредительного собрания. «Не откажи в помощи Твоему народу, выведи его из могилы бесправия, нищеты и невежества, дай ему возможность самому вершить свою судьбу, сбрось с него невыносимый гнёт чиновников. Разрушь стену между Тобой и твоим народом, и пусть он правит страной вместе с Тобой», — писал царю Гапо⁶⁸. В кратком заключении он от имени рабочих выражал готовность умереть у стен царского дворца, если просьба не будет исполнена.

В течение трёх последовавших дней Гапон собрал под петицией несколько десятков тысяч подписей (по некоторым сведениям – до ста тысяч). По свидетельству очевидцев, толпа, возбуждённая Гапоном, пребывала в состоянии религиозной экзальтации. Люди плакали, топтали ногами, стучали стульями, бились кулаками в стены и клялись, как один, явиться на площадь и умереть за правду и свободу. Популярность самого Гапона в эти дни достигла небывалых размеров. Многие видели в нём пророка, посланного Богом для освобождения рабочего народа. Женщины подносили к нему для благословения своих детей. Люди видели, с какой лёгкостью останавливались огромные фабрики и заводы, и приписывали это «силе» Гапона.

Прокурор Петербургской судебной палаты писал в записке на имя министра юстиции: «Названный священник приобрёл чрезвычайное значение в глазах народа. Большинство считает его пророком, явившимся от Бога для защиты рабочего люда. К этому уже прибавляются легенды о его неуязвимости, неуловимости и т. п. Женщины говорят о нём со слезами на глазах. Опираясь на религиозность огромного большинства рабочих, Гапон увлёл всю массу фабричных и ремесленников, так что в настоящее время в движении участвует около 200 000 человек. Используя именно эту сторону нравственной силы русского простолюдия, Гапон, по выражению одного лица, «дал пощёчину» революционерам, которые потеряли всякое значение в этих волнениях, издав всего 3

прокламации в незначительном количестве. По приказу о. Гапона рабочие гонят от себя агитаторов и уничтожают листки, слепо идут за своим духовным отцом. При таком направлении образа мыслей толпы она, несомненно, твёрдо и убеждённо верит в правоту своего желания подать челобитную царю и иметь от него ответ, считая, что если преследуют студентов за их пропаганду и демонстрации, то нападение на толпу, идущую к царю с крестом и священником, будет явным доказательством невозможности для подданных царя просить его о своих нуждах».⁶⁶

6 января Гапон объявил о начале всеобщей забастовки, и к 7 числу все заводы и фабрики Петербурга прекратили работу. Встретившись в канун шествия с социал-демократами и эсерами, призвал тех не вносить раздор в мирный характер шествия, обойтись без революционных лозунгов и призывов. По его плану, если царь примет петицию, он возьмёт с него клятву подписать указ о всеобщей амнистии и созыве всенародного Земского собора: после этого он, Гапон, выйдет к народу, махнёт белым платком – и начнётся всенародный праздник. Если же царь заупрямится, то он махнёт платком красным и тем подаст сигнал к всенародному восстанию. *«Тогда выбрасывайте красные флаги и сделайте всё, что найдёте разумным»*, - говорил эсдэкам и эсерам священник Гапон⁶⁸.

В одной из последних речей накануне шествия её вожак говорил: *«Здесь может пролиться кровь. Помните — это будет священная кровь. Кровь мучеников никогда не пропадает — она даёт ростки свободы...»*. Вечером 8 января Гапон и руководители «Собрания» поехали в фотографию и снялись «на прощание», после чего разъехались по своим отделам.

Утром 9 января Гапон во главе Нарвского отдела «Собрания» двинулся в направлении Зимнего дворца. С ним шло не менее пятидесяти тысяч человек. Другие рабочие шли от своих отделов, рассчитывая соединиться на Дворцовой площади. Перед выступлением Гапон обратился к толпе со словами: *«Если царь не исполнит нашу просьбу, значит, у нас нет царя»*. В последний момент было решено придать процессии характер крестного хода. Из ближайшей часовни были взяты четыре хоругви, иконы и священническая епитрахиль, в которую облачился Гапон. Впереди шествия несли портреты царя и большой белый флаг с надписью: *«Солдаты! Не стреляйте в народ!»*. Когда толпа приблизилась к Нарвской заставе, её атаковал отряд кавалерии. Гапон скомандовал: *«Вперёд, товарищи! Или смерть, или свобода!»*⁶⁸

Позже в правительственном докладе было написано: *«Наэлектризованные агитацией, толпы рабочих, не поддаваясь воздействию обычных обще-полицейских мер и даже атакам кавалерии, упорно стремились к Зимнему дворцу»*.¹⁹² В это время по толпе были произведены ружейные залпы, и первые ряды повалились на землю. Залпами были убиты ближайшие соратники Гапона, сам он получил лёгкое ранение в руку и был повален на землю общим напором толпы. После последнего залпа задние ряды обратились в бегство, и шествие было рассеяно.

И вновь – выдержка из мемуарной книги Александра Николаевича Бенуа:

«То, что произошло в утро 9 января, дошло до меня и до моей жены почти сразу. Первым вестником уже этой трагедии явились наши дети (Девочкам было десять и восемь лет, мальчику три с половиной.) и их бонна, гулявшие, по обыкновению, в Соловьевском сквере, что под боком у Академии художеств. Они вернулись раньше, чем мы их ожидали, и в чрезвычайном возбуждении, перебивая друг друга, они спешили сообщить пережитое: “Man schießt auf die Strassen. Da sind viele Verwundete. Und auch viele Toten”. [На улицах стреляют. Там много раненых. И много убитых (немецкий)]

Большого толка трудно было добиться ни от детей, ни от окончательно напуганной фрейлейн Нанни. Немного позже прибежали Женя и Коля Лансере. Их известия носили более определенный характер. Колоссальная-де масса рабочих направлялась с популярным попом Гапоном во главе к Зимнему Дворцу с целью подать какую-то петицию государю, но была в упор расстреляна. Вся-де площадь перед дворцом усеяна трупами и ранеными. В других местах происходили такие же расправы. По проверке оказалось затем, что число жертв, слава богу, не столь велико, но самый факт расстрела ни в чем неповинных, мирно настроенных людей оставался возмутительным. Чего в точности хотели рабочие, никто в нашем кругу не знал, но то, что они, безоружные, имели высказать какие-то свои пожелания (о требованиях не было тогда и речи) верховному главе государства, встречало общее сочувствие. Надо было принадлежать к категории завзятых черносотенцев, чтобы мыслить и чувствовать иначе.

Меня известия, принесенные нашими детьми и братьями Лансере, до того перебаламутили, что я, невзирая на уговоры жены и на крики детей, решил сразу отправиться в поисках более обстоятельных сведений. Как раз в Академии художеств была за день или за два до того устроена (в двух больших залах на Неву) наша очередная выставка “Союза русских художников”. Я туда и отправился. На обыкновенно столь спокойных и даже “сонных” улицах Васильевского Острова сразу бросалось в глаза необычайное возбуждение. Всюду стояли группы людей, что-то горячо обсуждавших. И такое же возбуждение я застал в стенах Академии, начиная со швейцара, облеченного в красную ливрею с гербовым галуном, и кончая музейными сторожами. Публики на выставке не было, но от двух моих товарищей по “Союзу” и от хранителей Академического музея я услышал то, чему они все были свидетелями. В непосредственной близости от Академии, у выхода 4-й и 5-й линий на Невскую набережную произошла час тому назад такая же стрельба, как на Дворцовой площади, ей подверглась та колонна рабочих-манифестантов, которая направлялась к Николаевскому мосту. Служащие Академии (и среди них почтенный А. П. Соколов, главный хранитель музеев), квартиры которых выходили на 4-ю линию, оказались непосредственными очевидцами этого расстрела — опять-таки в упор... Офицер Финляндского полка, стоявший прямо под окнами, отдал приказ, не предпослав тому обычное предупреждение. Вероятно, именно этот зал и слышали наши дети и бонна.

Почему такое могло случиться? Кто был в этом виноват? Сразу возникли бесчисленные комментарии. Впрочем, никто не сомневался, что тут действовала провокация; вероятно, и сам поп Гапон, затеявший шествие к батюшке-царю, был провокатором, действовавшим в согласии с полицией, решившей, что надо создать

устрашающий прецедент.

Больше всего пострадали не манифестанты, участвовавшие в самом “ходе”, а собравшиеся поглазеть на диковинное зрелище совершенно посторонние люди, с этой целью пробравшиеся в засыпанный снегом Александровский сад. Оттуда действительно можно было как-то со стороны и в казавшейся безопасности видеть то, что готовилось произойти на Дворцовой площади. И как раз эти посторонние жестоко поплатились за свое любопытство. Мальчишки, которые влезли, чтоб лучше видеть, на деревья, дети и бабы, которые стояли в саду за решеткой ограды, они-то и были почти все убиты или ранены первым же залпом тех войск, что были приведены охранять резиденцию. А царя-то вовсе в Зимнем Дворце и не было. Николай II с семьей с осени не покидали Царского Села. Таким образом, до него самого в тот день все равно депутации от рабочих не было бы возможным добраться...

Но одной трагедией расстрела рабочих так сразу разразившаяся гроза не ограничилась. До самой ночи улицы и площади Петербурга оставались полны народа; среди всего Невского вытянулись пикеты войск (С. С. Боткин, проезжая по Невскому, видел, как где-то у Казанского собора высилась тяжелая фигура герцога Мекленбургского во главе эскадрона Петергофских конногренадеров), движение экипажей по главным артериям было сведено до минимума, зато тротуары — особенно по Невскому — были запружены почти сплошь»⁵⁰.

О событиях 9 января 1905 года – в воспоминаниях Николая Егоровича Врангеля:

«9 января 1905 года, чуть свет, директор опять телефонировал, прося сейчас приехать. Я отправился. Но, проехав через Николаевский мост, вернулся. Там стоял наряд войск. Полицейский офицер мне заявил, что на Васильевский остров ехать можно, но обратно не разрешит. Обратно через Неву никого пропускать не приказано. У Академии стояли стройными рядами рабочие, все прибывая. Сколько я мог заметить, они были одеты в праздничное платье. Я вернулся через Дворцовую площадь. Там стояли войска. Знакомый офицер мне передал, что людям розданы боевые патроны.

— На что? рабочие настроены вполне миролюбиво. Я уверен, что Государь к ним выйдет.

Офицер удивился:

— Разве вы не знаете, что Государя в городе нет? Он выехал.

— Выехал из города? Быть не может!

— Я знаю наверняка.

— Когда выехал?

— Этого я не знаю. Кто говорит — вчера, кто — раньше.

Раньше? И я вспомнил печальную, возмутительную картину. Неужто это и был его отъезд?! Я находился у антиквара Смирнова, на Вознесенском, как раз против Александровского рынка. Дело было к вечеру. Рынок уже закрывали, толпа выходила из рядов. Вдруг мы услышали хохот, пискливое «ура» мальчишек. Какая-то карета не рысью, а сумасшедшим карьером, как мчатся только пожарные, во все лопатки улепетывала по направлению к вокзалам. В ней сидел Государь. Прохожие смеялись, мальчишки свистали, гикали:

— Ату его!

*Седой отставной солдат, с двумя Георгиями на груди, печально покачал головой:
— До чего дожили! Сам помазанник Божий!*

Дальнейший ход событий злополучного 9 января известен. Многочисленная толпа рабочих стройными рядами, с пением «Спаси Господи люди Твоя», двинулась по набережной к площади Зимнего дворца. Впереди, с крестом в руках, шел священник Гапон, несли образа и царский портрет. Дойдя до дворца, толпа стала. Полиция отдала приказ разойтись. Толпа не трогалась. Троекратное предупреждение — и начался расстрел.

Сколько было убитых и раненых, узнать не удалось. Официально называли десятки, в городе говорили о тысяче. Утверждали, что из высших властей никто даже не счел нужным показаться на площади. Всем руководил какой-то мелкий полицейский чин.

Предстояла ли необходимость прибегать к столь беспощадным мерам? Выяснить это мне не удалось. Большинство свидетелей на этот вопрос отвечало отрицательно. Я расспрашивал об этом, между прочим, двух моих друзей, которым обоим безусловно можно было верить. Оба были военные, серьезные генералы, одних и тех же убеждений, люди опытные, выдавшие виды на своем веку, и я им доверял. Оба видели происходившее одновременно из одного и того же окна Главного штаба, следовательно, видели идентично одно и то же, а между тем оценка событий была радикально противоположна.

— Была ли необходимость открыть огонь? — спросил я.

— Безусловно, — сказал один, — а то толпа смела бы войско.

— Ни малейшей, — сказал другой.

Разберитесь после этого в удельном весе свидетельских показаний.

Мнения о намерениях рабочих и причинах этой демонстрации — тоже различны.

Одни утверждали, что все было спровоцировано полицией. Другие — что рабочие хотели овладеть дворцом и что их миролюбие было лишь маскою. Обе версии голословны.

Одно мне кажется несомненным: выйди Государь на балкон, выслушай он так или иначе народ, ничего бы не было, разве то, что Царь стал бы более популярен, чем был. Но, как оказалось, во все свое царствование благоприятными обстоятельствами он пользоваться не умел. Как окреп престиж его прадеда, Николая I, после его появления во время холерного бунта на Сенной площади! Но Царь был только Николай Второй, а не второй Николай»⁶⁷

Народ просил у царя защиты, — «взгляни без гнева государь», — но общаться с народом-просителем Николай II отправил великого князя Владимира Александровича, командующего Петербургским военным округом. Тот, зная, что императорская фамилия находится в Царском Селе с 6 января и ей абсолютно ничего не угрожает, бросил против мирных граждан гвардейские части, включая батальоны старейших в России Семеновского и Преображенского полков, навеки опозоривших себя убийством соотечественников.

Против более стотысячной демонстрации была собрана тридцатитысячная армейская группировка и до десяти тысяч полицейских. Причем последним также досталось от вошедших в раж гвардейцев, которые палили во все подряд, в результате чего несколько полицейских погибли.

Сведения о числе жертв кровавой расправы разнятся – от нескольких сотен до нескольких тысяч убитых и умерших от ран. Официально зарегистрированные жертвы кровопролития были захоронены на Преображенском кладбище, после революции переименованного в «Кладбище жертв 9 января».

Пинхас Рутенберг сопровождал Гапона в колонне и после расстрела затащил его в ближайший двор, где передел и остриг, после чего увёл на квартиру Горького, а позже перевёл к писателю Батюшкову; далее помог бежать (с приключениями на кордоне, с обстрелом пограничниками) за границу. Позже Гапон будто бы рассказал начальнику петербургского охранного отделения о том, что Рутенберг принял участие в шествии потому, что у него был план застрелить царя во время выхода того к народу.

(Словосочетание «будто бы» можно применить к описанию множества событий из последующего недолгого отрезка жизни священника Гапона, ибо многие из них имеют различное толкование и трудно определить их истинность.)

Весной 1905 года, находясь в недолгой эмиграции, Гапон приступил к созданию «Всероссийского рабочего союза», выпустив по этому поводу пылкое воззвание к рабочим (и, заглядывая в будущее, - к крестьянам) России. Летом того же года он поселился в Лондоне, где близко сошёлся с русскими эмигрантами, прежде всего, с глашатаем анархизма Петром Алексеевичем Кропоткиным, под идеологическое влияние которого он серьёзно подпал. Здесь, на Туманном Альбионе, беглый священник успел надиктовать свою биографию, напечатанную местным издательством; здесь он самолично написал - по просьбе местной еврейской общины – небольшую брошюру, осуждающую еврейские погромы в России.

В августе 1905 года Гапон соучаствовал – как пламенный адепт! - в попытке устроить вооружённое восстание в Петербурге, предпринятой финским революционером Конни Циллиакусом, пожертвовавшим на свою затею большие деньги. «Будто бы» Гапон убедил доверчивого финна, что питерские рабочие уже готовы к восстанию и ждут не дождутся требуемого для его осуществления оружия. По замыслу Гапона: *«Десять или двадцать тысяч рабочих собираются в одной из приморских пристаней Петербурга и захватывают её в свои руки В это время он, Гапон, подплывает к пристани на корабле, везущем оружие. Рабочие вооружаются и он во главе их движется на Петербург»*⁶⁸.

После этого Циллиакус будто бы вручил Гапону пятьдесят тысяч франков и отдал ему свою яхту, на которой тот пустился в плаванье через Балтийское море и в конце августа доплыл до Финляндии, где укрывались от полиции члены финской Партии активного сопротивления. Здесь бот неожиданно затонул, Гапону же удалось спастись только благодаря собственной ловкости и силе. Вёзший купленное оружие пароход сел на мель, так что весь его груз достался полиции. По убеждению Циллиакуса виновником неудачи был Азеф, который принимал в затеянном предприятии активное участие и знал все подробности дела.

Между тем, дарованные – Высочайшим Манифестом от 17 октября 1905 года- жителям России гражданские свободы побудили фабрично-заводских жителей столицы

восстановить своё «Собрание» и получить компенсацию за понесённые убытки в размере тридцати тысяч рублей (иск по этому поводу и такую сумму был подан ещё весной 1905 года). В конце октября депутация рабочих явилась на приём к председателю Совета министров Сергею Юльевичу Витте с напоминанием о неразрешённой претензии и, сверх того, с просьбой амнистировать живущего за границей Гапона. Иску Витте обещал (не более) дать ход, а позволить вернуться Гапону категорически отказался.

Сложным, извилистым и скачкообразным, но чрезвычайно интересным был жизненный путь Сергея Юльевича Витте. Родился он в 1849 году в Тбилиси, по месту службы отца, чьи предки, голландцы, в восемнадцатом веке переселились в Прибалтику и здесь получили потомственное дворянство. Плохо отучившись в местной гимназии, он, по её окончании, взяв себя в руки, умом и упорством, силой интеллекта добрал недополученное и, правда, с приключениями, поступил в Новороссийский (Одесский) университет.

В нём он, по окончании учёбы чуть было не остался преподавать математику, но отдал предпочтение предложенной ему службе по железнодорожному ведомству, начав её в городе у моря и продолжив в столице и Киеве – в должности управляющего Юго-Западных железных дорог.

Импульс карьере Витте дал довольно курьёзный эпизод, имевший место на исходе лета 1888 года, случившийся во время ежегодной поездки личного императорского состава в Крым. Тогда, выйдя на одной из остановок подышать и размять ноги император Александр Третий стал свидетелем сцены, когда его свитские (в том числе министр путей сообщения) на повышенных тонах требовали от железнодорожного чиновника добавить в голову царского поезда ещё один паровоз, но тот (им оказался Витте) категорически отказался это сделать, пояснив, что предельная скорость может стать причиной его катастрофы. В Крым царский поезд добрался благополучно, но на обратном пути, ведомый всё же двумя паровозами (18 октября, близ станции Борки, что под Харьковом) слетел на скорости с рельс под крутую насыпь. Поскольку версия террористического акта была оставлена без расследования (по ней бомбу и покинувший поезд до станции Борки - на предыдущей остановке), то император вспомнил предостережение упряма, вызвал его на аудиенцию и предложил должность начальника департамента железнодорожных дел при Министерстве финансов. Витте поначалу вежливо отказался, пояснив своё несогласие тем, что на занимаемой им должности в частном учреждении он получает пятьдесят тысяч рублей, а государева служба даст ему, семейному человеку, только восемь тысяч. Но предложение императора сорокалетний Сергей Юльевич всё же принял – тот обещал ему компенсировать

денежную разницу из личных средств, прибавив к тому чин титулярного советника (фактически – генерала).

На этом державном посту долго не задержался. Из всех его решений и нововведений на следующей восходящей карьерной ступени, в должности (в 1892 году) министра путей сообщения до сегодня сохранились введённые Витте для чаепития в вагонах подстаканники в металлических окладах.

Став министром финансов (с 1892-го по 1903-й год) Витте, форсировал строительство Транссибирской железнодорожной магистрали, добился от Китая согласия на строительство Китайско-восточной железной дороги (КВЖД), ввёл винную монополию государства, реформой 1897 года ввёл в России обеспеченную золотом валюту и прочая, и прочая.

С 1903 года – Председатель Совета министров.

Несмотря на запрет Витте, Гапон вернулся в Россию нелегально в начале ноября 1905 года и сразу, с привлечением журналистов, занялся решением вопросов своей амнистии и возобновления деятельности «Собрания». Узнав об этом, Витте некоторое время покипятился, а затем, решив использовать нелегала для своих целей, уполномочил на переговоры с ним своего представителя Ивана Фёдоровича Манасевича-Мануйлова.

К этому побуждало его и создание к октябрю 1905 года – прежде всего, усилиями нацеленных на вооружённое восстание социал-демократов – Петербургского совета рабочих депутатов. Возглавлявший Совет министров Сергей Юльевич Витте, чей политический вес стремительно увеличился после заключения в Портсмуте мирного договора с Японией (и давшего ему графское достоинство) для борьбы с усиливающимися социал-демократами решил использовать Гапона и стоящих за ним рабочих активистов. Гапон принял эту игру, но тоже с умыслом - возродить своё «Собрание» и объединить вокруг него рабочих.

Результатом состоявшихся - между Манасевичем-Мануйловым и Гапоном - переговоров стало заключение соглашения, по которому Витте обязался добиться возобновления деятельности закрытых отделов «Собрания», возместить убытки, причинённые «Собранию» их закрытием, и добиться легализации Гапона с дозволением ему вернуться к участию в делах «Собрания». Гапон, со своей стороны, обязался выехать за границу и не возвращаться в Россию в течение до 9 января следующего, 1906 года, а также - вести среди рабочих агитацию против вооружённого восстания и против влияния революционных партий.

С этой целью графом Витте была составлена программа воззвания Гапона к рабочим, написанная в духе межклассового примирения, отрицания насильственных способов действия. Подготовленное Гапоном воззвание было распечатано в типографии на средства Департамента полиции и распространено в рабочей среде.

21 ноября 1905 года в Соляном Городке (бывший комплекс соляных складов на набережной Фонтанки, напротив Летнего сада) состоялся объединённый учредительный съезд отделов «Собрания русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга», возобновивший работу на дальнейшее и избравший для этой цели новое правление. Попытка приглашённых на съезд гостями представителей большевиков и эсеров склонить собравшихся на свою сторону успеха не имела – Гапон взял верх.

Вскоре после помянутого учредительного съезда с Гапоном встретился Рутенберг, безрезультатно попытавшийся убедить оппонента превратить «Собрание» в площадку для

деятельности партийных агитаторов, который – по итогам своего афронта - на декабрьском, 1905 года, заседании Совета рабочих депутатов высказался за борьбу с «гапоновщиной» как с «демагогией».

Витте же, в развитие первых успешных шагов своей политики «кнута и пряника» в конце ноября 1905 года дозволил открыть отделы «Собрания» и вернуть им ранее конфискованное имущество.

В это же время Гапон, будто бы получивший от Витте на командировочные расходы тысячу рублей, выехал, как и было оговорено, уже вторично за границу, где, много раз интервьюируемый, хвалил главу правительства России и поругивал радикализм революционеров, коих, прежде всего, упрекал в преждевременности возбудить вооружённое восстание.

В последний день 1905 года в Териоках (Финляндия) состоялся съезд всех отделов «Собрания» (по десять представителей от каждого). Выступивший на нём с отчётной речью Гапон (вновь нелегально пробравшийся) исповедался, заявив, что в начале года погорячился, призывая рабочих к восстанию, что теперь, освободившись от этой утопии, необходимо удержать за собой завоёванное. Чуть было не вспыхнувший «бунт на корабле», устроенный частью депутатов, недовольных его диктаторскими замашками, Георгий Аполлонович быстро потушил и был переизбран руководителем «Собрания». (О его убедительном красноречии много позже писал Борис Савинков : *«Но не смысл его речи производил впечатление. Мне приходилось не раз слышать Бебеля, Жореса, Севастьяна Фора. Никогда и никто из них на моих глазах не овладевал так слушателями, как Гапон»*⁶⁹).

После подавления законной властью Декабрьского, 1905 года, восстания в Москве и ликвидации Советов рабочих депутатов в обеих столицах, после последовавшего назначения министром внутренних дел Петра Николаевича Дурново (оттеснившего от державного штурвала самого Витте), положение гапоновского «Собрания» кардинально изменилось. Правда контакты власти с Гапоном продолжились и были поручены вице-директору Департамента полиции Петру Ивановичу Рачковскому, которого Гапон заверил, что его обновившийся взгляд на рабочее движение предполагает его только мирным и только профессиональным. И такую точку зрения, по предложению вице-директора полицейского департамента он доизложил в «покаянном» письме на имя министра внутренних дел: *«...9 января — роковое недоразумение. В этом, во всяком случае, не общество виновато со мной во главе... Я действительно с наивной верой шёл к царю за правдой, и фраза: «ценой нашей собственной жизни гарантируем неприкосновенность личности государя» не была пустой фразой. Но если для меня и для моих верных товарищей особа государя была и есть священна, то благо русского народа для нас дороже всего. Вот почему я, уже зная накануне 9, что будут стрелять, пошёл в передних рядах, во главе, под пули и штыки солдатские, чтобы своею кровью засвидетельствовать истину — именно неотложность обновления России на началах правды»*⁷⁰.

Результатом такого подобного откровения стало предложение Рачковского Гапону

занять должность в Департаменте полиции взамен полной легализации и открытия отделов «Собрания». Гапон от подобной чести отказался и, не скрывая случившегося, через журналиста

Симбирского поведал общественности: *«Меня усиленно зовут на службу, обещают крупное место и большие деньги, но я не пойду, хотя бы мне сулили груды золота»*¹⁹³

В начале 1906 года в прессе началась массированная кампания против Гапона, основанная на отправленном в газету «Русь» письме его бывшего соратника рабочего Петрова, в котором приводил сведения о подкормке руководителя «Собрания» со стороны правительства. В последовавших со стороны Гапона попытках оправдаться главной стало вытребованное им желание провести над ним общественный суд, с участием в нём видных общественных деятелей. Обещал Георгий Аполлонович оправдывающие его и руководство «Собрания» документы, но тому не судилось быть.

Не знал Гапон, что в первый весенний месяц 1906 года будто бы близкий ему по убеждениям эсер Рутенберг спланировал его убийство. Вначале он планировал сделать на даче Гапона в Териоках, затем на квартире мятежного попа, но, в итоге, нанял для этой цели дачу в Озерках, ближнем в пригороде Петербурга и пригласил туда, видимо, достаточно мирно и убедительно, будущую жертву.

28 марта (10 апреля) ничего не подозревающий Гапон купил на Финляндском вокзале билет в оба конца и отправился в Озерки, в свою последнюю в жизни поездку. В дачном доме, помимо Рутенберга, его поджидали и остальные заговорщики, спрятавшиеся до обозначенного момента. По предварительной договоренности Рутенберг завел с Гапоном разговор о полиции, дабы прячущиеся исполнители убедились в справедливости обвинений. Когда необходимая информация была озвучена, убийцы вышли из укрытия и казнили Гапона, предварительно назвав его предателем.

Сам Рутенберг так описывал эту драматическую сцену: *«Гапон был повешен в 7 часов вечера во вторник 28 марта 1906 года. Я не присутствовал при казни. Поднялся наверх, только когда мне сказали, что Гапон скончался. Я видел его висящим на крюке вешалки в петле. На этом крюке он остался висеть. Его только и укрыли шубой... Все ушли. Дачу заперли»*.⁷¹

Как ни странно, но мало кто искренне сопереживал трагической кончине Гапона, и только издание «Новое время» опубликовало на своих страницах небольшую заметку, заканчивающуюся такими словами: *«Страшно кончил этот человек, заставивший так много говорить о себе»*.¹⁹⁴

Post scriptum. С осени 1964 года уже как студент Ленинградского электротехнического института вместе с другими первокурсниками, коим, как и мне, не досталось место в общежитии, некоторое время проживал в нанимаемом институтом для временных «лишенцев» доме в пригороде Шувалово. Иногда воскресными днями, дабы не терять время на поездку в институт, занимался в читальном зале близлежащей библиотеки, в Озерках располагавшейся, в доме, бывшем ещё в дореволюционное время чьей-то дачей – деревянном, на невысоком кирпичном фундаменте стоящем. Однажды, засидевшись допоздна над конспектом по истории партии и томом классика марксизма, вышел затемно вместе с гражданином солидного (с точки зрения моих, восемнадцати лет) возраста, с коим, как-то – слово за слово – разговорились. Беседу повёл приятный незнакомец, затронувший тогда меня волновавшую тему здешних блоковских мест («И каждый вечер за шлагбаумами, заламывая котелки, среди канав гуляют с дамами испытанные остряки»). Незаметно перешли к теме моих предэкзаменационных штудий, касавшихся революционного движения начала века, и – неожиданно для меня, к моему большому удивлению – разговорившийся собеседник показал мне место, где некогда

стояла дача, в которой в те бурные дни нашёл свой трагический конец священник Гапон, рассказал о сопутствовавших тому обстоятельствах.

То прадавнее общение с интересным, эрудированным питерцем основательно запечатлелось в моей памяти, надолго дало пищу для размышления моему рассудочному уму. Уже тогда засомневался я в историческом принижении значения личности Георгия Аполлоновича Гапона, отнюдь не во имя личного блага действовавшего, на свой манер стремившегося вывести трудовой люд из приниженого, полурабского состояния. Таких ныне – нет!

1905 год – вспышка и затухание Первой русской революции

В 1892 году Сергей Юльевич Витте, только назначенный министром финансов, пообещал «обожаемому монарху» Александру Третьему, что он, ничуть не затрагивая основ самодержавия и без каких-либо либеральных преобразований, выведет Россию в ряды первых мировых держав. И слова своего министр, как мог, придерживался – используя ресурс государственного вмешательства в экономику, честолюбивый Витте выжал всё, что мог из самодержавной России. Втрое выросли металлургия, машиностроение, добыча угля, более чем вдвое возросла добыча нефти, сеть железных дорог покрыла страну, утроился державный золотой запас, дал рублю гарантированное обеспечение. Россия вышла на пятое место в мире по объёму промышленного производства, но, сделав этот мощный экономический рывок, стала походить на загнанную лошадь, неспособную двигаться дальше.

Все мероприятия Сергея Юльевича Витте, носившие, прежде всего, финансовый и налоговый характер, мобилизовали те небольшие оставшиеся ресурсы, которыми ещё располагала царская Россия. Успехи экономики были добыты, прежде всего, за счёт, возросшего, числом до трёх миллионов, российского пролетариата, за счёт чудовищной его эксплуатации – трудились они по двенадцать – четырнадцать часов в день за мизерную плату, не зная ни охраны труда, ни социальной защиты; по этим причинам западные предприниматели потоком текли в Россию, где дешёвые трудовые ресурсы при экстенсивном их использовании давали заезжим капиталистам сверхприбыль¹⁹⁵.

Россия в ту пору являла собой причудливую мозаику экономических укладов, в которых монополии, самые современные на ту пору отрасли соседствовали с феодальным ремеслом, с самым отсталым сельским хозяйством, крестьянством, страдавшим от безземелия и зачастую живущим в условиях первобытности.

Пережившая в девятнадцатом столетии «золотой век» культура России плеядой своих блестящих представителей явила миру шедевры творчества литературы и поэзии, живописи, музыки. Русскую науку прославили Менделеев, Мечников, Павлов и прочие, прочие. И при всём этом Россия оставалась одной из наиболее отсталых в культурном отношении стран, где почти восемьдесят процентов населения были неграмотны, где высока была смертность населения, в том числе – детская.

Еще одной позорной страницей истории царизма стала его национальная политика. Усилившееся при Александре Третьем притеснение и гонение «инородцев и иноверцев», при Николае Втором достигли патологического размаха. Народы империи испытывали тройной гнет: со стороны собственных богачей, со стороны царского правительства, со

стороны международных монополий. Возникали самые оголтелые, поддерживаемые властью националистические организации, а в национальных окраинах империи рос ответный национализм и сепаратизм.

Не была свободной внешняя политика России - зависевшая от своих международных партнёров, от раскручивавшейся спирали глобальных противоречий между германским и англо-французским блоками вынуждена была она принимать чью-либо сторону. Попытка же России усилить своё пребывание на Дальнем Востоке закончилась позорным поражением в войне с Японией, которое ещё больше усугубило кризис и во многом предопределило революционную ситуацию.

Почти все сословия и классы России, кроме самых оголтелых приверженцев царизма, так или иначе, выступали против него. При таких чувствах и настроениях революция была просто неизбежна и кровавое воскресенье 9 января 1905 года стало её отправной точкой.

Страшное, грубое, липкое, грязное,
Жестко-тупое, всегда безобразное,
Медленно рвущее, мелко-нечестное,
Скользкое, стыдное, низкое, тесное,
Явно довольное, тайно-блудливое,
Плоско-смешное и тошно-трусливое,
Вязко, болотно и тинно застойное,
Жизни и смерти равно недостойное,
Рабское, хамское, гнойное, черное,
Изредка серое, в сером упорное,
Вечно лежачее, дьявольски косное,
Глупое, сохлое, сонное, злостное,
Трупно-холодное, жалко-ничтожное,
Непереносное, ложное, ложное!
Но жалоб не надо; что радости в плаче?
Мы знаем, мы знаем: всё будет иначе.
(Зинаида Гиппиус)

Революционный процесс пошёл волнами – спорадически, то вспыхивая, то затихая. Неорганизованным рядом шли забастовки, бурлили студенты и преподаватели в университетах; аграрные беспорядки с переделом помещичьих земель, с сжиганием барских усадеб охватили сельскую местность, беспокойно было в армейских рядах. И все эти события шли бок о бок с поражениями России в войне с Японией с только произошедшим (в конце декабря 1904 года) падением Порт-Артура, с грядущей Цусимой.

К Первой русской революции строгая историография относит бунтарские события между давшим ей начало кровопролитию 9 января 1905 года и так называемым «Третьеиюньским переворотом» 1907 года, когда была досрочно распущена Вторая Государственная Дума (по причине невозможности наладить конструктивное взаимодействие между правительством, возглавляемым Петром Аркадьевичем Столыпиным, и Думой).

О мощи стартовой вспышки, давшей ход революционному подъёму в столице России, в её городах и всях можно судить по содержанию прессы, сразу после событий

«кровавого воскресенья». Долгое ещё время содержание и эмоции газетного слова были что сводки с полей сражений.

10 января «Фанатическая пропаганда, которую, в забвении святости духовного сана, вел священник Гапон и преступная агитация злоумышленных лиц, привела ? тому, возбуждали рабочих настолько, что уже 9-го января огромная толпа стала направляться к центру города. В некоторых местах между ними и войсками, вследствие упорного сопротивления толпы подчиниться требованию разойтись, а иногда даже нападения на войска, произошли кровопролитные столкновения. Войска вынуждены были произвести залпы...Общее число потерпевших от выстрелов, по сведениям, доставленным больницами и приемными покоями, к 8 часам вечера, составляет убитыми 76 человек, в том числе околоточный надзиратель, ранеными 203 человека ...». (газета «Русское слово»)

И в этом же номере газеты была размещена и телеграмма из Берлина: «Весь город содрогнулся от ужаса по получении известий из Петербурга. Экстренные выпуски газет, в виду праздника, появились лишь вечером. Улицы запружены народом; люди выхватывали телеграммы из рук друг у друга; волнение не прекращалось до поздней ночи».

Газета «Вперёд» в этот же день сообщала: «Город имеет вид завоеванного неприятелем. На улицах постоянно патрули и возбужденные группы рабочих. Вечером многие улицы темны: электричества и газа нет. На Невском опять нападение на офицеров и столкновение толпы с войсками, которые стреляют (у Аничкова три залпа).

11 января вышел царский Указ Правительствующему сенату об учреждении Санкт-Петербургского генерал-губернаторства с подчинением ему всех гражданских учреждений и всех учебных заведений, жандармской полиции, фабрик, заводов, с правом утверждения лиц городского и земского управления и высылки отдельных лиц из столицы. Генерал-губернатором назначен генерал-майор Дмитрий Фёдорович Трепов, которому объявлена высочайшая благодарность за отлично-усердную службу в должности московского обер-полицеймейстра.

Порадовалось этому известию «Русское слово»: «Учреждение с.-петербургского генерал-губернаторства и назначение на новую должность генерал-майора Д.Ф.Трепова свидетельствует о том, что высшая власть имеет твердое намерение подавить движение, искусственно возбужденное врагами России»

14 января «Правительственный вестник» разместил Послание Синода, объясняющее православному люду, что события 9 января были «подкупом врагов России и порядка общественного»: «Святейший синод, скорбя, умоляет чад церкви повиноваться власти, пастырей – проповедовать и учить, власть имущих – защищать угнетенных, богатых – щедро делать доброе дело, а тружеников – работать в поте лица и беречься ложных советников – пособников и наёмников подлого врага».

В этот же день были арестованы члены либеральной депутации 9 января, в числе которых был и Максим Горький; студенты Политехнического института вместе с ректором Гагариным проводили в последний путь своего соученика, убитого в «кровавое воскресенье».

Газета «Русское слово» в номере от **16 января** констатировала: *«Вчера в некоторых фабриках и заводах возобновились работы, другие же продолжали бездействовать. Очень немногие фабриканты и заводчики пошли навстречу требованиям рабочих; остальные объясняют свое упорство боязнью, как бы исполнение этих требований не повлекло бы за собой в будущем новой забастовки, - рабочие захотят еще более льготных условий».*

Газета «Московский листок» **19 января** опубликовала следующее Правительственное сообщение: *«Его Величество Государь император в среду, 19 сего января осчастливил депутацию рабочих столичных и пригородных заводов и фабрик в Александровском дворце в Царском селе следующими милостивыми словами:*

«Я вызвал вас для того, чтобы вы могли лично от Меня услышать слово Мое и непосредственно передать его вашим товарищам.

Прискорбные события с печальными, но неизбежными последствиями смуты произошли от того, что вы дали себя вовлечь в заблуждение и обман изменниками и врагами нашей родины.

Приглашая вас идти подавать Мне прошение о нуждах ваших, они поднимали вас на бунт против Меня и Моего Правительства, насильственно отрывая вас от честного труда в такое время, когда все истинно-русские люди должны дружно и не покладая рук работать на одоление нашего упорного внешнего врага.

Стачки и мятежные сборища только возбуждают безработную толпу к таким беспорядкам, которые всегда заставляли и будут заставлять власти прибегать к военной силе, а это неизбежно вызывает и неповинные жертвы.

Знаю, что не легка жизнь рабочего. Многие надо улучшить и упорядочить, но имейте терпение. Вы сами по совести понимаете, что следует быть справедливым и к вашим хозяевам и считаться с условиями нашей промышленности. Но мятежною толпою заявлять Мне о своих нуждах - преступно.

В попечениях Моих о рабочих людях озабочусь, чтобы всё возможное к улучшению быта их было сделано, и чтобы обеспечить им впредь законные пути для выяснения назревших их нужд. Я верю в честные чувства рабочих людей и в непоколебимую преданность их Мне, а потому прощаю им вину их».

Расклеенная по всему Петрограду речь Императора была дополнена объявлением о том, что он пожертвовал на нужды пострадавшим пятьдесят тысяч рублей

«В замутившейся воде всплывают тёмные дельцы, ставленники Плеве и жандармов, ныне переходящие в ведение Трепова, назначенного петербургским генерал-губернатором. Неудача 9 января ведёт за собою новую: к царю приводят депутацию от рабочих, составленную наполовину из стариков черносотенцев.

Старикам настрого приказано было молчать, что бы ни говорил Николай, агентам даны были инструкции.

Речь царя на этот раз была не в шапке, а в руках, и произнося её, Николай сам роздал по экземпляру делегатам.

« А в рабочих кругах аудиенция произвела ещё худшее впечатление, чем в обществе. Старики были осмеяны, царские листки разорваны. Все вообще убедились в готовности Трепова опуститься на самое дно провокации, и он вскоре показал себя»⁵³

Через день, 20 января, элегантным бюрократическим ходом был отставлен министр внутренних дел Пётр Дмитриевич Святополк-

Мирский, прежде сменивший убиенного Плеве, теперь уступивший министерское кресло члену Государственного Совета Александру Григорьевичу Булыгину: *«Генерал-адъютант князь Святополк-Мирский уволен в отпуск за границу для лечения болезни на 11 месяцев...Высочайшим указом, данным правительствующему сенату 20-го января, член Государственного Совета, бывший помощник московского Генерал-Губернатора гофмейстер А.Г.Булыгин назначен министром внутренних дел».*

Потрясениям революционным сопутствовали потрясения бытовые, к числу которых относится обрушение Египетского моста, имевшее место 20 января 1905 года: *«Сегодня в 12 1/2 час. дня при следовании лейб-гвардии конного-гренадерского полка через Египетский цепной мост через Фонтанку, по направлению от Могилевской улицы к Ново-Петергофскому проспекту, в тот момент, когда головная часть полка уже подходила к противоположному берегу, мост обрушился. Находившиеся впереди офицеры успели проскочить на берег, нижние-же чины, в количестве двух взводов, шедшие в строй справа по 3 в ряд, вместе с лошадьми (упали) в воду. Упали также в воду проезжавшие в обратную сторону один ломовой и четыре легковых извозчика без седоков и несколько пешеходов. Вся настилка моста вместе с перилами и скреплениями, разорвав цепи и сломав часть чугунной опоры, проломала лед и оказалась на дне реки.*

К 2-м часам дня люди и лошади были извлечены из воды. Пострадавшие были отправлены в ближайшие приемные покои в лазарет Николаевского артиллерийского училища. Seriously пострадавших, по официальным сведениям, не оказалось. Из лошадей одна затонула, две были искалечены и, вытащенные на берег, пристрелены.

Причина несчастья, как предполагают, раскачка моста кавалерией при не вполне прочной конструкции...»

Газета «Новое время» писала по поводу случившегося: *«Жалкую картину представляет теперь бывший Египетский мост... Только чугунные, выкрашенные в красную краску сфинксы молчаливо, загадочно смотрят на волнующуюся толпу...»*

(Достоверная причина столь внезапной аварии так и осталась загадкой. Газеты шумно требовали расследования и "наказания виновных". Но эксперты пришли к выводу, что виноваты в случившемся два роковых обстоятельства: резонанс от ритмичного цоканья копыт и дефект (раковина) в одном из звеньев мостовых цепей).

По указу императора Николая Второго – в связи с событиями 9 января 1905 года - 29 января того же года под председательством сенатора, члена Государственного Совета Николая Владимировича Шидловского была учреждена комиссия, коей ставилась

задача «безотлагательного выяснения причин недовольства рабочих в городе С. – Петербурге и его пригородах и изыскания мер для устранения таких в будущем».

13 февраля. Санкт-Петербург. Газета «Право». «Объявлен порядок избрания в комиссию Шидловского. Право выборов предоставляется рабочим промышленных заведений, имеющих не менее 100 человек. Администрация, мастера и подмастерья на выборах рабочих не имеют права присутствовать. Избирается один выборщик на 500 рабочих, которые затем выбирают представителей. Доступ посторонним лицам на выборы запрещен. Указаны группы производств и число представителей по группам. Выборы выборщиков назначены на 13-е, а самих представителей — на 18 февраля.

На заводах происходили выборы выборщиков в комиссию Шидловского. На некоторых заводах они уже выбраны (Путиловский и другие). В некоторых случаях повторялись (Семянниковский). На заводе Макселя выборов не было, так как директор разорвал представленные рабочими требования, вследствие чего рабочие забастовали и отказались от выборов. На заводе Паля все кандидаты отказались, опасаясь за свою участь, и выборы не состоялись. Собрание успело принять все требования петиции Гапона (выборы состоялись на следующий день)».

Газета «Вперёд» добавляла по этому поводу. «На большинстве заводов приняты требования, выставленные Петербургским комитетом социал-демократов (большевиков), а именно: освобождение арестованных товарищей, неприкосновенность личности и жилищ, свобода собраний и слова для обсуждения требований в комиссии, для выбора депутатов (причем предварительно должно быть общее собрание выборщиков) и для отчета депутатов перед рабочими, право заседать в комиссии с решающим голосом наравне с прочими ее членами, свобода слова в комиссии, публичность заседаний, печатание в газетах подробного отчета о заседаниях комиссии. На некоторых заводах добавлены экономические и общие политические требования петиции 9 января. Заявлены также требования о праве выбора в депутаты интеллигентов».

От Комиссии Шидловского её учредители ждали предложений по проблемам экономическим, но её пролетарская часть, под влиянием агитации большевиков, обратилась и к проблемам политическим – гласности заседаний самой комиссии, свободы печати, освобождения арестованных товарищей и прочая. Шидловский эти претензии как выходящие за пределы компетенции Комиссии, отклонил, представил по этому поводу доклад «наверх» о неудаче работы комиссии, после чего та, в тот же день царским указом была распущена, а участвовавшие в её работе депутаты рабочие – арестованы.

По этому поводу интересны воспоминания Льва Давыдовича Троцкого: «Самым выдающимся в 1905 году было создание советов рабочих депутатов. В тогдашнем Петербурге образовался Совет Рабочих Депутатов. Как он образовался - этого в точности определить невозможно. Я очень хорошо помню первое заседание первого Совета Рабочих Депутатов. Он родился из массы. Стачка, могущественная стачка, захватила всех тогдашних петербургских рабочих. Потребность у рабочих как-то сговориться между собой была колоссальна, а партийные организации тогда были неизмеримо слабее не только чем теперь, но и по сравнению с 1917 годом. Партия была подпольной организацией, состояла из небольшой группки, которая из подполья руководила движением и бросала лозунги. Рабочей массе эти подпольные корешки партии не были видны, и потому эта потребность сговориться между собой вылилась в создание советов рабочих депутатов. В это время сверху была создана комиссия сенатора Шидловского, куда были выбраны 500 человек рабочих. Эта комиссия была

создана с целью допросить рабочих, чего они бунтуют. Эта бюрократическая, сенаторская, царская комиссия подсказала рабочим, что они могут выбрать свою организацию. И из случайного примера комиссии Шидловского и вырос первый Совет Рабочих Депутатов. Я рассказываю о Ленинграде, тогдашнем Петербурге, потому что я работал тогда там. В Москве шли по тому же пути. Через две-три недели после образования Совета, если выходило недоразумение с хозяином или была обида со стороны городского, говорили - надо идти в Совет. Даже если рабочий дурно поступит с женой, прибьет ее, - для разрешения конфликта отправлялись в Совет. Мало-помалу рабочие стали называть Совет "нашим правительством". Создалось такое положение, что при старом правительстве, которое еще существовало и у которого еще были гвардейские полки, армия, образовалось правительство рабочих. С мест, из глухой провинции стали обращаться в Совет»⁷²

25 января Кабинет министров постановил отменить религиозные стеснения, не основанные на законе. Через три дня рабочие Путиловского завода самочинно ввели восьмичасовой день; в ответ начальство вывесило объявление о десятичасовом рабочем дне под угрозой закрытия завода - рабочие сорвали объявление и забастовали.

31 января «наверх» были поданы записки петербургских и московских заводчиков и фабрикантов и инженеров с изложением взгляда промышленников на причины событий 9 января. В них, в частности, говорилось, что «не агитация революционеров, не иноземное вмешательство... а неустройство государства виновно в трагических событиях»

2 февраля. Петербург. Комитет «Литературного фонда» почтил вставанием память погибших 9 января литераторов и сотрудников газет. Короленко внес предложение ходатайствовать об освобождении Горького и Пешехонова («Новое время»).

3 февраля. Петербург. Собрание 105 приват-доцентов и лаборантов физического института приняло резолюцию о невозможности при теперешних условиях нормального течения академической жизни (Право)

Студенты академии художеств прекратили занятия как солидарные в протесте с другими учебными заведениями (Право). Студенты горного института прекратили занятия (Последние Известия).

Колпино. Закончилась забастовка на Ижорском заводе. В трубопрокатном цехе введен 10-часовой рабочий день. Уплачено жалование за все дни забастовки (газета «Вперёд»).

Петербург. Совет университета, по предложению профессора Введенского, ходатайствует о расследовании случаев избиения студентов в связи с событиями 9 января (Право).

Студенты статистических курсов МВД прекратили занятия, но так как занятия для 12 пожелавших учиться продолжались, то началась обструкция (Право).

4 февраля В Москве в 3 часа дня на Сенатской площади Кремля бомбой, брошенной Каляевым, убит проезжавший генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович. «Силой взрыва выбиты стекла в 64 окнах здания суда»

5 февраля. Москва. Студенты технического училища прекратили занятия до осени и решили принять участие в борьбе совместно с революционными партиями (газета «Последние Известия»).

6 февраля. Петербург. Совещание начальников высших учебных заведений под председательством попечителя Извольского постановило возобновить занятия со середины февраля. Ввиду возбужденного состояния учащихся, вызванного исключительными обстоятельствами времени, решено не применять никаких взысканий за участие в сходках. В случае возобновления занятий нежелательны увольнение учащихся, что всегда только вызывало более острые осложнения, вынуждавшие отказываться от принятых мер. Собрание также признало, что причины ненормального течения академической жизни лежат вне стен учебных заведений (Право). Студентами прекращены занятия в электротехническом институте (Право).

7 февраля. Петербург. Собрание студентов ун-та в количестве 3700 человек решило прекратить занятия до осени, 172 студента письмами в «Новом времени» заявили о своем неподчинении этому решению как *«партийному, а не общестуденческому»* (Право).

Киев. Состоялось собрание группы железнодорожных служащих, вызванное газетными сведениями о забастовке железных дорог (Вперёд).

Киев. Начало забастовки в управлении Юго-Западной железной дороги. Комитет выпустил воззвание к служащим управления Юго-Западной железной дороги по поводу стачки (Красная летопись).

События девятого января в столице, давшие толчок всероссийскому, чисто социально-экономическому протестному взрыву возбудили и межэтнические кровавые столкновения между армянами и татарами (согласно нынешней терминологии – азербайджанцами) - первый крупный конфликт между двумя древними этносами.

Как известно, после присоединения Закавказья попытки центральной власти распространить юридические нормы России на новые территории столкнулись с жёстким сопротивлением мусульманского населения, признававшего только судебные нормы шариата (обыденным, неподсудным считались у них кровная месть, многожёнство, брак с несовершеннолетними, ношение оружия, кража скота). По этой причине лжесвидетельство в гражданских судах жителей-мусульман приняло повальный характер.

Для достижения правовой однородности власти приняли меры к дискредитации ислама и ослаблению позиций мусульманской аристократии и в административные органы стали назначать христиан – армян. Однако результатом этого стало развитие у армян чувства национальной исключительности, что не соответствовало проводимой правительством политике ассимиляции. Поэтому начиная с 1880-х годов царское правительство поставило перед собой цель подорвать армянское господство в городах Закавказья и назначенный в 1886 году Главнокомандующий Кавказской администрацией князь Григорий Сергеевич Голицын, поддерживая мусульман, начал проводить армянофобскую политику.

Итогом этой политики стало то что армянское национальное движение стало усваивать террористические методы. В результате чего в ответ на репрессивные меры по отношению к армянам, было произведено несколько покушений на государственных чиновников. Одним из самых резонансных было покушение на Голицына, после которого в 1903 году он покинул Кавказ. Правление Григория Голицына было единственным случаем отхода царизма от проармянских позиций.

Нападения членов армянской организации Дашнакцютюн на царских чиновников дало властям возможность проверить лояльность мусульман. Последние в свою очередь

восприняли пособничество правительства, как молчаливое согласие на вседозволенность. В январе 1905 году в чайханах распространился слух, что армяне хотят напасть на мусульман во время шиитского праздника Магеррам (Мухаррам). В таких условиях похороны любой жертвы заказного убийства, ареной которых тогда был Баку, превращались в общенациональные демонстрации. 6 февраля после расстрела армянами рабочего-азербайджанца в Баку начался погром. Вооружённые группы мусульман, съехавшиеся или собранные в центре Баку, убивали всех встречных армян.

Далее – сведения из февральских, 1905 года, номеров газеты «Вперёд»:

«8 февраля. Баку. Продолжается погром. На Базарной действуют погромщики и гремят залпы, а рядом на Парапете спокойно стоят рота солдат и 50 казаков. По Губернаторской громилы с награбленным проходят безнаказанно мимо взвода солдат, говорящих, что им не приказано трогать погромщиков. На Церковной в доме Даладжанова и Лазаревой сожжены десятки армян. На Шемахинке татары сожгли дом Лалаева на глазах городских и казаков.

Все дома сперва обстреливались залпами. Околоточные разгуливали с папиросками среди происходивших неистовств; пьяные городские за деньги провожали опоздавших. Помощник пристава Султанов открыто ходил с шайкой татар и, увидя армянина, кричал: *«Вот заяц, убивайте его»*.

На глазах солдат, стоявших у офицерской квартиры, татары убивали людей и даже, отрезав голову, бросали в огонь. У татар были казенные большие револьверы; полиция раздавала оружие из 4-го участка, из крепости, на Чемберкенди и других местах. Раздавал пристав Салтанов; продавали патроны казаки. Губернатор Накашидзе заявлял жителям, что он «не в силах помочь». На промыслах и заводах стачка

9 февраля. Баку. После полудня армянское и магометанское духовенство с властями и почетными жителями в сопровождении войск обошли город и обезоружили шайки громил. Население начинает успокаиваться, все учреждения еще закрыты, убийства и грабежи продолжаются. Трупы не убраны (Право).

Царские власти, зная о фанатизме и невежестве татар, разжигали их вражду к армянам с целью помешать революционному движению на Кавказе. Губернаторы охотно принимали татар в полицию и науськивали их на армян, проповедуя о желании армян забрать Кавказ и вырезать татар. Еще прошлым летом пристав Салтанов натравил на фабрике Мирзабельянца татар на армян, было много избитых и раненых, и сам он убил армянина.

Назначенный губернатором бывший эриванский вице-губернатор кн. Накашидзе, известный ненавистник армян, отличившийся с прокурором Канчели отбиранием имущества армянских церквей, бюрократ-самодур и карьерист, — дал волю татарской провокации, усилил политику национальной травли, смотрел сквозь пальцы на участие полиции в волнениях на фабрике Мирзабельянца, убийствах на Шемаханке и др. Мусульмане под крылом полиции действовали безнаказанно. Под этим влиянием и произошли события в Баку, когда в течение 3 суток улицы представляли поле битвы, где легли не сотни, а, может быть, тысячи жертв»

13 февраля Москва. Опубликовано обращение преподавателей средних учебных заведений, в котором сказано, что *«Так дальше жить нельзя»*... В Лазаревском институте восточных языков состоялась сходка. Студенты технического училища

постановили прекратить занятия до осени. Закрыто общежитие и столовая межевого института. Московский университет, ввиду решения большинства студентов, советом закрыт. Избирается комиссия профессоров для обсуждения вопроса о способах возобновления занятий. Состоялось первое собрание союза инженеров, присутствовало 150 чел. Прочтена записка 193 петерб. инженеров, поданная в кабинет министров (Газета «Право»).

14 февраля. Орехово-Зуево (Владимирской губернии). Узнав о бойне 9 января, рабочие стали волноваться. Ткачи фабрики Викулы Морозова бросили работу и пошли к прядильщикам, но были разогнаны казаками. Из Владимира были вызваны войска. Затем, когда войска ушли, забастовали рабочие фабрики Саввы Морозова в количестве 12000 человек и Викулы Морозова — 19000 человек. Забастовка перекинулась в Зуево на фабрики Зимина, Ликина, Смирнова, Дулева и Кузнецова. Требования экономические (Вперёд).

Одесса. Железнодорожные рабочие выставили требования, которые удовлетворены. На двух заводах была забастовка, требования бастующих удовлетворены (Вперёд).

Ростов-на-Дону. В Горнозаводском районе сильное брожение. На станции Волынцево стачка, длящаяся более 8 дней; убытки громадные, поведение рабочих образцовое. Стачки в Юзовке, Горловке и других. (Вперёд).

Киев. Демонстрация безработной прислуги у рекомендательных контор и по улицам. Арестовано 6 человек. (Право).

15 февраля. Петербург. Собрание студентов института инженеров путей сообщения закрытой баллотировкой (462 против 262) прекратило занятия (Право). Кабинет министров отменил ограничительные меры к изданию священного писания на малорусском языке. Запрещение наложено в 1863 г. ввиду того, что *«перевод этот не оправдывался ни свойством языка, ни потребностями народа, а имел чисто политический характер»* (Право).

16 февраля. Петербург. Записка сахарозаводчиков останавливается главным образом на опасности для сахарной промышленности крестьянских волнений и указывает на необходимость политических реформ («Право»).

Петербургский социал-демократический комитет (большевиков) постановил организовать, депутацию от выборщиков для предъявления требований Шидловскому (Пролетарская революция).

17 февраля. Санкт-Петербург. В «Руси» дословно перепечатана прокламация большевиков, принятая выборщиками 4-й группы в комиссию Шидловского. Если доселе рабочие демонстрации могли говорить о наличности в среде рабочих сочувствия требованиям социал-демократов, то теперь пролетариат в целом хотя бы одного города признал своим родным то, что отстаивают с.-д. («Вперёд»). Выборщики в комиссию Шидловского, собравшись на разрешенное им собрание, предъявили свои требования, заявив, что, в случае отказа в исполнении их, они откажутся от выборов.

18 февраля. Петербург. Ввиду полученного от комиссии Шидловского ответа, что многие из предъявленных вчера требований не могут быть исполнены, как выходящие /25/ из пределов задач комиссии, явившиеся сегодня на выборы по группам соответственных отраслей промышленности выборщики семи групп из 9 отказались от выборов. Образование и заседание комиссии не состоялось (Правительственный

вестник). Многие заводы бастуют ввиду отклонения их требований в комиссии Шидловского. Рабочие усиленно требуют вооружения (Вперёд).

Опубликован рескрипт министру внутренних дел Булыгину о «привлечении достойнейших, доверием народа облеченных, избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждению законодательных предположений» (Правительственный вестник). Указ сенату о праве петиций.

Москва. Завтра ждут мобилизации черной сотни. Некоторые общественные деятели получили угрожающие письма. Окна многих магазинов Кузнецкого и Тверской забиваются щитами (Газета «Вперёд»).

Луганск. Рабочие остановили железнодорожные мастерские, эмалировочный завод, все типографии, мелкие мастерские и начинавший было работать патронный завод. По улицам шла толпа в 5–6 тысяч человек. Гартмановские рабочие добились исполнения некоторых требований (9-часовой рабочий день) (Газета «Вперёд»).

Орел. На заборах появилось черносотенное воззвание, указывающее, что в России-де скоро будут править *«жиды, доктора, адвокаты, студенты-недоучки, курсистки, гимназисты и всякая т. п. сволочь»*. Предлагается *«постоять за отечество»* и *«объявить смерть студентам»* (Газета «Право»).

20 февраля. Тамбов. Губернатор запретил земской управе рассмотрение 14 вопросов: о приглашении служащих, о крестьянском вопросе, о цензуре, о новом аптекарском уставе и другое. (Газета «Право»).

Казань. Банда лабазников ловила и избивала студентов. Обнаружено 12 случаев ранений, один очень серьезный. К студенту, угрожавшему стрелять, бросился пристав, три городских и жандарм, отняли револьвер и оставили студента на растерзание громилам. Адвокаты организовали юридическую помощь.

Москва. Слухи о предстоящем избиении студентов и интеллигенции разрастаются (Газета «Право»).

Тамбов. В губернской типографии забастовка прекращена полицейскими средствами (Газета «Право»).

Москва. В церкви епархиального дома произносились речи с обвинением интеллигенции в измене и крамоле (Газета «Право»).

Курская и Орловская губернии. С **10 февраля** в Севском и Дмитриевском уездах происходит крестьянское движение, достигшее значительных размеров. Нападения почти ежедневны, увозят хлеб, опустошают усадьбы, рубят леса. Уже разгромлено 15 имений. Помещики просят о присылке войск (Право). Волнения перешли в Севский уезд Орловской губернии и Глуховский уезд Черниговской губернии. В Дмитриевском уезде уничтожены Георгиевский сахарный завод барона Мейендорфа, пострадало и имение. Перейдя в Глуховский у., крестьяне разгромили до 20 экономий. Разгромлен и сожжен Михайловский рафинадный завод (более миллиона пудов сахара) и большой лесопильный завод Терещенко в Хинельском имении, машиностроительный и винокуренный заводы в Свесе и сама Свеса.

Из Киева, Чернигова и Харькова двинуты войска (Газета «Право»). В середине февраля в имение купца Попова Дмитриевского уезда Курской губернии явились крестьяне с лошадьми и вырубали более 400 деревьев. В соседнем Севском уезде крупные волнения в имении великого князя Михаила «Брасове». На 19 февраля крестьяне ждали прирезки земли (Газета «Вперёд»).

В Глуховском уезде Черниговской губернии начались крестьянские волнения. Петербург. Студенты лесного института 410 голосами против 16 постановили прекратить занятия (Газета «Право»).

Петербург. В сороковой день петербургской бойни (9-го января) на Путиловском заводе, как и на многих других, рабочие потребовали отслужить панихиду по убитым товарищам. Церковь не вмещала толпы (Газета «Вперёд»).

Кавказ. «Пятигорский листок» сообщает, что из горцев, пожелавших отправиться на Дальний Восток, чеченская сотня не захотела служить. 40 человек из них 27 преданы суду. Один приговорен к смерти и расстрелян кабардинцами, остальные осуждены на 18 лет каторги (Газета «Право»).

Петербург. В сороковой день петербургской бойни (9-го января) на Путиловском заводе, как и на многих других, рабочие потребовали отслужить панихиду по убитым товарищам. Церковь не вмещала толпы (Газета «Вперёд»).

22 февраля. Петербург. Дума приняла адрес царю по поводу призыва представителей к законодательству ... Собрание союза инженеров, возмущенное событиями 6–9 февраля в Баку, превзошедшими ужасы Кишинева и варфоломеевской ночи, присоединилось к протесту 2000 бакинских граждан и требует общественного суда, так как правительственный суд не может иметь место там, где само правительство является подсудимым (Газета «Право»).

Чернигов. В Глуховский уезд на место крестьянских волнений выехал губернатор с двумя ротами солдат и полицией.

Варшава. В пределах ген.-губернаторства объявлено обязательное постановление о воспреещении возбуждения гминных, посадских и сельских сходок к нарушению действующих по крестьянскому самоуправлению узаконений и иных правительственных распоряжений (Газета «Право»).

Самтреди. Скрывшимся неизвестным убит из берданки на базаре только что назначенный пристав Чакваладзе (Газета «Право»).

Севский у. (Орлов. губ.). Разгромлен крестьянами Хиневский завод Терещенко (Газета «Право»).

23 февраля. Севский и Глуховский уу. Крестьянами разгромлены две экономии Терещенко (О. Д. п., 212).

24 февраля. Записка 32 еврейских обществ председателю кабинета министров указывает на полное бесправие, приведшее в нищенство евреев черты оседлости, составляющих до 90% населения в некоторых местностях. Записка считает единственным выходом — предоставление элементарных прав существования и отмены всех ограничительных законов, действующих для евреев (П., 737).

25 февраля. Москва. Закончился съезд земцев. Принят ряд программных требований, в частности, о наделе крестьян за счет земель казенных, удельных и частновладельческих; требование участия земств и городов в комиссии Булыгина («Известия»).

Петербург. Отменены религиозные стеснения, установленные в административном порядке и «не основанные на законе» («Право»).

Три дня, начиная с **12 января**, длилась в Риге и Варшаве всеобщая стачка протеста против расстрела демонстрации рабочих Петербурга. Вспыхнуло стачечное движение и забастовки на железных дорогах России, начались и общероссийские студенческие политические забастовки. В мае 1905 года началась всеобщая стачка иваново-

вознесенских текстильщиков, бастовало 70 тысяч рабочих более двух месяцев. Во многих промышленных центрах возникли Советы рабочих депутатов, среди них первым и одним из наиболее известных был Иваново-Вознесенский Совет.

Социальные конфликты отягощались конфликтами на национальной почве – столкновения армян с азербайджанцами, начавшиеся на Кавказе в 1905 году, продолжились в году 1906-ом.

17 марта 1905 года Святейший Синод Русской православной церкви единогласно высказался за восстановление отменённого Петром Первым патриаршества и созыв поместного собора.

В конце января 1905 года министр земледелия и государственных имуществ Алексей Сергеевич Ермолов обратился к императору с предложением ввести выборную Земскую думу для предварительного рассмотрения важнейших законопроектов. По этому поводу, в феврале, дважды собирался Совет министров, никаких решений не принявший. Тем не менее, вскоре министру внутренних дел Александру Григорьевичу Булыгину был даден царев рескрипт, поручавший ему председательствовать в Особом совещании для разработки положения о Государственной думе (по имени своего создателя этот проект получил наименование «Булыгинской думы»).

Царево поручения было исполнено и подготовленный в Министерстве внутренних дел проект обсуждался на совещаниях у Николая Второго в Новом Петергофе при участии великих князей, членов Государственного Совета и министров. Согласно проекту, Дума, созыв которой (на пятилетний срок) планировался в начале 1906 года, получала право обсуждать все законопроекты, бюджет, отчёт государственного контроля и давать по их поводу заключение с последующей передачей их в Государственный Совет, откуда законопроекты с заключениями Думы и Совета представлялись на «Высочайшее благоволение».

Избрание членов Государственной Думы должно было проводиться губернскими избирательными собраниями землевладельцев и уполномоченных от волостей под председательством губернского предводителя дворянства или собранием городских избирателей под председательством городского головы.

В мае 1905 года началась очередная стачка Иваново-вознесенских рабочих и это их выступление было одной из очередных, с конца девятнадцатого века начавшихся, вспышек массового пролетарского протеста против невыносимых условий жизни и труда. Как зафиксировала историческая статистика, заработок жесточайше эксплуатировавшихся квалифицированных текстильщиков и рабочих массовых профессий, по уровню своему уступал не только заработкам рабочих двух российских столиц, но и заработкам рабочих других городов.

Невыносимый – по длительности и протяжению - рабочий день на фабриках Иваново-Вознесенска, под давлением, первых протестных стачек был законодательно «облечён»: рабочий день был ограничен от десяти (для женщин и детей) до одиннадцати с половиной часов, но никак не ограничивалось сверхурочное время. (Из-за низкой оплаты труда в основное рабочее время текстильщики работали в сверхурочные часы, когда труд оплачивался по двойному тарифу.) Как свидетельствует исследователь жизни текстильщиков Николай Иванович Воробьёв:

«В отбельном отделении и на плюсовке рабочие употребляют противоядие — молоко или лук, так как воздух, насыщенный едкими ядовитыми газами, действует как острая трава; рабочие

часто впадают в обморок. В сушильном отделении работы производятся при температуре, достигающей до 60°, рабочие снимают во время работы рубашки. На мойных машинах рабочий не может работать больше двух лет. В химической лаборатории — те же невыносимые условия, как и в отбельном и плюсовочном отделениях. У прессовальщиков, которым приходится работать рельефы с помощью „крепкой водки“ (смесь кислот), обыкновенно вываливаются зубы. Ещё молодой рабочий, проработавший прессовальщиком 14 лет, потерял все коренные зубы. Воздух в помещениях прессовальных отделений до такой степени пропитан парами, что газетная бумага желтеет через 2—3 часа»⁷³.

Косили текстильщиков чахотка, травмы и увечья (результат сверхплотно установленных станков), за которые не знавшие пенсионного обеспечения рабочие могли получить только единовременное пособие. Действовавшая на предприятиях система штрафов давала фабрикантам существенный доход - штрафовались рабочие и за «нарушение в помещениях тишины и спокойствия», за «несоблюдение в фабричных и жилых помещениях чистоты и опрятности», за «принос с собой спичек», за «непосещение церкви» и прочая и прочая.

Стачка 1905 года, проходившая с середины мая по конец июля под руководством большевистской организации - с двадцатилетним Михаилом Фрунзе во главе, - началась как экономическая, но вскоре превратилась в политическую. Бастующие требовали восьмичасового рабочего дня, повышения зарплат, отмены штрафов, ликвидации фабричной полиции, свободы слова, союзов, печати, стачек, созыва Учредительного собрания. .

С началом выступления рабочие создали Собрание уполномоченных депутатов, далее действовавший как революционный орган власти, реализовывавший в своей недолгой жизни на месте требования бастующих. Царевы слуги на пролетарскую самостоятельность ответили карательной экспедицией - в начале июня у реки Талка были расстреляны митинговавшие рабочие. Лишь голод принудил рабочих удовлетвориться частичными уступками предпринимателей и возобновить работу.

В череде событий, отмеченным революционным всплеском не только социально-экономического, но и национально-политического характера, стало выступление польских рабочих, случившееся в конце июня 1905 года в городе Лодзи Петроковской губернии Царства Польского. Ему предшествовала бурная, несколько месяцев длившаяся сумятица с чередой забастовок, с соответствующей реакцией представителя центральной власти в Польше. Об этом, частности, пишет газета «Право»: « **Варшава.** В пределах ген.-губернаторства объявлено обязательное постановление о воспреещении возбуждения гминных, посадских и сельских сходов к нарушению действующих по крестьянскому самоуправлению узаконений и иных правительственных распоряжений».

Летнее восстание в Лодзи вспыхнуло самопроизвольно, замысел его не исходил ни от одного сколь-нибудь организованного отряда. Где-то в дни солнцестояния, после ряда ранее начавшихся стычек с органами власти, озлобленные рабочие приступили к возведению баррикад, атаковали полицейские и военные патрули. Введшие военное положение органы власти вызвали подкрепление. 23 июня работа на предприятиях остановилась: полицейские и военные патрули штурмовали огромное количество возведённых рабочими баррикад. Через два дня восстание было подавлено; количество убитых и раненых составило несколько сотен человек. Беспорядки в Лодзи, уже не столь глобальные, продолжились, постепенно затухая, ещё несколько месяцев.

Непопулярная война с Японией, нёсшая России поражение за поражением как на суше (сдача крепости Порт-Артур, мартовский провал сражения за Мукден), так и на море (в мае 1905 года в сражении под Цусимой Российскому флоту было нанесено сокрушительное поражение), привела к резко отрицательной реакции на совершившиеся бедствия в центре страны, Погибшие под Цусимой корабли прежде входили в состав Балтийского флота и их бесславная гибель возродила и возбудила среди флотских, в том числе, личного состава Черноморского флота прежде ходившие слухи о возможной отсылке на театр военных действий черноморских моряков, в том числе в среде экипажей судов, находившихся весной-летом 1905 года в акватории Одессы.

В этом приморском городе, с весны 1905 года охваченном всенародным смятением, стачками, ожиданием еврейских погромов, произошли в означенную пору события, оставшиеся в исторической памяти как «восстание на броненосце Потёмкин», ставшее реакцией нижних матросских чинов на очередное издевательское отношение к ним судовых офицеров; реакцией, которую подогрела предреволюционная атмосфера, сложившаяся в России, в припортовом городе Одесса.

Известно, что 13 июня 1905 года броненосец «Потёмкин» прибыл из Севастополя в акваторию Гендровской косы (что в 100 морских милях от Одессы) для проведения учебных стрельб. Перед началом стрельб капитан броненосца отправил сопровождавший его миноносец в Одессу – за продовольствием. Оно было приобретено, в том числе двадцать восемь пудов говядины, уже тронутой печатью увядания и белыми мясными червями. Далее она, по возвращении провиантской команды на броненосец, была без задержки (холодильных камер тогда не было) отправлена на камбуз, на приготовление борща для матросов.

Те, предварительно принявшие положенную предобеденную чарку и ею подогретые, узнав о содержании приготовленного им на подгнившем мясе яства сперва возмутились. Когда же особо ретивыми офицерами были отобраны для экзекуции собратья по службе, матросы подняли мятеж, перебили ненавистных старших чинов, захватили корабль (и миноносец) и взяли управление ими в свои руки.

На корабле, ставшем на рейде охваченной всеобщей забастовкой Одессе, актив революционной команды встретился в группой местных социал-демократов, предложивших матросам высадить на берег десант, устроить в городе «бузу»; предложение не прошло, но было решено устроить в порту торжественные проводы в последний путь убитого офицерами корабля артиллерийского квартирмейстера Вакуленчука (что и было сделано),

Вошедшие в город войска, местная полиция блокировали порт, вступили в столкновения с бунтующими горожанами. Броненосец «Потёмкин» завершив стояние на рейде прощальными выстрелами носового орудия по городу, отправился в переход в сторону Румынии. За время его следования на некоторых других кораблях произошли неудачные попытки их захвата служилыми матросами. В румынском порту Констанца местные власти согласились принять мятежных беглецов в статусе военных дезертиров, но те отказались, вернулись в Одессу, затем, уже вторично, - в Констанцу, где, согласившись с условиями принимающей стороны остались; броненосец, кораблями русского Черноморского флота, был отбуксирован в его расположение. Так – в кратком, беглом, без попыток аналитического обобщения описании – завершилась недолгая эпопея взбунтовавшегося боевого корабля.

Более масштабно, с более печальным исходом восстание черноморских моряков повторилось пять месяцев спустя, на восставших в Севастополе кораблях при участии в этом мятеже лейтенанта Петра Петровича Шмидта.

События эти последовали вслед за изданием Манифеста 17 октября, после которого бурление народа было так велико, что собравшийся в Севастополе митинг перерос в политическую демонстрацию с требованиями освободить политических заключенных. Но подошедших к тюрьме демонстрантов расстреляли, погибло восемь человек, несколько десятков были ранены. Капитан 2-го ранга Шмидт (до «лейтенанта» его опростили много позже) потребовал наказать виновников расстрела. На похоронах погибших демонстрантов – 20 октября - он выступил со знаменитой «клятвой Шмидта» («Клянёмся в том, что мы никогда никому не уступим ни одной пяди завоёванных нами человеческих прав»), за что был заключён под стражу на броненосце «Три святителя», откуда он сбежал.

Дале, 12 ноября, делегаты от экипажей крейсера «Очаков» и других революционно захваченных судов, попросили Шмидта возглавить городское восстание и получили его согласие. Шмидт объявил себя командующим Черноморским флотом, дав сигнал: «Командую флотом. Шмидт». В тот же день он отправил телеграмму Николаю Второму: «Славный Черноморский флот, свято храня верность своему народу, требует от Вас, государь, немедленного созыва Учредительного собрания и не повинуется более Вашим министрам. Командующий флотом П. Шмидт».

Выбросив на «Очакове» адмиральский флаг и дав сигнал: «командую флотом, Шмидт», с расчетом сразу привлечь этим к восстанию всю эскадру, он направил свой крейсер к «Пруту», чтобы освободить потемкинцев. Сопrotивления никакого не было оказано. «Очаков» принял матросов-каторжан на борт и обошел с ними всю эскадру. Со всех судов раздавалось приветственное «ура». Несколько из судов, в том числе броненосцы «Потемкин» и «Ростислав», подняли красное знамя; на последнем оно, впрочем, развевалось лишь несколько минут.

Утром 15 ноября на «Очакове» был поднят красный флаг. Против восставшего крейсера правительство немедленно начало военные действия. В состоявшемся морском бою царская сторона одержала полную победу. Шмидт вместе с другими руководителями восстания были арестованы, судимы и расстреляны.

Бурные события первой половины 1905 года вынудили верховную власть рассмотреть проект о введении «центрального народного представительства (Думы) в дополнение к уже существовавшему на местах земствам. Этот проект был разработан в ведомстве министра внутренних дел Александра Григорьевича Булыгина (отсюда название) и утверждён во второй половине июля 1905 года на трёх особых совещаниях в Новом Петергофе с участием других министров, членов императорской фамилии и представителей Госсовета. Об учреждении «Булыгинской думы» было объявлено в манифесте Николая Второго от 6 августа 1905 года. В тот же день появилось и «Положение», определявшее порядок выборов в неё.

«Булыгинскую думу» предполагалось созвать не позже середины января 1906 года. Избирательные права распространялись на довольно узкий круг лиц. Их не имело ни большинство рабочих, ни военнослужащие, ни женщины. Избиратели делились на три группы: крупных землевладельцев; собственников городских недвижимостей стоимостью не менее полторы тысячи рублей (в столицах – не менее трёх тысяч рублей); уполномоченных от волостей (крестьян).

Распределение голосов основывалось не на численности избирателей (к примеру, один человек – один голос), а на размерах собственности.

«Булыгинская Дума» получала довольно ограниченные права и должна была стать не законодательным, а законосовещательным учреждением: постановления депутатов не имели обязательной силы для верховной власти, а лишь передавались на её усмотрение. Даже и при этом любая законодательная инициатива Думы могла исходить не менее чем от тридцати её членов, а не от одного. Если её отвергал министр, к ведомству которого относился думский законопроект, то последний передавался верховной власти лишь после положительной экспертизы Госсовета и в случае, если его поддерживало не менее двух третей думских депутатов.

Обещание созвать Государственную думу со стороны самодержавной власти являлось бесспорной уступкой – весьма скромной и запоздалой. В октябре 1905 года разразилась Всероссийская политическая стачка, в которой участвовало около двух миллионов человек. В рядах забастовщиков, требовавших свержения самодержавия и созыва Учредительного собрания, оказались не только рабочие, но и служащие, интеллигенты. Вся жизнь страны была парализована. Не имевшая в своем распоряжении достаточного количества надежных войск власть попала в критическое положение, заколебалась, теряя контроль над ситуацией, видя неэффективность репрессивных мер.

В этих условиях спасителем династии Романовых выступил опальный (с 1903 года) Сергей Юльевич Витте, видевший выход из сложившейся ситуации в либеральных реформах, проведение которых могло бы привлечь на сторону самодержавия оппозицию. После долгих колебаний Николай Второй подписал – 17 октября 1905 года – Манифест, коим пообещал даровать населению демократические свободы, предоставить Думе законодательные права, расширить круг лиц, имеющих возможность участвовать в выборах депутатов. Спустя два дня монарх именным указом реанимировал существующий, ещё с 1857 года, но крайне редко собирающийся Совет министров, превратив его в постоянно действующее высшее государственное учреждение – в правительство Российской империи. Руководство Советом возлагалось на особое должностное лицо – председателя Совета министров и первым его главой стал Сергей Юльевич Витте.

Конец лета ... прошёл в частичных забастовках и окончательной организации «Союза союзов» и Центрального совета рабочих депутатов... Школы с весны были закрыты.... В конце сентября общая стачка стала неизбежной

Столицы словно вымерли. Ночью на улицах было темно, как в средние века. В больницах нельзя было оперировать, так как не было в водопроводах воды.

Прекращались банковские операции...Биржевые ценности стремительно летели вниз. Крупная буржуазия несла грандиозные убытки и волновалась, но это и был единственный моральный союзник правительства. Всё остальное население империи, от среднего чиновника и интеллигента до самого скромного рабочего, было объято какой-то сверхъестественной солидарностью, объясняющей длительность и дружность главного момента стачки – недели перед 17 октября. Поэтому нельзя удивляться охватившей Царское Село и Петербург (чиновничий) панике и готовности правительства и царя пойти на любые уступки народу, неожиданно показавшему такие острые зубы.17 октября, после краткого совещания с князем Оболенским и несколькими другими не потерявшими головы сановниками, Витте

переписал начисто проект манифеста и повёз его к царю, который отсиживался ни жив ни мёртв в Петергофе.

В итоге, выборы в так называемую «Булыгинскую думу» не состоялись, а 17 октября 1905 года появился царский Манифест «Об усовершенствовании Государственного порядка», содержанием своим даровавший населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов; устанавливавший вступление в силу всякого закона Российской империи только после его одобрения Государственной Думой; обещавший, по мере возможностей, привлечь к выборам в Государственную Думу классы общества, прежде такой возможности лишённые (то есть Манифест корректировал «булыгинский проект» наделения Думы законодательными функциями).

Срок действия избранной Думе устанавливался в пять лет, до истечения которого император мог распустить её, назначив одновременно новые выборы и время созыва на работу новых избранников. Затеянная конституционная реформа предполагала создание некоего подобия двухпалатного парламента, в котором роль нижней палаты отводилась Государственной Думе, а

верхней – Государственному Совету.

Царский манифест расколол натрое мятущиеся народные массы – на категорически не допускаящих посягательств на монархические устои государства; на принявших с восторгом (правда, недолго пожившим) возможность его конституционного обновления; на тех, кто резко усилил антимонархические акции протеста, доведя их до Декабрьского, 1905 года, вооружённого восстания.

Меру ликования, по случаю царёва дарения, граждан и их социальный состав можно оценить по написанной Ильёй Ефимовичем Репиным картине «17 октября 1905 года». «Петербургская газета» в номере от 5 апреля 1912 года, сообщая о судьбе этого полотна, дала ему другое, более подходящее настрою персонажей наименование: «*Бывшая на международной выставке в Риме картина И.Е.Репина «Шествие экзальтированной молодежи» продана миллионеру Ханенко за 11,000 рублей. Об этом сообщают, как о каком-то чрезвычайном событии»*¹⁹⁶.

Словесную беспощадно-язвительную оценку выписанных на картине представителей торжествующих сограждан дал, представляющий первую «охранительную» часть общества Василий Васильевич Розанов: «...сумасшествие, энтузиазм и святая чистота русских мальчиков и девочек - вот что сплело нашу революцию, понесшую красные знамена по Невскому на другой день по объявлении манифеста 17 октября... Несут на плечах маньяка, с сумасшедшим выражением лица и потерявшего шапку. «До шапки ли тут, когда конституция». Лицо его не ясно в мысли, как именно у сумасшедшего, и видны только «глаза в одну точку» и расклокоченная борода... Умственная роль его небольшая: самого его несут на плечах, и он в свою очередь высоко держит над толпою «венки победы». Таким образом маньяк, как ему и следовало, вышел в простую деревянную подставку для плаката. Впереди всей процессии два гимназиста, и один не старше IV или

V класса, но и другой, старший, ближайший к зрителю, тоже не VIII класса, а класса VI или VII. Кто видал массы гимназистов, не ошибется, взглянув на лицо, к которому классу относится «питомец школы». Два эти гимназиста и стоящий позади шестиклассника студент в фуражке, положивший ему руки на плечи, - «инструктор» пения и идей - какая это опера!! Боже, до чего все это - так!..»⁷⁴

Начался «праздник непослушания» и «пир демократии». Манифест 17 октября провозглашал политическую амнистию, которая позволила вернуться в страну лидерам оппозиционных политических партий, а самим этим партиям выйти из подполья. Оппозиционные либералы создали партию кадетов, более умеренные – октябристов, так как манифест 17 октября удовлетворил их мечты. В то же время сторонники самодержавия решили, что манифест вырван у царя под угрозой насилия и должен быть отменён. Их называли «черносотенцами».

Руководители черносотенных, монархических партий утверждали, что «чёрная сотня» – это простой народ, спасавший Россию в ходе Смуты, в войне 1812 года, да и в другие времена. Они действовали силой против революционеров и евреев, которых считали виновниками начавшейся смуты. Революционные партии стали действовать более открыто, хотя окончательно из подполья не вышли. Репрессии против них продолжались. Революция привела к изменению принципов государственного устройства.

Российская империя стала конституционной монархией с легальной многопартийностью и другими структурами гражданского общества. Но народ, ставший ударной силой революции, от этого ещё ничего не получал. Так что октябрьская победа воспринималась лишь как первый шаг в борьбе за социальные права.

Значительная часть рабочей массы хотела действовать. В начале декабря железнодорожники начали новую забастовку. В столице она была подавлена, а Совет рабочих депутатов арестован за призыв не платить налоги. Но в Москве рабочие депутаты, находившиеся под влиянием большевиков, призвали к всеобщей стачке, которая 8 декабря переросла в восстание.

Вооружённое восстание в Москве представляло собой преимущественно партизанские действия. Небольшие группы вооружённых дружинников – эсеров и социал-демократов – внезапно нападали войска и полицию, и тут же скрывались в переулках и подворотнях. Рабочие строили баррикады, которые затрудняли движение войск. Перебросить войска в Москву из других мест тоже было трудно, так как железные дороги бастовали. Но в конце концов правительству удалось перевезти в Москву гвардейские части из Санкт-Петербурга.

Получив большой перевес в силах, армия провела зачистку улиц от вооружённых революционеров. Заставая гражданского человека с оружием в руках, военные расстреливали его. Дружины отошли в рабочий район Пресни, где на Горбатом мосту пытались сдержать натиск войск. Артиллерия была по жилым кварталам, Пресня горела. К 18 декабря восстание было подавлено.

В декабре 1905 – январе 1906 года восстания меньших размеров произошли в десятках городов страны от Новороссийска до Владивостока. Везде советы и революционные дружины на короткое время брали власть, но затем подходили воинские части и подавляли восстание. Поражение декабрьских восстаний привело к значительному ослаблению революционных партий и их авторитета.

Но оно оказало воздействие на самодержавие – в разгар Московского восстания были приняты законы, которые закрепляли и конкретизировали положения манифеста 17

октября. Попытка свержения самодержавия в декабре 1905 года окончилась неудачей. Ленин видел причины этого в плохой подготовке и координации, что как бы подтверждало оправданность его требования организационного централизма революционных сил. Но ведь в октябре волна рабочего и крестьянского движения не управлялась из единого центра, а достигла успеха.

Значит, причина поражения в другом. Декабрьское вооружённое восстание не было поддержано страной, да и большинством рабочих. Радикальный «авангард» оторвался от народной толщи и произошёл срыв, поражение революции. Но оно не было окончательным, ведь впереди были выборы в Государственную думу.

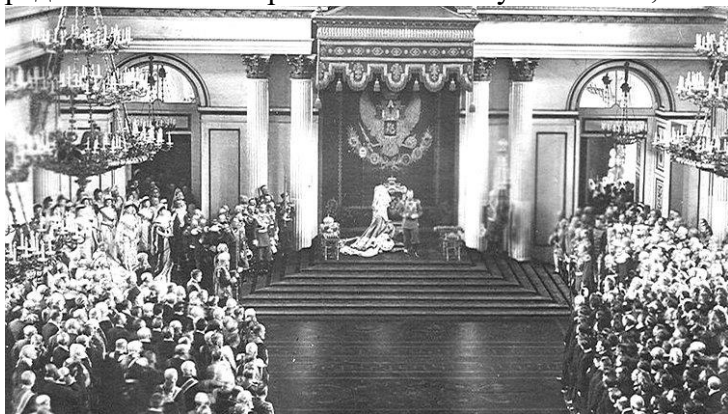
Казалось, что её законодательство подведет итог волнениям, удовлетворит насущные нужды народа. Под давлением революционных выступлений Николай II смирился с тем, что его власть будет ограничена парламентом. 11 декабря 1905 года издаётся указ «Об изменении положения о выборах в Государственную думу». В соответствии с ним практически всё мужское население страны в возрасте старше двадцати пяти лет (кроме солдат, студентов, подённых рабочих и части кочевников) получило избирательные права.

Первая Государственная дума

20 февраля 1906 года из властных недр появился документ, наименованный как «Учреждение Государственной думы». В нём строго определялась и указывалась компетенция новосозданному органу - , предварительная разработка и обсуждение законодательных предложений, утверждение государственного бюджета. Но выбираться должна была только нижняя палата парламента – Государственная дума, а верхней палатой становился наполовину назначаемый императором Государственный совет. Окончательно изменение политической системы было закреплено 23 апреля 1906 года в «Основных законах Российской империи», что означало превращение страны в конституционную монархию.

Провозглашалось, что никакой новый закон не может быть принят без одобрения Государственного совета и Государственной думы и «воспринять силу» без утверждения императора. Пересмотр «Основных законов» допускался лишь при единстве мнений государя и обеих палат парламента. Выборы в Государственную думу были непрямыми и неравными. Выборы проходили по куриям: уездных землевладельцев, городской, рабочей и крестьянской.

Каждая курия избирала выборщиков, которые уже выбирали депутатов. Представительство рабочих было уменьшено, а помещиков - увеличено. Крупные

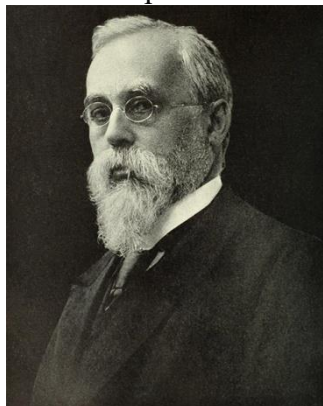

землевладельцы сразу избирали выборщиков от губернии, а остальные землевладельцы – сначала уездных выборщиков, а те уже – губернских. Также трёхступенчатыми были выборы от рабочих. Для крестьян выборы были четырёхступенчатыми. Соотношение голосов

землевладельческой, городской, крестьянской и рабочей курии было 1:3:15:45. Тем не менее, из-за своей многочисленности крестьяне выбирали большое число депутатов.

Выборы членов первой Государственной Думы прошли в феврале — марте 1906 года. Избрание депутатов от национальных районов и окраин состоялось позже, и пополнение состава Думы проходило уже в период ее работы. На выборах наибольшего успеха достигла Партия народной свободы (Конституционно-демократическая партия), получившая около трети депутатских мандатов. Часть социалистов, в том числе большевики, партия социал-революционеров (эсеры), Всероссийский крестьянский союз бойкотировали выборы, так как не признавали права царя принимать правила выборов и ограничивать полномочия парламента. Черносотенцы выборы проиграли.

Меньшевики заняли противоречивую позицию, заявив о готовности участвовать лишь на начальных стадиях выборов. Только правое крыло меньшевиков во главе с Плехановым стояло за участие в выборах депутатов и в работе Думы. Социал-демократическая фракция образовалась в Государственной Думе только 14 июня, после приезда семнадцати кавказских депутатов. В противовес революционной социал-демократической фракции, все, кто занимал правые места в парламенте (их называли «правыми»), объединились в особую парламентскую партию — Партию Мирного Обновления. Вместе с «группой прогрессистов» их было тридцать семь человек.

Второй по численности фракцией стала трудовая группа, сформировавшаяся незадолго до открытия Думы и объединившая в своих рядах большую часть депутатов-крестьян. Правые партии были представлены слабо, так же как и крайне левые. Итоги выборов определили в целом леволиберальный характер первой Государственной Думы.

Церемония торжественного открытия заседаний Государственной Думы и Государственного Совета состоялась 27 апреля 1906 года в Георгиевском зале Зимнего дворца. На ней с приветственной речью к «лучшим людям» России обратился Николай Второй.

В этот же день в Белом зале Таврического дворца состоялось первое заседание Думы, на котором председателем первой Государственной Думы был избран кадет Сергей Андреевич Муромцев, товарищами председателя — кадеты Павел Дмитриевич Долгоруков и Николай Андреевич Гредескул, секретарем кадет Дмитрий Иванович Шаховской. Работа Думы показала оппозиционный настрой депутатов по отношению к внутренней политике правительства. Депутаты выдвинули требования установить ответственность министров перед Думой, решить аграрный вопрос, гарантировать гражданские права свободы, провести политическую амнистию, отменить смертную казнь et cetera.

Наибольшую остроту в Государственной Думе вызывал аграрный вопрос. В ходе его обсуждения выдвигались различные требования, в том числе — полного уничтожения частной собственности на землю, а аграрной комиссии Думы было дано поручение составить закон о принудительном отчуждении помещичьих земель. 20 июня правительство выступило с заявлением о неприкосновенности частновладельческих земель и 8 июля указом Николая II Дума через семьдесят два дня после своего открытия была распущена.

Роспуск Государственной Думы, о котором было объявлено утром 9 июля 1906 года., стал для депутатов сюрпризом: депутаты пришли в Таврический дворец на очередное заседание и наткнулись на запертые двери. Рядом на столбе висел манифест за подписью царя о прекращении работы Первой Думы, так как она, призванная "вносить спокойствие" в общество, лишь *"разжигает смуту"*. Около двухсот депутатов, основную массу которых составляли трудовики и кадеты, незамедлительно выехали в Выборг с единственной целью: обсудить текст воззвания к народу "Народу от народных представителей". Уже вечером 11 июля текст отпечатанного воззвания сами депутаты начали распространять, возвращаясь в Петербург. Воззвание призывало к гражданскому неповиновению в ответ на роспуск Думы (неуплата налогов, отказ от воинской повинности). Реакция в стране на Выборгское воззвание была спокойной, лишь в некоторых случаях были попытки арестовать депутатов, распространявших воззвание. Народ, вопреки ожиданиям депутатов, практически не откликнулся на эту акцию, хотя в массовом сознании к этому моменту укрепилось мнение, что Дума все-таки нужна. Первая Дума прекратила свое существование, но распрощаться навсегда с Государственной Думой царь и правительство уже не могли. В Манифесте о роспуске I Думы говорилось, что закон об учреждении Государственной Думы "сохранен без изменений". На этом основании началась подготовка к новой кампании по выборам во II Государственную Думу.

Значительная часть депутатов, собравшись в Выборге 9 — 10 июля 1906 года, заявила о своем несогласии с царским указом и обратилась к населению с призывом пассивного сопротивления власти (не давать ни одного солдата в армию, «ни копейки в казну», не признавать государственных займов). Этот призыв нёс большую угрозу самодержавию, так как оно могло оказаться без средств. Депутаты, подписавшие Выборгское воззвание, были арестованы.

В упомянутом выше царском Манифесте от 9 июля 1906 года Манифесте созыв новой Государственной Думы назначался на 20 февраля 1907 года. Одновременно с роспуском первой Государственной Думы председателем Совета Министров России был назначен Пётр Аркадьевич Столыпин, который провозгласил новый правительственный курс «сначала успокоение, а затем реформы».

На новой должности, которую Столыпин занимал вплоть до своей гибели в 1911 году, он провёл пелый ряд законопроектов, вошедших в историю как столыпинская аграрная реформа, главным содержанием которой стало введение частной крестьянской земельной собственности. Принятый его правительством закон о военно-полевых судах ужесточал наказание за совершение тяжких преступлений. В числе других его реформ – введение земства в западных губерниях, ограничение автономии княжества Финляндского, изменение избирательного законодательства.

В последовавших выступлениях Столыпина перед депутатами Государственной думы проявились его ораторские способности, а его фразы *«Не запугаете!»*, *«Сначала успокоение, а потом реформы»* и *«Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия»* стали крылатыми. Из личных черт характера современниками выделялось личное бесстрашие Столыпина. На него планировалось и было совершено одиннадцать

покушений, последнее из которых, совершённое в Киеве Дмитрием Богровым, оказалось роковым.

Вторая Государственная дума

Выборы во Вторую Государственную думу Российской империи, просуществовавшую с 20 февраля по 2 июня 1907 года, Думу проходили по тем же правилам, что и в Первую Думу (многоступенчатые выборы по куриям) и сама избирательная кампания проходила на фоне хотя и затухающей, но продолжающейся революции. «Беспорядки на аграрной почве» в июле 1906 года охватили тридцать две губернии России, а в августе 1906 года крестьянскими волнениями было охвачено половина уездов Европейской России.

В итоге - по Закону от 5 октября 1906 года крестьяне были уравнены в правах с остальным населением страны, а Второй Земельный закон от 9 ноября 1906 года разрешал любому крестьянину в любой момент потребовать причитающуюся ему долю общинной земли. По «сенатским разъяснениям» избирательного закона (январь — февраль 1907 года) от выборов в Думу была отстранена часть рабочих и мелких землевладельцев.

Правительство любым путём стремилось обеспечить приемлемый для себя состав Думы: от выборов отстранялись крестьяне, не являющиеся домохозяевами, по городской курии не могли избираться рабочие, даже если они имели требуемый законом квартирный ценз, и так далее. По инициативе Столыпина в Совете министров дважды обсуждался вопрос об изменении избирательного законодательства (8 июля и 7 сентября 1906 года), но члены правительства пришли к выводу о нецелесообразности такого шага, поскольку он был связан с нарушением Основных законов и мог повлечь обострение революционной борьбы.

На этот раз в выборах участвовали представители всего партийного спектра, в том числе и крайне левые. Боролось, в общем, четыре течения: правые, стоящие за укрепление самодержавия; октябристы, принявшие программу Столыпина; кадеты; левый блок, объединивший социал-демократов, эсеров и другие социалистические группы. Устраивалось много шумных предвыборных собраний с «диспутами» между кадетами, социалистами и октябристами. И всё же избирательная кампания носила иной характер, чем при предыдущих выборах в Думу. Тогда никто не защищал правительство. Теперь же борьба шла внутри общества между избирательными блоками партий..

Открытие второй Государственной Думы состоялось 20 февраля 1907 года в Таврическом Дворце. Ее председателем был избран кадет Фёдор Александрович Головин, товарищами председателя-трудовик Михаил Егорович Березин и беспартийный Николай Николаевич Познанский, секретарем —кадет Михаил Васильевич Челноков. Главным вопросом во второй Государственной Думе по-прежнему являлся аграрный вопрос. Депутатское большинство подвергло резкой критике правительственную программу переустройства землевладения и землепользования, предложенную П. А. Столыпиным. Как и в первой Думе левые потребовали безвозмездного и принудительного отчуждения всех частновладельческих земель. Председатель Совета Министров Столыпин неоднократно выступал перед депутатами по этому

вопросу, отмечая, что насильственное перераспределение земли приведет к непредсказуемым социальным потрясениям.

10 марта 1907 года он произнес знаменитую фразу: *«Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия!»*.

1 июня правительство заявило об имеющихся сведениях о том, что социал-демократы, используя свой депутатский иммунитет, ведут антиправительственную деятельность вне стен Таврического дворца. От Государственной Думы было запрошено разрешение на лишение депутатской неприкосновенности шестнадцати депутатов с целью их немедленного ареста и отстранения от заседаний еще тридцати девяти членов социал-демократической фракции.

Дума создала комиссию с поручением срочно рассмотреть обвинение, однако в ночь на 3 июня социал-демократическая фракция была арестована и утром был опубликован Манифест о роспуске Второй Государственной Думы. Но при этом следующие выборы назначались уже по новому избирательному закону, который значительно сокращал курии рабочих и крестьян. Голос одного помещика приравнялся к двумстам шестидесяти голосам крестьян и пятиста сорока трём голосам рабочих. Закон был принят императором в обход Думы, что грубо нарушало закон.

По этой причине события 3 июня оцениваются в литературе как государственный переворот, совершенный сверху. К лету 1907 года революционные выступления рабочих, крестьян, брожение в армии почти прекратились. Очагом оппозиционной активности оставалась Дума. Роспуск Думы означал ликвидацию этого очага. Переворот 3 июня поставил точку в истории Первой русской революции.

Как и предсказывал Пётр Аркадьевич Столыпин, никакой революционной вспышки не последовало. В Манифесте о роспуске Государственной Думы 3 июня 1907 сказано: *«... Значительная часть состава второй Государственной Думы не оправдала ожиданий Наших. Не с чистым сердцем, не с желанием укрепить Россию и улучшить ее строй, приступили многие из присланных от населения лиц к работе, а с явным стремлением увеличить смуту и способствовать разложению Государства. Деятельность этих лиц в Государственной Думе послужила неопреодолимым препятствием к плодотворной работе. В среду самой Думы внесен был дух вражды, помешавший сплотиться достаточному числу членов ее, желавших работать на пользу родной земли. По этой причине выработанные Правительством Нашим обширные мероприятия Государственная Дума или не подвергала вовсе рассмотрению, или замедляла обсуждением, или отвергала, не остановившись даже перед отклонением законов, каравших открытое восхваление преступления и сугубо наказывавших сеятелей смуты в войсках. Уклонившись от осуждения убийств и насиллий. Государственная Дума не оказала в деле водворения порядка нравственного содействия Правительству, и Россия продолжает переживать позор преступного лихолетия <...> Право запросов Правительству значительная часть Думы превратила в способ борьбы с Правительством и возбуждения недоверия к нему в широких слоях населения. Наконец свершилось деяние, неслыханное в летописях истории. Судебной властью был раскрыт заговор целой части Государственной Думы против Государства и Царской Власти. Когда же Правительство Наше потребовало временного, до окончания суда, устранения обвиняемых в преступлении этом пятидесяти пяти членов Думы и заключения наиболее*

уличаемых из них под стражу, то Государственная Дума не исполнила немедленно законного требования властей, не допуская никакого отлагательства. Все это побудил-о нас указом, данным Правительствующему Сенату 3 сего июня, Государственную Думу второго созыва распустить, определив срок созыва новой Думы на 1 ноября сего 1907...»⁷⁵

Во многих отношениях революция потерпела поражение. Императорский режим устоял, революционные партии не получили власти, восстания были подавлены, крестьяне так и не смогли получить землю помещиков, жизнь рабочих не была улучшена, их советы были разогнаны. Но революция — слишком мощный и глубокий социальный процесс, чтобы остаться без последствий. Если партии, пытавшиеся руководить народными массами, потерпели поражение, то самим народным массам и их общественным организациям удалось добиться некоторых успехов.

Во-первых, в Российской империи самодержавие впервые было ограничено законодательными органами власти. Во-вторых, были провозглашены и частично соблюдались гражданские права и свободы. В-третьих, рабочие получили право создавать свои организации – профсоюзы – которые отстаивали права пролетариев в борьбе с предпринимателями. В-четвёртых, государство пошло на уступки и крестьянам – в 1906 году были отменены выкупные платежи, которые крестьяне вынуждены были платить начиная с реформы 1861-го года.

Тогда же, в 1906-м, правительство Столыпина приступило к аграрным реформам. Но, несмотря на эти меры, революция не смогла решить основных проблем, стоявших перед страной. Её достижения стали не столько выходом из положения, сколько «занозой». Право рабочих на стачку не было чётко урегулировано, что время от времени приводило к столкновениям, крупнейшим из которых стал Ленский расстрел 1912 года.

Столыпинская реформа имела противоречивое влияние на село, но в любом случае разрешила аграрного кризиса, а в ряде случаев и обострила аграрные конфликты. Межнациональные конфликты получили политическое оформление. Главное достижение революции в том, что Государственная дума оказалась безвластной, но в то же время стала центром, в котором концентрировались политики, недовольные чиновничеством. При первом же серьёзном испытании она могла стать легальным и популярным штабом оппозиции. Так и случилось во время Первой мировой войны, когда даже октябристские политики стали готовить либеральный переворот. Только «вынуть занозу» с помощью верхушечного переворота было нельзя – проблема была в глубоких социальных противоречиях, которые поразили Россию уже в начале XX века.

Третья Государственная Дума

В результате выборов в Третью Государственную думу, проходивших осенью 1907 года, её состав оказался гораздо правее двух предыдущих: большинство составляли октябристы. Подавляющее преобладание депутатов от поддерживавших правительство партий обеспечило полноценную деятельность Государственной Думы, которая проработала весь свой положенный пятилетний срок.

На первом заседании Думы, открывшемся 1 ноября 1907 года, после оглашения приветствия от Николая Второго состоялись выборы председателя Государственной

Думы, коим стал октябрист Николай Алексеевич Хомяков. В марте 1910 года его сменил лидер «Союза 17 октября» Александр Иванович Гучков.

Александр Иванович Гучков, 1862 года рождения, - из купеческой семьи староверов единоверческого толка (уживавшегося с Русской православной церковью), выпускник историко-филологического факультета Московского университета, прославился военными подвигами, опасными приключениями и дуэлями.

В 1895 году во времена армянских погромов отправился в Османскую империю, там помогал пострадавшим. В следующем году добрался до Тибета, общался с далай-ламой. Поступив на службу офицером казачьей сотни, охранял строительство Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), потом вместе с братом путешествовал по Китаю, Монголии и Средней Азии. В 1899 году участвовал в англо-бурской войне на стороне буров, был тяжело ранен, пленён и выпущен из заточения англичанами (под честное слово больше не воевать на стороне восставших).

В 1903 году, буквально накануне собственной свадьбы (с Марией Ильиничной Зилоти – сестрой пианиста и дирижёра) уехал в Македонию помогать восставшим македонцам против османов. Во время Русско-японской войны как один из руководителей Красного Креста находился в Маньчжурской армии (некоторое время – вместе с супругой). Здесь вновь попал в плен, но уже добровольно – при отступлении русских из Мукдена не захотел оставить раненых, которых не успевали эвакуировать: посчитал важным передать их японцам согласно международным нормам. Те, оценив мужество Гучкова, быстро его отпустили. В Москву он вернулся национальным героем.

После Манифеста 17 октября 1905 года Александр Гучков стал лидером октябристов: *"Мы, конституционалисты, не видим в установлении у нас конституционной монархии какого-либо умаления царской власти, наоборот, в обновленных государственных формах мы видим приобщение этой власти к новому блеску, раскрытие для нее славного будущего".*⁷⁶

В марте 1911 года, после отставки Александра Ивановича Гучкова, «свято место» Председателя Государственной Думы занял Михаил Владимирович Родзянко, позже, в своих мемориях, описавший внутридумские пертурбации тех лет: *«После досрочной отставки пред. Хомякова Столыпин 4.3.1910 обратился к пред. ЦК и фракции союза 17 октября А.И. Гучкову с письмом следующего содержания: «Хотел Вам сказать, что председателем Государственной думы для пользы дела должен быть Ал[ександр] Ив[анович] Гучков». Он также был избран центристским большинством (голосами октябристов, националистов и прогрессистов против правых при воздержании кадетов и уклонении от выборов трудовиков и эсдеков). В своей вступительной речи Гучков выступил за укрепление конституционной монархии и потребовал проведения различных реформ. Он заявил: «Мы часто жалуемся на различные внешние препятствия, тормозящие нашу работу или искажающие ее конечные результаты... С ними нам приходится считаться, а может, придется и сосчитаться». В виду имелся Гос. совет.*

Очевидно, Гучков получил от Столыпина обещание путем новых назначений или иным способом добиться от Гос. совета одобрения думских реформ: трудно предположить, что Гучков рассчитывал сам добиться от Николая II давления на верхнюю палату или блефовал. Основным законодательным итогом сессии стало одобрение октябристско-кадетским большинством (с частью националистов) реформы местного суда, предусматривавшей упразднение волостных судов, лишение земских начальников судебной власти и восстановление выборного мирового суда. Правооктябристским большинством был издан закон о праве законодательных палат империи издавать по важным вопросам законы, распространяющиеся на Финляндию. Были одобрены проекты о землеустройстве (развивал крестьянскую реформу, принят правоцентристским большинством, после согласительной процедуры с Гос. советом в 1911 стал законом), и создании западного земства (правоцентристским большинством без части правых и октябристов, отдельные положения – октябристско-кадетским большинством). При рассмотрении этих проектов единство октябристов, националистов и правительства в общем сохранялось... Конституционный кризис 1911 привел к фактическому разрыву Думы со Столыпиным (в т.ч. к отставке Гучкова), расколу русской национальной фракции (единственной продолжавшей поддерживать правительство), а также к ухудшению отношений октябристов и националистов. С этого времени координация действий думского большинства и правительства окончательно прекращается». ⁷⁷

Родзянко Михаил Владимирович (1859-1924), в бумагах Распутина обозначавшийся как «Толстопузый», происходил, из потомственных дворян Екатеринославской губернии. Был крупным землевладельцем, отличался мощной комплекцией и сам в шутку называл себя «самым большим и толстым человеком в России». По окончании Пажеского корпуса вступил корнетом в лейб - гвардейский Кавалергардский е. в. полк (1877 год), в 1882 году вышел в запас в чине поручика. Предводитель дворянства Новомосковского уезда (1886-1891). Почетный мировой судья. С 1900 года председатель Екатеринославской губернской земской управы. Действительный статский советник (1906). Один из организаторов «Союза 17 октября» и член его ЦК. В 1906-1907 гг. член Госсовета по выборам от екатеринославского земства. Депутат III Госдумы. Камергер Имп. Двора (1909). В III Думе председатель земельной комиссии, в 1910 г. возглавил фракцию октябристов, а 22 марта 1911 г. сменил А.И. Гучкова на посту председателя Думы.

После раскола партии октябристов входил во фракцию земцев-октябристов. Председатель IV Госдумы. Один из наиболее активных противников Григория Распутина, пытался убедить царя Николая II в необходимости удаления «старца» от царской семьи. С июля 1915 года - один из лидеров Прогрессивного блока, объединившего оппозиционное большинство IV Думы. Один из инициаторов учреждения 17 августа 1915 года Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. С 26 августа.1915 года возглавлял образованную Особым совещанием Эвакуационную комиссию. Накануне Февральской революции убеждал Николая II назначить правительство, ответственное перед Думой. 27.02.1917 г. избран председателем Временного комитета Государственной Думы, от имени которого вел по телеграфу переговоры со Ставкой, завершившиеся отречением Николая II и созданием Временного правительства, в которое, однако, Родзянко не вошел. Находился на посту председателя Думы вплоть до ее роспуска 6 октября 1917 года. После Октябрьской революции уехал на Дон, участвовал в создании Белого движения.

Скончался в эмиграции в Югославии¹⁹⁷.

За время своей, весьма плодотворной работы (было проведено пять сессий) Дума провела более шестисот заседаний, рассмотрела около двух с половиной тысяч законопроектов, из которых подавляющее большинство было внесено правительством. Среди основных законопроектов, принятых Думой, были законы о крестьянской частной собственности на землю, о страховании рабочих, о введении местного самоуправления в западных регионах империи.

Принятые законы касались широкого круга вопросов, которые охватывали различные стороны жизни страны: хозяйственно-экономического развития, укрепления армии, деятельности местного самоуправления, организации народного просвещения и др. В частности, депутаты санкционировали введение земских учреждений в шести западных губерниях, ограничили автономию Великого княжества Финляндского, поддержали правительство в увеличении расходов на оборону страны, а также поддержали предложения по увеличению численности вооруженных сил за счет отмены различных отсрочек и льгот по призыву в армию.

Но главным по-прежнему оставался аграрный вопрос, который решался в обсуждениях думцами царского указа от 9 ноября 1906 года, положившего начало аграрной реформе. Этот указ с некоторыми дополнениями и изменениями окончательно был утвержден Государственной Думой 30 апреля и вошел в историю как Закон от 14 июня 1910 года

Третья Государственная дума провела пять парламентских сессий и была распущена по указу императора в июне 1912 года.

Четвёртая Государственная дума

Четвёртая и последняя из Государственных дум Российской империи действовала с 15 ноября 1912 года по 25 февраля 1917 года. Предвыборные дискуссии и сами выборы, прошедшие осенью 1912 года, показали уверенный настрой общества на утверждение в стране парламентаризма. Даже некоторые кандидаты в депутаты из числа правых политических партий выступали сторонниками конституционного строя.

Свидетельствует Павел Николаевич Милюков: *«Убийство Столыпина 2 сентября 1911 года было естественным концом того этапа в истории нашей внутренней политики, который представлен Третьей Государственной Думой. Если тут нельзя поставить достаточно явственной зарубки, то прежде всего потому, что короткое интермеццо председательства Коковцева несколько затушевало политический смысл нового поворота. Могло казаться, что переход от Третьей Думы к Четвёртой есть простое продолжение того, что установилось за предыдущие пять лет. Но мы уже знаем, что и там ничего не «установилось», а «продолжалась» лишь внутренняя борьба между сторонниками старого и нового строя. С появлением Четвёртой Думы эта борьба вступила в новую стадию. Сразу нельзя было предсказать, что эта стадия будет последней, ибо не было ещё на лицо того третьего фактора, который склонил развязку борьбы в сторону обратную той, к которой стремилась власть. Этим фактором, решившим спор между страной и властью была война»⁷⁸.*

Первое заседание Четвёртой Думы, открывшееся 15 ноября 1912 года, избрало своим Председателем вновь октябриста Михаила Владимировича Родзянко, его Товарищами — князя Владимира Михайловича Волконского и князя Дмитрия Дмитриевича Урусова, Секретарём - Ивана Ивановича Дмитрюкова. Основными фракциями Думы стали правые с националистами, а также октябристы, прогрессисты и кадеты, которые составили два думских большинства. Кроме них в Думе были представлены трудовики и социал-демократы. Партия прогрессистов сформировалась в конце 1912 года и приняла программу, предусматривающую конституционно-монархический строй с

КУРСКАЯ губернія.

ПУРИШКЕВИЧЪ,
ВЛАДИМИРЪ МИТРОФАНОВИЧЪ.

Родился въ 1870 г.

Правый.

Быв. чинов. особ. поруч. при Плеве (1904—06 гг.). Окон. кишинев. гимн. съ золотой медалью и истор.-филол. факульт. Новорос. унив. по клас. отдѣл. Удост. зол. мед. за конкурен. сочин. „Исторія олигархическихъ переворотовъ въ Афинахъ“. Гласн. уѣздн. и губерн. земствъ. Предсѣд. аккери. земск. управы (1898 — 1900 гг.). Чиновникъ хозяйств. деп. м-ва внутр. дѣлъ и при глав. упр. по дѣламъ печати. Чл. Гос. Думы 2-го и 3-го соз.

154

БЕЗАКЪ,
ОБОДОРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Родился въ 1865 г.

Националистъ.

Полковникъ въ отставкѣ. Камергеръ Двора Его Величества. Землевладѣлецъ Бердичев. уѣзда. Окончилъ Пажескій корпусъ. Служилъ въ Кавалергардскомъ полку 17 лѣтъ, гдѣ командовалъ эскадрономъ. Киев. губ. предв. дворянства. Почет. мировой судья бердич. округа. Гласный бердич. земства. Членъ Гос. Думы 3-го созыва.

119

ответственностью министров перед народным правительством. В работе Думы участвовали большевики во главе с Львом Борисовичем Розенфельдом (Каменевым) и меньшевики, ведомые Николаем Семёновичем Чхеидзе. Они внесли три законопроекта (о восьмичасовом рабочем дне, о социальном страховании, о национальном равноправии), отклонённых большинством.

Правительство же в Четвёртой Думе оказалось в ещё большей изоляции, так как октябристы твёрдо стали наравне с кадетами в легальную оппозицию. Начавшаяся в 1914 году мировая война было разгоревшееся оппозиционное движение временно притушила. На первых порах большинство партий, за исключением социал-демократов, высказывалось за доверие правительству. По предложению Николая Второго в июне 1914 года Совет Министров обсуждал вопрос о преобразовании Думы из законодательного органа в орган консультативный, а месяц спустя Совету Министров были предоставлены чрезвычайные полномочия, в результате чего он получил право решать большинство дел от имени императора.

На экстренном заседании Четвёртой Думы, состоявшемся в конце июля 1914 года, лидеры правых и либерально-буржуазных фракций призвали сплотиться вокруг «*державного вождя, ведущего Россию в священный бой с врагом славянства*», отложив «внутренние споры и счёты с правительством», однако неудачи на фронте, рост стачечного движения,

неспособность правительства управлять страной стимулировали политические партии к ещё большей оппозиционности. В итоге, Четвёртая Дума вступила в острейший конфликт с исполнительной властью.

В августе 1915 года на совещании членов Государственной думы и Государственного совета был организован Прогрессивный блок, в который вошли кадеты, октябристы, прогрессисты, часть националистов и три группы Государственного совета. Председателем бюро Прогрессивного блока стал октябрист Сергей Илиодорович Шидловский, а фактическим руководителем – Павел Николаевич Милюков. Программа блока, компромиссная по сути, предусматривала создание правительства «общественного доверия», включала в себя требования частичной амнистии, прекращения преследований за веру, автономии Польши, отмены ограничения в правах евреев, восстановления профсоюзов и рабочей печати. Блок был поддержан некоторыми членами Государственного совета и Синода. Непримируемая позиция блока по отношению к государственной власти привела к политическому кризису 1916 года и далее – к Февральской революции.

В начале сентября 1915 года после принятия Думой выделенных правительством кредитов на войну её личный состав был распущен на каникулы, продлившиеся до февраля 1916 года. Далее, поработав до середины декабря 1916 года, Дума вновь была распущена и возобновила деятельность 14 февраля 1917 года, в канун февральского отречения российского монарха. 25 февраля 1917 года Дума была опять распущена и больше официально не собиралась, хотя формально и фактически существовала. Четвёртая Дума сыграла ведущую роль в учреждении Временного правительства, при котором продолжала работать в форме «частных совещаний». 6 октября 1917 года Временное правительство постановило распустить Думу в связи с подготовкой к выборам в Учредительное собрание.

Много позже, катастрофические итоги работы Государственной Думы всех четырёх созывов, ставшей с приходом новой власти, её парламентским рупором, подвёл Василий Васильевич Розанов:

«В 14 лет "Государственная" Дума промотала все, что князья Киевские, Цари Московские и Императоры Петербургские, а также сослуживцы их доблестные накапливали и скопили в тысячу лет...

Боже, Россия пуста...

Продали, продали, продали. Государственная Дума продала народность, продала веру, продала земли, продала работу. Продала, как бы Россия была её крепостною рабою. Она вообще продала всё, что у неё торговали и покупали. И что поразительно: она нисколько не считает виновною и "кающегося дворянина в ней нет". Она и до сих пор считает себя правою и вполне невинною».⁷⁴

Первая мировая война – лиха беда начало

Первая мировая война (1914 – 1918 годы) – это мирового масштаба военный конфликт, причиной которого стали противоречия между двумя коалициями европейских держав – Антантой (Россия, Англия и Франция) и Тройственным союзом (Германия, Австро-

Венгрия, Италия), вызванными обострениями борьбы за передел уже поделённых колоний, сфер влияния и рынков сбыта.

Поводом для начала военного столкновения послужил террористический акт, исполненный 14 июня 1914 года членом организации «Млада Босна» (борющейся за объединение всех южнославянских народов в единое государство), сербского студента Гаврилом Принципом, в результате которого был убит наследник австро-венгерского престола эрц-герцог Франц Фердинанд. 9 июля австро-Венгрия, под давлением Германии, предъявила Сербии заведомо невыполнимые для суверенного государства условия по разрешению возникшего конфликта – допустить на территорию Сербии свои вооружённые силы, дабы они, совместно с вооружёнными силами Сербии пресекали на корню враждебные акции. Сербское правительство отозвалось и 14 июля Австро-Венгрия объявила Сербии войну.

Выполняя свои союзнические обязательства перед Сербией, Россия, получив предварительно заявления о поддержке со стороны Франции, 16 июля объявила о всеобщей мобилизации, которую Германия в ультимативной форме потребовала прекратить. Не получив ответа, она 17 июля объявила войну России, 19 июля – Франции и нейтральной Бельгии, за её отказ пропустить через территорию страны германские войска. 20 июля Великобритания со своими доминионами объявила войну Германии, а 22 июля Австро-Венгрия - России.

В начавшейся войне сухопутными фронтами стали Западный (французский) и Восточный (русский), основными морскими театрами военных действий – Северное, Средиземное и Балтийское моря. Начало кампании 1914 года на Восточном фронте знаменовалось стремлением русских войск выполнить обязательства перед французами и оттянуть на себя германские силы с Западного фронта. В этот период прошли два крупных сражения – Восточно-Прусская операция и Галицийская битва, в ходе этих боев русская армия разбила австро-венгерские войска, заняла Галицию и вышла в предгорья Карпат. Противник был отброшен на двести-триста километров на запад. Однако достичь достигнутый успех - из-за отсутствия стратегических резервов, израсходования материальных запасов - русские войска не смогли.

После вступления в войну – в октябре 1914 года - Турции образовались фронты в Закавказье, Месопотамии и Сирии. В Закавказье войска русской Кавказской армии разгромили турок в Сарыкамышской операции 1914 – 1915 годов.

В кампанию 1915 года Германия перенесла главные усилия на Восточный фронт, намереваясь разгромить русскую армию и вывести из войны Россию. В результате Горлицкого прорыва в мае 1915 года немцы нанесли тяжелое поражение русским войскам, которые летом были вынуждены оставить Польшу, Галицию и часть Прибалтики.

После страшных поражений весны-лета 1915 года Российской армии страна неудержимо покатила к революции. Точно и убедительно об этом пишет знаток вопроса историк Николай Павлович Полетика:

«Принудив к сдаче Перемышль в марте 1915 года, русская армия одержала последний крупный успех, завершился первый и самый тяжелый для Антанты год войны. Но так как еще в первые месяцы войны обнаружилась недостаточная подготовленность России к войне, кампания 1915 г. превратилась почти в катастрофу. 22 апреля 1915 года армия Макензена прорвала русский фронт в

Галиции, и русская армия, истратившая в боях 1914 года все запасы снарядов и патронов, не имевшая ни винтовок, ни пушек, начала отступление.

Отступая в глубь страны для спасения армии, русское командование к сентябрю 1915 г. потеряло почти всю завоеванную Галицию, Царство Польское, западную часть Литвы, Курляндии и Белоруссии. Угроза Киеву стала настолько осязательной, что правительство летом 1915 г. решило эвакуировать Киевский Университет в Саратов. Отступление армии сопровождалось эвакуацией населения, промышленных и торговых предприятий, скота и т.д. Из Галиции вывезли, главным образом, военные учреждения, склады, подвижной состав Галицийских ж.-д. (12 000 вагонов), для чего на приграничных железных дорогах были построены более узкие пути. При эвакуации областей Российской империи вывозилось не только огромное количество военного имущества, но эвакуировали и целые густонаселенные промышленные районы и крупные города (Варшава, Лодзь, Вильно) с их фабриками и заводами, мастерскими, административными учреждениями, лазаретами и многими тысячами жителей. Спешная погрузка и отправка казенного и частного имущества расстроила правильную работу железных дорог в тылу. Движение составов было затруднено, так как число поездов значительно превышало пропускную способность коммуникаций. На узловых станциях возникли пробки почти в десятки верст длиной. Все это затрудняло вывоз раненых, переброску войск на угрожаемые участки фронта, снабжение фронта снаряжением и продовольствием. Так было положено начало расстройству железнодорожного транспорта, которое ярко выявилось в 1916г.

Эвакуация беженцев была самой тяжелой и непоправимой ошибкой русского Верховного командования. Перевозка огромного количества насильственно изгоняемых беженцев была железнодорожному транспорту не по силам. Только часть беженцев сумела попасть в поезда. Беженцы забили железные дороги, ведущие в тыл.

Основная масса беженцев, не попавшая в поезда, двинулась в тыл по шоссейным и грунтовым дорогам на телегах и даже пешком. Это было ужасное зрелище. Беженцы - голодные, измученные, оборванные, больные - медленно тянулись по дорогам, хороня у дороги на обочинах детей и стариков, не выдержавших трудностей пути. Группы лошадей вдоль дорог отступления были значения???, беженцы сеяли панику и деморализовали тыл, разносили болезни. Однако шоссейных и грунтовых дорог в конце концов тоже не хватило. В ряде районов беженцы шли сплошной стеной, вытаптывали хлеб, портили луга и леса, оставляя за собой пустыню. Не только ближние, но и глубокие тылы русской армии были опустошены, разорены, лишены последних запасов. Русское Верховное командование в лице великого князя Николая Николаевича пыталось, по-видимому, повторить "пример 1812 года" и превратить в пустыню оставленные неприятелю земли. Но опустошение губерний запада России, изгнание их населения в глубь страны привели к деморализации населения внутренних губерний, дезорганизации транспорта и хозяйства, к росту недовольства и недоверия к власти в стране, которые в 1917 г. вылились в революцию».¹⁴

В 1915 году на Западном фронте стороны продолжали держать стратегическую оборону. В апреле, в ходе боев под Ипром (Бельгия) Германией было впервые использовано химическое оружие (хлор). После этого отравляющие газы (хлор, фосген, а позже иприт) стали применять обе воюющие стороны регулярно.

Поражением завершилась широкомасштабная Дарданелльская десантная операция (1915-1916 годы) – морская экспедиция, которую снарядили страны Антанты в начале 1915 года с целью взять Константинополь (ныне Стамбул), открыть проливы Дарданеллы и Босфор для связи с Россией через Черное море, вывести Турцию из войны и привлечь на сторону союзников балканские государства.

На Восточном фронте к концу 1915 года немецкие и австро-венгерские войска вытеснили русских почти из всей Галиции и с большей части территории русской Польши.

В кампанию 1916 года Германия вновь перенесла главные усилия на запад с целью вывести из войны Францию. Однако мощный удар по Франции в ходе Верденской операции закончился провалом. Этому во многом способствовал русский Юго-Западный фронт, осуществивший прорыв австро-венгерского фронта в Галиции и на Волыни. Англо-французские войска предприняли решительное наступление на реке Сомма, но, несмотря на все усилия и привлечение огромных сил и средств, прорвать германскую оборону не смогли. В ходе этой операции англичане впервые применили танки. В конце августа на стороне Антанты в войну вступила Румыния. Но уже осенью румынская армия была разбита, а территория Румынии почти полностью оккупирована германо-австрийскими войсками. На море произошло крупнейшее в войне Ютландское сражение, в котором германский флот потерпел неудачу. В итоге военной кампании 1916 года Антанта перехватила стратегическую инициативу, вынудив Германию и её союзников впервые заговорить (правда, безрезультатно) о возможности мирного соглашения.

В конце марта 1917 года вступили в войну долго державшие нейтралитет США, и одним из поводов к тому стал инцидент у юго-восточного побережья Ирландии, когда германская подводная лодка потопила плывший из США в Англию британский лайнер "Лузитания" с большим числом американцев на борту.

Второе серьезное изменение в конфронтации сил вызвал выход - в начале декабря 1917 года – большевистской России и подписания в феврале 1918 года в Брест-Литовском договора о перемирии, по которому Россия отказалась от своих прав на Польшу, Эстонию, Украину, часть Белоруссии, Латвию, Закавказье и Финляндию. Ардаган, Карс и Батум отошли к Турции. Всего Россия потеряла около одного миллиона квадратных километров. Кроме этого, она была обязана уплатить Германии контрибуцию в размере шести миллиардов марок.

В 1918 году Германия, сосредоточив основные усилия на Западном фронте, предприняла мартовское наступление в Пикардии, а затем наступательную операцию во Фландрии, на реках Эна и Марна, но из-за отсутствия достаточных стратегических резервов развить первоначально достигнутый успех не смогла. Союзники, отразив удары германских войск, в августе 1918 года в битве под Амьеном разорвали германский фронт: в плен почти без боя сдавались целые дивизии – это сражение стало последней крупной батальей войны.

В середине сентября союзники перешли в общее наступление на Западном фронте. Одновременно войска Антанты активизировались на других фронтах. Под ударами противника германо-австрийская коалиция распалась: 15 сентября капитулировала

Болгария, 16 октября – Турция, 21 октября – Австро-Венгрия. Лишившись своих союзников, в обстановке поражения на всех фронтах, начавшейся революции внутри страны и крушения империи Гогенцоллернов Германия также капитулировала.

30 октября 1918 года на станции Ретонд в Компьенском лесу (Франция) германская делегация подписала Компьенское перемирие. Немцам предписывалось в течение двух недель освободить оккупированные территории, установить на правом берегу Рейна нейтральную зону; передать союзникам орудия и транспорт, освободить всех пленных. Политические положения договора предусматривали отмену Брест-Литовского и Бухарестского мирных договоров, финансовые – выплату репараций за разрушения и возвращение ценностей.

После начала Первой мировой войны Михаил Иванович Терещенко был уполномоченным передового отряда Красного Креста на Юго-Западном фронте, затем помощником по заведованию санитарными организациями на этом фронте. Входил в состав Главного комитета Союза городов, занимал пост уполномоченного Главного комитета Земского союза. С июля 1915 года был председателем Киевского военно-промышленного комитета, в 1915—1917 годах также являлся товарищем председателя Центрального военно-промышленного комитета Александра Ивановича Гучкова. Входил в состав Особого совещания по обороне.

Семья Терещенко и Красный Крест.

Помимо участия в сложной запутанной эпопее утверждения в Киеве консерватории, ещё тем был знаменателен 1912 год для матери и сына Терещенко, что в дни перечисления их пожертвований на это благое дело привелось им активно, в рамках Российского Красного Креста участвовать, на началах благотельства, в оказании медицинской помощи сербским и им союзным воинам в разразившейся 25 сентября Первой Балканской войне. Причиной её стало желание балканских государств – Болгарии, Сербии, Черногории, Греции – расширить свои территории за счёт им противостоявшей Турции.

Российское правительство оказалось в сложном положении. С одной стороны, из соображений дипломатии, пытавшейся сохранить статус-кво на Балканах, нельзя было предпринимать шаги, которые могли бы трактоваться как открытая поддержка вооружённого выступления в регионе. С другой – нельзя было отказать в гуманитарной помощи православным народам полуострова. Ситуацию усугубляло внутреннее положение в стране - поднятый было на щит в начале войны лозунг борьбы Креста с Полумесяцем был быстро свёрнут; головную боль власти добавляло нарастающее мусульманское движение в провинции в пользу больных и раненых турецких воинов, которое приходилось искусственно сдерживать из-за опасения его радикализации.

Как бы то ни было, гуманитарные соображения взяли верх и при первых же тревожных известиях об объявлении балканскими государствами и Турцией мобилизации, Главным Управлением Российского Общества Красного Креста были предприняты необходимые действия для оказания помощи нуждающимся в ней раненым и больным

воинам. Было решено командировать в Болгарию, Сербию, Грецию и Черногорию санитарные отряды Красного Креста; вопрос о помощи Турции остался открытым. Главное Управление запросило мнение её правительства на этот счёт через российское посольство в Константинополе, после чего отправило в Турцию специальный санитарный отряд.

Формирование штатов санитарных учреждений было возложено на общины сестёр милосердия, материальное оборудование — на главный склад Российского Общества Красного Креста, особоуполномоченным которого в Сербии был Борис Евгеньевич Иваницкий. По обычаю того времени названия отрядов давались по имени организации или лица, их сформировавших. Один из них, «Лазарет Кауфманской общины имени Е. М. Терещенко» 3 ноября 1912 года прибыл к Скопье и приступил к исполнению своих сострадательных медицинских функций.

Петроградская община сестёр милосердия, названная в честь руководителя Российского общества Красного Креста генерал-адъютанта Михаила Петровича фон Кауфмана (1821 – 1902 гг.) была основана в декабре 1902 года на базе первой в России Школы сиделок, созданной в 1900 году на деньги чаесторговой фирмы «С. Перлов и сыновья». Елизавета Михайловна Терещенко, перебравшись вместе с сыном в северную столицу, стала активным и очень платёжеспособным деятелем этой Общины. Созданный на её (и, вероятно, сына) средства походный лазарет в Скопье действовал весь период недолгой Первой Балканской войны, завершившейся победой братьев-славян и их не устроившим Лондонским мирным договором. 24 февраля 1913 года лазарет Елизаветы Михайловны Терещенко, оставив имущество и оборудование принимавшей его стороне, вернулся в Петербург. В скоро вспыхнувшей, только один летний месяц длившейся Второй Балканской войне, в которой болгары (вместе с примкнувшими к ним турками и румынами) очень неудачно пошли на прежних союзников, Российское Общество Красного Креста, если и принимало участие, то очень пассивное.

Тем не менее, Первая Балканская война позволила применить на практике новые мобилизационные планы и разработанные типы штатов лечебных заведений военного времени. Приобретённый опыт позволил в новой, спустя год вспыхнувшей всеевропейской войне формировать лечебное заведение от приказа до отъезда к месту боевых действий максимум за семь дней.

“Война обрушилась на нас совершенно внезапно. Убийство австрийского эрц-герцога Фердинанда в Сараево, ультиматум Сербии со стороны Австрии, глубоко всех возмутивший, мобилизация, в виде угрозы, нашей армии, наконец телеграмма о том, что Германия объявила войну России – всё это следовало, как-то чрезвычайно быстро одно за другим... Как по мановению какого-то волшебного жезла изменилась вся обстановка нашего привычного существования...”⁷⁹

Деятельность Российского Общества Красного Креста в военную пору направлялась Главным управлением, располагавшимся в Петрограде (как известно, с началом боевых действий так был переименован Петербург). На местах действовали местные управления, комитеты, общины. На театре боевых действий при фронтах и армиях Главным управлением назначались его представляющие главноуполномоченные и уполномоченные, которые согласно инструкции должны были содействовать военной администрации в районе действующей армии.

Школа Пелагеи Терещенко

С началом Первой мировой войны в школе разместился рассчитанный на 120 кроватей 3-й

Георгиевский этапный госпиталь им. Муравьевых-Апостолов-Коробьиных — наследников Федора Артемьевича Терещенко по его дочери Надежде.

Главнуполномоченным по Юго-западному фронту стал имевший опыт Балканской войны Борис Евгеньевич Иваницкий, его первым помощником – Владимир Фёдорович Романов. И вновь, как два года назад, 3 сентября 1914 года в Кауфмановской общине был создан Пятый госпиталь Красного Креста “на средства семьи Е. М. Терещенко”.

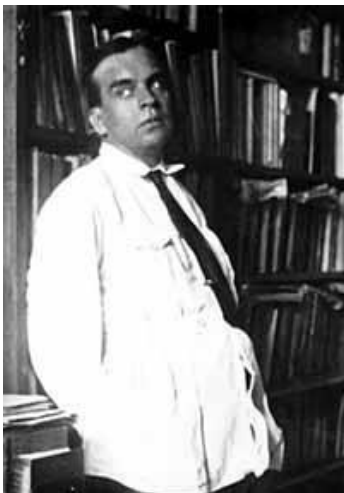
Госпиталь был направлен в Лемберг (Львов), его работу обеспечивали шестнадцать сестёр милосердия (“белые голубки” – как называли их фронтовики). Но созданием этого госпиталя благотворительная деятельность в годы войны матери и сына не ограничилось. На лечение раненых, болевших участников боевых действий, на их пропитание, а также заботу о пострадавших от боевых действий мирных жителей Елизавета Михайловна и Михаил Иванович Терещенко пожертвовали колоссальные денежные средства, предоставили для госпитальных нужд своё киевское жильё:

“Я выехал в Киев с очень небольшим составом сотрудников в двадцатых числах июля, не выжидая окончания совещаний в Главном управлении в котором принимал участие Б. Е. Иваницкий. Ехать пришлось уже в сильной давке, духоте и грязи; война сразу изменила комфортную привычную обстановку наших поездов; путешествие моё из Петербурга в Киев продолжалось уже не сутки, как до войны, а трое суток: мы пропускали воинские поезда.

Под наше управление местный богач М. И. Терещенко, впоследствии член Временного правительства, предоставил бесплатно три дома на Бибиковском бульваре, рядом с Александровской гимназией; я был счастлив, что попал снова в знакомую родную обстановку родного города, но наслаждался этим счастьем только ранним утром, идя по бульвару на службу, я радовался, что вижу давно знакомые и любимые здания, тополёвую аллею, каштаны вдоль улицы

...Первоначально мобилизационным планом Красного Креста предусматривались специально питательные учреждения, но опыт первых же недель войны побудил их развить и прочно поставить это дело, путём формирования постоянных питательных пунктов и подвижных отрядов; последние, кажется, в числе десяти по инициативе Иваницкого были сформированы заведующим хозяйственной частью из предоставленных нам классных и товарных вагонов. Расходы по формированию и содержанию первого такого отряда-поезда приняла на свой счёт известная благотворительница, покойная Е. М. Терещенко, принимавшая вообще самое горячее участие в работах Красного Креста и внесшая на содержание его учреждений несколько миллионов рублей. Эти поезда сослужили громадную пользу тем, что их можно было

перевбрасывать из одного района в другой, в зависимости от хода боёв и скопления раненых”¹³

Михаил Терещенко был назначен одним из уполномоченных Главного управления в одной из армий Юго-Западного фронта, что подтверждает дневниковая запись Александра Блока от 25 июля 1914 года: *“Телефон с Терещенкой. Он – уполномоченный Красного Креста в Южной армии”*.²⁹

Где-то в августе, в дни успешных боевых действий русской армии в Галиции Александр Александрович в письме к жене написал о встрече в Петрограде с сестрой Михаила Ивановича, поведавшей ему о спешном отъезде брата на передовые позиции, к своему подвижному (или передовому) отряду: *“Я встретил Елизавету Ивановну Терещенко. Михаил Иванович на передовых позициях на Сане. Кто-то из уполномоченных К. К. ранен”*³¹.

По этому происшествию в информационной сводке Управления Красного Креста, опубликованной в газете “Русский врач” (1914, №42, стр. 1365), было сообщено следующее: *“Согласно телеграмме главноуполномоченного Красного Креста сенатора Б. Е. Иваницкого при переходе 14-го передового отряда Красного Креста через реку С. легко ранен в ногу помощник уполномоченного Гаршин, остальные здоровы”*.

Много лет спустя дотошные исследователи жизни и творчества Анны Андреевны Ахматовой установили, что раненого заместителя Терещенко звали Владимиром Георгиевичем и был он тем самым Гаршиным, с которым в конце тридцатых годов подружилась одинокая поэтесса и с которым чуть было не составила свою новую (четвёртую по счёту) семейную пару. Фронтовой коллега Терещенко, Владимир Георгиевич Гаршин, уроженец Новгорода, выпускник Могилёвской гимназии бок о бок с Михаилом Афанасьевичем Булгаковым обучался на медицинском факультете Киевского университета (по специальности был он патологоанатомом, тогда как Булгаков – гинекологом). С началом войны студентом Булгаков трудился в Главном военном госпитале Киева, а по получении диплома отправился в прифронтовые лазареты Красного Креста Юго-Западного фронта; с ним, сестрой милосердия, трудилась его молодая жена, Татьяна Николаевна Лаппа.⁸⁰

Владимир Гаршин (к слову, племянник русского писателя Вячеслава Михайловича Гаршина) с Анной Андреевной Ахматовой сдружился в конце тридцатых годов, в Ленинграде. В годы блокады оставался в городе, потерял жену, как профессор медицинского института, исполнял обязанности главного патологоанатома города. С находившейся в эвакуации (в Ташкенте) Ахматовой переписывался, сделал ей предложение стать его супругой, ею без особых колебаний принятое. Но, по возвращении, Гаршин встретил её на перроне ленинградского вокзала и, вручив букетик цветов, удалился навсегда; позже вторично женился.

В первый период войны, ознаменованный успехами русского оружия, дававшими надежду на скорый её победный исход, лазареты Красного Креста Юго-Западного фронта располагались в прифронтовой зоне западно-украинских земель. Таким образом

устроивала свой лазарет, в частности, младшая сестра императора Николая II, Великая княгиня Ольга Александровна, арендовавшая для него артиллерийский склад в городе Ровно (поближе к Ахтырскому гусарскому полку, шефом которого она была). Трудилась великая княгиня, позабыв о сне и отдыхе, наравне с другими сёстрами милосердия принимала, обмывала раненых и увечных, выхаживала их после тяжелейших операций:

“Первые 5-6 дней мы почти совсем не спали и было очень много тяжёлой работы, теперь же как-то меньше или мы попривыкли. Возят их всё по ночам – в 3-4 часа, и мы встаём и идём принимать их с носилок, раздеваем, одеваем в чистое бельё и укладываем в кровати, напиваем чаем или молоком, а затем по 2 несут на перевязки, а там, Боже, как приходится их, - бедных ангелов мучить. Несчастные ноги и руки перебиты, груди и головы прострелены и надо всё это чинить всё-таки...”⁸¹

. В победные дни августа 1914 года, покинув Ровно, она вместе с венценосным братом вступила во Львов-Лемберг, но после ряда поражений войск Юго-Западного фронта, приведших к сдаче города противнику, вместе с лазаретом переехала в Киев. Её госпиталь разместился в здании Ольгинской гимназии, тогда арендовавшей служебный корпус Первой Императора Александра гимназии. (Собственного здания, возведение которого началось по соседству, Ольгинская гимназия уже никогда не получила.)

К милосердным трудам своим Ольга Александровна приступила с первых военных дней, учредив под своим председательством “Комитет для оказания пособия вдовам и сиротам, пострадавшим на войне”; в Петрограде в это же время начало действовать “Общество милосердия к страждущим воинам имени Великой княгини Ольги Александровны”; её же именем был назван “Дворянский военно-санитарный поезд №87”. Помогала великая княгиня и своему свёкру - принцу Александру Петровичу Ольденбургскому, Верховному начальнику санитарной и эвакуационной части Русской армии.⁸¹

С его гомосексуальным сыном, Петром Александровичем, прожила она, лишённая интимного внимания супруга, полтора десятка лет. Пикантности ситуации добавляло то обстоятельство, что в первые годы семейного сожития влюбилась она (со взаимностью) в поручика Николая Александровича Куликовского, но разрешения на запрошенный ею развод ни от формального супруга (не пожелавшего выносить сор из избы), ни от всё могущего брата не получила. Дозволено было только поручику служить при младшем принце Ольденбургском и, как следствие, общаться – без сплетен и слухов - с великой княгиней. И только осенью 1916 года, в приезд старшего брата в Киев получила Ольга Александровна от него (как указание для Синода) разрешение на развод и совершив его, обвенчалась с прибывшим в Киев уже полковником Куликовским (по некоторым предположениям - в церкви Никольской слободки, где ранее обручились Анна Ахматова и Николай Гумилёв).

На средства великой княгини Ольги Александровны в Киеве, в конце лета 1914 года был составлена и отправлена на фронт колонна санитарных автомобилей (что подтверждает фотоснимок их водоосвящения).

. Замечательной благотворительницей проявила себя в военные годы вдова императора Александра III (мать действующего императора Николая II и великой княгини Ольги Александровны) императрица Мария Фёдоровна, соучредительница и глава Института своего имени, в ведении которого находились учебные заведения, воспитательные дома, приюты для обездоленных детей, богадельни. Долгие годы, ещё со времён русско-турецкой войны 1878 года она возглавляла Российское Общество Красного Креста. Благодаря её инициативе в бюджет Общества шли пошлины за оформление загранпаспортов, железнодорожные сборы с пассажиров первого класса, а во время Первой Мировой войны — «подешный сбор» в десять копеек с каждой телеграммы.

При активном участии Марии Федоровны были созданы госпитали, оборудованные рентгеновскими кабинетами, в Киеве, Львове, Минске и Тифлисе. Два военно-санитарных поезда, носящие имя «Императрица Мария Федоровна», пять лазаретов, перевязочно-питательный отряд, размещавшийся в пяти вагонах, убежище для увечных воинов при Максимилиановской больнице в Петергофе оказывали постоянную помощь раненым солдатам и офицерам. Специальная кухня, помещавшаяся на платформе, оснащенная автомобилем и палатками, отпускала ежедневно от семи до восьми тысяч порций обедов. В Крыму действовал санаторий для выздоравливавших офицеров.

«В половине, кажется, 1916 г. Государыня Мария Фёдоровна переехала в Киев на постоянное жительство. Так как Иваницкий находился в частых разъездах по фронту, то мне, как его заместителю, приходилось очень часто сопровождать Государыню при осмотре лечебных заведений. Государыня отличалась, несмотря на свой пожилой возраст, поразительной неутомимостью, проводя иногда на ногах, при обходе раненых, два-три часа без перерыва. Любимым её учреждением был, естественно, собственный Её Величества госпиталь, сформированный на её личные средства Кауфмановской общиной, а также госпиталь Евгенинской общины (в здании Александровской гимназии), в которой старшей сестрой была самоотверженно работающая Великая княгиня, Ольга Александровна.»¹³

Мария Фёдоровна продолжила активные занятия попечительской деятельностью по линии Красного Креста, регулярно - с добрым словом и лаской – посещала госпитали и лазареты, уделяя особое внимание слепым и калекам, вела дневник:

«2 июня: Приняла в 10½ Иваницкого. Указала ему, как неправильно действовал Красный Крест, препятствуя датским делегатам и сестрам посетить лагеря для военнопленных, так что он сразу принял решение вернуться к Ильину, чтобы приказать ему исправить это. Приняла польского господина Рембелинского, очень милый человек, который потерял всё...

25 июня: «11½. Думов работает здесь в Киеве в моем госпитале уже год. Когда я посетила госпиталь, все, кто мог ходить, пришли поприветствовать меня. Офицеры, которые были тяжело ранены, оставались на койках...

26 июня: «С большой радостью приняла милого Арендрупа, который прибыл из Петербурга, чтобы повидать меня до того, как он посетит австрийских военнопленных поблизости от Казани... Помимо Арендрупа и Филипсена обычное воскресное общество. Арендруп и Филипсен отправятся в Петроград, чтобы заняться делами Красного Креста и сделать все так же хорошо, как и прежде...

1 июля: «Всю первую половину дня писала письма Аликс и Вальдемару... В 3 часа поехала с Игнатьевым в порт, посетила два маленьких госпиталя на судне. Мы проплыли по Днепру до Миргорода, где поднялись на берег и зашли в церковь,

которая находилась наверху. Прогуливающаяся публика была очень приветлива, когда я шла под руку со старой монахиней. Вернулась обратно в 8 час., очень удовлетворенная дневной прогулкой...»⁸²

Марии Федоровне было в то время уже около семидесяти лет, ее мучили желудочные недомогания, но она не разрешала себе поддаваться болезни и всегда держалась необыкновенно прямо, поражая современников удивительно стройностью своей фигуры. Её фрейлина (и как она – датчанка) Зинаида Георгиевна Менгден вспоминала: *«Когда Императрица совершала свои ежедневные поездки, она не допускала того, чтобы кто-то из свиты сопровождал ее. И киевский губернатор Алексей Игнатъев, и полицейский чиновник часто были вынуждены следовать за ней на достаточно большом расстоянии, чтобы Императрица не могла их видеть»⁸³*. Вдовствующая императрица была очень популярна среди населения Киева. Каждый день она прогуливалась в открытом экипаже, весело отвечая на приветствия прохожих.

Кажется, не было в городе лазарета или благотворительной организации, не носившей имен вдовствующей императрицы. Тому подтверждение, объявление в одной из киевских газет по случаю встречи нового, 1916 года: *“27 декабря в лазарете Имени Государыни Императрицы Марии Фёдоровны, помещавшемся в доме №34 по Левашёвской улице, и содержанием на средства дамского комитета, была зажжена ёлка для раненых воинов. Дети военного приюта Имени Императрицы Марии Фёдоровны развлекали раненых своими песнями и играми, а прекрасный хор балалаечников 1-го реального училища доставил им большое удовольствие, исполнив ряд номеров”⁸⁵*.

Бывала вдовствующая императрица и в госпитале для подвергшихся ампутации нижних чинов, устроенном Надеждой Владимировной Терещенко (урождённой Хлоповой), вдовой Фёдора Артемиевича Терещенко, чему есть фотографическое подтверждение на котором, рядом с высокородной гостьей – сестра милосердия Наталья Терещенко. Как известно, семейный особняк по улице Терещенковской, №9 (ныне, лишённый кариадид, - служащий нуждам музея Русского искусства) её супруг завещал сыну Фёдору при условии пожизненного пользования семейной недвижимостью Натальей Владимировной. Возможно, именно в этот госпиталь сестрой милосердия поступила Любовь Дмитриевна Блок. (Запись в дневнике её супруга от 22 августа 1914 года: *“Взятие Львова и Галича. – Убийственно. – Люба назначена в госпиталь Терещенки в Киев”²⁹*.)

Фёдор Фёдорович Терещенко большую часть времени проводил в своём имении в Червонном, в им устроенной авиамастерской. С ним общался отвечавший за государственное дело авиастроения Великий князь Александр Михайлович, часто приезжавший в Киев и живший в собственном поезде, ставившемся на стоянку неподалёку от городского вокзала. В такие приезды, по воскресным дням вместе с Великой княгиней Ольгой Александровной (был он женат на её сестре Ксении) гащивал у её матери, о чём позже сообщал в

мемуарных записях: *«Каждое воскресенье мы встречались втроём в её Киевском дворце – старинном доме, построенном на правом берегу Днепра. После завтрака, когда все посторонние уходили, мы обычно оставались в её будуаре, обсуждая события истекшей недели. Нас было трое – мать, сестра и шурин императора».*

Председатель Четвертой Государственной думы Михаил Владимирович Родзянко, вспоминал: *«12 июля я поехал с женой на Южный фронт и по пути остановился в Киеве. Там в это время жила императрица Мария Федоровна, удалившаяся от всего того, что ее огорчало в Царском Селе и в Петрограде. Я посетил ее, она продержала меня часа два, много говорили о деятельности Красного Креста и о жизни в Киеве, и на замечание, что она хотела бы побыть в Киеве неделю, а остается уже несколько месяцев, она ответила: „Вы не можете себе представить, какое для меня удовлетворение после того, что я пятьдесят лет должна была скрывать свои чувства, — иметь возможность сказать всему свету, что я ненавижу немцев».*¹⁹⁷

В мае 1916 года к матери, по дороге в Ставку, заезжал сын, император Николай II, о чем свидетельствует лаконичная запись в его дневнике: *«8 мая 1916. Воскресенье. Приехали в Киев до 9 час. утра и к нашей радости были встречены дорогой Мамá и Ольгой. Поговорили минут 20, простились и продолжали путь. Погода была холодная, с сильными ливнями...»*⁸⁰

13 сентября 1916 года в письме к сыну в Ставку Мария Федоровна замечала: *«Я очень грущу, что так редко слышу от тебя, но я знаю, конечно, что тебе трудно писать. Мои мысли всегда с тобой, и живу душой с нашими доблестными войсками... Мысленно всегда с тобой, милый Ники, и рада, что милый Алексей у тебя. Я вас нежно обнимаю. Храни тебя Господь. Твоя старая Мамá».*⁸⁰

15 октября вся царская семья собралась в Киеве. Царица с дочерьми объезжала лазареты, а через четыре дня все вернулись в Царское Село. 19 октября по постановлению Киевской городской думы было торжественно отмечено пятидесятилетие со дня вступления императрицы Марии Федоровны в руководство Ведомством учреждений императрицы Марии. В ознаменование этого события планировалось открытие в 1917 году в Киеве новой городской больницы; гимназии для лучших учеников, окончивших городские училища; специального ремесленного отделения; учреждение трех городских стипендий для учащихся женских гимназий. Дума ходатайствовала перед императором о присвоении учреждаемым стипендиям, учебным заведениям и новой больнице имени Марии Федоровны. Но всё это, как показало ближайшее будущее, осталось втуне.

Помимо благотворительных забот отметилась в городе вдовствующая императрица участием в торжественном открытии второго железнодорожного моста, соединяющего Подол с левобережной частью города. Действо это, состоявшееся 20 августа 1916 года, сопровождалось богослужением с водосвятием, с закладкой высокородной гостьей в основание будущего транспортного строения первого камня. К началу 1917 года мост фермовой конструкции был готов, но под назначенным ему именем учредительницы пробыл только несколько недель.

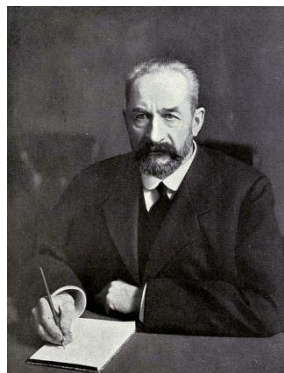
(Капитально выстроенный, он уже более столетия служит городу – под именем то Петровского, то Подольского.)

Значительную роль в решении возникших в данной области проблем в России сыграло Российское Общество Красного Креста (РОКК), имевшее широкую сеть лечебных заведений и отделения во многих городах огромной Империи. Начало истории РОКК может быть отнесено к 1867 году, когда император Александр Второй утвердил устав Общества попечения о раненых и больных воинах. Согласно этому документу, обществу надлежало *«содействовать во время войны военной администрации в уходе за ранеными и больными воинами и доставлять им, по мере средств своих, как врачебное, так и всякого рода вспомоществование»*⁸⁴. Руководство обществом осуществляли Главное управление в Санкт-Петербурге и местные управления – «в столичных и всех губернских городах». В помощь местным управлениям и ради «успешного достижения цели Общества» устав предписывал создавать дамские комитеты. В июле 1879 года Александр Второй утвердил положение Комитета министров, согласно которому Общество попечения о раненых и больных воинах было переименовано в Российское общество Красного Креста. Местные управления были реорганизованы в комитеты, о которых в документе говорилось следующее: *«Местные комитеты направляют свою деятельность к увеличению средств Общества и, сверх того, прилагают свои заботы к развитию еще в мирное время той практической деятельности, которая наиболее способствует цели учреждения Общества, организацией подвижных и временных лазаретов, образованием сестер милосердия и санитарной прислуги, как при собственных лазаретах, так и при госпиталях и больницах разных ведомств; устройством складов и запасов таких предметов, в которых встречается надобность при оказании помощи больным и раненым или потерпевшим вследствие общественных бедствий и проч.»*⁸⁴

Власть и общественные организации в годы войны

Еще до войны с Японией усилиями князя Георгия Евгеньевича Львова был организован благотворительного толка «Союз земств», из недр которого, к слову, вышло партийное движение кадетов (хотя организатор и руководитель «Союза» князь Георгий Евгеньевич Львов лукаво утверждал, что его интересует только дело, а не политика). Небезосновательно державная бюрократия косо смотрела на «Союз», усматривая в нем покушение на власть, земцам удалось продлить свое существование до первой мировой войны участием в борьбе с голодом, эпидемиями, помощью переселенцам на Дальний Восток.

Крепко воспрянули духом земцы в августе 1914 года, учредив – в первые дни ажиотажного спроса на патриотические инициативы – «Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам». Устоять перед инициативой земцев было нельзя, и царь высочайшим повелением разрешил существование «Союза» наряду с правительственным «Красным Крестом».

В первые недели разгоревшейся мировой войны, 30 июля 1914 года на состоявшемся в Москве съезде уполномоченных губернских земств был основан Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам, главноуполномоченным которого был избран

близкий к конституционным демократам (кадетам) князь Георгий Евгеньевич Львов.

Вслед за упомянутым организационным съездом губернских земцев последовало учреждение «Комитета Ея Императорского Высочества Великой княгини Елизаветы Фёдоровны» (вдовы убиенного, в январе 1905 года, бомбой Каляева Московского генерал-губернатора Великого князя Сергея Александровича, приходившегося дядей императору Николаю Второму). В «*Высочайше утверждённом*» Положении о Комитете последнему ставилась задача устроить и объединить благотворительную помощь семьям лиц, призванных в армию на время боевых действий как из запаса, так и из ополчения.

Деятельность Комитета охватывала всю Европейскую и Азиатскую Россию, за исключением Петроградской губернии, Кавказа и Финляндии. В его состав были включены свыше четырёх тысяч мелких благотворительных образований. Всероссийский земский союз вошёл в его состав как «*Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам, состоящий под покровительством Ея Императорского Высочества Великой княгини Елизаветы Фёдоровны*». ⁸⁶

Поначалу союз, озадаченный прежде всего помощью больным и раненым, занимался оборудованием госпиталей и санитарных поездов, пунктов питания, заготовкой медикаментов, белья, обучением медицинского персонала, а в дальнейшем - стал выполнять заказы главного интендантства на одежду и обувь для армии, организовывать помощь беженцам. Финансы Земского союза складывались, в основном, из правительственных субсидий, а также взносов местных организаций союза и пожертвований. Работая на казённые деньги, союз не был связан никакими штатами, правилами или формальностями, действовавшими в государственных организациях.

В развитие заявленной выше темы обратимся к исходному тексту исторического труда, именованному «Русская летопись» и изданному в 1922 году в Париже усилиями и на средства политически активной части русской эмиграции

«Всем памятны первые дни по объявлении войны, когда Россия слилась в патриотическом порыве и благоговела перед Царём. Петроградские рабочие, накануне строившие баррикады на улицах, стояли на коленях на площади Зимнего дворца, а Государственная Дума приглашала забыть все распри и партийные счёты и объединиться

По существу, однако, общество осталось тем же, каким было раньше. Объявление мировой войны ударило лишний раз по нервам, не пробудив в нём сознания всей полноты долга перед родиной и не заставив задуматься над тем, какое великое испытание выпало на долю России.

Патриотический порыв первых дней естественно охватил и представителей подлинной общественности, в лице земских деятелей. По их почину земства ассигновали двенадцать миллионов рублей на устройство во внутренних губерниях лечебных заведений для раненых. Вслед за этим последовало Высочайшее соизволение на открытие «Союза земств», а затем и «Союза городов»⁸⁷.

За организационным съездом земцев, неделю спустя, в Москве – по инициативе её городской думы – состоялся Всероссийский съезд представителей российских городов, учредивший Союз городов, в расширенном толковании именованный Всероссийским союзом городов помощи больным и раненым воинам (в состав которого, за последовавший год существования, вошло более половины губернских и уездных городов России, который, к слову, за указанное время стал одним из центров либеральной оппозиции царской власти). Главноуполномоченным союза был избран городской голова

белокаменной (и владелец подмосковных кирпичных заводов) Михаил Васильевич Челноков, его товарищами – Александр Иванович Гучков и Михаил Иванович Терещенко.

«Несомненно, что при образовании обоих этих с воюзов и правительство и сами представители земств и городов имели ввиду только интересы России и её Армии и были далеки от мысли о том, что организации эти могут стать ширмой для противоправительственной борьбы.

Так, конечно, смотрело и общество, но совершенно иначе думали Кн. Г. Е. Львов и М. В. Челноков, оказавшиеся во главе союзов. Они и их политические единомышленники стремились использовать всех и всё как средство усилить своё общественное значение, а затем повести новый натиск на правительство для достижения своих политических целей.

К работе приступили быстро. В недрах кадетской партии (при ближайшем участии гласного Московской городской думы Н. П. Астрова), имевшей старые связи во всех слоях русской общественности, было решено использовать Союзы, чтобы противопоставить деятельность общественных организаций деятельности органов Правительства в самом выгодном для первых свете.

Обстановка слагалась самая благоприятная. На правительственные учреждения ложилась обязанность распространять свои заботы на все отрасли деятельности фронта и в тылу и притом в строгом соответствии с утверждёнными для них сметами, под стеснением конт роля и форм строгой отчётности, зачастую без кредитов на непредусмотренные сметами потребности. Союзы же, как добровольцы, могли работать там, где находили для себя место. Средства они имели весьма крупные и бесконтрольные и, конечно, не стеснённые отделами и параграфами сметы. Всё это давало им возможность обставлять свои учреждения и лазареты такой роскошью, о которой казённое хозяйство не смело и мечтать»⁸⁸.

В последовавшем за учредительным съездом *«Высочайшем повелении»* императора деятельность союза ограничивалась тылом, но на деле деятельность организации велась и на фронте, где союз городов имел фронтовые комитеты при главнокомандующих, их представители входили в Особые совещания (о них – ниже) и прочие учреждения времени войны. Основную часть средств союза городов составляли казённые субсидии. Известно, что с августа 1914 года до сентября 1916 года союз и связанные с ним общества получили от Совета министров Российской империи более двухсот миллионов рублей, что составило почти треть от всех ассигнований, выданных прочим (числом под тридцать) благотворительным организациям. За это же время из взносов городов, благотворительных концертов и частных пожертвований поступило более двух с половиной миллионов рублей.

В июне 1915 года члены военно-технического комитета при Всероссийском городском союзе инициировали первую в мировой практике масштабную эвакуацию промышленности в тыл, предварительно направив по этому поводу письмо министру торговли и промышленности Всеволоду Николаевичу Шаховскому: *«Совершенно недопустимым является дальнейшее сохранение в таких местностях, как Рига, Варшава и т. п., крупных предприятий обрабатывающей промышленности, которые готовят предметы военного снаряжения или так или иначе с этим делом связаны. Необходимо поэтому спешное принятие правительством решительных мер к переносу таких предприятий в более благоприятную обстановку глубокого тыла»⁸⁸.*

Кризис военного снабжения («снарядный голод»), обнаружившийся во время «великого отступления» весной-осенью 1915 года, вынудил правительство поручить Земскому союзу производство боеприпасов — бомб, артиллерийских снарядов, гранат. Воспользовавшись случаем, Главные комитеты Земского союза и Союза городов полностью объединили свою деятельность. 5 июля 1915 года, в ходе одновременно проводившихся съездов уполномоченных губернских земств и городов, был образован Главный по снабжению армии комитет. В него вошли главноуполномоченные Земского союза и Союза городов и по четыре члена от их главных комитетов. Наряду с официальным названием новой организации, появилось и неофициальное — *Земгор*.

Его двудеяными председателями были избраны князь Львов (от Земского союза) и московский городской голова Ченоков (от Союза городов). Всего в рамках Земгора, в его губернских и местных комитетах работали около полутора тысяч чиновников, имевших особую форму и именовавшихся в просторечье «земгусарами». Жили и трудились они безбедно — на содержание Земгора отчислялось два процента от стоимости заказов, а на организационные расходы (бесконтрольные по сути) — до десяти процентов себестоимости.

Земско-городское объединение уже явным образом претендовало на присвоение себе функций высшей исполнительной власти в стране. К февралю 1917 года аппарат Земгора, насчитывавший около полутора тысяч человек, состоял из отраслевых (военно-технического, инженерно-строительного, кожевенного, механического, связи и транспорта, снарядного и других) и функциональных (счётно-контрольного, справочного, заказов, юридического и других) отделов, а также Технического совета, чертежного бюро и редакции своего печатного органа — «Известий». Деятельность Земгора обросла множеством структур — комиссий, секций, совещаний

Верховная власть пыталась воспрепятствовать установлению всевластия земско-городского объединения, взять его деятельность под контроль. Еще в сентябре 1914 года был принят закон, жёстко обязывавший частные предприятия в первоочередном порядке выполнять военные заказы. Далее, по мере развития «снарядного кризиса», была — в январе 1915 года — сформирована правительством особая распорядительная комиссия по артиллерийской части, к маю этого же года переформатированная по инициативе Родзянко (и при монаршем на то согласии) в Особое совещание для объединения предприятий по обеспечению действующей армии предметами боевого и материального снабжения».

В состав совещания входили представители Госсовета и Госдумы, министерств, Всероссийских земского и городского союзов, Центрального военно-промышленного комитета с правом совещательного голоса. Решения принимал председатель совещания после обсуждения с его членами или без предварительного обсуждения. Особое совещание получило исключительный статус: *«Никакое правительственное место или лицо не даёт Особому совещанию предписаний и не может требовать от него отчётов. Особое совещание подвергается ответственности не иначе, как по усмотрению Государя Императора»*⁸⁹

При таком повороте дел Земскому союзу и Союзу городов оставалось лишь посредничество в выполнении казенных заказов. Но осуществлять свою практическую деятельность официальные правительственные инстанции могли лишь с помощью обширного штата сотрудников земско-городской («общественной») организации. Кроме того, многие военачальники из числа главнокомандующих фронтами (Великий князь.

Николай Николаевич -младший, Алексей Алексеевич Брусилов) и командующих армиями нередко лично обращались к руководству Земского союза и Земгора за содействием в деле обеспечения фронта медицинской помощью, продовольствием, одеждой, обувью... В свою очередь, служащие Земского союза взяли под свою опеку военное интендантство, следя за качеством поставляемых ему изделий.

Когда же масштаб войны обозначился в таких размерах, что 12-ть миллионов, ассигнованные земствами на открытие деятельности союзов (в 1916 году из этих денег в кассу фактически поступило лишь три миллиона) оказались каплей в море, то союзы испросили у правительства казённую субсидию, цифра которой к 1916-му году достигала уже 256-ти миллионов руб. Сложившаяся таким образом обстановка дала возможность союзам поставить свои учреждения на большую высоту в сравнении с казёнными. В последних питали и лечили, тогда как в союзных кроме того ухаживали и баловали офицеров и «солдатиков». Требования больничного режима и дисциплины в этих заведениях уступали место сантиментальным поблажкам и излюбленным наказанием для провинившихся была угроза «перевести в казённый лазарет».

Пока комфорт лазаретов создавался на пожертвования частных лиц, всё это было естественно и терпимо. Но когда единственным источником содержания этих учреждений стали казённые кредиты, а деньги на поддержание комфорта стали добывать разными комбинациями с казёнными авансами в обход контроля, то это стало уже злоупотреблением.

Широкие круги общества наблюдали разницу в оборудовании и в постановке союзных и казённых лазаретов и не вдаваясь в истинные причины, ускользавшие от поверхностного взгляда, склонны были объяснять это: с одной стороны самоотверженной работой деятелей Союзов, а с другой господствующим в казённых учреждениях рутинной и злоупотреблениями. Такое впечатление как нельзя более отвечало видам заправил обоих Союзов, так как создавало им популярность не только в обществе, но и в военной среде.

Конечно, лавры этой дешёвой популярности, не удовлетворяли лиц, стоявших во главе обоих Союзов. В цели их входило создать из этих организаций надёжный оплот, под прикрытием которого они могли бы сгруппировать свои силы, кадры своих людей и денежные средства, столь щедро и бесконтрольно отпускаемые им казною.

Лозунг «Война», «Польза Армии», «работа общественности, жертвующей всем для войны» были избраны тем оружием, которым они с большим успехом парировали все попытки власти осуществить контроль над их деятельностью, не стесняясь распускать про негодных им чинов правительства обвинения, что те, мол, «изменники» и в угоду немцам своим вмешательством препятствуют успешной работе союзов на пользу армии.⁸⁹

После учреждения правительственного Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства за Земгором закрепились функции по распределению государственных оборонных заказов в мелкой и кустарной промышленности, а близкие ему по идеологии военно-промышленные

комитеты (организации предпринимателей) ведали распределением госзаказов среди крупной и средней промышленности.

Военно-промышленные комитеты - буржуазные организации, созданные в 1915 году по решению Девятого Всероссийского съезда представителей торговли и промышленности для содействия правительству в "деле снабжения армии и флота всеми необходимыми предметами снаряжения и довольствия". Состояли из Центрального военно-промышленного комитета- ЦВПК- (председатель Николай Степанович Авдаков в мае-июле 1915 года; Александр Иванович Гучков в июле 1915 - марте 1917 и в мае - октябре 1917 годов), областных и районных комитетов, ставших посредниками между государством и частной промышленностью.

Состоявшийся в июле 1915 года Первый съезд Военно-промышленного комитета наряду с экономическими поднял и политические вопросы, в том числе создание правительства, пользующегося доверием Государственной Думы. Съезд избрал Центральный ВПК во главе с октябристом Александром Ивановичем Гучковым (председатель) и прогрессистом Александром Ивановичем Коноваловым, первую скрипку же в руководстве Центрального ВПК заиграли лидеры московской буржуазии. К началу 1916 года было создано около двух сотен местных ВПК, объединённых в более трёх десятках областных (позднее их число возросло). ВПК привлекли к обслуживанию армии около тысячи трёхсот средних и мелких промышленных предприятий и создали более сотни собственных заводов и мастерских - фактически ВПК стремились взять руководство хозяйством страны в свои руки.

Как и в ситуации с Земгором, политические и экономические планы буржуазии натолкнулись на решительное противодействие правительства, выразившееся в уже упомянутом создании, в противовес ВПК, своего аппарата – Особого совещания по государственной обороне, перевозкам, топливу и продовольствию. В результате ВПК стали лишь посредником между государством и частной промышленностью. До Февральской революции 1917 года ВПК получили от казны заказы на сумму около четырёхсот миллионов рублей, но выполнили менее половины. Не добившись решающего влияния в экономике, буржуазия продолжала рассматривать ВПК как разветвлённую по стране систему оппозиционных организаций. Другая сторона деятельности ВПК, состоявшая в стремлении буржуазии подчинить своему влиянию рабочий класс, вовлекая его представителей в комитеты, в какой-то мере соответствовала интересам части правительства. Лидеры ВПК при поддержке меньшевиков и эсеров в июле 1916 года стали создавать рабочие группы в комитетах. Большевики заявили о своём отказе участвовать в ВПК. Они выступили за активный бойкот выборов в рабочие группы ВПК, за использование первой стадии выборов только в агитационных и организационных целях.

Михаил Иванович Терещенко, как пишет в своих воспоминаниях Михаил Константинович Лемке, стал активным организатором и деятелем военно-промышленных комитетов – в Петроградском центре и в Киеве.

«Знакомый мне по печатанию в типографии Стасюлевича изданий «Сирина» владелец этой недавно основанной фирмы Михаил Иванович Терещенко бросил работу в киевском Красном Кресте, не видя в ней серьезного содержания из-за обстановки, в которую она поставлена сторонними обстоятельствами. Теперь он работает в киевском военно-промышленном комитете с моим знакомым проф. М. А. Воропаевым»⁹⁰.

Воропаев Михаил Алексеевич (1872 – 1919), уроженец Харькова, сын мещанина. После окончания Харьковской 2-й гимназии (1890) состоял студентом Харьковского университета. С 1891 года — студент механического отделения Харьковского технологического института. На третьем курсе и в 1894 году служил чертежником в управлении Курско-Харьково-Азовской железной дороги. Активный участник революционного движения. Неоднократно подвергался арестам и находился под надзором полиции. В 1896 году был вновь принят в ХТИ, который окончил в 1901 году со званием инженера-технолога. Инженер Управления Екатеринбургской, Вологодско-Полоцкой

железных дорог. Старший лаборант при кафедре сопротивления материалов (1907), преподаватель, профессор (1912) кафедры механической технологии (по отделу общей технологии металлов и литейному делу) Киевского политехнического института, а впоследствии — его ректор. Ректор Народного политехникума в Киеве. Член Комиссии для изучения природных богатств Украины. Статский советник. Был награжден за отличную службу орденом св. Анны 2-й степени (1914 год).

В качестве штаба подготовки и проведения Февральской революции стал Центральным Военно-промышленным комитетом (ЦВПК), находившийся вместе со своей Рабочей группой, созданной в ноябре 1915 года в Петрограде, в особняке на Литейном проспекте, 46.

Председателем бюро ЦВПК стал Александр Иванович Гучков, его товарищами — Александр Иванович Коновалов, Александр Александрович Бубликов, Михаил Иванович Терещенко и Михаил Михайлович Фёдоров. В состав ЦВПК входили не только предприниматели, но и члены Прогрессивного блока Четвёртой Государственной думы и Госсовета, главноуполномоченный Земского союза и председатель Земгора князь Георгий Евгеньевич Львов и его секретарь Дмитрий Митрофанович Щепкин, главноуполномоченный Городского союза Михаил Васильевич Челноков.

Фактически ЦВПК и подчинённые ему местные комитеты представляли собой финансируемую правительством (за всё время, с полного царского согласия, — сто семьдесят миллионов рублей!) политическую организацию антиправительственного толка. Мыслью лидеров ЦВПК, и прежде всего его председателя, являлся государственный переворот.

Объективной причиной резкого «полевения» Гучкова стали поражения русской армии весной и летом 1915 года. Позже, уже при новой власти — в марте 1917 года, — выступая на торжественном заседании ЦВПК, он разоткровенничался по вышеуказанному поводу: *«Два года тесно переплетённой совместной работы со властью и её органами окончательно убедили нас всех, руководителей нашей организации и всех наших сотрудников, что при наличии современной власти победа для России невозможна, что приходится включить в нашу программу сотрудничества с властью и помощи войне*

необходимость свержения этой власти, ибо только при этом условии являлись шансы на победу»⁹¹.

Характерно, что Гучков не делал разницы между переворотом и революцией. Керенский позже утверждал, что Гучков *«стал революционером»* в октябре 1915 года, когда не только его *«однопартийцы»*, но и большинство кадетов и прогрессистов *«от одного слова революция»³⁶* приходили в священный ужас. Поправка «влево» политической ориентации у председателя ЦВПК не была секретом и для Департамента полиции, в докладе которого по этому поводу было сказано: *«Съездив в Китай, Турцию и Португалию и изучив на месте способы и приёмы переворотов в разных странах, а также былые у нас бунты во Владивостоке, Севастополе и Кронштадте и дождавшись благоприятного времени, как война 1914 г., Гучков начал действовать»⁹².*

Ещё при жизни Столыпина, вспоминал Гучков, он *«изверился в возможности мировой эволюции»⁷⁶*. В 1911 году близкий к лидеру октябристов генерал Евгений Иванович Мартынов лично слышал от него *«о необходимости дворцового переворота»*. В этом случае сыграла свою роль личная неприязнь Гучкова к Николаю Второму, возникшая ещё в период Третьей думы, в начале 1912 года, когда Александр Иванович с думской трибуны резко (и, возможно, в чём-то безосновательно) обвинил Григория Ефимовича в хлыстовстве и его политическом влиянии на монарха. В 1915 году, - как позже отмечал директор Департамента полиции Александр Тихонович Васильев, - Гучков говорил: *«Если я не умру раньше, я сам арестую царя»⁷⁶*. Однопартиец Гучкова олиберализировавшийся князь Александр Васильевич Оболенский, поминая своего партийного лидера, говорил, что тот стал *«открытым злобным революционером»⁹³*, настроенным *«больше всего»* против Николая Второго. Более того, близкая к октябристам княгиня Ольга Валериановна Палей небезосновательно указывала, что идея свержения монарха доминировала в суждениях Гучкова, заявившего её однажды: *«Чёрт с ней с победой, лишь бы свергнуть царя!»⁹³*

Одним словом, уже в 1915 году Александр Иванович Гучков был захвачен идеями *«государственного переворота»* и *«национальной революции»* и эти идеи стали основополагающими в практической деятельности ЦВПК.

Жандармский генерал Павел Григорьевич Курлов подчёркивал, что *«ЦВПК и местные военно-промышленные комитеты образовали дополнительно организованное правительство, задачей которого было уничтожение существующей власти»*, по причине чего ЦВПК *«вылилось в чисто революционную организацию»⁹⁴*. А по воспоминаниям начальника Петроградского охранного отделения генерала Константина Ивановича Глобачёва ЦВПК *«...был организацией политической и служил исключительно целям подготовки революции»⁹⁵*.

О ней, в мемуарной тональности, запечатлевая монументом совершившееся событие, на приснопамятном, состоявшемся в марте 1917 года торжественном заседании ЦВПК говорил возвышенно уже военный и морской министр Временного правительства Александр Иванович Гучков: *«Господа, этот переворот не является результатом какого-то умного и хитрого заговора, какого-то Komplota каких-то замаскированных заговорщиков... Этот переворот явился зрелым плодом, упавшим с дерев. Он явился неизбежным результатом стихийных исторических сил, которые выросли из русской разрыхленной почвы. Это историческое явление, и в том, что этот переворот является не искусственным творением и не результатом работы какой-то группы заговорщиков,*

как это было, скажем, в младотурецком или младопортугальском перевороте, кроется, по-моему, гарантия его незыблемой прочности»⁷⁶.

Аналогия с «Ньютоновым яблоком» несомненно красива, но переворот--революция марта 1917 года стала результатом целенаправленных, хорошо скоординированных усилий отечественных, буржуазно-либерального толка карбонариев. Как засвидетельствовал Александр Фёдорович Керенский (Борису Ивановичу Николаевскому, историку и политическому деятелю) тайные, на революционный переворот нацеленные организации, возникшие к зиме 1915 – 1916 годов, группировались как вокруг военно-промышленных комитетов, так и вокруг Земгора. Во главе первой группировки стояли Гучков, Коновалов, Терещенко, во главе второй – Львов, Вырубов, Леонтьев, Щепкин³⁶.

Присутствие Львова и Щепкина в обеих группах потенциальных заговорщиков

достаточно убедительно свидетельствует о единых революционных целях в той и другой, о взаимной координации их действий. Факты говорят – к концу 1915 года ЦВПК во образе своих верховных руководителей – стал тайным штабом будущей буржуазной революции.

Стремясь «пристроить» к нему пролетарскую подоснову лидеры этого штаба в недрах ЦВПК создали так называемую Рабочую группу, в том числе и для того, чтобы обеспечить массовый, «стихийный» характер будущего свержения самодержавия, придать ему законный характер. По издавна установившейся и небезосновательной версии Февральская, 1917 года, буржуазная революция стала итогом деятельности большевиков, но, к сожалению, много лет обходилась историками стороной тема участия в ней, хоть и в качестве маргиналов, социалистов и связанных с Рабочей группой пролетариев.

Между тем, на состоявшемся 30 ноября 1915 года на квартире Коновалова совещании общественных деятелей её хозяин поддержал присутствующего на этом собрании

Керенского, выдвинувшего идею «...продемонстрировать народное недовольство против действий правительства какими-либо забастовками или другими демонстративными эксцессами»³⁶. Коновалов экспрессивно дополнил идею Александра Фёдоровича, заявив, что «народную массу надо поднимать», дабы «обуздать наглую власть». Его, капиталиста, Московское охранное отделение характеризовало, как сторонника уличных выступлений пролетариата, желающего «ущемить хвост правительству и поднести кулак к его носу» и готового «оплатить расходы по созданию Совета рабочих депутатов» под флагом ЦВПК. Инструментом политической мобилизации пролетариата и стала Рабочая группа, аналог Совета рабочих депутатов⁹⁶.

Секретарь общего собрания ЦВПК и бывший народоволец (к слову, участник

неудавшегося покушения на Александра Третьего) Михаил Васильевич Новорусский объяснял введение рабочих в организацию, враждебную им по классовым интересам, осознанием буржуазными лидерами «необходимости объединения всех общественных элементов на борьбу одновременно на два фронта: с врагом внешним и с врагом внутренним, т. е. со старым режимом»⁹⁷. Более того, согласно свидетельству Новорусского, руководителя ЦВПК «в большинстве представители капиталистических групп, легально и гласно допустили в свою среду инородную группу», именно «для подготовки революции, а поэтому Департамент полиции полагал «не без основания, что ЦВПК подрывает основы и корни»⁹⁷.

Подразумевая «Рабочую группу», Александр Тихонович Васильев (Директор Департамента полиции, выпускник юридического факультета Киевского университета) отмечал, что «под видом патриотической организации, содействующей победе российской армии. Гучков организовал боевую революционную группу, призванную стать средством реализации его предательских замыслов»⁹⁸. К чёткому «полицейскому определению» можно добавить, что «Рабочая группа» была избрана собранием полутора сотен выборщиков от питерских заводов и фабрик, состоявшемся в конце ноября 1915 года в головном зале ЦВПК (Литейный проспект, 46).

Открыв это собрание выборщиков, Гучков достаточно прямолинейно «намекнул» собравшимся на необходимость революции, указав, что «мы все должны победить врага и вместе с тем стремиться к самому лучшему устройству внутренней жизни России». Выступивший за ним председатель собрания меньшевик Кузьма Антонович Гвоздев говорил о необходимости «организации рабочих сил России для борьбы с нападающей Германией и для борьбы с нашим самым страшным внутренним врагом – самодержавным строем», резюмировав, что для достижения этих двух целей и «необходимо деятельное участие в работах военно-промышленных комитетов».

То, о чём Гучков говорил полунамёками, Гвоздев чётко дешифровал, заявив, что «власть должна перейти из рук правительства в руки буржуазии», что Россия – «накануне буржуазной революции», что «...уже созрели все предпосылки для перемены существующего политического строя». Таким образом, лозунг «Революция ради обороны страны» объединил, несмотря на разделяющие социальные противоречия, буржуазные и пролетарские слои общества (по крайней мере, так тогда казалось)⁹⁶.

Основой оборонческой позиции было именно исповедание необходимости революции и «Рабочая группа», как подчёркивал её секретарь Маевский видела в «организации самозащиты» путь, который «вернее всего должен привести Россию к революционному перевороту»⁹⁶

В «Рабочую» группу ЦВПК были избраны десять человек, в «Рабочую группу» Петроградского ВПК – шесть, причём из общего числа избранных в шестнадцать человек тринадцать были меньшевиками-оборонцами и три – эсерами. Во главе «Рабочей группы» ЦВПК было поставлено Бюро в составе шести человек и его председателем, как и председателем группы в целом, был избран Гвоздев. У «Рабочей группы» было восемь секретарей, главным из которых был суперактивный меньшевик Борис Осипович Богданов. По свидетельству Коновалова выборы в обе группы охватили более ста предприятий столицы с общей численностью рабочих в двести двадцать тысяч человек (из

всего трёхсот тысяч питерских пролетариев), что давало Группе основательную поддержку от столичного рабочего класса.

Уже первая резолюция, принятая «Рабочей группой» ЦВПК, как свидетельствует Богданов, имела откровенно антимоноархический характер и говорила о *«коренной ломке режима»*, причём очередной задачей пролетариата объявлялась *«борьба за созыв Учредительного собрания»* с тем, чтобы *«вырвать власть из рук её нынешних носителей»*⁹⁹. Безопасность заседанию обеспечивал сам Гучков, который, по воспоминаниям Богданова, лично *«охранял»* членов группы, ожидая вмешательства полиции и демонстративно подчёркивая *«полную независимость и самостоятельность рабочего*

представительства». Услышав зачитанную Гвоздевым резолюцию первого собрания «Рабочей группы», Гучков (тому свидетельствует Коновалов) восторженно воскликнул: *«Какие молодцы рабочие!»*⁹⁶

Дальнейшие заседания «Рабочей группы», собиравшие в здании ЦВПК до полутысячи человек, стали по сути своей формой зарядки, настройки пролетариата на революционные действия, чему руководство военно-промышленного комитета отнюдь не препятствовало. В числе участников таких форумов были деятели больничных касс и профсоюзов, меньшевики, эсеры бундовцы и большевики, члены Фракций меньшевиков и трудовиков Четвёртой Государственной думы и их лидеры Чхеидзе и Керенский. Захаживали сюда «на огонёк» и члены политического кружка Николая Дмитриевича Соколова – убеждённого социал-демократа, но беспартийного; гащивали и полностью контролировались «гвоздевцами» члены рабочих кооперативов (в июле 1916 года объединившиеся в Петроградский союз потребительных обществ). В итоге – «Рабочая группа» при ЦВПК фактически превратилась в Совет рабочих депутатов, единственно легальный центр рабочего движения в масштабах не только Петрограда, но и всей России.

Немного о Николае Дмитриевиче Соколове, сыне придворного священнослужителя,

духовника царской семьи. Став присяжным поверенным, привлекался к дознанию по делу народовольцев, арестовывался по делу участия в «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса», ссылался; был юрисконсультom фракции социал-демократов в Третьей Государственной думе.

По делу проходившего в Киеве процесса над Бейлисом Соколов был одним из инициаторов коллективного – от 23 октября 1913 года - заявления Петроградских адвокатов, в частности, гласившего: *«Общее собрание присяжных поверенных округа... считает профессиональным и гражданским долгом адвокатуры высказать протест против извращения основ правосудия, проявившегося в создании процесса Бейлиса,*

против возведения в судебном порядке на еврейский народ клеветы, отвергнутой всем культурным человечеством, и против возложения на суд не свойственной ему задачи пропаганды идей расовой и национальной

*вражды. Это надругательство над основами человеческого общежития унижает и позорит Россию перед лицом всего мира, и мы поднимаем свой голос в защиту чести и достоинства России».*³⁶

Помимо Соколова инициатором принятия помянутого заявления был его коллега по членству в масонской ложе «Великий Восток народов России» Керенский и, как пишет историк Владимир Павлович Федюк: *«Дело Бейлиса – это, кажется, единственный случай, когда Керенский говорил и действовал так, как того требовала совесть, не заботясь о дивидендах, которое это способно принести»*³⁶. Суд над «подписантами» этого заявления, начавшийся в первых числах июня 1914 года («Дело 25 адвокатов») поначалу приговорил подсудимых к нескольким месяцам тюремного заключения, но наказание это было заменено запретом заниматься некоторое время адвокатскими делами.

Возвращаясь к делам «Рабочей группы, следует отметить, что её официальная деятельность по улучшению бытовых условий жизни пролетариата скрывала неофициальную, связанную с подготовкой революции, деятельность. По этой причине делопроизводство Группы было двойным, когда наряду с абсолютно безобидными бумагами велись откровенно антиправительственные документы. Такая двойственность делала практически невозможной утечки информации, компрометирующей «Рабочую группу» и Богданов, «хранитель всех её документов», приносил в кабинет Новорусского *«те документы, которые надо было сохранить от постороннего глаза и, в особенности, сохранить на случай обыска»*⁹⁶.

Увы, уже после падения монархии эта конспиративная, наиболее интересная часть архива пропала и до сих пор (так утверждают специалисты) не найдена. Остались только отрывочные воспоминания, к примеру, меньшевика Петра Абрамовича Гарви (Бронштейна), о том, что рабочие группы были *«единственными связанными с рабочей массой организующими центрами надвигающейся революции»*.¹⁰⁰ И как подчёркивал жандармский генерал Спиридович, революцию *«готовила Рабочая фракция комитета под председательством Гвоздева»*.¹⁰¹ О том же пишет и армейский генерал Павел Григорьевич Курлов, со знанием вопроса заявляющий, что Рабочая группа *«посвящала всё время почти исключительно обсуждению планов революционных партий, направленных к свержению существовавшего государственного строя»*⁹⁴ Ещё один жандармский генерал Павел Павлович Заварзин писал, что Гвоздев и его соратники *«создали на заводах революционные ячейки и постепенно приобрели значение руководителей массами»* как в столице, так и в провинции», в результате чего ЦВПК стал *«прикрытием подпольных организаций, члены коих, под видом осведомления масс о ходе работ, разъезжали по местам, организовывали и настраивали рабочих, связывая ячейки с подпольными центрами по восходящей линии, откуда они далее и получали указания»*¹⁰³.

Занявшись подготовкой революции, «Рабочая группа» (читай – «гвоздевцы»), встроенная в структуру ЦВПК проводила отнюдь не самостоятельную, отнюдь не сепаратную политику, на что, в частности, указывает в своих воспоминаниях эсер Исай Исаевич Мильчик: *«Меньшевики-оборонцы объективно являлись проводниками в рабочие массы лозунгов и директив левого фланга*

промышленной буржуазии – Коноваловых, Терещенко, Рябушинских, своих союзников по Военно-промышленному комитету»⁹⁶. То есть, рабочее движение накануне Февральской революции развивалось не столько снизу, сколько сверху, по инициативе и при поддержке буржуазии.

В конце сентября 1916 года - с одобрения председателя Четвёртой Государственной думы Михаила Владимировича Родзянко и лидеров Прогрессивного блока - Гучков приступил к технической подготовке государственного переворота, целью которого была замена Николая Второго наследником-цесаревичем Алексеем Николаевичем при регентстве великого князя Михаила Александровича. Первым делом Гучков образовал (и возглавил) «пятёрку, в которую, кроме него вошли Николай Виссарионович Некрасов, Михаил Иванович Терещенко, а также обеспечивавшие связь с военными кругами князь Дмитрий Леонидович Вяземский и штаб-ротмистр Дмитрий Владимирович Коссиковский.

Впрочем, антиправительственную агитацию в войсках прежде создания группы вёл сам Гучков, как вспоминала сестра князя Вяземского княгиня Лидия Леонидовна Васильчикова: *«Начиная с 1916 г. Во главе «информаторов» панического характера стоял Александр Иванович Гучков... У него имелись обширные связи во всей армии, и, ненавидя государя, он задолго до революции обработал общественное мнение среди офицерства в направлении желательности и даже необходимости отречения государя для благополучного окончания войны. Он не ограничился пропагандой среди младшего офицерства, а убеждал и старших начальников»¹⁰⁴.*

Являясь в 1907–1910 годах председателем думской комиссии по государственной обороне, Гучков смог войти в тесный контакт со многими генералами и офицерами, некоторые из которых занимали высокие должности в военном руководстве. В конце 1916 году охранное отделение составило приблизительный список военных, с которыми Гучков поддерживал политические контакты. Среди них были три бывших военных министра: генерал от инфантерии Александр Фёдорович Редигер, генерал-адъютант Александр Николаевич Куропаткин и генерал от инфантерии Алексей Андреевич Поливанов, бывший морской министр вице-адмирал Степан Аркадьевич Воеводский, главнокомандующий войсками Северного фронта генерал-адъютант Николай Владимирович Рузский, генерал-лейтенант пограничной стражи Евгений Иванович Мартынов.

В 1916 - начале 1917 годах, Гучков вошёл в тесный контакт с начальником штаба Ставки генерал-адъютантом Михаилом Васильевичем Алексеевым и многими главнокомандующими фронтами. Тесные контакты были у Гучкова и с главнокомандующим войсками Северного фронта генерал-адъютантом Николаевм Владимировичем. Рузским. Последний считал своим долгом советоваться с Гучковым даже по специальным, исключительно военным вопросам

Особые отношения объединяли Гучкова с генералом от кавалерии Василием Иосифовичем Ромейко-Гурко. В 1899–1900 годах Гучков и Гурко воевали за дело буров против англичан в Южной Африке. Довольно тесные контакты Гучков поддерживал и с капитаном Первого ранга Александром Васильевичем Колчаком. Именно Гучков сделал всё возможное, чтобы в 1916 году «либерал и оппозиционер» Колчак получил звание вице-адмирала и был назначен командующим Черноморским флотом.

Другой связью Гучкова был командир 25-го армейского корпуса Особой армии генерал-лейтенант Лавр Георгиевич Корнилов. Имя Корнилова попало в гучковский список «сторонников Думы». Особо доверительные отношения были у Гучкова с полковником Генерального штаба Сергеем Ильичём Зиллоти, родным братом жены Гучкова Марии Ильиничны Зиллоти. В эмиграции, давая интервью западному корреспонденту, Гучков пояснил, почему он покинул ряды левых и как сошёлся с генералами:

«Вся связь с Алексеевым заключалась в том, что я его знал, встречался с ним, когда он был начальником штаба Киевского военного округа, потому что я его знал по японской войне и, так как я был в добрых отношениях с Ивановым, то я тогда несколько сошелся и с Алексеевым. Иванов и Алексеев были в числе тех высоких чинов нашей армии, которые понимали очень слабое состояние нашей обороны и предвидели, что приближается момент, когда нам придется мериться с противником первоклассным — Германией. Они отдавали себе отчет, что, если нас Германия застанет в беспомощном состоянии, мы будем разгромлены вконец.

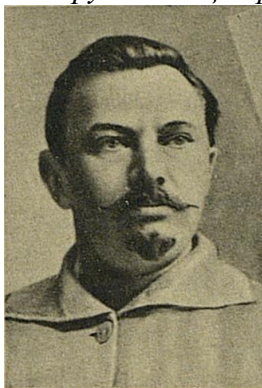
...Видя во мне человека, желающего восстановить нашу военную мощь после этого ослабления, созданного японской войной, они, в очень, правда, дискретной форме, помогали мне ориентироваться в военных вопросах, указывая главные потребности. Они не были в числе главных моих осведомителей, они мне язвы военного ведомства не раскрывали, а просто давали те или другие советы. Вот оттуда это началось. Это было в годы 8, 9, 10, 11, а затем война и, так как мне пришлось одно время обслуживать в смысле помощи Красного Креста фронт, которым командовал Иванов, а начальником штаба был Алексеев, то это еще больше меня с ними свело. С Алексеевым еще ближе мои отношения сложились, когда он сделался главнокомандующим Северо-Западного фронта. Этот фронт как раз обслужен был Красным Крестом моим, и у нас с ним были добрые простые отношения. Я к нему заезжал, докладывал о санитарных вопросах, о вопросах медицинской помощи и затем всегда говорил о своих впечатлениях от фронта. Я его очень высоко ценил. Человек большого ума, большого знания. Недостаточно развитая воля, недостаточно боевой темперамент для преодоления тех препятствий, которые становились по пути. Работник усердный, но разменивающий свой большой ум и талант часто на мелочную канцелярскую работу — этим убивал себя, но широкого государственного ума человек...

Затем он в Ставке, я уже не на фронте, а председателем Центрального военно-промышленного комитета и, как председатель этого комитета, член Особого совещания по обороне. Там я и мои ближайшие друзья пытаемся влить какую-то жизнь в это совещание, толкаем на принятие больших решений, на ускорение

темпов заготовки, но часто встречаем непонимание, косность, робость, иногда неискренность некоторых представителей военного ведомства, которые не решались обнаружить нужды и язвы, и тогда, в такие минуты я пытаюсь действовать через фронт, через Алексева»⁷⁶

«*Наш заговор*», как отзывался о нём Гучков, подразумевал осуществление плана, который показывал он Чрезвычайной следственной комиссии 4 августа 1917 года, заключался в том, чтобы *«захватить по дороге между Ставкой и Царским Селом, императорский поезд, вынудить отречение, одновременно, при посредстве воинских частей, арестовать существующее правительство и затем уже объявить как о перевороте, так и о лицах, которые возглавят собою правительство»⁷⁶*

При этом заговорщики исходили из того, что отречение Николая Второго должно стать добровольным, ибо в противном случае, как признавал Гучков, *«можно было опасаться гражданской войны»*. И должно отметить, что именно согласно плану Гучкова развивались события в ходе Февральской революции, хотя он перед следственной комиссией это отрицал. Однако Керенский подчёркивал, что в общении со следователями Александр Иванович несколько поскромничал, *«что при даче показаний он не упомянул о той руководящей роли, которую играл в заговоре, направленном на свержение царя»³⁶*.

По свидетельству меньшевика Николая Ивановича Иорданского, переворот готовился *«военной организацией»*, «связанной с заговорами кружка либеральных генералов и антидинастической группы Военно-промышленного комитета, но совершенно независимой от исторических революционных партий и их, слабых тогда, петербургских представительств». *«Во главе заговора, — отмечал Иорданский, — стояли представители Военно-промышленного комитета — Гучков, Коновалов и др.»¹⁰⁵*

Хотя, как уточняют историки, с 13 октября по 20 декабря 1916 года Гучков официально отсутствовал в Петрограде, находясь на лечении в Кисловодске, он мог руководить подготовкой переворота через посредников, в частности Михаила Ивановича Терещенко. Керенский вспоминал, что зимой 1916–1917 годов Гучков *«не ограничивался размышлениями о восстании, а энергично занимался его подготовкой вместе с М.И.Терещенко»³⁶*. И как отмечал Алексей Васильевич Оболенский, *«подготавливали революцию»⁹³* прежде всего Гучков и Терещенко.

Действительно, согласно полицейскому донесению, в середине декабря 1916 года на заседании Бюро ЦВПК обсуждались формы участия армии в перевороте, в связи с чем Михаил Иванович Терещенко заявил, что *«достаточно 2–3 полка, с которыми и можно будет все выполнить»⁹⁶*. Керенский говорил Борису Ивановичу Николаевскому, что заговорщическую *«группу Военно-промышленного комитета»* отличала «особо энергичная деятельность зимой 1916–1917 гг.»³⁶.

В конце 1916 — начале 1917 года, вспоминал Николай Виссарионович Некрасов, *«готовилась группа»* в селе Медведь, в Новгородской губернии, где квартировали запасные части, и в полках Петрограда. Н.В.Некрасов занимался *«технической подготовкой»* восстания в столице и, например, *«заранее»* изучил устройство Петроградской телефонной станции с целью ее захвата во время восстания, вследствие чего оказался *«одним из связующих звеньев между различными группами»⁹⁶*.

Сам Александр Иванович Гучков 23 февраля 1917 года сообщил родственникам Дмитрия Леонидовича Вяземского, что добиться отречения Николая Второго необходимо «*путем отвода царского поезда по дороге из Ставки в Царское Село*», причем заверил, что железнодорожники этого участка «*были уже предупреждены и все сочувствовали заговору*».

Когда же Александр Иванович говорил правду — 23 февраля или 4 августа 1917 года? Вопрос, как говорится, риторический! Вопреки позднейшим его признаниям деятельность «пятерки» имела вполне конкретные результаты, выразившиеся, в частности, в приобщении к заговору военной верхушки Российской империи. «*Лидером искусно и давно подготовленного заговора, — доносил из Петрограда в апреле 1917 года французский разведчик капитан де Малейси Второму бюро Генерального штаба Франции, — был Гучков, поддержанный техническими комитетами при содействии великого князя Николая Николаевича, охотно согласившегося на проникновение таких организаций в армию для ее снабжения. Менее открыто, но эффективно действовал генерал Алексеев по договоренности с большинством генералов, в том числе с Рузским и Брусиловым, не говоря о других, также предоставивших этим комитетам возможность проведения необходимой пропаганды в частях под их командованием. Алексеев уже давно контактировал с Гучковым, втайне содействуя всем своим авторитетом в армии ходу последующих событий*»⁹⁶.

По сведениям Николая Ивановича Иорданского, Рабочая группа, «*являясь для лидеров буржуазного переворота прекрасным органом информации о настроениях пролетарских масс и местом согласования некоторых политических выступлений, к буржуазно-военной организации не имела прямого доступа. Но она учитывалась заговорщиками как удобный способ обеспечить содействие заговору со стороны рабочих масс и как возможное орудие влияния на массы в направлении умеренности и аккуратности их выступлений*».⁹⁶

Осенью 1916 года Гучков совместно с Коноваловым и Терещенко, как утверждает Спиридович, «*прикрывал революционную работу Рабочей группы*»¹⁰¹. К использованию Рабочей группы для вовлечения пролетариата в будущую революцию Гучков приступил одновременно с технической подготовкой переворота на Съезде представителей областных военно-промышленных комитетов, проходившем 26–27 сентября 1916 года в Петрограде с участием делегатов от рабочих групп.

Во время съезда, согласно всеподданнейшему докладу премьер-министра Бориса Владимировича Штюрмера, Гучков объявил о своем согласии «*ополчиться на борьбу с правительственной властью*», делегаты же, подчеркивал полицейский аналитик, «*заметно полевели*» и относительно правительства стали высказываться «*более резко, чем в обычное время*». Именно в сентябре 1916 года, вспоминал жандармский офицер Павел Павлович Заварзин, в Петрограде «*начало проявляться влияние подпольных ячеек на заводах*», которые действовали по указаниям «*подпольного центра*» с Кузьмой Антоновичем Гвоздевым во главе¹⁰³.

Как отмечал Михаил Васильевич Новорусский, «*дело по подготовке революции Рабочая группа вела при участии многих заводских представителей*».⁹⁷ В октябре — ноябре 1916 года по инициативе «гвоздевцев» на предприятиях Петрограда стали выбираться «комиссии содействия Рабочей группе», которые образовывали сеть ее низовых организаций, способствуя упрочению влияния группы в среде столичного пролетариата. Так, например, на Металлическом заводе комиссии были выбраны во всех цехах, а представители цеховых комиссий входили в общезаводскую комиссию,

поддерживавшую «постоянное общение с Рабочей группой», причем все выборы утверждало общезаводское собрание.

В ноябре, вспоминал Борис Осипович Богданов (меньшевик, член Исполкома Петроградского Совета солдатских и рабочих депутатов), *«огромное количество» антиправительственных листовок грузовики развозили из здания ЦВПК по фабрикам, заводам, университетам и другим учреждениям... В такой обстановке, неудивительно, что революция пеклась как на дрожжах»⁹⁹.*

Проникновение влияния Рабочей группы в самую толщу пролетариата привело к усилению политических амбиций ее покровителей из ЦВПК. На проходившем в Петрограде 12–15 декабря 1916 года под председательством Александра Ивановича Коновалова Совещании представителей областных военно-промышленных комитетов лидеры ЦВПК открыто взяли курс на революцию.

По предложению Рабочей группы очередной задачей военно-промышленных комитетов намечалась *«не борьба с отдельными проявлениями режима, а бесповоротное устранение его и полная демократизация страны» и создание «Временного правительства, опирающегося на организующийся, самостоятельный и свободный народ»⁹⁶.* Бундовец Мойсей Григорович Рафес резонно полагал, что тем самым *«было впервые сформулировано требование свержения царской власти»¹⁰⁶.*

Следовательно, декабрьская резолюция имела в виду именно революцию, которую, используя Рабочую группу, готовил ЦВПК, а потому по инициативе Коновалова его Бюро поддержало группу. Резолюция, принятая 14 декабря 1916 года. Совещанием в целом, призывала *«Государственную думу, вместе с народом, довести до конца свою борьбу за создание ответственного правительства и за уничтожение условий, благоприятствующих пагубному вмешательству безответственных сил в дело управления страной и ее судьбами в тылу и на фронте»⁹⁶.* В выступлениях Рабочей группы, относящихся прежде всего к декабрю 1916 года, подчеркивал помощник начальника Канцелярии ЦВПК Екатерина Ивановна Омельченко, *«отразилась вся программа революции»⁹⁶.* После декабрьского совещания Рабочая группа активизировала свою деятельность по организации массового движения в Петрограде.

Александр Гаврилович Шляпников указывал, что «в первой половине января» 1917 года Рабочая группа *«повернула свою политическую ладью по ветру революционной стихии «с благословения ... фабрикантов Бюро ЦВПК»¹⁰⁷.* В начале 1917 года, докладывал Алексей Тихонович Васильев, гвоздевцы находились под влиянием Гучкова, Коновалова и Львова, верили в их «силу» и признавали, что именно они дадут *«решительный сигнал к началу «второй великой и последней всероссийской революции»⁹⁸.*

В январе 1917 года, писал Спиридович, Рабочей группе *«покровительствовали Гучков и Коновалов»,* полагая, что *«сумеют использовать рабочий класс и при его помощи овладеть властью... Находясь под защитой Гучкова, Коновалова и их друзей, Рабочая группа Военно-промышленного комитета смело проводила агитацию»¹⁰¹.* Таким образом, и в это время, как и ранее, гвоздевцы выполняли директивы руководителей ЦВПК, ориентировавшихся на революцию, в связи с чем Рабочая группа направила свои усилия на проведение 9 января, в годовщину *«Кровавого воскресенья»,* *«однодневной стачки-*

протеста, выставив лозунги «против царского самодержавия во имя обороны и спасения страны»⁹⁶.

В результате 9 января в Петрограде бастовали более сотни заводов общей численностью под сто пятьдесят тысяч человек, и проведенная стачка впервые за период войны приблизилась по своему масштабу к всеобщей. На заседании 16 января по инициативе Коновалова и Рябушинского Рабочая группа приняла решение об организации к возобновлению 14 февраля заседаний Четвёртой Государственной думы всеобщей стачки заводов и фабрик Петрограда и массового шествия столичного пролетариата к Таврическому дворцу. Согласно агентурной записке от 16 января 1917 г., группа, в которую входили «крупная промышленная и финансовая буржуазия из военно-промышленных комитетов, с Коноваловым и Рябушинским во главе», «идет на окончательный разрыв с правительством, чтобы принять участие в надвигающейся буржуазной революции для организации новой “здоровой” власти, могущей раз и навсегда покончить с существующим строем, хотя бы даже путем замены его демократической республикой»¹⁰¹.

«Манифестация, — вспоминал Богданов, — мыслилась как большое движение, которое могло стать началом революции»⁹⁹ Принятая на заседании Рабочей группы резолюция призывала «весь рабочий Петроград» пойти 14 февраля к Думе, где высказаться за *«решительное устранение самодержавия»* и *«немедленное учреждение Временного революционного правительства, опирающегося на организующийся в борьбе народ»⁹⁶*. То же самое говорилось и в проекте примерной резолюции, распространявшемся по предприятиям: рабочим оставалось только вставить название своего завода.

Во второй половине января — начале февраля резолюция была принята на большинстве крупных предприятий Петрограда, причем одновременно получили окончательное оформление и подчиненные Рабочей группе структуры, призванные воплотить намеченное выступление. По свидетельству Богданова, для подготовки забастовки и демонстрации и руководства ими на Литейном, 46, была создана *«большая группа»*, называвшаяся также *«штаб»*.

В нее входило около пятидесяти человек, как меньшевики-оборонцы, так и беспартийные, являвшиеся представителями крупнейших предприятий столицы. На фабриках и заводах Петрограда *«штаб»* образовал ячейки, которые осуществляли вербовку и организацию будущих демонстрантов и поддерживали связи с «центром».⁹⁶ Готовя демонстрацию, Рабочая группа, вспоминал секретарь-редактор УВПК Евгений Маевский, *«отнюдь не приурочивала этого движения к какому-либо дню»⁹⁶*, рассчитывая *«на разные моменты в течение всей сессии»* Думы. Следовательно, группа могла запланировать массовое движение не только на четырнадцатое, но и на двадцать третье февраля, когда началась Февральская революция.

Историческая справка. «Евгений Маевский» - один из псевдонимов секретаря-редактора ЦВПК Викентия Анценовича Гутовского. Один из организаторов Сибирского социал-демократического союза, он вел активную революционную деятельность по сплочению социал-демократических кружков на платформе «Искры». В 1903 перешел на нелегальное положение. В сентябре 1904 выехал за границу для передачи резолюции Сибирского союза в поддержку созыва съезда и ориентации во внутрипартийных дискуссиях. После ознакомления с позициями различных течений примкнул к меньшевикам, Ленину же направил письмо, в котором

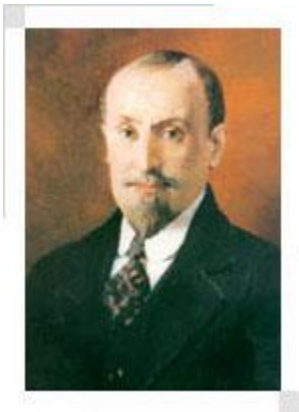
выступил за примирение различных направлений в РСДРП и использование съезда для повышения политической зрелости всей партии. С конца 1905 года Гутовский – один из активнейших членов меньшевистской фракции петербургской организации РСДРП. В 1907–1914 годах сотрудничал в журнале «Наша заря», газете «Луч» и других меньшевистских изданиях. Выступал за ликвидацию нелегальной и создание открытой рабочей партии. В 1910 году подписал манифест меньшевистского центра о создании легальной партии. В годы войны – оборонец.

На Первом Всероссийском съезде Советов 1917 года Гутовский был избран членом ВЦИК, затем - членом исполкома Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. В сентябре стал членом Временного совета Российской республики. После Октябрьской революции боролся против Советской власти, в Самаре вошел в состав комитета членов Учредительного собрания. Летом 1918 переехал в Омск, где редактировал газету «Воля народа», а в конце февраля этого года, после прихода к власти Колчака, был расстрелян.

Теперь – о намерении питерских пролетариев двинуться демонстрацией к Таврическому дворцу. Вслед за Милюковым историки полагали, что такая идея — полицейская провокация, поскольку её поддерживал член Рабочей группы и (как чуть позже выяснилось) одновременно штатный агент охраны Абросимов. Однако мнение Милюкова опровергается реакцией на подготовку демонстрации 14 февраля со стороны МВД, по приказу главы которого, Александра Дмитриевича Протопопова, бывшего члена ЦВПК и друга Гучкова, в ночь с 26 на 27 января 1917 года почти вся группа во главе с Гвоздевым была арестована.

Однако Гучков и Коновалов уговорили премьер-министра князя Николая Дмитриевича Голицына оставить Гвоздева под домашним арестом, и он, отмечал Рафес, по-прежнему имел *«полную возможность поддерживать связи с рабочими организациями и деятелями»*¹⁰⁶. Оставшиеся на свободе Гвоздев и члены Рабочей группы продолжали подготовку стачки, намеченной на 14 февраля, и неудивительно, что она все-таки состоялась. *«Организованная Рабочей группой стачка 14 февраля, — вспоминал меньшевик Пётр Петровч Юренев, — прошла весьма успешно»*⁹⁶. В этот день в Петрограде бастовали более полусотни заводов (более восьмидесяти тысяч человек), хотя демонстрация *«была, — вспоминал Керенский, — отменена, поскольку, по тактическим соображениям, Прогрессивный блок принял решение не поддерживать этот план»*³⁶.

*«Рабочая группа, — писал Новорусский, — была вырвана из жизни 27 января. Но дело, которое она вела по подготовке революции при участии многих заводских представителей, продолжалось»*⁹⁷. «Если мы возьмем и рассмотрим все те события, которые произошли, — подразумевая Февральскую революцию, свидетельствовал Павел Николаевич Переверзев (адвокат, Министр юстиции и Генеральный прокурор во Временном правительстве), — мы должны сказать, что первый толчок тому движению, которое развилось в Петрограде, которое в конце концов смело династию Романовых, — первый толчок этому движению дал ЦВПК в лице его Рабочей группы. Датой начала движения нужно считать

арест Рабочей группы ЦВПК. Вспомните то возбуждение, которое тогда охватило все центральные организации, вспомните те совещания, которые устраивал Гучков с представителями лидеров думских партий, с представителями всех центральных организаций, с представителями Государственного совета; вспомните, что на этих собраниях впервые эти представители заявили, что наступило время активной борьбы с правительством, вспомните возбуждение, которое охватило тогда рабочие массы, вспомните те запросы, которые по этому поводу были внесены почти накануне великих событий. Вы тогда увидите причинную связь между той великой революцией, которая совершилась у нас, равной которой нет в мире, и между мелкой и крупной работой ЦВПК». Таким образом,¹⁰⁸

Переверзев напрямую связывал деятельность ЦВПК и его председателя не только с подготовкой Февральской революции, но и с ее победой. Как сообщил Гучков уже в эмиграции Александре Петровне Столыпиной, в феврале 1917 года, незадолго до революции, образовался «комитет по подготовке мятежа», куда вошли он, Гучков, Керенский, Милюков, Некрасов и «многие другие».

Между тем 9 февраля 1917 года в кабинете председателя Четвёртой Государственной думы Родзянко, при участии посвященного в заговор Гучкова отзаседало совещание лидеров оппозиции и руководителей ЦВПК. И «самым неумолимым и резким» по отношению к Николаю Второму, вспоминал Родзянко, оказался Терещенко. По сведениям Николая Дмитриевича Соколова, участники совещания решили, что переворот «откладывать дальше нельзя», а потому, когда царь будет возвращаться из Ставки, его «в районе армии Рузского задержат и заставят отречься»⁹⁶. Очевидно, что в данном случае шла речь о реализации плана «пятерки» Гучкова, который 2 марта 1917 года, именно в Пскове, где находился штаб Рузского, и принял царское отречение. Руководители ЦВПК не только стояли у истоков Февральской революции, но и пытались направлять ее ход. Заседания Бюро ЦВПК происходили 22, 24, 25 и 27 февраля и 1 и 2 марта 1917 года. Выступая 8 марта 1917 года., Гучков откровенно заявил, что учреждения ЦВПК и местных военно-промышленных комитетов «сыграли роль» во время революции и он гордится их «участием» «в событиях последних дней», когда «военно-промышленная организация» «приняла ту боевую вооруженную позицию, которую пришлось принять, чтобы выполнить нашу основную и заранее поставленную задачу — добиться победы»⁷⁶.

В начале марта 1917 года редактор «Известий ЦВПК» Николай Моисеевич Волковысский указывал, что комитеты «приняли деятельное участие» в «свержении»

самодержавия и имели прямое отношение «к прокладке тех дорог, по которым пошла к победе восставшая Россия»⁹⁶.

Помощник редактора «Известий ЦВПК» Сергей Васильевич Дмитриевский свидетельствовал, что «в эти великие дни военно-промышленные комитеты очутились в первых рядах защитников нового строя», поскольку давно уже вступили на путь борьбы со старой властью и сделали, в конечном результате, теми организациями, в которых было выковано первое оружие народного гнева»⁹⁶.

Именно они «на местах были организующими ячейками объединенной общественности»⁹⁶. Вместе с тем первенствующую роль играла «пятерка» Гучкова, что признавали и ее члены. После победы Февральской революции, обедая с несколькими офицерами-единомышленниками и объясняя им, почему «революция грянула», Александр Иванович заметил: «Между прочим... по моей вине. Я хочу, чтобы вы об этом знали»⁷⁶. Керенский «без колебаний» признавал, что такие личности, как Гучков», проявили в феврале 1917 года «истинно революционный дух», «сражаясь за революцию»³⁶.

«Интриги и происки этого человека, — писал о Гучкове Васильев, — сильнее, чем что-либо другое, способствовали успеху революции»⁹⁸. Согласно признаниям Некрасова, революцией руководила «небольшая кучка людей» в пять человек, а Михаил Иванович Терещенко, в свою очередь, отмечал: «Нас было всего пять человек. Мы решили вопрос о непосредственном перевороте и обсуждали конкретные меры для осуществления поставленной себе задачи. Так как государь уехал в Ставку, немедленно принять эти меры нельзя было. Поэтому мы наметили сроком переворота первые числа марта»⁹⁶.

Николай Второй уехал в Могилев, в Ставку Верховного главнокомандующего, 22 февраля, после чего 23 февраля, как по мановению волшебной палочки, в Петрограде начались беспорядки. План гучковцев подразумевал использование массового движения для морального давления на Николая Второго с целью получения от него добровольного отказа от престола — отсутствие фикции добровольности, согласно вышеприведенному признанию Гучкова, могло ввергнуть Россию в гражданскую войну. По сведениям Оболенского, «беспорядки» 23–26 февраля 1917 г. были организованы заговорщиками, чтобы «показать» Николаю Второму «безвыходность положения и тем принудить его к отречению»⁹³. Директива о начале демонстраций исходила от руководителей ЦВПК: так, 23 февраля Терещенко прямо заявил члену ЦВПК Владимиру Петровичу Литвинову-Фалинскому, что «мы дадим приказ рабочим выходить на улицу»⁹⁶. Посредниками между ЦВПК и пролетариатом выступали Гвоздев и оставшиеся на свободе члены Рабочей группы. «Оппозиционные политические деятели комитетов, — указывал Александр Дмитриевич Протопопов, — через рабочих депутатов установили связь с рабочими массами и организовали их в нужное время на борьбу с существовавшим строем за осуществление политических идеалов оппозиции»¹⁰⁹.

Новорусский вспоминал, что «в первые дни революции, при установлении Временного правительства и при свержении самодержавия Рабочей группе принадлежало одно из самых видных мест».⁹⁷ Организуя демонстрации 23–26 февраля, Рабочая группа использовала структуры, созданные ею к 14 февраля, прежде всего «штаб» в 50 человек, а также подконтрольные группе комиссии содействия, больничные кассы и Правление Петроградского союза потребительных обществ, который объединял более двух десятков кооперативов, расположенных во всех районах Петрограда и включавших в себя около пятидесяти тысяч человек. Николай Николаевич Суханов признавал за созданными Правлением 23 и 26 февраля совещаниями революционных деятелей «огромную историческую заслугу» в области подготовки «техники и организации сил революции»¹¹⁰.

Усилению массового движения способствовало совещание представителей военно-промышленных комитетов, открывшееся по инициативе Гучкова днем 25 февраля в Троицком переулке, причем «руководящую роль» на нем играл Гвоздев. В 8 часов вечера, с разрешения Гучкова, в здании ЦВПК на Литейном, 46, происходило собрание с участием Керенского и Матвея Ивановича Скобелева. На нем присутствовали и участники совещаний, проходивших ранее под эгидой Петроградского союза

потребительных обществ, всего — «человек 50»: очевидно, это был упоминавшийся выше «штаб»

Тем временем начальник Петроградского охранного отделения Константин Иванович Глобачев извещал командующего Петроградским военным округом генерала Сергея Семёновича Хабалова, что «выступление толпы, несомненно, инспирируется «революционерами», собравшимися в ЦВПК «под предлогом, якобы, обсуждения вопроса о продовольствии, но в существе дела для обсуждения вопроса об организации беспорядков».⁹⁵ Характеризуя собрание 25 февраля, рабочий-гвоздевец Иван Егорович Марков отмечал: «Фактически-то это и был уже Совет рабочих депутатов, самими рабочими еще без указания партийных центров составлявшийся»⁹⁶

. Хотя собрание на Литейном полиция разогнала, арестовав двадцать восемь человек, несмотря на протесты Терещенко, по его воспоминаниям, один из задержанных рабочих, Вейсман, «весело» сказал, обращаясь к остальным: «Еще одно усилие — и дело будет наше! Только не сдавайтесь!»⁹⁶ Очевидно, что так мог говорить не просто рядовой участник революции, а один из ее организаторов, который являлся беспартийным и принадлежал к «группе привилегированных служащих» больничной кассы Путиловского завода.

Степень революционности рабочих была обусловлена степенью революционности их покровителей из ЦВПК. Вечером 26 февраля Коновалов объезжал рабочих, организуя выборы в Совет рабочих депутатов. Тогда же, узнав от кадета Василия Алексеевича Маклакова о его переговорах с министрами и попытках достичь компромисса между кабинетом Голицына и оппозицией, Коновалов возмущенно воскликнул: «Что вы делаете? На фабриках сейчас происходят выборы депутатов. Мы накануне революции, а вы ее хотите сорвать»⁹⁶.

Понятно, что достижение компромисса с императорским правительством в планы руководителей ЦВПК, тем более — Коновалова, настроенного республикански, попросту не входило. Утром 27 февраля, в решающий день Февральской революции, именно руководители ЦВПК инициировали восстание запасного батальона Волынского полка. Во всяком случае, по сведениям Иорданского, выступление волынцев «получило направление от военной организации» Гучкова, которая хотя и «была недостаточно оформлена, не закончена, не приготовлена к повстанческой борьбе, связана только с одиночками и мелкими солдатскими кружками», однако «общая наметка первоначальных операций, несомненно, могла быть известна и той небольшой части солдат, которая уже находилась в сношениях с заговорщиками и которая имела возможность тайно получить указания от руководящей группы, из осторожности державшейся в тени»⁹⁶.

Руководя мятежом, лидеры ЦВПК в то же время активно способствовали созданию 27 февраля Временного комитета Государственной думы и Исполнительного комитета Совета рабочих депутатов. С утра 27 февраля Некрасов находился в Таврическом дворце, приглашая по телефону депутатов прийти в него, несмотря на то что заседания Думы 25 февраля были прерваны до апреля. Немедленно после освобождения восставшими из тюрьмы «Кресты» членов Рабочей группы начальник Канцелярии ЦВПК барон Генрих Христофорович Майдель, используя, как писал Иорданский, «гучковский или коноваловский автомобиль», «с благословения» своих патронов объезжал вместе с Гвоздевым петроградские предприятия и вел агитацию в пользу «немедленных выборов Совета рабочих депутатов по примеру 1905 г.»⁹⁶

Освобожденные гвоздевцы, в том числе Богданов, направились в ЦВПК для того, чтобы, по выражению Новорусского, «дать толчок к дальнейшим действиям»⁹⁷. Богданов, «располагающий той силой, которая вышла на улицу в его отсутствие», обратился к общественным деятелям, находившимся в ЦВПК: «Идемте все в Думу. Мы власть уже захватили. Но без вас не сможем удержать ее. Будем действовать вместе»⁹⁹.

Члены Рабочей группы и их сторонники вошли в Таврический дворец после полудня, воплощая пропагандировавшуюся Рабочей группой идею союза *пролетариата и «цензовой общественности»* в борьбе против царизма. Маевский указывал, что «работа группы, все время направлявшая внимание рабочей демократии к Думе, не пропала даром»: «она сказала в февральских днях, когда стихия революционного движения, после некоторых блужданий, влилась в то русло, на которое указывало своей годовой работой среди петроградского пролетариата рабочее представительство при ЦВПК»⁹⁶.

После появления в Таврическом дворце гвоздевцев депутаты по инициативе Некрасова и его единомышленников вступили на путь «первых революционных шагов», устроив частное совещание, образовавшее Временный комитет Думы во главе с Родзянко. Из тринадцати членов Временного комитета четыре были членами ЦВПК и двое связаны с Рабочей группой, то есть составляли половину Временного комитета. Вечером 27 февраля Гвоздев, Богданов и члены Рабочей группы образовали в Таврическом дворце Исполнительный комитет Совета рабочих депутатов, которому именно Коновалов предоставил комнату Бюджетной комиссии. Вскоре там можно было встретить «многих заводских представителей» из числа сторонников Рабочей группы. «Эти представители, — вспоминал Новорусский, — являясь десятками в Рабочую группу, постепенно формировали зародыш “Совета рабочих депутатов”, который тотчас вылутился из яйца, как только приспело к тому время»⁹⁷.

Руководители ЦВПК сыграли решающую роль и в защите новой власти, и в подавлении очагов контрреволюции. Под «штаб восстания» Некрасов отвел в Таврическом дворце комнаты № 41 и 42, то есть собственный кабинет и смежное с ним помещение. Гучков уже 27 февраля предложил депутатам образовать Военную комиссию «по защите Думы от правительства», назначить ее председателем прогрессиста Бориса Александровича Энгельгардта, а его помощником — инженера Петра Иоакимовича Пальчинского (члена ЦВПК). Последний хотя и не являлся депутатом, однако, будучи, по свидетельству полковника Филиппа Ивановича Балабина, «единомышленником и ставленником» Гучкова, фактически возглавлял Военную комиссию⁹⁶.

Характеризуя ситуацию в Военной комиссии, активный участник революции генерал Пётр Александрович Половцов писал: «Дело ведет Пальчинский»¹¹². Благодаря Пальчинскому уже 27 февраля в распоряжении комиссии оказались 60 автомобилей, которые использовались восставшими для установления контроля над отдельными районами Петрограда и агитации за превращение Думы в центр революции. На этих автомобилях вооруженные солдаты и рабочие, связанные, по свидетельству Моисея Григорьевича Рафеса, с Рабочей группой, разъезжали по столице и кричали толпам: «Идите в Таврический дворец! Идите в Государственную думу!»¹⁰⁶

Некрасов, ведя «техническую работу помощи революции», вплоть до 3 марта находился в Таврическом дворце, откуда по телефону давал распоряжения и справки, в частности Петроградской телефонной станции и своим представителям «в разных

учреждениях», а также подписывал приказы об арестах, занятии ведомств и назначении в них комиссаров. Некрасов же руководил и членом ЦВПК Александром Александровичем Бубликовым, который с 28 февраля как комиссар Временного комитета в МПС контролировал передвижение поездов Николая Второго и отряда генерала Николая Иудовича Иванова. Бубликов, по его признанию, «с особенной внимательностью» следил за ними и принимал меры «по задержанию таких поездов в подходящих для этого местах»¹¹³.

Сотрудники ЦВПК прямо указывали, что царский и ивановский поезда были «задержаны» «по приказанию А.А.Бубликова»⁹⁶. В результате Николай Второй оказался во Пскове, и хотя 2 марта переговоры с Рузским о необходимости царского отречения вел Родзянко, за ним находилась фигура суфлировавшего ему Гучкова. Приехавший 1 марта в Царское Село генерал Иванов получил из Петрограда следующую ориентировку: «...Все говорят, что хозяйничает Родзянко, но фактически Гучков». «Теперь можно с уверенностью сказать, — отмечала Лидия Леонидовна Васильчикова, — что почти единодушный ответ командующих фронтами на вопрос государя, следует ли ему отречься, был следствием пропаганды на фронте Александра Ивановича Гучкова»¹⁰⁴

Между тем из одиннадцати членов Временного правительства, образовавшегося 2 марта, только трое — Владимир Николаевич Львов, Александр Аполлонович Мануйлов и Павел Николаевич Милюков — не принадлежали к числу членов ЦВПК либо не имели связи с его Рабочей группой. Под давлением Временного комитета и Временного правительства 3 марта великий князь Михаил Александрович отказался от принятия верховной власти в пользу Учредительного собрания, и тем самым получила воплощение программа, изложенная в первой резолюции Рабочей группы, принятой 29 ноября 1915 года в присутствии Гучкова и с его молчаливого согласия.

Так или иначе, но 23 февраля — 3 марта реальный, а не декоративный штаб революции находился на Литейном, 46, а не в Таврическом дворце, причем даже тогда, когда 27 февраля там образовалась Военная комиссия, поскольку главную роль в ней играли деятели, связанные с ЦВПК, «люди Гучкова». Рассмотрение ключевых событий Февральской революции показывает, что она в известной степени стала результатом реализации плана государственного переворота, разработанного «пятеркой» Гучкова и воплощенного ЦВПК и его Рабочей группой, хотя, бесспорно, свою роль играли и Дума, и социалисты, и масоны, и английские и германские агенты, наконец, человеческая стихия, проявившаяся в погромах хлебных лавок, винных погребов и так далее.

Почему же в историографии, вопреки очевидным фактам, возобладало мнение об исключительно стихийном характере Февральской революции? Непосредственно после падения монархии признание революции не стихийной, а инспирированной кучкой заговорщиков затрудняло ее легитимацию и лишало случившееся ореола всенародного волеизъявления. Характерны сомнения Александра Александровича Блока, близкого друга Терещенко, от которого поэт мог узнать о закулисной стороне февральских событий. «Революция, — писал он в дневнике 25 мая 1917 года, — предполагает волю; было ли действие воли? Было со стороны небольшой кучки лиц. Не знаю, была ли революция?»²⁹

И уже 8 марта 1917 года Гучков объявил: «Не людьми этот переворот сделан и, поэтому, не людьми может он быть разрушен»⁹⁶ Позднее изучение проблемы организованности Февральской революции затруднялось идеологами, сковывавшими работу советских историков. Так, классовая парадигма, в ее ленинской интерпретации, не

позволяла отрешиться от жесткого противопоставления буржуазии и пролетариата, из-за чего даже не возникало вопроса об их способности действовать солидарно, как это происходило накануне и во время Февральской революции. Между тем надуманность заявлений о руководящей роли большевиков во время революции была настолько очевидна, что нежелание или отсутствие возможности признать революционность «классового врага» заставляло писать о стихийности произошедшего.

Западные историки во многом находились под влиянием не только советских историков, но и воспоминаний эмигрантов, которые (в том числе и Александр Иванович Гучков) имели веские причины преуменьшать свою роль в свержении монархии. После того как революционный процесс вышел из-под контроля заговорщиков и стал развиваться не в том направлении, на которое они рассчитывали, у них возникло естественное стремление снять с себя ответственность за дальнейшее «углубление революции», свалив вину за личные просчеты на разгул народной стихии.

Так версия о стихийном характере Февральской революции оказалась выгодной и белым, и красным, являя собой с научной точки зрения некую историографическую аномалию. Ныне, по прошествии ста лет, наконец-то настало время признать, что Февраль 1917-го был симбиозом факторов и стихийности, и организованности

Супердемагог Керенский – прыжок на вершину власти

С подачи гениального Сергея Михайловича Эйзенштейна, творца киноленты «Октябрь» Александр Фёдорович Керенский представляется в полукарикатурном виде паяца с выпученными глазами, разыгрывающего из себя Наполеона, бежавшего от революционных масс в дамком платье. Это до крайности гиперболизированное представление неординарного политика российского прошлого неверно, как неверно и его постперестроечная идеализация как великого романтика революции, от переизбытка благородства проигравшего политическую схватку с большевиками. Истина, как всегда, где-то посередине: *«Пожалуй, не было в революционном подполье такого врага царской власти, который бы сочетал в себе столько отталкивающих черт, какими обладал Керенский. Одновременно, мало кто из революционеров был столь же опасен для царской власти, как был опасен этот «присяжный поверенный».*¹¹⁴

Керенский был хитёр, осторожен, находчив и коварен. Он был непревзойдённый демагог и выдающийся оратор, обладал несомненными организаторскими способностями. Революционные идеи Керенского волновали мало. Неудержимая похоть власти составляла сущность его натуры.

К тому же Керенский был склонен к наживе и нечистоплотен в денежных делах. Генерал Константин Иванович Глобачёв (начальник Петроградского охранного отделения) в своей, в эмиграции вышедшей книге «Правда о революции» пишет, что Керенский присвоил деньги, собранные рабочими для вооружения дружин оружием. *«Следствием этого было то, что комитет ему выразил недоверие и порвал с ним всякие сношения»*⁹⁵.

Ко всему этому Керенский был труслив и, как всякий трус, мстителен и жесток. Человеческую жизнь Керенский не ставил ни во что. Это не мешало ему изображать из себя милосердного и великодушного героя-революционера... Наделённый природой актерскими способностями, он с молодых лет был склонен к лицедейству и свои гимназические письма к родителям неизменно подписывал: *«Будущий артист императорских театров А. Керенский»*.¹¹⁴ Он много играл в любительских спектаклях, *«где его бесспорной актерской удачей, по общему признанию, была роль Хлестакова, написанная как будто исключительно для него»*¹¹⁴. И далее, на своём жизненном пути он свои политические роли играл так же отлично, как и театральные, и каждый раз незримый режиссёр был доволен его игрой.

Зачастую, когда говорят об Александре Фёдоровиче Керенском, изображают дело так, будто его революционная карьера началась в феврале 1917 году, а сам он был настолько потрясён якобы случайно свалившейся на него властью, что буквально опьянел от неё. Член Временного правительства Владимир Дмитриевич Набоков писал: *«Трудно даже себе представить, как должна была отразиться на психике Керенского та головокружительная высота, на которую он был вознесен в первые дни и месяцы революции»*⁵².

Александр Фёдорович Керенский (ударение на первом слоге) родился 22 апреля 1881 года в Симбирске. По отцовской линии он – потомок православных священников, имевших приход в селе Керенка Пензенской губернии, по материнской (Надежда Адлер) – дворянской линии русско-немецкого происхождения.

(Существует давняя байка, что родила мальчика Сашу террористка Геся Гельфанд, в тюрьме, где находилась как соучастница убийства императора Александра II и где скончалась от быстротечной лихорадки. Чадо же её из воспитательного дома забрала чета Керенских – усыновила, воспитала, образовала и отправила в долгий жизненный путь.)

Революционный отрезок этого пути, как известно, прервал его старший земляк Владимир Ульянов, образовавшийся в симбирской гимназии, в которой директорствовал Фёдор Михайлович Керенский (тёзка нашего Утешителя и Примирителя - Достоевского), находившийся в прямом подчинении и в самых дружеских отношениях с инспектором Симбирского учебного округа, Ильёй Николаевичем Ульяновым (настолько дружеских, что, по кончине Ильи Николаевича в 1886 году, Фёдор Михайлович опекал семью почившего коллеги, выдал прекрасную характеристику его старшему сыну Александру для поступления в Казанский университет.

Среднее образование Александр Керенский получил в Ташкенте, куда, инспектором учебных заведений Туркестанского края, был командирован его отец, высшее – на юридическом факультете столичного университета. Юридическую карьеру начал помощником присяжного поверенного, совмещая её с членством в партии социал-революционеров. Участвовал в работе комитета помощи жертвам расстрела 9 января 1905 года («Кровавого воскресенья»), писал для недолго прожившего революционного социалистического вестника «Буревестник», некоторое время посидел в Крестах, вместе с женой и годовалым сыном полгода побывал в ташкентской высылке.

По возвращении начал карьеру политического адвоката – защищал крестьян, разграбивших поместья остзейских баронов, туркестанских социал-революционеров, боевиков армянской партии Дашнакцутюн. В 1912 году участвовал в работе «комиссии адвокатов» по расследованию расстрела рабочих на Ленских золотых приисках. В октябре

1913 года вместе с двадцатью пятью представителями столичной судебной палаты подписал открытое заявление с гневной оценкой сути проходившего в Киеве судебного процесса над Бейлисом, за что – вместе с соучастниками – подвергся судебному преследованию с нестрогим наказанием.

В Четвёртую Государственную Думу набравший политического веса Александр Фёдорович был избран депутатом от города Вольска Саратовской губернии от фракции трудовой группы («трудовиков»), к которым он переметнулся от эсеров, бойкотировавших эти выборы. (Впрочем, из партии эсеров Керенский не выходил, продолжал возглавлять её так называемую «Южную конференцию».)

В 1916 году он возглавил сформированную Государственной Думой комиссию по расследованию причин бунта в Туркестане и Степном крае. Местных жителей, прежде не призывавшихся на военную службу, возмутил приказ премьера Штюрмера привлечь двести тысяч их представителей к тыловым работам. Изучив события на месте, Керенский возложил вину за происшедшее на царское правительство, обвинил министра внутренних дел в превышении полномочий, потребовал привлечения к суду коррумпированных местных чиновников.

Это антиправительственная акция, как и другие, ей подобные, перевели Александра Фёдоровича из средней руки юриста в народные трибуны, в неустанного борца с пороками царского режима, принесли популярность в среде либералов, создали репутацию одного из лидеров думской оппозиции. К 1917 году он уже был довольно известным политиком, также возглавлявшим фракцию «трудовиков» в Государственной Думе IV созыва. В своей думской речи 16 декабря 1916 года он фактически призвал к свержению самодержавия, после чего императрица Александра Фёдоровна заявила, что «*Керенского следует повесить вместе с Гучковым*»¹¹⁴.

В 1915 – 1917 годах Керенский был генеральным секретарём политически активной масонской организации Великий Восток народов России, что самолично подтвердил в своих, в 1993 году изданных, мемуарах:

*«Предложение о вступлении в масоны я получил в 1912 году, сразу же после избрания в IV Думу. После серьёзных размышлений я пришёл к выводу, что мои собственные цели совпадают с целями общества, и принял это предложение. Следует подчеркнуть, что общество, в которое я вступил, было не совсем обычной масонской организацией. Необычным прежде всего было то, что общество разорвало все связи с зарубежными организациями и допускало в свои ряды женщин. Далее, были ликвидированы сложный ритуал и масонская система степеней; была сохранена лишь неперемнная внутренняя дисциплина, гарантировавшая высокие моральные качества членов и их способность хранить тайну. Не велись никакие письменные отчёты, не составлялись списки членов лож. Такое поддержание секретности не приводило к утечке информации о целях и структуре общества. Изучая в Губеровском институте циркуляры Департамента полиции, я не обнаружил в них никаких данных о существовании нашего общества, даже в тех двух циркулярах, которые касаются меня лично».*³⁶

Масонство интересовало организаторов революции в первую очередь своими организаторскими возможностями по свержению монархии. Видный масон Виктор Петрович Обнинский в 1909 году писал, что русское масонство, «*столетие мирно спавшее в гробу*», воскресло к новой жизни, «*оставив там, в гробу этом, внешние доказательства в виде орудий ритуала и мистических книг*».⁵³ Масонство, по словам

Обнинского, выступило в эмансипированном виде политических организаций. «Под девизом „свобода, равенство, братство“ могли соединиться чуть ли не все политические группы и партии, соединиться для того, чтобы свергнуть существующий строй»⁵³.

Масонство позволяло объединить в едином организме и великих князей, и генералов царской свиты, и гвардейских офицеров, и либералов, и представителей революционных партий, и крупных промышленников. В этом смысле масонство было для организаторов переворота незаменимым явлением.

Одним из главных финансистов Керенского был ведущий деятель банкирского Бродвейского сообщества Чарльз Ричард, который, по словам бывшего американского посла в Германии Уильяма Додда, «много сделал, чтобы вызвать революцию Керенского». Бродвейской группе не нужна была любая монархия в России, ни самодержавная, ни думская, ни конституционная. В этом она отличалась от английского «Круглого Стола», который рассматривал возможный вариант с возведением на престол Цесаревича Алексея Николаевича, что отвечало и цели Гучкова, ориентировавшегося на вариант с конституционной монархией. В этом случае он, как легитимный глава «регентского совета», мог оказаться у власти, а в республиканском варианте Керенского он мог быть только одним из министров правительства.

Разгром властями Рабочей группы сильно усилил позиции Керенского. 29 января по поводу ареста Рабочей группы собралось совещание «общественных деятелей», на котором присутствовали Гучков, Коновалов, Переверзев, Керенский, Чхеидзе, Караулов, Милуков, Бубликов и другие. В результате совещания было решено «избрать из своей среды особо законспирированный и замкнутый кружок, который мог бы играть роль руководящего центра для всей общественности», а также провести 14 февраля 1917 года «мирную демонстрацию»¹¹⁴.

Попытки оппозиции провести «мирную демонстрацию» 14 февраля потерпели неудачу: малочисленные отряды рабочих были быстро рассеяны полицией. Керенский и Некрасов позже уверяли, что выступление сорвали «отмобилизованные большевики», которые были против выступления рабочих. Действительно, 14 февраля большевики призвали Петроградских рабочих на демонстрацию в знак протеста против Государственной думы. То есть большевики объективно играли против Милукова и «Прогрессивного блока».

Но на следующий день после неудачной демонстрации Керенский начал претворять в жизнь свой сценарий переворота. Он начал агрессивную кампанию в Государственной думе с призывами к свержению монархии. Кампания велась при самой активной поддержке Коновалова и Чхеидзе. 15 февраля Керенский с трибуны Государственной думы дал сигнал готовности всем революционным силам, заявив, что «настал 12-й час, сегодня или никогда!»¹¹⁴

«Это было началом революционной славы Керенского», - писал генерал Спиридович.

Таким образом, к моменту начала беспорядков в Петрограде главным действующим лицом «революции» становится не «Прогрессивный блок», а Керенский. Так как выступления рабочих и жителей Петрограда начались не под лозунгами защиты Государственной думы и не под революционными лозунгами, то и главным защитником «голодных» стала не Дума, а революционное подполье, ориентированное на Керенского.

Лозунг «хлеба!» был сильным ходом заговорщиков. Если бы толпы вышли с революционными лозунгами, они были бы немедленно рассеяны войсками. Когда же на

улицы вышли «голодные» женщины и дети, просившие хлеба, то войскам было гораздо труднее их разгонять. В исторической литературе уже много раз говорилось об искусственно созданной нехватке хлеба в столице империи. Хлеба в столице было в изобилии.

Смена власти

Вечером 26 февраля (11 марта) 1917 года резко усилившиеся беспорядки в российской столице вынудили председателя Совета министров князя Николая Дмитриевича Голицына объявить перерыв в работе Государственной думы. На следующий день восставшие вооружённые части гарнизона, выступлением своим поддержавшие всеобщую забастовку рабочих, захватили Арсенал, городские тюрьмы, выпустили на свободу заключённых. По городу покатила разрушительная волна убийств полицейских и городских, грабежей и мародёрства.

Для восстановления спокойствия в Петрограде император распорядился сформировать специальный отряд под командованием генерал-адъютанта Николая Иудовича Иванова, коему было велено прежде всего направиться в Царское Село и обеспечить безопасность императорской фамилии, а затем, в качестве командующего Петроградским военным округом, взять на себя командование войсками, которые предполагалось перебросить для него с фронта. При этом в первый день восстания речь в Ставке шла лишь об усилении Петроградского гарнизона «прочными полками» с фронта. Позднее, когда остатки верных правительству подразделений гарнизона капитулировали, началась подготовка военной операции против столицы в целом.

Дума, уже получившая от Николая Второго указ о её роспуске, опасавшаяся подхода «карательной экспедиции» генерала Иванова, будто бы подчинилась царёвой воле, но, собравшись - под видом частного совещания – приняла решение поручить Совету старейшин выбрать Временный комитет членов Думы и определить её дальнейшую роль в начавшихся событиях, что и было исполнено. Днём 27 февраля на заседании Совета старейшин был сформирован орган власти — Временный комитет Государственной думы («Комитет членов Государственной Думы для водворения порядка в столице и для сношения с лицами и учреждениями»), который возглавил Михаил Владимирович Родзянко. В состав Временного комитета вошли представители партий, объединённых в «Прогрессивном блоке», и левых партий, а также президиума Государственной думы.

В другом помещении Таврического дворца в тот же день, совместно с членами меньшевистской фракции Думы, представителями других социалистических партий (но, пока, без большевиков), деятелями легальных профсоюзов, кооперативов и других организаций, был образован *Временный исполнительный комитет Совета рабочих депутатов* — орган по созыву учредительного собрания Совета рабочих депутатов. На первом (учредительном) заседании Петросовета, закончившимся в ночь на 28 февраля, был избран первоначальный состав *постоянного* Исполнительного комитета (уже с двумя большевиками) и принято воззвание «К населению Петрограда и России», в котором говорилось: «*Совет рабочих депутатов, заседающий в Государственной думе, ставит*

своей основной задачей организацию народных сил и борьбу за окончательное упрочение политической свободы и народного правления в России...

Приглашаем всё население столицы немедленно сплотиться вокруг Совета, образовать местные комитеты в районах и взять в свои руки управление всеми местными делами. Все вместе, общими силами будем бороться за полное устранение старого правительства и созыв Учредительного собрания, избранного на основе всеобщего равного, прямого и тайного избирательного права»¹¹¹

. Официальным печатным органом Петроградского совета стала газета «*Известия Петроградского Совета Рабочих депутатов*», которая начала выходить уже с 28 февраля (13 марта) 1917 года.

Главой Исполкома Петроградского совета стал Николай Семёнович Чхеидзе — лидер фракции социал-демократов-меньшевиков, член Временного комитета Государственной думы, товарищем (заместителем) председателя — меньшевик Матвей Иванович Скобелев и эсер Александр Фёдорович Керенский (все трое — члены Четвёртой Государственной думы и масоны).

Чхеидзе и Керенский были назначены Петросоветом его представителями во Временном комитете Государственной думы. Тогда же были образованы первые комиссии Исполкома Совета — военная и продовольственная, которые установили тесное взаимодействие с соответствующими комиссиями Временного комитета Госдумы. (К 3 (16) марта 1917 года число комиссий увеличилось до одиннадцати.)

Возвращаясь к делам Временного комитета — для управления министерствами он назначил своих комиссаров, которые приступили к работе уже с вечера 27 февраля. Сами министры царского правительства после вечернего заседания в Мариинском дворце разошлись, и Совет министров на этом фактически прекратил существование. Таким образом, с вечера 27 февраля до 2 марта 1917 года Временный комитет Государственной думы (ВКГД) играл роль центральной верховной власти в стране, присвоив полномочия ещё существовавшего законного монарха

В эти же дни - в ночь на 1 марта - генерал Алексеев телеграммой уже движущемуся к столице генералу Иванову отправил новые директивы, ограничивавшие его в действиях по вооружённому подавлению мятежа.

Если предыдущие сообщения о событиях в Петрограде, которые Алексеев направлял главнокомандующим фронтами, довольно точно отражали хаос и анархию в столице, то в телеграмме, направленной генералу Иванову, уже перестроившийся Алексеев указывал, что, по сведениям, поступившим к нему по частным каналам, обстановка в Петрограде нормализовалась, что все «*ждут с нетерпением приезда Его Величества, чтобы представить ему всё изложенное и просьбу принять это пожелание народа*». «*Если эти сведения верны, — указывалось далее в телеграмме, — то изменяются способы ваших действий, переговоры приведут к умиротворению, дабы избежать позорной междоусобицы, столь желанной нашему врагу*»¹¹⁵. Алексеев просил Иванова передать императору, прямой связи с которым у Алексеева не было, содержание этой телеграммы и убеждение самого Алексеева, что «*дело можно привести мирно к хорошему концу, который укрепит Россию*»¹¹⁵.

Генерал Иванов всё же добрался до Царского Села, встретился с царицей, от которой получил приказ отойти со своим батальоном в Вырицу – дабы избежать столкновения с частями взбунтовавшегося гарнизона.

Эшелон с подчинёнными генералу солдатами далеко не уехал (вернулся в Ставку – в Могилёв), чему способствовали революционные служащие железнодорожных станций на пути следования, коих, как и всех железнодорожников страны отрепетировал гражданин Бубликов, только назначенный Временным комитетом Государственной думы комиссаром в Министерство путей сообщения (и числившийся депутатом Четвёртой Государственной думы от Пермской губернии – «пермяк солёны уши»)

Утром 28 февраля 1917 года суперактивный Александр Александрович Бубликов, в сопровождении отряда солдат, прибыл в министерство и по железнодорожному телеграфу

оповестил начальников всех железнодорожных станций страны о том, что власть перешла к Государственной Думе: *«Железнодорожники! Старая власть, создавшая разруху во всех областях государственной жизни, оказалась бессильной. Комитет Государственной Думы, взяв в свои руки оборудование новой власти, обращается к вам от имени отечества: от вас теперь зависит спасение родины. Движение поездов должно поддерживаться непрерывно с удвоенной энергией. Страна ждёт от Вас больше чем исполнение долга – она ждёт подвига. Слабость и недостаточность техники на русской сети должна быть покрыта вашей беззаветной энергией, любовью к родине и сознанием своей роли транспорта для войны и благоустройства тыла»*¹¹³.

Эта телеграмма сыграла едва ли не решающую роль в последующем развитии событий – к утру 1 марта чуть ли не вся Россия узнала, что в Петрограде произошла революция, что верховная власть находится в руках Думы, чего в действительности не было. После этого отречение Николая и Михаила казалось второстепенной формальностью.

Вот так гражданин Бубликов «низложил» Романовых. И только этим ударным (и коварным) «информационным вбросом» бывший путеец Бубликов не ограничился - 28 февраля 1917 года приказал остановить царский поезд, вышедший из Ставки в Царское Село, а 8 марта был в числе тех, кто препровождал отставленного монарха в Царское Село, к семье.

Смена государственного строя в России произошла в последние часы 27 февраля 1917 года, что, в частности подтверждает Александр Васильевич Пешехонов (будущий министр продовольствия во Временном правительстве), позже писавший в своих воспоминаниях, что около половины двенадцатого ночи Николай Виссарионович Некрасов вошел в комнату, где заседала Литературная комиссия Петроградского Совета рабочих депутатов, и сообщил о взятии ВКГД власти в свои руки.¹¹⁶

В эту же ночь во все города России было разослано телеграфное сообщение за подписью Михаила Владимировича Родзянко об образовании ВКГД. Кроме этого, Родзянко послал две телеграммы командующим фронтами и флотами, а также начальнику Штаба Верховного главнокомандующего. В первой телеграмме сообщалось о переходе правительственной власти к Временному комитету Думы. Во второй – ВКГД призывал армию и флот сохранять полное спокойствие, выражал надежду на быстрое успокоение в тылу и восстановление правильной деятельности правительственных учреждений.

ВКГД, взяв власть в свои руки, получил широкую поддержку внутри страны и за рубежом. 1 марта 1917 года, по сообщению прессы, французский и английский послы официально заявили председателю Государственной думы Михаилу Владимировичу Родзянко о том, что *«правительства Франции и Англии вступают в деловые отношения с Временным исполнительным Комитетом Государственной думы, выразителем истинной воли народа и единственным законным временным правительством России»*⁷⁸.

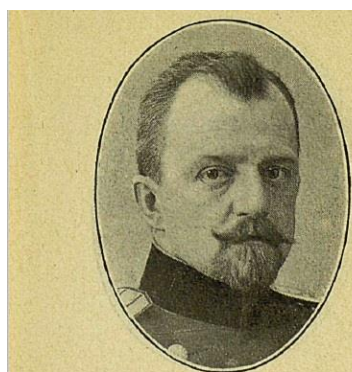
Конечно, поддержка ВКГД со стороны широких слоев российского общества и зарубежных государств не снимала тех острых задач, которые стояли перед ВКГД. Важнейшей из них была организация Временной власти. Одним из первых шагов на пути формирования механизма Временной власти стало создание института комиссаров ВКГД, наделенных чрезвычайными полномочиями. Решение об этом было напрямую связано с постановлением ВКГД о взятии власти в свои руки, принятым в ночь с 27 на 28 февраля 1917 года. Тогда же Временный комитет – пишет Эдуард Николаевич Бурджалов – постановил *«отрешить от должности царских министров и, впредь, до образования нового правительства, назначить для заведывания отдельными частями государственного управления комиссаров из состава Государственной думы»*.¹¹⁷ Павел Николаевич Милюков вспоминал, что в ту же ночь был намечен *«вчерне состав комиссаров»*. Судя по сообщениям прессы, этот шаг был воспринят как взятие ВКГД на себя *«функций временного правительства»*⁷⁸.

Итак, Временный комитет Думы назначил первых своих комиссаров в ночь на 28 февраля: прогрессист Александр Александрович Бубликов был направлен в Министерство путей сообщения, октябрист Михаил Иванович Арефьев – в Министерство внутренних дел, примыкающий к кадетам Аристарх Петрович Савватеев и октябрист Никанор Васильевич Савич – в Министерство военное и морское, член фракции центра Виктор Парфентьевич Басаков и кадет Василий Алексеевич Маклаков – в Министерство юстиции, прогрессист Александр Александрович Барышников – на Главный почтамт, кадеты Павел Павлович Гронский и Михаил Дмитриевич Калугин – на Главный телеграф, кадеты Пётр Васильевич Герасимов и Виктор Николаевич Пепеляев – в Петроградское градоначальство, октябрист Сергей Николаевич Родзянко (член Государственной думы от Екатеринославской губернии) – в Министерство торговли и промышленности, кадет Николай Константинович Волков и октябрист Ипполит Ипполитович Капнист – в Министерство земледелия, кадет Владимир Александрович Виноградов и прогрессист Иван Васильевич Титов – в Министерство финансов, октябрист Иван Васильевич Годнев – в Сенат.

Особое положение занимал Александр Фёдорович Керенский, который, хотя и не значился ни в одном списке комиссаров ВКГД, но по воспоминаниям современников был назначен комиссаром юстиции Председателем Государственной думы Михаилом Владимировичем Родзянко. По поводу эпизода с Керенским начальник думской канцелярии Яков Васильевич Глинка, писал: *«Он находился под негласным надзором полиции. Это последнее обстоятельство дало Родзянко основание сказать: “Он их не любит и пускай с ними расправляется. Назначим его комиссаром юстиции”*¹¹⁸. Тем самым, Керенский олицетворял двойной контроль над юстицией и со стороны ВКГД, и со стороны Петроградского Совета, что было исключением из правил (как известно, , каких-либо комиссаров Петроградский Совет в министерства и другие правительственные учреждения не направлял).

В первые, ночные, часы 28 февраля Временный комитет Государственной думы назначил председателем своего Военного комитета внепартийного полковника Бориса Александровича Энгельгардта, членствовавшего в Думе от Могилёвской губернии. На его персоне, по-особому интересной фактом (тогда – не единичным) неверности прежде принятой военной присяге, хотелось бы остановиться более подробней.

Энгельгардты в европейской истории – древнейший дворянский и баронский род, легендарным основателем которого стал участник, имевшего место в двенадцатом веке Третьего крестового похода, рыцарь по имени Карл Бернард, прозванный «ангелом-хранителем» (на немецком – Enhelhard) за спасение, в боевых буднях похода, жизни французского короля. В широко разветвившемся за сотни лет родовом древе этой фамилии сформировалась и долгое время находилась «под поляками» его смоленская ветвь, за представителем которой, Василием Андреевичем Энгельгардтом была

ЭНГЕЛЬГАРДТЬ,
БОРИСЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

Родился въ 1878 г. Грута центра.

Подполк. въ оставкѣ. Окончилъ Академію генер. штаба. Занимается сельскимъ хозяйствомъ.

замужем Елена Александровна Потёмкина, сестра Светлейшего князя (к слову, немало «пошалившего» со своими племянницами). Борис Александрович Энгельгардт, принадлежавший к «могилёвскому отростку смоленской ветви» рода, был праправнуком упомянутого выше Василия Андреевича. И, кстати, его отец Александр Петрович Энгельгардт был видным военным деятелем, генерал-лейтенантом, замечательным артиллерийским конструктором, создателем первой в мире полевой мортиры. Борис Александрович, окончивший привилегированный Пажеский корпус и Николаевскую академию генерального штаба, послужив недолго в кавалерии, побывав штабистом-квартирмейстером в войне с Японией, в

1907 году вышел, по состоянию здоровья, в отставку и поселился в своём могилёвском имении.

Его политическая карьера началась в 1912 году, когда он был избран депутатом Четвёртой Государственной думы от Могилёвской губернии. Незамеченный ранее в оппозиционных настроениях и, тем более, чуждый революционных устремлений, Энгельгардт вошел во фракцию центра, представлявшую собой объединение умеренно-правых депутатов, стоявших на монархических позициях, но выступавших за необходимость широких реформ.

В Думе Энгельгардт определенно не относился к числу ее лидеров и лучших ораторов, но активно работал в целом ряде комиссий, в том числе и в комиссии по военным и морским делам.

С началом Первой мировой войны офицер Энгельгардт посчитал своим долгом отправиться на театр военных действий, и в 1914–1915 гг. в звании полковника занимал различные должности в штабе гвардейского корпуса, исполнял должность начальника штаба в боях под Ивангородом и Ломжей,

был награжден Георгиевским оружием. Его воинская служба закончилась летом 1915 года, когда согласно Высочайшему указу депутаты, находившиеся на фронте, были возвращены к думской работе. Вернувшись осенью в Петроград, Энгельгардт активно включился в политическую и общественную работу, стал членом Особого совещание для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства.

В тяжёлый для русского оружия 1915 год либеральный лагерь, в полном соответствии со своей поганой сутью, «сменил окрас» - перешёл от «священного единения» с монархом и правительством к «патриотической тревоге», а затем к «штурму власти». В августе 1915 года возник «Прогрессивный блок», объединивший шесть оппозиционных думских фракций (от кадетов до прогрессивных националистов), требовавший широкой программы либеральных реформ, а также введения в стране «министерства общественного доверия» (по сути, министерства, ответственного не перед Царем, а перед оппозиционным большинством Думы). Поддавшийся этим настроениям Борис Александрович Энгельгардт, также оказался в рядах оппозиции. Перейдя по настоянию Михаила Владимировича Родзянко во фракцию земцев-октябристов, он с 1916 года стал активным участником Прогрессивного блока, сторонником министерства доверия и, кажется, искренне стал верить, что император, якобы подпавший под влияние Распутина, не способен довести страну до победы и ведет ее к краху.

Граф Алексей Алексеевич Игнатьев зафиксировал и изложил в своих мемориях тогдашние настроения своего бывшего товарища по Пажескому корпусу: «*Неужели у нас помышляют о мире с немцами?*» - спросил я Энгельгардта, выходя с обеда и прогуливаясь по Елисейским полям... "Нет, ... все ... неприятности исходят от распутинской и тесно связанной с нею сухомлиновской клики. Она бесспорно сильна, но мы с ней справимся". "Но каким способом?" - спросил я Энгельгардта. "Да, пожалуй, придется революционным", - не особенно решительно ответил мой старый коллега. - "Опасаемся только, как бы "слева" нас не захлестнуло"¹¹⁹.

Не удивительно, что Февральскую революцию гвардии полковник Энгельгардт встретил с полным сочувствием, в том подбадриваемый ему подобными господами офицерами. Отмечая настроения, царившие во время крушения самодержавной монархии в привилегированном гвардейском Преображенском полку, Энгельгардт отмечал: «*Настроение офицеров было повышенное, бодрое. В их отношениях к Царю чувствовалась большая перемена: видно было, что Николай II утратил симпатии даже среди офицеров наиболее близкого к нему полка. Они не только не рвались на его защиту, но ставили себя в распоряжение учреждения, которое не так давно многие из них считали "крамольным". Они включились в революционное движение, в тот момент, не давая себе отчета в том, чем грозит им революция*»¹²⁰.

Пользовавшийся особым расположением председателя Государственной думы Родзянко, Энгельгардт возглавил военную комиссию Временного комитета Государственной думы (ВКГД), занимавшуюся организацией

восставших войск, а вскоре был назначен революционным комендантом Петрограда. «Энгельгардт привлек к себе внимание уже в первые дни Февральской революции, когда 26 февраля по просьбе депутатов Думы ездил в казармы Павловского полка с целью "принести оттуда точно проверенные сведения" о восстании павловцев, – отмечает историк революции Андрей Борисович Николаев. – На решение поставить Энгельгардта во главе Военной комиссии, несомненно, повлияло и то, что он был офицером - полковником Генерального штаба»¹²¹.

«Особенную энергию проявляет Военная комиссия, во главе которой становится Гучков, – вспоминал жандармский генерал Александр Иванович Спиридович. – К ней неохотно, но присоединяется и тот, действительно, революционный "штаб", та небольшая революционная группа с Масловским, Филипповским и другими, которая первой начала вчера что-то делать. Но настоящий штаб формирует одевшийся в военную форму отставной полковник Энгельгардт... Штаб уже знает, конечно, что на Петроград "двигается" Иванов... Штаб делает распоряжения о занятии революционными войсками вокзалов, дворцов и иных важных пунктов. О прекращении грабежей и разгромов, об аресте стреляющих с крыши из пулеметов. Последняя легенда была самой популярной тогда. Но особенно тревожит штаб оборона вокзалов и самого Таврического дворца. Кто знает, как будут действовать части, которые двинутся на столицу с фронта... С утра в Думу приводят и привозят арестованных видных деятелей царского режима. Их арестовывает каждый, кто хочет. Но есть и список кого нужно взять, санкционированный, будто бы, Комитетом. Привозят арестованного, якобы, за измену престарелого Штюрмера и как

бы для курьеза, чтобы скрыть все следы настоящих изменников и шпионов военного времени, Энгельгардт утром отдает приказ некоему "Наезднику Сергею Архипову", с нарядом в 50 человек, арестовать в д. № 41 по Знаменской улице Контрразведывательное Отделение Штаба Округа, с его начальником полковником

Якубовым. Арестовали генерала Курлова, митрополита Питирима, председателя Союза Русского народа Дубровина, сенатора Владимира Трепова, всех офицеров Губернского Жандармского Управления, кроме начальника. Начальник Управления генерал Волков убит толпой. А управление подожжено»¹⁰¹.

После того, как ВКГД установила контроль над Главным телеграфом и Главным почтамтом, 1 марта 1917 года Энгельгардт отдал приказ задерживать все шифрованные телеграммы *«вплоть до особого распоряжения»*. Энгельгардт как председатель Военной комиссии отдал приказ о занятии революционными войсками Адмиралтейства и по приказу Родзянко отправился в казармы Преображенского полка, проведя беседу с его командиром и офицерами, которые изъявили желание перейти на сторону Государственной думы. *«Энергичный, юркий комендант передал Преображенцам поручение Комитета: атаковать отряд Хабалова и арестовать правительство, что, однако, выполнено не было. Около 3 часов ночи Энгельгардт приехал в офицерское собрание Преображенцев. Он передал благодарность Комитета. Энгельгардт подчеркнул офицерам решающую, положительную роль Преображенского полка в борьбе Госуд. Думы и народа со старым правительством. - Знайте, господа, ваше геройское решение первыми придти к нам на помощь, прекратило все колебания Родзянки встать во главе Исполнительного Комитета Думы. Теперь можно сказать, что мы уже победили»*, – пишет в своих воспоминаниях Спиридович со ссылкой на книгу исторического романиста Ивана Созонтовича Лукаша *«Преображенцы»*¹⁰¹.

И именно Энгельгардт издал приказ, сыгравший далеко не последнюю роль в торжестве революции в Петрограде – запретил офицерам под страхом смертной казни разоружать восставших солдат.

*«Этот приказ, – отмечает историк Николаев, – пожалуй, явился наиболее важным эпизодом в деятельности Энгельгардта на посту председателя Военной комиссии. А.Ф. Керенский, сравнивая приказ Энгельгардта и приказ №1, вспоминал, что раздел приказа №1, "касающийся офицеров, заподозренных в контрреволюционной деятельности, был написан в значительно более мягких выражениях, чем те, которые использовал Энгельгардт .. В нем не содержалась угроза смертной казни"»*¹²¹.

Трудно сказать, имел ли приказ Энгельгардта практическое значение для сохранения хрупкого мира, сложившегося между офицерами и солдатами к 1 марта. Но то, что левые получили прекрасный пропагандистский козырь, неоспоримо. Достаточно привести слова Юлия Осиповича Мартова, сказанные им 10 октября 1917 года на заседании Предпарламента: *"Часто, при страстной полемике упоминают знаменитый приказ №1. Но я позволю себе напомнить, что одновременно с приказом №1 был опубликован приказ, подписанный комендантом Петрограда, назначенным самочинно Временным комитетом Государственной думы бароном Энгельгардтом. Этот приказ гласил: солдатам предписывается разоружать контрреволюционных офицеров и в случае сопротивления не останавливаться перед расстрелом. Приказ №1 этого не говорил"»*¹²².

Подводя итог первых дней Февральской революции, можно заключить, что за этот краткий срок в недрах Государственной думы сложилось первое Временное правительство революционной России во образе Временного комитета Государственной

думы и им порождённых комиссаров (а также - соперничавшего с ВКГД за права на революцию Петроградского Совета).

Создание Временного правительства

Однако это историческое обстоятельство не снимало с повестки дня политической жизни России вопрос создания буржуазного правительства, состав которого начал обсуждаться на собраниях общественных представителей и в печати ещё с августа 1915 года - в связи с созданием Прогрессивного блока в Государственном совете и Государственной думе. Обсуждения обсуждениями, но, однако, - на пост председателя правительства был выдвинут кадет князь Георгий Евгеньевич Львов.

В состав вновь созданного Совета Министров вошли одиннадцать министров, в

том числе (помимо уже упомянутого князя Львова, помимо председательствования возглавившего Министерство внутренних дел) министр

иностранных дел - кадет Пётр Николаевич Милюков; министр юстиции - «трудовик (с марта эсер) Александр Фёдорович Керенский; министр путей сообщения - кадет Николай Виссарионович Некрасов; министр торговли и промышленности – прогрессист Александр Иванович Коновалов; министр просвещения – кадет, профессор Александр Аполлонович Мануйлов; военный и временно морской министр – октябрист Александр Иванович Гучков; министр земледелия - кадет Андрей Иванович Шингарёв; обер-прокурор Святейшего Синода – центрист Владимир Николаевич Львов; государственный контролёр – октябрист Иван Васильевич Годнев.

Параллельно с Временным правительством продолжали функционировать Советы, установившие контроль над деятельностью Временного правительства. Огромным влиянием и авторитетом среди народных масс пользовался Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов, что позволило охарактеризовать послереволюционную ситуацию как двоевластие: с одной стороны, было Временное правительство, идущее по пути парламентаризма и преследующее цель создания России капиталистической, современной, либеральной, верной обязательствам перед своими англо-французскими союзниками; с другой был Петроградский Совет, создатели которого рассчитывали на формирование прямой революционной «власти трудовых масс». Сама «власть Советов», однако, была чрезвычайно подвижной и изменчивой, зависевшей от перемены настроений в её местных, децентрализованных структурах и от столь же переменчивого и непостоянного общественного мнения.

Ко времени формирования Временного правительства расстановка политических сил в Петрограде (и в первопрестольной) была такова, что правый их фланг занимали сторонники конституционной монархии из числа генералитета, консервативного офицерства, черносотенцев и октябристов, центром притяжения которых стали кадеты. На левом фланге были меньшевики и эсеры. Правых двигала идея создания «сильной власти», «власти твёрдой руки» в двух возможных вариантах. Если кадеты выступали за административно-правовые меры по укреплению власти Временного правительства путём усиления роли государства в политической системе общества и соответственного уменьшения роли Советов, то другой подход предполагал «спасение страны», то есть укрепление государственной структуры и восстановление правопорядка путём установления режима военной диктатуры. При этом промонархические силы не могли отказаться от политического блока с кадетами и поддержки Временного правительства, поэтому решение вопроса о будущей форме правления, как и другие партии, они откладывали до Учредительного собрания. Вот как впоследствии оценивал состав Временного правительства Павел Николаевич Милюков: *«Во главе первого революционного правительства, согласно состоявшемуся ещё до переворота уговору, было поставлено лицо, выдвинутое на этот пост своим положением в российском земстве: кн. Г. Е. Львов, мало известный лично большинству членов Временного комитета. П. Н. Милюков и А. И. Гучков, в соответствии с их прежней деятельностью в Государственной думе, были выдвинуты на посты министров иностранных дел и военного (а также морского, для которого в эту минуту не нашлось подходящего кандидата). Два портфеля, министерства юстиции и труда, были намечены для представителей социалистических партий. Но из них лишь А. Ф. Керенский дал 2 марта своё согласие на первый пост. Н. С. Чхеидзе, предполагавшийся для министерства труда, предпочёл остаться председателем Совета рабочих депутатов (он фактически не принимал с самого начала участия и во Временном комитете). Н. В. Некрасов и М. И. Терещенко, два министра, которым суждено было потом играть особую роль в революционных комитетах, как по их непосредственной личной близости с А. Ф. Керенским, так и по их особой близости к конспиративным кружкам, готовившим революцию, получили министерства путей сообщения и финансов. Выбор этот остался непонятным для широких кругов. А. И. Шингарев, только что облечённый тяжёлой обязанностью обеспечения столицы продовольствием, получил министерство земледелия, а в нём не менее тяжёлую задачу — столкнуться с левыми течениями в аграрном вопросе. А. И. Коновалов и А. А. Мануйлов получили посты, соответствующие социальному положению первого и профессиональным занятиям второго — министерство торговли и министерство народного просвещения. Наконец, участие правых фракций Прогрессивного блока в правительстве было обеспечено введением И. В. Годнева и В. Н. Львова, думские выступления которых сделали их беспспорными кандидатами на посты государственного контролёра и обер-прокурора синода. Самый правый из блока, В. В. Шульгин, мог бы войти в правительство, если бы захотел, но он отказался и предпочёл остаться в трудную для родины минуту при своей профессии публициста»⁷⁸.*

Свою первую программу правительство изложило в декларации от 3 (16) марта 1917 года, а затем - в обращении к гражданам России 6 (19) марта 1917 года, в котором заявило о намерении вести войну «до победного конца» и неуклонно выполнять договоры и соглашения, заключённые с союзными державами. В области

внутренней политики правительство объявляло амнистию политическим заключённым, обещало ввести ряд политических свобод, приступить к подготовке созыва Учредительного собрания, заменить полицию «народной милицией», провести реформу местного самоуправления.

И начало практических дел нового правительства было по-революционному энергичным и категоричным: упразднили в наикратчайшие сроки штаб отдельного корпуса жандармов (с отправкой разжалованных жандармов в фронтовые окопы), Департамент полиции и Главное управление по делам печати. Новый министр юстиции Керенский предписал прокурорам страны немедленно освободить всех политических заключённых и сосланных в Сибирь членов Государственной думы.

Двуединный министр Львов уволил всех губернаторов и вице-губернаторов, передав исполнение их обязанностей председателям губернских земских управ, кои стали именоваться «комиссарами Временного правительства»; на них же были возложены обязанности уездных исправников и реформирования на местах полиции в милицию.

В первых числах марта была учреждена чрезвычайная следственная Комиссия по расследованию противозаконных должностных действий высших чиновников упразднённого правительства; главным редактором стенографических отчётов Комиссии был назначен Александр Александрович Блок.

По всей стране были объявлена общая политическая амнистия и наполовину сокращены сроки заключения лицам, содержащимся под стражей по приговорам за общие уголовные преступления. На свободе оказались около девяноста тысяч заключённых, среди которых было немало воров и налётчиков, прозванных в народе «птенцами Керенского». В армии была отменена смертная казнь. В области законодательства были сохранены основы старого уголовного права.

7 (20 марта) признало лишёнными свободы отрёкшегося императора Николая Второго и его супруги Александры Фёдоровны, постановив доставить их в Царское Село. Постановление было скоро исполнено группой депутатов Думы с гражданином Бубликовым во главе.

В первые же дни революции Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов издал знаменитый «приказ №1», предусматривавший выборы в войсках комитетов из нижних чинов и передачу оружия под их контроль. Таким образом приказ нарушал основополагающий для любой армии принцип единоначалия; в результате произошло резкое падение дисциплины и боеспособности русской армии, что в конечном итоге способствовало её развалу. Солдатские комитеты, непрерывно расширявшие свои полномочия, могли смещать того или иного командира и выбирать нового; они вмешивались в вопросы военной стратегии, являя собой небывалый образец „солдатской власти“.

Под давлением Петросовета военный и морской министр Гучков учредил комиссию под председательством генерала Поливанова для разработки военных реформ. В апреле 1917 года Комиссия совместно с военной секцией Исполнительного комитета совета рабочих и солдатских депутатов разработала «Декларацию прав солдат» — документа, в котором провозглашалось предоставление солдатам всех гражданских прав наравне с гражданскими лицами. Военный министр Гучков отказался подписывать Декларацию и 1 мая подал в отставку *«не желая разделять ответственности за тот тяжкий грех, который творится в отношении родины»*⁷⁶. В результате приказ подписал новый военный министр — Керенский.

Интересна и показательна, в воспоминаниях Набокова, на происходящие перемены в вооружённых силах одного из главных организаторов свержения царя военного и морского министра Гучкова: *«Прежде всего, я очень мало мог наблюдать Гучкова в составе Вр. Правительства. Значительную часть времени он отсутствовал, занятый поездками на фронт и в Ставку. Потом — в середине апреля — он хворал. Но главное: во все время его пребывания в должности военного и морского министра он был для внешнего наблюдения почти непроницаем. Теперь, оглядываясь назад на это безумное время, я склонен думать, что Гучков с самого начала в глубине души считал дело проигранным и оставался только *par acquit de conscience*. Во всяком случае, ни у кого не звучала с такой силой, как у него, нота глубочайшего разочарования и скептицизма, поскольку вопрос шел об армии и флоте. Когда он начинал говорить своим негромким и мягким голосом, смотря куда-то в пространство слегка косыми глазами, меня охватывала жуть, сознание какой-то полной безнадежности. Все казалось обреченным»⁵².*

В начавшейся чистке командного состава армии были отправлены в отставку почти половина генералов, а на главные армейские посты назначены близкие к думским оппозиционным кругам выдвиженцы — Деникин, Корнилов, Колчак.

Взяв курс на продолжение войны «до победного конца», Временное правительство столкнулось с проблемой неуправляемой армии, ставшей таковой в процессе её безудержной внутренней демократизации. После провала последнего наступления русской армии (в июне 1917 года) сотни офицеров, заподозренных в «контрреволюции», были арестованы солдатами и многие из них убиты.

В июле правительство было вынуждено восстановить на фронте упразднённые во время революции военно-полевые суды, но это не поправило дела. Созданное в штате военного министерства Политическое управление безуспешно пыталось наладить в войсках пропаганду в пользу продолжения войны.

К осени 1917 года массовое дезертирство достигало нескольких десятков тысяч в день; с июня по октябрь 1917 года более двух миллионов солдат покинули части разлагавшейся армии. Их возвращение в родные деревни подлило масла в огонь усиливающихся беспорядков. В городах вооружённые солдаты втянулись в политическую жизнь, пополняя ряды большевиков.

Временному правительству с момента его создания пришлось действовать в чрезвычайно трудных условиях. К весне 1917 года Россия потеряла Польшу и часть Прибалтики, фронт проходил по территории Лифляндии. Часть жителей западных областей — поляки, латыши, эстонцы, евреи — оказались в Петрограде на положении беженцев.

После объявления амнистии в столицу хлынул поток бывших ссыльных и революционеров. Временное правительство, с одной стороны, стремилось обеспечить равенство всех людей перед законом. 7 (20) марта 1917 был издан манифест о восстановлении некоторых прав Финляндского сейма, 20 марта (2 апреля) — постановление «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений», в котором объявлялось о равенстве всех религий перед законом, отменялись все ограничения граждан в правах в зависимости от вероисповедания и национальности, декларировались свобода совести, право на получение начального образования на родном языке, местные

языки допускались, хотя и в ограниченной мере, в суд и делопроизводство, была отменена черта оседлости.

С другой стороны, реальные внешнеполитические шаги Временного правительства показывали, что оно намерено действовать в рамках традиционной имперской политики. Воззвание к полякам от 17 (30) марта 1917 года содержало призыв к борьбе за свободу славянских народов и «соединение с Россией свободным военным союзом славянства» против Срединных держав. Однако Центральное Бюро мусульман заявило, что мусульмане России не пойдут за лозунгом войны до захвата Константинополя и проливов. *«Такой лозунг, — говорилось в заявлении, — показывает, что партия к.-д. применяет разные мерки для народов России и Азии».*

После Февральской революции полной независимости потребовали лишь Польша и Финляндия (две территории с развитым национальным господствующим классом). Польша к тому времени была оккупирована Германией, и Временное правительство признало право на её государственное отделение, одновременно отказав в самоопределении Финляндии (до решения Учредительного собрания) и разогнав в июле её сейм. .

Михаил Терещенко - министр финансов Временного правительства

Министром финансов Временного правительства стал Михаил Иванович Терещенко и назначение его на столь высокий пост вызвало у многих, к державному кормилу близких граждан, недоумение. Так, уже поминавшийся выше комиссар Бубликов сокрушался по э тому поводу: *«Совершенно исключительный по курьезности элемент правительства — новый министр финансов Терещенко. Абсолютно нельзя объяснить, кого он представлял в кабинете, так же как никогда после нельзя было добиться, кто его «выдумал», — все открещивались. Молодой человек со стажем маленького чиновника по балетной части, никому в России не известный, в финансах ровно ничего не смыслящий. В публике за Терещенкой закрепилась образная кличка «жениха с состоянием». Объясняется она тем, что он молод, красив и от отца, известного на юге сахарозаводчика, унаследовал состояние в десятки миллионов. Это был анекдотический элемент кабинета»¹¹³.*

Владимир Дмитриевич Набоков, юрист, журналист, один из лидеров конституционно-демократической партии (и отец писателя Владимира Владимировича Набокова), скоро ставший Управляющим делами Временного правительства, позже, уже в мемуарах описал своё удивление по поводу назначения Терещенко:

“Уже ходили по рукам листки со списком членов Временного Правительства. Помню, как я был изумлён, узнав, что министром юстиции назначен Керенский. (Я не понимал тогда значение этого факта и ожидал, что на этот пост будет назначен Маклаков.) Такой же неожиданностью было назначение М. И. Терещенка.

...Я уже выше упомянул о том, что для меня было неожиданностью появление на посту министра финансов Терещенко. Сперва я даже не хотел верить, что дело идет о том самом блестящем молодом человеке, который несколько лет до того появился на петербургском горизонте, проник в театральные сферы, стал известен как страстный меломан и покровитель искусства, а с начала войны благодаря своему колоссальному богатству и связям сделался видным деятелем в Красном Кресте. Позднее, я знал, он стал во главе Киевского военно-промышленного комитета и на каком-то съезде, бывшем в Петербурге, произнес речь, которую можно характеризовать как речь «кающегося»

капиталиста». Это было единственным его общественным выступлением, о котором я знал. Я не знал, что он был в довольно, по-видимому, тесных отношениях с Гучковым и с Некрасовым и пользовался расположением Родзянко. До сих пор я точно не знаю, кто выставил его кандидатуру. Я слышал, что он от нее упорно отказывался. В настоящее время о нём сохранилось воспоминание главным образом, как о министре иностранных дел, пробывшем на этом посту в течение шести месяцев, с начала мая до конца октября, когда свергнуто было Вр. Правительство. Как министр финансов, он – за два месяца пребывания в этой должности – кажется, не оставил сколько-нибудь заметного следа. Занят он был, главным образом, выпуском знаменитого займа свободы. Я помню, что когда ему приходилось докладывать Вр. Правительству, его доклады были всегда очень ясными, не растянутыми, а напротив сжатыми и прекрасно изложенными»⁵².

В историю отечественного Министерства финансов Михаил Иванович Терещенко вошёл как самый юный его министр – на момент назначения ему был чуть более тридцати лет. Его предшественник на этом посту, профессиональный финансист, прошедший

долгую дорогу становления государственного чиновника высшего ранга, Пётр Львович (Людвигович) Барк был лишён своей должности революционным путём в начале марта 1917 года и ордер на его арест подписал Керенский от имени Комитета общественного спасения. (После освобождения Барк покинул Петроград и перебрался в Крым, где стал управляющим Министерством финансов Крымского областного правительства, отсюда эмигрировал во Францию, далее – в Англию, где был награжден английским орденом и возведен королем Англии в рыцарское достоинство за примерное ведение финансовых дел членом российского императорского дома в эмиграции.)

Пётр Львович Барк родился 6 (18) апреля 1869 года в селе Новотроицкое Александровского уезда Екатеринославской губернии, где его отец, Людвиг Барк, — выходец из Лифляндской губернии - был управляющим лесничеством. В 1887 году, когда семья переехала в Санкт-Петербург, Пётр Барк поступил на гимназический курс в училище при лютеранской церкви святой Анны, а затем — на юридический факультет Санкт-Петербургского университета.

Получив высшее образование, он 1891 году начал службу помощником столоначальника в Особенной канцелярии по кредитной части (Кредитной канцелярии) Министерства финансов (в 1892 году) и сменил отчество, став «Львовичем».

В те годы Сергей Юльевич Витте приступил к реализации своей программы экономического проникновения на Средний и Дальний Восток, для чего требовались подготовленные, знающие специалисты, к числу которых относился и Пётр Львович Барк. Он стал председателем правления Ссудного банка, а позднее — Учетно-ссудного банка в Персии, выполняя разнообразные кредитные операции непосредственно за границей.

Скоро продвигаясь по карьерной лестнице, оперативно и успешно разрешая возникающие – государственного уровня - проблемы, Барк в начале мая 1914 года занял пост министра финансов.

Чрезвычайно обширной деятельностью Министерства финансов в ту пору охватывало почти все экономические отрасли страны, а также руководило Государственным банком, государственными сберегательными кассами по делам мелкого кредита, Крестьянским поземельным банком и Государственным дворянским земельным

банком, Кассой городского и земского хозяйства, Главным казначейством, Государственной комиссией погашения долгов, Экспедицией заготовления государственных бумаг.

С начала мировой войны (ещё никто не знал, что она будет первой) три года — с августа 1914 по октябрь 1917 года — Россия покрывала огромные военные расходы прежде всего за счет увеличения налогов, внутренними и заграничными займами, эмиссий бумажных денег, которые обеспечивались обязательствами Государственного казначейства, а не коммерческими векселями и не золотым запасом.

После прекращения размена кредитных билетов на золото (любимая задумка Витте) за рублем закрепилось наименование «деревянный». Законом от 16 (29) сентября 1914 года была прекращена торговля водкой во время войны. В конце июля 1914 года в пять раз расширилось эмиссионное право Государственного банка, возобновилась практика учета пятипроцентных казначейских обязательств с новой эмиссией под их обеспечение, а также выпуск краткосрочных билетов казначейства («серий»); возникли серьезные трудности с доставкой денег из столицы на места.

В условиях нехватки денежной массы начались спекуляции, особенно мелкими купюрами, которые спекулянты продавали за отдельную плату. Отменив золотой стандарт, правительство продолжило чеканить серебряную монету, которую население, не давая ей обращения, старалось ее припрятать в качестве сокровищ на «черный день». (Строго говоря, речь идёт о так называемых «билонных монетах, только примерно наполовину состоящих из серебра.)

Положение с разменной так называемой серебряной монетой стало угрожающим во второй половине 1915 года. Как временную меру Пётр Львович Барк предложил использовать денежные знаки достоинством 5, 10, 15 и 20 копеек с надписью *«Имеют хождение наравне с серебряною разменной монетой»*. Комитет финансов одобрил это предложение, пополнив его выпуском марок достоинством 1, 2, 3 копейки. Выпуск таких марок начался в Петрограде в сентябре 1915 года. «Монетный голод» провоцировал беспорядки на улицах городов, погромы магазинов и лавок на рынках. Наибольшие трудности испытывали малоимущие слои населения, в частности рабочие. Поэтому наряду с выпуском марок как средства скорейшего преодоления кризиса мелкой монеты было принято решение увеличить чеканку серебряной и медной монеты.

Бюджетный дефицит, образовавшийся из-за отмены винной монополии, был сокращён за счёт увеличения городских налогов на торговые и промышленные предприятия, акцизы на сахар, спирт, курительный табак, на проезд в городском транспорте, на кинотеатры (и прочая, и прочая), на лиц, освобождённых от воинской повинности, на доходы свыше 850 рублей.

Наконец, немаловажное значение имели и результаты проведенных царским правительством в 1914-1916 годах шести займов на внутреннем рынке, которые в условиях почти непрерывного обострения политической ситуации в империи и довольно сдержанного участия в подписке буржуазной публики всё же позволили покрыть почти треть военных расходов России.

. Страна была вынуждена прибегнуть к массивным закупкам за рубежом. Армия нуждалась во всем – винтовках, патронах, снарядах, промышленность – в качественной стали, цветных металлах, химикатах, современных станках. Транспортная система не выдерживала колоссально возросшего объема перевозок. К примеру, в конце 1916 года не хватало 5000 паровозов и 30 000 вагонов. Для закупок вооружения, боеприпасов и других

предметов снабжения в Лондоне в сентябре 1914 года был создан Англо-русский комитет, преобразованный в октябре 1915 г. в Русский правительственный комитет. Закупки производились в кредит. Британская промышленность не могла справиться с обеспечением всем необходимым не только собственной армии, но вдобавок и двух союзных – французской и русской. Все больше заказов союзники начали размещать на американском рынке; Россия оплачивала заказы преимущественно за счет британских кредитов. В годы войны Великобритания сменила Францию в качестве главного кредитора России. Всего за годы войны в США было размещено российских заказов на один миллиард двести восемьдесят семь миллионов долларов.

Так, на конференции министров финансов стран Согласия (России, Франции, Англии), состоявшейся в феврале 1915 года в Париже, Россия получила заём в равных долях от Франции и Англии на один миллиард двести пятьдесят миллионов из расчета 5% годовых на основании довоенного паритета золотого рубля. Брала Россия в долг и у Италии, и у Японии.

После падения императорского режима новое правительство заявило официально о своем намерении *«неизменно и преданно исполнять все финансовые обязательства, взятые на себя прежним правительством, в частности по выплатам государственного долга и процентов по нему. Отвечая на телеграмму российского министра финансов Михаила Терещенко, министр финансов Франции Тъери выразил уверенность в том, что «в условиях демократических свобод сотрудничество обеих наций будет еще более полным и плодотворным — в интересах обеспечения успешных действий союзных армий, развития и процветания двух стран»*¹²¹. Также 23 марта 1917 года управляющий Банком Франции получил от Михаила Терещенко телеграмму следующего содержания: *«Уполномочен Временным правительством осуществлять управление Министерством финансов. Надеюсь на дальнейшее предоставление возглавляемому мной министерству неоценимой помощи, которую оказывало ваше уважаемое учреждение по всем вопросам финансовых взаимоотношений России с вашей страной, вопросам, основанным на предварительно взятых обязательствах и подписанных соглашениях, продолжающих сохранять законную силу. Выражаю надежду, что наши отношения продолжат развиваться в интересах наших государств»*¹²¹. Со своей стороны Банк Франции направил ответ следующего содержания: *«От имени Главного совета Банка Франции благодарим за Вашу телеграмму. Заверяем Вас в готовности всячески содействовать исполнению ранее подписанных соглашений, которые полностью сохраняют законную силу. Разделяем Ваше желание развивать сотрудничество между финансовыми учреждениями (Institutions financières) наших двух государств как до, так и после победы союзных армий»*¹²¹. Из этого следует, что со стороны Франции не было сделано никаких попыток приостановить оказание финансовой помощи России (как, впрочем, и со стороны других союзных государств).

С первых дней прихода к власти Временное правительство приступило к активной эмиссии денег. Указом от 4 марта Госбанку был разрешен выпуск денежных знаков до восьми с половиной миллиардов рублей. Следует отдать должное Терещенко, он не

ограничился одной эмиссией и подготовил правительству конкретную программу действий в области финансов. Основным направлением в работе его министерства стала реализация программы «Заём свободы».

Необходимость проведения большого внутреннего займа Временное правительство, впервые обсуждало уже на четвёртый день своего существования по инициативе министра финансов Михаил-а Ивановича Терещенко. На следующий день он встретился с руководителями Комитета съездов представителей акционерных коммерческих банков и впервые назвал будущее официальное название займа — «Заём Свободы». Предложенный представителями банков вариант названия — «Заём Победы» — был отвергнут, но некоторое время употреблялся в печати, близкой к банковским кругам.

Ещё через три дня состоялось совещание глав правлений ведущих банков, на котором был одобрен проект, предусматривающий курс в 85 рублей за 100 рублей номинальных и пятипроцентную ставку ежегодного дохода. Официальная дата выпуска займа была установлена на 27 марта, а дата начала подписки — на 6 апреля.

28 марта было подписано соглашение, в соответствии с которым Государственный банк совместно с крупнейшими частными банками образовывал синдикат для размещения займа. Терещенко согласился на выпуск займа без определения его нарицательной суммы (чего ранее не практиковалось). Вместо точной суммы займа была установлена его

минимальная сумма — три миллиарда рублей.

Новое российское государство предложило гражданам вложить свои средства в «свободу», что на практике означало инвестировать в войну, из которой Временное правительство не хотело выходить. Экономическую акцию власти сопровождали невиданной по размаху агитационной кампанией, включая пропагандистские произведения искусства, празднества и лотереи.¹²³

Терещенко, будучи инициатором выпуска займа, прилагал и большие усилия по его пропаганде. В марте-апреле 1917 года он практически ежедневно проводил совещания и встречи, посвящённые займу, а также обращался к известным общественным и политическим деятелям за содействием в популяризации займа. Даже перейдя в мае на пост министра иностранных дел, он продолжал заниматься этой работой.

Во второй декаде марта в газетах началась пропагандистская кампания в поддержку займа. В течение первой половины апреля во многих губерниях были созданы комитеты или комиссии по популяризации займа. Большинство из этих комитетов смогло приступить к работе только в мае из-за задержки поступления необходимых для работы комиссий ассигнований и агитационных материалов, а также из-за апрельского кризиса и скрытого противодействия части губернских комиссаров.

Комитеты по популяризации проводили митинги, лекции, распространяли листовки и брошюры, печатали статьи в периодических изданиях. Были выпущены даже «кинематографические пьесы», а в Киеве — граммофонная пластинка с записью лекции о займе. 25 мая в Петрограде по инициативе Союза деятелей искусств был проведён «День

Займа Свободы». По улицам города двигались украшенные транспарантами грузовики, на которых находились члены Союза Деятелей искусств, объединения «Мир искусства», футуристы, кубисты и другие.

С открытых сцен выступали ораторы и поэты, в выпущенной однодневной газете «Во имя свободы» были размещены патриотические стихи Анны Ахматовой, Сергея Есенина, Игоря Северянина, Велимира Хлебникова Стихотворение Саши Чёрного «Заём Свободы» позже неоднократно перепечатывалось в различных агитационных изданиях. Впоследствии и в других крупных городах проводились подобные дни или праздники, сопровождавшиеся митингами, шествиями, раздачей агитационных материалов, выступлениями артистов.

Облигации были выпущены сроком на сорок девять лет под пять процентов годовых. Их погашение предусматривалось с 1922 года ежегодными тиражами. Заем был размещен на сумму около четырёх миллиардов рублей, что оказалось гораздо меньше ожидаемого объема. Сам Михаил Иванович вложил в займ весьма значительную сумму.

Кроме энергичного занятия делами займа, министром финансов Терещенко были подготовлены предложения по перестройке бюджетной системы «на демократические начала» и поиску «безболезненных» путей финансовой реформы, предполагавшей пересмотр налоговой системы с усилением прямого обложения за счет косвенного. Но оказалось безрезультатным созванное для решения такой задачи совещание чиновников, крупные промышленников, ученых-экономистов.

Ни один из последователей Терещенко во Временном правительстве заниматься реализацией разработанных им программ не пожелал. Да и пожелай они того, на положительный исход дела никаких надежд не было, ибо, как известно, в апреле в Петроград приехал Ленин, и Временное правительство с решения экономических задач полностью переключилось на политические.

Любопытная деталь, войдя в первый состав правительства совершенно неизвестным человеком («темной лошадкой»), в то время как все остальные его члены были влиятельные политики, лидеры партий, известные депутаты Госдумы, лишь Терещенко, да Керенскому удалось продержаться в нем до самого конца, переходя из одного состава в другой.

Первый такой переход он совершил по результатам так называемого апрельского, 1917 года, кризиса, в котором столкнулись различные политические подходы Керенского и Милюкова к продолжению участия России в войне.

Изначально значимым пунктом противоречий между Временным правительством и Петросоветом стало различие взглядов на роль войны как предпосылки революции. В правительстве обосновывали падение царского режима его неспособностью привести страну к победе, а представители Совета видели в массовых беспорядках выражение усталости населения от войны. Основные позиции были обозначены правительством в его манифесте народу от 7 (20) марта, а Советом – в воззвании «К народам мира» от 14 (27) марта 1917 года. Эти противоречия позже выразились в двух лозунгах – «Война до победного конца» и «Мир без аннексий и контрибуций». Последний призыв предполагал отказ от захватнических целей войны и продолжение её для защиты «революционной демократии» и проводником такой идеи («оборончества») во Временном правительстве был Керенский, также являвшийся заместителем председателя Исполкома Петросовета.

Ему оппонировал министр иностранных дел Пётр Михайлович Милюков, отстаивавший позицию верности Временного правительства заключённым при монархии союзническим

договорам (в том числе – тайным), по которым страны Антанты в случае их победы должны были получить территориальные и денежные компенсации от стран-агрессоров.

России в случае доведения войны до победного конца среди прочего полагался предмет ее многовековых вождлений — Константинополь и проливы Босфор и Дарданеллы. Левая пресса даже издевательски окрестила министра иностранных дел Милюковым-Дарданелльским, но он сам воспринимал это чуть ли не с гордостью. *"Назойливость, с какой Милюков возвращался к одной и той же теме о Дарданеллах, озадачивала"*, - жаловался Керенский.

В эти дни, во время поездки в Москву Керенский дал интервью местной прессе о целях русской внешней политики, представив их в рамках «революционного оборончества». В ответ Милюков опубликовал в кадетском печатном органе – газете «Речь» - статью на ту же тему, в которой, естественно, отстаивал противоположную точку зрения.

Возникшее противостояние двух политиков на первых порах сгладил (в пользу министра иностранных дел) князь Львов, заявивший, что *«Милюков ведёт не свою политику, а ту, которая соответствует взглядам и планам Временного правительства»*¹⁰².

27 марта (9 апреля) 1917 года, после долгой согласующей «ломки копий» с Исполкомом Петросвета, Временное правительство приняло кое-как устраивающий обе

стороны документ под названием «Обращение к гражданам» с изложением целей внешней политики. Милюков, поначалу вынужденно согласившийся с текстом декларации, долго игнорировал требование Исполкома отправить её союзникам.

В такой ситуации инициативу взял на себя Керенский и 13 (26) апреля дал сообщение в газетах о том, что Временное правительство готовит ноту союзным державам, в котором будут разъяснены его взгляды на

продолжение войны. В ответ взбешённый Милюков, опубликовал опровержение, но было поздно: в стране, в окопах ждали заявленного документа. И Милюков написал ноту. По объёму она была гораздо меньше декларации 27 марта, но ей суждено было вызвать первое, после февральских событий, кровопролитие на улицах Петрограда и завершить государственную карьеру своего автора.

Нота, вместе с противоречащей её содержанию декларацией, была отправлена союзникам 18 апреля (1 мая). Её копия, из-за первомайских торжеств в столице, попала в Исполком Петросвета только 19 апреля (2 мая) и произвела там эффект разорвавшейся бомбы. Член Исполкома Николай Николаевич Суханов писал по этому поводу: *«Новая нота не только не представляет собой дальнейшего шага, но совершенно аннулирует всё то, что до сих пор сделала революция для мира. Нота уверяет союзников в том, что цели России в войне остаются прежними, какими были при царе, и что революция ничто в них не меняет»*¹¹⁰

После публикации, на следующий день, ноты в печати в Петрограде начались массовые демонстрации. Солдаты и рабочие с окраин двинулись в центр города с

плакатами и лозунгами: "Долой Милюкова!", "Долой войну!", "Долой захватную политику!" и даже "Долой Временное правительство!". "Передовым отрядом" этих манифестаций был Финляндский полк, который подошел к резиденции правительства — Мариинскому дворцу — и "осадил" его. Солдаты не знали, что министров нет во дворце: в этот день заседание проходило на квартире болевшего военного министра Александра Гучкова. Как писал Николай Суханов в своих "Записках о революции", *"солдаты проявляли большое возбуждение; по их словам, они шли с намерением арестовать Милюкова и все Временное правительство"*¹¹⁰.

На следующий день, 20 апреля (3 мая), нота была опубликована в печати, но слух о том, что по вопросам войны и мира Временное правительство вступило «в контры» с Исполкомом Петросовета уже достиг рабочих кварталов города и солдатских казарм. В последовавших двухдневных — с демонстрациями, митингами, со столкновениями сторонников и противников Временного правительства, с кровопролитием — событиях последовали успокоение и правительственный кризис. Его заострил Милюков, отказавшийся выполнить требование Петросовета — официально опровергнуть отправленную союзникам ноту.

29 апреля (12 мая) неожиданно для всех, без предупреждения подал в отставку военный и морской министр Александр Иванович Гучков, так, через день, письменно объяснивший свой шаг: *«Ввиду тех условий, в которые поставлена правительственная власть в стране, а в частности власть военного министра по отношению армии и флоту — условий, которые я не в силах изменить и которые грозят роковыми последствиями и обороне, и свободе, и самому бытию России, — я по совести не могу далее нести обязанности военного и морского министра и разделять ответственность за тот тяжкий грех, который творится в отношении родины»*⁷⁶.

Считается, что последней каплей терпения, вынудившей Гучкова подать в отставку, было требование опубликовать "Декларацию прав солдата", которая, как писал Павел Милюков, *"по компетентному заявлению высшего командования, должна была нанести военной дисциплине последний и непоправимый удар"*⁷⁸. Спустя считанные дни после отставки Гучкова эту декларацию опубликовал его преемник на посту военного и морского министра Александр Керенский.

Возникшая в эти дни идея создания коалиционного правительства Петросоветом первоначально отвергалась из-за одиозной для него фигуры Милюкова, который, будучи решительным противником такого союза, 2 (15) мая подал в отставку с поста министра иностранных дел и покинул Временное правительство. Позже он вспоминал об этом моменте: *"Характерная сцена последовала, когда, выходя из самого заседания, я обошел стол, пожимая руки остающимся коллегам. Кн. Львов, когда я дошел до него, схватил мою руку и, удерживая ее в своей, как-то бессвязно лепетал: "Да как же, да что же? Нет, не уходите; да нет, вы к нам вернетесь". Я холодно бросил ему: "Вы были предупреждены" — и вышел из комнаты"*⁷⁸.

Мучительные переговоры о коалиции длились до 15 (18) мая, когда Исполкому Петросовета всё же удалось преодолеть разногласия как внутренние, так и в отношениях с Временным правительством. Пост главы правительства сохранил за собой князь Георгий Львов; на место Милюкова переместился экс-министр финансов Терещенко; военным и морским министром вместо Александра Гучкова стал Александр Керенский; Иракий Церетели, до последнего сопротивлявшийся своему включению в состав кабинета, в итоге

стал министром почт и телеграфов. Другие видные члены Исполкома Петросовета – Матвей Скобелев и Виктор Чернов – стали министрами труда и земледелия.

Накануне Первой мировой войны в правительственных кругах, в обществе, в Государственной Думе активно обсуждался вопрос о введении ограничительных мер на продажу спиртных напитков в случае проведения мобилизации и начала военных действий. 17 апреля 1914 года по всем губерниям России Министерство внутренних дел разослало секретный циркуляр, в котором говорилось о том, что в случае начала военных действий необходимо полностью запретить торговлю водкой. В мае в Думе обоснованно опасались, что в случае войны, без подобных ограничений мобилизация может быть попросту сорвана, и предлагали ввести существенные ограничения на торговлю спиртным, а то и сухой закон. Одним из убежденных сторонников жестких антиалкогольных мер был Пётр Львович Барк, тогдашний министр финансов и шеф Отдельного корпуса пограничной стражи. Военный министр Владимир Александрович Сухомлинов к маю 1914 года подготовил проект плана закрытия всех питейных заведений в стране, кроме ресторанов первого разряда в районах мобилизации.

Украина – проба становления

Первое присоединение украинских земель к Государству Российскому, произошло во второй половине семнадцатого века, когда, по завершении долгого противостояния с Речью Посполитой ему, согласно условиям Андрусовского перемирия 1667 года, отошли от поляков Левобережная Украина (восточнее Днепра) и Киев с немалыми окрестностями. После Второго и Третьего разделов Польши, в 1793 и в 1795 годах случившихся, Россия прибавила себе Правобережную Украину и Волынь (ныне – Волынская и Ровенская области).

Западноукраинские же земли (или Галиция) с центром во Львове, переданные Польше, вместе с другими землями Литвы ещё в 1400 году литовским князем Ягелло в качестве части щедрого свадебного подарка польской королеве Ядвиге, по первому разделу Польши в 1772 году перешли к Австрии. Касательно Закарпатской Украины – она являлась частью Венгерского королевства в составе Австро-Венгрии.

Как свидетельствует статистика, к началу двадцатого века в губерниях Восточной (Наднепровской) Украины украинцы, жившие преимущественно в сельской местности, составляли примерно три четверти населения, далее шли русские, евреи, суммарно составлявшие большинство горожан. Еврейское население проживало преимущественно в западных и центральных губерниях Правобережной Украины, в городах и местечках так называемой «черты оседлости», пределы которой были установлены указом Екатерины Второй в 1794 году.

Украинское дворянство, происходившее из козачества, сильно обрусело (особенно на левобережье), но, его представители, оставаясь «верноподданными», сохранили в быту обычаи предков. Абсолютное большинство этих дворян вросло в систему Российской империи и только каждый четвёртый из них считал украинский язык родным. Дворянство Подолии (правобережной Украины) было преимущественно польским; немало было здесь поляков-интеллигентов, а также рабочих.

Русские (официально — великороссы), составлявшие явное меньшинство населения Украины, были представлены в ней чиновничеством, генералами, офицерами и

солдатами гарнизонов Киевского и Одесского военных округов, рабочими Донецкого бассейна и Харькова.

Первая украинская национальная партия появилась в 1897 году, когда в Киеве на нелегальном съезде была создана Владимиром Антоновичем и Александром Канинским, преимущественно из студентов, Всеобщая Украинская беспартийная организация, отметившаяся в общественной жизни празднованием дня рождения Тараса Шевченко, юбилеев Ивана Петровича Котляревского, Николая Витальевича Лысенко.

В Харькове в 1900 году группа студентов создала конспиративную Революционную украинскую партию (РУП), ставившую целью объединение представителей разных поколений и классов в борьбе за национальные права и социальную революцию, стоявшую на позициях федеративного устройства будущей демократической России, в состав которой вошла бы автономная Украина. В 1904 году отколовшаяся от РУП группа основала Украинский социал-демократический союз, позже преобразованный в региональную организацию Российской социал-демократической рабочей партии (меньшевиков)¹²⁴.

Тогда же, там же оформилась в Украинскую национальную партию группа борцов за полную независимость Украины во главе с адвокатом Николаем Ивановичем Михновским, и боевое крыло этой партии, именовавшееся «Обороной Украины», взялось за накопление своего террористического потенциала для будущего всеукраинского восстания. Стремление это харьковские карбонарии подтвердили подрывом памятника Пушкину, совершённом 31 октября 1904 года. (Таким образом бойцы националистического фронта своеобразно отметили 250-летие воссоединения Малороссии и Великороссии, совершившееся по инициативе Богдана Хмельницкого. Пушкину же досталось за его излишне реалистичный образ гетмана Мазепы в его одноимённой поэме.)¹²⁴

Революционные потрясения 1905 – 1907 годов усилили оппозиционные силы Украины, и в первых двух составах «заработавшей» Государственной думы численностью и активностью выделялось «Украинское парламентское коло». После августа 1907 года (то есть – в годы реакции) в составах третьей и четвёртой дум национально мыслящих украинцев уже почти не было. В эту же пору в Украине были закрыты национальные общественные организации («Просвита» и другие), запрещена продажа книг, организация концертов, вечеров, лекций на украинском языке. В связи с этим украинское национальное движение, оставаясь злостным, в политическом плане к началу мировой войны было слабым.

В западно-украинской части украинских земель, входивших в состав Австро-Венгрии, украинское население, именовавшееся здесь «русинами» и составлявшее (как, кстати, и поляки) десятую часть местного народонаселения, компактно проживало в восточной части Галиции, в северной части Буковины, а также в Закарпатской Руси и в восточных областях Словакии (были они униатами, за исключением православных буковинцев)¹²⁵.

Большая часть непоколебимо католического польского населения проживала в западной части Галиции (исконно польских землях), меньшая – в её восточной части. Взаимоотношения поляков с украинцами, прежде - взаимно враждебные, в условиях либерального режима Австрийской империи были достаточно мирными: представители

тех и других на равных правах избирались как в галицийский сейм, так и в австрийский парламент. В обеих частях Галиции польский язык родным считала большая часть населения (примерно три из пяти), украинским – меньшая. Евреи, составлявшие почти половину городского и местечкового населения Восточной Галиции называли здесь родным языком – польский, в Западной Галиции – и польский, и немецкий.

Буковина (её центр - Черновцы), в которой преобладало украинское (по языку) население, с 1861 года была отделена от Галиции как отдельная коронная земля Австрии, как провинция с самостоятельным управлением и своим сеймом. Закарпатской Русью, где также преобладали украинцы, управляли мадьяры (венгры), никаких органов местного самоуправления с участием украинцев (русинов) здесь не было создано. Более того - часть образованных украинцев подверглась мадьяризации (их называли «мадьяроны»).

Первым результатом стартового всплеска украинского национального движения в Галиции, начавшегося во второй половине девятнадцатого века, стало появление просветительского общества «Просвита», научного общества имени Шевченко; появились газеты и журналы на украинском языке. В Львовском университете, где прежде тон задавала польская профессура, при содействии австрийских властей была открыта кафедра украинской литературы, а новую должность профессора украинской истории занял приглашённый из Киева Михаил Сергеевич Грушевский¹²⁶.

Начало формирования партийно-политической среды в Западной Украине положила созданная в 1890 году местными националистами Русько-украинская партия, несколько лет спустя появились национал-демократическая и социал-демократическая партии, все три видевшие будущую Украину независимым государством. Начиная с шестидесятых годов девятнадцатого века в рамках Российской национальной партии было неслабым здешнее русофильство, к концу века практически иссякшее.

В начавшейся войне, на созданном Россией против Австро-Венгрии Юго-Западном фронте в противоборствующих армиях украинцы сражались с украинцами. В августе-сентябре 1914 года русская армия юго-западного фронта в стратегически важной Галицийской битве одержали верх и вытеснили австро-венгерские войска из Галиции и частично из Буковины, после чего ввело на занятых территориях российское военное правление.

Генерал Георгий Александрович Бобринский, соавтор «Временного положения про управление областями Австро-Венгрии, занятых по праву войны», назначенный губернатором этих областей, приступил к активной русификации их населения, прежде всего, в активном переводе униатов в православие. Были закрыты все польские и украинские школы.

Поэтому неудивительно, что вступление в Галицию русской армии в 1914 году отнюдь не вызвало массового энтузиазма со стороны галичан - весьма далёким от истины был тезис тогдашней российской пропаганды об «освобождении галицийских братьев».

Всё обстояло с точностью до наоборот. В начале августа 1914 года лидеры трех украинских партий Галиции — национально-демократической, радикальной и социал-демократической — создали Головную (Главную) Украинскую Раду, которая, после

страстного, через манифест, призыва к галичанам бороться на стороне Австро-Венгрии за освобождение Украины, занялась формированием легиона Украинских Сичевых Стрельцов (УСС). Легионеры были экипированы и вооружены австро-венгерскими властями и оказанное высокое доверие оправдали в боях против российской армии.

Как полагают авторитетные исследователи, *«...дополнительным, и весьма существенным фактором развития украинского вопроса следует считать деятельность германо-австрийской разведки. В самом начале войны создается "Союз освобождения Украины" во главе со Скоропись-Йолтуховским и Меленевским, целью которого было провозглашено "достижение национальной независимости путем первоначальной оккупации центральными государствами". О политической ориентации "Союза" достаточно говорит тот факт, что после вступления русских войск в Галицию его руководители выехали вначале в Вену, а затем в Берлин»*¹²⁷.

Кроме Главной Украинской Рады под знамёна Австро-Венгрии стала группа политических эмигрантов из Восточной Украины. Осевшие во Львове перед войной, они, с её началом, создали Союз освобождения Украины (СОУ) и повели пропаганду идеи независимости Украины, в том числе среди украинцев-военнопленных из российской армии. В мае 1915 года Союз освобождения Украины, объединившись с Главной Украинской Радой, породил двуедино новую организацию — Загальная (Общая) Украинская Рада, которая стала официально представлять интересы украинцев при австрийском правительстве, провозгласив своей целью независимость Российской Украины, которую, как они полагали, завоюют австрийцы, а также широкую автономию для Восточной Галиции и Буковины.

После того как Австро-Венгрия в ноябре 1916 года императорским актом создала из территорий отобранных у России польских земель так называемое Польское королевство, в составе которого Галиция (без разделения её на Восточную и Западную) получила столицей Краков. Публичное возмущение совершившимся присоединением к Польше выразила Украинская национально-демократическая партия: *«...украинский народ никогда не признает выделения Галиции под польским господством и никогда не откажется от права на национальную автономию своей территории и создания отдельного украинского коронного края в составе Австрии»*¹²⁷.

В кампании 1916 года, длившейся с марта по август, российская армия под командованием генерала Алексея Алексеевича Брусилова произвела успешную боевую операцию (так называемый «Брусиловский прорыв»), в результате которой заняла всю Буковину и Южную часть Галиции. Новый галицийско-буковинский губернатор генерал Дмитрий Фёдорович Трепов уже не препятствовал открытию на этой территории украинских гимназий и возобновлению деятельности украинских общественных организаций.

В целом, всей кампанией 1916 года русская армия, во-первых, поставила Австро-Венгрию на грань поражения, во-вторых, спасла только вступившую в союз с Антантой армию Румынии от полного разгрома, в-третьих, избавило-а от такой же участи Францию, из которой немецкое командование переправило на Восточный фронт значительные боевые силы.

Содержание кампании 1917 года для русской армии предварительно наметила конференция уполномоченных стран Антанты, состоявшаяся в феврале этого же года в Петрограде. Реализовывать её, видоизменённую, пришлось верному союзническим обязательствам Временному правительству усилиями разлагающейся, теряющей

боеготовность армии. И делать это приходилось под контролем советов рабочих и солдатских депутатов, которые начали организовываться уже в первые послереволюционные дни. (В советах, возникших в крупных городах Украины, на первых порах преобладали эсеры, меньшевики, представители еврейской партии БУНД; отсутствовали большевики,)

В таких «стеснённых» условиях Временное правительство 20 марта 1917 года приняло Постановление об отмене вероисповедных и национальных ограничений, в котором признавалось равенство всех граждан перед законом, свобода совести, право на получение начального образования на родном языке; местные языки допускались, хотя и в ограниченной мере, в суд и делопроизводство. Особое значение для Украины имел содержащийся в нем пункт об отмене черты оседлости.

Ещё ранее Временное правительство амнистировало осужденных галичан, освободило униатского митрополита Шептицкого, дало согласие на возобновление деятельности украинского культурно-просветительного общества "Просвита", на открытие в Киеве украинской гимназии. И сделало это не без участия возникшего в Петрограде Украинского комитета, лозунгом которого было "культурное самоопределение"¹²⁷.

После того как в первых числах марта 1917 года на территории Украины были ликвидированы органы царской администрации, исполнительная власть перешла к назначенным Временным правительством губернским и уездным комиссарам. Как и на остальной территории бывшей Российской империи, здесь начали формироваться Советы рабочих и солдатских депутатов в качестве представительных органов революционно-демократических сил, но в отличие от Петрограда, где с первых дней революции оформилось и утвердилось двоевластие Временного правительства и Петросовета, в Киеве серьёзно и значимо («весомо, грубо, зримо») заявила о себе третья политическая сила — Центральная рада.

Инициаторами её создания были умеренные либералы из Товарищества украинских прогрессистов, социал-демократы во главе с Владимиром Кирилловичем Винниченко и примкнувшие к ним украинские эсеры. На первых порах в сформировавшихся в её составе политических группировках не было единства в вопросе будущего Украины. «Самостийники», возглавляемые Михновским, настаивали на немедленном провозглашении независимости, а поначалу преобладавшие «Автономисты», возглавляемые Винниченко, ставили целью федерацию в составе России, что подтвердили верноподданнической телеграммой Временному правительству от 4 марта 1917 года и в последовавшем спустя несколько дней «Обращении к украинскому народу». Преимущество «временно умеренных» было недолгим, скоро верх взяли «радикалы» - после приезда в Киев, в середине марта, Грушевского, возглавившего Центральную раду¹²⁸.

Временное правительство было представлено в Киеве губернским комиссариатом, а Центральная рада определила себя территориальным органом, проводящим на Украине революционную политику центра. Помимо этих двух политических сил, фактической властью в своих регионах и на местах располагали советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, а также «Исполнительные общественные комитеты», образованные по всей стране в первые дни революции из наиболее представительных региональных

общественных организаций. В Киеве таким органом стал Киевский исполнительный комитет совета объединённых общественных организация. В течение работы первого кабинета Временного правительства князя Львова центральное правительство именно их рассматривало как представительные органы местного самоуправления, игнорируя при этом Центральную раду. В частности, побывавший в Киеве в мае 1917 года военный министр Александр Иванович Гучков общался с представителями Совета объединённых общественных организаций, не проявив никакого интереса к Центральной раде. Приоритеты изменились с приходом во главу правительства Александра Фёдоровича Керенского.

Если Центральная рада в своих отношениях с новой российской властью демонстрировала приверженность национально-территориальной автономии Украины (которую рассматривала лишь как тактический ход, как первый этап в достижении главной цели — полного суверенитета, то Временное правительство, придерживавшееся принципа неделимости российского государства, стремившееся сохранить его целостность до созыва Учредительного собрания, так и не смогло выработать чёткого отношения к требованиям Центральной рады и рассматривало её только как общественную организацию, но не как полномочный орган управления краем. При этом временные «управители» России бездействием своим или малозначащими распоряжениями подтверждало и притязания Рады на такое управление, добавляя последней признаки легитимности. Временное правительство в отношении вопроса украинской автономии заняло позицию выжидания, что не способствовало разрешению противоречий, требующих незамедлительных действий.

Состоявшийся в начале апреля в Киеве Всеукраинский национальный съезд, обсудив вопросы национально-территориальной автономии Украины, принял решение о создании органа государственной власти и выработке проекта автономного статута Украины. В резолюции съезда было заявлено: *«В соответствии с историческими традициями и современными реальными потребностями украинского народа, съезд признаёт, что только национально-территориальная автономия Украины в состоянии удовлетворить чаяния нашего народа и всех других народов, живущих на украинской земле»*¹²⁸.

В начале мая созданный по инициативе неугомого Михновского Украинский военный клуб имени гетмана Павла Полуботка провёл Первый всеукраинский военный съезд, потребовавший *«особым актом «провозгласить принцип национально-территориальной автономии»*¹²⁵, под которой отважные делегаты подразумевали в том числе формирование украинской национальной армии с *«украинизацией»* - ни много, ни мало - Черноморского флота и части кораблей Балтийского флота.

Заручившись поддержкой радикальных решений как военного съезда, так и состоявшихся после него крестьянского, рабочего, кооперативного съездов, Центральная Рада, не откладывая дело в долгий ящик, отправила в Петроград своих полномочных представителей с *«Докладной запиской делегации Украинской Центральной Рады Коалиционному Министерству и Исполнительному Комитету Совета рабочих и крестьянских депутатов»*. (Возглавляли делегацию уже упоминавшийся выше Винниченко и Сергей Александрович Ефремов (из рода Охрименко), критик и литературовед, основатель Общества украинских прогрессистов.)

Докладная записка, начинавшаяся с претензий Центральной рады к Киевскому Совету рабочих и крестьянских депутатов, препятствовавших *«делу украинского народа»*, далее включала в себя девять пунктов требований: подтвердить благожелательное отношение к

лозунгу автономии Украины, в пределы которой были включены территории Малороссии и Новороссии: Харьковская, Полтавская, Черниговская, Киевская, Подольская, Волынская, Херсонская, Екатеринославская и Таврическая губернии; обеспечить участие представителей украинского народа в международном обсуждении «украинского вопроса»; вместо учреждения должности министра по делам Украины предлагалось назначить двух «особых комиссаров» как со стороны правительства, так и со стороны Рады; выделить украинцев в отдельные войсковые части в тылу и на фронте; не препятствовать украинизации школ, гражданской, военной и церковной администрации» субсидировать украинизацию властных структур из центра; амнистировать или реабилитировать украинских националистов; разрешить въезд в Россию галичан, подданных Австро-Венгрии.

После трёхдневной попытки делегации Рады добиться от Петросовета рассмотрения Записки, последний ответил отказом, прежде всего, как вспоминал Илларион Церетели по причине конфликтного тона представленного документа.

Юридическое совещание Временного правительства, рассмотрев Докладную записку, внятных, чётких решений в ответ на выставленные требования не дало, следуя политике пассивного ожидания будущих решений всенародно избранного Учредительного собрания и рассматривая (политически близоруко) Центральную раду только как общественную организацию, не имеющую права представлять всё население Украины.

У Центральной Рады на этот счёт была иная точка зрения, и в начале июня 1917 года на состоявшемся в Киеве Втором военном съезде (созванном, кстати, вопреки запрету военного министра Керенского) был обнародован и принят так называемый Первый Универсал, провозглашавший в одностороннем порядке национально-территориальную автономию Украины в составе России.

Законодательным органом назначалось избираемое всеобщим, равным и тайным голосованием Всеукраинское народное собрание (Сейм), решения которого будут иметь приоритет над решениями Всероссийского учредительного собрания. Центральная рада брала на себя ответственность за текущее состояние дел на Украине и ввела для обеспечения своего функционирования дополнительные сборы с населения.

Второй военный съезд дал также расширенное толкование концепции украинизации армии – не просто выделение украинцев в отдельные части, а создание национально-территориальной армии: *«Для укрепления войсковых частей в единое целое необходима немедленная национализация украинской армии; все офицеры и солдаты должны быть выделены в отдельные части. На фронте выделение должно происходить постепенно, а что касается флота на Балтийском море, то необходимо укомплектовывать некоторые корабли украинскими командами. В Черноморском флоте, который состоит преимущественно из украинцев, дальнейшее пополнение следует производить исключительно украинцами»*¹²⁸. (А propos. В располагавшемся на территории Украины Юго-Западном фронте из двух с половиной миллионов численности личного состава, по округлённым данным исторической статистики, половину составляли украинцы.)

В середине июня Центральная Рада создала свой исполнительный орган – Генеральный секретариат, из ряда ему подчинённых секретариатов состоящий. Одному из которых, - по военным делам, - была поставлена задача *«...украинизации армии, как в тылу, так, по возможности, и на фронте, приспособления военных округов на территории Украины и их структуры к потребностям украинизации армии...»* И тому давалось благостное объяснение: *«Правительство считает возможным продолжить*

способствовать более тесному национальному объединению украинцев в рядах самой армии или комплектованию отдельных частей исключительно украинцами, насколько такая мера не будет вредить боеспособности армии»¹²⁸.

На мощные политические шаги Центральной Рады Временное правительство ответило умиротворяющим (с прежней отсылкой к будущим решениям Учредительного собрания) воззванием «Гражданам Украины», а в конце июня снарядило, совместно с Петросоветом, делегацию в Киев: от себя – Керенского и Терещенко, от Петросовета – Церетели. Участием Михаила Ивановича Терещенко власть предрешающие надеялись переубедить его земляков не форсировать события, как следует не подумав при этом, что участие в задуманных переговорах руководителя внешнеполитического ведомства вольно или невольно придаёт украинской стороне статус субъекта международного права. Об этом важном нюансе пишет в своиз воспоминаниях Михайловский: «...я должен предварительно коснуться отношения вообще Терещенко и нашего ведомства к национальному вопросу в России. Здесь надо прежде всего отличать позицию дипломатического ведомства, с одной стороны, и личную роль М.И. Терещенко как члена Временного правительства в решении национальных вопросов вообще — с другой.

Что касается последнего — личной роли Терещенко, то я не буду её касаться, потому что эта личная роль не связывалась им самим с его министерством. Если бы Терещенко оставался министром финансов, как это было в начале деятельности Временного правительства, то, весьма вероятно, он принял бы и в этой роли участие, скажем, в решении Временным правительством украинского вопроса. Можно сожалеть, что в глазах иностранцев известная поездка Терещенко с Керенским в Киев была сочтена за какое-то договорное соглашение не существовавшей тогда Украины и России именно потому, что здесь участвовал русский министр иностранных дел. Такого рода комментарии появились прежде всего в австро-венгерской и германской прессе, а уже затем проникли в союзную печать и вызвали запросы к нашим послам и посланникам, как понимать это соглашение и вводится ли этим самым украинский вопрос в орбиту международной политики или же он по-прежнему считается «внутренним русским.»

Эти запросы, вызванные соответственными комментариями иностранной прессы и тем интересом, который украинский вопрос, естественно, вызывал у союзников и у наших врагов, и должны были явиться поводом для неизбежно тонкого различия в отдельных выступлениях Терещенко. Очевидно, всякий министр иностранных дел является одновременно и членом своего правительства и, следовательно, может принимать участие в решении всех общегосударственных проблем страны. Но, с другой стороны, положение министра иностранных дел в составе кабинета всегда особое, так как для иностранцев он остаётся руководителем внешней политики государства, и слишком яркое участие его в каком-либо до сих пор считавшемся внутренним вопросе может не без основания рассматриваться как перенос его в разряд международных. Дело личного такта и умения — размежевать эту двойственность политической физиономии министра иностранных дел в каждом правительстве.

В частности, что касается Украины, то с самого начала войны Австро-Венгрия и Германия по вполне понятным причинам старались ввести украинский вопрос в число больших вопросов мировой политики. Россия же до Февральской революции самым решительным образом не допускала никаких дипломатических переговоров по этому предмету, отвергая всякую аналогию с вопросом польским, например. После Февральской революции Временное правительство не издало ни одного акта, который можно было бы

счесть за перенос украинского вопроса в число международных, оно по-прежнему продолжало считать его чисто внутренним делом России.

Тереценко вынужден был разослать всем нашим дипломатическим представителям подробный циркуляр, которым Временное правительство заявляло перед всем миром, что украинского вопроса в международно-политическом смысле не существует, что же касается министра иностранных дел, то он участвовал в поездке исключительно как член правительства, а не как глава внешней политики.

Конечно, не только в парламентской жизни западноевропейских государств можно было бы найти прецеденты подобного участия руководителей внешней политики во внутренних делах (например, в случае довольно частого совмещения обязанностей председателя Совета министров с обязанностями министра иностранных дел), можно было бы сослаться и на прецеденты русские во время войны, например описанное мною в предшествующих моих записках участие Сазонова в решении еврейского вопроса в 1915 г. Но по поводу последнего надо добавить, что, во-первых, это участие не имело гласного характера, наоборот, Сазонов и все остальные члены правительства считали само поднятие вопроса «государственной тайной», а с другой стороны, это выступление Сазонова по внутриполитической проблеме вызвало острое недовольство Николая II и послужило одним из мотивов сазоновского увольнения в отставку.

Таким образом, всё в таком всегда привлекающем внимание иностранцев шаге, как участие министра иностранных дел во внутриполитическом деле, особенно когда данный министр, как это было с М.И. Тереценко, не нес никаких других правительственных обязанностей, кроме дипломатических, зависит от конкретной политической обстановки. Очевидно, участие в нормальное время французского, скажем, руководителя внешней политики в эпоху III Республики в алжирском вопросе ещё не давало права считать этот вопрос международным, но участие Тереценко в украинских делах в период войны и революции, в эпоху острой постановки национального вопроса в России, давало пищу для самых сенсационных подозрений не только у наших врагов, которые всегда только к этому и стремились, но и наших друзей и союзников.

Разосланный циркуляр не достиг своей цели в силу объективного положения Временного правительства и всей России, несмотря на прямое запрещение нашим представителям за границей входить в разговоры с союзниками об украинской проблеме и предписание внушать им, что это чисто внутреннее русское дело. На деле же до самого конца Временного правительства им приходилось не раз объясняться по этому поводу с союзниками, дабы опровергать вражеские наветы, разьяснять истинную линию поведения Временного правительства. При этом в силу создавшегося положения вещей приходилось не только держаться на формально оборонительной позиции, но и переходить в решительное контрнаступление по всему дипломатическому фронту против всяческих украинских зарубежных организаций не только австрийского, но и русского толка, которые проявляли лихорадочную деятельность за границей, особенно под конец Временного правительства.

Эта всё более и более оживлённая внутренняя переписка наших заграничных представителей с нашим ведомством заставила, наконец, подумать о поручении одному лицу заниматься украинским вопросом с международной точки зрения. Этим лицом стал Обнорский, начальник Славянского стола в составе канцелярии министра иностранных дел, которым до Февральской революции заведовал Приклонский (о нём я писал в моих предшествующих записках). Обнорский — человек неглупый и остроумный, однако он

слишком долго проходил дипломатическую карьеру в подчинённых должностях и, несмотря на свой уже значительный возраст, не пользовался никаким весом в министерстве, да и, кроме самого поверхностного знакомства со славянским вопросом, не имел никаких солидных знаний ни в одной области международной политики... Когда ему решили поручить украинский вопрос, он просто испугался его и захотел всеми правдами и неправдами от него избавиться. Он, кроме того, ничего по украинскому вопросу не знал и не был в курсе мероприятий правительства, а так как все дела Временного правительства хранились по-прежнему у нас в Юрисконсультской части и я был докладчиком по этим делам, то Обнорский зачастил ко мне.

Первая же докладная записка на имя Терещенко показалась тому слишком туманной, так как Обнорский, как человек старой школы, не столько предлагал то или иное решение, сколько старался угадать, что думает по этому поводу начальство, а с таким министром, как Терещенко, это было довольно трудно, ибо в большинстве случаев он не имел своего мнения и предпочитал пользоваться чужим. По украинскому вопросу у него, конечно, были взгляды, но речь шла не об этом, а о том, в какой форме можно было украинский вопрос преподнести союзникам, не делая его международным. Устные объяснения Терещенко с Обнорским привели к мысли о передаче украинского вопроса в другой отдел.

В конце концов, после некоторых колебаний Терещенко (этот вопрос домогался получить в своё ведение Муравьёв, возглавлявший кабинет министра иностранных дел), он попал ко мне, так как в моём ведении были дела Временного правительства и я по своему положению не мог не быть в курсе всех правительственных мероприятий по этому предмету.

Мне из моих докладов Терещенко как по украинскому, так и по другим национальным вопросам (литовский, финляндский) пришлось убедиться, что Временное правительство становилось с каждым днём всё сговорчивее и сговорчивее, по мере того как требования национальностей всё повышались. При таких условиях заниматься этими вопросами в МИД, где перед иностранцами приходилось делать вид, что всё идёт согласно желаниям правительства и согласно намеченной им программе, было очень трудно и не давало ни малейшего удовлетворения. Сравнивая мои первые записки, одобренные Терещенко, и последние, также им одобренные, я мог осязательно чувствовать, что Временное правительство всё больше и больше теряло бразды правления»¹²⁹.

В состоявшихся переговорах делегация из центра – в качестве важнейшей уступки оппонентам – признала право на самоопределение за каждым народом. За этим, в присланной из Петрограда 2 (15) июля телеграмме Временное правительство признавало Генеральный секретариат высшим распорядительным органом Украины и соглашалось с разработкой Центральной радой проекта национально-территориального статуса Украины.

На столь увесистую политическую уступку Центральная рада ответила согласованным с Временным правительством Вторым универсалом, в котором заявляла, что «мы, Центральная рада... всегда стояли за то, чтобы не отделять Украину от России», а Генеральный секретариат объявляла «органом Временного правительства». Универсал признавал необходимость пополнения Рады представителями других, проживающих на территории Украины национальностей, и, самое главное, декларировал, что Рада выступает против самовольного объявления автономии Украины до Всероссийского учредительного собрания. В военном вопросе прежняя высокая тональность его звучание

была понижена до обоюдного согласия сторон только до возможности прикомандирования представителей Украины к кабинету военного министра и Генштаба без какой-либо «украинизации» армии.

На этом завершился этап тесного сотрудничества Центральной рады с Временным правительством. Дальнейшую её деятельность историки разделяют на ещё три периода: углубление самостоятельного государственного строительства (конец июня – конец сентября 1917 года), борьба за федерацию национально-государственных субъектов (октябрь 1917 года – середина января 1918 года), борьба за самостоятельность Украинской народной республики (конец января – конец апреля 1918 года).

С учётом того что рассматриваемые события описываются только при прямом или косвенном участии в них Михаила Ивановича Терещенко (или при их невольной взаимосвязи), приведённой исторической справкой завершаю сказ о дооктябрьских 1917 года пертурбациях на украинской земле.

Возвращение политэмигрантов

В первые послереволюционные мартовские дни Временное правительство, повинувшись логике революционных событий и заявленной собственной «демократичности», издало указ об амнистии, оперативно реализованный для политических заключённых и ссыльных внутри страны, но застопорившийся в исполнении для политических эмигрантов, число которых за границей достигало нескольких тысяч. В полном согласии с духом и буквой этого указа, сразу после его издания министр иностранных дел Миллюков телеграфировал в русские посольства и миссии за границей: *«Благоволите оказать самое благожелательное содействие всем русским политическим эмигрантам к возвращению на родину»*. Далее министр предлагал в случае необходимости снабжать эмигрантов средствами на проезд и проявлять к ним *«самое предупредительное отношение»*⁷⁸.

Вслед за этим обнаруженным, политически благостным посланием на следующий, после его отправки день, в адрес посольств и миссий от министра ушла другая, уже секретная телеграмма следующего содержания: *«При желании наших политических эмигрантов возвратиться в Россию благоволите незамедлительно снабжать их установленными консульскими паспортами для въезда в Россию., если только лица эти не значатся в международных или наших военных контрольных списках»*.⁷⁸

Таким образом, Миллюков крепко-накрепко захлопывал дверь в революционную Россию всем эмигрантам-интернационалистам (противникам войны), широко распахивая её для эмигрантов-оборонцев, поддерживавших правительственный лозунг «войны до победного конца».

И если свою двурушническую политику в отношении политических эмигрантов Временное правительство проводило замаскировано, то руководство стран Антанты делали это в открытую – правительства Англии и Франции заявили своим российским союзникам, что они вводят запрет на проезд через территорию своих стран революционеров-интернационалистов («пацифистов»). У интернационалистов, проживавших в Швейцарии, при таком решении вопроса правительствами союзных России государств оставалась лишь одна дорога домой — через Германию.

Мысль получить разрешение на проезд через Германию в обмен на интернированных в России немцев и австрийцев возникла в эмигрантских кругах вскоре после получения известий об амнистии в России. Знали эмигранты, что во время войны между Россией и

Германией через нейтральные страны неоднократно производился обмен военнопленными и военнопленными, и полагали, что объявленная Временным правительством амнистия откроет перед ними этот удобный путь возвращения на родину. Через местного однопартийца они обратились к представителю швейцарского правительства с просьбой о посредничестве в переговорах с немецкими властями, но тот отказался, заявив, что правительства стран Антанты могут усмотреть в этом нарушение нейтралитета Швейцарией (но согласился – как частное лицо - переговорить с послом Германии в Берне и вскоре получил через него принципиальное согласие германского правительства на пропуск русских эмигрантов).

Февральская революция побудила немцев, оказавшихся в безвыходном положении в условиях затяжной войны, на поиск реальных возможностей выхода из войны России и после этого — решительной победы Германии на Западе. Начальник штаба Восточного фронта генерал Макс Гофман впоследствии вспоминал: *«Разложение, внесённое в русскую армию революцией, мы естественно стремились усилить средствами пропаганды. В тылу кому-то, поддерживавшему отношения с жившими в Швейцарии в ссылке*

русскими, пришла в голову мысль использовать некоторых из этих русских, чтобы ещё скорее уничтожить дух русской армии и отравить её ядом»¹³⁰. По словам Гофмана, через депутата Маттиаса Эрцбергера тот «кто-то» сделал соответствующее предложение министерству иностранных дел – сыграв на категорическом отказе Англии и Франции содействовать возвращению противников войны в Россию, на желании Германии невоенным путём вывести её из войны.

Как выяснилось в 1921 году этим таинственным «кто-то» оказался деятель российского и германского социал-демократического движения, теоретик марксизма, Израиль Лазаревич Гельфанд, с 1894 года перелицевавшийся в Александра Львовича Парвуса. Выходец из социальных низов (отец – одесский грузчик) он, по окончании в приморском городе гимназии, сумел – силой ума и целеустремлённости, да на деньги Палестинского общества – отучиться в университете швейцарского Базеля и получить, по завершении курса наук, степень доктора философии. Поставив себе целью жизни разбогатеть на ниве общественно-политической жизни, он в затеянном бизнесе играл «по-крупному» и изрядно преуспел в нём.¹³¹

После нескольких лет работы в различных швейцарских и немецких банках, Парвус вступил в социал-демократическую партию Германии и, заняв в ней крайне левый фланг, активно и талантливо отстаивал свои взгляды в многочисленных статьях, в общении с оппонентами. Ленин, часто пользовавшийся книгами из библиотеки Парвуса, привлёк его к сотрудничеству в газете «Искра». *«Его статьи обычно выходили на первой странице „Искры“ — редакторы с радостью отодвигали свои передовицы на задний план, оставляя место для него»⁷². Познакомившийся с ним в это время в редакции Лев Давыдович Троцкий считал Парвуса «несомненно выдающейся марксистской фигурой конца прошлого и начала нынешнего столетия»⁷²,*

В последний период Русско-Японской войны Парвус заручился поддержкой японского правительства для организации революции в России. Часть денег он присвоил, а часть потратил на организацию III съезда РСДРП, газету «Вперед» и провокации, первой из которых стали события на Дворцовой площади 9 января 1905 года, когда нанятые

Парвусом агенты открыли стрельбу по солдатам, стоявшим у Зимнего дворца. Те открыли ответный огонь, что привело к многочисленным жертвам.

За этим последовали налёты на банки, волнения в Кронштадте, Севастополе, Свеаборге, восстания на броненосцах «Потёмкин и «Очаков». На протяжении всей весны и лета 1905 года Парвус призывал российских рабочих захватывать власть и формировать социал-демократическое правительство «рабочей демократии» и в октябре принял решение приехать в Россию лично для принятия участия в революционной борьбе на месте

В октябре 1905 года, с началом Всероссийской стачки, Парвус по подложному паспорту прибыл в Петербург, где, вместе с прибывшим в столицу Троцким, поучаствовал в создании Петербургского совета рабочих депутатов и вошёл вместе в ним в его Исполнительный комитет. Далее оба арендовали «Русскую газету», сделав её чрезвычайно популярной, - с ежемесячным тиражом в полмиллиона экземпляров.

В это же время Парвус сочинил финансовый манифест – обращение Петросовета, политических партий и организаций к населению Российской империи с призывом отказаться от уплаты податей и налогов, забрать вклады из банков и требовать проводить денежные операции золотом. Манифест стал поводом к аресту и сибирской ссылке Троцкого и ряда депутатов Петросовета, председателем которого на некоторое время стал Парвус. В 1906 году и он, предварительно отправленный в Петропавловскую крепость, был отправлен в ссылку в Туруханский край, но по дороге бежал, сумев перебраться в Германию¹³².

Здесь его стараниями, как литературного агента Горького, по сценам страны с большим зрительским успехом прошла постановка пьесы «На дне». Не ограничив себя положенным ему агентским гонораром, не внося предварительно оговоренную сумму в партийную кассу российских социал-демократов, оскандалившийся Парвус (с выручкой в сто восемьдесят тысяч золотых марок) перебрался в Вену.

Следующим в его политическом бизнесе стало активное теоретическое и практическое участие в движении младотурок, экономическим советником которых он стал. *«Он гордился заключённой сделкой с Россией по доставке зерна, которая, по его утверждению, спасла режим младотурок от катастрофы. Возможно, поэтому он стал не только миллионером, но и советником правительства „младотурок“...»*

С началом Мировой войны Парвус на встрече с немецким послом в Константинополе заверил последнего в своей «совершенно пронемецкой позиции», сообщив попутно о поддержке им украинских националистов. Он попросил денег у имперского правительства на организацию революции в России, убеждая посла, что русские революционеры смогут достичь своих целей только при полном уничтожении царизма и разделе России на малые государства. *«Россия будет опасна для Германии даже после войны, если русская империя не будет разделена на ряд отдельных частей».*

В марте 1915 года Парвус направил немецкому правительству подробный план организации революции в России — документ, известный под названием **«Меморандум д-ра Гельфанда»**. Опираясь на опыт революции 1905—1907 годов, он на двадцати страницах расписал, как организовать кампанию в прессе, как поднять на борьбу с царизмом армию, флот и национальные окраины.

Ключевую роль в своём плане Парвус отводил большевикам, которые будто бы *«уже начали действовать»*, но успех считал невозможным без объединения усилий всех социал-демократов (включая многочисленные национальные организации); пренебрегая

тем, что значительная часть меньшевиков занимала «патриотическую» позицию и считала недопустимыми антиправительственные выступления во время войны, Парвус писал, что «умеренная группа всегда находилась под большим влиянием немецких социал-демократов, и личный авторитет некоторых немецких и австрийских социал-демократических вождей и сейчас может оказать на них сильное воздействие».

В результате с Гельфанда-Парвуса были сняты все ограничения на передвижение по Германии, он был обеспечен паспортами для поездок в нейтральные страны, на ведение революционной пропаганды в России ему были выделены два миллиона марок.

В феврале 1915 года парижская пацифистского толка газета «Наше слово» опубликовала статью одного из её издателей Троцкого под названием «Некролог живому другу»: *«На миг отвернувшись от фигуры, которая появляется на Балканах под столь заслуженным псевдонимом, автор сих строк считает долгом личной чести отдать должное человеку, которому он обязан своими идеями и умственным развитием больше, чем любому другому представителю старшего поколения европейских социал-демократов... Но — «Парвуса больше нет. Теперь политический Фальстаф бродит по Балканам и порочит своего же покойного двойника»*¹³³

В другом номере газета призвала российских социалистов порвать какие бы то ни было политические связи с Парвусом, в частности воздержаться от работы в основанном им в Копенгагене научном институте по изучению причин и последствий мировой войны. Оскорблённый Парвус, прежде давший деньги на издание этой газеты, написал открытое письмо редактору, в котором пытался объяснить свою позицию, но ... письмо осталось безответным.

Как свидетельствует Карл Радек: *«Вернувшись из Константинополя в 1915 году, Парвус пытался завязать сношения с Лениным и Розой Люксембург. Получив от них обоих и от Троцкого ответ, что он предатель и что с ним не может иметь никаких политических дел революционер, Парвус покатился безудержно по наклонной плоскости»*¹³⁴. Сам Парвус по поводу этой встречи впоследствии писал: *«Я изложил ему мои взгляды на последствия войны для социал-демократии и обратил внимание на то, что, пока продолжается война, в Германии не сможет произойти революция, что сейчас революция возможна только в России, где она может разразиться в результате поражения от Германии...»*¹³⁵ Но, как констатирует историк русского зарубежья Георгий Михайлович Катков: *«Сговора не произошло»*¹³⁶.

Поскольку «пораженчество» большевиков не имело ничего общего с желанием победы Германии (лозунг «превращения империалистической войны в войну гражданскую» был адресован социал-демократам всех воюющих стран), Ленин весьма резко отзывался о содержании журнала «Колокол», издаваемой Парвусом в Германии:

*В шести номерах его журнальчика нет ни единой честной мысли, ни одного серьёзного довода, ни одной искренней статьи. Сплошная клоака немецкого шовинизма, прикрытая разухабисто намалёванной вывеской: во имя будто бы интересов русской революции!.. Господин Парвус имеет настолько медный лоб, что публично объявляет о своей «миссии» «служить идейным звеном между вооружённым немецким и революционным русским пролетариатом».*¹³⁷

Договориться с русскими социал-демократами за рубежом Парвусу не удалось и когда назначенная им на январь 1916 года революция не состоялась (произошли лишь массовые стачки рабочих в Петрограде), ему, ссылаясь на своих неких агентов в России ,

рекомендовавших отложить восстание на неопределённое время, пришлось давать путаные объяснения германскому работодателю .

Тем не менее Парвус создал идеологическое и финансовое обеспечение «Союза освобождения Украины», от имени которого направил приветственные телеграммы германскому и австрийскому императорам по случаю взятия Варшавы и Холма¹³².

(Союз был официально создан 4 августа 1914 года — фактически с целью оказания поддержки Центральным державам в войне против России. Представлял собой политическую организацию украинских эмигрантов, сбежавших из России после Первой русской революции 1905—1907 годов. Союз провозгласил своей целью отделение Украины от России и образование самостоятельного монархического государства под протекторатом Австро-Венгрии и Германии. Как стало известно в 1917 году из показаний одного из украинских эмигрантов, вначале предполагалось, что члены СВУ вместе с представителями галицийских организаций направятся на оккупированные австрийскими войсками украинские территории и займутся там работой «по слиянию с русской Украиной». Когда эти надежды не оправдались, члены СВУ на австрийские средства выполняли некоторые агентурные функции, а впоследствии под немецким руководством вели пропаганду и агитацию в лагерях среди военнопленных-украинцев. Центральная резиденция организации располагалась во Львове, но после наступления русских войск в Галиции была переведена в Вену, а затем – в Берлин.)

Парвус, переместившись в Копенгаген, пытался привлечь к работе в созданном им институте эмигрантов из российских социал-демократов, но не преуспел. Успешно пошли у него дела в созданной им на датской земле экспортно-импортной компании, поставлявшую в Россию легальным и контрабандным путём различные товары.

Здесь же, в Копенгагене, задумал и запустил в дело «гениальный манёвр для германской дипломатии» - в «пломбированном вагоне» доставить Ленина и других эмигрантов в Россию (страны Антанты им визах для проезда отказали) и последовавшим в стране революционным взрывом вывести её из войны. После встречи с Парвусом посол Германии в Дании сообщил в свой МИД по указанному поводу: *«Я считаю, что, с нашей точки зрения, предпочтительнее поддержать экстремистов, так как именно это быстрее всего приведёт к определённым результатам. Со всей вероятностью, месяца через три можно рассчитывать на то, что дезинтеграция достигнет стадии, когда мы сможем сломить Россию военной силой»*¹³².

В результате канцлер уполномочил германского посла в Берне войти в контакт с русскими эмигрантами и предложить им проезд через Германию в Россию. Одновременно Парвус, решив действовать независимо от МИД Германии, но получив согласие Генерального штаба, попросил Ганецкого (польского и русского революционера) передать Ленину, что поездка его и Григория Зиновьева через Германию организована, но не сказал ясно, из какого источника оказана помощь. Ленин же, опасаясь быть скомпрометированным, попросил Зиновьева телеграфировать Ганецкому об отказе, что и было исполнено 24 марта. А 30 марта сам Ленин написал Ганецкому: *«Пользоваться услугами людей, имеющих касательство к издателю „Колокола“ {то есть Парвусу} я, конечно, не могу»* — и вновь повторил ранее им предложенный план обмена эмигрантов на интернированных немцев.¹³² (Как полагают историки, письмо было рассчитано на распространение в партийных кругах и обработку партийного общественного мнения, тогда как решение о возвращении через Германию было Лениным уже принято.)

Взявший на себя неофициальное посредничество представитель швейцарской власти порекомендовал эмигрантам просить Временное правительство - через правительство какой-нибудь нейтральной страны - связаться по вопросу проезда через территорию Германии с её правительством (как всегда это делалось при обмене военнопленными между этими двумя воюющими странами).

В Петроград была послана соответствующая телеграмма, но Ленин и его сторонники никаких иллюзий относительно ответа не питали, тогда как другие революционно настроенные эмигранты требовали дождаться разрешения новой российской власти. Как свидетельствует очевидец событий: *«По поводу отъезда меньшевики и социал-революционеры подняли отчаянную склоку... считают отъезд через Германию ошибочным, надо-де сначала добиться согласия — одни говорят Милюкова, другие — Совета рабочих депутатов. Одним словом, по-ихнему выходит: сиди и жди»*¹³¹. Несанкционированный отъезд в Россию ленинцев «отказники» рассматривали как предательство. Более того - в одной из ведущих французских газет появилось сообщение, что русские политические эмигранты, решившие возвращаться через Германию, будут объявлены государственными изменниками и преданы в России суду.

Связанные с поездкой дела доводил до конца секретарь Швейцарской социал-демократической партии Фриц Платен, который посетил в Берне немецкого посла и сообщил ему условия, на которых русские эмигранты согласны воспользоваться разрешением германского правительства о пропуске их через Германию. Их главные пункты предусматривали, что едут все эмигранты, независимо от взглядов на войну; вагон, в котором они поедут, должен пользоваться на территории Германии правом экстерриториальности и никто без разрешения Платтена не может в него входить; контроль багажа и паспортов не производится. Со своей стороны едущие приняли на себя единственное обязательство - по возвращении в Россию агитировать за обмен пропущенных эмигрантов на соответствующее число интернированных в России немцев и австрийцев. Эти условия 23 марта (5 апреля) были приняты немецкими властями, и подготовка к отъезду приняла уже практический характер — определён состав отъезжающих, раздобыты минимально необходимые для переезда денежные суммы.

До самого момента отъезда большевики приглашали эмигрантов других направлений присоединиться к их поездке, но меньшевики и эсеры, опасавшиеся обещанных французской газетой репрессий со стороны Милюкова, и слышать об этом не хотели. 23 марта (5 апреля) члены Исполкома Цюрихского эмигрантского комитета направили в Петроград Чхеидзе (Петросовет), Керенскому (Временное правительство), Вере Николаевне Фигнер (Комитет помощи ссыльным и эмигрантам) телеграмму, в которой просили принять меры к возвращению эмигрантов в Россию. То же сделали лидеры меньшевиков, эсеров, представители некоторых других направлений эмиграции — сделали и отказывались возвращаться в Россию до получения оттуда разрешающей «отмашки»

Наконец, 27 марта (9 апреля) группа русских политических эмигрантов выехала из Швейцарии в Россию через Германию и отъезд их с вокзала в Цюрихе сопровождался враждебной демонстрацией группы эмигрантов, обвинявших отъезжавших в национальном предательстве (отъезжавшие ответили общим пением «Интернационала»).

Доехав до пограничной станции Готтмадинген, пересели в опломбированный вагон и поехали дальше — по территории Германии. На самом деле в вагоне были опломбированы лишь три из имевшихся в нём четырёх дверей. Последняя использовалась для общения с внешним миром, проводимого под контролем Платтена и двоих сопровождавших

немецких офицеров, в том числе для получения газет и покупки молока для детей. В коридоре была проведена по полу мелом черта, означавшая границу экстерриториальности, отделявшая немцев от большевиков. Им же была установлена выдача входных билетов на посещение туалета, что предотвратило его блокирование на длительное время любителями покурить. Между тем, многие исследователи и участники поездки (например, [Карл Радек](#)) отрицали факт пломбирования вагонов и утверждали, что имело место лишь обещание не покидать вагонов.

Зная об угрозе Милюкова отдать их под суд, путешественники решили - ежели им в России будут предъявлены какие-либо обвинения за проезд через Германию, они потребуют открытого суда, чтобы превратить его в суд над Временным правительством, продолжающим войну и в борьбе со своими противниками действующим методами царского режима. Но до суда дело не дошло — Временное правительство было бессильно выполнить свою угрозу.

Вагон почти безостановочно проследовал через Германию до станции «[Засниц](#)», где эмигранты пересели на пароход «Королева Виктория» и переправились в Швецию. В [Треллеборге](#) их встретил Ганецкий, в сопровождении которого Ленин 13 апреля прибыл в Стокгольм. Здесь он отказался от встречи с Парвусом, потребовав засвидетельствовать это трёх лиц, включая Радека, однако тот провёл с Парвусом почти весь день, ведя с ним переговоры с санкции Ленина.

Проехав поездом тысячу километров по Финляндии, «перевалив» через станцию Хапаранда, 3 (16) апреля эмигранты прибыли на Финляндский вокзал Петрограда, где восторженно встреченный революционно настроенными гражданами, Ленин на стихийно возникшем митинге, со стоявшего на привокзальной площади броневика провозгласил здравицу грядущей социалистической революции, далее развил её до практических деталей в своих «Апрельских тезисах».

Владимир Борисович Лопухин вспоминал по этому поводу: *«Неминуемость новой революции стала ясна с приездом в Петербург В. И. Ленина, имевшим своим последствием оживление деятельности партии большевиков. К этому моменту определенно сказалась абсолютная никудышность Временного правительства. Бессмысленное его упорство продолжать войну во что бы то ни стало при невозможности воевать и импотенция власти во всех прочих отношениях привели к открытому недовольству масс и чудовищному росту хозяйственной разрухи»¹³⁸.*

Post Scriptum. Возвращаясь к теме согласия новой («двуветвистой») власти на возвращение в Россию первой (далее последовали и другие) группы эмигрантов, привожу выписку из воспоминаний Михайловского, эмоционально-гневно описывающего «соглашательскую» роль в этом вопросе своего коллеги Александра Иосифовича Доливо-Добровольского, представлявшего интересы Министерства иностранных дел в двусторонней (совместно с Петросоветом) комиссии дававшей или не дававшей «добро» на возвращение политэмигрантов.

Александр Иосифович Доливо-Добровольский, из дворян, 1866 года рождения. По окончании морского училища — мичман флотского экипажа в Петербурге. Ещё гардемарин начал активно участвовать в народовольческих кружках, завершив свою революционную деятельность в 1887 году в военном суде (на процессе по делу Шелгунова), лишившего его всех прав состояния, воинского звания и назначившего ему ссылку в Сибирь. Выхлопотал себе замену приговора на службу матросом на паруснике, отправившемся обследовать неизвестные земли. По возвращении написал книгу «Этюды

и картины кругосветного плаванья», получил звание лейтенанта. Далее, оставив морскую службу, перешёл на дипломатическую работу и до начала мировой войны был консулом в австро-венгерских Черновицах. С началом боевых действий работал в экономическом департаменте МИД, затем - вице-директором его правового департамента. С первых дней Октябрьской революции активно сотрудничал с большевиками и призывал к этому саботирующих новую власть чиновников министерства.

Итак, мнение Михайловского: *«Теперь я должен перейти к вопросу, который прямо меня не касался, но о котором я не мог не знать, так как им ведал управляющий административной частью Правового департамента А.А. Доливо-Добровольский. Я говорю о возвращении в Россию «эмигрантов», в том числе и Ленина с компанией.*

*...Доливо-Добровольскому по его должности пришлось заняться «огненным», как он выражался, вопросом о политических эмигрантах, возвращавшихся после Февральской революции в Россию, он буквально потерял голову. Он панически боялся, чтобы его кто-нибудь не заподозрил в «правизне» и «реакционности», а эмигрантов он называл «полубогами». Эти «полубоги» при вообще неврастенической натуре Доливо в первые же дни отравляли его существование, и... он с каждым ходатайством летел к Милюкову и спрашивал его личного мнения, объясняя все подробности дела. Милюков же, занятый самыми важными политическими вопросами, из-за неумелой и трусливой постановки дела и желая отвязаться от докучливого чиновника, раз и навсегда отказался вникать в эти «эмигрантские» дела и направил Доливо к Нольде. Последний же вообще относился страшно пренебрежительно к эмигрантам, называя их бездельниками и неудачниками, и тоже просил его такими пустяками не беспокоить. Вот при таком отношении начальства, когда Доливо-Добровольскому была дана полная *carte blanche* от Милюкова и Нольде и когда на него стал очень решительно наседать Петроградский Совет, Доливо выпросил у начальства разрешение образовать «смешанную комиссию» при Петроградском Совдепе, в которую входил и сам Доливо-Добровольский.*

Эта комиссия и «исследовала» вопрос о приезде в Россию «полубогов». При паническом отношении к делу Доливо-Добровольского, который был единственной инстанцией в нашем министерстве, занимавшейся эмигрантами, и беспрекословно подписывал все протоколы комиссии, где совдепутаты имели большинство, при совершенно безучастном отношении Милюкова и Нольде, несших ответственность за Доливо-Добровольского, абсолютно никакого контроля за въездом в Россию эмигрантов на самом деле не существовало. ... От более молодых чиновников, подчинённых Доливо-Добровольскому, которые играли чисто исполнительную роль, ему приходилось слышать возмущение таким отношением министерства, совершенно не вязавшимся с предшествующим ригоризмом нашего ведомства к визам эмигрантов, когда по каждому индивидуальному случаю запрашивались наши дипломатические представители на местах. На все эти замечания Доливо-Добровольский испуганно говорил: «Это не я, это революция», и показывал на штемпели Петроградского Совдепа. Потом, после большевистского переворота, когда сам Доливо перешёл к большевикам и они его приняли, он приводил им в качестве свидетельства своих заслуг перед Октябрьской революцией своё либеральное отношение к возвращению эмигрантов, в том числе и большевиков.

Была ли здесь сознательная измена Доливо-Добровольского, родной брат которого, капитан I ранга, служил в Морском генеральном штабе, а потом также перешёл к большевикам и даже принимал участие в переговорах в Брест-Литовске, или просто панический страх за свою карьеру, совершенно очевидно, что если бы на его месте

находился человек более самостоятельный, серьёзно относившийся к вопросу о контроле над въезжающими эмигрантами, то он мог бы заставить и высшее начальство вникнуть в это дело.

Конечно, вопрос о Ленине и «запломбированном вагоне» был решён Временным правительством, а не единолично Доливо-Добровольским, но ведь та масса большевиков, которая приехала не с Лениным, а отдельно и которая сыграла такую огромную роль в большевистском перевороте, была пропущена при явном попустительстве Доливо-Добровольского. Милюков и Нольде несут, без сомнения, ответственность за легкомысленное отношение к этому вопросу. Наконец, возвращение Ленина в запломбированном вагоне состоялось в апреле 1917 г., а Милюков ушёл в мае, следовательно, и в этом вопросе на Милюкова как на министра иностранных дел Временного правительства падает прежде всего ответственность за пропуск Ленина с компанией»¹²⁹.

Терещенко – министр иностранных дел

Бытовое перемещение в новую министерскую должность произошло у Михаила Ивановича Терещенко простым переходом с одного в другой подъезд восточного крыла здания Главного штаба (к слову, на Зимний дворец смотрящего), в котором, с 1830 года располагались как Министерство финансов, так и Министерство иностранных дел Российской империи.

О начальной процедуре вхождения Михаила Ивановича Терещенко в верховный чертог российской дипломатии много позже вспоминал бывший управляющий делами Министерства иностранных дел Владимир

Борисович Лопухин, чей карьерный взлет совпал с падением монархии, которой он верно служил предыдущие почти четверть века. Должно добавить, что государственные потенции новых властителей России Владимир Борисович оценивал весьма скептически, полагая, что в результате революции к власти пришли общественные деятели, принадлежавшие в своем большинстве к числу «наименее стойких» элементов «отживавшего поместного дворянства».

Итак, Лопухин - о Терещенко: «После ухода Милюкова преемником ему был назначен молодой министр финансов Временного правительства Михаил Иванович Терещенко, при ближайшем знакомстве выказавший себя человеком не просто молодым, а избыточно молодым — моложе своих лет. Временно за ним был сохранен и портфель финансового ведомства. Вскоре, однако, этот портфель был передан от него А. И. Шингареву. До появления Терещенки в нашем министерстве я не встречался с ним. Узнал о его существовании впервые, когда он был назначен министром финансов Временного правительства. Поинтересовался, кто он, откуда взялся и почему назначен министром, не принадлежа к составу Думы, из которой преимущественно укомплектовалось Временное правительство. Мне рассказали (за что купил, за то и продаю), что Михаил Иванович — отпрыск богатой семьи сахарозаводчиков Терещенков. Недурно образованный, хорошо воспитанный, неглупый молодой человек, живого темперамента.

Служил по ведомству императорского двора чиновником особых поручений дирекции императорских театров. Мечтал о камерюнкерстве. Но его не получил. Обиделся. Оставил службу. И пожертвовал миллион рублей на революцию. Сделался ярким оппозиционером царскому правительству. Настойчиво пропагандировал замышлявшийся перед революцией дворцовый переворот. Вступая в управление ведомством, Терещенко просил собрать служащих. Объявил, что будет держать им речь. Собрались в колонном зале квартиры министра. Молодой министр долго не выходил. Я пошел вытащить Терещенку из его служебного кабинета, где застал его бегавшим взад и вперед, дозубривавшим шпаргалку. Порывистый в движениях, немножко взволнованный ввиду предстоявшего выступления, он и из кабинета не вышел, а выбежал в зал и, не останавливаясь, на ходу начал выпаливать свою шпаргалку, перебегая с места на место вдоль вытянувшейся шеренгой группы многочисленных служащих. Впереди стали министерские барышни, пополнявшие преимущественно временные отделы министерства, образованные по случаю войны, — отдел пленных, отдел денежных переводов лицам, застигнутым войною в неприятельских странах и т. д.

Выходило, что Терещенко обращается именно к барышням. Он горячо убеждал их продолжать войну. Предупреждал: «Кто против войны, тому не по пути с нами». Этот лейтмотив немудреной и нескладно сколоченной речи он повторял чаще, чем следовало для ее успеха, и на нем и оборвал свое слово, в последний раз разбежавшись от внутренней боковой стены колонного зала к одному из его многочисленных окон. Острили, будто Терещенко по ошибке захватил для своей речи шпаргалку Керенского, только что перед тем получившего портфель военного и морского министра и в эпилептических выкриках призывавшего к наступлению войска примерно в тех же выражениях»¹³⁸.

Как полагают исследователи внешнеполитической деятельности России, замена Милокова на Терещенко означала в значительной мере переход к иным, более прагматичным методам в проведении внешней политики, сущность которой при этом не менялась. Внешнеполитические концепции Михаила Ивановича Терещенко формировались правыми кругами так называемых «революционных оборонцев» и соответствовала интересам радикально настроенного слоя промышленников и мелкой буржуазии, которые в данный момент ещё не были политически оформлены. Поэтому большую часть времени деятельность Терещенко на посту министра не носила ярко выраженного партийного характера.

И, как правило, большинство мемуаристов оценивают Терещенко случайным человеком во внешней политике и в системе МИД в частности. Так, уже выше цитированный Владимир Борисович Лопухин писал по этому поводу: «Присматриваясь к Терещенко, я убедился, что главное свое призвание он видел в том, чтобы служить центром внимания, играть ведущую роль, парадировать и без конца болтать. В течение всего недолгого пребывания своего у власти, завершившегося арестом 25 октября и последовавшею кратковременною высидкой в Петропавловской крепости, Терещенко развлекал себя бесконечными речами. Он переживал упоение власти, стараясь исчерпать доставленное себе удовольствие на весь «пожертвованный» на революцию миллион. Широко раскрыл двери своего министерского

кабинета. В него вливалась вся улица. И молодой министр безудержно болтал. Неимоверно трудно было нам, начальникам отдельных частей министерства, добиться Терещенки, чтобы переговорить о не терпящих отлагательства делах и вырвать от него подпись на срочной министерской бумаге. Он все болтал. И, что любопытно, отнюдь не по подведомственности. Голова его была менее всего занята ведомственными вопросами. Он плохо вникал в них. Сосредоточил свою стремительную суетливость и болтовню преимущественно на вопросах общей политики Временного правительства в целом. Проявлял себя главным образом в качестве члена правительства и очень мало в оставшейся непонятой им роли министра иностранных дел»¹³⁸.

Однако были и другие, менее предвзятые оценки нового министра иностранных дел. В частности, Управляющий делами Временного правительства Владимир Дмитриевич Набоков по этому поводу имел такую точку зрения: «Замечательно при этом, что дипломатические представители союзников относились к Терещенко с гораздо большими симпатиями, чем к Милюкову, Его *souplesse*, самая его светкость, отсутствие у него твёрдых убеждений, продуманного плана, полный его дилеттантизм в вопросах внешней политики, - всё это делало из него при данных обстоятельствах, человека, чрезвычайно удобного для разговоров»⁵².

(*Souplesse* в переводе с французского означает «гибкость», «уступчивость» и по этому поводу к месту будет цитата из Байрона:

Умей давлению силы уступать –
И в жизни ты не будешь искалечен.
Пусть совесть будет гибкой, как атлет,
В рассчитанных движеньях весь секрет)

Много о Терещенко, как о министре иностранных дел, – буквально в стиле дневниковых записей – пишет его бывший подчинённый Георгий Николаевич Михайловский в своей, в эмиграции написанной мемуарной книге под протяжным названием «Записки. Из истории русского внешнеполитического ведомства. 1917 – 1920 гг.»

Сын писателя Николая Георгиевича Михайловского (прибавлявшего к своей фамилии литературный псевдоним «Гарин»), Георгий Николаевич Михайловский родился в 1890 году. В 1911 году он с отличием окончил историко-филологический и юридический факультеты Петербургского университета и был оставлен при кафедре международного права для подготовки к получению профессорского звания. Собирая материал для диссертации по морскому праву, Георгий Николаевич объездил ведущие европейские университеты, отзанимался в них под началом юридических светил, но начавшаяся мировая война прервала его научные штудии.

Великолепные способности, свободное владение несколькими иностранными языками, глубокие профессиональные знания, семейные связи дали Михайловскому возможность быстро подняться по карьерной лестнице от секретаря юрисконсультского отдела до начальника Международно-правового отдела министерства. В отличие от своего отца, «переболевшего» народничеством, марксизмом, но не принимавшего практического

участия в политической жизни, Георгий Михайловский стал непосредственным участником формирования российской внешней политики в военный период, подготовки и проведения международных переговоров, правительственных совещаний по этим вопросам. Он сотрудничал с несколькими министрами иностранных дел – как царскими, так и Временного правительства (Милюковым и Терещенко).

Назначению новым министром иностранных дел Михаила Ивановича Терещенко он дал такой свой первый комментарий: *«Относительно нового министра знали только то, что министерство иностранных дел было предложено сначала князю Г.Е. Львову, который отказался ввиду недостаточного знания иностранных языков. Что же касается Терещенко, то его лингвистический ценз был вполне удовлетворителен. Правда, кроме этого, он ни с какого бока не был причастен к дипломатии. Светская репутация у Терещенко в петербургском обществе имела. По выражению Нератова, «он был человеком, в обществе распространённым». Кроме того, он служил некоторое время в конторе императорских театров, и один из наших молодых чиновников, служивший с ним в этом учреждении, был крайне поражён, что Терещенко оказался его начальником. От моих приятелей из министерства финансов, откуда к нам пришёл Терещенко, я знал, что он был очень обходителен и приятен в личных отношениях, но что касается дел, то всегда ошибался в цифрах, говоря о миллионах вместо миллиардов, никак не умея приспособиться к финансам государства, всё же превышавшим его миллионное состояние.»*

*«Миллионер» в качестве одного из столпов революционного правительства — на дипломатическом языке Европы это было самым заурядным явлением и уж во всяком случае плюсом, а не минусом. Надо отдать должное Терещенко: будучи министром финансов, он сам вложил в Заём Свободы, им организованный, пять миллионов рублей, связав таким образом и себя и свою семью с Февральской революцией...»*¹²⁹

Став первым дипломатом государства Российского, не имея за плечами ни знаний, ни опыта внешнеполитической деятельности, но имея революционный запал, Михаил Иванович Терещенко, конечно, первым делом озаботился подбором и расстановкой кадров, в том числе по библейскому принципу «вливать вино молодое в меха старые».

«Эти вновь поступающие при Терещенко были те же самые элементы, которыми пополнялись кадры служащих в прежнее царское время, то есть окончившие университет, лицей и правоведение, несмотря на то что эти привилегированные учреждения уже не существовали в прежнем виде; принимались даже воспитанники Пажеского корпуса. Наконец, я помню, как один из первых экзаменовавшихся был уже чиновник Государственной канцелярии Бутурлин, бывший лицеист, человек под 40 лет, который принимался с нарушением наших правил, позволявших приём в министерство лицам до 27-летнего возраста.

*Всё это указывало на то, что практически, несмотря на смелый (можно сказать даже, демагогический) шаг Терещенко с призывом к сословию присяжных поверенных, новый министр и в отношении подбора служащих министерства шёл по старой дороге. Так как мне и в прежнее время приходилось экзаменовывать поступающих, то, на мой привычный взгляд, поступавшие к нам в министерство при Терещенко ничем не отличались от тех, кто поступал в царское время. И тогда бывали случаи вроде Бутурлина»*¹²⁹.

Впрочем, несмотря на стремление омолодить штат сотрудников, не забывал Михаил Иванович Терещенко о сохранении высокопрофессиональных, опытных кадров

вверенного ему министерства, в числе которых звездой первой величины блистал Анатолий Анатольевич Нератов.

Он, ветеран внешнеполитического ведомства России, начавший службу в нём предположительно в 1890 году, с 1906 по 1910 год был заместителем директора Первого отдела и далее – вплоть до 1917 года – постоянным заместителем Государственного секретаря (заместителем министра иностранных дел). Хотя Нератов за время своей долгой службы ни разу не был за границей, он четыре раза временно исполнял обязанности министра иностранных дел: с марта по декабрь 1911 года (то есть во время персидской революции, марокканского кризиса и триполитанской войны), когда заболел Сергей Дмитриевич Сазонов; в ноябре-декабре 1916 года после увольнения Бориса Владимировича Штюрмера и до назначения Николая Николаевича Покровского (в декабре Нератов стал членом Госсовета); в феврале-марте 1917 года, после ухода Покровского и до назначения Павла Николаевича Милюкова; в октябре-ноябре 1917 года после ареста Михаила Ивановича Терещенко.

Его покровитель Сергей Сазонов был заместителем Нератова с марта по декабрь 1911 года. После падения Бориса Штюрмера в ноябре 1916 года его заместитель Нератов возглавил МИД. Николай Покровский перенял кабинет у Нератова и вернул его ему в феврале 1917 года. Павел Милюков возглавил министерство в марте 1917 года, но оставил Нератова своим заместителем. Нератов оставался на своем посту и при Терещенко до ноября 1917 года.

О нём вспоминает Михайловский: *«А.А. Нератов, товарищ министра иностранных дел с 1910 г., пережил на своём посту пять министров — С.Д. Сазонова, Б.В. Штюрмера, Н.Н. Покровского, П.Н. Милюкова и М.И. Терещенко, являясь живым показателем преемственности русской внешней политики во время войны и до большевистского переворота в октябре 1917 г. Он был не только правой рукой министра и ценнейшим техническим советником, но не раз, в особенности после ухода С.Д. Сазонова, с которым он был «на ты» в качестве товарища по лицу, и фактическим руководителем министерства. А при Сазонове ему пришлось в период его болезни управлять министерством более года. Нератов был не только главной внутренней пружиной ведомства и его истинным хозяином, но и символом в глазах иностранцев, в особенности же союзников. То обстоятельство, что, несмотря на смены министров и перемену формы правления, Нератов продолжал оставаться на своём посту, толковалось в союзных посольствах как наглядное доказательство неизменности основной линии поведения русского правительства в отношении к мировой войне.*

Если при всём этом Нератов не стал министром иностранных дел, то это надо объяснить главным образом некоторыми личными свойствами Нератова, делавшими его неприемлемым в этой роли ни для двора, где хотели видеть или своего человека, как Штюрмер, или неспециалиста, как, например, Покровский, которого можно было бы в любой момент убрать, ни для революции, которая также не могла отдать такой важный пост в руки бюрократа старого режима, хотя бы и очень ценного техника-дипломата. Если бы ещё при этом Нератов поставил вопрос об уходе при царском или при Временном правительстве, то, может быть, ему удалось бы найти общий язык с тем или другим, но такой парламентский способ действия претил всей истинно

бюрократической чистой натуре Нератова, при своём высоком положении отличавшегося крайней скромностью и даже застенчивостью. Его глубоко искренний патриотизм не позволял ему также опуститься до мелкого интриганства, что, конечно, в последние месяцы царского режима могло бы иметь успех. Неизменность же пребывания Нератова на своём посту устраивала всех. Что же касается его самого, то когда он попал в списки членов Государственного совета по назначению 1 января 1917 г., то так явно сиял от радости, что видно было: это осуществление

...Было ещё одно обстоятельство, в высшей степени странное для такого крупного дипломата, каким несомненно был Нератов, — это то, что он за 30 лет службы в МИД ни разу не был за границей. Вот почему при всём его изумительном знакомстве с делами по архивам МИД (память Нератова в этом отношении была поразительна) у него не было живых связей с иностранцами, и он не мог рассчитывать и здесь на широкую поддержку, скажем, союзных кругов. Нератов был во многих отношениях олицетворением всего наиболее положительного, что мог дать «служилый Петербург», но для дипломата у него не хватало, грубо говоря, заграничного стажа, что требовалось от всех служащих МИД. И это отразилось в конце концов на карьере этого человека, «вынянчившего», по его собственному выражению, по крайней мере четырёх министров иностранных дел, не считая Сазонова.

Было и ещё одно обстоятельство, бесспорно также помешавшее министерской карьере Нератова, — он как человек, более 30 лет проводивший в департаментах МИД, то есть человек архибюрократического склада, не был по своему прошлому опыту пригоден для роли министра в эпоху после 1906 г., когда министру иностранных дел волей-неволей приходилось так или иначе сталкиваться с законодательными палатами. Для общения с «народным представительством» Нератов не годился уже в силу того, что не обладал никаким даром слова, а из-за личной застенчивости вне привычной департаментской обстановки, да ещё на такой скользкой арене, как Государственная дума, он совершенно терялся. Поэтому, когда во время замещения Нератовым Сазонова в период болезни последнего в 1911 г. государь хотел, чтобы Нератов выступил в Государственной думе, тот категорически от этого отказался и просил в виде личной милости государя избавить его раз и навсегда от выступлений в законодательных палатах. Как бы сам Николай II ни относился к «народному представительству», положение министра иностранных дел обязывало к публичному общению с ним, и такого безмолвного министра иметь при себе было совершенно невозможно.

Эта черта Нератова была настолько общеизвестна, что когда уже в период войны требовалось выступление товарища министра иностранных дел, то выступал в Государственной думе и в Государственном совете не Нератов, а другой товарищ министра, В.А. Арцимович, игравший в действительной жизни ведомства неизмеримо меньшую роль. Так, например, по злосчастному вопросу об «иностранных фамилиях» в дипломатическом ведомстве всю тяжесть атак в обеих законодательных палатах принял на себя Арцимович, а Нератов на моей памяти никогда там не выступал. Этот курьёз переходной полуконституционной-полубюрократической эпохи в лице Нератова, дипломата-бюрократа, не бывавшего за границей и управлявшего ведомством в совершенной тени по отношению к «народному представительству», служил предметом неоднократных подшучиваний со стороны коллег Нератова по ведомству, из коих большинство тоже едва ли могло бы показать себя со столыпинским блеском или просто с привычной уверенностью лиц, посвятивших себя в той или иной форме общественной

деятельности. Когда кому-либо из них приходилось выступать хотя бы в бюджетной комиссии в Государственной думе, то они чувствовали себя там значительно менее уверенно, чем в любом иностранном дипломатическом салоне, где не только каждое слово, но и каждый жест на счету.

...Если, однако, в отношении публичных и общественных выступлений Нератов был человек «старомодный», то, с другой стороны, он обладал незаурядной гибкостью в приспособлении к быстро менявшимся политическим течениям. На моих глазах он был товарищем министра после Сазонова при Штюмере, Покровском, Милюкове и Терещенко, и хотя, конечно, все чиновники должны были приспосабливаться к этому, такова уж чиновничья служба, но никому из них это не удавалось в такой степени, как старшему товарищу министра Нератову»¹²⁹.

К сказанному выше о Нератове можно добавить мнение на его счёт Лопухина: «Назначение товарищем министра А. А. Нератова нельзя было по всей справедливости приветствовать в том отношении, что из всех старших чиновников центрального ведомства он был наиболее деловой и притом наиболее опытный и сведущий в делах именно центрального ведомства. Поскольку министром было лицо, прошедшее всю службу, если не считать самых начальных должностей за границей и потому незнакомое с работой центра и порядками прохождения дел по сношениям с другими ведомствами, в Сенате и в законодательных палатах, такой помощник главы ведомства был совершенно необходим. И не представляло неудобств, что Нератов не проходил заграничной службы. Этот его пробел должен был восполняться предполагавшимся заграничным опытом Сазонова. Нератов, высокий, начинающий лысеть брюнет со скудной бородкою и жидкими усами, отличался завидною ровностью характера с сопутствующими этому ценным качеством уравновешенностью, сдержанностью и спокойствием, не покидавшим его и в наиболее волнующие моменты. В работе был старателен и трудолюбив, в обращении – приветлив и приятен. Если к этому добавить, что это был умный человек, добрый, честный и очень тактичный, получается законченная характеристика человека самых положительных качеств. Нератов по заслугам попал на свой ответственный пост и работал на нём не за страх, а за совесть»¹³⁸.

Не удалось Терещенко удержать в министерстве опытного дипломата Бориса Эммануиловича Нольде, бывшего заместителем у прежнего главы МИД (и партии кадетов) Павла Николаевича Милюкова. Нольде, также кадет, покинул министерство вместе со своим прежним шефом. Замену ему Терещенко попросил подобрать многофункционального Нератова и, как сообщает Михайловский: «Нератов одновременно с неизбежными хлопотами, падавшими на него в качестве управляющего ведомством (он «принимал» на своём веку пятого министра: после Сазонова — Штюмера, Покровского, Милюкова и теперь Терещенко) и ставшими для него привычными, был озабочен данным ему Терещенко поручением найти заместителя Нольде на посту товарища министра иностранных дел — поручением тем более щекотливым, что этот заместитель Нольде в случае удачи мог оказаться и заместителем Нератова, что многие пророчили Нольде»¹³⁹.

Нольде Борис Эммануилович (1876-1948 годы, Лозанна, Швейцария), барон, сын видного русского сановника. По окончании юридического факультета Петербургского

университета был причислен к МИД, позднее занимал посты директора юридического, экономического и административного отделов и начальника Второго Департамента. Профессор Александровского лицея, Высших женских (Бестужевских) курсов и Политехнического института, читал курсы международного права. Кадет, один из главных экспертов партии в области международных отношений. В годы Мировой войны был советником главы МИД Сергея Дмитриевича Сазонова.

В дни Февральской революции 1917 года Нольде, вместе с Николаем Виссарионовичем Некрасовым, Владимиром Дмитриевичем Набоковым и Василием Витальевичем Шульгиным, составил манифест великого князя Михаила Александровича об отречении от престола и передаче всей власти, до созыва Учредительного Собрания, Временному правительству.

Позже он вспоминал: *"Акт 3 марта, в сущности говоря, был единств, конституцией периода существования Врем. пр-ва"* и указывал, что с ней можно было дожить до Учред. Собр. при условии, если бы Врем. пр-во могло реально осуществлять *"полноту власти"*¹³⁹. С середины марта 1917 года он - товарищ министра иностранных дел (у Павла Николаевича Милюкова), а с 28 марта - член Юридического совещания Временного правительства, участник обсуждения вопроса об отношениях с Финляндией. Предложил проект решения, по которому Россия соглашалась до Учредительного Собрания оставить всю власть в руках избранного Сеймом лица при сохранении за Россией полноты власти в отношении международных и военных дел. Такой подход оттягивал решение финляндского вопроса до окончания войны, когда, по мнению Нольде, международная конъюнктура должна была сложиться в пользу России.

С конца мая 1917 года - член Особого совещания по выработке закона о выборах в Учредительное Собрание, подготовил предложения об организации выборов на фронте. Как эксперт, участвовавший в работе Комиссии по расследованию деятельности царских министров, пришёл к выводу, что большинству из них, комиссии на основании существовавших к тому времени законов ничего не удастся вменить в вину, кроме мелких правонарушений. Рекомендовал *"не срамиться"*, дела прекратить, арестованных отпустить, посоветовав впредь не грешить (*"Новый журнал"*. 1948, N 19, с. 279). На Девятом съезде партии кадетов (Москва, конец июля) выступил с докладом по национальному вопросу, где от имени ЦК предложил отвергнуть принцип национального самоопределения и поддержать идею так называемых национальных "союзов", ведению которых должны подлежать только решение проблем культуры соответствующих этнографических групп. Съезд поддержал эти предложения и внёс соответствующие уточнения в партийную программу.

Вместо подавшего в отставку Нольде, заместителем (товарищем) министра иностранных дел Терещенко был назначен Александр Михайлович Петряев, выпускник восточного и юридического факультетов Санкт-Петербургского университета, полиглот, владевший четырнадцатью языками; дипломатическую службу начал в Персии, служил драгоманом (переводчиком) в Константинополе; на Лондонской конференции, завершившей Первую Балканскую войну, был экспертом по разграничению сербско-албанской границы; был начальником Ближневосточного отдела МИД, с 1916 года - чиновником политического отдела МИД.

«...на место Нольде был назначен Александр Михайлович Петряев. Назначение это, первое при Терещенко, было соответствующим образом представлено широкой публике. В биографической газетной заметке указывалось на «демократическое» происхождение

Петряева, его отдалённость от придворных интриг, его знания, работоспособность и т.д.»¹²⁹

На первой, взаимно ознакомительной, встрече с сотрудниками МИД Терещенко имел возможность (как вспоминает Михайловский) ознакомиться, через толково построенное выступление Нератова, со взглядом сотрудников министерства на коренную сущность взаимоотношений России с союзниками и изложить свою (как министра) точку зрения на этот счёт: *«Высокий, с пробором посередине и профилем североамериканского краснокожего индейца, М.И. с несколько смущённой улыбкой стоял, окружённый чиновниками. А.А. Нератов, гораздо более смущённый, чем молодой министр, стал читать по записке свою приветственную речь. Когда раздались привычные слова, то невольно все члены нашего комитета переглянулись между собой, за исключением Петряева, смотревшего в землю. Дело в том, что вся речь Нератова была точным пересказом, конечно, в приемлемых выражениях, всего того, что говорилось на заседании нашего комитета. В сущности, это была сжато, но в то же время полно отредактированная программа внешней политики, которую от лица всего министерства Нератов предлагал новому министру.*

Мы ушам своим не верили, так как не ожидали от Нератова столько дипломатической ловкости: наши «кондиции», против которых так восставал Петряев на заседании комитета, теперь в ещё более импозантной форме навязывались члену революционного Временного правительства. Было здесь и другое — «революция сверху» делала ненужной «революцию снизу», чиновничья фронда превращалась, таким образом, в легальный государственный акт. Слова Нератова о «нерасторжимой связи с союзниками» и о «незаклучении сепаратного мира с врагом» были покрыты оглушительными аплодисментами, так что не ожидавший этого Терещенко с удивлением смотрел на эту явную демонстрацию. Красный от смущения Нератов закончил свою речь призывом к совместной работе «в духе освободительных традиций русской внешней политики», чем перекидывался мост между Февральской революцией и царской Россией в области дипломатии.

Терещенко начал свою речь намёком на наш комитет, заявив, что ему известны те опасения, которые существуют в ведомстве, но, прибавил он, «если среди вас есть люди, не сочувствующие моим взглядам, то ведь среди вас были и люди, не сочувствовавшие Штюмеру и всё же остававшиеся на службе». «Я прошу вас во имя России, прежде чем решиться на уход из министерства, присмотреться ко мне и моей работе и судить меня по моим делам, а не по слухам обо мне», — сказал он дальше и подробно остановился на основных тезисах речи Нератова, с которыми он полностью согласился. В частности, относительно союзников и сепаратного мира он прямо сказал, что «мир может быть только общим и спасение России не может быть воздвигнуто на чужой крови».

Если откинуть несколько банальных фиоритур митингового характера, которые были неуместны в данной обстановке, речь Терещенко была ясным и недвусмысленным «да» на речь Нератова. Она давала нам полное удовлетворение и, к нашему удивлению, создавала впечатление предумышленного сговора Петряева, Нератова и Терещенко. Так оно и было, ибо все трое боялись, что уход Милюкова, Нольде и Струве в окраске, которую Нольде и Струве хотели ему придать, может вызвать раздражение у одних и брожение у других. С другой стороны, наш комитет с особенным удовлетворением мог констатировать, что благодаря мудрому тактическому шагу Нератова мы были избавлены от «переговоров», которые, несомненно, умалили бы авторитет нового министра.

По окончании этой сцены Терещенко пожелал познакомиться с нашим комитетом, и наш президиум — Петряев, Урусов, Гагарин и я — был ему представлен Петряевым. Терещенко очень мило и предупредительно сказал, что он не только не собирается ни в чём стеснять нашей «самодеятельности», но надеется на поддержку с нашей стороны. Такой приём нашего комитета министром, вызвавший у Петряева восторг своим мирным, если не сказать сердечным, тоном, после общего приёма и речей Терещенко и Нератова сразу же установил отношения между ведомством и новым министром, далеко превосходившие по своей близости отношения с Милюковым. Правда, в то время как Милюков был крупной политической фигурой, всем нам известной пусть не лично, но своей деятельностью, Терещенко был совершенно неизвестным молодым человеком, однако, может быть, именно в силу этого последнего обстоятельства в отношениях с ним должен был царить более простой тон.

С первых же слов стало совершенно ясно, что Терещенко никакой своей «программы» не имеет и, наоборот, готов охотно следовать тому, что мы по обстоятельствам войны считали единственно возможной программой для России. Терещенко капитулировал с первого же дня перед ведомством, и вот почему уход Милюкова не имел никаких неблагоприятных последствий для дипломатической работы нашего ведомства».¹²⁹

Да, в начале деятельности какой-либо чёткой политической программы у нового министра иностранных дел не было, она складывалась постепенно, в результате чего получила название «политики выжидания». Правительству и Министерству иностранных дел нужно было, прежде всего, продемонстрировать верность России союзническим обязательствам. При этом возобладала новая оценка политического положения страны, исходя из которой перед российской дипломатией была поставлена сложная задача: выбрав удобный момент, пересмотреть соглашения с союзниками о переделе мира и пойти по пути взаимного сокращения требований, в том числе ограничивая аппетиты партнёров по коалиции.

Таким подходом новый министр использовал несколько видоизменённую внешнеполитическую программу Петроградского Совета, за что удостоился обвинений в уступкам «левым». В беседе с Церетели он заявил: *«Формула мира без аннексий и контрибуций, на основе самоопределения народов, вполне может обеспечить национальные интересы России. Россия может обойтись без завоеваний. Интернациональный статут, обеспечивающий пользование Проливами всем прибрежным странам, откроет ей выход в Средиземное море. А принцип свободного самоопределения народов будет благоприятствовать России больше, чем Германии, ибо балканские народы, имея свободу выбора, будут гораздо больше стремиться к сближению с Россией, чем с Германией»¹³⁸.*

Таким образом Россия давала союзникам понять, что с её стороны продолжение войны может осуществляться лишь на условиях «демократической платформы», и это направление они должны одобрить хотя бы на словах. Такое видение легло в основу новой внешнеполитической политики России.

Одновременно Терещенко были предприняты меры по воплощению этой программы на практике. В его телеграмме в Париж от 19 мая 1917 года в вопросах будущего мирного урегулирования с Германией была выдвинута формула «мира без аннексий и контрибуций», исключались также «явные и скрытые аннексии» со стороны противника.

Тем самым вопрос мирного урегулирования сводился к восстановлению прежней границы с Германией.

В отношениях с Австро-Венгрией во главу угла, наоборот, выдвигалось требование самоопределения народов, фактически направленных на создание южнославянской федерации вокруг Сербии и независимых Чехии и Словакии. Россия в этом рассчитывала на политическое доминирование в данном регионе.

Существенные изменения коснулись ближневосточной части программы. Лозунг «завоевания Константинополя и Проливов» был незаметно снят, хотя об отказе от своих претензий в этом направлении, зафиксированных в договорах с союзниками, официально не объявлялось. Джордж Бьюкенен указывает, что с этого момента речь шла лишь о превращении Константинополя в вольный порт с некоторыми преимуществами в нём России.

В ответ на такие уступки, как считал Терещенко и идеолог новой внешнеполитической концепции Николай Виссарионович Некрасов, союзники должны были пойти на пересмотр соглашения 1916 года о разделе Азиатской Турции, которое было недостаточно выгодно для России. Однако никаких шагов по осуществлению такого пересмотра впоследствии предпринято не было.

«... Милюков, подавленный тяжестью той ответственности, которая лежала на нём, прямо стремился доказать, что внешняя политика февральской России в полном смысле тождественна прежней, царской. Вот почему нельзя не отметить, что Милюков не требовал — это не вызывалось, по его мнению, объективными обстоятельствами — отзывом аккредитованных при царском правительстве послов Франции, Италии, Англии и Североамериканских Соединённых Штатов, между тем как Терещенко потребовал этого, и двое послов — Франции (Палеолог) и Североамериканских Соединённых Штатов (Френсис) — были отозваны. Это обстоятельство, кстати сказать, обусловленное традициями дипломатии, имело не только символическое значение — показать различие между царским правительством и Временным, но и практическое, так как, действительно, поднимать вопрос о пересмотре «целей войны» при тех же самых людях, с которыми русское царское правительство говорило в совершенно ином тоне, значило вызывать с их стороны подозрение в неискренности и в стремлении коренным образом изменить политику России.

Терещенко поступал в этом отношении более правильно и гибко, чем Милюков, который стал жертвой собственной нерешительности: он слишком ясно дал понять Бьюкенену и Палеологу, что февральский переворот имеет только «внутреннее значение», а затем не имел мужества сознаться, что ошибся, ибо такое огромное событие, как падение монархии, в столь обширной стране, как Россия, не могло быть только внутренним явлением. Отсюда и доктринёрская позиция в константинопольском вопросе, погубившая Милюкова.

Первым актом Терещенко была отсылка той самой ноты союзникам, которая была столь неудачно сформулирована Милюковым и вызвала первый кризис Временного правительства. Эта нота была составлена так, что в неё были включены сакраментальные и логически противоречивые слова «без аннексий и контрибуций, но на основании самоопределения народов». Никаких конкретных указаний на то, что Россия отказывается от своих прав, обусловленных тайными договорами с союзниками, в ноте не содержалось. Таким образом, и Терещенко ни от каких будущих завоеваний России не отказывался. Что же касается вышеприведённой двусмысленной формулы, то

расшифровывать её можно было как угодно — и в том смысле, что «аннексии», то есть присоединение к государству чужих земель, допустимы только на основании «самоопределения народов», и в том смысле, что status quo ante bellum останется и после войны. Последнее толкование было явно неправильно, так как национальный принцип, содержащийся в формуле «самоопределение народов», явно не допускал сохранения территориального status quo. Иными словами, для преодоления того логического противоречия, которое имелось в первой части формулы — «без аннексий» и второй — «на основании самоопределения народов», приходилось создавать новое понятие аннексий как присоединения земель по праву завоевания, не считаясь с национальным принципом, и противопоставлять ей «дезаннексию» (как это немедленно сделали французы, объявившие присоединение Эльзаса и Лотарингии к Франции «дезаннексией»).¹²⁹

Взятый при Милюкове курс на сближение с Соединёнными Штатами Америки проводился слишком осторожно и неуверенно. За океан было отправлено чрезвычайное посольство во главе с Борисом Александровичем Бахметевым (позже он был назначен послом в этой стране), которому было поручено выразить благодарность правительству Америки за инициативу признания нового режима в России и добиться от администрации Вильсона военной, экономической, финансовой и иной помощи. Но переговоры оказались малопродуктивными, как полагают, из-за противодействия Англии, также рассчитывавшей на помощь от янки.

Кроме того правящие круги США были обеспокоены ситуацией в России. Вскоре стало ясно, что получение американской помощи повлечёт за собой слишком большие политические и иные уступки, к которым Россия в данный момент готова не была. С начала лета 1917 года в Петрограде действовала миссия, возглавляемая бывшим государственным секретарём Элиум Рутом, действовавшая с целью воспрепятствовать выходу России из войны. Рут и посол США Фрэнсис поставили перед Государственным департаментом США вопрос о необходимости создания «особого информационного бюро» для воздействия на общественное мнение России, чтобы добиться отправки на фронт новых миллионов российских солдат. Одновременно миссия Рута вела переговоры с Временным правительством о мерах финансовой помощи, после чего США предоставили Временному правительству заём в сумме трёхсот двадцати пяти миллионов долларов для закупки в Америке оружия, снаряжения и военных материалов. (Из указанной суммы Временное правительство до своего свержения успело получить сто восемьдесят восемь миллионов долларов.)

Обратимся вновь к воспоминаниям Михайловского: *«Тереценко оказался более гибким, чем Милюков, может быть, потому, что был неизмеримо более мягким человеком. В этот день, когда за чайным столом в приёмной у министра снова собрались все высшие чины, многие из которых вскоре вынуждены были уйти со своих командных мест, и обсуждали уход Милюкова, Нольде и Струве, все единодушно признали, что ушедшие просчитались: Тереценко, по-видимому, собирался вести милюковскую политику, но более гибко и послушно. Доктринёрство милюковской позы по константинопольскому вопросу было налицо, так же как и политический просчёт Струве и неудачный карьеризм Нольде. В лице Тереценко ведомство, как это ни странно, получило «своего» человека во Временном правительстве. Вместе с тем благодаря нератовскому манёвру настроение всего министерства, даже самых ярых милюковцев вроде В.К. Коростовца, секретаря Милюкова, который снова вернулся в канцелярию под*

начальством Татищева, оказалось наилучшим, и бюрократический механизм заработал с полной исправностью.

То, чего не было в речи Терещенко и о чём все забыли под влиянием более важных вопросов, вроде вопроса о сепаратном мире, — это обещания «сохранить министерство» в том смысле, в каком это понимал Милюков, то есть полной сохранности личного состава ведомства. Правда, не было никаких угроз, что было бы несовместимо с примирительным тоном всей речи Терещенко. Это опущение было сделано сознательно и со стороны Нератова, и со стороны Терещенко. Дело в том, что Терещенко выдал некоторые векселя в смысле личных изменений в ведомстве. О векселях Терещенко знал Нератов, не знал он только одного, что в этих векселях имелось и имя Нератова как слишком уж типичного «царского бюрократа». Каким образом Нератов усидел, я расскажу ниже, теперь же закончу то, о чём наиболее беспокоились в министерстве после водворения нового министра, а именно о назначении заместителя Нольде, так как если бы это оказалось совершенно новое лицо с такими же новыми приёмами, то само министерство и вся его политика приняли бы новый вид или же мы вступили бы в полосу серьёзных испытаний»¹²⁹.

Назначение Петряева на должность товарища министра чуть было не стало концом дипломатической карьеры для Нератова, чей профессиональный вес и излишняя осведомлённость о деликатных моментах внутренней жизни министерства вдруг стали раздражителями для Терещенко. Задумал было он уволить Нератова, заменив его Петряевым, но последний, убедительно и обстоятельно, отговорил «зелёного» министра от такого опрометчивого шага.

«Таким образом, новый молодой министр, так мило пошедший навстречу ведомству по самым существенным вопросам внешней политики, явно окружал себя новыми людьми — испытанный способ для перемены политического курса. Однако то обстоятельство, что все отмеченные назначения касались людей, в ведомстве популярных, говорило в пользу сохранения хороших отношений между министром и ведомством, и второе назначение министра Февральской революцией не имело катастрофического характера в дипломатическом отношении. Лозунг «сохранения министерства», выдвинутый Милюковым, несмотря на некоторые личные перемены в персонале ведомства, проводился неуклонно и М.И. Терещенко во всё время его управления министерством.

Самым опасным моментом в этом отношении был вопрос об уходе Нератова — вопрос, решённый Терещенко в самый момент его прихода в министерство. Уже и прежде в печати левее кадетов указывалось на Нератова как на цитадель царской

дипломатии. Неудивительно поэтому, что, как только Петряев был назначен товарищем министра, Терещенко прямо сказал ему, что думает уволить Нератова и назначить его, Петряева, на место Нератова, то есть сделать его своим первым помощником во внешней политике. На это, однако, Петряев не согласился, к его чести, и стал убеждать Терещенко, что ему как молодому человеку и совершенно неопытному в дипломатии не следовало бы с таким лёгким сердцем увольнять людей, которые могут ему пригодиться. Он тут же рассказал, какую роль Нератов играл до сей поры в министерстве.

Терещенко несколько раз возвращался к мысли об увольнении Нератова, но смелый всё же для подчинённого лица аргумент Петряева о молодости и неопытности самого

Терещенко в таком деле, как внешняя политика, был настолько убедителен, что Терещенко вскоре сам стал ярким защитником Нератова и отстоял его от всех нападков в прессе и Временном правительстве. Влияние Нератова при Терещенко возросло ещё более, чем при Милюкове, так как, в отличие от последнего, Терещенко не имел своих собственных взглядов, не говоря уже о какой-то программе внешней политики, а для того чтобы идти по проторенной дорожке, у Терещенко не могло быть более удачного советника, чем Нератов. Полное отсутствие самостоятельности и та «молодость и неопытность» нового министра, о которых так бесстрашно говорил Петряев ему в лицо, делали из него послушное орудие в руках ведомства, чем и объясняется то, что хорошие отношения между министерством и Терещенко продолжались до самого конца, то есть до большевистской революции»¹²⁹.

Поминаемый Михайловским Пётр Бернгардович Струве, по рождению (в 1870 году) – пермяк, сын местного губернатора, внук астронома Василия Струве. В Петербурге жил с 1882 года, где и получил, в Третьей гимназии, среднее образование. Далее учился на экономиста в университете австрийского города Грац, попутно публикуя антинароднические статьи в немецкой прессе.

В августе 1894 года Струве издал книгу «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России», которая открыла эпоху борьбы русского марксизма с народничеством в легальной печати и стала «символом веры» социал-демократов в России. Книга, выдвинувшая Струве в ведущие теоретики марксизма, доказывала прогрессивность капитализма и завершалась словами: «Признаем нашу некультурность и пойдем на выучку к капитализму».

В дальнейшем идейные искания привели Струве от марксизма к философскому идеализму и либеральному консерватизму. С 1906 по 1917 года был преподавателем (и доцентом) Петербургского политехнического института; при Милюкове, в апреле – мае 1917 года был директором Экономического департамента МИД.

Польский вопрос

По свидетельству Михайловского «польским вопросом, как темой большого международного значения, ему пришлось заниматься с первых дней поступления в МИД России в компании с помянутым выше Нольде и Григорием Николаевичем Трубецким, заведовавшим в министерстве ближневосточным отделом. Эта троица, к 1 августа 1914 года, составила текст известного воззвания к полякам Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича младшего (внука Николая Первого), в котором возвещалось объединение всех трёх частей Польши (доставшихся, по итоговому разделу 1795 года, Австро-Венгрии, Пруссии и России) уже только «под русским скипетром»:

«Поляки!

Пробил час, когда заветная мечта ваших отцов и дедов может осуществиться. Полтора века тому назад живое тело Польши было растерзано на куски, но не умерла душа ее. Она жила надеждой, что наступит час воскресения польского народа, братского примирения его с Великой Россией.

Русские войска несут вам благую весть этого примирения.

Пусть сотрутся границы, разрезавшие на части польский народ. Да воссоединится он воедино под скипетром русского царя.

Под скипетром этим возродится Польша, свободная в своей вере, в языке, в самоуправлении...»¹⁴⁰

Иначе говоря, воззвание, адресованное всем полякам, то есть как российским, так и немецким и австрийским подданным, обещало, что польские территории Австро-Венгрии и Германии войдут в состав Российской империи, а объединенной таким образом Польше будет даровано некое самоуправление. Формы и масштабы этого самоуправления точно не определялись. Не обозначались и границы этого предполагаемого польского государственного образования в пределах Российской империи.

Одновременно Главное управление Генерального штаба указывало по распоряжению Верховного главнокомандующего всем российским военнослужащим: *«Поляки, как на русской территории, так и в пределах Германии и Австро-Венгрии, доказавшие свою лояльность, будут находиться под особым покровительством нашей армии и правительства»¹⁴⁰*. Другими словами, и поляки, жители враждебных государств рассматривались как потенциальные подданные российского императора.

Сложилась такая ситуация, когда именно великий князь Николай Николаевич стал олицетворять новую русскую политику в польском вопросе и в осмыслении этого вопроса современным любителям прошлого вновь помогают воспоминания Михайловского: *«Интересно отметить, почему была выбрана такая форма решения польского вопроса, как воззвание верховного главнокомандующего, а не, скажем, манифест императора к полякам. Этот момент подвергался живейшему обсуждению, и было признано, что если освобождение австрийской и немецкой частей Польши не состоится, обращение царя к своим будущим подданным будет, несомненно, вредно для престижа царской власти, не исполнившей своих обещаний «будущим подданным». Вообще в этом необычном воззвании от имени не царя, а только военного вождя армии крылась глубокая неувязка между освободительным характером войны в отношении всего западного славянства и её оборонительным характером, сказавшимся в манифесте Николая II о войне 1914 г., где были повторены известные слова Александра I в эпоху Отечественной войны, что «мир не будет заключён до тех пор, пока ни одной пяди русской земли не останется под вражеской властью»*

Между тем, если бы новый царский манифест возвестил целью войны воссоздание Польши, то война из оборонительной превращалась бы в наступательную, хотя бы и с «освободительной целью» Вместо ясной и недвусмысленной постановки всего западнославянского вопроса русское правительство предпочитало прибегать к таким уловкам, как воззвание главнокомандующего, очевидно, менее обязательно, чем манифест царя. Сказывалось в этом и неуверенность в конечной победе над врагом, сквозившая не только в польском вопросе. Было во всём этом и переданное по наследству от Московского государства традиционное предубеждение петербургской бюрократии против поляков. *Надо было проявить всю энергию и темперамент Сазонова, чтобы вырвать у государя согласие на воззвание Николая Николаевича. Н. А. Маклаков, тогдашний министр внутренних дел, открыто высказывал своё недовольство этим неожиданным поворотом в польском вопросе... В глазах известных кругов петербургской бюрократии воссоздание Польши, хотя бы под русским скипетром, означало отдачу врагам России – полякам – Царства Польского»¹²⁹*.

Неудивительно, что поляки, бывшие подданными Российской империи, все чаще упоминали Верховного главнокомандующего, оценивая, впрочем, его обращение также по-разному. Часть польского общества с энтузиазмом встретила обращение великого князя, коему несколько польских партий и общественных организаций – Национальные демократы, Польская прогрессивная партия, Партия реальной политики, Польское прогрессивное объединение – направили благодарственные телеграммы.

В Лодзи прошла грандиозная манифестация, участники которой, выражая верноподданническое отношение к российскому императору, пели польские патриотические песни. В Архангельске, Вятке и других городах империи прошли манифестации местных поляков по случаю воззвания великого князя, провозглашались здравницы императору. Помещик Подольской губернии граф Собанский послал великому князю благодарственную телеграмму, он призывал Божье благословение на великого князя и просил принять сто тысяч рублей на нужды раненых. Другие польские землевладельцы благодарили Верховного главнокомандующего не только за его обращение, но и за приказ, защищающий их собственность.

Довольно скоро появились даже слухи о том, что великая княгиня Анастасия Николаевна, честолюбивая жена великого князя Николая Николаевича, мечтает о том, чтобы ее муж стал в будущем монархом Галиции. Возможно, слухи о претензиях великого князя на польскую (или галицийскую) корону были связаны с тем, что в некоторых правительственных кругах он рассматривался в качестве кандидата на должность наместника императора в Польше после окончания военных действий. Однако великий князь Николай Николаевич неоднократно категорически отвергал этот высокий пост. Он утверждал, что желает как можно скорее вернуться к частной жизни в своем любимом имении.

Если какая-то часть российских поляков готова была видеть в великом князе своего будущего короля, то многие относились к воззванию гораздо более осторожно, а то и попросту отрицательно. Некоторые польские политические группы резко критиковали обращение. Еще более негативным было отношение к воззванию поляков Австро-Венгрии и Германии, которые вели себя лояльно по отношению к своим правительствам. В Галиции добровольческие сокольские отряды, состоящие из молодых поляков, сражались против русской армии, прибегая порой к тактике партизанской войны. Великий князь Николай Николаевич даже выпустил 11 ноября 1914 года специальное объявление, он приказал не считать сокольские организации воюющей стороной, предупреждая, что с захваченными соколами будут поступать «по всей строгости закона».

Хотя немецкие и австрийские газеты упорно сообщали о назревании революции в польских губерниях Российской империи, население края вело себя достаточно лояльно по отношению к России, это настроение проявилось прежде всего во время мобилизации, успешно проведенной в этом крае. Польские солдаты вливались в русские полки и проявили должные боевые качества. Император даже направил телеграмму варшавскому генерал-губернатору, в которой он выражал благодарность населению Царства Польского за патриотизм, проявленный в начале войны. Некоторые наблюдатели и исследователи прямо связывали это настроение польского общества с воззванием Верховного главнокомандующего.

Действительный и преувеличенный русскими газетами и журналами патриотизм российских поляков использовался для общеимперской патриотической мобилизации. Русская печать сообщала о героизме польских солдат русской армии, о

самоотверженности прекрасных польских сестер милосердия и, наконец, о мужестве польских партизан, сражающихся с немцами по собственной инициативе.

Иначе говоря, даже сторонники воссоздания Великой Польши, предполагавшие включить в состав нового территориального образования некоторые земли, принадлежащие ныне Литве, Белоруссии и Украине, использовали в целях политической мобилизации своих сторонников воззвание великого князя Николая Николаевича.

Но, как уже отмечалось, и известная часть русского общества настороженно, а порой и отрицательно относилась к обращению, считая содержащиеся в нем «уступки» польскому обществу чрезмерными и даже опасными. Так, киевский профессор классик Юлиан Андреевич Кулаковский (филолог-классик, историк Византии, человек оригинальных мыслей) писал академику филологу Алексею Ивановичу Соболевскому в мае 1915 года, что *«смелые» обещания полякам были «неосмотрительно» возглашены великим князем»*¹⁴¹.

Говорилось в народе и о том, что у многих поляков, оценивших воззвание великого князя как обещание создать независимую Великую Польшу, аппетиты простираются *«от моря до моря»*» (То есть «от моря до моря»). С другой стороны, часть русских патриотов готова была начать новую страницу в непростой истории взаимных отношений двух народов.

На отношение к документу и к личности великого князя влияло и то обстоятельство, что воззвание было намеренно составлено в весьма неопределенных выражениях, которые не связывали бы власти империи какими-то конкретными обязательствами. Это, однако, открывало возможность для самых разнообразных интерпретаций текста. Так, многие «прочитывали» воззвание как обещание Польше «самостоятельности», восстановления особого королевства, предоставления автономии, что, разумеется, никак не соответствовало замыслам русского правительства, желавшего сохранить территориальное единство империи.

Отставка в июле 1916 года министра иностранных дел Сергея Дмитриевича Сазонова, который выступал за унию России и Польши, усилила позиции консервативных государственных деятелей, которые открыто выступали вообще против изменения правового положения польских провинций Российской империи. В этих условиях манифест великого князя Николая Николаевича все чаще однозначно воспринимался как либеральный акт, а сам он становился в глазах части общественного мнения олицетворением прогрессивных реформаторских преобразований.

Если рассматривать манифест великого князя как завуалированный «мобилизационный план» для граждан бывшей Речи Посполитой, то, во-первых следовало возбудить к такой иллюзии тех из них, которые проживали на части родной земли, отошедшей к Германии и Австро-Венгрии по итогам трёхкратного раздела в конце восемнадцатого века, а, во-вторых, не должна была Россия уступить врагу в сражениях Первой мировой войны к ней отошедших по помянутому разделу территорий. Но, как говорит украинская пословица, «не так стало, як бажало».

Касательно первого условия - с началом Первой мировой войны имперская политика Германии в отношении ее польского населения, проводившаяся в предвоенный период и отрицавшая восстановление независимого польского государства, никаких изменений не претерпела, что нашло отражение в изданном в октябре 1914 года министром внутренних дел Пруссии фон Лебелем в меморандуме "О целях войны": *«Говорят, что в результате этой войны мы должны будем разрешить польский вопрос. Это неверно. Собственно,*

польский вопрос для нас существует лишь во внутренней политике. Исторически этот вопрос нельзя полностью разрешить, разве только против нас. Поскольку он мог быть разрешен в наших интересах, он был разрешен польскими разделами и Венским конгрессом... Нам неудобна самостоятельная сильная Польша ввиду той притягательной силы, которую она может иметь на наши земли, заселенные поляками, без которых мы никогда не сможем обойтись. Но самое главное — это то, что сильная Польша будет относиться с симпатиями ко всем странам — к России, Австрии, Франции, Англии, но только не к нам».

Говоря о будущих планах Германии, фон Лебель отмечал: «Горнопромышленные районы, прилегающие к Верхней Силезии, представляли бы для нас экономическую

ценность, но они нам не необходимы, зато кажется необходимой лучшей защита восточно-прусской границы на Немане и Нареве. Так, тяжело пострадавшая теперь прусская провинция будет по праву требовать обеспечения, при котором она не боялась бы, что ее будущая работа по восстановлению всего разрушенного не станет вновь жертвой неприятельских нападений. Россия тем легче и безболезненней откажется от этих земель, не имеющих большого экономического

значения, что в ее руках останутся ее польские земли... Само собой разумеется, что вначале надо будет гораздо больше требовать от России для того, чтобы получить то, что мы желаем, и для того, чтобы она могла с большей легкостью примириться перед лицом всего мира с территориальной жертвой на границе»¹⁴².

Таким образом, присоединение земель собственно «Русской Польши» первоначально не вызывало большого интереса у германских политиков. Прибалтийские территории, на которых германское влияние имело многовековую историю, и расширение границ в

Восточной Пруссии признавалось куда более привлекательным. В то же время, ведя активные боевые действия на востоке, Германия стремилась прикрыть свои планы соответствующей «освободительной» фразеологией. Командование Восточного фронта обратилось к населению Царства Польского с воззванием, в котором содержались призывы к освобождению поляков «из-под чуждого господства» и обещание «независимости»; однако они были выражены в такой неопределенной форме, что вызвали среди самих поляков только подозрения.

Уже в первые месяцы войны германское командование столкнулось с определенной проблемой по обеспечению лояльности польского населения на оккупированных территориях. Как вспоминал генерал Эрих Людендорф, (на тот момент – начальник штаба Восьмой армии генерала Пауля фон Гинденбурга): «Польское население этих территорий вело себя сдержанно и занимало выжидательную позицию, да иначе и быть не могло». В то же время, германский генерал

не упускал случая напомнить о немецком «культурном превосходстве» и о его особой «цивилизующей роли» на оккупированных территориях: «Мы принесли с собой в эту местность совершенно другой, более высокий уровень культуры»¹⁴³.

Говоря о втором условии (неизменности или расширения границ Царства Польского), которое могло бы – по манифесту великого князя Николая Николаевича – поставить боеспособных поляков под «русское ружьё», то оно оказалось невыполненным. Летом 1915 года успехи германского наступления в Галиции вынудили российское командование начать отход из Царства Польского. 5 августа русскими войсками была оставлена Варшава, 20 августа был сдан Новогеоргиевск (Модлин) – крупнейшая крепость на левом берегу Вислы. Отступление продолжалось три месяца, и было приостановлено в конце сентября после утраты Луцка, Барановичей, Вильно, Свенцяна, Курляндии и Литвы.

После этого Германия получила возможность использовать экономический потенциал оккупированной территории для дальнейшего ведения войны, прежде всего, польскую промышленность и сырьевые ресурсы (в том числе и то, что российские власти не успели эвакуировать). Широкие масштабы принял принудительный вывоз рабочей силы – только в Германию отправили около трёхсот тысяч человек. В сельском хозяйстве была введена система обязательных поставок продукции по фиксированным ценам, что вызвало сокращение аграрного производства и развитие черного рынка – уже в 1915 году Польша пережила сильный голод.

Западные районы Царства Польского, захваченные в 1914-1915 годах Германией и Австро-Венгрией, были разделены на две зоны оккупации — германскую и австрийскую, связь между которыми для поляков была крайне затруднена. Граница между зонами почти совпадала с границами третьего раздела Польши в 1795 году, вызывая в польском обществе довольно мрачные исторические воспоминания.

Bundesarchiv, Bild 183-R42025
Foto: © Agf. 15. August 1915

Военные успехи 1915 года на востоке возбудили в германских правящих кругах идею создания большого – с центром в Берлине – экономически-политического союза стран на основе немецкого типа экономики при подчинении его членов политическому и экономическому руководству Германии. К востоку от германских границ к этому союзу предполагалось привлечь балканские государства, Румынию, а также Финляндию, Курляндию, Литву и Польшу. Как писал польский

публицист, германофил Владислав Студницкий, если бы Германии удалось реализовать эту концепцию, то она «обеспечила бы себе мудрую, интеллектуальную экономику в мире».

По мнению же современного польского военного историка, профессора Анджея Айненкеля, подчинение Польши германским экономическим интересам способствовало бы лишь экономическому упадку страны. Польская промышленность неизбежно потеряла

бы свои восточные рынки, а сама Польша стала бы «своего рода сырьевой территорией, поставляющей дешёвую, неквалифицированную рабочую силу, без того экономического преимущества в отношении Восточной Европы, которое было у Польши в межвоенное двадцатилетие». Следовательно, заключает профессор Айненкель, «Лодзь не была бы центром торговли с Россией... Роль Польши в концепции Миттель-Европы была бы минимализированной».¹⁴⁴

Германия на практике поддерживала стремления, которые противоречили польским интересам: благосклонно отнеслась к идее создания независимого литовского государства (с неопределённой польско-литовской границей на территории Сувалкского края); поддерживала аналогичные, хотя и слабые, стремления к независимости Белоруссии, и, уже более сильные такие стремления Украины. Некоторые правящие круги вообще склонны были считать, что образование вассальных государств на восточных границах Германии является лучшей формой германского продвижения на восток.

И всё же, поскольку именно на Восточном фронте германская армия достигла наиболее впечатляющих успехов, призывы к аннексиям бывших русских земель становились все громче. Однако, никаких практических шагов в этом направлении Германия ни в 1915, ни в начале 1916 года не предпринимала. Препологают исследователи, что в правящих кругах, видимо, ещё сохранялась надежда на скорый выход России из войны и, в этом случае, «польскую карту» вновь можно было использовать на мирных переговорах.

Положение изменилось летом 1916 года, когда неудачи германского наступления под Верденом (и успехи русского наступления на Волыни и в Галиции) привели к значительным – людским и материальным – потерям Центральных держав, и Германию

стали интересоваться использованием мобилизационных ресурсов Царства Польского, которые, по мнению германских военных специалистов, составляли не менее миллиона человек. Даже после русской мобилизации и последующей эвакуации 1915 года в Царстве Польском оставалось ещё достаточное количество мужчин, годных к военной службе. Так как обычная мобилизация этих людей была невозможна в силу международного права, запрещавшего мобилизацию населения

оккупированных стран, единственным выходом оставалось провозглашение «независимого польского государства».

Особой позиции по польскому вопросу придерживался Варшавский военный генерал-губернатор Ганс Гартвиг фон Базелер. Отстаивая в первую очередь германские интересы, он в то же время шёл навстречу национальным чувствам поляков и рядом демонстративных акций стремился привлечь их симпатии на сторону Германии.

Так, ещё в мае 1916 года он дал свое согласие на проведение в Варшаве празднования очередной годовщины польской конституции (3 мая 1791 г.). Это решение имело откровенно политический характер, так как в Российской империи подобные акции

были запрещены. Такие действия позволяли германским властям изображать себя в роли защитников международного права и «восстановителей свободы» угнетенных народов. Фон Базелер демонстрировал уважение к польским национальным символам и даже приказывал германскому военному оркестру играть "Марш Домбровского". Однако, на улицах Варшавы все чаще раздавались возгласы «Niech żyje Niepodległa Polska» («Да здравствует независимая Польша») и «Долой немцев»¹⁴⁴.

16 июля 1916 года с разрешения немецких властей в Варшаве состоялись выборы в органы местного самоуправления, после чего президентом (мэром) города стал князь Здислав Любомирский - политик, широко известный ещё во времена российского Царства Польского. Фон Базелер был заинтересован в использовании мобилизационных ресурсов Царства и именно для этого в Варшаве необходимо было создать «фасад независимого польского государства». По мнению германского генерала, только из добровольцев в Польше можно было сформировать не менее трёх новых дивизий.

Польские прогерманские силы отстаивали собственные интересы. 10 мая 1916 года уже упомянутый Владислав Студницкий на встрече с Гансом фон Базелером представил ему проект «независимой Польши», с восточными границами, простиравшимися вдоль рек Западной Двины и Березины и с границами на западе, оставлявшими Познань и Верхнюю Силезию в немецких руках. Однако фон Базелер не был готов идти так далеко и дальнейшего развития этот проект не получил.

Взгляды фон Базелера полностью разделял Эрих Людендорф — генерал-квартирмейстер (заместитель начальника) германского Генерального штаба. Большое внимание им уделялось также вопросу о «польской пограничной полосе» («polski pas graniczny») - проекту отторжения западных районов Царства Польского в пользу Германии и Австро-Венгрии.

Эти территории, площадью примерно в тридцать тысяч квадратных километров (что почти равнялось Бельгии) планировалось напрямую присоединить к Центральным державам и заселить этническими немцами. Местное население (польское и еврейское) в количестве примерно два миллиона человек необходимо было эвакуировать в центральные районы Польши, что стало бы первой в Европе акцией подобного рода.

Планы создания «независимого» польского государства, хотя бы и в форме декларации, нашли свою поддержку и в Берлине, в частности, у германского канцлера Бетман-Гольвега. Впрочем, позиция канцлера была двойственной — он нуждался в поддержке социал-демократов в Рейхстаге и не мог выступать в роли явного «аннексиониста».

Во время переговоров по польскому вопросу в Вене 11 - 12 августа 1916 года канцлер Бетман-Гольвег и австро-венгерский министр иностранных дел Буриан договорились, что Германия и Австро-Венгрия «исправят» свои границы с будущей Польшей, то есть, сохраняя в своих руках ранее захваченные польские земли, получают еще и дополнительные территории, что будущая Польша не будет иметь собственной внешней

политики, а ее военные силы будут находиться под контролем Германии. Бетман-Гольвег был готов даже предоставить польскую «корону» одному из представителей австрийского правящего дома, при условии, что польская экономика, железнодорожная сеть страны и промышленные районы Радома и Кельце останутся в германских руках.

Были у плана воссоздания Польши и свои противники - в частности кронпринц Вильгельм, старший сын императора Вильгельма II и наследник престола. Ему, а также начальнику Генштаба генералу Фалькенгхайну было очевидно, что осуществление такого проекта означало потерю всех шансов на сепаратный мир с Россией. Однако в сентябре 1916 года, после вступления в войну Румынии на стороне Антанты, Фалькенгхайн был смещён и заменён Паулем фон Гинденбургом. Вся военная власть в стране фактически оказалась в руках двух генералов - Гинденбурга и его помощника Людендорфа. После такого решения создание Польского Королевства было лишь делом времени.

5 ноября 1916 г. австро-венгерский генерал-губернатор в Люблине фон Кук и германский генерал-губернатор в Варшаве фон Базелер от имени своих императоров опубликовали декларацию о создании Королевства Польского - отдельного государства из

польских территорий, «вырванных из-под русского господства».

В декларации отмечалось, что «Его императорское величество император германский и Его императорское величество император австрийский и апостольский король Венгрии» договорились создать особое польское государство «из оторванных от русского господства польских областей»¹⁴⁵

. Утверждалось, что это «самостоятельное государство» станет «наследственной монархией с

конституционным строем», что определение его границ «откладывается на будущее» и что оно будет «в союзе» с Центральными державами. Организацию и руководство польской армии необходимо было урегулировать «по взаимному соглашению». Следовательно, «польское государство» создавалось без польских земель Галиции, без Силезии, Великой Польши, Поморья и Мазур. Его границы оставались неопределенными. Оно заранее объявлялось состоящим в союзе с Центральными державами (Германией и её союзниками)

Отношение самих поляков к этому событию было далеко не однозначным. Один из очевидцев, Стефан Кривошевский, присутствовавший на провозглашении Акта 5 ноября в варшавском Королевском Замке вспоминал: *«Немецкий оркестр, невидимый в конце зала заиграл «Boże coś Polskę» и «Jeszcze Polska nie zginęła». Нам, полякам сдавило горло какое-то странное чувство. Мы были свидетелями акта огромной важности, первого шага к независимости. Нам возвратили часть Отечества, но такую скромную! Да и то под властью оккупантов, которая могла стать для нас худшим игом, чем прежде. Все вместе – и этот исторический зал, и толпы польских дворян, вид захватчиков-крестоносцев, любимые народные песни в исполнении немецких солдат – не был ли это кошмарный сон, кровавая насмешка над нашими мечтами о свободной, единой Польше?»*

Наступила удивительная тишина. Вдруг из группы поляков раздался возглас: «Да здравствует Польша!» Крики росли, усиливались, отражались о старые толстые стены. В зале господствовал неподдельный энтузиазм. «Да здравствует независимая Польша!» Когда, наконец, возгласы начали стихать, один, стыдливо робкий голос произнес: «Да здравствует император Вильгельм». Возглас этот повторили два или три человека. Немцы сразу поняли, о чем шла речь, воскликнули: «Noch! Noch!» И снова наступила неприятная тишина»¹⁴⁶.

Декларация двух императоров встретила резкий протест и со стороны немецкого меньшинства, проживавшего в западных районах Польши. Его представители обратились с официальным письмом к германскому правительству, требуя напрямую присоединить польские территории (включая город Лодзь) к германскому государству. Неопределенность в этом вопросе сохранялась фактически до самого конца войны, что не добавляло полякам уверенности в прочности приобретенной ими «государственности».

Одним из самых важных вопросов, возникших в связи с созданием Польского Королевства, был вопрос об организации власти, который так и не был решён. В декабре 1916 года было опубликовано решение о создании Временного государственного Совета Королевства Польского – совещательного органа при представительстве Центральных держав

Совет, начавший свою деятельность в январе 1917 года, поддержал идею монархического строя в Польше, расширение ее границ на восток, а также организацию вербовки добровольцев в польскую армию. Неожиданное противодействие этому (впрочем, неявное) оказывал Юзеф Пилсудский – он не стал голосовать за соответствующее воззвание Государственного Совета, а только воздержался, мотивируя это тем, что «не может быть армии без правительства».

В этом месте можно прервать весьма пространное изложение весьма краткой истории Польского королевства и, кратко резюмируя, сказать, что создание Польского Королевства не принесло ожидаемых результатов Германии и Австро-Венгрии. Полностью сорванными оказались планы Германии по созданию польских вооруженных сил - формируемые на добровольной основе, они приняли слишком малое число добровольцев. Не отважились германские власти и на проведение в Польше мобилизации, вполне справедливо полагая, что это вызовет сопротивление поляков и различные формы саботажа.

Австрийцы также имели повод для недовольства – «преждевременное», по их мнению, провозглашение Королевства способствовало развитию национального движения в Галиции. Кроме того и другие народы австрийской монархии, под влиянием этого примера, активизировали свою борьбу за национальное самоопределение. , добавив последующую попытку австро-германской власти дать жизнь так называемому Регентскому Совету, резко подавшему в отставку после так называемого украинского Брестского мира, по которому Украине отошли Холмщина и юго-восточная часть Подляшья.

Регентский совет, созданного германскими усилиями Королевства Польского, прекратил свою деятельность 11 ноября 1918 года передачей власти вернувшемуся из германского плена Юзефу Пилсудскому, ставшему во главе восстановленного Польского государства во образе Польской республики - Второй Речи Посполитой. Но прежде этого, великого для поляков события, как царское, так и Временное правительство ещё

пыталось сыграть в этом вопросе свою разнородную игру, первое, уже на своём закате, – охранительную, второе в пору недолгого своего существования - разделительную.

Так, в уже ничего не значившем приказе царя (уже как Верховного Главнокомандующего) по армии и флоту от 25 декабря 1916 года одной из целей войны было названо присоединение к России на правах широкой автономии польских земель, находившихся под властью Германии и Австро-Венгрии.

16 (29) марта 1917 года российское Временное же правительство в обращении к «Народу польскому» от 16 (29) марта 1917 года признавало их право на независимость при условии проведения восточной границы по этнографическому принципу и заключения с Россией «свободного военного союза» и по реализации этих условий успело много поработать усилиями своего внешнеполитического ведомства, о чём свидетельствуют информативные по содержанию и аналитические по сути воспоминания Михайловского.

Ещё за день до упомянутого обращения, 15 марта 1917 года, руководителем Ликвидационной комиссии по делам Царства Польского, представляющей польские интересы во Временном правительстве, стал Александр Робертович Ледницкий, один из наиболее авторитетных деятелей польского общественного движения России.

По этому поводу Михайловский сообщает: *«Учреждение русско-польской комиссии Ледницкого должно подчеркнуть разницу между платоническими обещаниями царского правительства и действиями Временного, а устрашающее для многих русских старого закала название комиссии «ликвидационная» должно было окончательно убедить поляков, что царская политика в польском вопросе навеки окончена. В воззвании 15 марта Временное правительство призывало поляков, забыв прежние счёты, сгрудиться вокруг русской армии, целью которой в этой войне были также «освобождение и независимость единой Польши». Эта свободная и независимая Польша должна была находиться в «свободном военном союзе» с Россией. Границы между Польшей и Россией должны были быть установлены по взаимному соглашению русского и польского правительств на основании «этнографического принципа» и подлежали утверждению Учредительных собраний России и Польши, созванных на основании всеобщего, прямого, тайного и равного избирательного права.*

Таким образом, предполагался военный союз двух равно демократических государств. При этом слово «свободный» военный союз, по официальным комментариям Временного правительства, должно было означать свободное соглашение о деталях военного характера, которые должны были быть установлены впоследствии между надлежащими русскими и польскими властями. Самый факт военного союза между Польшей и Россией Временным правительством ставился вне какого бы то ни было сомнения, так как, по мнению нашего дипломатического ведомства и всего состава Временного правительства, русская армия не могла проливать свою кровь ради освобождения «будущего врага». Германофильская политика будущей Польши (а военный союз направлялся именно против Германии) совершенно исключалась Временным правительством, несмотря на то что в воззвании 15 марта говорилось не только о полной внутренней самостоятельности Польши, но и о её полной международной

независимости. Военный союз России и Польши был, таким образом, союзом во всех отношениях международным, но, по идее Временного правительства, «вечным».

Ничего больше от новой демократической России Польша не могла ждать, так как освобождалась она русским оружием и русской кровью и «свободный» военный союз был минимальной ценой этого освобождения»¹²⁹.

Ледницкий, Александр Робертович – политический деятель (родился в 1866 году), поляк по национальности. Студентом Московского университета подвергся административной высылке из Москвы. Пройдя курс наук в Демидовском лицее; состоял присяжным поверенным в Москве, сотрудничал в "Русских Ведомостях", "Русской Мысли" и других; был одним из основателей конституционно-демократической партии в Минской губернии. В 1906 году избран членом первой Государственной думы; выступал в прениях по поводу нарушения прав Государственной думы, о смертной казни, по аграрному вопросу, по вопросу об обращении к народу от имени Государственной думы. Он принадлежал к левому флангу конституционно-демократической партии; настаивал на более решительной форме обращения к народу и, как подписант «Выборгского воззвания» был приговорен к трехмесячному тюремному заключению, которое и «отсидел».

В 1910—1917 годах Ледницкий председательствовал в совете Соединенного банка в Москве, в Московском отделении Петроградского общества страхования, в Благотворительном обществе вспомоществования бедным римско-католического вероисповедания; был членом Общества славянской культуры.

Во время Первой мировой войны Ледницкий стал главой польского комитета по поддержке жертв войны. 24 марта 1915 на заседании ЦК партии только Ледницкий и Александр Александрович Корнилов (русский историк, секретарь ЦК партии кадетов) требовали для Польши независимости, а не автономии.

В 1916 году Ледницкий, выйдя из Партии народной свободы, стал членом нелегального патриотического объединения поляков, финансировал издание в Лондоне на английском языке газеты «Польское обозрение». После Февральской революции он был назначен 15 марта 1917 года руководителем Ликвидационной комиссии по делам Царства Польского, представляющей польские интересы во Временном правительстве князя Львова, а позднее Керенского. Ледницкий отказался признать Польский национальный комитет в Париже под руководством Романа Дмовского. В 1917 году Ледницкий - один из организаторов и руководителей польских демократических комитетов в России.

Возвращаясь к мартовскому воззванию Временного правительства к польскому народу, следует отметить, что жившие в России поляки, по словам, Михайловского, отнеслись к нему с восторгом; реакция же поляков, живших в западной эмиграции, была на этот счёт сдержанной, даже критичной. Слово «свободный» в применении к военному союзу Польши и России считалось ими грубой насмешкой, а под сущностью «военного союза» они понимали закабаление Польши со стороны России. Они считали, что этим союзом наносится явный удар «польскому суверенитету».

«Открытие комиссии имело место в Зимнем дворце, где она и заседала до конца своей деятельности, то есть до большевистского переворота. Обставлено всё было очень торжественно, помимо членов комиссии на открытии были князь Георгий Евгеньевич Львов, П.Н. Миллюков, Ф.И. Родичев, ряд членов Государственной думы, все виднейшие члены польской петербургской колонии, иностранные корреспонденты. От нашего министерства кроме Миллюкова были барон Б.Э. Нольде и я, мы вместе вышли из нашего

министерства и по окончании первого торжественного заседания вернулись обратно, обмениваясь впечатлениями. Нольде рекомендовал меня Ледницкому в качестве представителя нашего ведомства, и тот весьма приветливо и с не покидавшей его до самого конца любезностью в отношении меня представил меня всем польским членам «нашей» теперь уже комиссии. С русскими членами я уже был знаком раньше.

После короткого общего разговора в Зимнем дворце, впервые открытом для правительственных совещаний, в тогда ещё совершенно нетронутых залах, увешанных старинными гобеленами, началось заседание. Замечу здесь, что сам Ледницкий — хозяин собрания и все поляки чувствовали себя явно польщёнными тем, какое помещение было отведено для русско-польской комиссии. Князь Г.Е. Львов несколько опоздал, и Ледницкий, пользуясь этим, говорил с Милюковым о том, что на будущем мирном конгрессе должна быть особая польская делегация, хотя бы в составе русской. Он, по-видимому, опасался, что если Временному правительству придётся решать вопросы мира, то польский вопрос может быть решён даже без присутствия поляков...

Чувствовалась в этой торжественной обстановке и любовь поляков к внешнему блеску, так что Нольде, бывший одним из авторов воззвания 15 марта, так же как и воззвания Николая Николаевича в 1914 г., выходя из Зимнего дворца, сказал мне, что не надо было полякам никакой независимости давать, а достаточно было дать им «уланский польский полк» и прочие военные и штатские национальные мундиры». ¹²⁹

(По поводу последней реплики Нольде приходит на ум любимая Николаем Семёновичем Лесковым шляхетская притча «О Заблоцком и мыdle» с премилой в ней сценкой, в которой когда-то зажиточный шляхтич хоть и побирается с «торбой» на рынке, но помнит о своём высокородном происхождении и поясной бляхой демонстрирует его давний символ:

На ним торба с пшипасем
И пас с гербом на бляше.

Дав ход работе комиссии Ледницкого временные новые хозяева России предполагали, что высокоумное собрание польских патриотов наметит только предварительные контуры границ возрождаемого государства, о чём сообщает всё тот же Михайловский: «В русско-польской комиссии под председательством А.Р. Ледницкого после описанного мною торжественного открытия работа пошла полным ходом. Официально поставленный вопрос «ликвидации» занятого неприятелем Царства Польского не мог, естественно, быть перенесён в плоскость практических решений. Можно было, очевидно, только наметить основные вехи для решения польского вопроса, оставляя осуществление конкретных мер до окончания войны или во всяком случае до освобождения Царства Польского от неприятеля. Это обстоятельство не могло не охладить рвения комиссии, тем более что ход событий в России всё время невольно отвлекал внимание и самих поляков, и в особенности нас, русских, от польского вопроса к русскому»¹²⁹.

Начатая при Милюкове работа русско-польской комиссии продолжилась и при Терещенко, которого господин Ледницкий первым делом озадачил своим желанием быть включённым в состав российского МИД полноправным министром по польским делам и Терещенко чуть было не удовлетворил его просьбу. В дело вмешался многоопытный Михайловский, выдвинувший целый ворох аргументов против предложенного назначения: «...мой аргумент против допущения особого польского представительства в

составе нашего — это то, что война далеко не кончена, никто с уверенностью не может знать, как она кончится, и если она, не дай Бог, обернется против нас, то поляки могут от нас отойти, и в этом случае неизбежно их представители, близко познакомившиеся с нашими международными отношениями, могут оказаться опасными соглядатаями. Не исключается также возможность и шпионажа во время самой войны. Это моё последнее соображение произвело сильное впечатление на Терещенко, который мне сказал, что он совершенно со мной согласен, беда только в том, что он дал уже согласие Ледницкому. Но тут же Терещенко мило улыбнулся. «Моя профессия теперь всех надувать», — сказал он мне. Думаю, Ледницкий дорого бы дал, чтобы это услышать ... Возвращаясь к польским делам, должен сказать, что Терещенко действительно «надул» Ледницкого в отношении польского представительства. Столь спутаны и сложны были отношения между поляками разных ориентаций, что создание в составе русской дипломатии польского ручейка вызвало бы среди них сильное волнение, которое отразилось бы крайне неблагоприятно на и без того хрупких русско-польских отношениях. Честолюбивая мечта Ледницкого стать, так сказать, польским министром иностранных дел, хотя бы временно, в составе нашего дипломатического ведомства, на этот раз рухнула. Помимо этого, как я указывал, в таком деле, как совместная дипломатическая служба, требующем доверия, ввести поляков в состав нашего дипломатического корпуса без обычной процедуры приёма на дипломатическую службу значило бы иметь всегда потенциально злого шпиона»¹²⁹.

Терещенко, став министром иностранных дел, стремился, перво-наперво, понять глубинную суть прошлых отношений России с Польшей и, далее, дать им должное — с точки зрения Временного правительства — развитие: «Прерванные уходом Милюкова заседания русско-польской комиссии при Терещенко продолжались в прежнем направлении, с той, однако, разницей, что напор поляков значительно усилился и Ледницкий с Терещенко считался неизмеримо меньше, чем с Милюковым. Сразу же после вступления Терещенко в должность министра я, прежде чем продолжать свою работу в комиссии, счёл необходимым сделать доклад о положении вещей в комиссии, подробно остановившись на текущих делах и, в частности, на холмском вопросе. Терещенко слушал очень внимательно, по-видимому, для него всё это было совершенно ново, но в этом ничего удивительного не могло быть, так как вообще я не ожидал от Терещенко осведомлённости в польском вопросе.

Когда я спросил об инструкциях, Терещенко несколько смутился; очевидно, он уже успел привыкнуть, что ему все решения подсказываются, и он спросил меня: «А ваше мнение как?» Мне пришлось сказать, что я, в сущности, продолжал нашу прежнюю царскую политику с тем решительным уклоном, который Временное правительство взяло в сторону польской независимости, но что ему с глазу на глаз я могу сказать, что поляки на меня производят впечатление людей, не подготовленных к практической государственной деятельности, и я не жду, что начатая «ликвидация», хотя бы и заочная, Царства Польского закончится гладко. Я привёл несколько примеров, причём обратил его внимание на холмский вопрос как один из самых серьёзных камней преткновения»¹²⁹.

Так называемый «Холмский вопрос», о котором упоминает Михайловский, связан с древнейшем городом Холм (и сконцентрированной вокруг него областью Холмщиной), основанным в тринадцатом веке видным представителем рода Рюриковичей, великим

князем киевским Данилом Галицким и ставшим центром его удельного Галицко-Волынского княжества.

После смерти Даниила в 1264 году Холмщина была поделена между его сыновьями, затем внуками. В XIV веке Холмское княжество перешло к Польскому королевству и пребывало в нём как часть образованного поляками так называемого «Русского воеводства» (при Малопольской провинции) и пребывало в его составе вплоть до первого раздела Польши в 1772 году, когда помянутое воеводство было ликвидировано и входившая в его состав Галиция отошла Австрийской империи, а Холмский «повет» - России.

В 1912 году Государственная Дума Третьего созыва, руководствуясь вызревшим общественным мнением об отделении от Царства Польского областей с преобладанием православного населения, приняла Закон «Об образовании из восточных частей Люблинской и Седлецкой губерний особой Холмской губернии с изъятием её из управления варшавского генерал-губернатора». Официальное её открытие состоялось в сентябре 1913 года. Новая губерния была изъята из управления варшавского генерал-губернатора и подчинена непосредственно министру внутренних дел России, а её учебные и судебные заведения – попечителю Киевского учебного округа и округу Киевской судебной палаты соответственно, а в отношении ревизии и отчётности – Киевской контрольной палате.

В 1915 году Холмская губерния была формально подчинена Киевскому генерал-губернатору, однако в связи с оккупацией её Германией это решение осталось неисполненным. Желание польской делегации убедить Временное правительство вернуть эту губернию будущей Польше было попыткой поделить шкуру убитого медведя.

«Дело в том, что проявление иногда необходимой твёрдости в соблюдении, например, этнографического принципа при определении границ будущей Польши с русской стороны психологически всегда производило неблагоприятное впечатление, так как спорные области надо было ещё отвоевать у противника. Делёж шкуры ещё не убитого медведя, если бы он вёлся слишком азартно с обеих сторон, мог бы рассорить охотников, и эта психологическая сторона дела невольно отражалась на ходе работ комиссии. Русской части комиссии выпадала трудная доля защищать интересы России, никогда по самым существенным вопросам не выходя из пределов самого примирительного тона. Ниже я укажу, как в период управления министерством иностранных дел Терещенко из этого выросли крайне тягостные инциденты...

...В самом начале заседаний комиссии Ледницкого с обеих сторон чувствовались полная готовность и желание вести дело с наименьшими трениями. Поляки понимали, что Февральская революция давала им то, чего никакое царское правительство до сих пор не могло обещать. Это обстоятельство в сочетании с внутренними разногласиями среди

отдельных польских течений, в особенности находившихся за границей, заставляло их быть в высшей степени предупредительными и во всяком случае никак не рвать с Временным правительством и русской ориентацией. Особенную предупредительность в отношении русских членов комиссии проявляли сам Ледницкий, архиепископ Могилёвский барон Ропп, епископ Цепляк, бывший член Государственной думы Грабский.

...с истинно дипломатическим искусством и Ропп и Цепляк, при всей их внешней любезности и утончённой вежливости, поднимали

проблемы крайне острого свойства — о костелах, обращённых в православные храмы после восстания 1863 г., о конфискованных тогда же монастырских имуществах, о польских святынях, увезённых в Россию, и т.п. При этом оба они не ставили вопросы в принципиально-абстрактной форме, а, наоборот, старались избежать такой их постановки, понимая, что русские члены комиссии не могли идти на полную реставрацию даже в пределах до 1863 г. Они, часто даже без предварительного включения в повестку, внезапно заводили речь о такой-то православной церкви, указывая на её древнекатолическое происхождение и требуя немедленного её возвращения католикам, или о таких-то католических святынях, находящихся там-то, или о тех или иных монастырских угодьях, рассказывая историю их захвата. Всё это застигало врасплох и Котляревского и Карташова, они не могли по незнанию дать ответа, а поляки ловили каждое их слово и заносили в протокол, истолковывая его как принципиальное согласие русских делегатов на то или иное требование. Внося затем от имени комиссии представления во Временное правительство, они подчёркивали согласие на это русских делегатов»¹²⁹.

Поминаемый выше Антон Владимирович Карташёв, лидер правого крыла кадетской партии, член масонской ложи Великий восток народов России, был министром исповеданий во Временном правительстве и обер-прокурором Синода. Как последний обер-прокурор подготовил самоликвидацию института обер-прокуратуры и передачу портности церковной власти Поместному собору российской церкви 1917 – 1918 годов.

Сын уральского горняка он последовательно окончил пермскую семинарию и Санкт-Петербургскую духовную академию, при которой, как выпускник, был оставлен. Здесь он стал кандидатом богословия и доцентом. В 1901 – 1903 годах Карташёв был активным участником Религиозно-философских собраний в Санкт-Петербурге, дружил с Зинаидой Гиппиус, Дмитрием Мережковским, Дмитрием Философовым, Мариэттой Шагинян.

Сергей Антонович Котляревский (1873 – 1939), выпускник историко-филологического факультета Московского университета, был заместителем Карташёва как по министерству (и директором Департамента иностранных вероисповеданий), так и по Синоду. Оценивается он специалистами как выдающийся российский юрист, государствовед, историк и публицист, внесший значительный вклад в развитие юридической науки утончёнными разработками феномена «государства»: «Еще в начале XX в. Котляревский показал пример критического осмысления феномена конституционного государства, его соотношения с государством правовым. Ученый разделял данные понятия, понимая под конституционным государством такую политическую форму, при которой всей совокупности народа принадлежало политическое самоопределение, а под правовым государством — известный уклон, устремление к господству права. К основополагающим признакам конституционного государства Котляревский относил народный суверенитет, представительное правление, федерализм, разделение властей, осуществление прав и свобод человека и гражданина»¹²⁹

С 1909 года Котляревский преподавал на юридическом факультете Московского университета как экстраординарный и ординарный профессор. Был одним из учредителей партии конституционных демократов (кадетов), членом её ЦК.

«Конечно, если бы вся остальная часть польской делегации играла всегда и во всём роль статистов при этих незаурядных дипломатах — католических иерархах, то поляки имели бы бесспорный перевес, но, при всём уважении к ним остальных делегатов-поляков, светская часть польской делегации любила выступить не без ораторского таланта на общие темы и поднимать вопросы, которые по акту 15 марта не могли быть разрешены даже Временным правительством, а только русским Учредительным собранием. В этих выступлениях они раскрывали свои карты в понимании, например, такого первостепенной важности вопроса, как этнографический принцип при размежевании Польши и России. Как я расскажу ниже, в связи с вопросом о Холмской губернии поляки старались на самом деле подменить этот этнографический принцип понятием Царства Польского, то есть Венским трактатом 1815 г., что значило включение в состав Польши и Гродненской и Сувалкской губерний с литовцами, и Холмской губернии с её смешанным православно-католическим населением»¹²⁹.

Сувалкская губерния, включения (точнее - возвращения) которой в состав возрождаемой польской державы требовали её полномочные представители, по итогам трёхкратного и трёхстороннего раздела Польши была включена в состав России; в губернских Сувалках до начала мировой войны находилась российско-прусская таможня. После начала боевых действий в июле 1914 года первоначально успешное наступление русских войск вглубь Пруссии в кампании 1915 года сменилось отступлением и потерей Сувалок и прилегающих к городу бывших губернских территорий.

По этой причине говорить о возвращении указанных земель будущей Польше её представители в двусторонней комиссии могли только предположительно. То же можно сказать и городе Гродно, который в сентябре 1915 года был захвачен немецкими войсками.

Стремление польских переговорщиков особо оговорить включение литовских земель в планируемую Речь Посполитую связано с многовековой унией Польши и Литвы, образовавшейся ещё в предалёком 1400 году в результате династического брака польской королевы Ядвиги с литовским князем Ягайло, передавшего – таким свадебным подарком - подвластную ему сильную державу в состав Польши. По завершении разделов Польши в 1795 году литовские земли оказались как в составе России, так и Пруссии.

И едва ли литовцы, оказавшиеся в Первой мировой войне под немцами, согласились бы к возврату к новому включению в возможное польское государство. В итоге – по инициативе Германии в оккупированной ею Литве в июле 1918 года была провозглашена конституционная монархия «королевство Литвы», на трон которой должен был сесть немецкий принц под именем Миндовга Второго. Накануне поражения Германии в войне, 2 ноября того же 1918 года, недолго пожившая монархия была упразднена и вместо неё тут же была учреждена независимая Республика Литва, далее имевшая, как знает образованный читатель, сложную историческую судьбу.

Возвращаясь к работе двусторонней комиссии, должно отметить, что помимо территориальных сложностей планировавшегося «развода» рассматривались и другие, в том числе непростые финансовые проблемы возможного будущего сосуществования двух стран:

«Одним из вопросов, фигурировавших в комиссии, был поднятый к большому неудовольствию польских делегатов товарищем министра финансов вопрос касательно перехода к Польше части русского государственного долга пропорционально территории количеству населения, экономической ценности и другим критериям, определяющим

значение Царства Польского. В подробно разработанной справке представитель министерства финансов указывал, что после I, II и III разделов Польши в 1772, 1793 и 1794 гг., так же как после Венского акта 1815 г., русское правительство согласилось принять на русское государственное казначейство польские долги, равно как и долги Великого герцогства Варшавского. Отсюда естественно, что и будущая Польша должна также принять на себя соответствующую часть долга Российского государства. При этом Шателен утверждал, что, само собой разумеется, соответствующее распределение должно касаться всех общегосударственных русских долгов, так как Польша управлялась в бюджетном отношении на общих государственных основаниях, не имела, как, например, Финляндия, своего особого бюджета и, следовательно, должна отвечать за общие долги.

С польской стороны сама постановка этого вопроса считалась «преждевременной», так как по самому свойству он принадлежит-де компетенции польского Учредительного собрания. На это с русской стороны им отвечали: раз обсуждается холмский вопрос, хотя бы в подготовительной стадии, тогда как он, несомненно, может быть решён, согласно актам Временного правительства 15 и 16 марта 1917 г., только Учредительными собраниями России и Польши, то нет абсолютно никаких оснований уклоняться от крайне важного вопроса о долгах. Конечно, Шателен был прав, и Ледницкому ничего другого не оставалось, как включить этот вопрос в повестку следующего заседания. При этом он подчеркнул, что вопрос ставится лишь в подготовительной, ни для кого не обязательной стадии.

Несмотря на это предостережение, мы, конечно, отлично понимали, какое существенное значение для будущего может иметь обсуждение этой проблемы. Действительно, на следующем заседании поляки, из коих самым основательным был, несмотря на своё неудачное выступление в начале деятельности комиссии, Грабский, по-видимому, подготовились. Они стали излагать свою точку зрения, согласно которой будущая Польша, конечно, должна будет принять на себя кое-какие долговые обязательства Российского государства, но только те, которые прямо относятся к Царству Польскому. К числу таковых принадлежат, несомненно, все те польские долги, которые Россия приняла на себя после разделов Польши в 1772, 1793 и 1794 гг., а также в 1815 г., после присоединения к России Царства Польского, а затем все те долги, ипотеки и т.п., которые были сделаны для нужд Царства Польского. Все остальные долги Грабский отрицал, говоря, что не в интересах России даже поднимать подобные вопросы, так как тогда придётся поднять ряд «неприятных вопросов» касательно возвращения назад всяких художественных и музейных ценностей, вплоть до польской части Петроградской публичной библиотеки.

Этот манёвр Грабского, однако, ни в малейшей мере не поколебал спокойного Шателена, который отвёл вопрос о художественных, музейных и научных польских ценностях, вывезенных из Польши русскими, заявлением, что ему трудно усмотреть связь между русским государственным долгом и этим вопросом, прибавив не без яда, что неизвестно, в каком положении очутится в этом отношении Польша по окончании германской оккупации. И тут же он размежевал вопросы относительно местных ипотек, которые, конечно, переходили к Польше и не касались вообще государственных финансов, и общегосударственных долгов всего Российского государства, долгов, которые, бесспорно, имели общегосударственное значение и от которых Польша не могла отказываться.

На это из уст Шебеко, Ледницкого и даже барона Роппа посыпались возражения: почему молодая Польша будет расплачиваться за авантюры царского правительства в Корею, повлёкшие русско-японскую войну, или железнодорожные займы вроде, например, постройки Сибирской железной дороги и т.д., та самая Польша, которую русское правительство так беспощадно притесняло? Что это прямо безумие даже ставить так вопрос и что, мол, никогда будущее польское правительство и польский сейм на это не пойдут, ибо это был бы «IV, финансовый раздел Польши», как сказал под конец Грабский»¹²⁹.

Заседала двусторонняя комиссия почти до последних дней существования Временного правительства, свято верившего в исцеляющую и исправляющую силу ожидаемого Учредительного собрания, решением которого должны были закреплены достигнутые с поляками договорённости. Польские же гости такой веры не держались, а отделились воле политического течения, которое, в итоге, вывело их к нужным берегам – к независимой Польше.

События июля 1917 года

В ряду ярких событий 1917 года, от падения Дома Романовых до низложения Временного правительства, срединное по времени место занимают так называемые

«июльские события», когда, - то ли по неуверенной инициативе большевиков, то ли по взрывной бесшабашности анархистов, - возбудились до революционного взрыва питерский пролетариат, солдатские массы и им сочувствующие граждане северной столицы. Глубинной, уже несколько месяцев вызревавшей причиной столкновения крайне левых и крайне правых сил, в котором мирное шествие

первых попало под расстрельные пули вторых, стало затянувшееся двоевластие Временного правительства и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Превращение этого неестественного дуумвирата в единовластие Советов стало неизбежным после возвращения – в первых числах апреля 1917 года - в Петроград пролетарского вождя и выдвинутых им лозунгов «Да здравствует социалистическая революция», «Вся власть Советам».

Правда, бытует у некоторых знатоков прошлого версия, что эти целеуказующие яркие лозунги их автор к началу лета семнадцатого хода ослабил, полагая ещё не наступившим время для «последнего и решительного боя», что запал революционной вспышке в середине июля дали анархисты, а большевики вынужденно включились в стихийно возникший бунт пролетарских и солдатских масс. Возможно, возможно.

Общее недовольство положением дел — с момента свержения самодержавия прошло уже четыре месяца, а жизнь почему-то лучше не стала, скорее наоборот — усугубилось

провалом июньского наступления, когда на Юго-Западном фронте в окрестностях Тернополя разложившиеся войска постыдно бежали, когда в командовании стали говорить о необходимости ввести заградотряды. Естественно, что революционные воинские части, которыми был наводнён Петроград, совершенно не желали отправляться на фронт (да еще и с заградотрядами в тылу) и были готовы на самые решительные противоправительственные акции.

Хроника событий такова, что 2 (15) июля начался кризис во Временном правительстве, связанный с тем, что его члены (Керенский и Терещенко) в компании с представителем Петросовета Церетели во время киевских переговоров с представителями Центральной рады дали, от имени правительства, согласие на упреждающее признание автономии Украины. В знак протеста против такого решения Временное правительство покинули четыре министра-кадета: Шаховский, Мануйлов, Шингарев и Степанов - они были убеждены, что статус Украины и ее будущие границы должно определять только Всероссийское учредительное собрание, поэтому ни Временное правительство в Петрограде, ни Центральная Рада в Киеве не имели никаких законных полномочий для решения этого сложного и щекотливого вопроса. По этому поводу представленные в правительстве кадеты в знак протеста покинули его ряды — такое положение дел воспринималось как признак очевидной слабости кабинета, которую левые силы также

постарались использовать в свою пользу.

В ночь на 4 (17) июля возле Таврического дворца собралось несколько десятков тысяч демонстрантов. К этому моменту уже было известно, что к митингу должны присоединиться матросы из Кронштадта. Большевики приняли еще одну резолюцию, в которой практически открыто призвали к вооруженному восстанию. К утру кронштадтские матросы собрались возле штаба большевиков, к ним присоединился 2-й пулеметный полк из Ораниенбаума. Вскоре

толпа, насчитывавшая несколько десятков тысяч вооруженных человек, двинулась в сторону Таврического дворца.

Толпу кронштадтских матросов, направлявшихся к Таврическому дворцу, в центре города начали обстреливать, те открыли ответную беспорядочную стрельбу. Тем не менее им удалось добраться до дворца, где их уже ждала огромная толпа в еще несколько десятков тысяч человек. Все вместе они осадили дворец с требованиями к Всероссийскому центральному исполнительному комитету (ВЦИК), избранному на съезде рабочих и солдатских депутатов, забрать себе власть в стране.

Часть толпы ворвалась в Таврический дворец и задержала лидера эсеров, министра земледелия Виктора Чернова. Освободить его удалось лишь после вмешательства одного из лидеров большевиков — Льва Троцкого. К этому моменту в развитие ситуации вмешался командующий войсками Петроградского военного округа Петр Половцов, который дал распоряжение полку конных артиллеристов под прикрытием сотни

казаков двинуться к Таврическому дворцу и разогнать толпу, открыв в случае необходимости огонь.

Основные столкновения между артиллерией и казаками с одной стороны и восставшими с другой произошли в районе Литейного моста. Защитникам Таврического дворца удалось разогнать толпу, большая часть которой после начавшейся стрельбы в панике разбежалась по разным частям города. Попытка насильственного свержения вызвала отпор со стороны противников "углубления революции". Демонстрация 3-4 июля 1917 года завершилась кровопролитием.

Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК), запретивший проведение демонстрации, объявил ее большевистским заговором, отклонил требования демонстрантов и в ночь на 5 июля постановил, что "вся полнота власти" должна остаться у Временного правительства. В ряде мест столицы по демонстрантам был открыт огонь из окон и с крыш зданий, а сторонники правительства вышли на митинги в его поддержку.

Для наведения порядка Временное правительство вызвало в Петроград отряды с фронта общей численностью 15-16 тысяч военнослужащих, и уже к вечеру 5 июля верные правительству войска установили контроль над центром города, разгромили типографию и редакцию большевистской газеты "Правда". Тогда же Центральный комитет партии большевиков опубликовал обращение с призывом о прекращении демонстрации. На следующий день матросы Балтийского флота, укрывшиеся в Петропавловской крепости, были вынуждены сдать оружие и отправиться в Кронштадт, а большевики - покинуть особняк Матильды Кшесинской, занятый ими после Февральской революции и превращенный в штаб партии. Военские части, которые принимали участие в демонстрации, были разоружены и расформированы, а их личный состав отправлен на фронт.

5 (18) июля по Петрограду прокатилась волна арестов в большевистских боевых отрядах, также была занята редакция газеты «Правда», а на следующий день большевики практически без боя сдали свой штаб.

Эсеро-меньшевистские Советы передали всю полноту власти в руки Временного правительства, которое организовало Особую следственную комиссию для выяснения всех обстоятельств массовых июльских выступлений,

тем более что под влиянием событий в Петрограде антиправительственные демонстрации прошли также в Москве, Иваново-Вознесенске, Орехове-Зуеве, Нижнем Новгороде, Красноярске, Томске и других крупных городах России. Большевиков обвиняли в организации антиправительственной демонстрации, повлекшей за собой сотни жертв, а заодно и в провале июньского наступления на фронте. В печати стала активно муссироваться тема связей большевистской партии и лично Ленина с немцами. Был издан приказ об аресте руководителей большевистской партии. В тюрьме оказались Лев Троцкий и Лев Каменев, руководители кронштадтских матросов Семен Рошаль и Федор Раскольников и ряд других ведущих партийных функционеров. Опасаясь ареста, видные большевики Ленин и Григорий Зиновьев предпочли скрыться в посёлке Разлив.

(Историческому мифу, что Ленина о готовящемся аресте предупредил Керенский - а они люто друг друга ненавидели - невольно дало жизнь сходство фамилии последнего с

фамилией прокурора Петроградской судебной палаты Николая Сергеевича Каринского, который позвонил товарищу по адвокатской молодости Бонч-Бруевичу и по старой дружбе сообщил ему грядущих неприятностях. Ленин покинул особняк Кшесинской, где тогда находился штаб большевиков, буквально за час до того, как туда прибыла команда юнкеров и самокатчиков, чтобы его арестовать. Не обнаружив лидера большевиков, они устроили в здании погром, уничтожив в том числе типографию газеты «Правда». Кстати, после ареста Временного правительства в октябре 1917 года Ленин сполна отблагодарил Каринского: лично распорядился освободить его из-под стражи и разрешил выехать за границу.)

7 (19) июля в результате правительственного кризиса в отставку ушел председатель Временного правительства Георгий Львов. Спустя три дня сформировался новый состав кабинета, который возглавил эсер Александр Керенский, а большую часть портфельей получили представители социалистических партий.

По итогам июльских событий 1917 года Временному правительству на некоторое время удалось сосредоточить в своих руках почти всю полноту власти в стране, отодвинув на второй план Советы. Тем не менее властям не удалось использовать в свою пользу пошатнувшийся авторитет левых сил, прежде всего большевиков. Экономическая ситуация в стране продолжала стремительно ухудшаться, из-за чего популярность радикальных, в том числе ультралевых, идей в обществе снова быстро возросла.

Post scriptum. Оценку событий июля 1917 года Михайловский, увязывая вседозволенность Доливо-Добровольского с инертностью министра Терещенко, даёт в своих воспоминаниях в разделе «Халатность и измена в МИД», фрагменты которого приведены ниже.

«Я не знаю, насколько всё, что говорилось тогда по поводу будто бы ареста Троцкого, Ленина, Зиновьева, которые-де были выпущены по личному приказу Керенского, соответствовало истине, но неоспоримо одно, что именно тогда, когда за июльскими днями не последовало истребления большевистского корня, именно тогда началась личная кампания против А.Ф. Керенского, которому как главе правительства ставилась в вину нерешительность в этом деле. Вспоминая при виде кронштадтских налётчиков доклад по Кронштадту В.Н. Пепеляева Временному правительству и ответ князя Г.Е. Львова, нельзя, конечно, всю вину за предшествующее сваливать на одного А.Ф. Керенского, но то, что происходило после июльских дней, уже подрывало его личную репутацию.

Теперь нельзя не поставить вопрос: какова же роль Терещенко в этой послеиюльской нерешительности? По существу, конечно, не меньшая, чем Керенского, хотя Терещенко впоследствии и говорил, что он настаивал на крайних мерах, но не встретил будто бы сочувствия у других членов Временного правительства. На это можно сказать, что если бы Терещенко придавал этому такое важное значение, как он потом рассказывал, то кто ему мешал уйти, доказав своей отставкой непричастность к дальнейшему? Терещенко не ушёл, и о сколько-нибудь существенном разрыве с Керенским именно в это время у нас не только ничего не знали, но как раз, наоборот, в целом ряде случаев я был свидетелем обратного — прекрасных отношений Терещенко с Керенским.

Спрашивается, что же Терещенко как министр иностранных дел мог сделать в борьбе с большевизмом внутри страны? На это можно ответить двояко. Прежде всего, как один из важнейших министров Временного правительства Терещенко имел полную возможность повлиять на общую политику правительства и, в частности, на борьбу с

большевиками, а второе — то, что в качестве главы дипломатического ведомства он обладал в своём собственном министерстве и организациями и отдельными лицами для участия в этом столь важном для внешней политики России деле.

Вот в связи с этим последним пунктом я и считаю необходимым указать, что Терещенко унаследовал от Милюкова не только стремление продолжать по возможности старую политику русского правительства во время войны и сохранять хорошие отношения с союзниками, но и халатность Милюкова по вопросу о большевистски настроенных «эмигрантах», которые прибывали целыми партиями в Россию и при Терещенко. Последний, как и Милюков, совершенно не интересовался этим вопросом, хотя уже имевшиеся несколько случаев высылки таких «эмигрантов» из России за шпионаж и противоправительственную пропаганду на фронте должны были заставить подумать, не пора ли традиционное русское гостеприимство и бесконечно продолжавшаяся «амнистия» по отношению ко всем «царским» преступлениям ограничить хотя бы рамками военной безопасности.

Терещенко, так же как и его предшественник, предоставил всё А.А. Доливо-Добровольскому, который на правах вице-директора Правового департамента по административной части единолично ведал как этим вопросом, так и всеми вопросами контрразведки. Доливо-Добровольский, которого военное ведомство, ведомство внутренних дел и юстиции держали в полном курсе всего, что делалось по большевистскому вопросу, конечно, при соответственной решимости и желании мог очень существенно влиять и на своего министра, и на остальные ведомства, но он, явно по мотивам, которые стали яснее только после его перехода к большевикам в момент Октябрьской революции, не желал этого. Доливо-Добровольский не только не докучал Терещенко, но если и проявлял в этом направлении активность, то лишь в устранении всяких препятствий возвращающимся «полубогам», как он выражался, занять впоследствии место на советском Олимпе.

Если Доливо-Добровольский несёт всю ответственность за свои действия, которые ретроспективно можно смело обозначить «изменой», то и Терещенко и Нератов, непосредственные начальники Доливо, несут высшую государственную ответственность за его действия в историческом смысле. Они в полной мере «проморгали» эту измену: первый — по молодости и неопытности, второй — по трусости, и если Милюков не менее, а может быть, и более Терещенко виноват в том, что он впустил Ленина и знаменитый «запломбированный вагон», то Терещенко не менее виноват в том, что не выпроводил этих лиц за границу, не ограничивал их деятельность внутри России, не сделал то, что мог бы сделать как министр иностранных дел, а именно: собрать достаточно веские улики против большевиков, касавшиеся денежной и военной связи с Германией, а затем их опубликовать, и уж во всяком случае в том, что он продолжал доставлять Ленину, Троцкому и К^о готовые кадры в лице возвращающихся на родину амнистированных «эмигрантов».

Разница между Милюковым и Терещенко в отношении к Доливо-Добровольскому заключалась в том, что Милюков просто не интересовался этими делами и дал *carte blanche* Доливо, а Терещенко, после того как тот раскрыл своё давнишнее революционное прошлое, о чём я упоминал в начале настоящих записок, прямо побаивался его. Ещё более, чем Терещенко, боялся Доливо-Добровольского Нератов, который в качестве «царского бюрократа» значительно для бывшего гофмейстера переменял свою политическую

окраску, в одном разговоре со мной пожелав победы «умеренным социалистам» в Учредительном собрании, так как они одни, по его мнению, могли спасти положение.

Положение Доливо-Добровольского стало в министерстве *inattaquable* {неприступным???) не в силу того, что за спиной его стояли в тот момент какие-либо могущественные друзья, а исключительно в силу психологических обстоятельств, в силу моральной слабости Терещенко и Нератова. Доливо-Добровольский получил незадолго до ухода Милюкова предложение занять пост генерального консула в Париже, которое он отверг, не считая его для себя достаточно почётным (этот пост потом был замещён старым русским эмигрантом в Париже Айтовым), после того как он, ещё недавно нововременский фельетонист, превратился в революционера. В прошлом он мечтал о заграничном назначении, но не о консульском, а о дипломатическом, и, внешне изображая крайнее подобострастие, отлично понимал, что его побаиваются и начальство и коллеги, среди которых было мало лиц (или, вернее, совсем не было), которые могли бы похвастаться заслугами перед революцией.

В то же время Доливо-Добровольский крайне иронически отзывался о главных фигурах того времени, называя Керенского «Жанной д'Арк, воодушевляющей устриц», по поводу его объезда фронта перед наступлением, Терещенко называл всегда «*potre petit sucrier*»] из-за его сахарных заводов; по поводу утверждения молодого Коростовца, бывшего секретаря Милюкова, что кадеты и Милюков ещё вернутся к власти, он стал смеяться самым недипломатическим смехом, обидев В.К. Коростовца, который долго ещё после ухода Милюкова распространял всякие нелепицы о том, будто бы Милюков снова заменит Терещенко. Все эти остроты в своей компании не представляли из себя криминала, но после июльских дней *mot d'ordre*[лозунг] Доливо-Добровольского был «мир».

То он рассказывал по поводу призыва 43-летних, как за этой толпой бежали их бабы, голосившие на всю улицу, в свёртках неся за ними галоши и прочие невоенные предметы, то передавал в комичном виде массовые переходы в плен и т.п. Всё это, несомненно, имело определённую цель — подготовить своих коллег к приходу «тех, кто заключит мир». Иногда без обычного, хотя и остроумного, но всё же фиглярничества он говорил, что только та партия и то правительство, которые дадут мир, удержатся у власти, часто в порыве откровенности, ссылаясь на своего брата, капитана 1-го ранга, служившего в Морском генеральном штабе (я упоминал о нём как о будущем участнике брест-литовских переговоров), говорил, что мир неминуем, так как, если его не заключит Временное правительство, его заключат дезертиры.

Когда я его однажды спросил, неужели он советует делать «ставку на дезертиров», он сказал: «Вот именно, кто эту ставку сделает, у того в руках будет Россия». Когда я сказал: «Значит, она будет у большевиков», Доливо-Добровольский ответил: «Да, если не произойдёт чуда», и после стал горячо убеждать меня, что единственная возможность перехватить власть у большевиков — это немедленно заключить сепаратный мир с Германией, то есть вырвать у них главный козырь в их игре. Когда появилась упомянутая выше статья Нольде в «Речи» с подобным же предложением, Доливо-Добровольский очень загадочно отозвался: «Об этом нельзя писать, это можно только делать».

Предвидение Доливо-Добровольского на самом деле было соучастием, но так как никто до наступления большевизма не ожидал, что Доливо прямо перекинется к большевикам, то тот имел возможность до самого конца продолжать свои большевистские парадоксы, возбуждая во всех чувство гадливости, но не подозрения в прямой измене. Нератов, при котором Доливо никогда на подобные речи не решался, но

который знал о них, расценивал это как паясничание Доливо, не видя тут ничего серьёзного. Наоборот, молодые люди, подчинённые Доливо, относились к нему крайне подозрительно, и на одном заседании нашего комитета Общества служащих князь Л.В. Урусов, наш новый председатель и ближайший географический сосед Доливо по департаменту, прямо поставил вопрос о нём как о вредном человеке. Урусов на основании собственных впечатлений и отзывов служащих Правового департамента провёл через комитет требование о вызове Мандельштама и устранении Доливо.

Всё это так и произошло бы, поскольку слова и поступки Доливо были слишком явно дефетистскими, но Нератов, с которым самым конфиденциальным образом говорил по этому поводу Урусов, сказал, что всё, что он в состоянии сделать, это вызвать Мандельштама; до его приезда он, однако, не может изъять административную часть Правового департамента из рук Доливо, так как его ближайший помощник Чельцов — *beau-fils* [«пасынок»] Протопопова и обиженный Доливо сейчас же это опубликует. Нератов прибавил, что Доливо как-то ему на это намекнул в связи с каким-то предполагавшимся повышением Чельцова и что самое лучшее — подождать приезда Мандельштама. Так этот вопрос и не решился до большевистского переворота из-за неприезда Мандельштама. Все функции по иностранному шпионажу и по делу о большевиках — всё это оставалось до самого дня переворота в руках Доливо-Добровольского.

Как далеко зашла эта измена, находился ли он уже летом 1917 г. в сношениях с большевиками, прямо ли он информировал их о том, что делается в МИД, или просто знал достоверно, как всё произойдёт, и заранее приготовил себе позицию — всё это могут рассказать только большевики. Позже, при описании самого октябрьского переворота и поведения при этом Доливо-Добровольского, я приведу некоторые данные, из которых будет ясно, что согласованность действий нашего управляющего административной частью Правового департамента с большевиками, конечно, была, а раз так, то и вся его рассматриваемая ретроспективно деятельность по большевистским делам, вплоть до его участия в решении вопроса о впуске самых первых «эмигрантов», не может быть квалифицирована иначе, как измена.

Психологические обстоятельства, мешавшие бороться и вскрыть эту измену Доливо-Добровольского, заключались в том, что к моменту Февральской революции он был сотрудником «Нового времени», в разгар её, то есть летом 1917 г., оказался «бывшим революционером», а в момент октябрьского переворота, точнее, через несколько дней, он не только перешёл к большевикам, но и выпустил в «Правде» воззвание большевистского характера с призывом на службу бастовавших чиновников — призывом, вызвавшим ядовитую отповедь Философова, назвавшего его в «Речи» «елейным порнографом». Подробнее обо всём этом я расскажу ниже.

Доливо-Добровольский, выдвинутый из общей массы чиновников Нольде в бытность того директором II Департамента, между прочим, по случаю назначения Нольде товарищем министра произносил от имени служащих этого департамента напутственную речь Нольде, предрекая ему ослепительную будущность и говоря в необыкновенно выпретенных выражениях о деятельности Нольде в департаменте (на что Нольде рассмеялся и махнул рукой, говоря, что «всё это преувеличено», а про себя заметил: «Моя арфа уже повешена на гвоздь, и её золотят последние лучи солнца»). Он, однако, ошибся — его арфу позолотили лучи не февральского, а октябрьского солнца»¹²⁹.

Выступление Корнилова

Состоявшееся в июле (августе) 1917 года так называемое «Корниловское выступление» de-facto явилось неуклюжей попыткой Временного правительства руками временно его поддерживавшей верхушки военных вывести страну из беспорядка, ставшего итогом полугодового, по сути бездарного и ничтожного управления взявших державную власть «временщиков». И когда безмерно нарциссирующий глава правительства гражданин Керенский понял, что призванный к восстановлению общественной и военной дисциплины, двинувшийся на Петроград генерал Корнилов намерен узурпировать власть, он был временной властью откровенно предан, а его «выступление», ставшее именоваться «мятежом», было подавлено боевыми усилиями прежде всего революционных пролетариев и солдат, большевиками возглавляемых. В заключение этой политической и человеческой трагедии арестованный Корнилов встретился с циником-демократом Керенским, высказал ему всё, что он о нём думает и ... застрелился – в полном соответствии с одним из пунктов Кодекса чести русского офицера, гласящего: «Душа – Богу, долг – Отечеству, сердце – женщине, честь – никому».

(К сказанному, для аналитического сравнения, можно добавить «поправку» от Льва Давыдовича Троцкого, написавшего в своей «Истории русской революции», что мятеж Корнилова был согласован с Керенским и имел целью установление диктатуры последнего, но Корнилов изменил договоренностям и попытался добиться диктатуры для себя.)

Мысль о военной диктатуре, как о средстве избавиться от охватившей страну анархии, витала в среде высшего офицерства и промышленных кругов, из гипотезы превратилась в реальность сразу после июльских событий 1917 года, ставших, по мнению их организаторов «генеральной репетицией» будущей социалистической революции. И хотя Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, состоявшийся до этого предреволюционного взрыва, с 3 по 24 июня (с 16 июня по 7 июля), на котором преобладали эсеры и меньшевики, поддержал Временное правительство и отклонил требование большевиков о передаче всей власти Советам, власть предержавшие решили одним военным махом перерубить завязавшийся узел властных противоречий и первым шагом к этому стало введение в столице 4 (17) июля военного положения..

К этому времени наиболее влиятельные военные организации - Военная лига, Союз георгиевских кавалеров, штаб-квартиры которых находились в Петрограде, и созданный при Ставке в Могилёве Союз офицеров армии и флота – рассматривали в качестве военных диктаторов генерала Алексея Алексеевича Брусилова, адмирала Александра Васильевича Колчака, но, в итоге, предпочтение отдали генералу от инфантерии Лавру Георгиевичу Корнилову, числившемуся в высших военных и патриотических кругах - на время рассматриваемых событий - «героем».

Генерал Корнилов со времени своего побега из австрийского плена в 1916 году стал чрезвычайно популярен в войсках, пользовался в военных кругах авторитетом¹, вокруг него начало смыкаться офицерство, казачество — вообще все круги, стоявшие в оппозиции к расширявшимся революционным процессам, которые они рассматривали как развал страны, прежде всего правые круги, с дворянством и крупными собственниками связанные.

Говоря о побеге Корнилова из плена, следует отметить, что он был единственным из (кажется, шестидесяти) русских генералов на такое отважившимся. Это был уникальный случай для Первой мировой войны – условия содержания пленённых генералов были вполне сносными, в качестве ограничения действовало честное слово; и, кроме того, наверное, бегающий генерал, да ещё в форме солдата вражеской армии – символ паники.

Если обратиться к фактам, то 20 – 25 апреля 1916 года во время Горлицкого прорыва «немецкой фаланги» генерала Макензена, в результате артиллерийского налёта были практически уничтожены дивизии Девятого и Десятого корпусов, соседствовавших с сорок восьмой дивизией Корнилова, некоторое время ещё державшей фронт в так называемом «Орлином гнезде». Далее, отступая по приказу, по немногочисленным горным дорогам Карпат, полки дивизии столкнулись с плотным потоком отступающих тылов, частей соседних дивизий, оказались в арьергарде и не смогли выйти из плотного кольца.

Оказавшись с остатками штаба в окружении, отвергнув предложение сдаться, Корнилов ушел в горы, однако, вскоре, вместе с несколькими солдатами (остатками арьергарда) был взят в плен. Сорок восьмая Стальная пехотная дивизия погибла, но создала условия для благополучного отхода тыловых учреждений других корпусов, за что генерал Корнилов был награждён орденом Святого Георгия Третьей степени.

«Всякий мнит себя стратегом, видя бой со стороны». На изложенную выше трактовку событий (правда, уже много позже) нашлись злые языки, утверждавшие, что сорок восьмая дивизия «имела полную возможность отойти и погибла лишь вследствие безобразного управления войсками со стороны командира корпуса Цурикова, и особенно самого Корнилова, который неверно оценивал обстановку, не исполнял приказаний, не поддерживал связи с соседней 49-й дивизией, не сумел организовать отступательное движение, а главное неоднократно менял свои решения и терял время»¹⁴⁷.

Пленённый Корнилов был первоначально помещен в замок Нейгенбах, близ Вены, а затем переведён в Венгрию в замок князя Эстергази в селении Лека. Подписку о неучастии в войне не дал, мечтал о побеге, сделал (в различных изложениях) от двух до четырёх неудачных попыток, наконец, был отправлен (по иным версиям довёл себя до того чтобы быть отправленным) для лечения в военный госпиталь в город Кессиг. Отсюда, Лавр Георгиевич, создав предварительно небольшую группу поддержки, бежал («ако тать в нощи») с фальшивым паспортом и, перейдя румынскую границу, связался с русским консулом и раскрыл тому своё инкогнито. В сентябре 1916 года, восстановив силы после пережитых событий, Корнилов отбыл на Юго-Западный фронт командиром корпуса Особой армии генерала Василия Иосифовича Гурко.

Следующей ступенью в карьерной лестнице Лавра Георгиевича стало назначение его командующим Петроградского военного округа в первые мартовские дни революционно-й вакханалии. В этой должности ему волей-неволей пришлось объявлять об аресте императрице и её семье в Царском Селе. И, как свидетельствуют очевидцы, никакого оскорбительного отношения к Александре Фёдоровне и её детям Корниловым проявлено не было: боле того, сам он тяжело переживал выпавшее ему на долю исполнение столь тяжёлого поручения от новой власти.

В конце апреля 1917 года, генерал Корнилов отказался от командования войсками Петроградского округа, *«не считая возможным для себя быть невольным свидетелем и участником разрушения армии... Советом рабочих и солдатских депутатов»*, и добился

перевода на Юго-Западный фронт командующим Восьмой армией¹⁴⁷. Здесь, во второй половине мая был сформирован Первый Ударный отряд из добровольцев, прекрасно проявивший себя в боях (в частности, при взятии Калуша). Позже полк переименовали в Корниловский ударный полк; знаки отличия чинов полка были дополнены буквой «К» на погонах - по фамилии шефа полка, и нарукавной полковой эмблемой с надписью «Корниловцы». Личной охраной Корнилова стал этнический туркменский конный Текинский полк.

После общей неудачи июньского наступления Русской армии и Тернопольского прорыва австро-германских войск генерал Корнилов, сумевший в сложнейшей ситуации удержать фронт, был произведён в генералы от инфантерии, а 7 июля назначен Керенским главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта вместо генерала Алексея Евгеньевича Гутора. Приняв дела, он направил Временному правительству телеграмму с описанием положения на фронте («Армия обезумевших тёмных людей... бежит...») и свои предложения по исправлению положения (введение смертной казни и полевых судов на фронте).

19 июля 1917 года Керенский, приняв во внимание рекомендации своего заместителя и губернатора Петрограда Бориса Викторовича Савинкова назначил Верховным главнокомандующим (вместо генерала Брусилова) генерала от инфантерии Лавра Георгиевича Корнилова. Через несколько дней по этому поводу состоялась беседа Михаила Ивановича Терещенко с английским послом Бьюкененом, позже вспоминавшем по этому поводу: *«Остаётся только одно: введение военного положения во всей стране, использование военно-полевых судов против железнодорожников и принуждение крестьян к продаже зерна. Правительство должно признать генерала Корнилова; несколько членов правительства должно оставаться в ставке для постоянной связи с ним. На мой вопрос о том, разделяет ли его взгляды Керенский, Терещенко ответил утвердительно, но сказал, что у премьера связаны руки»*¹⁴⁸

24 июля (6 августа) 1917 года было создано второе коалиционное правительство, в состав которого вошли семь представителей социалистических партий (эсеров и меньшевиков) против четырёх кадетов, возглавил правительство эсер Александр Фёдорович Керенский. Неделю спустя на совещании с участием министров путей сообщения и продовольствия генерал Корнилов, излагая свои взгляды на положение дел в стране и в армии, сказал, что для окончания войны миром, достойным великой, свободной России, необходимо иметь три армии: армию в окопах, непосредственно ведущую бой, армию в тылу — в мастерских и заводах, изготавливающую для армии фронта всё ей необходимое и армию железнодорожную, подвозящую это к фронту.

3 августа в Петрограде в предоставленной Керенскому для доклада Временному правительству записке генерал Корнилов обозначил следующие главные мероприятия, в числе которых значились: введение на всей территории России в отношении тыловых войск и населения юрисдикции военно-полевых судов, с применением смертной казни за ряд тяжчайших, преимущественно военных, преступлений; восстановление дисциплинарной власти военных начальников; введение в узкие рамки деятельности комитетов и установления их ответственности перед законом.

Керенский же, в общем согласившись с мерами, предлагавшимися Корниловым, уговорил того не спешить с передачей записки правительству, мотивируя это пожелание целесообразностью завершения аналогичной работы военного министерства для взаимного согласования проектов. Однако уже на следующий день, 4 августа, копия

записки генерала оказалась в распоряжении газеты «Известия», начавшей печатание выдержек из неё и открывшей тем самым самую широкую кампанию против Корнилова.

Важную роль в будущих событиях августа, связанных с именем генерала Корнилова, сыграло проведённое на квартире у московского городского комиссара, члена ЦК кадетской партии Кишкина по инициативе Родзянко частное совещание членов партий кадетов и октябристов и бывших членов Комитета Государственной Думы Милюкова, Маклакова, Шингарева, Шидловского, Савича.

Накануне совещания с публичными обращениями поддержки Главковерху Корнилову выступили также «Союз офицеров», «Союз Георгиевских кавалеров», «Союз казачьих войск», съезд несоциалистических организаций и другие. Финансовую поддержку движению оказывали крупнейшие русские капиталисты Рябушинский, Морозовы, Третьяков, Путилов, Вышнеградский и другие.

Представитель Ставки полковник Роженко сообщил о назревающем конфликте между Корниловым и Керенским, возможном выдвижении на Петроград кавалерийских частей «для ликвидации попытки большевистского переворота», разгоне Совета и Временного правительства и передачи власти Думе. Реальной же угрозы выступления большевиков в тот момент не существовало, так как были они – после июльских дней – разгромлены и дискредитированы как немецкие шпионы, но корниловцы всячески обсуждали утверждения о ней, чтобы иметь подходящий повод для выступления.

По словам Виктора Михайловича Чернова, одного из основателей партии эсеров, *«искать помощников Корнилову не пришлось. Его вызывающее поведение стало сигналом для всей России. Представители Союза офицеров во главе с Новосильцевым явились сами и выразили желание работать ради спасения армии. Прибыли делегаты от Казачьего совета и Союза георгиевских кавалеров. Республиканский центр пообещал Корнилову поддержку влиятельных кругов и передал в его распоряжение военные силы петроградских организаций. Генерал Крымов прислал в комитет Союза офицеров гонца с поручением выяснить, правда ли, что „что-то затевается“ и сообщить, должен ли он принять 11-ю армию, предложенную ему Деникиным, или остаться с 3-м корпусом, которому предстоит, как он выразился, „куда-то отправиться“. Его попросили остаться с 3-м корпусом»*¹²⁹.

На этом же совещании в докладах представителей «Союза офицеров» полковников Новосильцева и Пронина по «программе Корнилова», было заявлено о необходимости «общественной поддержки» генерала. По воспоминаниям Никанора Васильевича Савича (члена Третьей и Четвёртой Государственных Дум от Харьковской губернии), эти доклады производили впечатление *«неожиданно-наивных и по-детски необдуманных»*. *«Нам стало ясно, что всё, решительно всё в этой авантюре не продумано и не подготовлено, есть только болтовня и добрые намерения»*¹⁴⁹. Выступившие от партии кадетов Павел Николаевич Милюков и князь Григорий Николаевич Трубецкой говорили о важности и, в то же время, о невозможности военной диктатуры, если она не будет поддержана массами. В результате складывалось впечатление, что кадеты поддерживают Корнилова. Однако об ошибочности подобной уверенности говорил Новосильцеву Маклаков: *«Я боюсь, что мы провоцируем Корнилова»*. Всё это вселяло в Корнилова уверенность в сочувствии ему не только генералитета и политиков, но также офицерства и солдат.

В период с 12 (25) по 15 (28) августа 1917 года в Москве, в стенах её Большого театра состоялось ???, и тон ему задал на нём председательствующий Керенский,

заявивший во вступительной речи двум с половиной тысячам депутатам различного политического толка, что "железом и кровью" раздавит все попытки сопротивления правительству.

В Первопрестольной Верховного главнокомандующего встречали как спасителя Отечества. Город был наводнен транспарантами и брошюрами, прославляющими

Корнилова. На площади перед вокзалом построился 9-й Донской казачий полк, недавно переброшенный в Москву. Накануне главковерх получил телеграмму от председателя Четвертой Государственной Думы **Михаила Родзянко**, который сообщал Корнилову о позиции Совещания общественных деятелей, объединившего многих представителей правых сил. В ней говорилось: «*В грозный час тяжелого испытания вся мыслящая Россия смотрит на вас с надеждой и верою*».⁷⁷

На этом совещании Корнилов чётко проявил свои политические претензии и тем вступил в конфликт с Керенским. Министр-председатель пытавшийся отстранить Главковерха от политической деятельности, с большой неохотой согласился на его

участие в совещании, поставив условием, чтобы тот говорил о чисто военных вопросах; тем не менее Корнилов произнес яркую политическую речь, произведшую большое впечатление и воспетую в одном из стихотворений Марины Цветаевой:

...Сын казака, казак...

Так начиналась — речь.

— Родина. — Враг. — Мрак.

Всем головами лечь.

Бейте, попы, в набат.

— Нечего есть. — Честь.

— Не терять ни дня!

Должен солдат

Чистить коня...

Хотя присутствовавшие на совещании солдаты демонстративно не встали при появлении Корнилова, публика встретила его речь восторженно, а при выходе Корнилова забросали цветами, а юнкера и казаки Текинского полка (текинтцы) несли его на плечах.

Уже в дни Московского совещания из Финляндии выдвинулись: на Петроград - кавалерийский корпус верного Корнилову генерал-майора Александра Николаевича Долгорукова, на Москву - Седьмой Ораниенбаумский полк; они были остановлены командующими соответствующих военных округов. Вслед за тем, с целью создания плацдарма для похода на Петроград, под Невелем, Новосокольниками и Великими Луками сосредоточились прокорниловские воинские части, в том числе Ингушский и Черкесский полки «Дикой дивизии» под командованием генерал-лейтенанта Александра Михайловича Крымова. Как вспоминает адъютант Корниловского (ещё в мае 1917 года созданного) полка князь Николай Павлович Ухтомский: «*Общее мнение склонялось к тому, что мы идём на Петроград... Мы знали, что скоро должен состояться государственный переворот, который покончит с властью Петроградского совета и объявит либо директорию, либо диктатуру с согласия Керенского и при его участии, которое в данных условиях было гарантией полного успеха переворота*»¹⁵⁰.

Когда не посвящённый в заговор начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал Александр Сергеевич Лукомский потребовал от Корнилова объяснений, тот сообщил ему, что имеет целью защитить Временное правительство от нападения большевиков и Советов даже против воли самого правительства. Он *«повесит германских агентов и шпионов во главе с Лениным»* и разгонит Советы. Корнилов хотел доверить эту операцию Крымову, так как знал, что тот *«не колеблясь, развесит на фонарях всех членов Совета рабочих и солдатских депутатов»*. Возможно, в последний момент он, Корнилов, сумеет заключить соглашение с Временным правительством, но если согласия последнего добиться не удастся, ничего страшного не случится: *«потом они сами скажут мне спасибо»*.

. В эти дни начавшееся продвижение к двум столицам поддерживающих Корнилова воинских частей. Московский совет рабочих депутатов же создал комитет, в который вошли эсеры, меньшевики и большевики. Командующий войсками Московского военного округа полковник Александр Верховский, выдвиженец Керенского, заявил главноверху о своей верности правительству и блокировал выдвижение казаков к Москве; был остановлен и финляндский корпус. Узнав об этом, Корнилов уехал в Могилев, в Ставку

В последовавшем наступлении немецких войск в Прибалтике пала – 10 (25) августа – Рига, в чём Ставка обвинила большевиков, несмотря на то что упорное сопротивление противнику оказали именно самые большевизированные латышские полки. Немецкая

военная угроза стала поводом к тому, что Ставка потребовала согласия правительства на формирование отдельной Петроградской армии и введение в столице военного положения.

Керенский согласился, но при этом провел решение правительства о выделении из состава округа новой структуры – Петроградского военного губернаторства, которое создавалось в границах города и прилегающих пригородов и изымалось из подчинения Ставке.

С этим решением 23 августа (5 сентября) в Могилев прибыл Борис Викторович Савинков, ставший к тому времени управляющим Военным министерством и заместителем Керенского как военного министра. На частной встрече с Корниловым Савинков сказал, что хочет помирить его с Керенским и побудить их действовать вместе. Главковерх ответил, что считает премьера *«человеком слабохарактерным, легко поддающимся чужим мнениям и, конечно, не знающим того дела, во главе которого он стоит»*⁶⁹. Корнилов заявил о необходимости сформировать новое сильное правительство, однако согласился с тем, чтобы и Керенский вошел в его состав, и даже сказал о своей готовности *«всемерно поддерживать»* Керенского, *«если это нужно для блага Отечества»*¹⁵⁰. Кроме того, он согласился на выделение Петроградского губернаторства в качестве зоны, неподконтрольной Ставке.

Затем Савинков, ссылаясь на Керенского, просил Ставку дать правительству *«конный корпус для... подавления всяких попыток возмущения против Временного правительства, откуда бы они ни шли»*⁶⁹.

Он указал на опасность большевистского восстания и сказал: *«...прошу вас отдать распоряжение о том, чтобы 3-й конный корпус был к концу августа подтянут к Петрограду и предоставлен в распоряжение правительства. В случае если кроме большевиков выступят и члены Совета рабочих и солдатских депутатов, то нам придется действовать и против них. Я только прошу вас во главе 3-го конного корпуса не*

присылать генерала Крымова, который для нас не особенно желателен»⁶⁹. Савинков просил также не привлекать к операции Дикую дивизию, поскольку *«неловко поручать утверждение русской свободы кавказским горцам»*. Наконец, заместитель военного министра подчеркнул необходимость проинформировать его об окончании сосредоточения конного корпуса под Петроградом с тем, чтобы в этот момент было объявлено о введении военного положения в Петроградском военном губернаторстве.

Приехав в Петроград, Савинков 25 августа (7 сентября) доложил Керенскому о согласии Корнилова с пожеланиями правительства и передал ему слова генерала о готовности *«всемерно поддерживать Керенского»*. Премьер *«для большего успокоения»* подписал указ о назначении Крымова командующим 11-й армией Юго-Западного фронта, думая тем самым отослать его подальше от Петрограда.

Однако успокоился Керенский напрасно. Сразу после отъезда Савинкова из Могилева Корнилов поручил Крымову продолжать формирование отдельной Петроградской армии, в состав которой была включена и Дикая дивизия. Крымов, вместо того чтобы ехать в Бердичев (штаб Юго-Западного фронта), вечером 25 августа (7 сентября) отправился в расположение частей создаваемой им армии. Главная задача, поставленная перед ним Корниловым, заключалась в следующем: *«В случае получения от меня или непосредственно на месте [известия] о начале выступления большевиков... занять город, обезоружить части Петроградского гарнизона, которые примкнут к движению большевиков, обезоружить население Петрограда и разогнать Советы»*¹⁵⁰.

Опираясь на это указание, Крымов в тот же день подписал, но не обнародовал приказ об объявлении Петрограда, Кронштадта, Петроградской и Эстляндской губерний и Финляндии на осадном положении. Упоминание в приказе Петрограда свидетельствует о том, что *«экстерриториальность»* столицы Ставкой игнорировалась.

Свой приказ (в запечатанном пакете) Крымов дал командирам дивизий вместе с предписаниями, написанными от руки, с пометкой: *«Секретно. Для личного сведения»*. В предписании *«начдиву Туземной»* князю **Дмитрию Багратиону** значилось: *«тотчас по получении сведений о беспорядках и не позже утра 1 сентября вступить в г. Петроград и занять районы города», «разоружить все войска (кроме училищ) нынешнего Петроградского гарнизона и всех рабочих заводов и фабрик», «ничьих распоряжений, кроме исходящих от меня... ни в коем случае не исполнять», «против неповинующихся лиц гражданских или военных должно быть употребляемо оружие без всяких колебаний или предупреждений»*. Кроме того, в пакете был план Петрограда с отмеченными на нем местами расположения казарм, фабрик и заводов, а также содержались сведения о численности частей гарнизона, рабочих на заводах и об их вооружении.

С утра 26 августа (8 сентября) началась переброска дивизий к Петрограду. О настрое офицеров выдвигавшихся войск сообщает в своих воспоминаниях Петр Николаевич Краснов – генерал, который сменил Крымова на посту командующего Третьим конным корпусом¹⁵¹. *«Керенского в армии ненавидят. <...> Против него брошены лучшие части. Крымова обожают. Туземцам все равно, куда идти и кого резать, лишь бы их князь Багратион был с ними. Никто Керенского защищать не будет. Это – только прогулка; все подготовлено»*, – писал Краснов.

В ночь на 27 августа (9 сентября) Корнилов шифрованной телеграммой сообщил Савинкову: «*Корпус сосредоточивается в окрестностях Петрограда к вечеру 28 августа. Я прошу объявить Петроград на военном положении 29 августа*». Таким образом, все было сделано для того, чтобы поставить Керенского перед фактом захвата города в ответ на «большевистское восстание»⁶⁹.

Однако в этот план неожиданно вмешался бывший обер-прокурор Святейшего синода во Временном правительстве первого состава Владимир Николаевич Львов, который еще 23 августа (5 сентября), встретившись с Керенским, стал уговаривать его расширить базу правительства за счет ряда правых деятелей, ссылаясь на свои связи с влиятельными людьми. Львов не имел никакого политического веса, но Керенский не отверг его предложение «*узнать настроение общественных групп*» и «*представить премьеру их требования*». После этого Львов отправился в Ставку и утром 25 августа (7 сентября) имел беседу с Корниловым. По словам генерала, Львов заявил от имени Керенского, что тот готов уйти из правительства, если Корнилов считает это необходимым, но готов и договориться с ним о совместной работе. Львов же, в свою очередь, позже утверждал, что просил Главковерха только сформулировать мнение по поводу реформирования правительства.

Как бы то ни было, Корнилов сказал Львову, что считает «участие в управлении страной самого Керенского и Савинкова безусловно необходимым», однако полагает, что сейчас в России нужна диктатура, и подчеркнул, что если правительство предложит ему обязанности диктатора, то он от этой миссии не откажется. Кроме того, генерал заявил Львову, что в Петрограде в ближайшие дни готовятся выступление большевиков и покушение на министра-председателя правительства и поэтому он просит Керенского самого «*приехать в Ставку, чтобы договориться с ним окончательно*». Своим честным словом главковерх гарантировал премьеру «*полную безопасность в Ставке*».

Львов, вернувшийся в Петроград, передал (как им им записанные) «предложения» Корнилова: «*1) Объявить Петроград на военном положении. 2) Передать всю власть, военную и гражданскую, в руки Верховного главнокомандующего. 3) Отставка всех министров, не исключая министра-председателя, и передача временного управления министерств товарищам министров, впредь до образования кабинета Верховным главнокомандующим*»¹⁵². Львов также сообщил, что Корнилов просит Керенского срочно приехать в Ставку из-за опасности нового восстания большевиков и покушения на него лично.

Получив такие «предложения», Керенский, дабы «задокументировать» антиправительственные действия Корнилова, вызвал того к буквопечатающему аппарату Юза и фиксировал на телеграфной ленте разговор, в котором просил генерала подтвердить, что Львов передал то, что ему было поручено. Корнилов, подтвердив полномочия Львова, категорично указал на «*повелительную*» необходимость «*вполне определенного решения в самый короткий срок*» и повторил «*настойчивую просьбу*» к Керенскому приехать в Могилев. Премьер, помня о том, что это предложение мотивировалось опасностью выступления большевиков, задал вопрос.

«Керенский. Приезжать ли только в случае выступлений, о которых идут слухи, или во всяком случае?»

Корнилов. Во всяком случае. До свидания, скоро увидимся.

Керенский. До свидания»¹⁵².

Премьер немедленно предъявил юзограмму переговоров с Корниловым членам Временного правительства. Они не могли не признать, что ультимативное, нарушающее субординацию требование Главковерха о срочном приезде в Ставку Керенского и Савинкова подтверждало версию о заговоре. В ту же ночь Керенский получил неограниченные полномочия для борьбы с контрреволюционным мятежом и уже утром 27 августа (9 сентября) опубликовал «Сообщение министра-председателя», в котором обвинил Корнилова в попытке захвата власти. Ссылаясь на полномочия, данные ему правительством, премьер приказал Корнилову «сдать должность Верховного главнокомандующего» и приехать в Петроград.

Корнилов отказался выполнить приказ и выступил с обращением к народу, заявив, что правительство *«под давлением большевистского большинства Советов действует в полном согласии с планами германского Генерального штаба»¹⁴⁷*. Керенский так квалифицировал действия Корнилова: *«Генерал, который позволяет себе называть Временное правительство агентами немецкого штаба и объявляющий себя властью, есть мятежник»¹⁵²*.

28 августа (10 сентября) правительство формальным указом отстранило Корнилова от должности Верховного главнокомандующего «с преданием суду за мятеж». Корнилов указу не подчинился и потребовал от командующих Петроградским и Московским военными округами, всеми фронтами и армиями выполнять только его распоряжения, а также приказал Крымову продолжать поход на Петроград.

О состоянии умов в Министерстве иностранных дел в эти августовские дни семнадцатого года рассказывает Георгий Николаевич Михайловский: *«Корниловские дни не могли, конечно, не отразиться на жизни министерства. Те, кто близко знал Л.Г. Корнилова, а такие у нас были, ещё тогда, когда Временное правительство не выпустило своего воззвания, объявлявшего Корнилова изменником, говорили, что Корнилов не государственный деятель и, если ему даже удастся захватить власть, он не исправит положения, так как он при всём своём героизме не политический человек. Несмотря на этот скептический отзыв, шедший от людей беспристрастных, общие симпатии всего ведомства были в огромном большинстве не на стороне Временного правительства, а на стороне Корнилова.*

Эти дни глубоко отличались от июльских, хотя и очень опасных для правительства, но представлявших лишь набег кронштадтских матросов, нападение извне с изменнической подоплёкой. Если в эти дни все искренне сочувствовали Временному правительству, то именно потому, что оно, отражая нападение кронштадтских наймитов, совершало национальное и даже патриотическое дело. В корниловском же движении всё было иначе. Подлинно русский характер этого выступления, быть может, действительно возникшего из бестолковой сумятицы с двух сторон, внезапно рассеченный словом «изменник» по отношению к верховному главнокомандующему армии, — квалификация, вздорность коей была тогда ясна всем, — всё это отвратило от Временного правительства ту массу, которая перестала быть монархической после Февральской революции и не стала республиканской.

...Спокойствие Терещенко в самом начале корниловского выступления было прямо изумительно — он говорил об этом направо и налево в нашем ведомстве с самым благодушным видом, и он был бы незаурядным дипломатом, если бы делал это, только желая успокоить ведомство. Но когда по всей России разошлось воззвание Временного

правительства с объявлением Корнилова изменником, на Терещенко было страшно смотреть — до такой степени он был взволнован. От моих коллег по комитету, которые были в дипломатической канцелярии при Ставке (от князя С.А. Гагарина), я знаю, что, действительно, готовилось примирительное соглашение, которое в последний момент было «сорвано», как тогда говорили, посредниками, оказавшимися либо бестолковыми, либо нечестными маклерами»¹²⁹.

Перед угрозой военной диктатуры все социалисты сплотились, сформировав Комитет народной борьбы с контрреволюцией на паритетных началах. В решающий момент Керенский, не доверяя юнкерам, обратился за помощью к матросам-большевикам крейсера «Аврора», которые взяли под охрану Зимний дворец. Дальше все было так, как в дни Февральской революции: железнодорожники остановили эшелоны, агитаторы объяснили рядовым казакам, во что их втягивают. В свою очередь, Керенский посылал приказы, требуя остановить войска.

На всех фронтах солдатские комитеты арестовали офицеров, заподозренных в участии в заговоре. Легкость ликвидации мятежа была обусловлена тем, что Советы, солдатские комитеты, все левые партии и Керенский как глава правительства действовали вместе. Корниловское выступление резко ослабило армию: солдаты окончательно потеряли доверие к большинству офицеров, в которых они теперь подозревали скрытых сторонников недавнего главковерха. Советы и солдатские комитеты укрепили свои позиции как органы, которые встали на борьбу с контрреволюцией. Лозунг «Вся власть Советам» стал восприниматься массами как необходимость, что повышало авторитет большевиков, изначально этот лозунг отстаивавших.

Керенский потребовал прекратить переброску войск к Петрограду, правительство и руководящие органы советов готовились к обороне столицы. Двигавшиеся к городу эшелоны 3-го конного корпуса генерала Александра Крымова остановились из-за противодействия железнодорожников и местных советов, сам генерал застрелился 31 августа в Петрограде, вскоре после разговора с Керенским. 2 (15) сентября Корнилов был арестован, вместе с группой генералов и офицеров он содержался в заключении в городе Быхове.

«Наиболее ходовая версия того времени приписывала эту роль Б.В. Савинкову, который будто бы в решительную минуту заколебался и спутал всё дело. Скажу, например, что когда Савинков написал свою известную оправдательную записку по корниловскому делу, то тогда говорили, что он опять написал «То, чего не было» (название его нашумевшего в своё время романа). Говорилось, что между Керенским и Корниловым было соглашение о разгроме Петроградского Совдепа и его большевистского крыла, соглашение, расстроившееся благодаря тому, что об этом узнали в Совдепе, а Ставку не успели предупредить; из-за этого заранее подготовленному движению войск был придан антиправительственный характер, которого оно не имело, его цель была антисоветская, и только.

Передавая эту версию, я хочу только сказать, что в нашем ведомстве благодаря Терещенко были осведомлены о взглядах Временного правительства и в то же время знали воззрения Ставки, где у нас с самого начала войны была дипломатическая канцелярия, которой к моменту корниловского кризиса заведовал князь Г.Н. Трубецкой.

...Как я только что сказал, самое поразительное в начале корниловских дней — это спокойная уверенность М.И. Терещенко, которую он старался сообщить всем, уверенность, имевшая, несомненно, какое-то объективное основание. За несколько часов

до обнародования воззвания Временного правительства с объявлением Корнилова изменником Петраев, у которого я был по одному делу и которого спросил о положении Временного правительства, сказал мне, что он уверен, что всё кончится благополучно, что никакого разрыва между правительством и Корниловым не произойдёт и что с минуты на минуту будет образован «боевой комитет» из трёх лиц — А.Ф. Керенского, Н.В. Некрасова и М.И. Терещенко, каковому будет передана диктаторская власть над всей Россией.

Когда я с удивлением спросил, почему же столь боевое название для новой Директории и как это совместить с его уверенностью, что всё кончится благополучно; если такой «боевой комитет» действительно образуется, то скорее надо ждать чего-то вроде гражданской войны, Петраев ответил, что корниловское выступление есть, несомненно, «подрыв» престижа Временного правительства и диктатура названных трёх лиц есть «тактический ход», чтобы этот престиж поднять и взять бразды правления в «железные руки», дабы предупредить возможность выступлений справа и слева; что как только этот «боевой комитет» будет образован, то он войдёт в переговоры с Корниловым, заставит его отказаться от выступления и потребует торжественного отречения от него. Петраев не только не имел вида человека, выболтавшего правительственную тайну, но попросил меня как секретаря комитета сообщить новость Урусову и другим членам комитета, дабы успокоить их насчёт твёрдых намерений Временного правительства путём диктатуры предохранить Россию от потрясений»¹²⁹.

Финал

После бескровной капитуляции генерала Корнилова освободившуюся вакансию Верховного Главнокомандующего занял самоназначением Керенский, одновременно учредивший и возглавивший Совет Пяти (Директорию), в который, кроме него, министра-председателя, вошли министр иностранных дел Терещенко, военный министр полковник Александр Иванович Верховский, морской министр адмирал Дмитрий Николаевич Вердеревский, министр почт и телеграфов меньшевик??? Алексеевич Никитин. Предполагалось, что после состоявшегося, уже второго развала коалиционного по составу правительства, Директория будет управлять страной до создания теперь уже третьей правительственной коалиции.

Под давлением Советов Директория провозгласила Россию Республикой; одновременно была распущена Четвёртая Государственная Дума.

«Директория! Совет пяти!». Такие именованья государственного механизма - в конце восемнадцатого века – действовали в революционной Франции, но недолго – их скоро, через несколько политических ходов сменили консулат и диктатура Наполеона Бонапарта. Возможно к подобному развитию событий стремился, влекомый честолюбием и жадной неограниченной власти, гражданин Керенский, с первый дней Февральской революции подчёркнуто символически перебравшийся из Мариинского дворца в дворец Зимний и должным размахом адаптировавший царские чертоги под собственные нужды.

На третьем этаже в апартаментах Александра III Александр Фёдорович обустроил себе квартиру и «общежитие» для сотрудников. Совещания по военным вопросам проводились в Готической библиотеке. Малахитовая гостиная была отведена под заседания Временного правительства; заместителю премьер-министра и министру торговли, кадету Коновалову предоставили Угловой кабинет. Личные вещи отрекшегося

императора и его семьи упаковали в ящики и отправили в подвал, роскошную мебель вынесли, заменив ее канцелярскими столами и венскими стульями с гнутыми спинками, неизменным оставили только кабинет Николая II

Тема «Керенский в Зимнем» стала необычайно популярной у карикатуристов и авторов газетных фельетонов, в столице ходили скабрёзные анекдоты о министре-председателе, спящем в постели императрицы, а сам Керенский получает донельзя обидное прозвище «Александра Федоровна». Через десять лет, в 1927 году, Владимир Маяковский припомнил стихотворно этот пикантный исторический нюанс:

*«Царям
дворец
построил Растрелли.
Цари рождались,
жили,
старели.
Дворец
думал?
вертлявом постреле, —
гадал,
в кровати,
царицам вверенной,
раскинется
какой-то
присяжный поверенный».*

*не
о
не
что*

Зимний при «Временных» стал смахивать на неопрятный гибрид унылой конторы и гигантской коммунальной квартиры с гигантскими проходными коридорами, по которым помимо прочих, перемещались и матросы с крейсера «Аврора» (в качестве охраны – их призвали во время выступления Корнилова), и неперемные «барышни», сотрудницы аппарата правительства, господа офицеры в больших не по возрасту хозяев погонах – выдвиженцы Керенского, резко повышенные в званиях после летних событий.

Помпезность бывшей императорской резиденции исчезла, растворилась в революционных буднях. На мраморных статуях первого этажа можно было видеть весьма фривольно развешенные на просушку полотенца, портупей, вбитые в стену гвозди, заменявшие вешалки, нахлобученную на голову античного бюста фуражку.

Еще в июле 1917 года, Художественная комиссия по приемке движимого имущества Петербургских дворцов бывшего Петроградского Дворцового Управления, созданная по указанию Временного правительства, и ее глава, Василий Андреевич Верещагин, коллекционер и знаток искусства, предупреждали Керенского, что пребывание революционных воинских частей в исторических покоях Зимнего дворца может нанести непоправимый ущерб, но министр-председатель к ним не прислушался – безопасность превыше всего! И потому, в Белом зале и Золотой гостиной можно было наблюдать армейские железные кровати и тюфяки, набитые соломой – здесь были обустроены казармы.

Известный портрет Керенского кисти Ильи Ефимовича Репина был выполнен в тех самых апартаментах, причем в письме к скульптору Оленину от начала августа 1917 года

художник не скрывает своего восторга: «...Керенский. Какая сложная, гениальная натура! Вот человек родился Наполеоном; какой это талант, какая энергия! И до чего он всегда неожиданно оригинален; а вообще прост и добр, как отмеченный Божиим перстом!»¹⁵³ Не знал, судя по всему, Илья Ефимович, что «бескровность» обеспечили как раз большевики, которых в панике призвал на помощь Керенский, смертельно напуганный попыткой военного переворота. Не знал он, что по велению министра-председателя рабочим раздали оружие, что двинувшиеся навстречу войскам агитаторы сумели уговорить кавалерийские части не выступать против революции.

В «Воззвании ко всем трудящимся, рабочим и солдатам Петрограда» Центральный комитет партии большевиков, в частности, сообщал: «...Временное правительство распалось при первом же движении корниловской контрреволюции. Это правительство, которому часть демократии неоднократно выражала свое доверие, которому она вручала всю полноту власти, – это правительство оказалось не в состоянии исполнить свою первую и основную задачу – задавить в корне генеральско-буржуазную контрреволюцию. Попытки соглашения с буржуазией ослабили демократию, разожгли аппетиты буржуазии, дали ей смелость решиться на открытое восстание против революции, против народа»¹⁵⁴.

Должно отметить, что «корниловщина» произвела эффект, прямо противоположный ожидавшемуся – взрывообразно возросла популярность большевиков, единственных, кто не побоялся встать против «генеральского мятежа» и поддержать Керенского всеми доступными силами, при этом уладив дело без стрельбы и крови.

Советы, влияние которых после «Июльских дней» и неудачной попытки анархистского переворота было серьезно подорвано, вновь выходят на политическую арену, причем рабочие и солдатские комитеты делегировали в них именно большевиков, в ущерб эсерам и меньшевикам, прежде располагавшим абсолютным доминированием.

Происходит то, что два месяца назад сочли бы невероятным – 13 сентября 1917 года большевистская фракция получила в Петросовете большинство голосов на предложенную ленинцами резолюцию «О власти», в которой выставляется требование передачи Советам всей полноты власти. 22 сентября президиум Петросовета в составе Чхеидзе, Церетели и Чернова подали в отставку, а председателем был избран Лев Давыдович Троцкий

– его и других большевиков освободили из «Крестов» в начале сентября, сразу по подавлению выступления Корнилова. В отсутствие Ленина Троцкий стал «техническим» вождем партии.

Аpropos! Анатолий Васильевич Луначарский, будущий первый нарком просвещения, несколько лет спустя в эссе «Л. Д. Троцкий» напишет: «...Огромная властность и какое-то неумение или нежелание быть сколько-нибудь ласковым и внимательным к людям, отсутствие того очарования, которое всегда окружало Ленина, осуждали Троцкого на некоторое одиночество. Подумать только, даже немногие его личные друзья (я говорю, конечно, о политической сфере) превращались в его заклятых врагов. <...> Политический путь Троцкого как будто несколько извилист, он не был ни меньшевиком, ни большевиком, искал средних путей, потом влил свой ручей в большевистскую реку, а между тем на самом деле Троцкий всегда руководился, можно сказать, буквою революционного

марксизма. Ленин чувствует себя творцом и хозяином в области политической мысли и очень часто давал совершенно новые лозунги, которые нас всех ошарашивали, которые казались нам дикостью и которые потом давали богатейшие результаты. Троцкий такую смелостью мысли не отличается»¹⁵⁵. Симпатичным и гибким человеком Троцкий не был, но зато обладал уникальным талантом оратора, фантастическим даром убеждения и колоссальной энергией.

14 (27) сентября — 22 сентября (5 октября) состоялось Всероссийское демократическое совещание демократических политических партий (представители правых сил не приглашались), созванное по инициативе Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих и солдатских депутатов и Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов — в противовес августовскому Московскому государственному совещанию. На совещании обсуждалось отношение его участников к кадетам и возможности (или невозможности) создания с ними правительственной коалиции. После того, как большевики оказались единственной политической силой, проголосовавшей против допустимости коалиции с кадетами, они покинули зал заседания и приступили к подготовке собственных планов ликвидации «временной власти» и передачи её в руки Советов путём установления диктатуры пролетариата.

Одним из итогов работы Демократическое совещание стало избрание постоянно действующего Временного совета республики, Предпарламента, которому должно было подчиниться Временное правительство, но всё получилось с точностью до наоборот - Предпарламент стал лишь совещательным органом при Временном правительстве и заметной роли в укреплении государственной системы не сыграл. Хотя намерения на сей счёт были самыми благостными - юридическое совещание разработало проект, который лег в основу опубликованного 3 октября 1917 года Положения о Временном Совете Республики. По нему Предпарламент состоял из 475 человек, назначенных Временным правительством по представлению существующих общественных организаций. Предпарламент носил характер совещательного учреждения. Он должен был давать заключения по делам, вносимым на его обсуждение Временным правительством. Причем правительству предоставлялось право отвергнуть заключение большинства Совета. Члены Предпарламента могли обращаться к министрам за разъяснениями, но последние имели право отказать их давать «по соображениям государственного порядка».

25 сентября (8 октября) Керенский создал третье коалиционное правительство, в которое, помимо пятерых членов упразднённой Директории, вошли представители партий кадетов, эсеров, меньшевиков, трудовиков, военных специалистов, беспартийных.

Временное правительство нового состава провозгласило намерение стать «твёрдой властью» и силой остановить «волны анархии». 7(20) октября по соглашению с лидерами меньшевиков, эсеров, кадетов Керенский созвал так называемый Временный совет Российской республики, имевший целью изменить политическое развитие страны, направить её с пути надвигающейся социалистической революции на путь буржуазного парламентаризма. Карательные экспедиции против восставших осенью 1917 крестьян, применение силы при проведении хлебозаготовок, ввод казачьих войск в Донбасс для борьбы с рабочим движением, формирование контрреволюционных сил для разгрома большевистской партии и Советов — всё это характерно для политики Третьего коалиционного правительства, направленной по существу на подготовку второй корниловщины.

В октябре же правительство учредило Особую комиссию Юридического совещания по составлению проекта основных государственных законов под председательством профессора Николая Ивановича Лазаревского (затем Владимира Матвеевича Гессена). С 11 по 24 октября эта комиссия разрабатывала проект новой конституции, по которой Россия становилась буржуазной республикой во главе с обладавшим широчайшими полномочиями президентом, избираемым Учредительным собранием на один год, и двухпалатным парламентом. Закончить работу комиссия не успела, и «Конституцию Российского государства» её проектанты дописывали в 1919 году уже в Париже.

Михаила Терещенко- вне родины, устье жизни

В процессе буйного и практически революционными матросами (нынче

беспрепятственного взятия Зимнего Дворца пишут – пьяными матросами) Временное правительство, без убежавшего за подмогой его председателя, судьбе покорствуя, толковало о текущих бедах в дворцовой Белой гостиной. Расправиться с министрами-буржуинами ворвавшимся штурмовикам не дал их возглавлявший Антонов-Овсеенко – будущая жертва репрессий тридцать седьмого года. На созданном позже художественном полотне он, в шляпе, призывает к революционной законности своих соратников. Рядом с ним стоит Михаил Терещенко, уверенный, волевой.

Всё завершилось перемещением экс-министров в Петропавловскую крепость, откуда они обратился с письмом на имя председателя Учредительного Собрания, испрашивая позволения явиться в Учредительное Собрание для дачи полного отчёта о своих действиях как членов правительства; в письме подчёркивалось, что они вошли в правительство *"по соглашению с представителями правомочных органов революционной демократии и наравне с нашими товарищами-социалистами свято исполняли правительственную программу"*

Как известно Учредительное Собрание не состоялось («Караул устал») и пришлось «временным», выбравшись из крепости, двинуться далее по жизни своим путём – успешным, неуспешным, даже фатальным, на родине и вне её. В числе последних был и Михаил Иванович Терещенко, и перемещение его за границу, в новую жизнь, было очень непростым.

По одной из версий, освобождения Терещенко добились мать Елизавета и жена Маргарэт. Первая выплатила властям в надежде на скорое освобождение сына сто тысяч рублей, оказавшихся этому делу только авансом. Маргарэт, как гражданка Франции, через посла своей страны добилась встречи Лениным и Троцким и предложила за освобождение Михаила Ивановича знаменитый, цены превеликой, бриллиант, прежде ей возлюбленным подаренный. Ленин категорически отказался принимать дар в обмен на свободу врагу, добивавшегося его ареста в злополучные июльские дни семнадцатого года. Троцкий же, оценивая предлагаемый выкуп как возможный финансовый вклад в

создание революционной армии, телефонным звонком, последовавшим за встречей с Маргарэт, принял её предложением.

В итоге, по тайному уговору, в вагоне для перевозки скота, да без всяких гарантий, Михаила Терещенко вывезли на нейтральную территорию, в сторону Мурманска, где его, полумертвого, подобрали и приютили на некоторое время местные жители.

А вот что написано по указанному поводу в книге Нины Ивановны Берберовой «Люди и ложи»:

«Брюс Локкарт, английский агент в России в 1918 г., в своей книге «Две революции» писал:

«(Терещенко) бежал из России через Архангельск¹²⁷¹. Он встретился там с Фрэнсисом (американским послом в России). Под именем Титова, дипломатического курьера, он пробрался северным путем в Сибирь, для воссоединения с Колчаком. Фрэнсису он сказал, что 1 августа 1917г. он получил очень выгодное предложение сепаратного мира от Германии. Он никому об этом не сообщил, кроме Керенского. Терещенко очень гордился своим поступком». («Two Revolutions». 1957, с. 294). В следующем издании этой книги (1967) Локкарт добавил: «Терещенко сделал в Лондоне весьма успешную карьеру, как финансист». (с. 87).

В заключение уместно будет дать цитату из книги американского посла Дэвида Фрэнсиса, дополняющую сообщение Локкарта:

«Вскоре после того как его назначили министром иностранных дел, я устроил себе встречи с ним ежедневно, в определенный час. В результате мы скоро подружились. Терещенко сохранял верность Керенскому, которого он ставил высоко до последних двух-трех недель перед большевистской революцией. Я не знал, что он потерял доверие к Керенскому, пока он сам мне об этом не сказал, придя ко мне инкогнито уже во второй половине октября 1918 г., в Архангельске.

Когда после падения Временного правительства, уже во время большевистского режима, немцы подошли к Петрограду на расстояние 25 миль, – что стало причиной отъезда всех союзных миссий из Петрограда, – Терещенко и другие бывшие министры были выпущены из Петропавловской крепости. Уйдя в подполье на несколько недель, Терещенко удалось пройти через линию фронта (гражданской войны) в Швецию. Он сказал мне, что до середины лета прожил в Норвегии, на ферме, принадлежавшей одному из его подчиненных. Он сказал также, что намерен пройти к Колчаку (как курьер русского посланника в Швеции, Гулькевича), а если не удастся, хотел бы поехать в Америку. Я обещал дать ему паспорт в Америку, но он все еще был в Архангельске, когда мы ушли оттуда 6 ноября 1918 г. Позже, в Лондоне, я слышал, что он находится в Стокгольме».¹⁹⁹

Если сведения о том, как и при каких обстоятельствах ушёл от большевиков Михаил Иванович Терещенко разнятся, то информация о его дальнейшей, вне России, жизни из различных источников, хотя и имеем некоторые различия, но в целом - примерно одинакова.

*И никогда не поздно снова
начать всю жизнь, начать весь путь,
и так, чтоб в прошлом бы — ни слова,
ни стона бы не зачеркнуть.*

(Ольга Берггольц)

Известно, что Терещенко, оказавшись в итоге своей беглой одиссеей в Норвегии, некоторое время не мог двинуться из неё дальше, поскольку ему было отказано во французской визе. Воссоединиться с семьёй во Франции он смог только через пять лет. Известно, что здесь он – дабы вывести своих детей из положения бастардов и дать им статус законнорожденных - оформил на ненадолго с Маргарэт свои брачные отношения, которые вскоре разорвал. Известно также, что в 1926 году Михаил Иванович вступил в брак с норвежкой Эббой Хорст.

Известно также и то, что в ситуации, когда большевики отказались выплачивать государственные долги Российской империи, на Терещенко упала ответственность за ту часть долгов, которую он брал для державы в марте 1917 года под личное поручительство (так называемый «заём свободы»). Дабы с честью выйти из создавшегося сверхсложного положения, довелось Михаилу Ивановичу продать семейную виллу в Монте-Карло, квартиры в Париже, паровую яхту «Иоланду», а также перевести банковскому дому Ротшильдов и американскому банкиру Джейкобу Шиффу все деньги семьи, лежащие в иностранных банках.

И всё же, как пишут, полностью покрыть долги не удалось: только Шифф и Ротшильды одолжили России по миллиону рублей. Они потребовали от Михаила Ивановича полного возврата долга и в конце концов предложили ему отработать то, что осталось, занимаясь ликвидацией их проблемных банков в Европе, на что тот согласился.

Взволнованно- философически о загадочном Михаиле Ивановиче пишет Александр Моисеевич Пятигорский в своём романе «Вспомнишь странного человека» (в преподнесении Людмилы Пятигорской): *«Уехав из России, Михаил Иванович «растворяется», исчезает. Прерывает контакты с людьми из «русского прошлого». Став и на Западе человеком публичным, он ухитряется сохранять анонимность. О «западном» Михаиле Ивановиче мы нигде не найдем ни строчки – ни одного упоминания в прессе, ни одного «знака присутствия»²⁰⁰.*

Новым чувствам всем сердцем отдался,
Как ребенок душою я стал;
И я сжег всё, чему поклонялся,
Поклонился всему, что сжигал.
(Иван Сергеевич Тургенев)

Михаил Иванович Терещенко умер в Монте-Карло 1 апреля 1956 года — на Пасху; по слухам - за карточным столом.

Перечень использованной литературы.

1. Щепкина-Куперник Татьяна, Отражение исчезнувших лет
2. Ковалинский Виталий Васильевич, Семья Терещенко, Киев 2003
3. Тарле Евгений Александрович, Крымская война
4. Балтрушайтис Юргис. Сочинения
5. Дневник Николая Ханенко, Киевская старина, №7-8,1896
6. Пушкин Александр Сергеевич, 2 ноября
7. На буряках, Майорский П. Киевская старина, №3, 1906
8. Ковалинский Виталий Васильевич Меценаты Киева
9. Терпигорев Сергей Николаевич, Потревоженные тени
10. Шишкин Иван Иванович. Воспоминания. Дневники.
11. Врубель Михаил Александрович. Письма к сестре
12. Верещагин Василий Васильевич. Письма
13. Романов Владимир Фёдорович. Старорежимный чиновник
14. Полетика Николай Павлович. Воспоминания.
15. Паустовский Константин Георгиевич. Попесть о жизни
16. Памяти Кистяковского, Киевская старина, 1895, №10
17. Блок Александр Александрович, Записные книжки
18. Конаев Сергей, Дирекция императорских театров
19. Коровин К. А. Воспоминания о современниках
20. Шаляпин Фёдор Иванович Письма
21. История Луганщины: Александр Ильич Зилоти
22. Оссовский Александр Вячеславович Воспоминания о Рахманинове
23. Рахманинов Сергей Васильевич. Письма
24. Безелянский Юрий Николаевич. 99 имён Серебряного века
25. Лавров Александр. Символисты и другие: Статьи, Разыскания, Публикации
26. Пахомова Анна Валерьевна, А. Н. Бенуа. Театральная деятельность
27. Ремизов А. М. Петербургский буерак
28. Бекетова Мария Андреевна, Воспоминания об Александре Блоке
29. Блок Александр Александрович, Дневник
30. Тютюкова Агнастасия Евгеньевна. Либретто балетного спектакля: эволюция текста
31. Блок Александр Александрович. Письма
32. Добужинский Мстислав Валерианович. Воспоминания
33. Тайные общества мира. Масоны, иллюминаты, розенкрейцеры
34. Пятигорский Александр Моисеевич. Вспомнишь странного человека
35. Брачёв Вмктор Степанович. Массоны в России – от Петра I до наших дней
36. Керенский Александр Фёдорович. Россия на историческом повороте
37. Белый Андрей. Автобиографические своды

38. Новиков Владимир Иванович. Александр Блок
39. Белова Нина. Александр Блок и Наталия Волохова. Снежный роман
40. Орлов Владимир Николаевич. Здравствуй, Александр Блок
41. Иванов Георгий Владимирович. Стихи о России Александра Блока
42. Фокин Павел Евгеньевич. Блок без глянца.
43. Блок-Менделеева Л.Д. Были и небылицы
44. Павлович Надежда Александровна. Воспоминания об Александре Блоке
45. Кшесинская Матильда Феликсовна. Дневники
46. Первушина Елена Владимировна. Фавориты императорского двора
47. Три самодержца. Дневники госпожи Богданович
48. Карсавина Тамара Платоновна. Театральная улица
49. Теляковский Владимир Аркадьевич. Воспоминания
50. Бенуа Александр Николаевич. Мои воспоминания
51. Соколов Николай Алексеевич. Убийство царской семьи
52. Набоков Владимир Дмитриевич. Мемуары
53. Обнинский Виктор Петрович. Новый строй
54. Ольденбург Николай Николаевич. Царствование Николая II в 2-х томах
55. Труайя Анри. Николай II
56. Князь Феликс Юсупов. Мемуары в двух книгах
57. Гиляровский Владимир Алексеевич. Катастрофа на Ходынском поле.
58. Дневник императора Николая II за 1896 год
59. Куропаткин Алексей Николаевич. Дневники
60. Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний.
61. Витте Сергей Юльевич. Воспоминания
62. Дневник императора Николая II за 1904 год
63. Грибовский Владимир Юльевич, Последний парад адмирала
64. Русско-японская война 1904 – 1905
65. Мосолов Александр Александрович. При дворе последнего императора
66. Записка прокурора Петербургской судебной палаты на имя министра юстиции
67. Врангель Николай Егорович. Воспоминания.
68. Гапон Георгий Аполлонович. Возвращения
69. Савинков Борис Викторович. Конь бледный
70. Записки Георгия Гапона
71. Рутенберг Пётр Моисеевич. Убийство Гапона
72. Троцкий Лев Давыдович. Моя жизнь
73. Воробьёв Николай Иванович. Из жизни Иваново-вознесенских рабочих
74. Розанов Василий Васильевич. Когда начальство вышло
75. Манифест Николая Второго о роспуске Второй Государственной Думы
76. Гучков Александр Иванович. Воспоминания
77. Родзянко Михаил Владимирович. Крушение империи

78. Милюков Павел Николаевич. Воспоминания
79. Варнек Татьяна Александровна. Воспоминания сестры милосердия.
80. Позднякова Татьяна Сергеевна. Виновных нет (Ахматова и Гаршин)
81. Романова Ольга Александровна. 25 глав иоей жизни
82. Дневники императрицы Марии Фёдоровны (1914 – 1920)
83. Воспоминания графини Зиновии Георгиевны Менгден
84. Соколова Вера Александровна. Российское общество Красного Креста
85. Газетные старости – русские газеты 100-летней давности
86. Казимиров Николай Яковлевич. Земство и Всероссийский земский союз
87. Русская летопись (Париж 1921 – 1925)
88. Туманова Анастасия Сергеевна. Общесивенные организации России в годы Первой мировой войны
89. Алексеев Тимофей Владимирович. Особое совещание по обороне государства
90. Лемке Михаил Константинович. 250 дней в Царской Ставке
91. Кряжев Юрий Николаевич. Военно-промышленные комитеты и экономическое положение Российской империи
92. Козодой Виктор Иванович. Александр Иванович Гучков и Великая русская революция
93. Оболенский Александр Васильевич. Моя жизнь и мои современники
94. Курлов Павел Григорьевич. Гибель императорской России
95. Глобачёв Константин Иванович. Правда о русской революции
96. Куликов Сергей Викторович. Центральный Военно-промышленный комитет накануне и в ходе Февральской революции 1917 года
97. Новорусский Михааил Васильевич. Земля и жизнь
98. Васильев Александр Тихонович. «Охранка». Воспоминания руководителей охранных отделений, том.2
99. Богданов Николай Борисович. Мой отец – меньшевик
100. Тютюкин Станислав Васильевич. Меньшевизм. Страницы истории
101. Спиридович Александр Иванович. Великая война и Февральская революция
102. Львов Георгий Евгеньевич. Воспоминания
103. Заварзин Павел Павлович. Работа тайной полиции. Воспоминания генерала корпуса
104. Васильчикова Лидия Леонидовна. Исчезнувшая Россия
105. Иорданский Николай Иванович. Сочинения
106. Рафес Моисей Григорьевич. Мои воспоминания
107. Шляпников Александр Гаврилович. Накануне 1917 года
108. Переверзев Павел Николаевич. Призван на ответственный пост
109. Протопопов Александр Дмитриевич. Государственные Думы Российской империи
110. Суханов Николай Николаевич. Наши левые группы и война

111. Воззвание Исполнительного Комитета Петросовета «К населению Петрограда и России», март 1917
112. Половцов Пётр Александрович. Дни затмения
113. Бубликов Александр Александрович. Русская революция. Впечатления и мысли очевидца и участника
114. А. Ф. Керенский: pro et contra : личность и деятельность А. Ф. Керенского в оценке современников : антология
115. Иванов Николай Иудович. Проект «Русская армия в Великой войне»
116. Пешехонов Алексей Васильевич. Перед красным террором. Тз воспоминаний о революции
117. Бурджалов Эдуард Николаевич. Вторая русская революция
118. Глинка Яков Васильевич. Одиннадцать лет в Государственной Думе
119. Игнатъев Алексей Алексеевич. Пятьдесят лет в строю
120. Энгельгардт Борис Александрович. Воспоминания о далёком прошлом
121. Николаев Андрей Борисович. Думская революция 27 февраля – 3 марта 1917 года
122. Мартов Юлий Осипович. Записки социал-демократа
123. Страхов Владимир Витальевич. Заём Свободы Временного правительства
124. История города Харькова XX столетия
125. Міхновський М. І. Самостійна Україна
126. Грушевський Михайло. Спогади
127. Соколова Мария Васильевна.. Великодержавность против национализма
128. Дорошенко Дмитрий Иванович. История Украины
129. Михайловский Георгий Николаевич. Записки Из истории российского внешнеполитического ведомства
130. Гофман Макс. Война упущенных возможностей
131. Соболев Геннадийф Леонтьевич. Тайный союзник. Русская революция и Германия
132. Космач Вениамин Аркадьевич. Большевики и Германия в годы Первой мировой войны
133. Газета «Наше слово», февраль 1915 года
134. Радек Карл Бернгардтович. Парвус. Силуэты. Политические портреты
135. Парвус Александр Львович. В борьбе за правду
136. Катков Георгий Михайлович. Февральская революция. Монография
137. Ленин Владимир Ильич. Собрание сочинений
138. Лопухин Владимир Борисович. Записки бывшего дтоектора департамента Министерства иностранных дел
139. Нольде Борис Эммануилович. Далёкое и близкое
140. Воззвание к полякам Верховного главнокомандующего
141. Кулаковский Юлиан Андреевич. Письма

142. Меморандум прусского министра внутренних дел фон Лебеля от 29 октября 1914 года. – «о целях войны»
143. Людендорф Эрих. Мои воспоминания о войне 1914 – 1918 годов
144. Айненкиель Анджей. История Польши
145. Декларация о создании Королевства Польского
146. Кривошеевский Стефан. Воспоминания
147. Ушаков Александр Иванович. Корнилов. Серия ЖЗЛ
148. Бьюкенен Джордж Уильям. Мемуары дипломата
149. Савич Никанор Васильевич. Воспоминания.
150. Левитов Михаил Николаевич. Материалы для истории Корниловского ударного полка
151. Краснов Пётр Николаевич. Воспоминания о Русской Императорской армии
152. Керенский Александр Фёдорович. Потерянная Россия
153. Репин Илья Ефимович. Переписка
154. Воззвание ко всем трудящимся, рабочим и солдатам Петрограда ЦК партии большевиков
155. Луначарский Анатолий Васильевич. Эссе «Л. Д. Троцкий»
156. Поучение Владимира Мономаха
157. Столяренко Семён Александрович. Некоторые страницы истории сахарной промышленности России
158. Биография Ю. Э. Янсона на сайте Санкт-Петербургского университета
159. Речь, сказанная при погребении в Глухове боярини П. Г. Терещенко, священником Константином Рознатовским // Златоверховников М. Д. Венок от духовного отца на гроб незабвенной Пелагеи Георгиевны Терещенко. Сумы, 1897;
160. Назаров Михаил Викторович. Убиение Андрея Киевского. Дело Бейлиса
161. Московские ведомости, 1877, № 10, 13 января.с. 4.
162. Катышев Геннадий, Михеев Вадим. Крылья Сикорского
163. Григорович Дмитрий Павлович. Большая Советская энциклопедия
164. Дунин Станислав Владимирович. Князья Кудашевы.
165. Гусаров Андрей Юрьевич. Гатчина. От прошлого к настоящему
166. Надеждин Наум Яковлевич. Игорь Сикорский. Русский витязь
167. Авиамузей. Авиазаводы Российской империи. Червоннский аэропланый завод Ф. Ф. Терещенко
168. Дорошевич Влас Михайлович. Первая гимназия
169. 169 Письма П. А. Столыпина И. Я Гурлянду. РГИА,ф.1662
170. Избиение Кассо и супругов Шрейбер. Сибирская жизнь, 18 августа 1914 года
171. Красовская Вера Михасмйловна. Русский балет начала XX века
172. Королёва Валентина Алексеевна. Императорское Русское музыкальное общество
173. Ремизов Алексей Михайлович. Собрание сочинений. Портфель
174. Головин Александр Яковлевич. Встречи и впечатления

175. Розанов Юрий Владимирович. Слово и танец
176. Ремизов Алексей Михайлович. Русалия (Алалей-и-Лейла)
177. Жирмунский Виктор Максимович. Теория литературы. Поэтика.
Стилистика
178. Глазунов Александр Константинович. Дневники
179. Бклпнчиков Михаил Васильевич. Воспоминания
180. Александр Блок в воспоминаниях современников
181. Гулд Роберт. Краткая история масонства
182. Марченко Алла Максимовна. Ахматова: жизнь
183. Гиппиус Зинаида Николаевна. Дневники
184. Галевский Вадим Моисеевич. Классический танец – Блок Л. Д.
185. Гайлит Гарри Александрович. Я живу в русском зарубежье.
186. Блюмин Георгий Зиновьевич. Очерки об Александре Блоке
187. Хрусталёв Владимир Михайлович. Тайны на крови. Триумф и трагедии
Дома Романовых
188. Апушкин, Куропаткин. Русско-японская война 1904-1905 гг. Летопись
сражений
189. Куприн Александр Иванович. Штабс-капитан Рыбников
190. Зубатов Сергей Васильевич. Зубатовщина
191. Карусева Инна Николаевна Из истории «Собрания русских фабрично-
заводских рабочих Санкт-Петербурга»
192. Романов Борис Семёнович. Император, который знал свою судьбу
193. Русская Голгофа. Агония империи и истоки революции. Он-лайн книга
194. К убийству Гапона. Новое время, СПб – 10827 (6 мая)
195. Абалкин Леонид Иванович. Экономические воззрения и государственная
деятельность С. Ю. Витте
196. Петербургская газета, номер от 5 апреля 1905 года
197. Родзянко Михаил Владимирович. Крушение империи
198. Эллис. Неизданное и несобранное
199. Берберова Нина Николаевна. Люди и логи
200. Пятигорский Александр Моисеевич. Вспомнишь странного человека

Оглавление

<p>Предуведомление Пролог Раздел первый. Становление пассионарных Терещенко Кратко об истории сахарного производства Семья Терещенко в сахарном деле Никола Терещенко и его семья Иван Николович Терещенко Александр Николович Терещенко Фёдор Николович Терещенко Фёдор Фёдорович Терещенко Раздел второй. Михаил Иванович Терещенко. Пролог Киевское детство Получение высшего образования в Московском университете и недолгое преподавание в нём Служба в конторе Императорских театров Михаил Терещенко и Алексей Ремизов Михаил Терещенко и Александр Блок Стихотворная драма «Роза и Крест» Бегло – о розенкрейцерах, масонах Ещё о масонах ... с уходом в сферу интимного Александр Блок в годы Первой мировой войны Матильда Кшесинская Михаил Терещенко – стезя большой политики Цесаревич Николай Александрович в Японии Коронация, Ходынка Война с Японией Кровавое воскресенье Кровавое воскресенье – лица и события 1905 год – вспышка и затухание Первой русской революции Первая Государственная Дума Вторая Государственная Дума Третья Государственная Дума Четвёртая Государственная Дума Первая Мировая война – лиха беда начало С емья Терещенко и Красный Крест Школа Пелагеи Терещенко Власть и общественные организации в годы войны Супердемагог Керенский – прыжок на вершину власти Смена власти Создание Временного правительства Михаил Терещенко – министр финансов Временного правительства Украина – проба становления Возвращение политэмигрантов</p>	
---	--

<p>Терещенко – министр иностранных дел Польский вопрос События июля 1917 года Выступление Корнилова Финал Михаил Терещенко – вне родины, устье жизни Перечень использованной литературы</p>	
--	--